МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Центр военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России
и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Коллективная монография

Под редакцией
А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец

Издательство «МГИМО-Университет»
2014

УДК 327
ББК66.4
Н47

Авторы:
М. В. Александров, К. П. Боришполец, Д. А. Дегтерев,
А. А. Казанцев, В. П. Козин, И. М. Попов, В. А. Рубанов,
В. А. Салтыковский, Д. О. Салюков, М. М. Хамзатов,
М. В. Харкевич, Я. А. Чижевский

Н47 **Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки** : монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, центр военно-полит. исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 874 с.

ISBN 978-5-9228-1118-78

Авторский коллектив под руководством профессора, д. и. н. А. И. Подберезкина предлагает вниманию читателей методический анализ важнейших направлений специализированных разработок, связанных с концептуальными задачами военного планирования современных государств. Особый акцент во всех тематических разделах сделан на вопросах преодоления традиционных, новых и новейших вызовов безопасности Российской Федерации. Книга представляет интерес для политиков, экспертов и профессиональных военных.

УДК 327
ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1118-7

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2014

Содержание

Раздел 1.
Оценка межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки: критерии, показатели, характеристики

К. П. Боришполец, Вводные комментарии 7

М. В. Александров, К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ 25

Д. А. Дегтерев, Прогнозирование военно-политической обстановки и компьютерное моделирование международных отношений 50

А. А. Казанцев, Актуальная проблематика в сфере военно-политической обстановки: теоретические и прикладные аспекты 131

В. П. Козин, Контроль над вооружениями и задачи обеспечения стабильности на международной арене 231

В. А. Салтыковский, Китайский ядерный фактор как элемент военно-политической обстановки международного уровня 239

М. В. Харкевич, Стратегическая картина мира с позиции современных государств 274

Я. А. Чижевский
Краткий обзор зарубежных исследовательских прогнозов военно-политического характера 290

Раздел 2.
Определение стратегических угроз на различных этапах развития военно-политической обстановки

К. П. Боришполец, Вводные комментарии 305

М. В. Александров, Россия на постсоветском пространстве: 2013–2014 гг. 315

В. А. Рубанов, Формирование стратегических угроз в информационной сфере и пути их преодоления 334

В. А. Салтыковский, Военно-политическая обстановка в АТР: разноплановость актуальных вызовов и их последствий.....482
Я. А. Чижевский, Центральноазиатские вызовы и угрозы для Российской Федерации.....489

Раздел 3.
Сценарии вероятностных изменений текущей и прогнозируемой военно-политической обстановки

К. П. Боришполец, Вводные комментарии.....549
М. В. Александров, Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства.....556
Д. А. Дегтерев, Сценарии развития ситуации на Украине: нормативные модели в изучении актуальной политической проблематики.....569
А. А. Казанцев, Сценарии изменений военно-политической и стратегической обстановки в Центральной Азии 591
Д. О. Салюков, Проект: «Военно-политическая карта мира: интерактивный сценарный подход» 642

Раздел 4.
Войны XXI века: стратегические гипотезы и прогнозы

К. П. Боришполец, Вводные комментарии. 651
И. М. Попов, О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов 659
М. В. Харкевич, Качественные показатели, определяющие характер войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период 836
Я. А. Чижевский, Будущее войны: асимметричный конфликт.....842

Раздел 1.
Оценка межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки: критерии, показатели, характеристики

К. П. Боришполец
Вводные комментарии

Оценка военно-политической обстановки в межгосударственном и внутригосударственном измерениях является базовым условием обеспечения национальной безопасности страны. Особая роль при этом принадлежит прогнозным заключениям, которые по своему смыслу остаются вероятностными, но существенно повышают определенность целеполагания при принятии решений. В практике известны различные подходы к формированию такого рода заключений.

В рамках академических исследований преобладает сочетание нормативного и эмпирического подходов с опорой на крупные теоретические концепты (основные — неореализм, неолиберализм, конструктивизм), каждый из которых предлагает свой набор показателей и критериев, характеризующих ресурсы, интересы и результативность деятельности участников международного взаимодействия. Главным различием этих концептов выступает противоположность понимания международных процессов: для реалистов их суть заключается в межгосударственных конфликтах за право доминирования в международной среде, а для либералов — в стремлении к сотрудничеству и устранению внутренних и внешних препятствий к его развитию. Популярные в постбиполярный период идеи конструктивизма, сторонники которого пытаются сочетать прикладные положения (показатели, критерии

классификации, модальные обобщения и т. д.), используемые неореалистами и неолибералами, не обеспечили разработку универсальных положений для систематизации профильной информации. Вероятно, гипотетической равнодействующей трех подходов мог бы выступить тезис о формировании баланса сил, который был бы, с одной стороны, открыт для продвижения сотрудничества, а с другой, не приводил к «катастрофам», т. е. скачкообразным качественным изменениям обстановки на международном и внутристрановом уровне. Но такая задача в рамках основных парадигмальных установок (неореализма и неолиберализма) не имеет положительного ответа, и речь может идти только о создании отдельных прикладных инвариантов стратегических решений.

Как нормативный, так и эмпирический подходы предполагают возможность моделирования с применением формализации и квантификации (в том числе математические модели), а также с использованием индексирования, процедур статистической обработки и различных процедур экспертных оценок. При этом моделирование и экспертные оценки, которые на практике выступают как взаимодополняющие аналитические средства, являются вспомогательным инструментом, помогающим специалистам сделать правильные рекомендации для военно-политического руководства страны. Основные параметры и переменные величины квантифицированных моделей военного прогнозирования вводятся в систему военными специалистами, действующими на основе своего опыта и знаний. Обычно внимание аналитиков сосредотачивается на факторе военной силы, как наиболее значимом компоненте национальной мощи и обеспечения безопасности. Примером прикладной разработки является предложенная квантифицированная (математическая) модель прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ (А. В. Александров). Для проведения углубленного исследования моментов национальной безопасности РФ, связанных с контролем над вооружения-

ми, целесообразно включить показатели по ключевым проблемам СНВ,ТЯО, ПРО, ДОВСЕ (Козин В. П.).

Вместе с тем необходимо учитывать, что, во-первых, на современном этапе существует большое количество квантифицированных вариантов прогнозирования военно-политической обстановки, что наглядно подтверждает краткий обзор зарубежных прогнозов военно-политического характера (Я. А. Чижевский), во-вторых, что оно тесно переплетается со среднесрочными и долгосрочными экономическими прогнозами, подготовленными на базе специализированных моделей (Д. А. Дегтерев), в-третьих, что в последние два десятилетия все большую роль в контексте военно-политического прогнозирования внутренней и международной обстановки, проводимого в США и странах ЕС, играет учет новых вызовов и угроз (А. А. Казанцев). В частности, в экспертной проработке учитываются такие показатели, как взаимодействие государственных и негосударственных акторов в новых типах операций, частные аспекты опыта «глобальной войны с терроризмом», иракской и афганской кампаний, роль сетевых структур и технологий во внутренней и внешней политике, развитие «мягкой силы» как нового способа обеспечения безопасности. Все эти показатели являются, с одной стороны, самодостаточными индикаторами при описательной характеристике развития ситуации или основой для формализованного (с последующей квантификацией) моделирования на глобальном, региональном или локальном уровнях анализа. При адекватной коррекции они вполне могут быть применимы в отечественной практике. Вместе с тем необходимо отметить пилотный характер большинства зарубежных разработок в области методологии анализа новых вызовов и угроз, преобладающую «завязку» на конкретный эмпирический материал и, следовательно, ограниченные возможности экстраполяции, а также неоднозначность способов перехода от краткосрочного и среднесрочного прогнозирования к прогнозированию долгосрочному.

С учетом реалий последних десяти–пятнадцати лет и соответственно нескольких ближайших десятилетий, при оценке показателей и критериев межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки, как и стратегической обстановки в мирное время необходимо обратить особое внимание на роль субъективных культурно-исторических и военно-политических особенностей участников международного взаимодействия, которые формируют широкую глобальную среду и одновременно существенно влияют на соотношение сил при решении конкретных международных проблем. В этой связи популярным, но все еще преимущественно поисковым направлением, является анализ стратегических ориентиров восточных держав, таких как КНР и Индия, который пока не достаточно интегрирован в комплекс «западных» представлений как о «жесткой», так и «мягкой» силе в международном взаимодействии. Тем не менее, именно учет долговременных факторов, тесно связанных с культурной и внутриполитической эволюцией восточных обществ позволяет предметно оценить многие крупные проблемы, в частности значимость китайского ядерного фактора в контексте региональной конфликтной проблематики и формирования системы отношений с мировыми державами и странами регионального окружения (В. А. Салтыковский). Наземный, морской и формирующийся космический компонент китайской военной мощи, наметившийся разворот к обеспечению безопасности киберпространства развиваются под влиянием таких, отрефлексированных руководством страны моментов, как нерешенные в биполярную эпоху конфликты, возможности страны в области ограниченного ядерного сдерживания в регионе и пока еще минимального сдерживания в глобальном масштабе. В то же время, подчеркнуто приписывая себя к числу развивающихся и уязвимых стран, КНР не против поддержания неопределенности относительно масштабов своих военных преобразований (модернизации). Тем временем внут-

ри страны идет процесс формирования массовой психологии, характерной для великой и очень амбициозной державы. Эта психология строится на сочетании конфуцианских стереотипов с установками, типичными для политического реализма, т. е. максимизации представлений о жесткой международной конкуренции как главного средства реализации национальных интересов. Учитывая, что на сегодняшний день не существует договоренностей, количественно ограничивающих наступательный ракетно-ядерный арсенал КНР, китайский ядерный фактор приобретает все большую значимость как элемент стратегического развития.

Академическая аналитика предлагает широкий спектр важных характеристик стратегической обстановки в мирное время, в ходе международного и внутреннего военных конфликтов, а также разнообразие методов оценки соответствующих критериев и показателей. В этом смысле она является фактором, активно формирующим политическую практику в государственном, ведомственном и общественном измерениях. Однако было бы ошибочно отождествлять процесс принятия профильных решений с теми или иными исследовательскими проектами. Речь идет скорее о востребованности результатов научного, т. е. в идеале — объективного осмысления, которые обобщаются и систематизируются в субъективных интересах участников международного взаимодействия (акторов). В этой связи имеет место сочетание эмпирического и нормативного подходов к определению трендов в области безопасности, которое концептуально отражено в стратегиях безопасности ведущих стран мира.

Анализ действующих концепций национальной безопасности позволяет очертить представление ведущих государств об условиях безопасности в современном меняющемся мире и определить основные национальные подходы к обеспечению этих условий. Другими словами, складывается стратегическая картина мира, остающегося, несмотря на растущую роль

международных неправительственных структур, — миром государств-членов мирового сообщества (М. В. Харкевич).

Необходимо подчеркнуть, что во всех концептуальных документах основной характеристикой современного мира утверждается неопределенность. В условиях неопределенности естественным становится инициативный подход к обеспечению национальной и международной безопасности как к позитивной системе взаимодействия. Но при этом государства определяют безопасность не просто как отсутствие военной угрозы, но одновременно и как распространение определенных ценностей, структур; увязывают безопасность с экономическим развитием и выполнением условий экономического сотрудничества в целях развития. Тем самым усиливается общий разрыв между представлениями о «должном» и «сущем» в международных делах, повышается уровень противоречий, конфликтности, военных вызовов. Западные государства также связывают безопасность с политической свободой. Безопасность, таким образом, приобретает нормативное содержание, что естественно для ситуации неопределенности, но также объективно усиливает тренд конфликтности.

Неопределенность в мировой политике связана с высокой скоростью изменений, значительным усилением за счет новых информационно-телекоммуникационных технологий, «выравнивающих» потенциал ранее слабых акторов, а также эрозии правовой составляющей мировой политики. Основной вопрос мировой политики сегодня де-факто заключается в том, ценностям и интересам каких государств или негосударственных образований будет соответствовать институциональная и нормативная структура мирового сообщества XXI века. Этот вопрос отражен и в анализируемых документах. Государства четко определяют в них ценностное и институциональное лицо мира, который бы наилучшим образом обеспечивал их безопасность. Например, условиями глобального лидерства США, а значит и их безопасности, признаются такие моменты, как

региональная открытость (для американского присутствия), ресурсная доступность (различных по локализации источников) и экономичность вооруженных сил.

Западные государства продолжают ориентироваться на либеральную модель международных отношений, в основе которой лежат ценности политической, экономической и институциональной свободы, прав человека и капиталистической модели экономического развития.

Россия и Китай, а также частично Бразилия во главе своего списка ценностей помещает суверенитет и территориальную целостность. Повестку дня государств БРИКС в сфере безопасности не следует рассматривать как негативную. Данные государства активно воспроизводят в своей политике фундаментальные ценности и институты Вестфальской модели мира, которая стала складываться с Вестфальских мирных договоров 1648 года в Европе и окончательно кристаллизовалась в Уставе ООН в 1945 году, распространившись на весь мир. Основной ценностью данной модели является независимость (автономия), а основным институтом — суверенитет.

Анализ национальных стратегий безопасности и обороны ведущих государств мира позволяет сделать заключения, важные для России. В самом общем виде они могут быть сформулированы как необходимость активного укрепления оборонного потенциала страны с учетом факторов модернизации вооруженных сил, открытия новых сфер международной конкуренции, повышающих конфкликтную составляющую мировой политики, обострения борьбы за ресурсы и потенциальных союзников на мировой арене.

В целом, в академических разработках и официальных концепциях ведущих государств логика анализа глобальной стратегической обстановки в мирное время пока преобладает над логикой анализа конфликтных ситуаций. Но такое состояние является неустойчивым, и де-факто мир в своем развитии вступил в межвоенный период.

Что касается проекции универсальных парадигмальных оценок международного взаимодействия на область показателей и критериев перспективной практической деятельности, следует подчеркнуть, что реализм (неореализм) с его ориентацией на максимальное продвижение национальных государственных приоритетов очень эффективен при тактических построениях, однако при планировании за пределами краткосрочной и особенно среднесрочной перспективы возрастает значимость либеральных (неолиберальных) подходов в том, что касается учета интересов партнеров, а в широком смысле — реакции среды на односторонние действия конкретного актора. Поэтому методология прогнозного проектирования предполагает внесение динамического элемента цикличности по принципу: «прорыв» и нарушение баланса сил на мировой арене — «восстановление равновесия»

Общая характеристика и методология оценки развития военно-политической обстановки предполагает анализ способов прогнозирования качественных и количественных показателей на долгосрочный период. Успешное долгосрочное планирование в этой сфере открывает значительные возможности проведения инициативной политики с учетом положительных и негативных стимулов внутристрановой или международной среды, принятия превентивных мер, рациональных решений и общей минимизации затрат на их реализацию. Одновременно в академических и прикладных исследованиях на этом направлении указываются и значительные практические ограничения в области долгосрочного планирования: 1) Необходимость обобщения большого количества разнообразной информации, в том числе привлечение специализированных знаний по точным и естественным дисциплинам. 2) Нарастание фактора неопределенности и накопления возможных ошибок по мере перехода от краткосрочного к среднесрочному и особенно стратегическому прогнозированию. 3) Отсутствие (несмотря на достижения синергетики) надежных средств учета «форс-мажорных» обстоя-

тельств (соотношение закономерного и случайного). 4) Фоновое влияние неформальных моментов, специфических на каждом отдельном этапе развития ситуации и в каждом отдельном случае. 5) Человеческий, а точнее, кадровый потенциал ведения и реализации проектов, необходимость принятия решений не по фактическому положению дел, а лишь ожидаемым событиям, выходящими к тому же за сроки пребывания того или иного руководителя на ответственном посту.

Тем не менее, востребованность долгосрочного и особенно стратегического прогнозирования продолжает нарастать. На современном этапе оно может рассматриваться не только как инструмент познания, но и конструирования будущего. Например, форматы планируемого технологического прорыва одного из членов мирового сообщества, во многом определяют характер поисковых разработок других государств, и новый технологический цикл начинает складываться задолго до того, как он будет определен и осознан. Важную роль в создании будущей картины мира играют и долгосрочные прогнозы относительно истощения природных ресурсов, изменения климата, демографических трендов и т. д. Другими словами, долгосрочное прогнозирование является сегодня активным способом управления реальными событиями, состоящим, как из истинных, так и из ложных, «шумовых» импульсов. Однако при взвешенном подходе к его применению позитивные моменты, безусловно, преобладают над рисками.

Разработка и (или) использование методов прогноза значений показателей и критериев военно-политической и стратегической обстановки на долгосрочный период осуществляется по нескольким направлениям. К первой группе методического инструментария могут быть отнесены описательные аналитические обобщения характеристик актуального военно-технического потенциала мировых держав, в частности, состояния и перспективы развития ракетно-ядерных, противоракетных и обычных вооружений США и их последствия для национальной

безопасности Российской Федерации в среднесрочной и долгосрочной перспективе (В. П. Козин). В рамках этого подхода, формирующего основное внимание при построении прикладных показателей уделяется точности технических параметров состава стратегической «триады» и других компонентов военного потенциала, а также ожидаемых изменений, вводимых дополнительных или новых типов вооружений, данных о военно-техническом проектировании с определением влияния зафиксированных параметров на ресурсы военной мощи и возможности ее адаптации к вызовам международной среды.

Такой подход позволяет с высокой степенью объективности оценить изменения системных способностей ведущего участника современной международной конкуренции к применению силы за пределами своей территории и защиты от силового воздействия со стороны внешних противников. Для этого анализируются четыре основных направления развития вооруженных сил Соединенных Штатов, в том числе 1) перспективы усовершенствования их ракетно-ядерных средств, включая долгосрочную модернизацию стратегических и тактических ядерных вооружений, возможные последствия развертывания глобальной противоракетной системы (в частности учитываются итоги реализации первого этапа «Европейского поэтапного адаптивного подхода» (ЕПАП) к развертыванию системы противоракетной обороны в 2011 году и на продолжающееся осуществление второй фазы указанной программы, намеченной на 2012–2015 годы), 2) особенности развертывания системы ПРО США и их союзников в АТР и Азии, 3) особенности американской системы ПРО морского базирования, на которую падает основная часть американских ракет-перехватчиков, 4) процесс совершенствования обычных, в том числе гиперзвуковых вооружений повышенной дальности.

В целом, система качественно-количественных показателей и критериев (индикаторов) формируется в рамках четырех логически взаимосвязанных модулей: 1) перспективы развития

ракетно-ядерных вооружений (характеристики долгосрочной модернизации СНВ и усовершенствование ТЯО), 2) последствия создания глобальной системы ПРО (итоги первого этапа ЕПАП и выполнение второго этапа ЕПАЛ, развитие системы ПРО морского базирования, особенности развертывания системы ПРО в АТР и Азии), 3) анализ ядерной доктрины и перспективы ее адаптации к военно-политической обстановке, 4) совершенствование обычных, в том числе гиперзвуковых вооружений. Завершающим пятым модулем выступает детерминированный прогноз развития вооруженных сил и вооружений США до 2099 года.

Достоинством изложенного подхода к разработке и применению качественно-количественных показателей выступает сочетание описания военно-технических аспектов стратегического развития военного потенциала с подробным анализом последних редакций американской ядерной доктрины. Включение доктринального компонента позволяет, во-первых, проводить дополнительную верификацию декларируемых американским ВПК намерений, а, во-вторых, уточнить основные положения стратегического прогноза ключевых условий развития вооруженных сил и вооружений США до 2099 года с соответствующей проекцией возможных угроз национальной безопасности Российской Федерации, например устойчивой тенденции выдвижение средств передового противоракетного базирования через акваторию мирового океана к берегам России с целью усиления наземной составляющей ПРО на европейском континенте.

Ко второй группе разрабатываемого методического инструментария составляют подходы, опирающиеся на математические процедуры различной сложности, и формирующие пространство преимущественно количественных показателей могут быть отнесены: компьютерное моделирование международных отношений, контент-анализ социальных сетей, теоретико-игровой анализ международных отношений, нечеткие множества в задачах прогнозирования (Д. А. Дегтерев).

Характерной особенность этих способов формирования прогнозных заключений является изначальная «заточенность», даже в случае ввода качественных индикаторов, на использование вычислительной техники и широкие возможности для анализа вариативности конечных результатов изучаемых процессов при заданных изменений исходных данных. Тем самым многократно расширяется охват фактологического материала, динамичность его мониторинга и корректировки. Но одновременно повышаются формальные требования к содержанию качественных критериев сортировки «важных» и «неважных» для целей конкретного проекта сведений.

В настоящее время каждое ориентированное на использование вычислительной техники направление работы с количественными показателями (индикаторов) имеет много разновидностей. Так множество компьютерных моделей, позволяющих анализировать общие параметры международной ситуации, можно разделить на несколько категорий, так или иначе связанных с определением фоновых моментов развития военно-политической обстановки в ее различных измерениях. К наиболее простым компьютерным моделям по международной проблематике относятся международные системы антикризисного реагирования, получивших распространение во многих странах. Спектр использования данных систем огромен — от улучшения климатического мониторинга и прогнозирования эпидемий редких заболеваний до картирования и классификации экосистем и управления водными ресурсами. К более сложным системам компьютерного моделирования, связанным уже с интерпретацией сравнительно отдаленных во времени первичных данных, относятся системы анализа и прогнозирования. Четкой границы между моделями кризисного реагирования и системами анализа не существует, поскольку на основании фиксирования пороговых (критических значений) и последующего прогнозирования ситуации предпринимаются действия по превентивному урегулированию кризиса. Кроме

того, к компьютерным моделям международных отношений относятся разнообразные модели международных конфликтов; модели международных переговоров, модели, имитирующие процесс принятия решений в кризисных ситуациях; модели баланса сил и мирового развития и др. Все они строятся на объединении в единую логическую цепочку специфических разномодульных индикаторов, круг которых, с одной стороны, постоянно варьируется и расширяется, а с другой — обладает неким постоянным ядром, доступным для внешней содержательной верификации. Характерно, что во многих задачах, связанных с компьютерным моделированием в международных отношениях, используется метод скрытых Марковских цепей (HMC). В ходе этой процедуры значения некоторых объясняющих переменных многократно «разыгрываются» по заданным распределениям вероятности с определенными значениями их параметров (среднее значение, дисперсия), а потом оцениваются вероятности различных значений объясняемой переменной. Скажем, для одной случайной переменной используется равномерное распределение, для другой — нормальное. С точки зрения математики здесь речь идет об определении совместного распределения вероятности при известных условных распределениях для нескольких случайных переменных. Для реализации метода еще в 1980-х годах на западе была разработана и теперь широко используется вычислительная процедура под названием «Gibbs sampling». Соответствующий алгоритм известен также как MCMC (Markov Chain Monte Carlo), он реализуется в виде компьютерных программ типа GAGS (Just another Gibbs sampler). Термин «цепь» (Chain) в данном случае означает последовательное вычисление значений переменных. Реализация того или иного исхода каждый раз определяется с помощью датчика случайных чисел. Таким образом, при просчитывании цепи реализаций, по сути, проводится своего рода численный эксперимент. Для достаточно точного вероятностного моделирования необходимо просчитать десятки или даже сотни

тысяч таких цепочек, что без компьютера просто невозможно сделать. В русскоязычной литературе эта процедура не столь детально разработана и обычно рассматривается просто как одна из имитационных разновидностей метода Монте-Карло.

Кроме того, в ряде компьютерных моделей международных отношений широко используются теоретико-игровые методы, позволяющие просчитать все возможные сценарии развития ситуации и выбрать из них наиболее оптимальный.

Компьютерное моделирование международных отношений представляет собой современный, высокотехнологичный инструмент анализа международной среды, однако процесс формализации реальных процессов, является основной причиной неадекватности прогнозов, сделанных с помощью данного метода при субъективном (а нередко — и волюнтаристском) характере принятия решений лидерами государств на международной арене.

Контент-анализ социальных сетей, как и компьютерное моделирование международных отношений, может использоваться для изучения фоновых условий военно-политической обстановки, причем с учетом событий «Арабской весны», второго издания «Оранжевой революции» на Украине и т. п. Значимость этого методического инструментария в прогностических целях возрастает. Техника методики контент-анализа хорошо апробирована, и основная исследовательская задача состоит, главным образом, в определении набора ключевых словарных категорий, используемых во взаимосвязи с эмоциональным состоянием индивидов, для последующей обработки лексических материалов, подобранных для целей проекта. Но контент-анализ социальных сетей объективно имеет ограниченную прогностическую значимость и не может применяться для стратегического прогнозирования.

Более адекватным целям стратегического прогнозирования является теоретико-игровой анализ различных аспектов взаимодействия на внутристрановом и международном уровне.

Различные типы игровых моделей, каждый из которых предполагает, во-первых, разные ситуационные обстоятельства для своего применения, во-вторых, по-разному рассматривает состав необходимых для анализа переменных, в-третьих, по-разному определяет необходимость дифференциации потенциала участников, успешно применяются для изучения военно-политической обстановки. Лежащая в их основе Теория игр продолжает играть роль «полиции логики», делая более четким неформализованный политический анализ в рамках глобальных экспликативных теорий, в особенности неореализма и свойственному в этой связи стремлению к максимизации одностороннего выигрыша.

Учитывая, что в рамках прикладных задач прогнозирования, как правило, приходится принимать решения в условиях неопределенности, значительного внимания заслуживает обращение к нечетким множествам, позволяющему «выйти» на формализованных алгоритм обработки информации с последующим переходом к комплексному моделированию ситуации или процесса, связанного с изменением военно-политической обстановки.

Таким образом, ориентация на разработку и использование количественных, а точнее, количественно-качественные показатели в аналитической деятельности определяет масштабный методологический сегмент формирования долгосрочных и стратегических перспектив военно-политической обстановки в ее различных пространственных измерениях.

Потребностям оптимизации качества прогнозов военно-политической обстановки, особенно в плане концептуального осмысления перспективных вызовов и рисков отвечают новые научно-экспертные подходы к вопросам военного планирования и обеспечения международной безопасности, а также целевая разработка конкретных методов определения прогнозных показателей на основе экспертного опроса ученых-международников и специалистов в смежных отраслях (А. А. Казанцев). Они

позволяют максимизировать фактор нетривиальных профильных знаний, которыми обладают высококвалифицированные специалисты, минимизировать, путем обобщения предметных заключений, возможности значительных «субъективных» искажений и обладают высокой степень динамичности при подготовке итоговых выводов.

В этой связи статистически заначимое множество ответов по тематическим разделам: А) Угрозы национальной безопасности и количественные аспекты военного планирования и Б) Каково может быть реальное (а не желаемое) соотношение, с одной стороны, военной, с другой стороны, экономической и «мягкой» силы России в обеспечении ее безопасности, которые включали содержательно важные смысловые подкомпоненты, обеспечивает полезные в практической деятельности результаты. Применение процедуры экспертного опроса на основе проработанных качественно-количественных и количественно-качественных критериев полезно, прежде всего, для определения в первом приближении характера будущих внешних угроз, поиска союзников, прогноза развития угроз в разных регионах на соответствующие периоды долгосрочной и стратегической перспективы. Они также могут учитываться в планировании общих параметров развития структуры военной организации государства и вооруженных сил, вплоть до указания на потребность в конкретных подразделениях и системах вооружений. Например, для сохранения потенциала стратегического сдерживания в отношении иностранных держав нужны одни силы и системы (высокотехнологичные стратегические силы), для эффективных действий в условиях региональных конфликтов — другие (обычные силы), для противодействия новым угрозам безопасности — третьи (спецназ, разведка, связь, кибероружие, и т. п.).

Экспертное прогнозирование, выступает эффективным методическим средством, позволяющим снизить в первом приближении неопределенность представлений об угрозах нацио-

нальной безопасности РФ и количественных аспектах военного планирования (А. А. Казанцев). В составе опросного листа, с которым работали специалисты, было включено двенадцать специальных вопросов, которые нужно было оценить в процентном отношении по стобалльной шкале и применительно к нескольким временным этапам — через 15, через 30 и через 50 лет. В число вопросов входили такие как «соотношение военных потенциалов конкурирующих великих держав», «военные расходы России по отношению к ВВП», «необходимая доля увеличения экономико-российского технологического потенциала», «потенциал, необходимый России для нейтрализации локальных конфликтов», и т. д.

Сходным по технике с предыдущим вариантом экспертного опроса (экспертных оценок) в области военного планирования является пример определения факторов, повышающих или понижающих оценку военного потенциала России, необходимого для преодоления международных угроз (А. А. Казанцев). Анализ результатов экспертного прогнозирования позволил предложить специализированный алгоритм военно-стратегического планирования с учетом международных факторов: «необходимый военный потенциал России на соответствующий период времени = военные потенциалы конкурирующих великих держав X экспертную оценку технологического потенциала великих держав (в сферах, сенситивных с точки зрения развития военных технологий) X демографический потенциал великих держав с учетом качества человеческого капитала (образование, здоровье) (экспертный прогноз) X потенциал, необходимый для нейтрализации локальных конфликтов и нетрадиционных угроз безопасности / фактор стратегического сдерживания (прежде всего, ядерного) X возможности нейтрализации угроз безопасности при помощи «мягкой силы» России X нейтральная или дружественная позиция соседних государств и великих держав (экспертный прогноз) X общий потенциал сохранения стратегической стабильности в мире и сотрудничества в преодолении

новых угроз за счет баланса сил, экономического сотрудничества и работы международных организаций (экспертный прогноз) X экспертное выделение ключевых с точки зрения наших национальных интересов регионов и прогноз развития конфликтов в них с учетом возможности, что Россия может быть непосредственно втянута в соответствующие конфликты (в целом ряде регионов мира, например, в Африке или Латинской Америке, мы вполне можем избежать прямого втягивания в конфликты и планировать военный потенциал с учетом только интересов в ключевых регионах, к которым относятся, видимо, регионы, непосредственно к нам прилегающие)». Данная формула предполагает проведение серии экспертных опросов среди специалистов в различных сферах и в принципе может быть использована для прогнозирования в различных временных интервалах.

Экспертные опросы и другие форматы обобщения частного знания, личностных аналитических компетенций высококвалифицированных специалистов являются по своему характеру в большей степени чрезвычайным, чем рутинным аналитическим инструментом. Его применение становится особенно оправданным в случаях кризисного или предкризисного реагирования, когда с особенной остротой ощущается потребность принятии четких оперативных решений, а также в контексте разработки концептуальных оснований для проектов в области стратегического планирования.

М. В. Александров
К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ

Военное планирование является важнейшей функцией политического и военного руководства любой развитой страны, особенно великой державы. От качества военного планирования может зависеть очень многое в судьбе каждого государства, включая его физическое выживание. Не случайно, в настоящее время роль военного планирования в политике ведущих западных держав постоянно возрастает. Повышается внимание к военному планированию и в РФ. Но в этой области наша военная наука изрядно отстает, причиной чему явился развал военной организации государства в 1990-е годы. К сожалению, отголоски тех событий дают себя знать и по сей день. Определенную негативную роль сыграла и деятельность на посту министра обороны А. Э. Сердюкова, который бездумно сокращал военные учебные заведения и научные организации. Сейчас российская военная и политологическая мысль находится в активном поиске новых решений, которые позволили бы упорядочить систему военного планирования, лишить ее субъективизма и наделить новейшим технологическим аппаратом.

Это необходимо по той простой причине, что система военного планирования в современном мире постоянно усложняется вследствие объективных процессов. Растет многофакторность мировой системы, увеличивается почти до бесконечности количество элементов, которые приходится учитывать для составления прогноза развития военно-политической и стратегической ситуации. А без адекватного прогноза никакое серьезное военное планирование не возможно. Это уже будет не планирование, а гадание на кофейной гуще. К сожалению, на практике получается именно так, что в России решения о приоритетах военного строительства принимаются интуитивно, без серьезного научного анализа. И это объясняется не только субъективизмом при принятии решений, но и тем, что надлежащая система прогнозирования развития военно-политической и стратегической ситуации еще не создана.

В прошлые времена военное планирование базировалось на прогнозах единичных военных специалистов. Чуть позже такие прогнозы оказались непосильными для отдельных людей. Поэтому появились экспертные группы, которые затем развились в целые научные институты. Но даже для таких относительно больших коллективов стало затруднительно обрабатывать весь массив информации, необходимый для прогнозирования развития военно-политической и стратегической ситуации в мире. На помощь пришли современные технологии. Появилась возможность компьютерной обработки данных и моделирования различных процессов от военного строительства до перспектив политического развития отдельных стран и регионов. Сейчас различные математические модели военного прогнозирования используются, например, в странах НАТО, Австралии и Китае.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что математические модели не заменяют и не могут заменить экспертных оценок. Они являются лишь вспомогательным инструментом, помогающим экспертам прийти к тому или иному выводу и сделать правильные рекомендации для военно-политического руководства стра-

ны. Другим преимуществом такого моделирования является возможность быстрого получения результата, что особенно актуально, когда высшему руководству страны требуется срочно принять решение по тому или иному вопросу. Наконец, математические модели позволяют уменьшить степень субъективизма в прогнозах и оценках, так как они построены на определенной логике, утвержденной и одобренной различными инстанциями. И отменить эту внутреннюю логику работы системы без изменения самой модели невозможно. А изменение модели не может быть единоличным решением, так как потребует новых согласований.

Следует также учитывать, что основные параметры и переменные величины любой математической модели военного прогнозирования вводятся в систему военными специалистами, действующими на основе своего опыта и знаний. Ну и последнее. Сама методология работы такой системы создается на базе политологической теории и военной науки. Вот об этом последнем обстоятельстве хотелось бы поговорить особо. Ведь выбор правильной методологии построения модели прогнозов является главной предпосылкой ее эффективности.

В этой связи хотелось бы предложить ориентированный на потребности отечественной управленческой практики вариант модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ.

Концептуальная основа модели

В настоящее время уже существует множество моделей прогнозирования для различных областей человеческой деятельности. Особенно широкое распространение такие модели получили в сфере экономики. Имеются также модели научно-технического, демографического, социального прогнозирования и даже прогнозирования в сфере криминалистики.

В то же время возможность применения методологии этих моделей для анализа развития военно-политической

и стратегической ситуации вызывает определенные сомнения. (Речь в данном случае идет не о математическом аппарате модели, а о той методологической логике, которую математический аппарат должен затем оформить).

Дело в том, что прогностическая модель должна правильно отражать явления и закономерности именно той сферы человеческой деятельности, на которую она нацелена. Понятно, что экономическая и военно-политическая сферы деятельности, хотя и перекликаются в различных аспектах, но являются далеко не однородными. Поэтому для системы военно-политического прогнозирования следует выработать (или применить) свою собственную методологию.

По мнению автора, в основу методологии предлагаемой модели прогнозирования развития военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ можно было бы положить теорию политического реализма. Эта теория была разработана американским политологом Гансом Моргентау (1904–1980) в конце 40-х годов прошлого века. Среди других видных сторонников американской школы политического реализма можно назвать Дж. Кеннана, К Томпсона, Ч. Маршалла, Л. Халде и Ф. Шумана.

Основной тезис политического реализма, сформулированный Г. Моргентау, состоит в том, что цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой[1]. Преимущество данной теории состоит не только в том, что ее правильность доказана всей историей международных отношений, но также и в том, что ее основополагающая категория «сила» является исчисляемой величиной и может быть выражена математически.

Необходимо также отметить, что теория политического реализма не может быть применена к прогнозированию внут-

---

[1] Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, Fifth Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf, 1978.

ренних военных конфликтов, так как изучает закономерности международных отношений. А закономерности внутриполитического развития государств подчиняются несколько иной логике и требуют для своей оценки другого методического аппарата.

Основные понятия методологии модели

Сила государства. Любое государство обладает силой. Это объясняется тем, что у любого государства существует определенный набор характеристик, наделяющих его силовыми свойствами. У любого даже самого маленького государства есть своя территория, есть какие-то природные ресурсы, есть население, которое живет и работает, а следовательно, у каждого государства есть какая-то экономика. Наконец, государству приходится поддерживать некий порядок на своей территории и как-то контролировать собственные границы. А следовательно, у любого государства есть определенный аппарат принуждения, имеющий силовой потенциал. Все эти и некоторые другие факторы вместе взятые и составляют силу государства[2].

Военная сила. Военная сила — это совокупность ресурсов и инструментов ведения войны, имеющихся в распоряжении

---

[2] Сила — это совокупность материальных и нематериальных ресурсов, имеющихся в распоряжении государства. Понятие «сила» в ее различных конфигурациях является исчисляемой величиной и подлежит количественной оценке. Силу государства можно выразить математически. Особенно легко это сделать в отношении тех параметров силы, которые поддаются количественной оценке.

К количественным параметрам силы государства можно отнести такие факторы как: размер территории, природные ресурсы, людские ресурсы, объем экономики, численность вооруженных сил итд.

К качественным параметрам силы следует отнести: научно-технический потенциал, интеллектуальный потенциал, морально-политическое состояние общества, особенности национального характера, эффективность государственного управления и некоторые другие факторы.

Исчисление качественных параметров силы — более сложная задача, но тоже вполне решаемая. Эти параметры можно исчислять в относительных величинах, применительно к какому-нибудь условному эталону.

государства. Военная сила представляет собой часть общей силы государства, причем очень существенную ее часть. В определенном смысле можно утверждать, что в сегодняшнем мире военная сила является концентрированным выражением всех других компонентов национальной мощи. Ведь понятно, что современные вооруженные силы не могут быть созданы без развитой экономики, высокого уровня научно-технического развития, грамотного населения и адекватной логистики[3]. В различные времена роль военной силы в реализации национальных интересов оценивалась по разному. Но даже в те времена когда военная сила не используется напрямую, или используется крайне ограничено, это вовсе не означает, что она утратила свою роль. Военная сила всегда обеспечивает косвенное, политическое прикрытие для использования других форм принуждения в отношении различных субъектов международных отношений. Если бы военная сила отсутствовала или была неадекватной, то и другие инструменты влияния не работали бы. Идеализация экономического или гуманитарного измерения силы в последние десятилетия продемонстрировала явную несостоятельность.

Система международных отношений. Государства существуют не сами по себе. Они взаимодействуют с другими государствами в самых различных сферах и формах. Комплекс этих взаимоотношений можно назвать «мировой системой» или «системой международных отношений». Все государства, хотят они или нет, вынуждены участвовать в этой системе. Полностью отгородиться от внешнего мира в истории не удавалось никому. Даже Китай и Япония, сознательно проводившие политику ограничения внешних связей, вынуждены были в конечном итоге вступить в контакты с другими государствами.

---

[3] Военная сила включает в себя следующие основные компоненты: количество и качество военной техники, численность, уровень подготовки личного состава и его морально-политическое состояние, эффективность системы военного управления, возможности мобилизационного развертывания, систему военной логистики и некоторые другие факторы.

Национальные интересы. Взаимодействие государств между собой приводит к возникновению у них интересов, связанных не только с внутренним развитием, но и с их положением в системе международных отношений. Внутренние и внешние интересы часто бывают взаимосвязаны, причем иногда напрямую. Интересы, которые лежат преимущественно во внешней сфере принято называть «национальными интересами».

Следует, однако, учитывать, что понятие «национальный интерес» появилось в русском языке как калька с западноевропейского аналога и вследствие особенностей перевода получило двоякое толкование. Изначальный смысл понятия «nation» означал «государство-нация» или попросту говоря «страна». То есть термин «national interest» следовало бы перевести как «интерес страны», а не «национальный интерес», поскольку в русском языке термин «национальный» сразу же приобретает этнический смысл. А это неизбежно ведет к путанице в восприятии и интерпретации данного термина. Здесь термин «национальный интерес» будет применяться в своем изначальном смысле как «интерес страны».

В то время как существование национальных интересов является общепризнанным и вряд ли будет кем-либо оспариваться, природа их возникновения еще до конца не понятна. Национальные интересы могут содержать в себе как идеальную (духовную) так и материальную компоненту. В материалистической философии духовная компонента национальных интересов рассматривается как производная от их материальной стороны. В идеализме, наоборот, материальная сторона является производной от идеальной компоненты или другими словами от национальных ценностей.

Для целей предлагаемой модели военно-политического прогнозирования этот философский спор не имеет принципиального значения. Достаточно констатировать, что духовная компонента национальных интересов (ценности) находится в тесной диалектической взаимосвязи с материальной стороной

национальных интересов. То есть обе стороны — духовная и материальная постоянно влияют друг на друга, воздействуя на общий курс государства в международной политике.

Сила и национальные интересы. Национальные интересы неразрывно связаны с силой государства. В известном смысле они являются политической проекцией силы государства на сферу международных отношений. Это объясняется тем, что интересы государств на международной арене постоянно наталкиваются на противоположные интересы других государств. И разрешение данного противоречия происходит на базе соотношения сил.

Чем больше у государства силы относительно других государств, тем больше у него возможности добиваться реализации своих национальных интересов. Более того, увеличение силы государства, как правило, ведет к расширению его интересов. В свою очередь, растущие интересы стимулируют увеличение силы государства. Напротив, ослабление государства вынуждает его ограничивать и сворачивать свои интересы. Естественно, здесь имеются в виду реальные интересы, достижение которых практически осуществимо, а не беспочвенные фантазии.

Чтобы избежать преждевременного обострения конфликта интересов и ответных действий со стороны оппонентов, государства, как правило, маскируют свои намерения. Они, в частности, могут заявлять о не направленности своих действий против интересов другой стороны или выдумывать какие-то другие объяснения. НАТО, например, объясняло свою экспансию на восток желанием «расширить пространство демократии». Поэтому при оценке угроз национальным интересам государство должно исходить не из заявлений других государств, а из их реального силового потенциала и перспектив его развития.

Баланс сил. Мировая система развивается в соответствии с определенными объективными закономерностями. Как и лю-

бая другая система, она может находиться как в состоянии равновесия, так и в состоянии кризиса. Равновесие системы обеспечивается балансом сил между государствами или группами государств. Однако, вследствие действия объективного закона неравномерности экономического и политического развития государств, этот баланс постоянно нарушается, что часто приводит к кризису всей системы.

Существенное изменение баланса сил в пользу того или иного государства позволяет ему наиболее эффективно и полно реализовать свои национальные интересы. По этой причине ведущие государства стараются не допустить стихийного изменения баланса сил. Более того, наиболее активные из них, а это, как правило, те, кто имеет реальные возможности наращивания собственной силы, стремятся направить изменение баланса сил в свою пользу. Другие же пытаются этому помешать.

Добиться изменения баланса сил (или поддержания статус-кво) возможно различными способами, но в принципиальном плане они сводятся к трем дополняющим друг друга стратегиям:

— наращивание собственной силы
— ослабление оппонентов
— достижение с оппонентами соглашений о взаимных самоограничениях

Наращивать собственную силу можно развивая национальную экономику, создавая более эффективные виды вооружений (либо просто увеличивая численность вооруженных сил), укрепляя научно-технический потенциал, повышая эффективность государственного управления, в том числе качество дипломатии, а также формируя союзы с государствами, имеющими схожие интересы.

Ослаблять конкурентов тоже можно различными способами, например, подогревая противоречия внутри этих государств, деморализуя их население путем подрыва национального духа и системы ценностей, препятствуя их эффективной

внешнеэкономической деятельности, расстраивая их союзы, а также создавая проблемы в районах их жизненно-важных интересов.

История также знает примеры, когда государства, осознав тщетность попыток добиться стратегического превосходства и разорительность бесконечной конфронтации по всем азимутам, шли на заключение компромиссных соглашений. Это могли быть соглашения о разделе сфер влияния или об ограничении вооружений. В качестве примера можно привести российско-британское соглашение 1895 года о разделе сфер влияния в Центральной Азии и советско-американский договор по ПРО 1972 года.

Следует, однако, понимать, что заключение подобных соглашений на справедливой основе возможно только с позиции силы, так же как и то, что сохранение таких договоренностей может быть гарантировано только в условиях поддержания устойчивого баланса сил.

Национальная безопасность. Национальная безопасность — это совокупность факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства в системе международных отношений. К таким факторам относятся территория государства, природные ресурсы и климатические условия, демография, экономика, способность к обороне и некоторые другие. Если государство не способно обеспечивать национальную безопасность, оно рано или поздно прекращает свое существование.

Поскольку факторы национальной безопасности тесно перекликаются с компонентами силы государства, любое существенное изменение баланса сил не в пользу данного государства создает угрозу его национальной безопасности. И напротив, изменение баланса сил в пользу данного государства укрепляет его национальную безопасность.

Поскольку национальные интересы являются проекцией силы государства на сферу международных отношений, то понятия «национальные интересы» и «национальная безопасность»

очень близки или даже взаимозаменяемы. В этом смысле угрозы национальным интересам являются и угрозами национальной безопасности и наоборот.

В то же время угроза национальной безопасности может возникать, независимо от действий внешних факторов. Такая угроза может появиться как результат ошибочной, непродуманной политики властей (или в целом элиты) конкретного государства. Ошибки в различных областях политики, экономики, демографии, межнациональных отношений могут негативно сказываться на факторах национальной безопасности, подрывать силу государства.

Прогнозирование значений показателей военно-политической и стратегической обстановки на долгосрочный период

Предлагаемый методический подход к прогнозированию основывается на изучении существующих тенденций изменения баланса военной силы между государствами как на глобальном уровне, так и в жизненно-важных для России регионах.

Мировая система развивается в соответствии с определенными объективными закономерностями. Как и любая другая система, она может находиться как в состоянии равновесия, так и в состоянии кризиса. Равновесие системы обеспечивается балансом сил между государствами или группами государств. Однако, вследствие действия объективного закона неравномерности экономического и политического развития государств, этот баланс постоянно нарушается, что часто приводит к кризису всей системы.

Существенное изменение баланса сил в пользу того или иного государства позволяет ему наиболее эффективно и полно реализовать свои национальные интересы. И наоборот изменение баланса сил в ущерб тому или иному государству затрудняет для него отстаивание своих национальных интересов.

По этой причине ведущие государства стараются не допустить изменения баланса сил в ущерб себе. Более того, наиболее активные из них, а это как правило те, кто имеет реальные возможности наращивания собственной силы, стремятся направить изменение баланса сил в свою пользу.

Изучение баланса военных сил включает (но не ограничивается) следующими компонентами:

— Анализ программ военно-технического развития и военного строительства в различных государствах и оценка способности государств реализовать эти программы;
— Оценка перспектив экономического и внутриполитического развития государств и влияния этих процессов на изменение национальных интересов государств;
— Изучение конфликтов национальных интересов государств, возможностей преодоления этих конфликтов или возникновения новых конфликтов интересов. Как следствие оценка перспектив образования новых союзов и коалиций и распада существующих;
— Оценка влияния на соотношение сил в мире различных международных организаций и негосударственных акторов.

В качестве технического инструмента прогнозирования изменения соотношение сил в мире предлагается использовать интерактивную математическую модель военно-политического баланса. Архитектура данной модели является схематичным отражением существующего баланса военных сил в мире. Естественно, не имеет смысла включать в эту модель все государства и союзы. Достаточно ограничиться теми из государств и союзов, которые располагают существенной силой.

Более того, можно, видимо, абстрагироваться от тех государств, которые хотя и обладают существенным силовым потенциалом, но по объективным причинам не могут оказывать значительного влияния на национальную безопасность РФ. Такие страны определяются эмпирическим путем. К ним,

например, можно было бы отнести Бразилию, Индонезию, Австралию, ЮАР. С другой стороны, более мелкие страны, но расположенные в ключевых точках, где присутствуют российские интересы, например, Израиль, или Кипр, в такой модели присутствовать должны.

Поскольку речь идет о прогнозировании военно-политической и стратегической ситуации, то ключевым элементом данной модели является понятие военной силы. Военная сила представляет собой часть общей силы государства, причем очень существенную ее часть. В определенном смысле можно утверждать, что в сегодняшнем мире военная сила является концентрированным выражением всех других компонентов национальной мощи. Ведь понятно, что современные вооруженные силы не могут быть созданы без развитой экономики, высокого уровня научно-технического развития, грамотного населения и развитой логистики.

Военная сила включает в себя следующие основные компоненты: количество и качество военной техники, численность, уровень подготовки личного состава и его морально-политическое состояние, эффективность системы военного управления, возможности мобилизационного развертывания, систему военной логистики и некоторые другие факторы.

В различные времена роль военной силы в реализации национальных интересов оценивалась по-разному. Но даже в те времена, когда военная сила не используется напрямую, или используется крайне ограничено, это вовсе не означает, что она утратила свою роль. Как справедливо отмечает проректор МГИМО А. И. Подберезкин, военная сила «всегда обеспечивает косвенное, политическое прикрытие для использования других форм силового давления (гуманитарных, экономических, финансовых, информационных и т. д.)»[4]. То есть, если бы во-

[4] Подберезкин А. И., Военная доктрина России и международная безопасность, Москва, 2013, с. 4

енная сила отсутствовала или была неадекватной, то и другие инструменты влияния не работали бы.

Идеализация экономического или гуманитарного измерения силы в последние годы продемонстрировала явную несостоятельность. Так, события в Ливии наглядно показали, что относительно благополучное с экономической точки зрения государство, но не обладающее военной силой, может быть легко повержено. В то же время, менее экономически благополучная Сирия, обладающая приличными для своего размера вооруженными силами, достаточно долго и успешно сопротивляется внешнему давлению.

Исчисление военной силы

Количественные параметры военной силы исчисляются традиционным способом, как это делалось, в течении веков. Производится подсчет количества различных типов вооружений, военнослужащих, военных объектов, запасов вооружения на складах и базах хранения, запасов продовольствия и обмундирования, численности мобилизационного резерва и других исчисляемых компонентов, связанных с военной организацией государства.

Оценка качественных показателей военной силы — более сложная задача, но тоже вполне решаемая. Для этого предлагается ввести соответствующие коэффициенты и поправки. Коэффициенты будут выражать не абсолютные, а относительные характеристики той или иной системы вооружений или военнослужащих. То есть исходить из того, насколько данная боевая единица лучше или хуже другой. Например, танк Т-72 может иметь коэффициент 1. При этом более современный танк Т-90 будет иметь коэффициент 1,5, а устаревшие Т-64 — коэффициент 0,7.

Такой же подход применим и к личному составу. Военнослужащий контрактник с 3-х годичным стажем службы может иметь коэффициент 1, при наличии опыта боевых действий —

1,5, а призывник — 0,5. Качество вооружений и личного состава потенциального противника также будет выражаться в коэффициентах относительно аналогичных российских систем и военнослужащих.

Применив коэффициенты к соответствующим боевым единицам, а затем, суммировав их, мы получим некое общее число (сумму очков), отражающее качественные и количественные характеристики данного вида боевой техники и личного состава. В дальнейшим эти очки (пункты) могут суммироваться с тем чтобы получить общую цифру для каждого рода войск или вида вооруженных сил. Решение о том, до какого уровне обобщения стоит подниматься, следует принимать на основе опыта функционирования данной модели.

Определение коэффициентов качества военной техники является, пожалуй, наиболее сложным делом в создании модели. Эти коэффициенты должны рассчитываться на основе конкретного опыта применения и эксплуатации боевой техники. Можно также использовать моделирование боестолкновений, как это делается в армиях некоторых государств, где, например, проводятся имитационные воздушные бои. На основе этих боев выявляется степень эффективности различных типов боевых самолетов относительно друг друга. Такой же подход применим и к другим типам военной техники — танков, артиллерии и т. п.

Поправки — это более общая категория, которая должна применяться не к отдельным боевым единицам, а к целому классу предметов или явлений. Например, морально-политическое состояние личного состава вооруженных сил можно выразить условно, сравнив его с таковым в армиях потенциального противника. Такая оценка возможна лишь путем тщательного изучения самой широкой информации о состоянии морального духа в собственной армии и армиях других государств. На основе такого анализа сила собственной армии может либо повышаться на определенную величину,

либо понижаться. Ниже приводится условная графическая схема исчисления военной силы.

Архитектура модели

Архитектура модели является схематичным отражением существующего баланса сил в мире, конечно, не всего этого баланса, а государств и союзов располагающих преобладающей силой. Более того, можно, видимо, абстрагироваться от тех государств, которые хотя и обладают существенным силовым потенциалом, но по объективным причинам не могут оказывать значительного влияния на национальную безопасность РФ. Такие страны определяются эмпирическим путем. К ним, например, можно было бы отнести Бразилию, Индонезию, Австралию, ЮАР. С другой стороны, более мелкие страны, но расположенные в ключевых точках, где присутствуют российские интересы, например, Израиль, или Кипр, в такой модели присутствовать должны.

Политические переменные

Изменение силы того или иного государства, в том числе его военных возможностей, возможно не только в результате

внутренних процессов в этом государстве (что непосредственно отражается на его военной силе), но и в результате политических изменений на международной арене. Так, например, распад Варшавского договора ослабил военную силу СССР. А продвижение НАТО на восток, напротив, усилило позиции этого альянса, причем не столько за счет военного потенциала новых членов, сколько за счет более выгодных геостратегических позиций у границ России.

Возможны и другие формы воздействия международных событий на военную силу государства. Например, вовлеченность США в военные действия в Афганистане и Ираке привело к определенному распылению американских ресурсов и ограничило возможности применения силы в других районах мира. Участие российской армии в подавлении сепаратистского мятежа в Чечне привело к ограничению возможности Москвы влиять на ситуацию в Южной Осетии и Абхазии в российских интересах. Когда же угроза сепаратизма на Северном Кавказе была устранена, Россия смогла занять более жесткую позицию в отношении Грузии.

Подсчет влияния политических переменных на силу государства можно осуществлять следующим образом. Если в какой либо стране, являющейся союзником потенциального противника РФ, может произойти дестабилизация или эта страна, в связи со сменой политического режима, может изменить свою внешнюю политику (например, провозгласить нейтралитет), то ее военная сила вычитается из силы союза, противостоящего РФ. Если же в добавление к этому в данной стране начинается внутренний вооруженный конфликт, что требует вмешательства альянса, противостоявшего РФ, то из военной силы этого альянса вычитаются ресурсы, необходимые для стабилизации там обстановки. То же относится и к случаям вовлечения противостоящих РФ государств в локальные и региональные военные конфликты.

Наоборот, если какое-нибудь государство может в случае обострения международной обстановки стать союзником РФ, то

его потенциал плюсуется к нашему. А если на территории кого-то из союзников РФ происходит дестабилизация или внутренний конфликт, то эта страна из нашей военной силы вычитается.

Прогноз возможного поведения различных государств в кризисный период осуществляется на основе предварительных экспертных оценок, которые затем вводятся в матрицу модели в качестве переменных величин. При составлении прогноза эти переменные могут видоизменяться, отражая многовариантность политического процесса.

Негосударственные структуры

Определенное влияние на военно-политическую ситуацию в мире могут оказывать негосударственные игроки, такие как, например, террористические организации. В то же время их самостоятельное значение не стоит преувеличивать. Такие игроки, как правило, бывают связаны с какими-то государствами и действуют по согласованному с ними сценарию. В этом смысле ничего принципиально нового в мире не случилось. Пираты Дрейка и нынешняя Аль-Каида, являются, по сути, одним и тем же механизмом, действующим для схожих целей.

В то же время, собственный военный потенциал этих организаций — относительно небольшой, и им вполне можно пренебречь, подсчитывая общее соотношение военных сил. Тем не менее, эти организации могут сыграть важную роль в каких-то критических точках, выступая как катализатор политической дестабилизации или поддержания напряженности. Поэтому данный фактор следует учитывать при составлении экспертной оценки политического развития тех или иных государств или региональных конфликтов.

Функционирование модели

Сравнение параметров военной силы РФ и ее союзников с соответствующими параметрами силы потенциальных противников позволит сделать вывод о том, существует ли в на-

стоящее время нарушение баланса сил не в пользу РФ и на этой основе определить присутствует ли угроза национальной безопасности страны. Принципиальным моментом здесь является математическое выражение того состояния, при котором баланс сил можно считать критически нарушенным. Эта тема нуждается в дальнейшей проработке. Возможно выработать такую величину вообще не удастся и решение надо будет принимать путем экспертной оценки.

Модель также позволит наглядно представить те компоненты силы, где РФ проигрывает потенциальным противникам, равно как и те, где она располагаем преимуществом. А это даст возможность определить, каким образом России следует нарастить компоненты силы, чтобы выровнять баланс или даже достигнуть стратегического превосходства. Таким образом, модель создает основу для военного планирования по оптимальному варианту.

Под оптимальной вариантом в данном случае подразумевается планирование на основе принципа «стоимость — эффективность». То есть речь идет о достижении максимального результата при минимальной затрате средств и ресурсов. Если этот принцип будет нарушаться, то неизбежно возникнет ситуация, когда количество затрат на достижение цели будет превышать выгоды от такого результата. Одним словом, иногда просто выгоднее нарастить численность войск, чем разрабатывать и внедрять новую систему оружия. А иногда рост численности уже ничего существенно изменить не может и требуются технологические прорывы.

А может быть гораздо менее затратно будет добиться политических перемен в той или иной стране или вынудить противника расходовать ресурсы на стабилизацию ситуации в каком-либо отдаленном районе мира, где затронуты его жизненно-важные интересы. Таким образом, следует предусмотреть ввод в модель стоимостных величин для оценки потенциальных расходов при осуществлении того или иного сценария.

При прогнозировании будущих угроз параметры силы потенциальных противников РФ могут быть условно изменены с учетом имеющихся у них программ военного строительства, разработки новых вооружений, а также перспектив развития политической ситуации в районах, имеющих жизненно-важное значение для нас и для них. Мы также можем условно видоизменять параметры силы России, чтобы определить ситуацию, при которой она может достигнуть стратегического превосходства, чтобы реализовать наши внешнеполитические интересы в различных районах мира, например, на пространстве СНГ.

Такое прогнозирование позволит выбрать оптимальную стратегию достижения наших целей. Сами эти цели могут формулироваться в рамках двух сценариев. Первый сценарий можно условно назвать «реактивным». То есть мы определяем имеющиеся и перспективные угрозы и наращиваем наши компоненты силы для парирования этих угроз. Данный сценарий связан, как правило, с желанием сохранить статус-кво. Его недостаток состоит в том, что мы утрачиваем стратегическую инициативу и подчиняем свои действия игре, навязанной противником. Обычно такой сценарий приходится выбирать, когда существенное наращивание силы своего государства или кардинальное ослабление потенциального противника не является возможным.

Второй сценарий можно условно назвать «инициативным». В этом случае мы сначала определяем свои внешнеполитические цели, а затем выстраиваем нашу стратегию таким образом, чтобы добиться реализации этих целей. Для этого мы наращиваем нужные компоненты силы и ослабляем влияние тех государств, которые препятствуют реализации этих целей.

Региональные факторы

Региональные конфликты. Региональные конфликты имеют, как правило, внутреннюю природу, но их обострение

зачастую связано с вмешательством в ситуацию внерегиональных игроков, пытающихся таким образом упрочить свои геополитические позиции. Вмешательство может осуществляться в разных формах, включая: втягивание стран региона в орбиту крупных держав вследствие внутриполитических изменений, например, госпереворотов или «цветных» революций; провоцирование внутриполитических конфликтов и вмешательство в них; экономическое давление; использование межэтнических и межгосударственных противоречий с поддержкой одной из сторон в таком конфликте или проведение миротворческих операций. Ну, и наконец — прямое использование военной силы.

И если на глобальном уровне прямое использование военной силы сейчас невозможно из за наличия паритета стратегических ядерных сил, то на региональном уровне это совсем не исключено. Все зависит от того, какие государства вовлечены в конфликт и насколько важные интересы мировых держав оказались затронутыми. Но даже, если военная сила напрямую не применяется, она как уже отмечалось, используется косвенным образом, выступая гарантом политических изменений в том или ином регионе.

А при неблагоприятном развитии ситуации военная сила всегда может быть пущена в ход. Характерным примером может служить военная операция США против Гренады в 1983 году или отражение вооруженными силами РФ грузинской агрессии против Южной Осетии в 2008 году. Этот опыт показал, что эффективность прямого и косвенного применения силы в конкретном регионе напрямую зависит от регионального баланса сил.

Региональный баланс сил. Если о балансе сил между государствами можно говорить лишь в глобальном смысле, то баланс военных сил может рассматриваться и в региональном смысле, то есть применительно к тому или иному региону или театру военных действий. Это объясняется тем, что

военная сила обладает мобильностью и может распределяется неравномерно как по территории собственного государства, так и за его пределами.

Региональный баланс сил играет важную роль в развитии мировых военно-политических процессов. Это связано с тем, что изменение региональных балансов сил может, в конечном счете, привести к изменению глобального баланса сил. Значение региональных балансов сил особенно актуально, когда на глобальном уровне существует равновесие (паритет) сил и ни одно государство (или группа государств) не может добиться решающего превосходства над своими оппонентами. В этом случае ведущие игроки стремятся изменить баланс сил в стратегических точках с тем, чтобы ослабить там позиции своих конкурентов. Вследствие постепенного накапливания таких количественных изменений глобальный баланс сил может, в конце концов, принципиально измениться.

В регионах, жизненно-важных для РФ, региональное соотношение сил должно быть такое, чтобы потенциальный противник не имел никаких иллюзий в отношении возможностей достигнуть там победы путем применения военной силы или использования силы для прикрытия вмешательства во внутренние дела стран региона. Отсутствие достаточной военной силы в том или ином регионе, например, вокруг Сирии, ослабляет возможности РФ по реализации своих интересов в данном регионе и, главное, затрудняет противодействие изменению регионального баланса сил.

Жизненно-важными регионами для России являются: северо-западное направление (Белоруссия и Прибалтика), Украина, Закавказье, Центральная Азия, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток, зона Персидского залива и Дальний Восток. В каждом из этих районов имеются потенциальные очаги напряженности, могущие в любой момент взорвать региональную стабильность. Даже в спокойной, казалось бы, Прибалтике, особенно в Латвии, существует

межэтническая напряженность, которая при определенных обстоятельствах может привести к столкновениям на межнациональной почве. И России как-то придется реагировать на эту ситуацию, причем, нельзя исключать, что и с использованием военной силы.

Конечно, точно предсказать как будет развиваться обстановка вокруг каждого из конфликтов при помощи математической модели довольно сложно. С другой стороны, нет никакой особой проблемы в том, чтобы спрогнозировать многовариантность имеющихся сценариев. Тем более, что в данном случае сценариев всего три: урегулирование конфликта, его сохранение в замороженном состоянии и обострение конфликта.

Но вот что математическая модель сможет сделать — это помочь определить тот уровень силы, который РФ должна иметь в каждом из упомянутых конфликтных регионов, чтобы гарантировано отстоять свои интересы. А также предсказать, какой баланс сил возникнет в данном регионе в случае реализации одного из трех сценариев.

Таким образом, в рамках общей математической модели глобального баланса сил должны иметься подмодели, отражающие баланс сил в регионах, жизненно важных для РФ, а военно-политическое прогнозирование вестись и на глобальном, и на региональном уровнях.

Применение предлагаемой модели для определения системы военных угроз

Главным источником возникновения внешней военной угрозы является критическое и неблагоприятное для России изменение военного баланса сил на глобальном уровне, либо в любом жизненно-важном для России регионе. При наличии конфликта интересов с государством или коалицией, являющейся источником угрозы, такая угроза является реальной. Если же конфликт интересов отсутствует, но баланс сил изменился не в нашу пользу, то такая угроза является

потенциальной. Потенциальные угрозы являются менее опасными, чем реальные, но, тем не менее, нуждаются в постоянном мониторинге.

Степень изменения баланса сил может быть рассчитана при помощи математической модели военно-политического баланса, упомянутой выше. Сравнение параметров военной силы РФ и ее союзников с соответствующими параметрами силы потенциальных противников позволит сделать вывод о том, существует ли в настоящее время критическое нарушение баланса сил не в пользу РФ и на этой основе определить присутствует ли угроза национальной безопасности страны.

Более того, модель также позволит наглядно представить те компоненты силы, где РФ проигрывает потенциальным противникам, равно как и те, где она располагаем преимуществом. А это даст возможность определить, каким образом России следует нарастить компоненты силы, чтобы выровнять баланс или даже достигнуть стратегического превосходства. Таким образом, модель создает основу для военного планирования по оптимальному варианту.

Под оптимальной вариантом подразумевается планирование на основе принципа «стоимость — эффективность». То есть речь идет о достижении максимального результата при минимальной затрате средств и ресурсов. Если этот принцип будет нарушаться, то неизбежно возникнет ситуация, когда количество затрат на достижение цели будет превышать выгоды от такого результата. Одним словом, иногда просто выгоднее нарастить численность войск, чем разрабатывать и внедрять новую систему оружия. А иногда рост численности уже ничего существенно изменить не может и требуются технологические прорывы. Таким образом, следует предусмотреть ввод в модель стоимостных величин для оценки потенциальных расходов при осуществлении того или иного сценария.

При прогнозировании будущих угроз параметры силы потенциальных противников РФ могут быть условно изменены

с учетом имеющихся у них программ военного строительства, разработки новых вооружений, а также перспектив развития политической ситуации в районах, имеющих жизненно-важное значение для нас и для них.

Мы также можем условно видоизменять параметры силы России. Это позволит определить ситуацию, при которой РФ может либо парировать имеющиеся угрозы, либо даже достигнуть стратегического превосходства, чтобы реализовать свои интересы в различных районах мира, например, на пространстве СНГ.

Что касается внутренних военных угроз, то их возникновение связано с несколько иными закономерностями общественного развития и потому не может прогнозироваться в рамках предлагаемой модели.

Д. А. Дегтерев
Прогнозирование военно-политической обстановки и компьютерное моделирование международных отношений

Важным методом прогноза значений качественных и количественных показателей и критериев военно-политической и стратегической обстановки на долгосрочный период является компьютерное моделирование международных отношений.

Компьютерные модели, как и другие разновидности компьютерных технологий обработки информации, появились во второй половине прошлого века в связи с созданием соответствующих технических устройств — электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Они позволили резко увеличить скорость и объемы обработки информации, а также достаточно быстро и точно решать системы уравнений, описывающие различные явления и процессы. Сравнительно быстро компьютерные методы получили широкое применение практически во всех областях человеческой деятельности. Естественно, не стала исключением и такая важная их сфера, как международные отношения. Цена ошибки при принятии неверных решений в данной области (как и в медицине) чрезвычайно высока, поэтому компьютерное моделирование международных отношений

является чрезвычайно актуальным. Оно позволяет предварительно смоделировать возможные негативные последствия таких решений.

Появление компьютеров позволило существенно расширить сферу применения различных количественных методов анализа в области международных отношений, в том числе для обоснования количественных параметров международных соглашений, диагноза и прогноза международной обстановки, оценки вероятностей реализации различных сценариев ее развития. За последние десятилетия было разработано большое количество специализированных баз данных, пакетов программного обеспечения для статистической обработки данных, различных регрессионных, теоретико-игровых и динамических моделей. К сожалению, надо признать, что в СССР, а затем и в России эти направления по ряду причин не получили значительного развития.

При том, что существует множество разновидностей компьютерных моделей, позволяющих анализировать международные ситуации, их можно разбить на несколько групп, в зависимости от задач, которые решаются с их помощью.

К наиболее простым компьютерным моделям по международной проблематике относятся *международные системы антикризисного реагирования*, используемые в ситуационно-кризисных центрах, функционирующих в составе национальных министерств по чрезвычайным ситуациям, министерств иностранных дел, советах безопасности. Главная задача данных систем — наиболее оперативно в автоматическом режиме предупредить все компетентные министерства и ведомства в случае возникновения кризисных ситуаций, в т. ч. за рубежом, в которые оказались вовлечены граждане страны. Следует отметить, что говорить об использовании компьютерного моделирования в такого рода системах можно с известной долей условности, поскольку при этом по существу не проводится каких-либо вычислений.

Например, в случае наводнения в одной из зарубежных стран необходимо оперативно выяснить, какие районы им затронуты, есть ли там граждане и компании данной страны, сколько их, какими туроператорами и авиакомпаниями они пользовались, не просрочены ли у них визы и проч. При помощи информационной системы на основе оперативных сообщений, поступающих из зарубежного государства (в т. ч. от загранучреждений), будут мгновенно в автоматизированном режиме (на основе классификации кризисных ситуаций и типовых взаимосвязей для каждого вида ситуации) проинформированы те министерства и ведомства, которых данная чрезвычайная ситуация непосредственно касается (МЧС, консульские учреждения, регулятор туристического рынка и пр.).

Данные системы используются, например, в Оперативном центре Государственного департамента США, в Центре кризисного реагирования МИД ФРГ, в Кризисном центре системе МИД Италии[5]. Используют данные системы кадровые сотрудники данных министерств, в задачи которых, как правило, не входит углубленный анализ причин и следствий возникших кризисных ситуаций. На основе первичной информации, которая может быть визуализирована в удобной форме на экране таких ситуационных центров с использованием современных геоинформационных систем, проводятся селекторные совещания, принимаются оперативные меры по устранению последствий чрезвычайных ситуаций.

Схожие ситуационные кризисные центры имеются и в федеральных органах власти РФ, а также в ряде научно-образовательных центров. Например, в МГИМО (У) МИД России функционирует несколько таких центров. Согласно п. 107 Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. предусмотре-

[5] Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. Под общ. ред. Смирнова А. И. — М.: Общество «Знание» России, 2011. — 272 с.

но создание системы распределенных ситуационных центров, которые будут работать по единому регламенту и объединят заинтересованные органы государственной власти и государственные научные учреждения[6].

Формирование единой системы ситуационных кризисных центров государства, включающей ситуационные центры сети загранучреждений, федеральных и региональных властей, исследовательских организаций, открытые и закрытые контуры является важным направлением развития данных систем. Отдельное направление повышение эффективности — организация международного обмена информацией. Например, в настоящее время уже функционируют системы международного обмена геопространственной информацией, например, Глобальная система наблюдения земли[7]. Спектр использования данных систем огромен — от улучшения климатического мониторинга и прогнозирования эпидемий редких заболеваний до картирования и классификации экосистем и управления водными ресурсами.

К более сложным системам компьютерного моделирования, связанным уже с интерпретацией полученных первичных данных, относятся *системы анализа и прогнозирования*. Четкой границы между моделями кризисного реагирования и системами анализа не существует, ведь если на основании выставления пороговых (критических значений) и последующего краткосрочного прогнозирования ситуации (а это элементы систем анализа и прогнозирования), будет сделан вывод о большой вероятности возникновении в скором времени кризисной

---

[6] Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. — http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html

[7] Глобальная система наблюдения Земли — Global Earth Observation System of Systems (GEOSS) — международная система мониторинга состояния земли с использованием спутниковых данных. Подробнее см. http://www.earthobservations.org/geoss.shtml

ситуации, то необходимо будет принимать меры по автоматическому оповещению все соответствующие министерства и ведомства (а это уже элементы систем кризисного реагирования). Если для оперативного мониторинга и анализа ситуации в большей степени подходят именно первичные данные, то для предотвращения и анализа долгосрочных последствий необходимо использование целого ряда методов и моделей обработки информации.

Как правило, данные модели используются преимущественно исследовательскими организациями, в единичных случаях — под эгидой государственных органов власти, в первую очередь, специальных служб. Например, в рамках ЦРУ широко используется целый ряд компьютерных аналитических моделей, в т. ч. т. н. «Factions» и др., в т. ч. позволяющие анализировать внутриполитическую ситуацию в стране с позиций различных групп влияния, выявлять на основании сопоставления моделей поведения иностранных агентов и проч.[8].

Можно выделить несколько основных целей применения систем анализа и прогнозирования. В ряде случаев речь идет о *постоянном мониторинге и предупреждении возникновения кризисных ситуаций*. Зачастую компьютерное моделирование осуществляется на основе *обширных баз данных коллективного доступа*, создаваемых несколькими университетами или

---

[8] См. Jonathan Lockwood and K. Lockwood, "The Lockwood Analytical Method for Prediction (LAMP)," *Defense Intelligence Journal,* 3(2), 1994, pp. 47–74; R. Hopkins, *Warnings of Revolution: A Case Study of El Salvador* (Washington, DC: Center for the Study of Intelligence, 1980) TR 80–100012; Jack Zlotnick, "Bayes' Theorem for Intelligence Analysis," (1972), in H. Bradford Westerfield, ed., *Inside CIA's Private World: Declassified Articles from the Agency's Internal Journal* (New Haven, CT: Yale University Press, 1995); John Pierce, "Some Mathematical Methods for Intelligence Analysis," *Studies in Intelligence,* No. 21, Summer, 1977, pp. 1–19 (declassified); Edwin Sapp, "Decision Trees," *Studies in Intelligence,* No. 18, Winter, 1974, pp. 45–57 (declassified); Stanley Feder, "FACTIONS and Policon: New Ways to Analyze Politics," (1987), in Westerfield, ed., Ins*ide CIA's Private World.*

исследовательскими организациями[9]. Разработчики таких баз изначально не могут предвидеть весь спектр задач, которые будут решаться с использованием их данных. В дальнейшем, как правило, они формируют подборку научных исследований, выполненных с использованием их баз данных. Наконец, зачастую создание баз данных связано с *проверкой какой-либо локальной гипотезы* в рамках предлагаемой модели, т. е. ad hoc. Для проверки гипотезы и правильности модели исследователи собирают обширную базу данных, которая в дальнейшем используется для эмпирических доказательств.

Компьютерные модели международных отношений можно также подразделить на модели международных конфликтов; модели, имитирующие процесс принятия решений в кризисных ситуациях; модели баланса сил и мирового развития, и др.

Первый тип моделирования основан на гипотезе о цикличности развития социальных процессов, а также на свойственной человеческой природе автоматической реакции (рефлексы) на внешние раздражители. На первом этапе создается обширная база данных по конфликтам, формализованная по определенному шаблону (критериям), например, весь конфликт разбивается на несколько фаз, каждая из которых параметризируется[10].

В дальнейшем, посредством использования метода ассоциаций, любой современный конфликт сравнивается с уже имевшими место из базы данных, при этом несущественные (шумовые) признаки отличий опускаются. Посредством анализа

---

[9] Например, в США это Межуниверситетский консорциум по политическим и социальным исследованиям (Inter-University Consortium for Political and Social Research), созданный в 1960 г. на базе Мичиганского университета и объединяющий в настоящее время 700 академических и исследовательских организаций из разных стран мира. Подробнее см. http://www.icpsr.umich.edu

[10] Например, в базе WEIS выделяется 22 класса действий (видов конфликтного поведения), которые, в свою очередь, подразделяются на 63 подкласса. Подробнее см. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2006. — 240–243 с.

схожих конфликтов делаются выводы о возможных сценариях развития ситуации в ходе текущего кризиса.

Профессор Канзасского университета Ф. Шродт разделяет базы данных, используемых в данных моделях на два типа: субъектно-ориентированные (т. е. аккумулирующие информацию об определенных акторах международных отношений) и проблемно-ориентированные (информация об определенном конфликте или международной проблеме)[11]. К первому типу относится база WEIS (World Event Interaction Survey) Ч. Маклеланда[12] и база данных COPDAB (Conflict and Peace Data Bank) Э. Азара[13]. Ко второму типу относятся ставшая уже классической база «Корреляторы войны» (Correlates of War, COW) Д. Зингера[14], а также кодировочная система CASCON (Computer-Aided System for the Analysis of Local Conflicts) профессора Массачусетского технологического института Л. Блумфилда[15]. Моделирование международных конфликтов велось и в Европе, в частности в Германии была разработана база AKUF (Arbeitsgemeinschaft für Kriegsursachenforschung)[16].

Модели анализа конфликтов и базы по международным кризисным ситуациям по мере развития информационных технологий также совершенствуются. Например, в последнее

---

[11] Schrodt P. A., 1994. Event Data in Foreign Policy Analysis // Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation. N.Y., 1994.

[12] Schrodt P. A., 1991. Artificial Intelligence and international relations: an overview, in Hudson, V. M., ed., Artificial Intelligence and International Politics, Westview Press, Boulder, CO. См. также http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/ICPSR/studies/05211

[13] Azar E. E. The Codebook of the Conflict and Peace Data Bank (COPDAB). College park, University of Maryland, 1982. См. также http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/icpsr/faces/study/StudyPage.xhtml?studyId=2093&tab=files

[14] Подробнее см. http://www.correlatesofwar.org/

[15] http://web.mit.edu/cascon/index.html

[16] AKUF, 1987. Verzeichnis der Kriege nach dem Zweiten Weltkrieg, in Steinwegg, R., ed., Kriegsursachen, Surhkamp, Frankfurt/Main.

время активное развитие получила база KOSIMO, созданная Университетом Хейдельберга, ФРГ[17].

Помимо моделей анализа конфликтов существует целый ряд *моделей принятия решений в конфликтных ситуациях*[18]. Одна из первых моделей такого вида — это система имитации процесса принятия решений в кризисных ситуациях «CRISIS-COM» CRISISCOM (Crisis Computer)[19]. CRISISCOM имитирует процесс обработки информации лицами, принимающими решения, с учетом их внутреннего состояния в период международного кризиса.

База CREON (Comparative Research on the Events of Nations Data Set)[20] анализирует международные конфликты в контексте целого ряда других событий, влияющих на процесс принятия решений. В рамках данной базы особый акцент делается на процедурах принятия решений на международной арене.

Симуляционная модель UNCLESAM использовалась для имитации процессов принятия внешнеполитических решений в США в отношении Доминиканской Республики в период 1961–1965 гг.[21]. Модель Д. Меффорда использовалась для анализа процесса выработки СССР решений в ходе чехословацкого кризиса 1968 г.[22].

---

[17] Pfetsch F. Journal of Peace Research May 2000 vol. 37, no. 3, 379–389. См. также http://hiik.de/en/kosimo/index.html

[18] Подробнее о моделях поведения в ходе международных кризисов см. Сушенцов А. Типология поведения в международных конфликтах // Международные процессы, Том 8. Номер 3(24). Сентябрь–декабрь 2010.

[19] См. Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 145–147.

[20] http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/ICPSR/studies/5205

[21] Job, B. L., and Johnson, D., 1991. The Applocation of a Rule-Based Model of US Foreign Policy Making, in Hudson, V. M.. ed., Artificial Intelligence and International Politics, Westview Press, Boulder, CO.

[22] Mefford D., 1986. Analogical reasoning and the definition of the situation: back to Snyder for concepts and forward to Artificial Intelligence for method, in Hermann, C. F. et al., eds., New Directions in the Comparative Study of Foreign Policy, Allen and Unwin, New York.

Наиболее комплексный характер носят *модели баланса сил и мирового развития*, основанные на многокритериальном анализе военной, политической или экономической мощи государств на международной арене. Например, совокупный военный потенциал страны, состоящий из различных видов вооружений, оценивается посредством присвоения различных весовых категорий (показателей значимости) отдельных вооружений. В дальнейшем подсчитывается средневзвешенный показатель, т. е. количество вооружений одного вида умножается на весовой показатель данного вида, аналогичная операция проделывается по всем видам вооружения, а полученные значения суммируются. Такого рода модели можно успешно использовать в т. ч. для анализа ассиметричных конфликтов[23], принятия решений об интеграционных перспективах[24], проч. В зависимости от временного интервала выделяются модели, показывающие баланс сил на текущий момент (статические модели), а также модели баланса сил в будущем, через несколько десятков лет (динамические модели). Создание второго типа моделей — значительно более сложная задача, связанная с созданием системы динамических уравнений, для решения которых используются дифференциальные исчисления.

Впервые динамическая модель баланса сил была применена Л. Ричардсоном в 1940-х гг. для моделирования соперничества европейских государств перед Первой мировой войной. В дальнейшем модели гонки вооружений развивались Т. Саати, Ф. Шродтом и К. Шмидтом, У. Лютербахером и др[25].

---

[23] Подробнее см. Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы, Том 3. Номер 3(9). Сентябрь–декабрь 2005.

[24] Подробнее см. Байков А. Библиография сравнительной интеграции в 2000-х гг. // Международные процессы, Том 8. Номер 1(22). Январь–апрель 2010.

[25] См. Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 144.

Отдельное направление в рамках моделей баланса сил — это *модели прогнозирования будущего развития* мировой экономики, торговли, потребностей в природных ресурсах (т. н. International Futures). Эксперты выделяют 5 этапов в развитии данных моделей:

1. Первые работы в этой сфере связаны с деятельностью Римского клуба, занимающегося вопросами устойчивого развития. Одна из первых моделей — это World 1, созданная профессором Массачусетского технологического университета Д. Форрестером и в дальнейшем усовершенствованная в версиях World 2 и World 3[26]. Интегрированная модель мира (World Integrated Model) была также создана М. Месаровичем и Э. Пестелем[27]. Примечательно, что модели такого типа были основаны на исследованиях русского экономиста, Нобелевского лауреата В. В. Леонтьева[28]. Данные модели, как правило, писали на компьютерном языке FORTRAN.
2. Второе поколение моделей мирового развития развивалось на первых персональных компьютерах в 1980-е гг., работающих на операционной системе DOS. Это были упрощенные версии моделей первого поколения без учета региональной или страновой специфики.
3. С появлением более мощных микропроцессоров в 1993 г. были разработаны более мощные модели-симуляторы мирового развития, традиционно учитывающие показатели демографического, энергетического и продовольственного развития, но рассматривающие также новый социо-политический и экологический контекст. Наиболее ярким примером моделей такого рода явилась система GLOBUS,

[26] http://live.simgua.com/World — см. в он-лайн режиме симуляцию мирового развития с изменяемыми параметрами.

[27] Mesarovic, Mihajlo D. and Eduard Pestel. 1974. Mankind at the Turning Point. New York: E. P. Dutton & Co.

[28] Leontief, Wassily, Anne Carter and Peter Petri. 1977. The Future of the World Economy. New York: Oxford University Press.

созданная на основе идей К. Дейча в Берлинском научном центре[29]. Эволюция моделей данного типа подробно раскрыта в исследованиях ведущего разработчика данных моделей Б. Хьюджа[30]. Писались данные модели на платформе Visual Basic, которая могла использоваться уже под операционной системой Windows.

4. Четвертое поколение моделей стало развиваться с начала 2000-х гг. Примечательно, что большой вклад на этом этапе внесли исследовательские подразделения международных организаций, государственных структур, а также ТНК. Например, компания General Motors разработала специальную модель анализа глобальных потребительских ценностных трендов CoVaTrA (Consumer Values Trends Analysis), основанную на известной базе данных по ценностям Р. Инглегарта World Values Survey[31]. Свою модель мирового разви-

---

[29] Bremer, Stuart A., ed. 1987. The GLOBUS Model: Computer Simulation of World-wide Political and Economic Developments. Boulder, CO: Westview Press

[30] Hughes, Barry B. 1997. "Rough Road Ahead: Global Transformations in the 21st Century," Futures Research Quarterly 13, No. 2 (Summer): 83–107; Idem, 1999. "The International Futures (IFs) Modeling Project. Simulation and Gaming Vol 30, No. 3 (September): 304–326; Idem, 1999. International Futures, 3rd edition Boulder: Westview Press, 1999; Idem, 1999. International Futures: Choices in the Face of Uncertainty, 3rd ed. Boulder, Co: Westview Press; Idem, 1999. "The International Futures (IFs) Modeling Project," Simulation and Gaming 30, No. 3 (September, 1999): 304–326; Idem, 2000. Continuity and Change in World Politics. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, fourth edition; Idem, 2001. "Global Social Transformation: The Sweet Spot, the Steady Slog, and the Systemic Shift," Economic Development and Cultural Change 49, No. 2 (January): 423–458.

[31] База по исследованию ценностей в мире (The World Values Survey database) — информация о кросс-культурных отличиях населения около 100 стран мира (более 90% всего населения). Ведется с 1981 г., штаб-квартира в Стокгольме, Швеция. На основании социологических опросов выявляется отношение населения различных стран мира к поддержке демократии, к иностранцам и этническим меньшинствам, к половому равенству, к роли религии и уровню религиозности, к воздействию гло-

тия представила Группа стратегических оценок (Strategic Assessments Group, SAG) ЦРУ. Данная модель включала в себя существенно расширенный спектр параметров социо-политического развития. Также, в рамках Европейской комиссии реализуется проект TERRA, включающий углубленный анализ социально-экономических процессов (в т. ч. с использованием коэффициента Джинни и кривой Лоренца), а также экологических процессов (на основе методики Advanced Sustainability Analysis Финской центра исследования будущего). Функциональность моделей на четвертом этапе существенно возросла.

5. Пятое поколение моделей развивается в настоящее время и характеризуется усилением функциональных характеристик моделей (в т. ч. посредством учета динамики развития систем образования и здравоохранения, многофакторного анализа эндогенного роста и проч.), удобством в использовании (применение многочисленных инфографик, отражающих, например, прогресс в достижении Целей развития тысячелетия, и проч.), а также увеличение возможностей доступа к базам данных со стороны независимых исследователей. Например, компьютерная модель Национального разведсообщества США, разработанная при прогнозировании тенденции до 2020 г., находится в общем доступе[32]. Данный проект реализуется в рамках специального созданного в Университете Денвера Центра Ф. Пардэ для исследования будущего (Fredrick S. Pardee Center for International Futures)[33].

бализации, к окружающей среде, к работе, семье, политике, национальной идентичности, культуре, безопасности, благосостоянию. Подробнее см. http://www.worldvaluessurvey.org; Inglehart Ronald and Christian Welzel. 2005. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press.

32 http://www.ifs.du.edu/ifs/index.aspx

33 http://www.ifs.du.edu/community/pardee.aspx

В последние годы также наблюдается переход от моделирования международных конфликтов и военно-политических аспектов к анализу невоенных аспектов международной безопасности, в т. ч. уровня развития науки и технологий, изменений социально-экономического положения различных стран мира, потребительских трендов и ценностей.

Отдельным направлением в компьютерном моделировании международных отношений являются т. н. системы поддержки переговоров (Negotiation Support Systems)[34]. Важный вклад в развитие данного направления внес Международный институт прикладного системного анализа (*International Institute for Applied System Analysis*) в Лаксенбурге, Австрия. Данный институт был создан в 1972 г. в рамках совместной инициативы СССР — США для решения глобальных международных проблем.

Модели, используемые в международных переговорах, можно разделить на несколько подвидов, — «для внутреннего пользования» (т. е. для выработки объективной позиции той или иной страны на международных переговорах), либо «для внешнего пользования», т. е. для выработки согласованной международной позиции к оценке сложной глобальной проблемы. Например, для делимитации морских границ России и Норвегии использовалась морская информационная система «Caris Lots Article 76», разработанная согласно ст. 76 «Определение морского шельфа» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.[35] Как правило, ко второму типу моделей предъявляются более высокие требования, ведь все стороны международных переговоров хотят быть уверены, что в данную компьютерную модель не заложены какие-либо недокументированные возможности, что она «не подыгрывает»

---

[34] См. Хрусталев М. А. Методология анализа международных переговоров // Международные процессы, Том 2. Номер 3 (6). Сентябрь–декабрь 2004.

[35] Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. Под общ. ред. Смирнова А. И. — М.: Общество «Знание» России, 2011. — 272 с.

одной из сторон. В качестве примеров успешного применения математических моделей на переговорах можно привести дебаты при подписании Лондонской конвенции по предотвращению нефтяных загрязнений, Конвенции по морскому праву, Монреальского и Киотского протоколов, ограничивающих выброс в атмосферу фреонов и углекислого газа[36].

Пожалуй, впервые модельные расчеты на компьютере непосредственно использовались в ходе переговоров, связанных с подписанием Конвенции по морскому праву. Она принималась на III конференции по морскому праву (UNCLOS) в Нью-Йорке. На ее подготовку ушло несколько лет, а сама конференция, начавшись в 1974 г., продолжалась 8 лет с участием делегаций из 150 стран мира, что уже само по себе говорит о сложности решавшихся там вопросов. Конвенция должна была заменить давно устаревшую Женевскую конвенцию 1958 г.

К 70-м годам XX века стало понятно, что необходимо определиться с тем, что до тех пор уклончиво называлось всеобщим достоянием человечества. На конференции сразу проявилось устойчивое противостояние между развитыми и развивающимися странами. Последние стали подозревать, что им навязывают проект решения, выгодный транснациональным компаниям. Особенно остро стоял вопрос о ресурсах морского дна. Интересно, что тогда под ними понимали в первую очередь железно-марганцевые конкреции, а не газ или нефть, как сейчас.

Чтобы согласовать количественные параметры соглашения, было предложено воспользоваться расчетами по модели, разработанной ранее в Массачусетском технологическом институте под руководством Дж. Найхарта по заказу правительства США. Первоначально эта модель предназначалась для

[36] *Antrim C.* Converting Competition to Collaboration: Creative Applications of Models in the Law of the Sea Negotiations. In *Diplomacy Games. Formal Models and International Negotiations*. Edited by Rudolf Avenhaus & I. William Zartman. Springer 2007.

оценки эффективности инвестиций в разработку подводных месторождений с целью планирования деятельности американских компаний в этой области. Она называлась «*A Cost Model of Deep Ocean Mining and Associated Regulatory Issues*» и, по сути, это была экономическая модель, позволявшая просчитать экономическую эффективность проекта с учетом заданных технических показателей, налоговых ставок и цен[37].

В частности, она позволяла прогнозировать динамику доходов добывающих компаний при разных дисконтных ставках, которые как раз и были одной из главных причин для разногласий на конференции (развивающиеся страны настаивали на дисконте 2–3%, тогда как США предлагали утвердить 17%).

Делегатам конференции были представлены результаты расчетов по этой модели для 6 различных сценариев, что позволило убедить развивающиеся страны в том, что они переоценивали доходы добывающих компаний и соответственно требовали слишком больших отчислений за разработку месторождений на дне океана. В результате была принята компромиссная ставка дисконта. Причем это стало возможным только после опубликования описания модели в открытой печати и обсуждения ее на неоднократных встречах разработчиков модели с делегатами конференции. То есть недостаточно было просто ознакомить делегатов конференции с результатами моделирования — надо было доказать объективность этих результатов[38].

Если при принятии Конвенции по морскому праву использование математической модели стало фактически результатом счастливого стечения обстоятельств, то в последующем такого рода модели стали целенаправленно привлекаться еще на этапе подготовки международных конференций. Чтобы уменьшить влияние ошибок, в том числе связанных с умышленным иска-

---

[37] *Nyhart JD, Antrim L., Capstaff A., Kohler A., Leshaw D.* A cost model of deep ocean mining and associated regulatory issues. MIT Sea Grant Report, 1978, 78–4.

[38] См. там же.

жением результатов моделирования в пользу отдельных стран, использовались сразу несколько разных моделей. Например, в четвертом отчете Межправительственной группы экспертов по изменению климата для прогнозирования региональных изменений температуры воздуха и атмосферных осадков к концу XXI века используются результаты расчетов по 21 модели общей циркуляции атмосферы и океана[39]. Такой подход позволяет практически исключить манипулирование общественным мнением с помощью «подстроенных» результатов моделирования. Именно на основе таких отчетов потом принимаются обязывающие соглашения по предотвращению изменения климата.

Еще одним примером успешного применения математической модели на международных переговорах является подписание Конвенции по трансграничному загрязнению атмосферы. При ее разработке использовалась экологическая модель RAINS (*Regional Air Pollution Information and Simulation*), позволившая определить оптимальное с экономической точки зрения сокращение вредных выбросов и согласовать квоты выбросов для разных стран с учетом существующей циркуляции атмосферы. Без привлечения математической модели эти задачи просто нельзя решить.

Модель RAINS позволяла рассчитывать пространственное распределение соединений серы и азота при разных типах хозяйственной деятельности для 42 регионов Европы. На основании расчетов делался прогноз состояния окружающей среды в 1990–2020 гг. для разных сценариев выброса загрязняющих веществ в атмосферу. При этом использовались реальные данные о расположении и мощности источников загрязнения, а распространение вредных примесей в атмосфере описывалось с помощью компьютерной программы EMEP, разработанной в Норвежском метеорологическом институте[40].

---

[39] См. htpp://www.ipcc.ch/ipccreports/

[40] См. *Ammann M.* Some Lessons from the Use of the RAINS Model in International Negotiations. In *Diplomacy Games. Formal Models and International Negotiations*. Edited by Rudolf Avenhaus & I. William Zartman. Springer 2007.

Результаты расчетов были представлены участникам переговоров в 1997–1999 гг., причем по их просьбе проводились расчеты с такими значениями параметров модели и такими начальными условиями, какие они задавали. В ходе такой интерактивной работы были просчитаны сотни сценариев, после чего были согласованы цено-эффективные меры по контролю за выбросами и максимальные допустимые выбросы для каждого региона. Чтобы убедить всех интересующихся в объективности модели, все результаты расчетов были доступны еще до заключительной сессии переговоров, а с самой моделью можно было ознакомиться в Интернете.

Определенную роль сыграл и тот факт, что к разработке модели были привлечены известные в своей области науки специалисты из разных стран. Большое значение имеет также робастность модели, то есть устойчивость результатов расчетов к небольшим изменениям параметров модели в связи с известной неопределенностью.

Дело в том, что, ссылаясь на всякого рода неопределенности в расчетах, некоторые страны часто сознательно затягивают принятие обязывающих их решений. Так было с позицией США, которые так и не ратифицировали Киотский протокол, ссылаясь на неточность прогнозов глобального потепления, вызванного усилением парникового эффекта. Естественно, некоторая неточность в описании моделью реальных процессов имеет место, но обычно при заключении международных соглашений гораздо больше политическая неопределенность. Тем не менее, потребовалось 15 лет работы с моделью RAINS, чтобы она была официально признана секретариатом Конвенции и рекомендована для широкого практического использования в качестве оценочной модели.

Для экологических и климатических моделей характерно описание большого количества разных физических, химических и биологических процессов. В случае использования их на переговорах рассчитываются еще и экономические последс-

твия различных решений. В результате получается сложная интегральная модель, состоящая из десятков блоков, каждый их которых разрабатывается отдельными научными коллективами. Понятно, что для одного человека, пусть даже и специалиста в области моделирования загрязнения окружающей среды, такая модель представляет собой во многом «черный ящик», в деталях работы которого он не способен разобраться. Поэтому качество отдельных блоков модели оценивается специальными рабочими группами из специалистов в данной области.

Хотя в основе модели типа RAINS лежит обычная исследовательская модель, описывающая перенос примесей в атмосфере или океане, при ее адаптации к переговорному процессу она существенно модифицируется. После этого она способна, например, оценивать стоимость материального ущерба, наносимого определенным типом пространственного распределения загрязнения окружающей среды. Такие стоимостные показатели необходимы для оценки приемлемых затрат на выявление опасных выбросов и штрафных санкций к странам-нарушителям Конвенции[41].

Несмотря на большое разнообразие работ по компьютерному моделированию в области международных отношений можно выделить несколько основных аналитических инструментов, используемых в такого рода моделях. Во-первых, это применение обычных физических моделей, связанных с решением систем дифференциальных уравнений. Большая часть машинного времени и самые мощные компьютеры используются именно для решения таких уравнений в целях прогноза погоды и климата. В этом случае речь идет об уравнениях термогидродинамики, которые необходимо решать численно с высоким пространственным и временным разрешением в масштабах всей планеты, с чем и связана необходимость использования компьютера с большой оперативной

[41] См.там же.

памятью и высоким быстродействием, в ряде случаев — т. н. суперкомпьютеров[42].

Пожалуй, наиболее ярким примером использования такого рода моделей в международных отношениях является расчет последствий ядерного конфликта между СССР и США под руководством Н. Н. Моисеева. В начале 1980-х годов астрономические наблюдения за пыльными бурями на Марсе и последующим понижением температуры привели американских ученых к гипотезе о возможной «ядерной зиме» в случае применения даже части имеющегося боезапаса двух сверхдержав. Проведенные в СССР и в США независимые расчеты по специально разработанным моделям подтвердили это предположение. Выяснилось, что конфликт с применением ядерного арсенала приведет к длительному (на десятилетия) понижению температуры на 30–40 градусов Цельсия как в Европе, так и в Северной Америке вследствие уменьшения прозрачности атмосферы из-за ее запыленности после взрывов. Таким образом, помимо прочих последствий ядерная война означала продовольственную катастрофу. Это послужило весомым аргументом в пользу заключения целого ряда договоров о ядерном разоружении и основанием для изменения военных доктрин ядерных держав.

Если использование дифференциальных уравнений в моделях позволяет решать задачу прогноза, то для диагноза текущего состояния дел обычно применяют различные модели регрессии. По сути, при этом ставится задача обработки больших объемов статистической информации (панельные или large-n данные) с целью выявления связи между различными переменными. Как правило, в такого рода моделях рассматривается одна объясняемая и несколько объясняющих переменных, в связи с чем данные модели называют также многофакторными. Например, рассматривая зависимость ВВП страны от объема предоставленной ей в разные

[42] Подробнее об использование суперкомпьютеров в моделировании см. Рыцарева Е. «Ломоносов» из университетского подвала // Эксперт, №49 (782), 12 декабря 2011 г.

годы международной помощи и других показателей, можно оценивать эффективность помощи развитию. Аналогично решается и задача оценки эффективности международных санкций.

В простейшем случае в таких расчетах используется общая линейная эконометрическая модель с обычными непрерывными переменными. В других случаях в качестве объясняемой переменной может рассматриваться целочисленная переменная, например, число проектов помощи, предоставленной в заданный промежуток времени. В качестве одной или нескольких объясняемых переменных нередко используются так называемые dummy-переменные, принимающая только два значения: 0 и 1. Соответствующая бинарная переменная может, например, выражать факт голосования «за» или «против» в международной организации или же членство данной страны в Совете Безопасности ООН.

Например, в работе А. Дреера и др.[43] в результате обработки данных по 157 странам за период с 1970 по 2004 г. аналогичным образом было показано, что предоставление помощи развивающимся странам статистически значимо зависит от членства страны-реципиента в Совете Безопасности. Заметим, что в этих случаях используются специальные регрессионные модели для целочисленных переменных (пуассоновская регрессия, биноминальная регрессия и др.).

Близкой к построению целочисленной регрессии является и задача ранжирования стран с использованием различных индексов, характеризующих развитие в них демократических свобод, условия для инвестиций и т. п. Дело в том, что истинное положение дел во многих странах неизвестно и о нем можно только косвенно судить по доступной информации. Поэтому принимается, что существует некая скрытая переменная, значение которой точно отображает положение в рассматриваемых странах, однако сами эти значения неизвестны и о них

[43] Axel Dreher, Jan-Egbert Sturm, James Raymond Vreeland. Development aid and international politics: Does membership on the UN Security Council influence World Bank decisions? // Journal of Development Economics, 88 (2009) 1–18.

приходится судить в рамках все той же модели линейной регрессии различных индексов на скрытую переменную.

В этой и во многих других задачах, связанных с компьютерным моделированием в международных отношениях используется метод скрытых Марковских цепей (HMC). В ходе этой процедуры значения некоторых объясняющих переменных многократно «разыгрываются» по заданным распределениям вероятности с определенными значениями их параметров (среднее значение, дисперсия), а потом оцениваются вероятности различных значений объясняемой переменной. Скажем, для одной случайной переменной используется равномерное распределение, для другой — нормальное. С точки зрения математики здесь речь идет об определении совместного распределения вероятности при известных условных распределениях для нескольких случайных переменных. Для реализации метода еще в 1980-х годах на западе была разработана и теперь широко используется вычислительная процедура под названием «Gibbs sampling». Соответствующий алгоритм известен также как MCMC (Markov Chain Monte Carlo), он реализуется в виде компьютерных программ типа GAGS (Just another Gibbs sampler).

В русскоязычной литературе эта процедура не столь детально разработана и обычно рассматривается просто как одна из имитационных разновидностей метода Монте-Карло. Термин «цепь» (Chain) в данном случае означает последовательное вычисление значений переменных. Реализация того или иного исхода каждый раз определяется с помощью датчика случайных чисел. Таким образом, при просчитывании цепи реализаций по сути проводится своего рода численный эксперимент. Для достаточно точного вероятностного моделирования необходимо просчитать десятки или даже сотни тысяч таких цепочек, что без компьютера просто невозможно сделать.

Частным случаем таких моделей является прослеживание временной последовательности событий с вероятностным исходом. Например, Совет безопасности ООН с некоторой вероят-

ностью проголосует за санкции против Ирана, тот тогда в свою очередь с определенной вероятностью отказывается от работ по созданию ядерного оружия и т. д. При этом имитируется уже реальная последовательность событий при различных возможных сценариях. Заметим, что компьютерный анализ последовательности событий в международных отношениях широко используется и при контент-анализе для прогноза развития событий на основе известных (эталонных) последовательностей. С помощью компьютера в этом случае решается задача распознавания эталона по первой части последовательности политических событий, что позволяет потом предсказать последующую часть цепочки событий. Данный алгоритм известен как precendent-based reasoning, в международных отношениях он используется с середины 1980-х. По существу он близок к кластерному анализу при решении задачи распознавания (к какому кластеру из нескольких данных относится данное явление). В других науках, например, в метеорологии, также широко применяется прогнозирование на основе исторических аналогий (прецендентов).

В ряде компьютерных моделей международных отношений широко используются теоретико-игровые методы, позволяющие просчитать все возможные сценарии развития ситуации и выбрать из них наиболее оптимальный[44].

Следует отметить, что в большинстве компьютеров, доступных в России, используется программное обеспечение Microsoft Windows, которое, как правило, несовместимо с программными продуктами, применяемыми для компьютерного моделирования международных отношений. Соответствующие стандартные и оригинальные программы представлены на таких языках как C++, FORTRAN и других, которые поддерживаются в оболочках UNIX, DOS, Solaris и т. д. Нередко это требует

[44] См. *Дегтерев Д. А.* Введение в теорию игр для политологов и международников. Учебное пособие. — М.: МГИМО–Университет. — 2010; *Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х.* Теория игр и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — №2.

перекодировки программ или даже использования специализированных компьютеров (Apple, Sun). Аналогичные сложности возникают и при использовании зарубежных баз данных.

Исследования по созданию компьютерных моделей в СССР и в РФ, к сожалению, не получили должного развития. Как представляется, в советский период это было обусловлено идеологическими причинами — внешнеполитический курс страны не мог опираться на компьютерные расчеты, поскольку это вступало в определенные противоречия с марксистско-ленинским учением. Компьютерное моделирование, как и применение других количественных методов анализа международных отношений, связано с формализацией действительности, но любая абсолютизация формы, отрыв ее от содержания таят в себе, с точки зрения марксизма, определенную опасность[45]. Не представляло угрозы использование компьютерных моделей для расчета каких-либо специализированных проблем международных отношений, в т. ч. уже упоминавшей климатической проблематики под руководством академика АН СССР и РАН Н. Н. Моисеева[46]. Моделирование международных отношений осуществлялось также в контексте системных исследований под руководством академика РАН (АН СССР) В. Г. Афанасьева[47], академика АН СССР, представителя от СССР в Международном институте прикладного системного анализа Д. М. Гвишиани[48], академика РАН А. А. Кокошина[49].

---

45 Подробнее см. *Дегтерев Д. А.* Зарубежные работы по теории игр // Международные процессы. — 2009. — № 2 (20).

46 *Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М.* Человек и биосфера: Опыт систем. анализа и эксперименты с моделями / Н. Н. Моисеев, В. В. Александров, А. М. Тарко. — М.: Наука, 1985. — 271 с.

47 *Афанасьев В. Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 336 с.

48 *Гвишиани Д. М.* Мосты в будущее. Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 368 с.

49 *Кокошин А. А.* Прогнозирование и политика: методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США. — М., 1975.

Традиционно важную роль в прикладных, в т. ч. количественных исследованиях международных отношений играл МГИМО, где в 1970-х гг. по инициативе В. Б. Тихомирова организована Проблемная научно-исследовательская лаборатория (ПРОНИЛ). На базе нее была создана компьютеризированная система поддержки переговоров «Мадрид-80» для нужд советской делегации на форуме СБСЕ и др.[50].

После трансформационного периода 1990-х гг. на базе Института международных исследований (ИМИ) МГИМО восстанавливает на качественно новом уровне количественный анализ и моделирование международных отношений. В частности, под руководством к.пол.н., доц. И. Н. Тимофеева в июне 2009 г. в структуре ИМИ создан Аналитический центр МГИМО, миссия которого состоит в сопряжении передовых достижений в области моделирования политических процессов с фундаментальными разработками теории международных отношений. Центр осуществляет непрерывный мониторинг и анализ международных процессов и рисков, актуальных для российской внешней политики, моделирование и изучение возможных сценариев их динамики, формирует соответствующую базу данных[51]. Под руководством д.э.н. проф. И. А. Стрелец и к.э.н., доц. М. И. Столбова в рамках НИР Минобрнауки «Влияние финансовой системы на динамику и цикличность экономического развития: выводы для России» реализована задача альтернативной классификации финансовых систем на основе базы данных «Финансовое развитие стран мира» с применением кластерного и факторного анализ.

Ведущим экспертом МИД России по вопросам компьютерных моделей, в первую очередь, систем раннего предупреждения и оперативного мониторинга, является д.и.н., проф. А. И. Смирнов, под руководством которого уже сфор-

[50] Подробнее см. *Хрусталев М. А.* Две ветви ТМО в России // Международные процессы. Том 4. Номер 2(11). Май–август 2006.

[51] http://www.mgimo.ru/nksmi/cam/

мировалась научная школа моделирования международных конфликтов.

Вопросами разработки моделей анализа международных отношений также занимается Институт экономических стратегий (ИНЭС)[52], который в 2001 г. по заказу МИД России разработал программный комплекс «Баланс интересов» под названием «Смоленка». В ходе дальнейших работ был разработал разработан программный продукт «Стратегическая матрица России», ставший первым в рамках продуктов проекта «Стратегическая матрица»[53]. В дальнейшем были разработаны соответствующими системы для Украины, Беларусии, Казахстана, Болгарии. Данная система осуществляет многофакторный анализ сравнительной мощи государства на международной арене, в т. ч. с элементами прогнозирования.

В 2010 г. на политологическом факультете МГУ им. Ломоносова под руководством д.п.н., проф. А. С. Ахременко создана лаборатория математических методов политического анализа и прогнозирования[54], специализирующаяся на математическом моделировании политической динамики, преимущественно внутриполитических процессов.

Вопросами исследования моделирования как одного из методов политического анализа занимаются К. П. Боришполец[55], Ю. М. Плотинский[56], а также О. Ф. Шабров [57].

Компьютерное моделирование международных отношений представляет собой современный, высокотехнологичный

---

52 http://www.inesnet.ru/

53 Агеев А. И., Куроедов Б. В., Сандаров О. В. Методология стратегической матрицы. — М.: ИНЭС, 2004

54 http://polit.msu.ru/kaf/lab_quant/

55 *Боришполец, К. П.* Методы политических исследований : учеб. пособие. М., 2005.

56 *Плотинский, Ю. М.* Модели социальных процессов : учеб. пособие. М., 2001.

57 Компьютерное моделирование социально-политических процессов / Под ред. О. Ф. Шаброва. М., 1994.

инструмент анализа международных процессов, основанный на использовании преимущественно количественных методов. Внешнеполитические решения, выработанные с использованием моделей, представляют собой альтернативу решениям, принятым на основе субъективных суждений. С другой стороны, именно формализация реальных процессов, стремление «загнать» их в логические рамки, является основной причиной неадекватности прогнозов, сделанных с помощью данного метода при субъективном (а нередко — и волюнтаристском) характере принятия решений лидерами государств на международной арене.

С учетом современной динамики международных политических процессов, особую актуальность приобретает компьютерное моделирование прогнозирования нехватки природных ресурсов и возникающих в этой связи конфликтов; глобальной климатической проблемы и ее политических последствий, а также анализа вопросов вероятности смены режимов посредством т. н. «цветных» революций, в т. ч. на Ближнем Востоке, Латинской Америке и в Центральной Азии.

Контент-анализ социальных сетей в контексте анализа развития внутристрановой и международной обстановки

С конца 1930-х гг. важную роль при оценке динамики политических процессов и международных конфликтов стал играть такой метод как *контент-анализ*. В рамках данного метода проводится анализ текста на наличие эмоционально окрашенных слов и выражений, позволяющий сделать вывод о политической позиции автора. Частота употребления тех или иных характерных оборотов дает возможность достаточно точно, количественно оценить и прогнозировать действия политических акторов — участников международных конфликтов.

Пионером применения данного метода является американский ученый Г. Лассуэл и его сотрудники, которые изу-

чали пропагандистские материалы периода Второй мировой войны[58]. В дальнейшем был опубликован целый ряд работ зарубежных экспертов по данной проблематике, в т. ч. С. Веймана «Анализ высказываний», К. Лоранца «Анализ агрессии», Р. Икера «Система слов», Ч. Осгуда «Анализ неслучайных взаимосвязей» и др.[59] Одной из наиболее значимых работ по контент-анализу является исследование американского ученого Б. Берельсона «Контент-анализ в коммуникационных исследованиях»[60], а также работы О. Холсти по операциональной декомпозиции текста[61].

Бурное развитие данный метод анализа международных конфликтов получил с 1970-х гг., когда за рубежом стали широко применяться компьютерные технологии, в т. ч. такие программы, как Text Date Mining или Fluent. Это позволило в автоматизированном режиме делать наиболее трудоемкий частотный контент-анализ, выявления скрытых взаимосвязей между речевыми оборотами и темами текста и др. Стали совершенствоваться процедура подсчета и количественной оценки. Была разработана, например, формула *коэффициента Яниса*, позволяющая вычислять соотношение между позитивным и негативным отражением объекта[62].

Как правило, контент-анализу подвергались всевозможные политические декларации, выступления видных общественных деятелей, а также публикации в СМИ. Постепенно контент-

---

58 *Lasswell H.* Analysing the Content of Mass Communication: A Brief Introduction. N.Y., 1942; *Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Brison. N.Y., 1948.

59 См. *Боришполец К. П.* Методы политических исследований. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С.51–65.

60 См. *Ахременко А. С.* Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006. — С. 186–196.

61 *North R. C., Holsti O. R.* Content Analysis. A handbook with applications for the study of international crisis. N.Y., 1963.

62 *Барановский Б. Г., Владиславлева Н. Н.* Методы анализа международных конфликтов. — М.: Научная книга, 2002. — С. 125.

анализ СМИ и управление репутацией в СМИ получили широкое распространение как за рубежом, так и в нашей стране. Например, отечественный программный комплекс «Медиалогия» позволяет в автоматизированным режиме осуществлять мониторинг и анализ российских федеральных, региональных и местных СМИ (более 10 тыс. источников), определять *Индекс информационного благоприятствования* (ИИБ)[63] и др.

Однако по мере того, как традиционные СМИ все чаще становятся объектом информационных кампаний (государственной пропаганды или скрытой рекламы со стороны различных частных компаний или персоналий), объективность информации и, соответственно, результатов контент-анализа данной информации значительно снижается. В этой связи в последние годы особую роль приобретают инструмент контент-анализа в сети Интернет, в блогах и социальных сетях.

Согласно исследованию, проведенному Центром Пью (Pew Research Center's Global Attitudes Project) в марте 2011 г.[64], роль социальных сетей как средства общения стремительно повышается во всех странах мира. Как видно из рис. 1, в пятерку лидеров входят Израиль (53% населения использует социальные

---

[63] ИИБ — индекс системы «Медиалогия», позволяющий качественно проанализировать эффективность PR-акций компаний. ИИБ рассчитывается автоматически с применением технологий лингвистического анализа на основе 3 составляющих: индекса цитируемости (количество ссылок на материалы СМИ с учетом влиятельности цитирующих ресурсов), позитива или негатива при отображении в СМИ, а также заметности сообщения («рекламный эквивалент» публикации в зависимости от номера полосы, объема сообщения, тиража и др). Индекс может колебаться в пределах от –1000 до +1000 для каждого сообщения в зависимости от тона упоминания. При анализе ИИБ все индексы по всем сообщениям с упоминанием объекта суммируются, при этом чем выше индекс, тем более ярко и позитивно представлен объект в СМИ. Подробнее о методике см. — http://www.mlg.ru/technologies/iib/

[64] Global Digital Communication: Texting, Social Networking Popular Worldwide. — Pew Research Center. Global Attitudes Project. 20 December 2011.

сети), США (50%), Великобритания (43%), Россия (43%) и Испания (42%).

Рисунок 1. Использование социальных сетей в различных странах мира.
Источник: *Global Digital Communication: Texting, Social Networking Popular Worldwide. — Pew Research Center. Global Attitudes Project. 20 December 2011. — P.3.*

Как правило, социальные сети большее распространение получили в странах с более высоким уровнем дохода, что обусловлено, как правило, более высоким распространением доступа к Интернет. Однако среди тех, кто уже имеет доступ к Интернету, жители менее богатых стран более активно используют социальные сети для общения (см. рис. 2.).

Рисунок 2. Использование социальных сетей и уровень подушевого ВВП

Источник: *Global Digital Communication: Texting, Social Networking Popular Worldwide. — Pew Research Center. Global Attitudes Project. 20 December 2011. — P.5.*

Как правило, в большей степени социальными сетями пользуется население до 30 лет. По данным исследования, в большинстве стран мира популярность социальных сетей в 2010–2011 гг. незначительно возросла, однако в Российской Федерации и в Египте наблюдался скачкообразный рост за один год — с 18% до 28% в Египте и с 33% до 43% в РФ.

Таким образом, можно считать, что репрезентативность социальных сетей в ведущих странах мира составляет 40–50%, при этом представлено в них наиболее активное, молодое население.

В сложившейся ситуации особую актуальность в контексте анализа международных конфликтов приобретает мониторинг социальных сетей, в т. ч. с применением традиционных методов контент-анализа в автоматизированном режиме.

В последние несколько лет за рубежом широкое распространение получила *компьютерная программа контент-анализа социальных сетей LIWC* (Linguistic Inquiry and Word

Count 2007)[65]. Она позволяет моментально анализировать тысячи постов (текстовых сообщений) пользователей из разных социальных сетей, вести количественный контент-анализ.

Стоит отметить, что уже упоминавшаяся компания «Медиалогия» разработала *программный комплекс «Призма»*, позволяющий изучать динамику отзывов в блогах и реакцию интернет-сообщества, т. е. значительной части населения страны, в автоматизированном режиме[66].

До недавнего времени программный продукт LIWC практически не применялся к анализу политических ситуаций, использовался, например, для выявление гендерных особенностей в коммуникациях[67] или обмана[68].

Междисциплинарной группой исследователей из РЭНД-Корпорэйшн в период с июня 2009 г. по февраль 2010 г. было проведено крупномасштабное исследование — более 2,6 млн твитов (коротких сообщений в социальной сети Twitter) от 124 тыс. различных пользователей по хэш-тэгу (тематическая пометка, обозначающая принадлежность текстового сообщений к определенной проблематике) “IranElection” (Иранские выборы)[69]. На тот момент (в течение 9 месяцев после проведения президентских выборов в Иране) это был второй по популярности хэш-тэг во всей сети Twitter.

---

[65] *Pennebaker J., Booth R., Francis M.* Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC 2007 — Operator’s Manual, Austin, Tex. 2007. — http://liwc.net/.

[66] *Тяжлов И.* Власти читают блоги через «Призму» // КоммерсантЪ-Online, 16/08/2012. — http://www.kommersant.ru/doc/2002683.

[67] *Newman M., Groom C., Handelman L., Pennebaker J.* Gender Differences in Language Use: An Analysis of 14,000 Text Samples // Discourse Processes, Vol. 45, 2008. — pp. 211–236.

[68] *Hancock J., Curry L., Goorha S., Woodworth M.* On Lying and Being Lied to: A Linguistic Analysis of Deception in Computer-Mediated Communications // Discourse Processes, Vol.45, No.1, 2008, pp. 1–23.

[69] *Elson S., Yeung D., Roshan P., Bohandy S., Nader A.* Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood After the 2009 Election. Technical Report. RAND Corporation, National Security Research Division. October 2012.

В ходе проведенного контент-анализа с использованием технологии LIWC выявлялось отношение населения к Верховному лидеру Ирана Али Хаменеи, президенту республики Махмуду Ахмадинедажу, крупнейшим оппозиционных деятелям и проправительственным движениям, а также к президенту США Бараку Обаме. Традиционный контет-анализ совмещался с ивент-анализом, т. е. отслеживалась реакция людей до, во время и после важных событий во внутриполитической жизни Ирана.

Использовавшаяся в данном исследовании технология LIWC выделяет более 80 словарных категорий, по каждой из которых определяется частота использования, причем та или иная категория свидетельствует об определенном эмоциональном настроении автора текста (см. табл. 1).

Таблица 1
Связь словарных категорий и эмоционального состояния

Словарная категория	Характеристика эмоционального состояния
Местоимение первого лица единственного числа	Чувство депрессии среди населения
Местоимения второго лица единственного числа	Желание взаимодействовать с другими
Местоимения во множественном числе	Чувство группы или коллективной идентичности
Позитивные эмоции	Выражение радости
Негативные эмоции	Выражение печали, возможно, злости
Бранные/ругательные слова	Чувство фрустрации или злости

Источник: *Elson S., Yeung D., Roshan P., Bohandy S., Nader A. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood After the 2009 Election. Technical Report. RAND Corporation, National Security Research Division. October 2012.*

Использование современных технологий контент-анализа социальных сетей позволяет отслеживать в ретроспективе или в режиме реального времени общественное мнение людей в различных странах и регионах мира, предсказывать крупномасштабные протестные акции (увеличение частоты бранных слов), оценивать воздействие определенных политических событий на общественное мнение.

Представляется риторическим вопрос о возможности проведения американскими исследователями контент-анализа личных сообщений в социальных сетях, разработанных американскими компаниями.

Теоретико-игровой анализ международных отношений

Теория игр — математическая теория анализа стратегического поведения (взаимодействия сторон), широко применяемая в общественных науках. Она объясняет логику рационального поведения индивидуумов в условиях конфликта интересов. Создание теории игр обычно связывают с выходом в свет в 1944 г. монографии Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение»[70]. С момента ее создания одной из ключевых областей применения теории игр являлись военно-стратегические и международные вопросы.

Практически все основоположники теории игр, среди которых и сам Джон фон Нейман, были сотрудниками Рэнд Корпорэйшн — мозгового центра, созданного под эгидой ВВС США в Санта-Монике, Калифорния, для исследований в сфере

[70] Ряд исследователей, оспаривая статус Дж. фон Неймана как основоположника теории игр, ссылается на работу Эмиля Бореля «Теория игр и интегральные уравнения с кососимметричными ядрами» 1921 г., в 1925 г. занимавшего пост военно-морского министра Франции. Однако ни после этой работы, ни после статьи самого Неймана «К теории стратегических игр» 1928 г. теория игр не получила такого признания, как после выхода в 1944 г. монографии.

использования межконтинентальных баллистических ракет[71]. Среди них Бернар Броди, Джон Вильямс, Георг Данциг, Мелвин Дрешер, Герман Кан, Дункан Льюс, Ирвин Манн, Ховард Райфа, Анатоль Рапопорт, Альберт Такер, Мерил Флуд, Ллойд Шепли, Мартин Шубик, Дэниэл Элсберг и др. Джон фон Нейман и Мерил Флуд еще во время Второй мировой войны применяли теорию игр для выработки оптимальной стратегии атомной бомбардировки Японии[72]. Многие нобелевские лауреаты, работавшие в области теории игр (премию все они получили по экономике) так или иначе сотрудничали с Рэнд Корпорэйшн. Это Джон Нэш (Нобель 1994 г.), Томас Шеллинг и Роберт Ауманн (Нобель 2005 г.), Кеннет Эрроу (Нобель 1974). В Агентстве США по контролю над вооружениями и разоружению (ныне в составе Госдепартамента) работали Райнхард Зелтен и Джон Харшаньи (получили Нобель в 1994 г. вместе с Дж. Нэшем)[73].

Какую роль играет сегодня теория игр в анализе международных отношений?

Известный отечественный исследователь П. А. Цыганков считает, что это один из наиболее распространенных методов анализа процесса принятия решений, получивших распространение в международных отношениях[74].

В зависимости от того, насколько глубоко и достоверно применение теории игр позволяет улучшить наше понимание природы международных отношений, можно выделить

---

[71] Примечательно, что в СССР первые исследования по теории игр также велись в системе ВВС. Один из основоположников теории игр в СССР проф. Елена Сергеевна Венцель в 1935–1968 гг. преподавала в Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского.

[72] Подробнее о создании Рэнд Корпорэйшн, Джоне фон Неймане, атомном проекте США и истории создания теории игр См. Poundstone W. Prisoner's Dilemma. Anchor Books, New York. 1992.

[73] Нобелевскую премию по экономике (2007 г.) за работы в области теории игр получил также Роджер Майерсон.

[74] См. Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2002. — С.70–74.

следующие основные формы ее применения в анализе международных процессов[75]:

1. **Метафора**. Использование метафор получило широкое распространение не только в литературе, но и в науке. Они позволяют образно передать какие-либо черты исследуемого предмета и явления. Например, в американской внешней политике широко используется метафора «падающего домино», означающая последовательное изменение режима в соседних странах. В отечественной науке при анализе уровня антагонистичности противоречий говорят о конфликте с нулевой суммой (высокий уровень напряженности) и ненулевой суммой (невысокий уровень напряженности), а при анализе международных переговорах — о торге (каждый участник нацелен на поиск исключительно собственной выгоды) и совместном с партнером поиске пути решения проблемы. Все многообразие международных отношений зачастую сводится к соперничеству либо сотрудничеству[76].
2. **Аналогия.** На основе имеющегося тесного сходства по ряду признаков между двумя объектами делается вывод о сходстве и других признаков данных объектов (индуктивная логика). Однако без эмпирического подтверждения выводы на основе аналогии носят умозрительный характер. Задача исследователя состоит в том, чтобы отделить негативные (неверные) аналогии от позитивных (верных). Например, зачастую проводят аналогию между

[75] Подробнее о методологии использования теории игр в анализе международных отношений см. 1) Snidal D. The Game Theory of International Politics. World Politics, Vol.38, No.1 (Oct., 1985), pp.25–57; 2) Gates S. and Humes B. Games, Information and Politics. Applying Game Theoretic Models to Political Science. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997.

[76] Подробнее см., например, Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 32–34, С.134, С.194–195 и Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2002. — С.409.

международной политикой и неоклассической микроэкономической моделью, т. е. говорят о сходстве государств в международной политической системе и фирм на олигополистическом рынке, используя в дальнейшем теоретико-игровую модель данного рынка. При этом исходят из того, что *международная система = рынку; фирма = государству; фирма максимизирует прибыль = государство максимизирует время существования; олигополия = крупная держава; рыночная концентрация = концентрация влияния; ценовые войны = военные конфликты; фирмы и государства действуют стратегически*. На основе данных сходств делается вывод о сходстве и других элементов, например, того, что раз концентрация олигополистического рынка ведет к рыночной стабильности и сокращению ценовых войн, то концентрация влияния в международной системе также ведет к ее стабильности и уменьшению числа международных конфликтов. Любые выводы такого рода необходимо проверять эмпирически. Часть из них оказываются неверными. Например, тезис о позитивной роли разорившихся в ходе олигополистической конкуренции компаний не применим к государственным образованиям. Прямое применение приведенных ниже в разделе 7 классических игр к анализу международных отношений также зачастую носит характер аналогий.

3. **Модель.** Предполагается более тесная связь между объектом и его моделью. Поскольку модель создается путем упрощения (абстракции), она может наиболее точно передавать свойства объекта, необходимые для решения поставленной исследовательской задачи (дедуктивная логика). Известный отечественный исследователь К. П. Боришполец связывает применение теории игр в анализе международных отношений с квантифицированными моделями, как одним из примеров формализованного

моделирования[77]. Стоит отметить, что квантификация не всегда является свойством, отличающим модель от аналогии и метафоры. Значительная часть примеров наиболее успешного применения теории игр к анализу международных отношений связано именно с моделями, как одно-, так и многомерными.

4. **Теория.** Интерпретация любой модели зависит от теории, которая при этом используется. Анализ многочисленных моделей приводит к обогащению самой теории. Теория игр, рассматриваемая как теория мотивированного поведения, позволяет интерпретировать решения в контексте мотивированного поведения акторов. Для того, чтобы теория игр могла рассматриваться как теория международной политики (а не только общая теория стратегического взаимодействия), необходим ряд допущений. Например, признавая что основными акторами являются государства, максимизирующие свое влияние на международной арене, теория игр встает на позиции реализма. Однако теоретико-игровой подход не эквивалентен реализму. Для теории игр обязательным условием является рациональность поведения акторов, однако вовсе необязательно, что ключевые акторы — это государства, или что основной их мотив — максимизация международного влияния. Теория игр вполне может быть совместима и со структурным подходом к международной политике. Как общетеоретический подход к международной политике она предполагает мотивированное поведение в отсутствии наднациональных институтов власти. Таким образом, она подчеркивает фундаментальные свойства анархии в международных отношениях и использование различных конфигураций национальных интересов и политических обстоятельств

[77] См. Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 101–103.

в ситуациях международного сотрудничества и конфликтов. Т. е. теория игр использует упрощающие допущения с тем, чтобы расширить наше понимание и дать глубинную интерпретацию международных процессов.

Основной сложностью при построении теоретико-игровых моделей международных отношений является выделение приоритетности различных стратегий поведения для противоположных сторон. Главная проблема здесь не в отсутствии рациональности поведения государств на международной арене, а скорее в правильной оценке альтернатив со стороны различных государств. Зачастую шкала ценностей одного государства вовсе не совпадает со шкалой другого, например, вместо вполне осязаемых торгово-экономических преимуществ на первое место становятся соображения имиджевого порядка, моральные нормы, другие обстоятельства, которые должен увидеть исследователь.

К другим сложностям моделирования политической действительности с использованием теории игр можно отнести следующие моменты:

— в теории игр ситуация оптимизируется лишь по одному критерию (выигрышу), в реальности — решение ищется во многокритериальном пространстве;
— имеется неполная информация о реальном количестве игроков, об участии игроков сразу в нескольких играх, о выигрыше противника;
— имеются сложности количественной оценки выигрышей при построении матрицы игры;
— высока роль «человеческого» фактора при реализации решений, принятых на высоком уровне;
— существует техническая сложность решения игр в чистых стратегиях при большом числе стратегий, а также сложность решения игр в смешанных стратегиях при числе стратегий свыше 10 (невозможность обработки данных в стандартных математических программах);

— игры с числом игроков 5 и более имеют строгое математическое решение лишь в частных случаях[78].

Стоит отметить, что классическая теория игр рассматривает рациональное действие индивидуумов, носящее характер стратегического взаимодействия в индивидуалистическом обществе. Однако на практике, помимо того, что мотивации государств на международной арене не всегда могут носит рациональный характер, на принятие решения влияют не только сами лидеры, но и группы экспертов, окружение (фактически решения принимаются не теми лицами, кто формально отвечает за это)[79]. Основные типы социального взаимодействия приведены в табл. 2.

Помимо ограничения по типам социального взаимодействия, которые можно моделировать при помощи классической теории игр, известный отечественный исследователь-международник М. А. Хрусталев указывает также на узость теоретико-игрового подхода в связи с его изоморфностью (использование закономерностей из одной предметной области в другой, «по аналогии»), в отличие от субстанционального (сущностного, отражающего внутреннюю сущность) подхода к познанию действительности (см. табл. 3)[80]:

---

[78] Подробнее о сложностях моделирования политической действительности см. 1) Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. — С. 200–209; 2) Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 101–103; 3) Gates S. and Humes B. Games, Information and Politics. Applying Game Theoretic Models to Political Science. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. pp. 10–12.

[79] Подробнее о характере социального взаимодействия, моделируемого в рамках классической теории игр, см. Allan P. and Dupont C. International Relations Theory and Game Theory: Baroque Modeling Choices and Empirical Robustness. International Political Science Review. 1999, Vol. 20, No. 1, pp. 23–47.

[80] См. подробнее 1) Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — С. 26–35; 2) Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. — С. 157–168.

Таблица 2
Типы моделирования социального взаимодействия в международных отношениях

		Индивидуальное действие		Групповое действие	
		Рациональное поведение	Нерациональное поведение	Рациональное поведение	Нерациональное поведение
Индивидуалистическое общество	Стратегическое взаимодействие	**Классическая теория игр**	Социально-психологические подходы	Теория принципала-агента (теория игр)	Стратегическое групповое мышление
	Природа	Теория принятия решений	Социально-психологические подходы (положения)	Теория принципала-агента (теория принятия решений)	Стратегическое групповое мышление
Коллективистское общество	Стратегическое взаимодействие	Теория предпочтений (теория кооперативных игр)	Эволюционная теория (биология)	Структурализм (теория кооперативных игр)	Эволюционная теория (стая рыб)
	Природа	Принятие социальных рисков (теория принятия решений)	Эволюционная теория	Теория принятия решений	Социологический детерминизм

Таблица 3
Исследовательские подходы, используемые в политологии

Тип подхода / Парадигма	I — Субстанциональный (по существу)	II — Изоморфный (по аналогии)
A. Философская	Историософский подход	
B. Физикалистская	Факторный подход	Синергетический подход
C. Информационная	Кибернетический подход	Теоретико-игровой подход
D. Организационная	Системный подход	Структурно-функциональный подход

Применение теории игр к анализу международных отношений не получило широкого развития как в СССР, так и в России. Тщательно отслеживавшие во времена холодной войны развитие науки в СССР американские исследователи выделяли следующие этапы становления новых общественных наук и подходов в СССР:

1. «Разоблачение» западных исследований в данной сфере как безопасный способ представления новой дисциплины советским исследователям;
2. Начало самостоятельных, идеологически выверенных исследований в данной области, которые постепенно подкрепляются отечественной эмпирикой.

Данный путь прошли, по мнению американских исследователей, кибернетика, математические методы анализа экономики, социология. Однако прикладная теория игр так и не преодолела первый этап своего развития[81]. Как представляется, связано это со следующими тремя основными причинами:

[81] См. подробнее Robinson T. Game Theory and Politics: Recent Soviet Views. Memorandum RM-5839-PR. May, 1970. RAND Corporation, Santa Monica, California.

1. Политология не признавалась как самостоятельная наука в СССР. С 1964 по 1967 гг. делались попытки проводить отдельные политологические исследования. К этому периоду и относятся первые публикации по теории игр в международных отношениях[82], в числе которых работы Г. И. Герасимова[83]. Но к 1968 г. по идеологическим соображениям политологические исследования как таковые прекратились и развивались в контексте социологии[84]. Этим объясняется тот факт, что одна из наиболее сильных школ по исследованию международных отношений возникла именно на базе социологи-

---

[82] См. 1) Герасимов Г. Теория игр и международные отношения. — Мировая экономика и международные отношения. — 1966, №7. — С. 101–108; 2) Герасимов Г.И. Теория игр на службе американских милитаристов. — Проблемы войны и мира. — М.: Мысль, 1967. — С. 244–261; 3) Петровская Л. А. О милитаристских концепциях международного конфликта. — Научные доклады Высшей школы (Философские науки). — 1968, №3. — С. 94–103.

[83] Герасимов Геннадий Иванович (род. 1930) — советский и российский дипломат и журналист-международник. Окончил МГИМО. Работал начальником Управления печати Министерства иностранных дел СССР, Чрезвычайным и полномочным Послом СССР в Португалии и Афганистане. В 1983–1986 — главный редактор газеты «Московские новости»; награждён орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почёта»; лауреат премии им. В. В. Воровского (в области международной журналистики), премии «Золотое перо» (Болгария). Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор множества публикаций, в т. ч. по использованию теории игр в международных отношениях.

[84] В 1967 г. ЦК КПСС принял постановление, касающееся развития социальных наук в СССР («О мерах по дальнейшему развитию социальных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», Правда, 22 августа, 1967 г., С. 1–2), где упоминается о следующих социальных науках: экономика, философия, история, право и социология. Хотя в постановлении говорится о возможностях развития «других социальных наук», нет ни слова о политической науке и ее подразделах, в т. ч. о теории игр.

ческого факультета МГУ (П. А. Цыганков)[85], а одним из видных исследователей в области использования теории игр в международных отношениях стал представитель социологической школы МГИМО Д. В. Ермоленко[86]. В МГУ теоретико-игровой подход в международных отношениях успешно применяла социальный психолог Л. А. Петровская[87]. Вопросы социального конфликта с точки зрения теории игр занимались Г. Л. Смолян

---

85 Подробнее о становлении отечественных международных исследований см. Хрусталев М. Две ветви ТМО в России. — Международные процессы, № 10.

86 Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923–1986) — отечественный социолог и философ, профессор, ученик А. Ф. Шишкина (создатель кафедры философии МГИМО), в числе его учеников — первый проректор МГИМО(У) И. Г. Тюлин (1947–2007). Основные работы — Современная буржуазная философия США. М., 1965; Социология и проблемы международных отношений. М., 1977. Интересовался количественными методами, структурно-функциональным и институциональным анализом современных политических процессов. Семинар Д. В. Ермоленко по системному анализу кризисных международных ситуаций, организованный им в МИД СССР в конце 1960-х — начале 1970-х годов, оказал большое влияние как на развитие теоретических основ социологии международных отношений, так и на практику планирования внешней политики. Опубликовал ряд статей по использованию теории игр в международных отношениях. Подробнее о нем см. Дмитрий Владимирович Ермоленко (1923–1986)/ МГИМО (У) МИД РФ; ред.: Г. К. Ашин, Б. С. Старостин, А. В. Шестопал ; отв. ред. И. Г. Тюлин. — М., 2000. — 88 с. — (Выдающиеся ученые МГИМО–Университета МИД России ; 2).

87 Лариса Андреевна Петровская (1937–2006) — отечественный социальный психолог. Окончила философский факультет МГУ (1960). Кандидат философских наук (1969), доктор психологических наук (1986). Профессор кафедры социальной психологии факультета психологии (1990–2006), «Заслуженный профессор Московского университета» (2000). Тема кандидатской диссертации — «Критика некоторых милитаристских концепций международного конфликта в американской буржуазной идеологии». Автор ряда работ по использованию теории игр в анализе международных отношений.

и В. А. Лефевр[88]. Таким образом, целый ряд работ отечественных исследователей-международников по применению теории игр в политологии шел через призму социологии конфликта[89].

2. Применение теории игр в общественных науках вступало в определенное противоречие с марксистско-ленинским учением. Теоретико-игровой подход связан с формализацией действительности, но любая абсолютизация формы, отрыв ее от содержания таят в себе, с точки зрения марксизма, определенную опасность. В нашем случае опасность связана с а) определением самих игроков — в соответствии с марксистско-ленинской философией движущей силой являются социальные классы; б) взаимозависимым характером поведения — стратегия и цели марксизма-ленинизма не могут зависеть от прихоти их оппонентов, хотя их «происки» должны приниматься

[88] Георгий Львович Смолян — главный научный сотрудник Института системного анализа РАН, доктор философских наук, специалист в области социальных, философских и психологических проблем автоматизации управления и информатизации общества. В 1968 г. в издательстве «Знание» совместно с В. А. Лефевром издал книгу «Алгебра конфликта» (переиздана в 2007 г. в издательстве КомКнига). Владимир Александрович Лефевр — профессор Калифорнийского университета, выдающийся советский (ныне американский) ученый по вопросам математического моделирования психических феноменов, процессов принятия решений и морального выбора. Приобрел мировую известность исследованиями рефлексивных процессов и систем. Работы: «Конфликтующие структуры», «Алгебра совести» и др.

[89] К ним можно отнести 1) Шубкин В. Н. Количественные методы в социологии. — Вопросы философии, — 1967, №3. — С. 30–40; 2) Петровская Л. А. и Петровский С. А. Теория игр и ее социологический аспект. — Вестник Московского университета, Серия «Философия». — 1968, №4. — С. 49–59; 3) Ермоленко Д. В. Социология и проблемы международного конфликта. — «Международная жизнь». — 1968, №8. — С. 47–53; 4) Клаус Г. Философские аспекты теории игр. — Вопросы философии. — 1968, №8. — С. 24–34; 5) Смолян Г. Л. Принципы исследования конфликта. — Вопросы философии, — 1968, №8. — С. 35–41.

во внимание; в) использованием рандомизации — т. е. случайного выбора стратегии, что недопустимо при построении социализма, выбор всегда должен быть осознанным; г) некоторые игры содержат несколько равновесных точек, в то время как «единственно правильный путь» может быть только один и пр[90]. Однако, пожалуй, самым сложным и непреодолимым противоречием является определение полезности (платежа) каждой конкретной стратегии (хода). Как отмечает исследователь из ГДР Георг Клаус[91], подлинная оценка платежной функции зависит от полезности каждого хода, последняя же, по марксистской теории полезности, не является функцией предельной полезности данного хода, но носит определенную, заданную величину. Г. Клаус утверждает, что либо игрок делает каждый последующий свой ход, исходя из предыдущих, и никак не согласуют с каким-либо планом. Либо он исходит из догматических положений и не меняет своей

---

[90] Подробнее см. Воробьев Н. Н. Некоторые методологические проблемы теории игр. — Вопросы философии. — 1966, №1. — С. 93–103. Американские исследователи считают данную работу по сути единственным исследованием, относящимся ко второму (самостоятельному) этапу развития теории игр в анализе международных отношений, и отмечают, что после данной статьи произошел «откат» к первой стадии развития данного направления.

[91] Георг Клаус (р. 1912) — немецкий философ-марксист. Профессор университета в Иене (с 1950) и университета им. В. Гумбольдта в Берлине (с 1953). Директор института философии АН в Берлине (1959–1969). Разрабатывает главным образом философские проблемы современной формальной логики, кибернетики и теории познания. Национальная премия ГДР (1959, 1964). Сочинения в русском переводе: Введение в формальную логику, М., 1960; Иезуиты, бог, материя, М., 1961; Кибернетика и философия, М., 1963; Кибернетика и общество, М., 1967; Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967. По мнению американских исследователей, Г. Клаус продвинулся в применение теории игр в общественных науках больше любого советского исследователя.

стратегии несмотря ни на что. Оптимальной, по мнению исследователя, является смешанная стратегия — в начале игрок следует догматическому положению, однако далее постепенно меняет свой первоначальный план «по ситуации». К таким «далеко идущим» выводам в принципе не мог придти советский исследователь. Г. Клаус же, будучи видным марксистом, обладал в этом плане определенной идеологической свободой.

3. «Программа Нэша» — использование игр с ненулевой суммой и некооперативных игр — с помощью которой анализируется большинство международных ситуаций, вошла в широкий научный оборот лишь в конце 70-х гг. В советской науке, как правило, временной лаг, составлял около 5 лет. Вместе с тем с 1985 г. наблюдалось постепенное угасание школы отечественных прикладных международных исследований, функционировавшей преимущественно на базе ПРОНИЛ МГИМО[92]. Т. е. не успев развиться, прикладные теоретико-игровые исследования международных отношений в СССР закончились.

В современной России прикладные международные исследования с использованием теории игр также не получили широко применения. На тот момент сама логика международных отношений стала преимущественно однополярной и отпала необходимость выработки стратегий противодействия.

Большинство исследований по использованию теории игр в общественных науках связаны в настоящее время с экономикой и концентрируются в ГУ ВШЭ, в Российской экономической школе и Европейском университете в Санкт-Петербурге. В частности, именно здесь изданы современные учебники по теории

[92] Подробнее об этом см. Хрусталев М. Две ветви ТМО в России. — Международные процессы, №10.

игр в экономике[93]. Профессор ГУ ВШЭ Ф. Т. Алескеров — эксперт по вопросам принятия решений в коллективных органах власти (математика выборов), автор совместной монографии с видным американским исследователем П. Ортешуком, имеет ряд учеников, занимающихся вопросами применения теории коалиционных игр в политологии. Профессор РЭШ К. И. Сонин занимается вопросами теории игр в экономики, он же — один редакторов русскоязычного перевода монографии Т. Шеллинга «Стратегия конфликта». За исключением переводных работ на русском языке за последние годы практически не издавались монографии и периодика по использованию теории игр в международных отношениях[94].

Классические симметричные игры с ненулевой суммой, которые в настоящее время чаще всего используются при анализе международных отношений (международных соглашений, режимов, конфликтов и др.) это 1) «Дилемма заключенного», 2) «Цыпленок»; 3) «Охота на оленя»; 4) «Страховка» и 5) «Тупик»[95]. Ниже приводится их краткое описание. Значения платежей в матрице могут отличаться от указанных, принципиально важным является лишь то, чтобы соблюдались приводимые неравенства:

1. *Дилемма заключенного* (Prisoner's Dilemma, PD). Двое преступников, А и Б, попались примерно в одно и тоже

---

[93] См. 1) Данилов В. Лекции по теории игр: Конспект лекций. — М.: Российская экономическая школа, 2002. — 140 с.; 2) Печерский С. Л., Беляева А. А. Теория игр для экономистов: Вводный курс: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. — 253 с.; 3) Шагин В. Теория игр (с экономическими приложениями): Учебное пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

[94] Помимо «Стратегии конфликта» Т. Шеллинга, интерес для исследователей-политологов представляет также книга Диксит А., Нейлбафф Б. Стратегическое мышление в бизнесе, политике и личной жизни: Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2007. — 384 с.

[95] См. подробнее Majeski S. Asymmetric Power Among Agents and the Generation and Maintenance of Cooperation in International Relations. International Studies Quarterly, 2004, Vol. 48. pp. 455–470.

время на сходных преступлениях. Есть основания полагать, что они действовали по сговору, и полиция, изолировав их друг от друга, предлагает им одну и ту же сделку: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается за помощь следствию, а второй получает максимальный срок (10 лет). Если оба молчат, дело проходит по другой статье, и они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют против друг друга, они получают минимальный срок (по 2 года). Каждый заключённый выбирает, молчать или свидетельствовать против другого. Однако ни один из них не знает точно, что сделает другой. *Неравенство*: Для первого игрока DC > CC > DD > CD. *Точки равновесия*: Равновесие по Нэшу — DD. CC предпочтительней, чем DD. *Аналоги в международных отношениях*: вопрос доверия в международных отношениях, в т. ч. выполнение соглашений о разоружении (о контроле за вооружениями), например Соглашения о нераспространении ядерного оружия (1970 г.), Соглашение о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, открытом космосе и под водой (1963).

		2-й игрок	
		Молчать C	Признаваться D
1-й игрок	Молчать C	(1, 1)	(–3, 3)
	Признаваться D	(3, –3)	(–1, –1)

2. *Петухи (*Chicken*)*. В данную игру играли калифорнийский подростки в 1950-е гг., когда ехали навстречу друг другу по узкой дороге. Каждый мог свернуть в сторону и избежать лобового столкновения, но он бы проиграл (повел себя как цыпленок, струсил). *Неравенство*: Для первого игрока DC > CC > CD > DD. *Точки равновесия*: Равновесие по Нэшу — DC и CD. Равновесие неустойчиво. *Аналоги*

в международных отношениях: международные кризисы и конфликты, в особенности гонка вооружений (наращивание вооружений двумя странами) и повышение уровня напряженности в отношениях между двумя странами (взаимное наращивание угрозы), переговоры по торговым соглашениям с угрозой применения санкций и торговых войн (в случае, если игра повторяемая)

		2-й игрок	
		Свернуть C	Не сворачивать D
1-й игрок	Свернуть C	(1,1)	(–1,3)
	Не сворачивать D	(3, –1)	(–3,–3)

3. *Охота на оленя* (Stag hunt). Игра впервые описана французским философом Ж.-Ж. Руссо. Двое идут на охоту, каждый может подстрелить оленя или зайца, не зная, что выберет другой. Если один игрок выбирает оленя, то для успеха ему нужно содействие со стороны другого игрока. Можно охотиться на зайца, которого игрок может донести сам, но заяц как добыча менее ценен, чем олень. *Неравенство*: для первого игрока CC > DC > DD > CD. *Точки равновесия*: Равновесие по Нэшу — CC и DD. CC в целом более предпочтительно, но DC > DD. *Аналоги в международных отношениях*: применение экономического эмбарго или санкций, взаимная выдача преступников.

		2-й игрок	
		C	D
1-й игрок	C	(1,1)	(–3,0)
	D	(0, –3)	(–1,–1)

4. *Страховка* (Assurance). Идет эстафета. Каждый должен выкладываться для общей победы. Если хоть кто не выложился, победы не будет. *Неравенство*: Для первого иг-

рока CC > DD > DC > CD. *Точки равновесия*: Равновесие по Нэшу — CC и DD. CC в целом более предпочтительно, но DD > DC. *Аналоги в международных отношениях*: выполнение международных соглашений, таких как Конвенция по правам детей, Оттавский договор по запрету наземных мин; Киотский протокол; Договор о нераспространении ядерного оружия.

		2-й игрок	
		C	D
1-й игрок	C	(1,1)	(–3,–2)
	D	(–2,–3)	(0,0)

5. *Тупик* (Deadlock). В данной игре нет конфликта между своим интересом и взаимным интересом. Устойчивая стратегия одновременно выгодная для обоих. Ситуация однозначная, поэтому тупиковая. *Неравенство*: Для первого игрока DC>DD>CC>CD. *Точки равновесия*: Равновесие по Нэшу — DD. Одновременно оно в целом более предпочтительно, чем CC. *Аналоги в международных отношениях*: Война в Персидском заливе (1990 г.).

		2-й игрок	
		C	D
1-й игрок	C	(–1,–1)	(–3,3)
	D	(3,–3)	(1,1)

Классическим примером международной ситуации, к которой применялся теоретико-игровой анализ, является Карибский кризис 1962 года. Сложная международная обстановка того времени анализировалась многими исследователями и вошла в большинство учебников по теории игр для политологов и международников. Она неоднократно использовалась в качестве прототипа имитационной игры

для высшего военного и политического руководства США и стран НАТО[96].

После окончания холодной войны сфера применения теории игр в международных отношениях претерпела значительные изменения. К классическим вопросам ведения ядерной войны добавился теоретико-игровой анализ этнических конфликтов, гуманитарной интервенции, ядерного нераспространения, экономических санкций, установления демократических режимов, мировой торговли и глобализации, формирования наднациональных органов[97].

За последние 20 лет теоретико-игровые модели международных отношений стали более сложными не только с точки зрения математического аппарата, но и используемых в них политических теорий и эмпирических данных. В 1990–2000-е гг. теоретико-игровые исследования в международной сфере развивались преимущественно по 5 основным направлениям: 1) многоуровневый анализ международных переговоров; 2) неореализм, доктрина сдерживания и гонка вооружений; 3) начало и окончание войны; 4) международный терроризм; 5) международные организации.

Логика холодной войны и блоковая дисциплина диктовала применение государственно-центристского подхода при анализе международных процессов, внутриполитические факторы практически не принимались во внимание. Конечно, ранее были отдельные работы по двухуровневому анализу процесса принятий решений в том числе статья Айзнера по игре с участием в качестве отдельных игроков правительства США,

---

[96] Подробнее об имитационных играх как форме политической экспертизы см. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — С.89–104.

[97] Avenhaus R., Zartmann W. Diplomacy Games. Formal Models and International Negotiations. Springer, Germany. 2007

населения США и Вьетнама[98], а также статья Интрилигатора и Брито по коалиционным играм с участием правительств, военных кругов и населения США и СССР[99]. Однако широкое распространение данный подход получил лишь после работ Путнама (формализованных впоследствии Иидом)[100] и трудов Фирона[101]. По мнению Фирона, в ходе международных конфликтов каждый лидер должен решать, атаковать соперника, обострять противостояние или отступать. В последнем случае судьба политика незавидна и возможна его скорая отставка. При каком режиме проще участвовать в международных конфликтах: при авторитаризме или демократии? Ранее, ряд авторов (например, Врайт) однозначно высказывались за авторитаризм[102]. Однако впоследствии Фирон и ряд других ис-

---

98 См. Eisner R. War and Piece: a New View of the Game. Department of Economics, Northwestern University, Evanston, IL, USA. 1968.

99 Intriligator M., Brito D. A Game Theory Model of the Military Industrial Complex. Department of Economics, University of California, Los Angeles, USA, 1984.

100 См. 1) Putnam R. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-level Games. International Organisation. 1988, Vol. 42, pp. 427–460; 2) Iida K. Analytic Uncertainty and International Cooperation: Theory and Application to International Economic Policy Coordination. International Studies Quarterly. 1993, Vol. 37, pp. 431–457; 3) Iida K. When and How do Domestic Constraints Matter? Two-level Games with Uncertainty. Journal of Conflict Resolution. 1993, Vol.37, pp. 403–426; 4) Iida K. Are Negotiators Hawkish of Moderate-negotiator Selection in Two-level Games. Sociological Theory and Methods. 1994, Vol. 9, pp. 3–20.

101 См. 1) James D. Fearon Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes. American Political Science Review. 1994, Vol. 88, pp. 577–592; 2) James D. Fearon Signaling versus the Balance of Power and Interests. Journal of Conflict Resolution. 1994, Vol. 38, pp. 236–269; 3) James D. Fearon Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands versus Sinking Costs. Journal of Conflict Resolution. 1997, Vol. 41, pp. 68–90; 4) James D. Fearon Bargaining, Enforcement, and International Cooperation. International Organization. 1998, Vol. 52, No. 2, pp. 269–305.

102 См. Wright Q. A Study of War. University of Chicago Press, Chicago, IL. USA. 1942.

следователей (в т. ч. Тарар, Партелл и Палмер) в своих трудах подтвердили «гипотезу Шеллинга» о том, что демократиям проще участвовать в международных конфликтах и переговорах, т. к. имеют место более жесткие внутренние ограничения переговорной позиции[103]. Теоретико-игровой анализ взаимосвязи внешних конфликтов и внутренней политики содержится также в работах Смита, Щульца, Куризаки, Буэно де Мескита, Сартори, Гизинжера и др.[104] Зависимость внешней политики государства от формы его правления (президентская или парламентская республика) рассмотрена в работах Тсебелиса, а также Милнера и Розендорфа[105].

---

[103] См. 1) Partell P., Palmer G. Audience Costs and Interstate Crises: an Empirical Assessment of Fearon's model of Dispute Outcomes. International Studies Quarterly. 1999, Vol. 43, pp. 389–405; 2) Tarar A. International Bargaining with Two-sided Domestic Constraints. Journal of Conflict Resolution. 2001, Vol. 45, pp. 320–340.

[104] См. 1) Smith A. International Crisis and Domestic Politics. American Political Science Review. 1998, Vol. 92, pp. 623–638; 2) Smith A. Testing Theories of Strategic choice: the Example of Crisis Escalation. American Journal of Political Science. 1999, Vol. 43. pp. 1254–1283; 3) Schultz K. Domestic Opposition and Signaling in International Crises. American Political Science Review. 1998, Vol. 92, pp. 829–844; 4) Schultz K. Democracy and Coercive Diplomacy. New York, USA, Cambridge, MA, USA. 2001; 5) Schultz K. Looking at Audience Costs. Journal of Conflict Resolution. 2001, Vol. 45, pp. 32–60; 6) Kurizaki S. Efficient Secrecy, Public versus Private Threats in International Diplomacy. Working paper, Department of Political Science, University of California, Los Angeles, USA. 2004; 7) Bueno de Mesquita B., Morrow J., Silverson R., Smith A. An Institutional Theory of the Democratic Peace. American Political Science Review. 1999, Vol. 93, pp. 791–808; 8) Sartori A. The Might of the Pen: a Reputational Theory of Communication in International Disputes. International Organization. 2002, Vol. 56, pp. 121–149; 9) Guisinger A., Smith A. Honest Threats: the Interaction of Reputation and Political Institutions in International Crises. Journal of Conflict Resolution. 2002, Vol. 46, pp. 175–200.

[105] См. 1) Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton University Press, Princeton, NJ, USA. 2002; 2) Milner H., Rosendorff P. Interests, Institutions, and Information. Princeton University Press, Princeton, NJ, USA. 1997.

Теория игр продолжает играть роль «полиции логики», делая более четким неформализованный политический анализ в рамках глобальных экспликативных теорий, в особенности неореализма. Предполагается, что государства проводят свою внешнюю политику, преследуя цель самосохранения и выживания в мире, полном анархии. Теоретико-игровой подход позволяет более рельефно отобразить мотивации различных субъектов международных отношений. В частности, Пауэл в своих работах[106] анализирует, к достижению каких преимуществ на международной арене стремятся государства — сравнительных (по отношению к другим странам) или абсолютных. Используя аппарат теории игр, он также выявляет, к каким мерам прибегает государство для нейтрализации угрозы со стороны соперника на международной арене: к милитаризации (перестройке экономики с производства «масла» на производство «пушек»), к политике компромисса или созданию альянсов с другими государствами. Со времен холодной войны сохранился интерес к применению теоретико-игрового подхода к вопросам сдерживания и гонки вооружений, поскольку на карте мира возникают все новые очаги нестабильности, например, Северная Корея и Иран, планирующие обладать ядерным оружием. Обновленная концепция сдерживания, основанная на равновесии, совершаемом по под-играм, содержится в работе Загара и Килгура[107]. Авенхаус и Хубер анализируют возможность применения международных санкций в связи с иранской ядерной программой[108], а Йехиль и др. описывают в терминах теории

[106] См. Powell R. In the Shadow of Power. Princeton University Press, Princeton, NJ, USA. 1999.

[107] См. Zagare F., Kilgour M. Perfect Deterrence. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2000.

[108] См. 1) Avenhaus R., Huber R. A Game-Theoretical Analysis of the Conflict about Iran's Nuclear Program. PIN POINTS /Processes of International Negotiation (PIN) Program at the International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA) Network Newsletter. 2007, № 28, pp. 13–15; 2) Avenhaus, R., and Huber, R.K. Zum Atomstreit mit dem Iran: Eine spieltheoretische Betrachtung von Handlungsoptionen, Europдische Sicherheit. February 2007, Vol. 56, pp. 29–32.

игр судьбу ядерного оружия, находившегося на территории Украины в советское время[109]. Балига и Сьостром представили игровую модель с неполной информацией, где даже малая вероятность агрессивного поведения соперника приводит к гонке вооружений[110]. Кидд рассматривает различные аспекты гонки вооружений, а также вопрос доверия в расширении НАТО на Восток. В представленной им игре Запад либо предлагает членство в альянсе третьей стороне либо не предлагает. В свою очередь НАТО и Россия играют в двустороннюю игру доверия. В зависимости от критериев членства (выбора стран-членов) расширение НАТО увеличивает доверие в отношениях с Россией, либо уменьшает его[111].

После окончания холодной войны теоретико-игровой анализ сместился от вопросов ядерной войны к ведению обычной, конвенционной войны, при этом в первую очередь возросло количество исследований по вопросам переговоров[112]. Фирон рассматривает, при каких условиях начинается война между двумя «рациональными» государствами: 1) невозможность перейти к урегулированию конфликта; 2) невозможность обмена достоверной информацией о друг друге; 3) неделимость

---

[109] См. Jehiel P., Moldovanu B., Staccheti E. How (not) to Sell Nuclear Weapons. The American Economic Review. 1996, Vol. 86, No.4, pp. 814–829.

[110] См. Baliga S., Sjöström T. Arms Race and Negotiations. Review of Economic Studies. 2004, Vol. 71, pp. 351–369.

[111] См. 1) Kydd A. Game Theory and the Spiral Model. World Politics. 1997, Vol. 49, pp. 371–400; 2) Kydd A. Trust, Reassurance and Cooperation. International Organization. 2000, Vol. 54, pp. 325–357; 3) Kydd A. Arms Races and Arms Control: Modelling the Hawk Perspective. World politics. 2000, Vol. 44, pp. 228–244; 4) Kydd A. Trust Building, Trust Breaking: the Dilemma of NATO Enlargement. International Organization. 2001, Vol. 55, pp. 808–828; 5) Kydd A. Trust and Mistrust in International Relations. Princeton University Press, Princeton, NJ, USA. 2005.

[112] См., например, Powell R. Bargaining Theory and International Conflict. Annual Review of Political Science. 2002, Vol. 5, pp.1–30.

«блага», из-за которого возникло разногласие[113]. Сланчев, Пауэлл и О'Нейл в своих работах развивают выводы Фирона[114]. Если ранее основной акцент делался на переговоры для недопущения войны, то в последнее время — на переговоры по прекращению военных действий по обоюдному согласию сторон. Одной из первых здесь была работа Витмана, впоследствии Вагнер рассмотрел ведение переговоров о мире между неравными соперниками, а Вернер изучила конкретные условия достигаемых перемирий[115]. Значительная часть исследований посвящена роли международного посредничества. Игровые модели Кидда, О'Нейла, Джарка и др.[116] показывают, каким образом посредник способствует достижению равновесных точек. Фавретто анализирует посредничество с позиций силы на примере Боснии и Словении[117].

---

[113] См. James D. Fearon Rationalist Explanation for War. International Organization. 1995, Vol. 49, pp. 379–414.

[114] См. 1) Slantchev B. The Power to Hurt: Costly Conflict with Completely Informed States. American Political Science Review. 2003, Vol. 97, pp. 123–133; 2) Slantchev B. The Principle of Convergence in Wartime Negotiations. American Political Science Review. 2003, Vol. 97, pp. 621–632; 3) Powell R. The Inefficient Use of Power: Costly Conflict with Complete Information. American Political Science Review. 2004, Vol. 98, pp. 231–241; 4) O'Neill B. Risk Aversion in International Relations Theory. International Studies Quarterly. 2001, Vol. 45, pp. 617–640.

[115] См. 1) Wittman D. How War Ends: a Rational Model Approach. Journal of Conflict Resolution. 1979, Vol. 21, pp. 741–761; 2) Wagner J. Bargaining and War. American Journal of Political Science. 2000, Vol. 44, pp. 469–484; 3) Werner S. Negotiating the Terms of Settlement: War Aims and the Bargaining. Journal of Conflict Resolution. 1998, Vol. 42, pp. 321–343.

[116] См. 1) Kydd A. Which Side are You on? Bias, Credibility and Mediation. American Journal of Political Science. 2003, Vol. 47, pp. 597–611; 2) O'Neill B. What Can a Disinterested, Powerless Mediator Do? American Political Science Association, Chicago, IL, USA. 2004; 3) Jarque X., Ponsati C., Sakovics J. Mediation: Incomplete Information Bargaining with Filtered Communication. Working paper, Departament d'Economia I Ha, Universitat Autonoma de Barcelona, Spain. 2001.

[117] См. Favretto K. Does Impartiality Matter? Bias and Coercion in Major Power Mediation. Working paper, Department of Political Science, University of California, Los Angeles, USA. 2004.

События 11 сентября 2001 г. вызвали всплеск внимания к проблеме международного терроризма, в т. ч. с точки зрения теории игр. Традиционно, ряд исследователей (Сандлер, Лапан, Эндерс и др.) использовал теорию игр для оценки т. н. *эффекта замещения* — готовности террористов ответить на принимаемые против них контртеррористические меры терактами большей или меньшей силы[118]. Новой темой для исследований стал анализ уязвимости зданий и сооружений с точки зрения международного терроризма. При этом применяются теоретико-игровые модели, аналогичные тем, что использовались для расчетов потерь от межконтинентальных баллистических ракет. Отдельная проблема — мотивация террористов, в первую очередь Аль-Кайеды. Кажущаяся на первый взгляд иррациональной, их деятельность, безусловно, преследует определенные цели. В этой связи примечателен анализ О'Нейла о роли чести и достоинства в мотивации поведения этнических групп, из среды которых вышли многие деятели террористического подполья[119]. Ряд исследователей (Буэно де Мескито и др.) посредством теории игр также изучают вопрос, стоит ли вести переговоры с террористами (вопреки официальному запрету, существующему, например, в США)[120]. Кидд и Вальтер, анализируя мотивации терактов на Ближнем Востоке, приходят

---

[118] См. 1) Sandler T., Lapan H. The Calculus of Dissent: an Analysis of Terrorists' Choice of Targets. Synthese. 1988, Vol. 76, pp. 245–261; 2) Enders W., Sandler T. What do We Know about the Substitution Effect in Transnational Terrorism? In: Andrew S., IIardi G (eds) Research on Terrorism: Trends, Achievement, Failures. Routledge, New York, USA. 2002.

[119] См. O'Neill B. Mediating Disputes over Honor: Lessons from the Era of Dueling. Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2003, Vol. 159, pp. 1–19.

[120] См. 1) Bueno de Mesquita E. Conciliation, Counterterrorism, and Patterns of Terrorist Violence. International Organization. 2005, Vol. 59. pp. 145–176; 2) Bueno de Mesquita E. The Quality of Terror. American Journal of Political Science. 2005, Vol. 49, pp. 515–530.

к выводу, что основная их цель — срыв мирных переговоров[121]. С окончанием холодной войны значительно сократилось использование право вето в СБ ООН. Посредством данного органа США и их союзники стараются легитимизировать проводимые ими военные операции. Воетен анализирует как достигать в этом случае положительных исходов голосования в СБ ООН[122]. Керби и Гобелер, а также О'Нейл проводят теоретико-игровой анализ актуального вопроса о реформировании системы членства в СБ ООН[123]. Работы Гаретта и Тсебелиса, Фелсенталя и Машовера посвящены анализу системы принятия решений в Евросоюзе, в т. ч. с использованием индексов Шепли-Шубика и Банцаафа[124]. Посредством использования повторяемых игр Магги и Морелли оценивают систему голосования в различных международных организациях, в т. ч. в НАТО, структурах ООН и институтах Бреттон-Вудса[125].

В настоящее время прикладные теоретико-игровые исследования в области анализа международных отношений ведутся в научных центрах, работающих в сфере стратегических исследований, изучения международных конфликтов, проблем

---

[121] См. Kydd A., Walter B. Sabotaging the Peace: the Politics of Extremist Violence. International Organization. 2002, Vol. 56, pp. 263–296.

[122] См. Voeten E. Outside Options and the Logic of Security Council Action. American Political Science Review. 2001, Vol. 95, pp. 845–858.

[123] См. 1) Kerby W., Göbeler F. The Distribution of Voting Power in the United Nations. In: Huber R., Avenhaus R. (eds) Models for Security Policy in the Post-Cold War Era. Nomos, Baden-Baden, Germany. 1996, pp. 221–230; 2) O'Neill B. Power and Satisfaction in the United Nations Security Council. Journal of Conflict Resolution. 1996, Vol. 40, pp. 219–237.

[124] См. 1) Garett G., Tsebelis G. Even More Reasons to Resist the Temptation of Power Indices in the EU. Journal of Theoretical Politics. 2001, Vol. 13, pp. 99–105; 2) Felsenthal D., Machover M. Myths and Meaning of Voting Power: Comments on a Symposium. Journal of Theoretical Politics. 2001, Vol. 18, pp. 31–97.

[125] См. Maggi G., Morelli M. Self-enforcing Voting in International Organizations. Working paper, Department of Economics, Princeton University, Princeton, NJ, USA. 2004.

войны и мира, международных переговоров и сотрудничества. Ведущая роль принадлежит здесь американских институтам (ведущие позиции сохраняет РЭНД, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский университет и др.), Институту прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), Центру изучения рациональности Университета Иерусалима (Израиль).

Основные публикации по данной тематике выходят в американских журналах по политической науке (American Journal of Political Science, American Political Science Review, World Politics, International Studies Quarterly), журналах по международным переговорам, конфликтам, международным организациям (International Negotiations, Negotiation Journal, Journal of Conflict Resolution, International Organization), экономическим журналам (Econometrica) и специализированном журнале по теории игр (International Journal of Game Theory).

Представляется, что роль теории игр в отечественном анализе международных отношений будет возрастать. Мир на наших глазах перестает быть однополярным, и теория игр поможет дать ответ на такие вопросы, как ограничить расширение НАТО на Восток, как выстроить отношения с региональными державами (Турция и Иран), какую политику вести России в рамках G7 и БРИК, каковы шансы политических коалиций на Украине и др. Для формирования навыков прикладного использования теории игр во внешнеполитическом анализе в настоящее время курс «Введение в теорию игр для политологов и международников» читается на факультете политологии МГИМО.

По мере укрепления Российской Федерации как независимого игрока, имеющего собственную внешнеполитическую позицию и готового ее отстаивать (пример — конфликт Грузии и Южной Осетии в августе 2008 г.), возрастало значение теоретико-игрового инструментария для анализа международных отношений. Касается это и постсоветского пространства, где

в настоящее время реализуются стратегии сразу нескольких игроков из числа глобальных и региональных лидеров (РФ, США, ЕС, КНР, Турция и др.), которые имеют как общие, так и противоположные интересы.

С учетом динамики процессов, происходящих на постсоветском пространстве, особый интерес представляют различные виды *кооперативных игр* с участием великих держав. Это позволяет понять складывающиеся конфигурации альянсов в непосредственной близости от российских границ, выявить возможные угрозы. При этом представляется целесообразным дополнить традиционный одноуровневый и однокритериальный анализ данных коалиций рассмотрением нескольких уровней принятия решений (население, военное лобби, правительство), а также нескольких «плоскостей», в которых идет противостояние (безопасность и экономика). Кроме этого, целесообразно использование коалиционных игр к оценке механизмов принятия решений, непосредственно влияющих на политические процессы на постсоветском пространстве, в коллективных органах власти как на внутригосударственном (например, Верховная Рада Украины), так и международном уровне (Совет НАТО). Вопрос о доверии в международных отношениях (на примере переговоров РФ и США по сокращению вооружений или Армении и Турции по урегулированию исторического спора о геноциде армян) с использованием *классической симметричной биматричной игры «Дилемма заключенного»*.

Кооперативные игры — класс игр, в которых игроки могут принимать решения по согласованию друг с другом и вправе вступать в коалиции, заключая взаимообязывающие соглашения. Основное внимание в кооперативных играх уделяется правилам вхождения игроков в коалиции, выхода из них, их устойчивости, но главное — правилам «дележа» общего выигрыша между членами коалиции. Применение кооперативных игр в анализе международных отношений носит ограниченный характер, т. к. участники игры, как правило, склонны разрывать

соглашения, как только они вступают в противоречие с их собственными интересами[126].

Несмотря на ограничения, связанные с применением данного подхода на практике, на постсоветском пространстве именно теория кооперативных игр позволяет наиболее эффективно анализировать сложившуюся конфигурацию сил.

Анализируются ситуации, в которых задействовано, как правило, три игрока — бывшая республика СССР (кроме РФ), РФ и США. Это упрощенное представление ситуации, в реальности, например, США выступают в союзе с рядом других глобальных и региональных игроков (ЕС, Польша, страны Балтии, ряд бывших республик СССР — соседей первого игрока). Аналогично, РФ также имеет ряд союзников (в т. ч. из бывших республик СССР), хотя и в меньшем количестве.

Выбор стратегии игрока — нового независимого государства на постсоветском пространстве, в этом случае сводится к выбору наиболее выгодных для него союзников. Объединение игроков с целью максимизации общего выигрыша в теории игр принято называть *коалицией*. Функция $v(S)$, которая описывает зависимость суммарного выигрыша коалиции от ее состава и размера, называется *характеристической функцией*. В свою очередь игры, допускающие образование коалиций, называют

---

[126] Один из примеров в области использования кооперативных игр к анализу международных политических коалиций и альянсов является работа П. Ордешука и Н. Эмерсона. Однако модель, приведенная в данной работе, впоследствии была описана с использованием инструментария некооперативных игр. Вопросам формирования международных альянсов в ситуациях с неполной информацией посвящена монография Дж. Морроу. См.: Ordeshook P. and Emerson N. Stability in International Systems and the Costs of War. In: Models of Strategic Choice in Politics / Ed. by Ordeshook P. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989; Ordeshook P. and Emerson N. The Geographical Imperatives of the Balance of Power in Three-country Systems // Mathematics and Computer Modeling. 1989. No 12. P. 519–531; Morrow J.D. Game Theory for Political Scientists. Princeton: Princeton University Press, 1994.

кооперативными играми. Для решения таких игр необходимо рассмотреть все возможные коалиции и оценить их с точки зрения полезности для каждого игрока.

После выделения *устойчивых коалиций* уже сами эти коалиции можно рассматривать как отдельных игроков, что сразу упрощает анализ игры. После этого решается задача *дележа выигрыша* между членами коалиции с учетом возможных выигрышей этих игроков в составе других коалиций. Следует отметить, что число возможных коалиций и сложность решения таких игр быстро возрастают с увеличением числа игроков n, и на сегодняшний день более-менее изучены только коалиционные игры с $n<5$.

Размер выигрыша игроков в рамках той или иной коалиции можно корректировать посредством *компенсационных платежей*, определяющих величину уступки, которая более заинтересованная сторона может предложить менее заинтересованной для вступления в коалицию. На пространстве СНГ такими платежами со стороны России нередко бывает: цена на поставляемый природный газ (для Белоруссии и Украины), выдача разрешений на поставку продукции (Грузия, Молдавия), а также лояльное отношение к мигрантам (Таджикистан). Со стороны западных стран роль компенсационного платежа играют кредиты МВФ, однако в последние годы РФ стремится уйти от «братских», нерыночных методов ценообразования за газ и оказывать преимущественно финансовую помощь в виде кредитов Антикризисного фонда ЕврАзЭс. Тем самым, *сделана попытка «привести к единому знаменателю», облегчить процедуру сравнения компенсационных платежей стран Запада и России.*

В этом контексте примечателен опыт нескольких постсоветских стран, в т. ч. Киргизии, разместившей на своей территории объекты военной инфраструктуры, как США, так и РФ. Аналогичная ситуация сложилась и на Украине, где по соседству дислоцированы подразделения Черноморского

флота РФ и Военно-морских сил Украины, за последние годы существенно продвинувшихся по пути интеграции в структуры НАТО. На территории данных стран наблюдается уникальная ситуация пересечения нескольких военно-политических контуров, свойственная скорее для экономической сфере «здоровая конкуренция». Фактически, данные страны в той или иной степени, являются членами обеих коалиций. С учетом длительного периода существования данных ситуаций, они на практике показывают, что данные коалиции не являются полностью *взаимоисключающими*.

На момент вступления в коалицию, когда независимый игрок только сравнивает возможные выигрыши в разных коалициях, инициаторы коалиций не заинтересованы предоставлять ему *полную информацию* о всех плюсах и минусах членства. Лишь после его вступления в коалицию, когда в отношении него начинают действовать обязывающие соглашения, он получает более подробную информацию о данной коалиции[127].

В монографии «Теория игр и экономическое поведение»[128] Дж. фон Нейман, вполне в духе «холодной войны» и имевшей место в тот период жесткой блоковой дисциплины, при анализе кооперативных игр использует понятие *«болвана» (dummy)*, т. е. игрока, вступление в коалицию с которым нежелательно по соображениям высшего порядка (идеология, безопасность и проч., но не экономика). Один из игроков сразу исключается из процесса переговоров о создании коалиции. Переговоры ведутся между первым и вторым игроками о разделе между ними суммарного выигрыша и о величине проигрыша третьего игрока. Принятое решение лишь оговаривает интервал для этого проигрыша и ничего не говорит о пропорции между выиг-

---

[127] Подробное описание такого рода тактики содержится в монографии Т. Шеллинга «Стратегия конфликта», своеобразном «букваре» «холодной войны: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.

[128] Подробнее см. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Гардарики, 2007.

рышами первого и второго игрока. В принципе, весь выигрыш может забрать, например, первый игрок — второй все равно не выйдет из коалиции, так как он рискует тогда вообще оказаться в положении третьего игрока. Именно поэтому коалиция и оказывается устойчивой, а игра носит кооперативный характер.

Строгое решение игры с произвольным дележом выигрышей было получено Нейманом графическим методом. Он рассматривал трехмерный вектор выигрышей игроков $\boldsymbol{\alpha} = (\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3,)$ на плоскости с тремя осями α_1, α_2, α_3, под углом 60° друг к другу (компоненты вектора — это выигрыши игроков). Из условия ограничения на размер проигрыша ($\alpha_i \geq -1$) можно сделать вывод, что решение находится внутри области, ограниченной «фундаментальным» треугольником. Причем устойчивым оказывается дележ вида:

$$\alpha = (a, b, -a-b),$$

где константы a и b удовлетворяют условию

$$-1 \leq b \leq 1-a.$$

Это семейство решений явно не симметрично относительно игроков. Вопрос о том, кто из игроков окажется вне коалиции, в известной степени связан с самой процедурой образования коалиции.

Применительно к постсоветскому пространству, речь идет об исключении РФ как инициатора формирования коалиций, посредством создания среди элит и населения новых независимых государств устойчивых психологических установок «о недопущении возвращения к имперским амбициям», «советскому застою», «реакционным режимам» и т. д.

Фактически, до момента необратимой деградации промышленного (в особенности, военно-промышленного потенциала) бывших советских республик создавалась ситуация (в т. ч. благодаря череде «цветных» революций и формированию соответствующих психологических установок), когда величина

возможных компенсационных платежей со стороны РФ новым независимым государствам, необходимых для перехода их из антироссийской в пророссийскую коалицию, была запретительно высокой. Размер данных платежей существенно превышал возможные выгоды для РФ от восстановления экономических связей и формирования единого промышленного (в т. ч. военно-промышленного) комплекса.

По мере сокращения остаточной стоимости и ценности промышленных активов в странах СНГ, снижения психологического эффекта от «цветных» революций и уменьшения компенсационных платежей своим союзникам со стороны ряда западных стран (по времени совпавших с инаугурацией Б. Обамы в США и В. Януковича на Украине), нарастания мирового финансового и экономического кризиса, сокращается и размер компенсационных платежей, необходимых РФ для «переманивания» стран СНГ в орбиту своего влияния.

Этим, в частности, обусловлен прогресс в формировании Таможенного союза (промежуточного этапа на пути к Евразийскому союзу), а также зоны свободной торговли в рамках СНГ. Однако, ценность данных «вложений» (направляемых в качестве компенсационных платежей) для России за истекший с момента распада СССР период существенно сократилась. Например, авиационная промышленность и судостроение Украины во многом утратили свой потенциал и компетенции. Фактически, речь идет о воссоздании с нуля объектов промышленной и военно-промышленной кооперации в этой стране.

Логика «холодной войны» и блоковая дисциплина диктовали применение государство-центричного подхода к анализу международных процессов[129]. Внутриполитические факторы при этом практически не принимались во внимание, поскольку ключевую роль в формировании внешнеполитической позиции

[129] Подробнее см. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Гардарики, 2007.

играли соображения национальной безопасности, определяемые органами исполнительной власти. Роль населения не рассматривалась в полном объеме[130]. Роль участников в принятии решений и институтов, влияющих на данный процесс, возможно учесть лишь в рамках многоуровневого анализа международных процессов. Так, несмотря на пророссийскую ориентацию значительной части населения стран СНГ, посредством преимущественного взаимодействия с элитами, как правило, удавалось включить данные страны в антироссийскую коалицию[131].

США и ведущие страны ЕС использовали наработанный значительный опыт многоуровневого анализа, прежде всего, в области анализа ценностей, которые разделяет население той или иной страны. Общие ценности — это ключевой фактор, на основе которого строятся долгосрочные альянсы и партнерские отношения. Практика международного признания Абхазии и Южной Осетии, с одной стороны, и Косово, с другой стороны, показывает, что имеющийся в данной сфере зарубежный опыт заслуживает особого внимания.

---

[130] Отдельные работы по двухуровневому анализу процесса принятий внешнеполитических решений все же выходили и до 1990-х годов. Например, в 1968 г. вышла статья Р. Айзнера с анализом игры, где в качестве отдельных игроков выступают правительство США, население США и население Вьетнама. Массовые антивоенные выступления американского населения играли важную роль в формировании вьетнамской политики США. О двухуровневом анализе писали также М. Интрилигатор и Д. Брито писали о коалиционных играх с участием правительств, военных (в т. ч. военно-промышленных) кругов и населения США и СССР. См.: Eisner R. War and Peace: a New View of the Game. Department of Economics. Northwestern University. Evanston (Il.), 1968; *Intriligator M., Brito D.* A Game Theory Model of the Military Industrial Complex. Department of Economics, University of California. Los Angeles, 1984.

[131] См. Ситуационные анализы. Выпуск 1: Учебное пособие. — М.: МГИМО–Университет, 2011; Дегтерев Д. А. Хартия о стратегическом партнерстве между США и Украиной // Национальная безопасность. 2011. №1–2.

В основе формирования долгосрочных стратегических альянсов лежит понимание общности интересов, политической культуры, разделяемых не только элитами, но и населением стран — потенциальных участников коалиций. Существует, как минимум, две обширные базы данных по международным ценностным отличиям, широко используемых американскими аналитиками, в т. ч. из «РЭНД Корпорейшн»[132]:

— База по исследованию ценностей в мире (The World Values Survey database)[133] — информация о кросс-культурных отличиях населения около 100 стран мира (более 90% всего населения). Работа над ней ведется с 1981 г., штаб-квартира находится в Стокгольме, Швеция. На основании социологических опросов выявляется отношение населения различных стран мира к поддержке демократии, к иностранцам и этническим меньшинствам, к половому равенству, к роли религии и уровню религиозности, к воздействию глобализации, к окружающей среде, к работе, семье, политике, национальной идентичности, культуре, безопасности, благосостоянию.
— Глобальный проект по исследованию поведения Центра Пью (The PEW Global Attitudes project)[134]. С 2001 г. проводятся исследования и социологические опросы по широкому спектру проблем в 57 странах мира, штаб-квартира находится в Вашингтоне (США).

На основе имеющихся баз данных составляются карты (см. рис. 3), позволяющие выявить, какие группы стран разделяет те или иные ценности, что выступает в качестве предпосылок для формирования международных альянсов.

---

[132] Ghez J. Alliances in the 21st Century. Implications for the US-European partnership. RAND Europe, 2011. Supported by the French Ministry of Defense.

[133] The World Values Survey database. Режим доступа — http://www.worldvaluessurvey.org

[134] The PEW Global Attitudes project. Режим доступа — http://www.pewglobal.org

Рис. 3. Карта культур мира Базы по исследованию ценностей (2005–2008 гг.)

Источник: *Inglehart R., Welzel Ch. Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy// Perspectives on Politics. — June 2010 (vol. 8, No. 2), p.554.*

Ключевым элементом теоретико-игрового анализа является определение платежей (выигрышей) сторон при определенных стратегиях того или иного игрока. Важную роль при этом играет определение шкалы, по которой оценивается выгода от реализации той или иной стратегии. В ряде случаев, помимо чисто экономических критериев, большую роль играют факторы международного и внутриполитического имиджа, соображения

геостратегического и геополитического характера, религиозные нормы и ценности. Именно с позиций такого рода мотиваций можно оценить стратегии С. Хусейна (Ирак) и М. Каддафи (Ливия), реализацию иранской ядерной программы. Задача эксперта в области теории игр состоит в том, чтобы привести к общему знаменателю разные мотивации, постараться количественно оценить выгоду того или иного игрока с учетом разности в шкалах ценностей. Зачастую для этого используется многокритериальный анализ международных процессов, когда отдельно анализируются экономические выгоды (потери), отдельно — политические.

Например, в работе по теоретико-игровому анализу взаимодействия Ирана с международным сообществом различные сценарии развития событий оцениваются сразу по трем шкалам, рассматриваемым как компоненты вектора выигрышей каждой из сторон: 1) стабильность поставок нефти и газа; 2) региональная стабильность; 3) достижение/недостижение Ираном статуса ядерной державы[135].

Схожую методику можно применить для анализа ситуации на постсоветском пространстве. Простой обыватель (как в РФ, так и среди пророссийски настроенного населения других стран СНГ) критикует российские власти за пассивность в вопросах экономической экспансии в страны СНГ, в то время как другие глобальные и региональные силы, по его мнению, активно проводят такую экспансию.

Представляется не совсем корректным сводить противостояние РФ с нерегиональными игроками на постсоветском пространстве исключительно к экономическим аспектам. Более эффективным является рассмотрение данного взаимодействия параллельно в нескольких плоскостях — в плоскости безо-

[135] Avenhaus R., Huber R. A Game-Theoretical Analysis of the Conflict about Iran's Nuclear Program // PIN POINTS /Processes of International Negotiation Program at the International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA) Network Newsletter. 2007. № 28. P. 13–15

пасности (контроля за инфраструктурой) и в экономической плоскости, т. е. с использованием многокритериальной модели, аналогичной модели по Ирану.

В самом деле, в 1990-е годы и особенно в период «цветных» революций на Украине и в других странах СНГ, были поставлены под внешний контроль основные политические структуры стран, которые встроены в государственную машину, обеспечены необходимым финансированием и лояльными СМИ. Был осуществлен захват властных (полностью) и силовых (в большей части) структур, создана сеть «общественных» организаций, прикрывающих данные структуры и обеспечивающих их фактическое выведение из-под контроля общества[136].

В сложившейся ситуации не представляются возможными масштабные российские инвестиции, особенно в высокотехнологические сектора (в т. ч. оборонного назначения), которые автоматически подпадают под внешнюю, недружественную РФ инфраструктуру безопасности.

Возможных выходов из сложившегося положения несколько.

Во-первых, наращивать экономическое сотрудничество в области сельского хозяйства, производство продукции гражданского назначения и в прочих «нечувствительных» секторах, что и происходит на практике. Например, в ноябре 2011 г. на авиасалоне в Дубаи (Dubai Airshow 2011) корпорация «Вертолеты России» подписали договор с компанией «Мотор Сич» (Украина) на поставку порядка 1,3 тыс. двигателей в течение 5 лет для *коммерческих* вертолетов на общую сумму 1,2 млрд долл. [137]

Во-вторых, при создании российскими компаниями высокотехнологичных СП в странах СНГ выводить совместные

---

[136] Дегтерев Д. А. Хартия о стратегическом партнерстве между США и Украиной // Национальная безопасность. — 2011. — №1–2.

[137] ПАО «Мотор Сич» поставит холдингу «Вертолеты России» двигателей на 1 млрд долл. // РБК-Украина, 13.11.2011. Режим доступа — http://www.rbc.ua/rus/newsline/show/-motor-sich-postavit-holdingu-vertoletyrossii-dvigateley-13112011163900

предприятия из-под контроля национальной (фактически, внешней) инфраструктуры безопасности, т. е. гарантировать их экстерриториальный характер. Пока такие попытки не увенчались успехом, что приводит к пробуксовке интеграционных проектов, например, с Украиной в области авиастроения и судостроения.

В-третьих, в контексте нынешнего мирового экономического кризиса резко обострились социально-экономические противоречия в ряде стран СНГ, а также в ЕС. При этом наличие сложившейся инфраструктуры внешнего контроля затрудняет оперативное реагирование на экономические вызовы, в т. ч. диверсификацию иностранных инвесторов и стратегических партнеров за счет компаний и финансовых институтов из России, КНР, стран Персидского залива. Традиционные стратегические партнеры при этом сами испытывают экономические сложности. В данной ситуации встает вопрос об адекватности сложившейся инфраструктуры безопасности вызовам современной экономики.

Теория коалиционных игр широко используется для анализа способов оказания влияния в национальных выборных органах власти (*индексы Шепли-Шубика, Банцафа* и др.)[138], а при анализе международных отношений данный инструментарий применяется при изучении выборных органов международных организаций, например, Совета Безопасности ООН и органов управления региональных интеграционных объединений (в первую очередь, Евросоюза[139]). С окончанием «холодной войны» значительно сократилось использование права вето в Совете

---

[138] Алескеров Ф. Т. и др. Влияние и структурная устойчивость в Российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.). — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2007.; Дегтерев Д. А. Введение в теорию игр для политологов и международников. М.: МГИМО–Университет, 2010; Клима Р. Э., Ходж Дж. К. Математика выборов: Пер. с англ. — М.: МЦНМО, 2007.

[139] Дегтерева Е. А. Лоббизм в процессе принятия внешнеэкономических решений ЕС: нормы регулирования, механизмы и модели// Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4; *Якуба В. И.* Институциональный баланс власти в Совете министров расширенного Евросоюза // Экономический журнал ВШЭ. 2003. № 4. С.513–523.

Безопасности ООН. В настоящее время все чаще посредством данного органа США и их союзники стараются легитимизировать проводимые ими военные операции[140].

На постсоветском пространстве необходимость анализа парламентских коалиций обусловлена важностью решений, ратифицируемых парламентами стран-членов СНГ (например, о продлении сроков базирования российских военных баз на Украине, в Армении и Таджикистане), а также принимаемых руководящими органами НАТО, ЕС, ОБСЕ и другими организациями, оказывающими влияние на постсоветские страны.

Особый интерес представляет анализ влияния парламентских фракций в Верховной Раде Украины в период «оранжевой» революции и формирования соответствующей коалиции (2004–2008 гг.). Фактически снова имела место кооперативная игра (см. выше, раздел «Неполная информация и использование «болвана»), в которой одному из наиболее сильных и влиятельных игроков — «Партии Регионов» отводилась роль «болвана». Это обеспечивало устойчивость «оранжевой» коалиции, представители которой заявляли о недопустимости переговоров с «Партией Регионов» по идейным соображениям. Из трех основных

---

[140] В. Керби и Ф. Гобелер, а также О'Нейл проводят теоретико-игровой анализ актуального вопроса о реформировании системы членства в СБ ООН. См.: *Kerby W., Gobeler F.* The Distribution of Voting Power in the United Nations. In: Huber R., Avenhaus R. (eds.) Models for Security Policy in the Post-Cold War Era. Baden-Baden, Germany. 1996. P. 221–230; O'Neill B. Power and Satisfaction in the United Nations Security Council // Journal of Conflict Resolution. 1996. Vol. 40. P. 219–237; *Ordeshook P. and Riker W.H.* An Introduction to Positive Political Theory. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1973; *Voeten E.* Outside Options and the Logic of Security Council Action // American Political Science Review. 2001. Vol. 95. P. 845–858.
Посредством использования повторяемых игр Г. Магги и М. Морелли оценивают систему голосования в различных международных организациях, в том числе в НАТО, структурах ООН и институтах Бреттон-Вудса. См.: *Maggi G., Morelli M.* Self-Enforcing Voting in International Organizations / Working paper, Department of Economics. Princeton Universityю Princeton (NJ), 2004.

игроков — блока БЮТ (Ю. Тимошенко), блока «Наша Украина — Народная самооборона» (В. Ющенко) и «Партии Регионов» (В. Янукович), последний был исключен по всем правилам теории игр. Заметим, что переход депутатов из одной фракции в другую требует рассмотрения каждого депутата в виде отдельного игрока, что приводит к практически неразрешимой задаче с 450 игроками.

Может создаться впечатление, что теория игр способна полностью объяснить, например, образование и распад коалиций в парламенте, рассмотрев игру, в которой коалиции образуются отдельными игроками-парламентариями. На самом деле, коалиционные игры удается теоретически описать лишь при небольшом числе игроков — уже при $n = 4$ геометрическая интерпретация игры связана с рассмотрением трехмерного куба, как области возможных решений. Поэтому при $n \geq 4$ теория кооперативных игр рассматривает лишь некоторые частные случаи, как правило, те, в которых игра распадается на более простые ситуации. В парламенте Украины (речь идет о ситуации 2013 г.), например, 450 депутатов, что делает теоретическое описание ситуации невозможным. На практике образование коалиций в парламенте обычно описывают не как игру всех взаимодействующих депутатов, а как образование коалиций из фракций, число которых не столь велико. Численность фракций при этом учитывается введением статистических весов для макроигроков, участвующих в голосовании.

Успехом отечественной дипломатии можно считать итоги голосования в декабре 2008 г. по предоставлению Украине и Грузии Планов действий о членстве — документов, которые переводят страну в статус официального кандидата на вступление в НАТО. Благодаря предварительной работе российской делегации и поддержке ее позиции со стороны преимущественно «старых» членов ЕС, удалось заблокировать принятие данного решения. Этот пример показывает высокую практическую ценность теоретико-игрового анализа влияния коалиций на процесс принятия решений в коллективных органах власти.

Ключевую роль в анализе международных отношений сыграла наиболее известная *некооперативная игра — «Дилемма заключенного»*[141]. Данную игру можно применять для анализа политических ситуаций, связанных с вопросами доверия в международных отношениях, например, отношений Армения и Турции[142], а также сотрудничества РФ — США по разоруженческой проблематике.

В октябре 2009 г. в Цюрихе (Швейцария) состоялось подписание армяно-турецких протоколов «Об установлении дипломатических отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой» и «О развитии двусторонних отношений между

[141] Первая версия была разработана в 1950 г. сотрудниками «РЭНД Корпорейшн» М. Флудом и М. Дрешером. Спустя несколько лет игра в современной ее форме была описана Э. Таккером. Ряд ученых напрямую применяли данную модель к анализу международных отношений. А. Рапопорт и А. Шамма использовали ее для исследования природы международного конфликта и гонки вооружений, Р. Джервис — для оценки перспектив сотрудничества в сфере безопасности, Г. Снайдер — в анализе конкуренции альянсов, Дж. Эванс — в международных торговых переговорах, М. Лавер — к международному налогообложению ТНК, М. Ламбсден — к анализу локальных конфликтов (на примере Кипра). См.: *Poundstone W. Prisoner's Dilemma.* Anchor Books. New York, 1992; *Rappoport A.* Fight, Games and Debates. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960; *Rappoport A., Chammah A.* Prisoner's Dilemma: A Study in Conflict and Cooperation. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1965; *Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. Vol. 30. P. 167–214; *Snyder G.* Prisoner's Dilemma' and 'Chicken' Models in International Politics // International Studies Quarterly. 1971. Vol. 15. P. 66–103; *Evans J.* The Kennedy Round in American Trade Policy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971; *Laver M.* Intergovernmental Policy on Multinational Corporations. A Simple Model of Tax Bargaining // European Journal of Political Research. 1977. Vol. 5. P. 363–380; *Lumsden M.* The Cyprus Conflict as a Prisoner's Dilemma // Journal of Conflict Resolution. 1973. Vol. 17. P. 7–32.

[142] Автор выражает признательность Симону Амирову (Факультет политологии МГИМО) за ценные замечания, высказанные им при обсуждении возможностей применения «Дилеммы заключенного» к анализу армяно-турецкого конфликта в ходе семинаров по дисциплине «Введение в теорию игр» (февраль–май 2011 г.).

Республикой Армения и Турецкой Республикой». Документы предусматривали также создание совместной комиссии из «независимых историков» для изучения вопроса о геноциде армян 1915 г. Подписание протоколов было задержано на три часа из-за разногласий по заключительным выступлениям: армянская сторона в своем выступлении хотела косвенно упомянуть геноцид 1915 г., а турецкая — конфликт в Нагорном Карабахе. В итоге заключительные речи после подписания протоколов не произносились. Подписание договоров позволяло разорвать экономическую блокаду Армении, а также существенно улучшить международную репутацию Турции, т. е. было выгодно обеим сторонам.

После подписания данные протоколы должны были пройти ратификацию в парламентах обеих стран. Однако, армянская оппозиция выступала категорически против подписания протоколов в предложенном виде, выражая недовольство, в т. ч. пунктами о взаимном признании границ и территориальной целостности других государств. Сразу после подписания, Государственный секретарь США Х. Клинтон заявила, что правительство США будет делать все от него зависящее, чтобы закрепить успех, достигнутый Турцией и Арменией. В тот же день МИД Азербайджана подверг критике позицию Турции за подписание соглашений без урегулирования Карабахского конфликта. В итоге процесс ратификации протоколов парламентами Турции и Армении заморожен на неопределенное время.

Данную игру можно представить в виду соответствующей матриц:

		Парламент Армении	
		Ратифицировать (C)	Не ратифицировать (D)
Парламент Турции	Ратифицировать (C)	(1, 1)	(–3, 3)
	Не ратифицировать (D)	(3, –3)	(–1, –1)

Стоит отметить, что это упрощенное представление игры, где не отражены позиции всех заинтересованных сторон, в т. ч. армянской диаспоры и оппозиции, Турции, РФ и США и др. Также представляется упрощением и симметричность игры. Тем не менее, данная модель позволяет лучше понять мотивации сторон.

Если оба парламента ратифицируют договор, то это приводит к взаимной выгоде. Однако из-за высокой степени недоверия и взаимной настороженности между Турцией и Азербайджаном возможна ситуация, когда лишь одна сторона ратифицирует договор. В случае его нератификации второй стороной, первая получает огромные репутационные потери. И хотя для всех сторон более выгодна позиция *CC*, равновесие по Нэшу в данной матрице устанавливается в точке *DD* (что и наблюдается на практике).

Более успешной в этом плане явилась ратификация Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, т. н. СНВ–III. Он был подписан в апреле 2010 г. в Праге. После подписания президент Д. А. Медведев говорил о недопустимости ситуации, сложившейся в советский период, когда СССР ратифицировал аналогичный документ, а США этого не сделали.

24 декабря 2010 г., 6 января и 25 января 2011 г. договор был одобрен соответственно в трех чтениях депутатами Государственной Думы РФ, а 26 января — единогласно ратифицирован в Совете Федерации. 28 января 2011 г. законопроект подписал Президент РФ Д. А. Медведев

15 декабря 2010 г. Сенат США проголосовал за начало дебатов по СНВ, 21 декабря — за окончание дебатов, а 22 декабря 2010 г. — договор был ратифицирован Сенатом. С ратификацией Сенат также принял резолюцию, в которой говорится о том, что новый договор не накладывает ограничений на создание систем американской ПРО. К тексту резолюции сенаторы приняли

две поправки — относительно обязательств администрации США обеспечить модернизацию ядерного комплекса страны и о необходимости провести с Россией переговоры по вопросам тактических ядерных вооружений. 3 февраля 2011 г. Президент США Б. Обама подписал ратификационный документ к договору.

Теоретико-игровой анализ данной ситуации в целом аналогичен предыдущей с тем отличием, что здесь речь идет скорее о повторяемой «Дилемме заключенного», которую разбирает в своей работе «Эволюция сотрудничества» Р. Аксельрод[143]. Фактически, при ратификации соглашения стороны исходили из предыдущего опыта сотрудничества (СНВ–I, СНВ–II, другие соглашения времен «холодной войны»), что существенно влияло на их мотивации.

Нечеткие множества в задачах прогнозирования ситуаций и процессов

В задачах прогнозирования, как правило, приходится принимать решения в условиях неопределенности. В общем случае эту задачу можно представить следующим образом. Допустим, принятие решения сводится к выбору значения некого управляющего параметра Y, причем в условиях определенности эта задача решается тривиально — оптимальное значение переменной Y однозначно определяется значениями нескольких независимых экзогенных переменных. Для простоты будем считать, что их всего две, X и Z. Известную зависимость Y(X, Z) назовем управляющей функцией. Пусть она задана аналитически, то есть, имея на входе значения переменных X и Z, можно с помощью некого решающего устройства получить искомое значение переменной Y (рис. 4).

В такой постановке задача аналогична, например, задаче выбора оптимального значения экзогенных переменных X и Z

[143] Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 2006.

при заданной функции цели f(X,Z), которая решается путем нахождения максимума этой функции Argmax[f(X,Z)].

Рис. 4. Схема принятия решения в условиях определенности.

В условиях неопределенности задача осложняется тем, что сами значения всех или некоторых переменных на входе решающего устройства точно неизвестны, однако имеется информация о вероятности реализации тех или иных их значений в известной области допустимых значений (ОДЗ). В общем случае эта информация может выражаться в виде известных функций плотности распределения вероятности (в данном примере это $p_1(X)$ и $p_2(Z)$). В каком то смысле такая постановка задачи аналогична теоретико-игровой, где игроки используют смешанные стратегии и надо, зная вероятности применения двумя игроками их стратегий, определить оптимальную смешанную стратегию третьего игрока. С другой стороны, переменные X, Y и Z могут рассматриваться как нечеткие и тогда функции $p_1(X)$ и $p_2(Z)$ являются функциями принадлежности соответствующих аргументов. Тогда имеет место задача из области нечетких множеств, которая сводится к вычислению с помощью нечеткого алгоритма функции принадлежности переменной Y (назовем ее p(Y)) при заданных функциях принадлежности переменных X и Z (рис. 5).

Рис. 5. Схема принятия решения в условиях неопределенности.

Как известно, теория нечетких функций позволяет получить аналитическое решение такого рода задач только в случае очень простых функций f(X,Z), таким образом, поставленная задача должна решаться численно. Поэтому для получения алгоритма соответствующего решения полезно воспользоваться хорошо известной взаимосвязью между нечеткими и случайными функциями.

Одним из возможных способов решения такой задачи является применение метода случайных испытаний, известного как метод Монте-Карло. Чтобы пояснить его суть применительно к данному случаю, рассмотрим деловую игру. Пусть три участника игры имитируют процесс принятия решения. Первые два игрока задают в соответствии с функциями $p_1(X)$ и $p_2(Z)$ конкретные значения переменных X и Z, а третий игрок в соответствии со схемой, показанной на рис. 4, определяет значение переменной Y. Если сделать эту игру повторяемой, то за большое число раундов N мы получим представительный ансамбль реализаций значений переменной Y, по которому можно чисто статистически восстановить вид искомой функции плотности распределения вероятности p(Y). Для этого надо просто подсчитать частотность реализации значений переменной Y в разных интервалах области ее определения. При достаточно большом числе повторов игры N такой подход позволит оценить функцию p(Y) с необходимой точностью, введя соответствующее число интервалов значений переменной Y, для которых подсчитывается число реализаций в полученном ансамбле.

Использование датчика случайных чисел позволяет реализовать имитацию рассмотренной деловой игры на компьютере в виде повторяющегося много раз численного эксперимента, блок-схема которого приведена на рис. 6. Процедура расчета заключается в вычислении N реализаций оптимальных значений управляющей переменной Y, каждое из которых рассчитывается по предварительно разыгранным значениям экзогенных переменных X и Z в ходе очередного цикла. Пос-

ле проведения всех N циклов моделирования полученный массив значений Y_i квантифицируется путем построения гистограммы для количества случаев попадания значений этой переменной в заданные интервалы ее значения, число которых сравнительно невелико.

Следует отметить, что данная схема является достаточно типичной для имитационной разновидности метода Монте-Карло, просто в данном случае она используется для численного решения задачи из области нечеткой математики.

Применительно же к алгоритмам решения задач со случайными функциями она уже давно используется, в том числе в ряде стандартных компьютерных программ, разработанных для решения широкого круга задач математического моделирования.

Рис. 6. Схема нечеткого алгоритма, основанного на методе Монте-Карло.

Таким образом, прогнозирование военно-политической обстановки предполагает активное использование опыта компьютерного моделирования международных отношений с учетом адаптации базовых методологических трендов к содержательным характеристикам анализируемых процессов, особенно в том, что касается формулирования системы показателей и критериев операционализации эмпирического материала.

А. А. Казанцев
Актуальная проблематика в сфере военно-политической обстановки: теоретические и прикладные аспекты

Реалии безопасности в контексте теории международных отношений

Появление в последние два десятилетия разнообразных новых вызовов и угроз безопасности привело к тому, что стали развиваться новые подходы, игнорирующие старые концептуальные границы, в рамках которых понимаются проблемы безопасности. Одновременно пересматривается старое понимание соотношения материальных и нематериальных, военных и невоенных, государственных и негосударственных факторов обеспечения безопасности.

Этот пересмотр проблематики угроз безопасности «наложился» на активные «межпарадигмальные дебаты» между конкурирующими теориями международных отношений. *В ходе «третьей дискуссии» в теории международных отношений, особенно активно развернувшейся в 1990-е гг. по-новому были проблематизированы ключевые теоретико-методологические вопросы изучения международных отношений.* Эти дискуссии определили и восприятие новых вызовов и угроз безопасности экспертами, так как разные парадигмы изучения международных отношений видят их по-разному.

Распространение нового понимания проблем безопасности связано с целым рядом новых международных факторов.

1. Рост значимости культурно-цивилизационных факторов после окончания «холодной войны» и в связи с развертыванием того, что С. Хантингтон назвал «конфликтом цивилизаций», в частности, в контексте роста исламского экстремизма.
2. Резкие перемены в понимании того, что представляет собой угрозу безопасности и кто является носителем этой угрозы в связи с ростом новых вызовов и угроз безопасности в новом тысячелетии. Террористическая угроза, несостоявшиеся государства, трансграничная преступность и нелегальная миграция, проблемы экономической (прежде всего, энергетической безопасности) и экологической безопасности (изменение климата) начинают играть куда большую роль, чем разного рода традиционные военные угрозы.
3. В связи с развертыванием процессов глобализации происходит изменение старых жизненных укладов, смена тысячелетиями устоявшихся ценностей и стереотипов поведения. Такого рода перемены в сфере демографии и миграции, экономики, криминального поведения и т. д. становятся все более значимыми в области безопасности. В связи с этим контроль над ними представляет собой серьезный вызов для структур, занимающихся обеспечением безопасности.

Совокупность происходивших перемен вызвала к жизни различные группы новых экспертно-теоретических подходов. Сочетание первого и второго фактора в совокупности предопределило развитие конструктивистских подходов к обеспечению безопасности и становление теории «секьюритизации». Сочетание второго и третьего фактора предопределило развитие «биополитических подходов» и применение «анализа рисков» в области безопасности. Все вышеперечисленные факторы также обусловили сближение неореализма и неолиберализ-

ма в рамках «рационализма», а также начало стирания границ между ними и умеренными вариантами конструктивизма.

Ниже будут кратко охарактеризованы соответствующие экспертные подходы к новым угрозам безопасности в рамках соответствующих теорий (прежде всего, неореализма, неолиберализма, конструктивизма и постмодернизма).

Реализм и неореализм. Политический «реализм» возник задолго до того, как он был теоретически оформлен в рамках дискуссий о международных отношениях в межвоенный и послевоенный период, когда он стал господствующей парадигмой. Он был во многом связан с классической *консервативной идеологией и практикой «реалполитик»*. До сих пор неореализм является «первый среди равных» теорией международных отношений. При этом он, в отличие от других теорий (экономика для неолиберализма и культура для конструктивизма) фокусируется на проблематике безопасности. В результате до сих пор большинство американских специалистов по проблемам безопасности либо полностью разделяют принципы неореализма, либо исповедуют отдельные его элементы. В Европе неореализм не столь широко распространен, так как его вытесняют неолиберализм (особенно, теории взаимозависимости, роли международных организаций, «мягкой силы» и «демократического мира») и конструктивизм (в виде теории «секьюритизации»). В связи с этим неореализм можно считать «типично американской» теорией.

Исходной целью «реализма» было избавление мира от «идеалистических иллюзий», господствовавших в изучении международных отношений в период между двумя мировыми войнами. Постулировалась необходимость создать объективную науку, основанную на изучении неизменных свойств человеческой природы. Идеалисты наивно предполагают, что мировой политический порядок структурирован сотрудничеством. Это неверно. *В основе структурирования мирового политического порядка лежит конфликт.* Человеческая природа неизменна.

Мир циклически возвращается к Гоббсовской ситуации «войны всех против всех».

Первичной единицей анализа, как и первичной онтологической единицей в области международных отношений, является государство. Последнее суверенно. Оно не признает никакой власти над собой и имеет определенную степень автономии по отношению к негосударственным акторам. Государство можно рассматривать в качестве единого актора, действия которого мотивированы исключительно соображениями «национального интереса». Последние носят абсолютно объективный *материальный* характер. Они познаваемы и рационально просчитываемы. Главным национальным интересом является обеспечение безопасности и выживания государства.

Важной методологической характеристикой реализма, надолго отделившим изучение международных отношений от политологии, стал принцип независимости внешней политики от внутренней. Предполагалось, что борющиеся внутри страны силы выступают в защиту объективных национальных интересов «единым фронтом». При этом внутренняя политика представлялась в ряде аспектов подчиненной внешней.

Основная характеристика государств, как и отдельных людей — их стремление к господству. Следовательно, конфликт является неизбежным. Один из основных выводов — историческая неизбежность войн или других форм силового противостояния. Достижение цели в борьбе за реализацию национальных интересов — это, прежде всего, военная или военно-дипломатическая победа. Международные взаимодействия данная теория склонна трактовать, выражаясь языком теории игр, как «игру с нулевой суммой», т. е. такую игру, в которой всегда есть победитель и побежденный: сколько один выиграл, столько же второй проиграл.

Международные отношения представляют собой сферу взаимодействия суверенных государств. Преследование государствами собственных интересов в играх с «нулевой суммой»

ведет к возникновению *глобальной международной анархии*. Если в этой ситуации удается избежать конфликтов, то это происходит не благодаря мирным устремлениям государств, а благодаря образованию *баланса сил*. Последний парадоксальным образом является результатом агрессивного стремления государств к реализации собственных интересов через силовую политику.

Как для реализма, так и для пришедшей на смену теории «неореализма» значимость всех «субъективных» факторов минимальна. Значение имеет только военная сила, которая воплощается в «объективно» существующих танках, пушках, ядерных боеголовках и т. д.

Целью *неореализма* является освобождение реализма от различного рода метафизических представлений о неизменной природе человека. Основой теории становится представление об определенной структуре международных отношений. При этом, особенно, в работах К. Уолтса, формируется дедуктивная система выводов о международной политике на основе немногочисленных базовых предпосылок.

Основой анализа становится представление о государстве как о едином акторе, стремящемся максимизировать краткосрочные прибыли. В мире нет единого правительства, в нем царит анархия. Отсутствие устойчивых и общеобязательных структур мирового порядка оказывает решающее влияние на рациональное поведение государств. Структура системы международных отношений задает одни и те же типовые реакции со стороны государств. Рациональность в этом контексте означает стремление оптимальным (т. е. единственно возможным) образом отреагировать на создавшуюся ситуацию.

Неореалисты, подобно реалистам, считают государства, действующие в соответствии с национальными интересами, основными единицами анализа в системе международных отношений. Тем не менее, роль структурных факторов, определяемых соотношением сил между государствами, по их мнению,

также нельзя отрицать. Поэтому неореализм часто называют структурным реализмом.

Государства всегда ищут *относительных выгод* от взаимодействий, т. е. выгод за счет друг друга. Отношения с другими международными акторами выгодны, прежде всего, тем, кто обладает большей силой и большими возможностями повлиять на позиции своих партнеров. Однако причина такого поведения государств — не в их «злой воле». Она — в международной анархии. В условиях отсутствия внешней надгосударственной силы, которая бы гарантировала соблюдение «правил игры», нет никакой возможности взаимодействовать с «положительной суммой», т. е. так, чтобы все стороны получали пользу от этого взаимодействия.

В отличие от «реалистов», для неореалистов стратегии международных акторов очень серьезно трансформируются в зависимости от той структуры взаимодействий, в рамках которой они находятся. Конкуренция различных государств на международной арене (включая региональное измерение) часто создает ситуацию, напоминающую рыночное равновесие между конкурирующими фирмами. Возникает международная и региональная среда в виде набора специфических балансов сил, которая серьезно сдерживает односторонние намерения отдельных государств. Это — один из важнейших способов предотвращения войн в условиях международной анархии.

Однако такие равновесные системы очень нестабильны. Более долгосрочным способом сохранения мира может стать превращение самого сильного государства во «всеобщего гегемона» (теория «гегемонистской стабильности»). Лишь в условиях стабильности, обеспеченной гегемонией, может развиться настоящее международное сотрудничество, например, в экономической сфере.

Классический «уолтсовский» неореализм времен «холодной войны» имеет следующую специфику в подходах к проблемам безопасности, обусловленную его ключевыми принципами:

— подчеркивание элементов конфликтности и роли силы в международных взаимодействиях;
— нетерпимость к возможности угрозы, любая угроза должна быть нейтрализована путем увеличения силы государства; в этом плане недопустимо перенаправление ресурсов от военной сферы в гражданские в условиях наличия каких-то существенных угроз; в классическом «уолтсовском» неореализме недопустимо даже «балансирование» целей обеспечения безопасности и экономического развития, военная безопасность всегда обладает приоритетом; пропаганда «гонки вооружений»;
— силовое давление на других международных игроков, так как неореалисты не верят в субъективные «добрые намерения»; безопасность гарантирует лишь сила; культивирование недоверия и подозрительности;
— неприятие любой другой проблематики, связанной с безопасностью, кроме чисто военной; отрицание возможности «расширения» проблематики безопасности на экономические, экологические и т. п. проблемы;
— скептическое отношения к «субъективным» и нематериальным факторам, таким как идентичности или культурно-цивилизационная специфика; значение имеют только «объективные интересы»;
— предположение о том, что государства должны всегда вести себя рационально; в частности, что они отступают в случае угрозы уничтожения или нанесения непоправимого вреда;
— открытая неприязнь к международным организациям и «многостороннему сотрудничеству» (мультилатерализму); доверять можно лишь военно-политическим коалициям; недоверие к эффективности международного права, не подкрепленного силой.

В целом, для неореализма, как и для его предшественника реализма, были характерны консерватизм, расчет на наихудший сценарий, опора на легко контролируемые иерархичные

структуры. Все эти характеристики были заимствованы из прусской консервативной культуры второй половины XIX в. и, в частности, из практики немецких военных и политических деятелей того времени. Нельзя не отметить, что и тогда они, в конечном итоге, привели к развязыванию мировой войны с катастрофическими для самой Германии последствиями. Тем не менее, указанные характеристики были близки и для определенной части военно-политического истеблишмента США периода «холодной войны». Неплохо отвечали они и ряду реалий, сложившихся к концу «холодной войны».

Однако некоторые из указанных выше элементов неореализма смотрелись как архаичные уже в период «холодной войны». Например, роль проблематики экономической безопасности и, особенно, энергетической безопасности подчеркивалась такими известными американскими экспертами как Д. Ергин. Кроме того, неолибералы справедливо подчеркивали, что неореализм не столько решает проблемы безопасности, сколько обостряет их. В частности, об этом свидетельствует так называемая «дилемма безопасности» (см. ниже).

Поскольку большинство современных экспертов-неореалистов старшего поколения в США сложились как специалисты именно в период «холодной войны», указанная специфика неореализма продолжает оказывать на них влияние.

Эволюция неореализма по окончании «холодной войны». На практике, реализм и неореализм более или менее объясняли типы угроз, возникающих в период «холодной войны». Однако они не смогли дать вразумительного объяснения причинам ее окончания. Уолтс изначально вообще считал, что биполярные системы наиболее устойчивы, хотя он и переинтерперетировал соответствующую составляющую своей теории, чтобы адаптировать ее к распаду социалистического лагеря уже постфактум. В этой связи он стал утверждать, что биполярная система стабильна лишь в том плане, что она снижает вероятность войны.

Еще в большей степени недостатки неореализма проявились в ситуации встречи государств с такими асимметричными международным акторами, как террористические сети во второй половине 1990-х гг. Не способен неореализм объяснить увеличение роли иррациональных, например, цивилизационно-религиозных мотиваций международного поведения в начале XXI в. Скажем, логика рационального «баланса сил» не работает против исламских экстремистов, готовых на самоубийство ради попадания в рай.

Сыграло против неореализма и неприятие расширения проблематики безопасности на экономические и экологические проблемы. Например, «уолтсовские» неореалисты сразу после окончания «холодной войны» боролись с введением понятия «экономическая безопасность», так как считали это неоправданным расширением понятия «угроз безопасности». Соответственно, для классического неореализма весь набор новых вызовов и угроз безопасности оказался необъяснимым.

Еще хуже неореализм оказался адаптированным к необходимости обеспечить эффективную работу международных организаций и атмосферу международного сотрудничества по окончании «холодной войны». Неореализм не принимал вообще международных организаций, считая их заведомо «неэффективными». Влияние элементов неореализма, в частности, просматривалось в скептицизме американской администрации по отношению к ООН в 1990-е гг. В еще большей степени, но уже в синтезе с «неоконсерватизмом», неореализм способствовал односторонним действиям США, приведшим к вторжению в Ирак. В результате были испорчены отношения даже с такими традиционными союзниками по НАТО, как Франция и Германия.

Не смог неореализм адаптироваться и к европейской интеграции. Для него сама возможность отказа крупных государств от их суверенитета неприемлема. Неореалисты не очень убедительно пытаются объяснить европейскую интеграцию ролью

США как «глобального гегемона» и наличием военного альянса периода «холодной войны». В этой связи в Европе неореализм оказался практически полностью вытесненным такими конкурирующими подходами, как неолиберализм и конструктивизм.

Пытаясь адаптироваться к меняющейся реальности, начиная с периода окончания «холодной войны» неореализм вступил в период переосмысления понимания различных вызовов и угроз безопасности. Однако достаточно строгий методологический аппарат, выработанный в рамках «уолтсовского неореализма», в целом, препятствует такому поиску. В связи с этим, особенно, в США стали развиваться новые разновидности «реализмов», каждый из которых основан на специфических предположениях о системе международных отношений. Укажем на некоторые направления этой эволюции, ни в коей мере не претендуя на то, чтобы отразить все.

Три ключевые разновидности реализма возникли уже в период «холодной войны». Так, «наступательный реализм» (Дж. Меаршаймер) доводит некоторые тенденции «уолтсовского реализма» до логического конца, предполагая, что все государства борются за мировое господство (гегемонию). «Оборонительный реализм», в свою очередь, делает ряд уступок неолиберализму (Ст. Уолт, К. Уолтс и т. д.). Доминирующая в Великобритании «английская школа» или «либеральный реализм» еще больше сближается с неолиберализмом. При этом один из ключевых авторов этой школы Б. Бузан был соавтором, по сути, конструктивистской теории «секьюритизации» (см. ниже).

«Неоклассический реализм» (У. Уолфорт, Т. Кристенсен, А. Мюррей, Р. Швеллер, Ф. Закария) предполагает синтез неореализма с классическим реализмом. Однако, в реальности он делает ряд уступок неолиберализму и конструктивизму, полагая, что политика государств связана с их внутриполитической ситуацией и с тем, как они субъективно воспринимают систему международных отношений. В частности, «неправильное

восприятие» государствами намерений других игроков ведет к возникновению войн и кризисов.

Например, как указывает Стивен Брукс, можно выделить два варианта современного неореализма. Первый из них связан с теорией Уолтса, и он достаточно плохо объясняет современные вызовы и угрозы и реакцию на них государств. Второй, постклассический реализм вносит в теорию Уолтса ряд изменений. Во-первых, различаются «возможность» угрозы и «степень вероятности» угрозы. Это открывает возможность для анализа рисков безопасности, в том числе количественного. Во-вторых, учитывается экономическое измерение проблем безопасности. Таким образом, открывается возможность для проблематики экономической безопасности.

Активное использование теорий «баланса сил» и, особенно, «гегемонистской стабильности» фактически означает, что в рамках неореализма создается своя интерпретация институтов, «основанная на силе» (power-based understanding of institutions). Таким образом, возникает своеобразный «диалог» неореализма и такой конкурирующей теории международных отношений как неолиберализм (см. ниже о возникновении «рационализма» как синтеза неореализма и неолиберализма).

Например, соответствующая теория была развита Стивеном Краснером на основе так называемой логико-игровой модели «битвы полов». Речь в этой теории идет о том, что международные договоры и организации используются игроками для того, чтобы «выстроить» структуру взаимодействий в соответствии с их интересами (например, «застолбить» выгодные им маршруты транспортировки ресурсов). Разные варианты институтов, предлагаемые разными игроками, представляют собой разные варианты взаимовыгодного сотрудничества. В этом плане все они находятся на границе Парето-эффективности (Pareto frontier), т. е. их реализация приведет к тому, что поддерживающий институт игрок получит основную прибыль от реализации проектов сотрудничества, в то время, как другие

игроки, как минимум, ничего не потеряют. Однако можно придумать разные варианты сотрудничества, которые, соответственно, приведут к большей выгоде того или иного игрока. За реализацию этих проектов и идет борьба между игроками, где международные договоры и организации являются ставками в борьбе за долгосрочное утверждение того или иного проекта.

Современные неореалисты становятся все менее враждебными и к теории идентичностей. Таким образом, смягчается жесткая «материалистическая» составляющая неореализма. На практике, авторы, исследующие роль религиозных и национальных идентичностей в международных конфликтах, после окончания «холодной войны» стали активно публиковаться в близких неореалистам американских журналах по международной безопасности.

Проблема идентичностей теоретически возникает в неореализме в связи с его главным парадоксом — «дилеммой безопасности». Смысл ее заключается в том, что если все игроки начинают «вести себя как реалисты», т. е. наращивать свою силу, например, строить ракеты, то растет конфронтация, бесполезно тратятся ресурсы, и все оказываются в проигрыше. При этом важнейшим измерением «дилеммы безопасности» является, как раз, субъективно-идентификационное (проблема «правильного» или «неправильного восприятия намерений других», «perceptions and misperceptions»). В связи с этим достаточно эффективным способом решения «дилеммы безопасности» является развитие общих идентичностей, предложенное А. Вендтом в рамках конструктивизма. Так, например, по А. Вендту для США не представляют угрозу британские ядерные ракеты (в силу общей евроатлантической идентичности), а северокорейские и иранские — представляют. В то же время, классический реализм заставил бы США с равным беспокойством относиться к ракетам Великобритании, Ирана и Кореи.

Рост новых угроз и вызовов безопасности, пересмотр политики государств в сфере безопасности после окончания «хо-

лодной войны» также вызвал к жизни, особенно, среди европейских экспертов («Копенгагенская школа»), применение теории «секъюритизации». Происходя из английского «либерального реализма», последняя близка конструктивизму по многим параметрам. В ее рамках изучается формирование *региональных комплексов безопасности* как специфических символико-идентификационных структур, определяющих региональную политику в области безопасности.

Либерализм и неолиберализм. Либерализм, или «идеализм», точно так же, как реализм, имел долгую историю существования в виде различных стратегий мирного взаимодействия наций. В частности, корни данного подхода можно проследить в пацифизме XIX в., восходящем к различным религиозным и философским концепциям (достаточно вспомнить трактат Данте «О монархии» или работу И. Канта «О вечном мире»). В значительной мере «идеализм» в международных отношениях был связан с *классической либеральной идеологией*. В межвоенный период «идеализм» доминировал в исследованиях в области международных отношений. В частности, шел поиск эффективных способов предотвращения войн и налаживания международного сотрудничества. При этом классический «идеализм» основывался на предположении о прогрессе человечества, постоянном совершенствовании человеческой природы.

После второй мировой войны в международных отношениях надолго установилось господство «реализма», затем «неореализма». В диалоге с последним и возник «неолиберализм» как альтернативный подход к структурированию системы международных отношений. При этом неолиберализм до сих пор является «второй» по значимости теорией международных отношений.

Важнейшей целью создания неолиберального подхода является борьба с военно-политическим государство-центризмом реализма и неореализма и попытка внести элементы экономического анализа в исследование международных отношений.

Ключевым моментом этой парадигмы стала попытка исследовать возможности взаимовыгодных международных взаимодействий в рамках более гибких представлений о природе человека.

Рациональная природа человека предполагает возможность разрешения проблем путем совместных действий. Организация сотрудничества с целью достижения взаимовыгодных результатов является главной позитивной целью международных взаимодействий.

Государства являются чрезвычайно важными, но не основными акторами в международных отношениях. Существует целый ряд других важных акторов, например, ТНК. Государство нельзя рассматривать и как единого актора. В нем достаточно много разных центров принятия решений. Причем последние принимаются под действием достаточно широкого круга внешних и внутренних факторов. Существуют очень сложные взаимоотношения между внутренней и международной политикой, в которых сложно выделить какую-либо иерархию. Часто внутриполитические факторы оказывают определяющее влияние как раз на международные. В частности, демократические государства никогда не воюют друг с другом (концепция «демократического мира»).

Развитая система разделения труда в современном мире создает отношения взаимозависимости и сотрудничества между государствами, которые напрямую связывает ситуацию в одних странах с событиями в других. В результате государства теряют существенную часть своей автономии и возможности к односторонним действиям.

Международная кооперация достаточно легко достижима. Международные взаимодействия видятся как игра с «положительной суммой». Государства исторически учатся преследовать не относительные (одно за счет другого), а абсолютные выгоды (создаваемые сотрудничеством как таковым). Эти дополнительные прибыли, которые распределяются по всем участникам,

подкрепляют кооперацию в виде положительных стимулов.

Анархия оказывает на поведение государств существенно меньшее влияние, чем полагают неореалисты. Международные институты и режимы являются ограничителями политики государств. Осознавая выгоды от сотрудничества, государства учатся их соблюдать. С целью кооперации государства также создают международные организации, в которых как бы «воплощается» сотрудничество. Эти организации являются не менее важным объектом изучения, чем отдельные государства. Они часто выступают как абсолютно самостоятельные субъекты международных отношений

Главное отличие неолиберализма от неореализма в подходах к вопросам безопасности — стилистическое. Если неореализм предполагает силовое давление на потенциальных противников наилучшим средством обеспечения безопасности, *неолиберализм подчеркивает необходимость мирного разрешения конфликтов путем диалога*. В этой связи, хотя неолиберализм изначально считался в основном, применимым к международным экономическим проблемам (его иногда так и называли «международной политэкономией»), в рамках этой теории развился и целый ряд специфических подходов к проблематике безопасности.

Во-первых, это подчеркивание роли экономического сотрудничества для предотвращения или смягчения конфликтов («теория взаимозависимости»).

Во-вторых, возможность конфликтов снижается или полностью устраняется благодаря специфике политических режимов («теория демократического мира»).

В-третьих, подчеркивается роль международных организаций и институтов (режимов) в предотвращении конфликтов и в обеспечении возможности для сотрудничества государств в преодолении угроз безопасности.

В-четвертых, для неолибералов военная сила не является ни единственно возможным, ни наиболее эффективным

инструментом обеспечения безопасности государств. В современном мире очень большую роль играет «мягкая сила» («soft power»). Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ. «Мягкая сила» является противоположностью «жесткой силы». Последняя является набором инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), которые заставляют другие страны действовать так, как нам надо. «Мягкая сила» основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера. Значительная «мягкая сила» государства делает применение им «жесткой силы» более приемлемым для объектов его воздействия, снижая, таким образом, издержки.

Основным недостатком неолиберализма, как и неореализма, является то, что им не были изучены эмпирические условия преобладания сотрудничества в международной жизни. В результате неолибералы достаточно уязвимы для критики со стороны неореалистов, подчеркивающей, что те не осознают постоянной возможности возникновения ситуации «войны всех против всех». *Соответственно, неолиберализм, предполагающий, что все проблемы разрешимы мирным образом, плохо применим к анализу реально возникающих в ряде случаев антагонистических противоречий.* С другой стороны, неолибералы принимают возможность существования негосударственных игроков. Первоначально это основывалось на интересе к международным организациям, затем анализ включил в себя ТНК, а затем и других новых акторов. Поэтому данная теория достаточно легко адаптируется к анализу новых вызовов и угроз безопасности. Ее приоритетное внимание к экономической проблематике также дает возможность осмыслять вопросы экономической безопасности, в том числе, вопросы энергетической безопасности. От вопросов экономики неолиберализм естественным образом переходит к другим вызовам и угрозам безопасности, например, экологическим или миграционно-демографическим.

Неолиберализм, будучи настроен по стилистике на диалог и взаимопонимание, также является наиболее близкой теорией к конструктивизму с его приоритетным интересом к идентичностям и культурно-субъективным факторам. Классический неолиберализм, будучи методологически основан на постулате экономической рациональности, обычно не включает в себя анализ идентичностей. Однако он не выступает против анализа идентичностей и признает в лице одного из своих классиков Роберта Кохейна, что символико-идентификационные факторы (прежде всего, идеи) могут играть решающую роль в формировании эффективных институтов. Кроме того неолиберализм признает, что идеи могут играть ключевую роль в формировании новых образцов политического поведения (обучение).

«Рационализм» и анализ рисков безопасности. В последнее время неолиберализм и неореализм стремятся к синтезу и преодолению теоретико-методологических противоречий. В частности, это выразилось в образовании так называемого «мейнстрима», «нео-нео синтеза» или «рационализма», в рамках которого стираются сущностные различия между неолиберализмом и неореализмом. Считается, что в рамках «рационализма» интересы международных акторов рационально калькулируемы на основании военно-политических и экономических соображений и не обусловлены культурно-цивилизационными или другими субъективными факторами. Кроме того, для обеих тенденций характерно заимствование количественных методов анализа из экономической науки.

В США эти тенденции проявились в полной мере в *анализе рисков безопасности*. Анализ рисков представляет собой способ рационально предсказывать и контролировать будущее. Он исторически связан с практикой планирования и менеджмента в рамках системы свободного предпринимательства, и, потому, получил большое распространение в экспертной практике в США. Распространение анализа рисков в область изучения проблем безопасности связано с ростом различных качественно

новых рисков, требующих нетрадиционных способов реагирования (риск менеджмента).

Эта теория вызвала в последние годы, особенно после террористических актов 9/11 в Нью-Йорке и Вашингтоне изменение терминологии. В настоящее время все более популярным становится анализ не *вызовов и угроз безопасности*, а *рисков безопасности*. Данное изменение носит не чисто словесный, но глубоко концептуальный характер. При этом в США и англосаксонском мире оно связано в большей степени с экспансией на сферу изучения безопасности подходов, разработанных в области экономической науки и в практике бизнеса. В связи с этим риски понимаются как математически просчитываемые и объективные. Данная тенденция во все большей мере проникает и в официальные документы. В Европе в большей степени риски безопасности понимают в рамках классических социологических подходов, близких к духу конструктивизма как исторически или субъективно конструируемые в соответствии с представлениями международных игроков.

Конструктивизм и теория «секьюритизации». «Рационализм» в ходе «третьей» дискуссий в теории международных отношений 1990-х годов вокруг роли субъективных и культурно-цивилизационных факторов, продолжающейся до настоящего времени, был противопоставлен «рефлективизму» или «социологическим подходам». К последним относятся, прежде всего, «умеренный» конструктивизм, и «неумеренные» постмодернизм и «критические теории» (феминизм, постколониализм, и т. д.).

Конструктивизм в последние 5–10 лет стал, по сути, одним из трех основных направлений в теории международных отношений, наряду с неореализмом и неолиберализмом. *Причиной стало пристальное внимание к проблемам «столкновений цивилизаций» и большое количество религиозно-этнических конфликтов по окончании «холодной войны»*. Это доказывается, например, высокой долей исследований культурно-идентификационных факторов в рамках любой современной конференции

по международным отношениям. «Главный» конструктивистский автор Александр Вендт был назван по данным проведенного в 2006 г. опроса американских и канадских специалистов по международным отношениям «первым, среди ученых, которые в настоящее время проводят наиболее интересные исследования в области международных отношений».

Конструктивизм, как и неолиберализм, восходит к классической либеральной теории. Правда, если неолиберализм исторически связан, скорее, с либеральными англосаксонскими экономическими теориями, конструктивизм связан с немецкой социологической мыслью. В этом плане он либерализм и конструктивизм можно идеологически различить по линии: экономический либерализм — социальный либерализм.

Конструктивизм изучает исторически (Ф. Кратохивиль) или культурно-идентификационно (А. Вендт) обусловленные способы понимания проблем безопасности. Характерно, что хотя ключевые конструктивистские авторы долгое время или постоянно работают в США, многие из них имеют европейские (немецкие у Вендта, Кратохвиля и Катценштайна, немецко-австрийские у Ругге) корни. Вообще, конструктивизм тесно связан с классической немецкой социологией (М. Вебер, и т. д.) и, в этом плане, он ближе и понятнее европейцам, чем абстрактные и математизированные, но в культурно-историческом плане совершенно наивные подходы американских неореалистов и неолибералов. Кратохивль даже является автором ряда текстов, в которых он показывает, что подходы неореалистов к области международной безопасности представляют собой результат совершенного незнания реальных исторических примеров, на которых соответствующие теории строятся.

Конструктивизм отличается от крайних вариантов постмодернизма, «критических теорий» и т. д. тем, что он полностью признает достижения классической теории международных отношений, достигнутые в ходе диалога неореализма и неолиберализма. Однако при этом в качестве важных, а, в ряде

случаев, ключевых факторов признаются субъективные моменты формулирования национальных интересов, связанные с историческими особенностями внешних политик, идентичностями, картинами мира, идеологиями, системами ценностей. Рациональность оказывается не «внешней» по отношению к идентификационным и мировоззренческим факторам силой. Она действует «внутри» них, что позволяет говорить о разных типах рациональности, связанных с разнообразными мировоззрениями и системами ценностей. Это соответствует современным теориям «ограниченной рациональности» в экономике (Г. Саймон).

Решающую роль в процессе конструирования социальной реальности играют представления о мире, идентичности, системы ценностей и жизненный опыт людей. Последние весьма относительны, то есть обладают лишь «ограниченной рациональностью». Поэтому международные взаимодействия по-разному протекают в различных регионах мира, имеющих разнообразные культурные идентичности.

Важнейшей проблематикой конструктивизма является проблема *идентичности.* Национальная идентичность является важным фактором, определяющим формулировку национальных интересов, понимание отдельными странами своего места в мире, стоящих перед ними проблем, своих союзников и противников. *Международно-региональная идентичность представляет собой совокупность культурно-цивилизационных символов, которые стоят за региональными формально-правовыми институтами.*

Региональная идентичность может превратиться в очень сильный политический инструмент международной и национальной политики, что хорошо изучено на примере процессов так называемой «*европеизации*». «Европеизация» — взаимосвязь расширения ЕС и политических процессов на окраинах этой структуры. Принятие странами и народами на окраинах Европы европейской идентичности с целью вступления в ЕС или

расширения сотрудничества с «единой Европой» накладывает на их внутреннюю и внешнюю политику очень существенные ограничения. Органическая взаимосвязь институтов ЕС и соответствующей идентичности четко видна на «Копенгагенских критериях». Региональная идентичность и нормы культуры служат важной основой, на которой возникают и развиваются различные формальные институты. Так «европеизация» оказывается первичным этапом экспансии европейских институтов.

В последнее время исследования международных отношений стремятся к синтезу различных теоретико-методологических подходов на прагматической основе. Этот всесторонний синтез, направленный на решение практических задач, особенно подчеркивают представители прагматичного направления в конструктивизме (конструктивистского прагматизма).

Теория секьюритизации, широко распространенная среди современных европейских экспертов по международной безопасности, может быть понята как один из вариантов конструктивизма в международных отношениях (хотя исторически она связана с так называемой «английской школой» изучения международных отношений, к которой принадлежит один из основателей теории секьюритизации Б. Бузан).

В рамках конструктивизма ключевыми проблемами безопасности представляются различные способы понимания и решения проблем безопасности разными государствами, взаимное непонимание и отчуждение, формирование «образа врага». Теория секьюритизации, которая также подчеркивает конструирование угроз международными субъектами.

Концепция *секьюритизации*, предложенная Б. Бузаном (английская школа международных отношений) и О. Уивером и Я. Де Вилдом (Копенгагенская школа), анализирует *процессы восприятия новых угроз безопасности обществом*. Речь идет о том, какие вопросы включаются избирателями и политическими элитами в повестку дня обеспечения национальной и региональной безопасности. Если некий объект или явление

включается в повестку дня обеспечения национальной безопасности, то происходит его *секьюритизация*. Если некий объект или явление исключается из повестки дня обеспечения национальной безопасности, то происходит его *десекьюритизация*. *Секьюритизация* — «дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе конструируется межсубъектное понимание и отношение к чему-либо как экзистенциальной угрозе ценному референтному объекту; процесс, позволяющий призывать к безотлагательным и исключительным мерам, направленным на то, чтобы справиться с этой угрозой».

Существенно то, что процесс секьюритизации охватывает совершенно различные сферы жизни общества: экологию, экономику, политику, социальную, культурную, личную жизнь. Включение этих вопросов в проблематику безопасности создает возможность легитимизировать различные чрезвычайные действия властей, ограничивающие нормальные демократические процедуры (например, введение чрезвычайного положения).

Различия между реалистским и конструктивистским подходами отнюдь не имеют чисто академическое значение, они реально влияют на поведение соответствующих экспертов. Рассмотрим это на примере такой ключевой до недавнего времени проблемы в отношениях Россия-НАТО, как планы размещения системы ПРО в Восточной Европе.

С точки зрения реалистского подхода, в рамках которого имеют значимость только материальные военные потенциалы, но не такие изменчивые субъективные и идеальные факторы, как намерения, российская аргументация требовала одного типа ответа. Согласно мнению этой группы западных экспертов развертывание системы ПРО рядом с российскими границами могло бы представлять собой потенциальную военную угрозу, если бы система не была напрямую технически адаптирована для противостояния иранской угрозе. Потенциальная возможность использования системы против России согласно мнению этой группы экспертов была мала. Однако российская контрар-

гументация, что даже небольшой потенциал использования системы против РФ представляет собой угрозу, на которую надо реагировать, с точки зрения реализма, в принципе, приемлема и обсуждаема.

Совершенно иначе ситуация в глазах европейских экспертов выглядит, если на нее посмотреть с точки зрения конструктивисткого подхода и теории секьюритизации. С данной точки зрения военно-материальные факторы приобретают значимость только в связи с теми или иными намерениями сторон, которые предопределены их субъективными представлениями и идентичностями. Соответственно, в этой системе координат, секьюритизация (понимание как угрозы национальной безопасности) размещения системы ПРО в Центральной и Восточной Европе говорит о том, что в рамках внешнеполитической идентичности России НАТО и США понимаются как потенциальные противники, а РФ ни в коей мере не видится Москве как часть «западного мира». Следовательно, задача заключалась, по мнению соответствующих экспертов, в «переубеждении», в смене соответствующей идентичности и системы представлений, в формировании в системе взглядов представителей российской элиты «иранской угрозы» как более значимой, чем угроза со стороны НАТО,

Естественно, понимание разных парадигм, в рамках которых западные эксперты анализировали проблему, имело определенную важность для более эффективного ведения переговоров, так как для реалистов и конструктивистов нужны разные контр-аргументы. С реалистами бессмысленно было говорить об идентичности, а с конструктивистами — о чисто военно-технических аспектах проблемы.

Конструктивисты также критически относятся к традиционной системе координат, в рамках которой происходит решение проблем международной безопасности. Так Ф. Кратохвиль критикует международные санкции как неэффективный инструмент давления на государства. Он также полагает, что после

возникновения исламского терроризма рухнула вся система безопасности, основанная на «балансе взаимного устрашения» между государствами. Однако тенденция к отрицанию традиционной системы координат, в рамках которых осмысляются и решаются проблемы международной безопасности, находит свое окончательное развитие в биополитическом анализе и связанном с ним направлениях.

Постмодернизм и биополитика. Целью постмодернизма в исследованиях международных отношений является критика «рационалистических» («модернистских») представлений о возможности объективного знания о структурах социально-политического мира. Достигается это, прежде всего, путем тщательного анализа тех систем категорий и ценностей, сквозь призму которых ученые видят различные закономерности. В результате постмодернисты «разоблачают» различные скрытые теоретические предпосылки и показывают, что они основаны на воспроизводстве реально существующих структур власти и материального интереса. Постмодернизм восходит к классической левой идеологии, прежде всего, к марксизму, в той форме, в которой он существовал в западных университетах.

Работы всех постмодернистов отличает критический, разоблачительный пафос. По их мнению, исследователи-«рационалисты» выдают существующий достаточно случайный, преходящий и локальный по исходному происхождению status quo за нечто универсально-рациональное и неизбежное. Таким образом, они более или менее осознанно его поддерживают. В противоположность этому необходимо такое исследование способов политического структурирования мира, которое бы не зависело от ложно-универсалистских предпосылок и позволяло бы освободиться от существующих структур господства.

Не существует никакой привилегированной точки зрения, с которой можно было бы объективно проанализировать существующий мир. Все представления о мире являются частичными, основанными на случайных предпосылках, ценностно и поли-

тически ангажированными. Нет никаких объективных фактов. Все представления о мире являются лишь интерпретациями и, в этом плане, все они абсолютно равноправны.

Перечисленные выше эпистемологические представления тесно связаны с картиной международной реальности. Все структуры знания обслуживают те или иные существующие отношения власти. Последние являются диффузными и вездесущими. Структуры власти проходят не столько через объективную реальность, сколько через сознание людей. Структуры власти часто существуют в виде языковых конструкций или иерархических различий в идентичностях.

Диффузность структур власти означает, что они существуют, во многом, в бессознательной форме. Для их разоблачения требуются процедуры, сходные с психоаналитическими. Это будет не столько познание, сколько изменение баланса сил, так как разоблачение старых структур власти нейтрализует их в пользу новых. Власть в постмодернистском смысле не является чем-то объективно пред-данным реальным субъектам. Это всего лишь соотношение сил разных типов.

Кроме скрытых и вездесущих структур власти другим ключевым пунктом представлений постмодернистов о мире является вопрос о Другом. Социально-политический мир характеризуется не столько сходствами, сколько различиями. Разные представления о мире задают и различные типы рациональности действий, непрерывно сталкивающиеся на всех уровнях социально-политической организации человечества.

Распространение постмодернизма в изучении международных отношений привело в сфере изучения проблем безопасности к росту интереса к так называемой *биополитике*.

В наиболее широкой интерпретации биополитика как научная дисциплина может быть определена как совокупность всех приложений биологии к политической сфере. В разных биополитических школах и в разные периоды ее исторического развития предмет биополитики получал разные конкретные

определения. На ранних этапах развития биополитики она обычно понималась как «приложение подходов, теорий и методов биологических наук в политической науке». Иными словами, в рамках данного подхода биологическая природа человека выступала как некая основа, а методы и проблемы, возникшие в рамках биологии, предлагалось переносить на политику. Например, в рамках этого подхода анализировалось то, какие меры необходимо проводить на политическом уровне для того, чтобы обеспечить долгосрочное выживание человечества или его части как биологического вида. Французский историк и социолог Мишель Фуко полностью перевернул это представление о первичности биологического над социальным в биополитике. Он предложил интерпретацию *биополитики уже не как научной дисциплины, а как совокупности практических политических мер по воздействию на биологическое начало в человеке (или группе людей) и контроле за ним ради общественных целей*.

В рамках биополитических подходов сила (power) в международных отношениях понимается как «формирующая», а безопасность понимается как часть тотальности соотношения мировых сил. Нет никаких сфер жизни, которые не были бы трансформированы соотношением сил, а это соотношение сил задает все феномены в области безопасности. Технологии и экономические практики, структура средств массовой информации, распространение различных культурных стереотипов, идеологий и систем ценностей, отношения между полами (гендерные отношения), сексуальность и т. д. — все сформировано разными силами и все представляет собой разные ставки в борьбе этих сил.

В рамках биополитического анализа внимание уделяется не просто защите от угроз безопасности, но целенаправленному формированию структур, делающих невозможными те или иные угрозы. При этом игнорируются традиционные международные понятия, связанные с государственным суверенитетом, полномочиями международных организаций, и т. д. В этой связи распространение данных подходов может со временем при-

вести к серьезным изменениям и в практике международного обеспечения безопасности.

Биополитический анализ особенно характерен для носителей различного рода радикальных политических взглядов и, в этом плане, в своей самой классической форме он получил наиболее широкое распространение среди левых и даже крайне левых университетских кругов, а не в экспертной практике. Чаще всего такого рода анализ выглядит как критика действий властей и элит «со стороны», а рецепты решения проблем, если они вообще предлагаются, носят революционный характер. Самым характерным анализом такого рода можно считать получившие широкую популярность в Европе работы Джорджо Агамбена (серия Homo Sacer) о ситуации в области обеспечения безопасности в западном мире, сложившейся после начала войны с терроризмом.

Биополитические подходы получили широкое применение в таких связанных с постмодернизмом современных подходах как феминизм и постколониализм. При этом объектом анализа выступают последствия в сфере безопасности от сохранения или изменения традиционных отношений между полами (гендерных отношений) в первом случае и от сохранения или изменения европоцентричных структур, созданных в период экспансии колониализма и подавления незападных культур, во втором случае. Они также тесно связан с постмодернистским пониманием проблем безопасности в международных отношениях.

В существенной мере сходное по логике и по своим историческим корням (левацкие идеи), но имеющая иные функции (не критика существующих в западном мире элит, а поддержка их) теория появилась в США и даже получила преобладание в период президентства Дж. Буша-младшего. Это — неоконсерватизм. В ряде аспектов он примыкает к постмодернизму по своему революционному потенциалу, связанному с троцкизмом (хотя при этом идеологически восходит к наследию философа Лео

Штрауса). Изначально троцкистом был один из самых влиятельных деятелей администрации Дж. Буша-младшего Пол Вулфовиц (заместитель Министра Обороны США, затем — глава Всемирного Банка). Именно с ним связывают решение руководства США организовать вторжение в Ирак. С троцкизмом был связан и ряд других лидеров «неоконов» (бывший посол США в ООН и советник президента Р. Рейгана по международным вопросам Джоан Киркпатрик, заместитель министра обороны США в администрации Р. Рейгана и советник министерства обороны в администрации Дж. Буша-младшего Ричард Перл). Для бывших троцкистов логичным был перенос революционной логики в область внешней политики. Американские неоконсерваторы пытались игнорировать традиционную систему координат, связанную с международным правом и суверенитетом государств. Они стремились к «распространению демократии в мире» революционным путем. Это спровоцировало войну в Ираке и серию «цветных революций» на постсоветском пространстве. Дискредитация экспертов-неоконсерваторов в связи с войной в Ираке послужила одной из причин победы Б. Обамы на президентских выборах.

Биополитические подходы, несмотря на их связь, прежде всего, с академическими кругами, напрямую влияют на экспертные позиции, значительно выходя за пределы чисто академического анализа. В их рамках значительно усиливается интерес к новым и нетрадиционным угрозам безопасности, связанных с самыми разными областями жизни общества. Растет понимание того, что традиционные меры реагирования абсолютно неадекватны такого рода угрозам. Соответственно, ослабляется интерес к традиционной системе представлений о международной безопасности, связанной с военными факторами, суверенитетом государств, формальным международным правом и системой организаций.

Стремительные перемены, происходящие в мире за последние два десятилетия, сопровождались появлением разно-

образных новых вызовов и угроз безопасности. Одновременно происходил и пересмотр сложившихся способов понимания проблем безопасности в области теории международных отношений. Новые подходы к проблематике безопасности, возникшие в рамках синтеза неореализма и неолиберализма, конструктивизма и теории секьюритизации и, наконец, биополитики позволяют синтезировать различные военные и невоенные аспекты обеспечения международной безопасности. Они отвечают требованиям эпохи глобализации и, в этой связи, в той или иной мере отказываются от старой системы мер в области обеспечения безопасности. Возникают совершенно новые типы международных операций по поддержанию безопасности, полностью игнорирующие старые границы между разными типами международных практик.

Повышение международной нестабильности и рост различного рода новых вызовов и угроз безопасности требует пересмотра традиционного аналитического инструментария, применяемого для анализа проблем международной безопасности. Это делает актуальным обращение к новым экспертным подходам, анализирующим данные проблемы. В связи со всем вышеозначенным актуальным является внедрение новые аналитических подходов в сферу анализа соответствующих проблем в России, требуется проводить подготовку и переподготовку научных и экспертных кадров с учетом наличия соответствующих подходов.

Методы оценки показателей и критериев межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки: новые научно-экспертные подходы

Проводимый ниже анализ исследует качественные показатели и критерии межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки путем анализа новых научно-экспертных подходов к вопросам военного планирования

и обеспечения международной безопасности. Он, в частности, посвящен ряду взаимосвязанных тенденций в области изучения вопросов международной безопасности в США и странах ЕС, проявившимся впервые начиная с первой половины 1990-х гг. в виде резкого усиления значимости проблематики «новых угроз и вызовов безопасности» и все активнее видоизменяющим традиционные представления о военно-политической сфере. Эти тенденции представляют реакцию на появление новых типов практик в области внешней политики и обеспечения международной безопасности, а также новые способы понимания вызовов и угроз безопасности. Данный практический опыт и научные подходы еще в должной мере не осмыслены российским научно-экспертным сообществом и не известны ему. *Поэтому соответствующий анализ носит существенные черты новизны и может быть полезен для разработки адекватных ответов на различные типы вызовов и угроз, возникающих в России и постсоветском пространстве, в целом.*

Опыт, полученный западными государствами в ходе глобальной «войны с терроризмом», операций в Ираке и Афганистане, привел к появлению новых моделей проведения военно-политических операций (операций «смешанного типа»).

Развитие новых электронных технологий и рост интереса к сетевым практикам в политической жизни, особенно в специфических условиях «объединенной Европы» (преимущественное использование инструментов «мягкой силы» и «квазифедеральная» система принятия политических решений), привели к увеличению роли сетевых практик в выработке и реализации внешнеполитических решений. Эти тенденции в политике ЕС оказались тесно связаны, в том числе, и с проблематикой безопасности.

Пересмотр проблематики безопасности по окончании «холодной войны» в связи с возникновением новых вызовов и угроз оказался тесно связан с ключевыми тенденциями развития теории международных отношений.

Наконец, в современном мире на одно из первых мест в сфере обеспечения безопасности выходит «мягкая сила» государств.

Изучение соответствующих подходов, нового лексикона проблем безопасности и новых способов осмысления соответствующих вопросов будет полезным для совершенствования военного планирования России.

Новые угрозы и новые типы операций в политике США и других стран НАТО: опыт глобальной «войны с терроризмом», операций в Ираке и Афганистане

Нетрадиционные типы угроз в современных военно-политических операциях. Активизация новых вызовов и угроз в третьем тысячелетии, рост стратегической неопределенности в мире вызвал к жизни научно-практические концепции, направленные на противодействие этим тенденциям. В условиях серьезной опасности, которую представляют для РФ различные нетрадиционные угрозы, необходим учет зарубежного опыта по их нейтрализации.

Традиционно развитие военного искусства и изучение проблем безопасности (security studies) шло по пути поиска способов уменьшения неопределенности путем выработки четкого определения различных ситуаций и возможных алгоритмов действий в них[144]. Это позволяло Вооруженным силам при проведении операций максимально использовать накопленный опыт. Подобный подход, не исключая элемент творчества, придавал действиям командиров в тех или иных ситуациях, определенных законами, уставами, методическими и научно-прикладными разработками, более или менее автоматический характер.

[144] Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. Johns Hopkins University. — Maryland.15–17 September 1997.

Описанный подход был возможен благодаря тому, что Вооруженные силы реагировали, в основном, на строго очерченный круг традиционных угроз (связанных, прежде всего, с «обычной» войной). Последние предусматривали наличие следующих условий:

— наличие четко очерченного *субъекта*-противника;
— *территориальную определенность* конфликта («зона боевых действий»);
— наличие четких, заранее определенных *задач* (например, полное сокрушение противника при войне с неограниченными целями или установление контроля над теми или иными географическими пунктами при войне с ограниченными целями);
— четкое определение применяемых *средств*; для решения военных задач Вооруженные силы применяли военные средства;
— наличие определенных *временных рамок* (военный период или период проведения военной операции), что позволяло четко дифференцировать различные стадии проведения операций (планирование операции, ее проведение, различные виды деятельности после проведения операции);
— четким определением сфер *структурно-институционального и территориального разделения труда* между различными военными, гражданскими и негосударственными организациями и их структурными подразделениями;
— возможностью *четкого концептуального определения ситуации* (например, война — мир или операции по поддержанию мира, принуждению к миру, гуманитарной помощи, послевоенной реконструкции и т. п.);
— *определенностью типа и степени угрозы*, представляемой тем или иным противником;
— возможностью более или менее четко отделять реальные события от их восприятия обществом и СМИ.

В канун третьего тысячелетия все ведущие государства

мира столкнулись с новыми, нетрадиционными угрозами. Последние характеризуются целым рядом признаков, резко отличающим их от традиционных угроз, что ставит перед вооруженными силами, правоохранительными и специальными службами данных государств целый ряд задач по проведению операций со специфическими характеристиками. В этом плане борьба США и их ближайших союзников с международным терроризмом, породившая концепцию операций «переходного типа», имеет массу параллелей с соответствующими усилиями РФ, прежде всего, на Северном Кавказе.

Основные характеристики военно-политической обстановки в условиях новых вызовов и угроз

1. **Отсутствие строго определенного субъекта.** Характерным примером подобной ситуации являются террористические, экстремистские и преступные сети и движения. Они представляют собой структуры, резко отличные от традиционных организаций, обладающих четко выраженными субъектными свойствами[145]. Наиболее благоприятной средой для функционирования подобных структур стали фиктивные, распавшиеся, не контролирующие свою территорию государства (Афганистан, Ирак после свержения режима С. Хусейна, Таджикистан в период гражданской войны) или квази-государственные образования, не обладающие легитимностью и реальной субъектностью (Чечня в 1996–1999 гг.).
2. **Отсутствие территориальной определенности зоны конфликта и боевых действий.** Глобализация привела к тому, что сферой действия носителей новых угроз стал весь мир. Например, национальные и религиозные экстремисты на

[145] Новые подходы к исследованию социальных сетей заложены в работах: The Sociology of economic life. Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. — Boulder, 1992; Granovetter M. Getting a job, a study of contacts and careers. — Chicago, London, 1995.

Северном Кавказе получают финансовую помощь, идеологическую поддержку и приток новых боевиков из всего исламского мира (особенно, из арабских стран). Чеченские экстремисты проходили военную подготовку в лагерях «Аль-Каеды» в Афганистане и были тесно связаны с террористами из бывшей советской Средней Азии, Синьцзяна, Кашмира. Они используют страны Запада и новые технические средства (глобальную сеть Интернет) для проведения различного рода пропагандистских мероприятий. Террористические акты против российских граждан проводились в Центральной России и даже за границей (например, захват российского судна в Турции во время Первой Чеченской войны).

3. **Отсутствие точно определенных задач.** «Силовые» структуры современных государств постоянно сталкиваются с подвижной, неопределенной и постоянно меняющейся системой военных и невоенных задач, связанной с нейтрализацией новых угроз и их комбинаций. Например, в связи с вооруженным конфликтом на Северном Кавказе возникает широкий набор задач: военного разгрома вооруженных банд, организации контртеррористических операций (во время захватов заложников и иных терактов), проведения агентурной и правоохранительной работы на Северном Кавказе, послевоенного восстановления экономики и социальной жизни Чечни, создания жизнеспособных политических структур в регионе, реализации специальной информационной и пропагандистской политики и т. д.
4. **Отсутствие определенности в применяемых средствах**[146]. Для нейтрализации террористической угрозы на Север-

[146] Binnendijk Hans and Stuart Johnson, eds. Transforming for Stability and Reconstruction Operations. NDU Press. — April 2004. Executive Summary. — Chapters 4–7; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, *Defense and Technology Paper.* — NDU-CTNSP, August 2005.

ном Кавказе должен применяться очень широкий набор средств: военных, внешне- и внутриполитических, правовых, экономических, информационно-идеологических и т. д.

5. **Отсутствие точно определенных временных рамок**[147]. Война с терроризмом отличается от традиционной войны тем, что она не имеет четко очерченных рамок подготовительного довоенного, военного и послевоенного периода (или периода подготовки военно-политической операции, периода ее проведения и послеоперационного периода).
6. **Отсутствие строгого территориального и структурно-институционального разделения труда**[148]. В период войны с терроризмом нет ни передовой, ни тыла. Кроме того, сложные задачи борьбы с новыми угрозами могут решаться только путем взаимодействия между военной и гражданской администрацией, всеми ветвями власти, а также различными негосударственными организациями (коммерческими и некоммерческими). Одной из возможных попыток ответа на подобную ситуацию является принятое в ответ на террористическую угрозу решение руководства РФ по созданию четкой вертикали власти, а также формированию механизма взаимодействия с гражданским обществом через Общественную палату.
7. **Отсутствие четкого концептуального определения ситуации**[149]. Война с терроризмом отличается как от классической военной, так и от классической мирной ситуации.

---

[147] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 3.

[148] Binnendijk Hans and Stuart Johnson, eds. Transforming for Stability and Reconstruction Operations. NDU Press. — April 2004. Executive Summary. — Chapters 4–7; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, *Defense and Technology Paper.* — NDU-CTNSP, August 2005.

[149] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 3.

Любая операция по нейтрализации новых угроз является целым набором традиционных операций как военного, так и невоенного типа. Например, операция на Северном Кавказе является или являлась одновременно военной операцией по установлению контроля над территорией, военной контр-партизанской операцией, борьбой с бандформированиями (правоохранительная операция), борьбой с террористами (специальная операция), послевоенным восстановлением республики и нормализацией ситуации (политическая, экономическая, социальная, информационно-идеологическая операция), поддержанием целостности РФ в борьбе против внешних сил, участием в глобальной антитеррористической коалиции (внешняя политика) и т. д.

8. **Постоянная неопределенность типа и степени угрозы**[150]. Опасность терроризма заключается в том, что он постоянно представляет неопределенную по масштабу и сфере возникновения угрозу. Например, сравнительно небольшое по военным меркам подразделение террористов может создать серьезный политический кризис путем захвата большой группы заложников (Буденновск, Москва). Оно может породить серьезную экономическую или экологическую угрозу путем диверсии против важного промышленного объекта (ядерной электростанции, химического предприятия) или ключевого элемента транспортной инфраструктуры (нефтепровод, газопровод). Может быть создана ситуация крупной паники среди населения путем применения оружия массового поражения даже в небольших масштабах.

9. **Невозможность более или менее строго отделять реальные события от их субъективного восприятия СМИ и обществом**[151]. Любая борьба с терроризмом, в том числе, на Северном Кавказе, представляет собой информацион-

[150] Op. cit. — P. 3–4.
[151] Op. cit. — P. 4.

но-идеологическую операцию в не меньшей степени, чем «силовую». Например, смысл любого терракта заключается в информационном воздействии, направленном на создание атмосферы хаоса, страха, неопределенности, паники и дезорганизации среди населения, а также — на провоцирование властей на неадекватные действия в ситуации информационного, временного и психологического кризиса.

Все перечисленные выше особенности операций против новых и нетрадиционных угроз поставили перед Вооруженными силами, специальными и правоохранительными органами задачу действовать в ситуации существенно повысившейся степени неопределенности. *Теперь невозможно стало отделить противодействие разным угрозам безопасности от целого набора внешнеполитических и внутриполитических мер.*

Таким образом, перед военной наукой и изучением проблем безопасности (security studies) встала важная практическая задача исследования проблемы неопределенности и выработки путей действий в сложных и неопределенных ситуациях. Для разрешения некоторых аспектов данной проблемы в США и была выдвинута концепция «операций переходного типа».

Операции «переходного типа» как способ изменения военно-политической обстановки в условиях новых вызовов и угроз

Необходимость повышения комплексности операций в условиях высокой неопределенности осознается во всех странах мира. На уровне ООН (на материале миротворчества) она была четко поставлена в «докладе Брахими»[152]. В России также часто отмечалась необходимость проведения комплексных операций.

Для описания подобных ситуаций в обиход английской и американской военной науке был введен термин «operations on the cusps» «операции переходного типа». Следует отметить, что

[152] http://www.un.org/peace/reports/peace_operations/

данная модель широко фактически применялась и применяется в ходе операций в Ираке и Афганистане, однако в официальных документах Пентагона, которые, преимущественно, изучаются отечественными специалистами в сфере военной науки, она не фигурирует. Она служит, скорее, концептуальным обоснованием их формулировки и, потому, относится, по западной формулировке, к сфере «стратегических исследований», тесно примыкающих к изучению международных отношений. Именно поэтому анализ концепций данного типа в наших условиях, скорее, является делом ученых-международников, чем военных.

Существительное «cusp» в английском языке обозначает «острое образование на поверхности чего-л., острый выступ между двумя плоскостями». В геометрии оно используется для обозначения точек пересечения между линиями. Данный термин используется также в астрологии, где он обозначает родившихся в точках между двумя знаками (например, Тельцом и Овном). Пересечение этих знаков создает в судьбе человека неопределенности и противоречия.

Таким образом, данное слово обозначает ситуацию высокой степени неопределенности, которая создается в результате того, что одно и то же событие располагается в точке пересечения различных линий, в точке смены разнородных, соприкасающихся друг с другом и переходящих друг в друга, состояний и тенденций. Поэтому данное событие чрезвычайно противоречиво и неопределенно.

В военную науку была внесена следующая дефиниция операций «переходного типа». *Это — операции в точке перехода между различными состояниями*[153]. Непосредственная необходимость во введении подобного термина в военную науку возникла из-за того, что Вооруженные силы США и их ближайших союзников в последнее время часто проводят операции

[153] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — Norfolk, Virginia. 14–15 March 2005.

в далеких точках земного шара (Афганистан, Ирак и т. п.). При этом данные операции не подходят ни под одно из существующих в военной науке определений. Они одновременно являются военными вторжениями, операциями «по принуждению к миру» (т. е. разновидностями миротворческих операций), антипартизанскими и антитеррористическими операциями, операциями по гуманитарной помощи, социально-политической стабилизации и реконструкции и т. п. В результате армии приходится действовать в крайне сложной и неопределенной ситуации, когда все выработанные военной наукой классические рецепты типичных действий в типичных обстоятельствах не могут быть применены. Таким образом, операции «переходного типа» являются *военными операциями в условиях чрезвычайно высокой степени неопределенности*[154].

В связи с тем, что невозможным становится отделение чисто военных функций от невоенных, мы бы определили «операции переходного типа» как *совокупность практик, направленных на нейтрализацию большого количества разнородных угроз безопасности в условиях высокой степени сложности и неопределенности.*

«Ситуация операции «переходного типа» (operational cusp)» является такой ситуацией, когда «события и последствия действий нестабильны и непредсказуемы и на них могут влиять незначительные события или изменения в возможностях»[155] действующих сторон. Следствием этого является наличие очень большого количества разнообразных измерений в операции (военных, политических, информационных и т. п.), различным и труднопредсказуемым при помощи традиционных средств моделирования образом совмещающихся друг с другом.

---

[154] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005.

[155] Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. — Johns Hopkins University, Maryland. 15–17 September 1997. — P.8.

Другим последствием является «нелинейный характер» операций, т. е. наличие большого количества неопределенных переменных, не выводимых из других переменных[156]. Например, потенциальный ущерб, который может нанести группа террористов (одна переменная), не выводим напрямую из численности группы и ее технического обеспечения (две другие переменные). Даже небольшая группа террористов, вооруженных складными ножами, может устроить масштабную серию терактов, имеющую глобальные последствия, как это было 11 сентября 2001 г. в США.

Характерной чертой в исследованиях операций «переходного типа» является то, что возникающие в их ходе угрозы и противники трудно поддаются определению[157]. В связи с этим «трансформация Вооруженных сил для проведения операций «переходного типа» не является … просто проблемой реформы военных структур и адаптации доктрин для того, чтобы включить в их рамки новые, все более сложные «категории» стратегических вызовов или «уровней» действий. Вызовы, с которыми армия встречается в ходе операций «переходного типа», требуют более радикальной и амбициозной серии реформ. Для того, чтобы противостоять аморфным противникам и проводить комплексные реформы, требуемые операциями «переходного типа», необходимо разработать более динамичные, гибкие межведомственные и межгосударственные способы взаимодействия в области планирования, проведения и наблюдения за военными кампаниями. Эти подходы должны стремиться усилить применение военного потенциала в большом количестве разнообразных операций,

---

[156] Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. Johns Hopkins University, — Maryland. 15–17 September 1997; James, Major Glenn E. Chaos Theory: The Essentials for Military Applications. — Newport, Rhode Island, 1996.

[157] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — Norfolk, Virginia. 14–15 March 2005.

развить новые организационные концепции, методологии, инструменты и структуры, при помощи которых можно эффективно интегрировать все значимые элементы национальных и многонациональных сил»[158].

Тенденция повышения неопределенности и сложности в боевых действиях, их существенного отклонения от классических образцов характерна отнюдь не только для США и Великобритании. Можно предположить, что она является существенной характеристикой боевых операций в XXI веке. Выше мы уже отмечали, что со сходной ситуацией столкнулись, например, российские войска, правоохранительные и специальные службы в Чечне, где им одновременно приходится решать целый ряд достаточно разнородных задач. В связи с этим изучение концепции операций «переходного типа» представляет особенный интерес для российской военной науки.

Анализ различных закономерностей, возникающих в случае повышения степени сложности операции, например, из-за соединения в ней нескольких типовых операций, имеет также большой практический смысл.

Он позволяет, например, ответить на вопрос, каким образом небольшим по численности и обладающим сравнительно скромными ресурсами террористическим сетям удается с успехом противостоять мощным военным машинам и спецслужбам крупнейших государств мира. Все успехи, достигнутые различными носителями нетрадиционных угроз, прежде всего, террористами, объясняются тем, что они используют *ассимметричные средства*. Последние позволяют постоянно «ставить в тупик» и дезорганизовывать военные и специальные службы государств, которые построены на строгом выполнении заданных законодательствами, уставами, специальной подготовкой и наработанными практическими навыками алгоритмов

[158] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P.5.

действий. Вводя военных и спецслужбы в ситуации, когда ни один из существующих алгоритмов действий не срабатывает (т. е., постоянно «ставя их в тупик»), террористы полностью нейтрализуют их гигантские материальные и организационные преимущества.

Концепция операций «переходного типа» позволяет выделить ключевые проблемы, возникающие в связи с ситуацией повышения степени сложности, выработать типовые методы их решения и создать новые способы планирования операций и подготовки личного состава Вооруженных сил и специальных служб, их взаимодействия с гражданской администрацией, коммерческими и некоммерческими негосударственными организациями.

Исследования операций «переходного типа» не ограничиваются США и Великобританией, хотя наиболее полное осмысление данной проблемы наблюдается именно в этих странах. Различные способы решения проблемы неопределенности в современных боевых действиях разрабатываются, в настоящее время во всех армиях стран Запада, в частности, во Франции[159].

Операции «переходного типа» в современных миреполитических исследованиях

Развитие концепции операций «переходного типа» в США и Великобритании тесно связано с теорией «*революции в военном деле*» (Revolution in Military Affairs), вызванной внедрением информационных технологий в военные операции. Сущность данной теории заключается в том, что компьютеры, новые системы связи, слежения и контроля, новые «умные» виды вооружений приводят к полному изменению характера современной

[159] Нюйтенс Гай (начальник отдела Генерального штаба вооруженных сил Франции). «Задачи пост-конфликтного восстановления и стабилизации». Международный семинар «Возможности сотрудничества России и НАТО в миротворческих операциях. Москва, 10–11 октября 2005 г. (устное выступление, а также личные пояснения автора).

войны. При этом преимущества в информационной области становятся основным способом достижения победы[160].

Критики данной теории отмечают, что в самой сущности войны заключена высокая степень иррациональности (т. е. неопределенности), которая не позволит в столь высокой степени информатизировать ее ход[161]. Войну все равно выигрывает не техника, а люди. Последние всегда могут поставить технику в тупик путем применения различных ассиметричных ответов и путем повышения степени сложности и неопределенности. Это может вызвать и сбои в работе техники (в том числе, вызванные ошибками операторов), так как будет непонятно, какие алгоритмы применять в данном случае. При этом часто ссылаются на сбои в применении «умных бомб», вызванных несовершенством в работе людей, вводящих данные в компьютеры. Например, вопиющим примером такого «сбоя» был удар по китайскому посольству во время бомбардировок Югославии, проводившихся войсками НАТО.

Исследования в области операций «переходного типа» как раз позволяют обнаружить «узкие места» в применении высоко интеллектуализированных военных технологий и выработать типовые способы преодоления этих «узких мест».

В изучении операций «переходного типа» условно можно выделить *теоретические* и *прикладные* аспекты.

Теоретические аспекты связаны с внедрением в военную науку результатов исследований в так называемых «новых науках» (new sciences), т. е. в передовых областях развития прикладного логико-математического анализа: теорий хаоса и сложности, самоорганизации, некоторых направлениях когнитивных исследований (cognitive sciences) и т. д. Данные направления

---

[160] Aspin L. The Bottom-Up Review. Forces For A New Era. 1 Sept. 1993. — Wash.: U.S. Dep. of Defense, 1993; Transforming Defense, National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. — Wash., 1997.

[161] David M. Cooney (Naval war college, Newport). Warfare in the Information Age: Adding Capability Multipliers — http://www.stormingmedia.us/70/7070/A707073.html

развития науки дают возможность создания практически применимых компьютерных моделей различных военно-политических ситуаций, характеризуемых высокой степенью сложности и неопределенности. Это теоретическое направление имеет непосредственный выход на практические вопросы, так как оно позволяет разработать новые способы стратегического и тактического планирования операций, организации систем связи и контроля, создания и обработки компьютерных баз данных, подготовки и обучения военного персонала и т. д.[162]

Прикладные аспекты описываемых исследований включают в себя широкий набор конкретных рекомендаций, от незначительных и сравнительно быстро внедряемых усовершенствований в работе военного и других ведомств, до чрезвычайно серьезных и долгосрочных реформ. Основные направления прикладных исследований включают в себя: проблемы освещения боевых действий и проведения информационно-пропагандистских мероприятий; новые методы подготовки и проведения военных кампаний; изменения в подготовке и материально-техническом обеспечении войск; усовершенствования в области взаимодействия государства с негосударственными (коммерческими и некоммерческими) структурами; реформы, направленные на улучшение взаимодействий между различными ведомствами в процессе постконфликтного восстановления[163].

---

[162] См.: Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. — Johns Hopkins University, Maryland. 15–17 September 1997; Naval Studies Board, National Research Council, Modeling and Simulation, Volume 9 of Technology for the United States Navy and Marine Corps, 2000–2035; Becoming a 21st Century Force, National Academy Press. — Washington (DC), 1997; Waldrop, M. Complexity, the Emerging Science at the Edge of Order and Chaos. — New York, 1992; James, Major Glenn E. Chaos Theory: The Essentials for Military Applications. — Newport, Rhode Island, 1996; Wood John R. Experimenting for Operations on the Cusps. — *RUSI Journal,* August 2005.

[163] Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. P. 4–5.

Ниже мы подробно рассмотрим каждое из вышеперечисленных прикладных направлений.

1. Боевые действия и виртуальное пространство СМИ

Объективная необходимость вмешательства властей в освещение событий и в понимание их населением является одной из наиболее сенситивных проблем обеспечения безопасности в современных условиях с точки зрения проблемы сохранения демократии. С одной стороны, исполнительная власть не может допустить, чтобы, например, освещение терактов в прессе вело к реальному увеличению числа жертв, к предупреждению террористов о возможных действиях властей, к нагнетанию панических настроений. С другой стороны, где грань, за которой начинается манипуляция общественным мнением с целью создать позитивный образ властей? Тем более, что такая манипуляция может быть использована для того, чтобы обеспечивать сохранение власти, маргинализовывать оппозицию, реализовывать какие-то конкретные интересы власть предержащих, отнюдь не имеющие отношения к обеспечению безопасности. В частности, такого рода обвинения широко раздавались в адрес администрации Дж. Буша-младшего в связи с применявшимися методами борьбы с терроризмом и, особенно, в связи с пропагандистским освещением войны в Ираке американскими СМИ.

Операции «переходного типа» характеризуются превращением «виртуального уровня», т. е. уровня освещения операции в СМИ и сети Интернет в самостоятельный и чрезвычайно важный аспект боевых действий. Например, конечные результаты операции по спасению заложников (как это имело место в Москве, в связи с захватом заложников во время мюзикла «Норд-Ост») связаны не только с реальным ходом операции и количеством спасенных заложников, но и с тем, какое освещение данная операция получила во внутренних и международных СМИ.

Исходная цель террористов имела важные информационно-пропагандистские аспекты: посеять панику и неуверенность

среди населения, напомнить о чеченской проблеме, вынудить власти РФ на действия, ухудшающие имидж страны в глазах международного сообщества. Несмотря на освобождение заложников с относительно небольшими (по сравнению с потенциально возможными в данной ситуации) жертвами, информационно-пропагандистские задачи террористов были частично выполнены, чему способствовало отсутствие четкой государственной политики в области влияния на освещение данных событий в СМИ (что и было затем отражено на уровне законодательства РФ).

Рис. 1. Три уровня боевых действий в операциях «переходного типа». 1 — стратегический; 2 — оперативно-тактический; 3 — виртуальный.

Три уровня действий в ходе военно-политической операции «переходного типа» (стратегический, операционально-тактический и виртуальный) соотносятся в соответствии со схемой 1[164]. Она представляет собой две частично совпадающие сферы: 1) *стратегическую*, т. е. уровень объективных событий со всей их глубинной значимостью, не всегда доступной пониманию людей и 2) *виртуальную*, уровень субъективного восприятия и освещения этих событий на национальном и международном уровне. Пересечение этих двух сфер создает промежуточную *оперативно-тактическую зону* как на уровне

[164] Op. cit. — P.4.

реальных боевых действий (тактика проведения реальной операции), так и на уровне их освещения в СМИ (тактика освещения реальной операции). При этом в современной войне реальность и ее виртуальное воспроизведение стремятся к совпадению.

Данное соотношение означает, что все оперативно-тактические действия в современных условиях могут быть освещены прессой и оказаться, таким образом, в виртуальном пространстве СМИ и сети интернет[165]. Почти невозможно скрыть от международного сообщества реальные события, возникающие в ходе боевых действий на оперативно-тактическом уровне. *Таким образом, весь ход операции на этом уровне в равной степени виртуален и реален.* Танки одновременно едут и стреляют в виртуальном пространстве телеэкранов и на реальном поле брани.

События в их реальной (*стратегической*) глубине и значимости (например, то, почему и зачем эти танки стреляют, и к чему это в конечном итоге приведет) зачастую ускользают от общественного мнения. В то же время, в *виртуальном* пространстве СМИ существует масса противоречивых оценок ситуации. Они сказывающихся, в том числе, на подаче и подборе визуального материала со стороны различных оппозиционных властям своей страны группировок[166]. Поэтому две сферы — *стратегическая* (уровень объектиной реальности) и *виртуальная* (уровень ее субъективного отражения СМИ и общественным мнением) совпадают лишь частично.

Частичное совпадение этих двух сфер дает широкие возможности для манипулирования общественным мнением, несмотря на то, что все события «оперативно-тактического»

---

[165] Gowing Nik. Real Time Crises: New Real Time Tensions. Report. Conflict, Security and Development Research Programme of King's College. — London. 26 April 2005. — http://www.kcl.ac.uk/depsta/wsg/research/csdresch.html

[166] Ibid.

уровня освещаются СМИ. Аудитория СМИ видит движущиеся и стреляющие на «*оперативно-тактическом*» уровне танки, но не понимает «*стратегической*» сути событий. Манипуляция общественным мнением заключается в том, чтобы навязать выгодный себе сценарий этой «*стратегической*» перспективы, сквозь которую видятся «*тактические*» события.

Одним из конкретных способов подобных манипуляций является направленное «смещение» потоков информации в реальном времени путем сверхинтенсивного освещения событий в СМИ с определенной точки зрения. Например, все наступающие колонны коалиционных войск в ходе последней иракской кампании были снабжены видеокамерами, которые непрерывно и практически без цензуры передавали в электронные СМИ материалы в режиме реального времени. Наблюдавшие действия коалиционных войск зрители были уверены, что они полностью информированы о ходе боевых столкновений. В то же время, они бессознательно проникались симпатией к войскам антииракской коалиции и приучались видеть события их глазами.

Понимание описанных выше закономерностей должно сказываться на уровне планирования операций. В его ходе проблемы освещения операции и манипуляций с ее субъективным восприятием населением собственной страны и международным сообществом (прежде всего, вопросы подачи «картинки» в реальном времени) должны решаться одновременно с проблемами реального проведения данных операций. При этом обоим видам проблем *следует уделять равное внимание*.

Подобный подход требует существенного изменения ментальности военного и политического руководства[167]. В то

[167] Для России подобный подход не является чуждым, так как в советский период очень многие военные вопросы решались с точки зрения возможного пропагандистского эффекта (например, практика взятия городов под даты государственных праздников в Великой Отечественной войне).

же время он уже достаточно широко применяется в бизнесе, где вопросы маркетинга, рекламы и брендирования новых продуктов в развитых странах решаются одновременно с их разработкой. Причем каждой из указанных групп проблем уделяется равное внимание. Более того, можно проследить достаточно четкую параллель между процессами «виртуализации» товаров в экономической сфере жизни постиндустриальных стран и процессом «виртуализации» военных операций.

2. Новые методы подготовки и проведения военно-политических кампаний

Операции в Афганистане и Ираке показали наличие существенных ограничений в алгоритмах действий высокотехнизированных войск. Армии США и их союзников очень легко и почти без потерь добились победы на первых стадиях этих кампаний благодаря своему техническому превосходству. В то же время, в дальнейшем они столкнулись с вызовами, характерными для операций «переходного типа». Они оказались в ситуации высокой степени неопределенности, отсутствия четких алгоритмов действий, возникшей, в частности, благодаря асимметричной тактике чрезвычайно аморфных противников, не имевших четкой субъектности (террористические сети, повстанческие движения). В результате эффективность действий армии резко снизилась, материальные затраты и потери существенно выросли.

Опыт, извлеченный американской и английской военной наукой из подобной ситуации, вполне может быть полезен для России, так как вооруженные силы РФ столкнулись со сходной ситуацией в ходе второй чеченской кампании. Чисто военный разгром «ичкерийской армии» был достигнут достаточно быстро, однако в дальнейшем эффективность действий Российской армии существенно снизилась из-за попадания в ситуацию операции «переходного типа». Среди конкретных рекомендаций для планирования

и проведения кампаний «переходного типа» можно выделить следующие[168]:

Во-первых, **у**силение обмена информацией внутри ведомств, между различными ведомствами и другими структурами, вовлеченными в операции (иностранные союзники, дружественные общественные и коммерческие организации). Очень много информации, своевременное обладание которой играет ключевую роль, например, в борьбе с террористами, пропадает на границах между различными структурными подразделениями и уровнями одного ведомства, либо разными ведомствами и организациями.

Данная задача имеет организационные, кадровые и технические аспекты. С организационной точки зрения необходима выработка специальных инструкций и создание подразделений, которые бы занимались обменом информацией. С кадровой точки зрения целесообразна соответствующая подготовка всего персонала (прежде всего, на уровне руководства высшего звена с целью выработки новой информационной культуры). С технической точки зрения нужно создание соответствующей материально-технической базы и разработка взаимно совместимых электронных баз данных.

Во-вторых, пересмотр процессов подготовки к проведению кампаний и руководства ими. В ходе подготовки кампании необходимо создать синтетическую компьютерную модель, которая бы учла максимально большое количество ее аспектов

---

[168] Interagency Coordination During Joint Operations. Joint Pub 3–08. — Wash.: Joint Chiefs of Staff. — 9 Oct. 1996; Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 5–6; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, *Defense and Technology Paper.* NDU-CTNSP. — August 2005; Millen Raymond A. Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. — April 2005; Ward Celeste. The Coalition Provisional Authority's Experience with Governance in Iraq: Lessons Learned. "*United States Institute of Peace Special Report # 139.* — May 2005.

и измерений с позиций различных ведомств и организаций. В качестве позитивного примера можно предложить модель «генетического стратегического планирования кампаний», созданную в Министерстве обороны Великобритании. Модель обеспечивает межведомственный анализ хода конфликта, дает возможность спланировать ход кампании с точки зрения единой стратегической цели и оценить ход событий с точки зрения степени ее достижения.

Обеспечение подобной интеграции позиций ведомств требует руководства на самом высшем уровне, что легко осуществимо в условиях России в связи с созданием «вертикали власти».

В-третьих, создание интегративных концепций и методологий анализа с целью вовлечения в процесс проведения кампаний всех возможных инструментов. Например, для достижения победы в борьбе с терроризмом в России должны быть вовлечены все возможные ресурсы различных ведомств и организаций: военные возможности (МО, МВД, ФСБ, МЧС), внешнеполитические возможности (МИД), внутриполитические возможности (все уровни власти и различные политические силы), финансовые возможности (министерства финансово-экономического блока, коммерческие структуры), информационно-пропагандистские возможности (различные виды СМИ). Для интеграции и правильного применения всех этих ресурсов должна быть создана единая синтетическая (формализованная до компьютерной модели) методология оценки различных частных задач и привлечения разных типов ресурсов для их решения.

В-четвертых, разработка новых технологических систем для обеспечения описанного выше синтеза всех возможных инструментов. Это требует серьезных инвестиций государства в разработку информационной техники и технологий, переподготовку кадров на разных уровнях в различных ведомствах.

В-пятых, пересмотр законодательства с целью оптимальной консолидации усилий всех ведомств и негосударственных

организаций в борьбе с новыми угрозами. В РФ данная задача может быть решена в рамках законодательного совершенствования «вертикали власти» и развития способов ее взаимодействия с бизнесом (через РСПП, торгово-промышленную палату и другие организации бизнеса[169]) и гражданским обществом (Общественная палата).

Необходимость интеграции в борьбе с новыми и нетрадиционными угрозами безопасности всех государственных ведомств и структур общества также представляет своеобразный вызов классической теории демократии. Последняя подразумевает разделение властей и независимость гражданского общества от государства. Все это неизбежно ограничивается в период проведения «операций переходного типа».

3. Изменения в подготовке и материально-техническом обеспечении войск

Вызовы, с которыми встретились войска США и их союзники в ходе операций «переходного типа», серьезно модифицировали цели, поставленные в рамках процессов военных реформ, призванных создать «армии будущего». Вооруженным силам РФ необходимо учитывать подобные изменения в ходе военного строительства.

Выполнение новых задач требует изменения структуры управления армией и перевод ее из иерархической в иерархически-сетевую модель. Последняя отличается четырьмя свойствами: 1) максимально возможная при сохранении управляемости децентрализация в принятии решений и поощрение инициативы «снизу», наличие системы «обратных связей»; 2) самоорганизация системы и повышение ее адаптивности, возникающие благодаря децентрализации; 3) свободное движение информации во всех направлениях, уничтожение преград для движения

[169] В качестве позитивного примера могут быть также рассмотрены способы взаимодействия государства и бизнеса, существовавшие в России в период Первой мировой войны (торгово-промышленные комитеты и т. д.)

информации, возникающих на различных уровнях иерархии; 4) возможность «обхода» ступенек иерархии, прямых контактов между различными ее уровнями.

Повышение неопределенности в ходе боевых операций требует усиления инициативы на местах и максимально возможной (в рамках сохранения управляемости войсками) передачи полномочий на низший уровень. В то же время должна быть создана система гибкого руководства низшими уровнями со стороны наиболее высшего звена управления, минуя все промежуточные уровни иерархии. Последнее необходимо, например, для случаев, когда в ходе частной военной операции решается задача государственного масштаба[170]. Так во время крупномасштабных операций по спасению заложников необходимо, чтобы действия ведомств координировались на самом высшем уровне.

В целом, наиболее оптимальной структурой управления для решения задач, возникающих в ходе операций «переходного типа», будет следующая комбинация традиционных иерархических и сетевых практик. Обычно в армии и других ведомствах с иерархической системой управления руководство осуществляется по следующей схеме. Уровень 1 управляет уровнем 2, уровень 2 управляет уровнем 3, уровень 3 управляет уровнем 4 и т. д. Таким образом, управление всеми уровнями иерархии, кроме непосредственно нижестоящего, осуществляется опосредованно.

Согласно иерархически-сетевой схеме управления (см. схему 2), сохраняется старый порядок соподчиненности, однако параллельно ему вводится система прямых связей между разными уровнями иерархии. Уровень 1 может непосредственно управлять уровнями 3 и 4, минуя уровни 2 и 3, уровень 2 — уровнем 4, минуя уровень 3. Или, используя конкретные примеры из

[170] Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. — Johns Hopkins University, Maryland. 15–17 September 1997.

военной области, командующий армией должен быть постоянно готовым напрямую управлять полком и ротой, командующий дивизией — ротой и т. д.

Рис. 2. Две модели управления, иерархическая (слева) и иерархически-сетевая (справа)

Данная модель управления касается не только непосредственного руководства, но и (что чрезвычайно существенно) получения информации напрямую, минуя посредующие источники (где она часто теряется или искажается). Командующий армией должен иметь возможность постоянно и непосредственно (в том числе, через специальные базы данных, компьютерные сети и системы наблюдения) получать информацию о том, что делается в любом конкретном полку или роте.

Следует отметить, что подобная иерархически-сетевая модель хорошо соответствует российской ментальности, так как в нашей стране всегда было принято считать, что наиболее высшее руководство отвечает непосредственно за все уровни подчинения, и должно с ними контактировать напрямую, минуя посредников[171].

[171] Введенная Суворовым и считающаяся с тех пор образцом для русского военного искусства система руководства войсками, например, была иерархически-сетевой. Спецификой русской монархии были представления о непосредственном единении царя с народом. Сходные идеалы постоянного прямого контакта высшего руководства с массами существовали и в советский период.

Новая модель управления должна характеризоваться *повышенной адаптивностью*. Если традиционно военное искусство стремилось изменить обстоятельства в соответствии со стратегией, то теперь следует стремиться изменять стратегию в соответствии с обстоятельствами[172].

Другим важным аспектом в военном строительстве в свете операций «переходного типа» стало совершенствование «системы команды, контроля, связи, компьютеров, разведки, наблюдения и рекогносцировки» (C4ISR). При этом наибольшее внимание стало уделяться не чисто техническим проблемам, а вопросам взаимодействия человека и техники: совершенствованию способов определения целей операторами ЭВМ, сбору разведывательной информации и внесению ее в базы данных, совершенствованию взаимодействия в данной области между союзными армиями и т. д.

Одним из примеров конкретных программ в этой сфере стала программа «Коалиционная военная демонстрация возможности обеспечения взаимодействия» (Coalition Warrior Interoperability Demonstration), разрабатываемая совместно США, некоторыми странами ЕС, Австралией и Новой Зеландией (в 2005 г. к ней присоединились Южная Корея и ряд стран Восточной Европы).

4. Усовершенствования в области взаимодействия государства с негосударственными (коммерческими и некоммерческими) структурами

Большую роль в рамках операций «переходного типа» стали играть негосударственные структуры[173]. Последние включают

---

[172] Military Operations Research Society. Warfare Analysis and Complexity. Workshop Report. — Johns Hopkins University, Maryland.15–17 September 1997.

[173] *Davidson L. W., Hayes M. D., Landon J. J.* Humanitarian and Peace Operations: NGOs and the Military in the Interagency Process. — Wash., 1996; *De Ruiter A. J. C.* Civil-military Cooperation: Core Business in (Future) Peace Support Operations. — Carlisle Barracks: U.S. Army War College, 1999;

в себя как различные некоммерческие организации (правозащитные, благотворительные, просветительские), так и бизнес-структуры (фирмы, занимающиеся различными видами охранной деятельности[174]). Все эти организации могут стать ключевыми союзниками государства в борьбе с такими новыми вызовами и угрозами, как терроризм. *Именно здесь четче всего видна недиференцированность внутренней и внешней политики и резкое изменение традиционного соотношения государства и гражданского общества как части демократических структур.* Это также неизбежно превращается в вызов для традиционной теории демократии. *Ведь исполнительная власть легко может начать манипулировать институтами гражданского общества под прикрытием решения проблем обеспечения безопасности.*

Государство в операциях «переходного типа» должно способствовать самоорганизации всех этих структур, выработке ими этических стандартов поведения в различных экстремальных ситуациях. Государственным органам необходимо создать постоянные и законодательно оформленные структуры, через

Gibson C. P., Snider D. M. Explaining Post-Cold War Civil-Military Relations: A New Institutionalist Approach. Project on U.S. Post-Cold War Civil-Military Relations Working Paper № 8. — Cambridge (Mass.): Harvard Univ., John M. Olin Institute for Strategic Studies, 1997; *Gregor W. J.* Toward a Revolution in Civil-Military Affairs: Understanding the US Military in the Post-Cold War Period. Project on U.S. Post Cold-War Civil-Military Relations Working Paper № 6. — Cambridge (Mass.): Olin Institute for Strategic Studies, Harvard Univ., 1996; *London J. J., Hayes R. E.* National Approaches to Civil-Military Coordination in Peace and Humanitarian Assistance Operations. — Vienna (Virg.).: Evidence Based Research, Inc., 1996; *Weiss T. O.* Learning from Military-Civilian Interactions in Peace Operations // International Peacekeeping. — 1999. — Summer. — V. 6. — №2. — P. 112–128; *Zandee D.* Civil-Military Interaction in Peace Operations // NATO Review. — 1998. — Spring. — V. 47. — № 1. — P. 10–13; *Williams M.* Civil-Military Relations and Peacekeeping. Adelphi Paper №321. — L., 1999.

[174] Последний ресурс в РФ задействуется недостаточно, хотя частные охранные структуры в нашей стране имеют очень большой потенциал.

которые должен вестись диалог с общественными и коммерческими организациями. В рамках политики государства целесообразно вести отбор наиболее «ответственных» и общественно полезных организаций и взаимодействовать с ними, в том числе, путем передачи им бюджетных средств для решения государственных задач[175].

Позитивным примером в области взаимодействия государства и гражданского общества является созданный в Дании в рамках программы «Инициативы в области скоординированного планирования и действий» совет, включающий в себя представителей различных ведомств, национальных и международных общественных организаций. Он занимается координацией деятельности в области операций по обеспечению безопасности и послевоенному восстановлению.

Примером в области взаимодействия государства и коммерческих организаций является передача Пентагоном целого ряда военных функций в Ираке частным охранным предприятиям.

Многие из описанных выше вопросов взаимодействия с гражданским обществом могут решаться в РФ через создаваемую систему Общественной палаты. Вопросы взаимодействия правоохранительных и специальных органов государства с такими коммерческими структурами, как частные охранные предприятия могут решаться путем создания специальных

---

[175] Данная концепция, выработанная в рамках теории операций «переходного типа» вполне соответствует национальным традициям России. Например, начиная с московского периода (XV–XVI вв.) в дореволюционной России существовал институт передачи выполнения государственных функций выборным общественным органам на местах (например, в вопросах сбора прямых и косвенных налогов — государство определяло только общую сумму, а представители общественных ассоциаций занимались распределением «тягла»). Подобное использование формально добровольных общественных организаций (профсоюзы, женсоветы и т. д.) для выполнения государственных задач существовало и в советский период.

программ взаимодействия и подготовки кадров, а также путем системы лицензирования.

5. Реформы, направленные на улучшение взаимодействия между различными ведомствами в процессе постконфликтного восстановления

Опыт, полученный США и Великобританией в ходе операций по постконфликтному восстановлению в Афганистане и Ираке, может быть учтен на Северном Кавказе. Он заключается, прежде всего, в разработке механизмов координации усилий различных ведомств[176].

Для этого необходимы как организационные меры, так и создание специальной формализованной компьютерной модели, которая бы позволила отрабатывать методы эффективного управления, сочетающего вклад различных министерств.

В США для интеграции усилий по постконфликтному восстановлению было создано Управление государственного координатора по реконструкции и стабилизации (Office of the State Coordinator for Reconstruction and Stabilization), координирующее усилия всех федеральных ведомств. В Великобритании подобной цели служит Подразделение по постконфлитной реконструкции (Post-Conflict Reconstruction Unit), в рамках которого осуществляется взаимодействие представителей министерств иностранных дел и по делам Британского содружества наций, военного ведомства и Департамента международного развития.

---

176 Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005; Binnendijk Hans and Stuart Johnson, eds. Transforming for Stability and Reconstruction Operations. NDU Press. — April 2004. Executive Summary. — Chapters 4–7; Arnas Neyla, Charles L. Barry and Robert B. Oakley. Harnessing the Interagency for Complex Operations, *Defense and Technology Paper*. NDU-CTNSP. — August 2005; Millen Raymond A. Afghanistan: Reconstituing a Collapsed State, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. — April 2005; Ward Celeste. The Coaltion Provisional Authority's Experience with Governance in Iraq: Lessons Learned. "*United States Institute of Peace Special Report # 139*. — May 2005.

Представители экспертного сообщества, изучающего проблемы операций «переходного типа», выступают за усиление роли двух перечисленных выше ведомств и получение ими прямого выхода на уровень национального руководства[177].

Насколько концепция операций «переходного типа» применима в условиях России?

Разработанная в США и Великобритании концепция «операций переходного типа» может учитываться в практике вооруженных сил, правоохранительных и специальных служб России для нейтрализации новых вызовов и угроз, прежде всего, терроризма.

Многие из конкретных западных рекомендаций в области создания компьютерных моделей, сетей и обработки баз данных, освещения боевых действий и проведения информационно-пропагандистских мероприятий, методов подготовки и проведения военных кампаний, обучения и материально-технического обеспечения войск, сотрудничества государства с негосударственными (коммерческими и некоммерческими) структурами, улучшения взаимодействия между различными ведомствами в процессе постконфликтного восстановления, выработанных в рамках теории «операций переходного типа», могут быть использованы в российских условиях. В свою очередь, восстановление Москвой контроля над Северным Кавказом и управляемости страны, в целом, вполне может стать предметом изучения на Западе в контексте исследования «операций переходного типа» (правда, здесь могут возникнуть разногласия идеологически-ценностного плана).

В то же время следует отметить, что концепция «операций переходного типа» находится в настоящее время в стадии становления. Она еще во многих отношениях представляет собой

177 Transformation of Military Operations on the Cusps. Workshop Report. — London. 14–15 July 2005. — P. 9.

скорее набор вопросов и способов постановки проблем, чем совокупность ответов на эти вопросы. Недостаточно зрелый характер концепции «операций переходного типа» проявляется, в частности, и в некотором разрыве между теорией и практикой, в недостаточном их синтезе. Все материалы, описывающие данную концепцию, легко разлагаются на работы теоретического плана (создаваемые, в основном, математиками и специалистами по бизнесу) и работы практического характера (написанные, прежде всего, военными). Однако этот недостаток может быть преодолен по мере накопления практического опыта и интеграции теоретических разработок в практику армий, полиции и специальных служб.

С одной стороны, недостаточно разработанный концептуальный аппарат теории операций «переходного типа» ограничивает возможности их применения в любой конкретной ситуации, в том числе, ситуации России. С другой стороны, это открывает возможности для достаточно широких творческих экспериментов по приложению концепции к российским условиям.

Сетевые структуры и технологии как фактор инициативной политики ЕС в контексте международного взаимодействия

Распространение системы Интернет привело к тому, что во всем мире резко выросла популярность сетевого анализа, разработанного первоначально в математике в рамках «теории графов». Сетевой анализ и созданные на его основе сетевые технологии в настоящее время охватывают как технику, так и социальную жизнь.

Сеть — это совокупность элементов, соединенных между собой теми или иными связями. Можно выделить три важных типа сетей. Это — технические сети, где элементами являются технические устройства (например, компьютеры). Это — социальные межличностные сети, где элементами являются отдельные личности. Наконец, это — социальные межорганизацион-

ные сети, где элементами являются организации. Современные сетевые технологии, как правило, обеспечивают взаимодействие между всеми тремя типами сетей, добиваясь недоступных ранее, в рамках более традиционных технологий, результатов.

По ряду причин, которые будут перечислены ниже, элементы социальной сетевой организации оказались особенно широко распространены в Европе (в то же время, технический сетевой анализ и технические сетевые технологии более развиты в США). Ниже мы рассмотрим то, как данная специфика Европы сказывается на некоторых ключевых международно-политических проблемах.

Среди специалистов по внешней и внутренней политике ЕС широко распространен стереотип о том, что политика «объединенной Европы» носит строго нормативный и, следовательно, формализованный характер, т. е. что она опирается исключительно на международные документы, институты и организации. Этот подход поддерживается представлением о роли ЕС в мире как «нормативной силы» (normative power), «гражданской силы» (civilian power) и даже «постмодернисткой силы» (post-modern power) в противоположность США, России и другим «традиционным» державам, сочетающим «жесткую» (hard power, военно-экономические возможности), «мягкую» (soft power, привлекательность политики) и «умную» (smart power, эффективно и точечно применяемую) силу. Все эти теории поддерживают представление о нормативной и высоко институционализированной внешней политике ЕС. Подобные стереотипы (или, по крайней мере, скрытые внутри них противоречия) частично опровергаются европейскими экспертами, изучающими роль сетевых практик во внешней и внутренней политике ЕС.

Сетевые практики и сетевые технологии широко применяются в ходе выработки и реализации политики ЕС на трех уровнях: 1) выработка и реализация внутренней и внешней политики ЕС, 2) политика расширения ЕС и более глубокая интеграция недавно вошедших в ЕС стран в общеевропейскую

жизнь, 3) политика «соседства» и «европеизации» соседних с ЕС государств, которые не планируется включать в «объединенную Европу». Широкое распространение сетевых практик и технологий в рамках политики «соседства» позволяет даже говорить о становлении нового типа силы — «сетевой силы» (network power). Она позволяет целенаправленно формировать международную среду в соответствии с ценностями и интересами ЕС, игнорируя суверенитет государств и действуя без применения традиционных военных, экономических и даже пропагандистских инструментов. При этом интегрируются социальные и технические сетевые технологии, т. е. обеспечивается эффективное взаимодействие социальных и технических сетей. Последняя практика, связанная, в том числе, с распространением европейских практик и стандартов на постсоветские государства, в ряде случаев конкурирует с влиянием России.

В сфере *выработки и реализации внутренней и внешней политики ЕС* сетевые практики, в основном, рассматриваются либо как способ обеспечения максимально широкого демократического участия (англосаксонские эксперты) либо как наиболее эффективный метод управления в условиях глобализации (немецкие эксперты).

Существует еще ряд дополнительных теорий, объясняющих широкое распространение сетевых практик в органах и структурах ЕС в области выработки внутренней политики. Во-первых, сама квазифедеральная структура «единой Европы» способствует распространению сетевых практик, что показывает даже сравнение с США как «нормальным» федеральным государством. В условиях ЕС нет единой «вертикали» и иерархической структуры принятия решений, а все решения принимаются путем сложного согласования и обмена мнений на многих уровнях (наднациональный, национальный, регионы и НПО) и между многими функциональными структурами (в области экономики, политики, безопасности, и т. д.). Во-вторых, сетевые практики соответствуют современному глобализирующемуся и постиндустриальному

миру, в котором национальные и даже наднациональные (ЕС) правительства не могут контролировать все ключевые процессы. Последние, по определению, носят глобальный характер и потому не поддаются прямому управлению на более низком уровне. Полезной альтернативой становится сетевое взаимодействие. В-третьих, сетевые практики принятия внутриполитических решений в условиях демократии позволяют наладить более эффективное взаимодействие между государственными и негосударственными структурами (НПО, СМИ и т. д.).

Большая роль сетевых практик в выработке и реализации политики внутри ЕС предопределила *применение данных практик в рамках политики расширения ЕС*. Сетевые практики сыграли большую роль в распространении норм и ценностей ЕС в Центральной, Восточной и Южной Европе. Они стали способом «проецирования» на «Новую Европу» западных ценностей и практик. В частности, согласно одному исследованию, международные сетевые связи серьезно способствовали проведение военной реформы по образцу армий стран НАТО, а также внедрению практики независимости Центральных банков от правительств в Восточной Европе.

Тем не менее, роль сетевых практик в политике ЕС, как ее видят европейские эксперты, следует отличать от распространенных в России и ряде других стран «теорий заговоров». Сети — это не агенты, а структуры, то есть, чаще всего, сетевые процессы есть результат не целенаправленной деятельности, а спонтанной самоорганизации (хотя и возможность манипуляции сетями тоже существует).

После формального включения новых государств в состав ЕС сетевые практики стали обеспечивать интеграцию «Новой Европы» в европейские процессы. В частности, как утверждает один из специалистов по «политическим сетям», реальная интеграция представителей восточноевропейских стран в процессы принятия политических решений в ЕС была бы невозможна без интенсивных сетевых взаимодействий.

Логичным продолжением широкого применения сетевых практик во внутренней политике ЕС и в политике расширения ЕС стало *распространение сетевых практик на политику соседства*. В данной сфере сетевые практики, по мнению ряда экспертов, из способа выработки политических решений внутри ЕС и вовлечения в них максимального числа участников превращаются в способ «проецирования» силы ЕС вовне. Это позволяет нетрадиционным и максимально неконфликтным путем защищать европейские интересы в кризисных зонах. Примером могут служить некоторые элементы политики «соседства» и, особенно, программа «Восточное партнерство», особенно, те его элементы, которые направлены на развитие сети гражданских организаций в государствах-соседях Европы.

Согласно мнению многих авторов «либерального» направления (это мнение подвергается критике более консервативных экспертов-неореалистов) ЕС представляет собой «новый тип» международной силы (power). Это мнение получило в настоящее время преобладание в структурах власти в Европе. Развитие представления о ЕС как о «новом типе» мировой силы тесно связано с созданной ранее американскими неолибералами (Дж. Най) теорией «мягкой силы» и новой активно развиваемой в США теорией «умной силы».

Упомянутые выше критические взгляды на либеральные подходы к описанию внешней политики ЕС имеют определенные основания, особенно в сфере энергетической безопасности, где непосредственно сталкиваются интересы России и европейских стран. Как отмечают эксперты, в энергетической политике ЕС и в политике в сфере обеспечения энергетической безопасности особенно остро встает противоречие между «либеральными» аспектами политики Европы и стремлением к установлению контроля над источниками энергоносителей или к минимизации возможности использования другими державами энергоносителей в качестве «энергетического оружия».

Элементы силовой политики в области энергетической безопасности ведут к усилению государственного контроля внутри ЕС, что противоречит либеральным ценностям (пример — недавно принятое законодательство, напрямую направленное против инвестиций Газпрома в Европе). Она также ведет к политике активного распространения норм и ценностей ЕС на Восток, что, по мнению некоторых экспертов (публициста и преподавателя из Оксфорда Марка Леонарда, бывшего британского дипломата и сотрудника генерального секретариата Совета ЕС Роберта Купера), может быть сопоставлено по ряду признаков с традиционной политикой создания имперских зон влияния или зон «имперского мира». Такой подход получил название теории «Европейской империи» или «Евросферы». Исторически сходный синтез либерально-правовых ценностей и их силового распространения был характерен, например, для Британской империи, особенно, на более поздних этапах ее существования. «Нелиберальные» аспекты внешней политики ЕС наиболее активно проявляются по отношению к России, странам Черноморско-Каспийского региона, странам Ближнего Востока.

В целом, критика «либеральных» описаний политики ЕС вскрывает элементы традиционного империализма и силовых подходов, в сильно видоизмененной форме проявляющиеся в отдельных элементах европейской политики, особенно там, где интересы ЕС как нового типа политической силы сталкиваются с традиционными интересами сильных государств (Россия) или с глубокими системными конфликтами (Ближний Восток). Сторонники консервативного неореалистского подхода полагают, что существование тех сфер, где чисто либеральная политика невозможна, вскрывают природу мировой политики, где царят анархия, конфликты и право силы.

Видоизмененная форма имперской политики в этих «критических» для либерализма сферах требует и специфических инструментов, которые бы позволили сохранить общую либеральную природу политики. В этой ситуации особенно

востребованными оказываются сетевые технологии, представляющие собой нетрадиционный и несиловой способ защиты собственных интересов. Одновременно европейские эксперты, политики и общественное мнение становятся очень чувствительными к возможностям применения «сетевой силы» конкурентами ЕС в данных «критических зонах». В частности, особенно острой критике подвергается использование сетевых ресурсов влияния Россией и Газпромом. Последние критикуются как «экспорт коррупции» в Европу (больше характерно для либералов) и как «способ давления» или даже «новый тип оружия» (больше характерно для неореалистов).

Однако как бы теории о «новых» и специфических характеристиках политики ЕС на международной арене не критиковались консервативно настроенными экспертами-неореалистами, они все же объективно отражают многие специфические свойства реальной европейской практики. Эти характеристики также делают неизбежным широкое применение сетевых технологий во внешней политике «единой Европы». При этом при помощи сетевых практик, соответственно, идет распространение вовне европейских норм и практик, осуществляется широкое взаимодействие с негосударственными структурами за рубежом и отрицаются традиционные системы координат, связанные, например, с «Потсдамско-Ялтинским порядком» или с другими «неевропейскими» системами ценностей и норм.

В рамках программы «Восточного партнерства» ЕС широкое применение нашли социально-сетевые технологии, в частности, связанные с налаживанием взаимодействия с правительственными и неправительственными организациями вовлеченных в данную программу постсоветских государств. Ряд влиятельных экспертов (например, эксперт Европейского совета по международным отношениям Э. Вилсон) полагает, что развитие таких форм сетевого сотрудничества тесно связано с ростом «мягкой силы» ЕС на постсоветском пространстве, где она напрямую вступает в конкуренцию с «мягкой силой» России.

Сетевые технологии получили широкое применение и в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Молдова), хотя во многих из них роль структур и программ ЕС была второстепенной по сравнению с ролью других внутренних и мировых сил. К последним можно отнести, например, неоконсерваторов в администрации Дж. Буша-младшего и связанных с ними групп (вице-президент, министр обороны) по активному и даже революционному распространению «демократических ценностей» в мире или с политикой ряда международных неправительственных структур, например, связанных с фондом Дж. Сороса. В ходе «цветных революций» социальные сетевые технологии широко взаимодействовали с техническими сетевыми технологиями. В частности, особенно характерно такое взаимодействие было для ситуации в Молдове в 2009 г., где соответствующие события были даже названы «революцией Твиттера» (Твиттер — социально-техническая сеть, интегрирующая технические возможности Интернета и мобильных телефонов и широко распространенная среди молодежи и высокообразованных кругов общества). При этом именно в Молдове роль политики ЕС (особенно в силу румынского фактора и массовой трудовой миграции молдаван в Европу) была наиболее ярко выраженной. В этой связи можно прогнозировать расширение применения сетевых практик, интегрирующих социальные и чисто технические подходы в ходе реализации политики ЕС по отношению к постсоветским странам.

В связи со всем вышеозначенным необходимо учитывать роль сетевых практик, распространенных в Европейском союзе, для обеспечения эффективного взаимодействия России со структурами ЕС. Следует обращать пристальное внимание на применение сетевых практик в ходе реализации «Восточной политики» ЕС в случаях, когда возникают элементы конфликта между «мягкой силой» России и ЕС. Актуальным становится также изучение методов сетевого анализа и сетевых технологий, что существенно для подготовки кадров, занимающихся как аналитикой, так и практической деятельностью.

Развитие «мягкой силы» России как новый способ обеспечения безопасности

1. «Мягкая сила» России как способ обеспечения безопасности

Согласно классической концепции «мягкой силы», выдвинутой впервые Дж. Наем еще в период «холодной войны»[178], последняя является способом экономии «жесткой силы». То есть, при помощи применения «мягкой силы» можно уменьшить военные расходы и, при этом, обеспечивать безопасность в том же объеме. В эпоху глобализации применение «мягкой силы» в мировой практике становится все более широким и, зачастую, при ее помощи фактически решаются задачи, которые потребовали бы применения огромных военных средств. В последнее время понятие «мягкая сила» играет все возрастающую роль и во внешней политике России, хотя, следует отметить, что и в советское время пропаганда, являющаяся неотъемлемой частью «мягкой силы», играла очень большую роль.

9 июля 2012 года на Совещании российских послов и постоянных представителей Президент России В. В. Путин определил «мягкую силу» как «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере»[179]. Глава государства указал, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто стреляет и постоянно наносит ракетные удары тут и там, они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога,

[178] Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

[179] http://www.ng.ru/world/2012–07–10/1_putin.html

те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию. Вот в чем мы виноваты»[180].

Глава правительства Д. А. Медведев на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества 3 сентября 2012 г. заявил: «Укрепление позиций нашей страны в мире, продвижение национальных интересов гуманитарными средствами — это одни из важнейших приоритетов государства. Сегодня гуманитарное измерение выходит на передний план международной жизни… Влияние государства во многом зависит от способности продвигать свои национальные культурные ценности, язык и экспортировать их. По сути, речь идёт об особом ресурсе международного лидерства, которое прямо связано с человеческим потенциалом. Эти инструменты зачастую оказываются более значимыми, чем другие, и приобретают особое значение. По данным экспертов, именно страны с сильными брендами, так называемой «мягкой силы», привлекают боὶльшую долю прямых зарубежных инвестиций, технологий… Безусловно, Россия продолжает оставаться весьма и весьма сильной в этом плане страной: располагает конкурентными преимуществами и в фундаментальной науке, и в образовании, несмотря на то, что мы, конечно, критикуем текущее состояние дел, но от этого факт не меняется: мы всё равно остаёмся очень мощной страной в области науки и образования. Ну а русскую литературу, наше искусство, музыку в мире воспринимают с особым интересом»[181].

По словам руководителя российского внешнеполитического ведомства С. В. Лаврова: «Сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса „мягкой силы“ невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире»[182].

Концепция «мягкой силы» была впервые выдвинута представителями американской школы неолиберализма (Дж. Най)

---

[180] Там же.

[181] http://правительство.рф/stens/20531/

[182] Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011, http://interaffairs.ru/read.php?item=8129

в международных отношениях в их полемике с представителями неореализма (К. Уолтс). Первые полагали, что единственным способом решения международных проблем является материальная или «жесткая сила», т. е. набор военных и экономических инструментов. Проблема, возникающая при использовании инструментов такого рода, заключается в их исчерпаемости. Военных и экономических ресурсов в распоряжении любого государства всегда ограниченное количество. Более того, использование этих ресурсов ведет к их отвлечению от «нормальной» социально-экономической деятельности и, потому, в долгосрочной перспективе, уменьшает социально-экономические возможности государства.

Эта проблема стала острой для США уже во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг., когда стало очевидным постепенное исчезновение относительного экономического доминирования Америки в капиталистическом мире. США все больше уступали под напором своих западноевропейских и японских конкурентов. Еще больше данная проблема обострилась в связи с острым глобальным нефтяным кризисом, показавшим существенную уязвимость американской экономики. Соответственно, возник вопрос о том, смогут ли США в долгосрочной перспективе только за счет своих экономических и военных ресурсов удерживать претензии на глобальное лидерство?

Ряд работ известных историков, размышлявших над этой проблемой в 1970–1980-е гг., показал, что все мировые империи, которые использовали инструменты «жесткой силы», столкнулись с серьезными ограничениями возможностей и, в конце концов, пали. Ни одно государство просто не в состоянии поддерживать свое господство на мировой арене, опираясь на «исчерпаемую» грубую силу. В этой ситуации у ряда представителей американского неолиберализма[183] и возникла идея найти «неисчерпаемый» источник могущества государства на мировой арене.

[183] Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

Для неолибералов военная и даже экономическая сила не является ни единственно возможным, ни наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности государств. В этом плане классическая теория «мягкой силы» не предполагает даже использования экономических инструментов. Согласно наработкам представителей этой школы мысли, «мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ[184]. «Мягкая сила» является противоположностью «жесткой силы». Последняя является набором инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), которые заставляют другие страны действовать так, как «надо Америке». «Мягкая сила» основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера. «Мягкая» и «жесткая сила», как считается, связаны в рамках экономической модели уменьшения издержек. Значительная «мягкая сила» государства делает применение им «жесткой силы» более приемлемым для объектов его воздействия, снижая, таким образом, издержки[185].

«Мягкая сила» — это культурная сила. Най называет три источника «мягкой силы» страны: ее культуру (для тех мест, где ее воспринимают), ее политические ценности (если страна живет в соответствии с ними как у себя дома, так и на международной арене) и ее внешнюю политику (если она рассматривается как легитимная и пользующаяся моральным авторитетом).

Следует отметить, что понятие «мягкой силы» вызывает много дискуссий[186]. Ряд направлений в американской политической науке полностью отвергает существование «мягкой

---

[184] Nye J. The power of persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye. — Harvard international review. — Harvard, 2003. — Winter. — P. 46.

[185] Nye J. The power of persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye. — P. 48.

[186] Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2.

силы» (в частности, упоминавшиеся выше неореалисты говорят, что значимость «мягкой силы» — иллюзия).

В целом, можно выделить следующие характеристики, которые позволяют определить и операционализировать понятие «мягкой силы» по отношению к «жесткой силе»[187].

Жесткая сила	Мягкая сила
Способность изменять позицию других людей силой или побуждением.	Способность изменять предпочтения других людей, привлекая их.
Военная и экономическая сила.	Культурная сила.
Принуждение, (физическая) сила.	Привлечение, влияние.
Абсолютна.	Относительна, зависима от контекста.
Ощутима, легко измеряется, предсказуема до определенной степени.	Неощутима, трудно поддается измерению, непредсказуема.
Специфицированный источник.	Неспецифицированные, множественные источники.
Контролируется государством или какими-либо организациями.	В основном реализуется негосударственными акторами, трудно поддается контролю.
Внешняя, действие, толчок.	Внутренняя, реакция/ответ, притяжение.
Воздействие прямое, кратковременное, эффект немедленный.	Воздействие непрямое, долговременное, эффект отложенный.
Выражается во внешней политике.	Коммуницируется посредством странового брендинга

2. Расширение российского влияния методами «мягкой силы» как вариант стратегической концепции

В современном мире растет число факторов, которые могут привести к разного рода открытым военным конфликтам.

[187] См.: Ying Fan. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy, vol. 4 (2008), №. 2, p. 148.

Однако для многих ведущих мировых держав такое развитие конфликтов нежелательно. Поэтому увеличивается роль «мягкой силы» в сфере обеспечения национальной безопасности. В этой связи расширение российского влияния инструментами гуманитарного сотрудничества следует рассматривать именно в контексте обеспечения национальной безопасности максимально экономичными средствами.

Существенное повышение роли «мягкой силы» в политике Запада, усиление значения морально-политической аргументации в его риторике, давление на Россию в плане «конфликта ценностей» и практика революций «нового поколения» (например, «цветных революций» на постсоветском пространстве и «арабской весны») сделали востребованной проблематику повышения эффективности российской внешней политики за счет улучшения имиджа страны за рубежом. При этом очевидно, что решение указанного круга проблем требует как увеличения затрат материальных ресурсов (разумеется, в этом плане Россия не сможет соревноваться ни с США, ни с КНР, ни даже с ЕС), так и повышения эффективности уже используемых средств.

Мировой экономический кризис, кризис легитимности «однополярного мира» и элементы «конфликта цивилизаций», наблюдающиеся в современном мире, означают, что представления о том, что использование культурно-гуманитарной проблематики как «мягкой силы» возможно лишь для стран Запада, сильно преувеличены. Соответственно, существующие на Западе представления, что на культурно-гуманитарном поле Россия является заведомо слабым игроком (например, в преамбуле проекта изучения «мягкой силы» России Королевского института международных отношений в Лондоне говорилось: «общеизвестно, что у России нет мягкой силы»), должны быть критически пересмотрены. В частности, ключевыми для «мягкой силы» России и ее популярности в мире могут являться *некоторые из ее уникальных цивилизационных характеристик.* К ним можно отнести, среди прочего, длительный опыт

взаимного толерантного существования религиозных и этнических групп. В отличие от стран Запада Россия никогда не знала ни крестовых походов, ни инквизиции.

Указанный потенциал повышается благодаря серьезным цивилизационным противоречиям между западным и незападным мирами, а также благодаря кризису традиционной морали и культуры в странах Запада (проблематика однополых браков и т. д.). Здесь может сыграть свою роль уникальное положение России между Востоком и Западом. Россия может найти и пропагандировать свои подходы в плане обеспечения эффективного и гармоничного взаимодействия между личностью и обществом, личностью и государством, группами большинства и меньшинства. В этом плане наша страна может и должна стать глобальным защитником общечеловеческих ценностей в их традиционном восприятии, сложившемся в большинстве современных обществ и в основных мировых религиях. *Россия должна позиционироваться как государство высокоморальное, духовное и просвещенное. Здесь ключевую роль могут сыграть наши наука, культура и образование, построенные на традиционных гуманистических ценностях.*

Инициативы во внешней политике РФ должны быть адресованы широкому спектру акторов (в том числе мировой общественности, включая НПО, международные и транснациональные организации). В них должна быть проявлена ориентация на многостороннее сотрудничество, а выдвигаемые идеи должны быть универсальны по своей сути, то есть, обращены к самой широкой международной аудитории[188].

Существующие в западных государствах (например, во взаимоотношениях между США и их европейскими союзниками по НАТО) противоречия в интерпретации ключевых моментов их «мягкой силы» дают российским структурам возможность

[188] Соловьев Э. Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // «Международная жизнь». №8. 2011.

выступать полноправным участником соответствующих дискуссий, направленных на выработку универсальных стандартов легитимности. В частности, глубокий раскол в западном мире вызывает проблематика разрушения системы международного права рядом односторонних действий США даже без учета интересов их союзников. Это — чрезвычайно опасная тенденция, которой Россия может решительно противостоять, привлекая к себе симпатии мировой общественности.

Другую, не менее важную возможность, дает продолжающийся глобальный экономический кризис и поиск мировым сообществом на разных уровнях, в том числе и научно-экспертном, новых, более эффективных, чем простая рыночная, моделей социально-экономического развития. Здесь РФ, как традиционный оплот государственничества, также может сказать свое слово.

Разумеется, никакая стратегия «мягкой силы» не будет воспринята в мире, если она не будет сопровождаться соответствующими политико-экономическими изменениями внутри самой нашей страны. Нельзя отрывать имидж от реальности. В частности, в ряде стран мира распространен стереотип, что у России слишком много проблем с обеспечением стандартов «человеческой безопасности» у себя дома, и потому бесперспективно пытаться разыгрывать эту карту на международной арене[189]. Это проявляется, например, в аспекте ухудшения качества человеческого капитала, падения индексов человеческого развития, роста межнациональных конфликтов, усиления трений между мигрантами и принимающими сообществами и т. д. Это связано с относительным упадком после распада СССР образования и медицины (в особенности их среднего уровня), а также с серьезными демографическими проблемами страны, вызывающими массовую трудовую миграцию. Проблемы, связанные с переходом к рыночной экономике в 1990-х гг., привели

[189] Там же.

к избыточной коммерциализации гуманитарных сторон жизни общества, вызвали к жизни массовую криминализацию, рост коррупции и т. д. До сих пор не преодолены до конца последствия кровавых вооруженных конфликтов на Северном Кавказе, что способствует усилению межнациональных и межрелигиозных трений. Важной частью имиджа страны является ее демократичность и степень развития правового государства, что также требует совершенствования социально-политической и правовой систем в соответствующих направлениях.

Однако все вышеперечисленное означает лишь необходимость *комплексной политики государства в сфере «мягкой силы», включающей в себя как внешнеполитические, так и внутриполитические компоненты.* Это связано с задачами всесторонней модернизации страны, органической частью которой является становление развитого гражданского общества и современной, конкурентоспособной публичной дипломатии. Кроме того, «… реальная целостная картина ситуации в России не столь однозначна, и в общем нет оснований вести речь о существенной или тем более необратимой деградации человеческого капитала. У России были (установленные еще в советский период) и даже поныне остались некоторые высокие стандарты экономической и социальной безопасности населения»[190].

Сферы, приоритеты, география, возможности и ограничения применения российской «мягкой силы». Обратимся, прежде всего, к анализу сфер и приоритетов применения российской «мягкой силы». Главными направлениями наших усилий видятся следующие: экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение и развитие русскоязычного языкового пространства, развитие информационного пространства на русском языке, включая такие его новые элементы, как русскоязычный Интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском

[190] Там же.

языке, целенаправленное формирование кадров руководящих работников, военное сотрудничество.

Экономическое сотрудничество является материальной базой для распространения положительного образа за рубежом. В настоящее время наметилась тенденция вытеснения России не только с глобальных рынков, но и с рынков постсоветских государств не только западными, но и азиатскими (особенно, китайскими) корпорациями. Для того, чтобы эффективно противостоять этому, необходимо развитие механизмов государственно-частного партнерства. Нельзя отдавать это важное направление «на откуп» исключительно частному бизнесу, который должен участвовать в соответствующих проектах в рамках и на основе четко выверенной государственной программы.

Необходимо совершенствовать механизмы помощи русскоязычной диаспоре, прежде всего, в постсоветских государствах. Это — ключевая опора для распространения положительного образа нашего государства. В последние годы достигнут определенный позитивный опыт в этом направлении, в частности, за счет усилий Россотрудничества и фонда «Русский мир». Государство ни в коем случае не должно снижать внимания к этой проблематике, а лучше — последовательно его повышать.

Использование русского языка является одним из важнейших инструментов продвижения образа России в мире. Во всех постсоветских государствах сохранились элементы национально-русского двуязычия. Многие из представителей местной интеллигенции, даже не будучи этнически русскими, думают и говорят на русском языке. Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить это русскоязычное пространство. Образцом для нас здесь может служить политика Франции, направленная на поддержание и развитие франкофонного мира. В мире, в целом, русский язык и культура продолжают пользоваться уважением, и государству необходимо поддерживать эту тенденцию.

На основе использования русского языка сформировалось общее информационное пространство для России,

постсоветских государств, а также русскоязычных диаспор по всему миру. При этом оно опирается не только на старые культурно-научные связи и на традиционные средства распространения информации, такие как пресса. Сложился русскоязычный Интернет и русскоязычные социальные сети, которые используются по всему миру. Этот ресурс совершенно недоиспользован в плане развития позитивного имиджа России.

Использование русского языка связано с миграционными потоками, как трудовыми, так и учебными. Следовательно, необходима привязка этих потоков к распространению русского языка. В частности, все трудовые мигранты, временно приезжающие в РФ, должны владеть русским языком на определенном уровне. Затем, возвращаясь в свою страну, они будут способствовать распространению нашего языка и культуры. Здесь может использоваться положительный опыт европейских программ соразвития принимающих мигрантов государств с государствами происхождения мигрантов.

Позиции русского языка напрямую связаны с престижностью образования на русском, которое до сих пор пользуется популярностью как на постсоветском пространстве (особенно, в Центральной Азии), так и в ряде развивающихся стран. В частности, в центральноазиатских государствах представители местных элит еще не так давно с удовольствием отправляли детей именно в русские школы. До сих пор в этих государствах образование на русском языке является достаточно престижным, что проявляется, в частности, в больших конкурсах на поступление в русские школы и филиалы российских вузов. Многие представители постсоветских государств и в настоящее время проходят обучение в российских вузах, например, по различным межправительственным соглашениям. Развитие общего образовательного пространства с постсоветскими государствами, а также эффективное позиционирование нашей системы образования в глобализирующемся мире должно быть одним из основных приоритетов нашей работы.

Формирование кадров руководящих работников является одним из основных механизмов продвижения положительного образа государства. Например, существенная часть военных элит ряда африканских стран была подготовлена в бывшем СССР. До сих пор эти люди являются резервом нашего влияния в Африке. Военные элиты соответствующих стран ОДКБ также проходят подготовку в российских вузах, что способствует укреплению наших позиций в ближнем зарубежье. Работа с перспективной молодежью является одним из направлений формирования будущих элит.

В географическом плане можно выделить три последовательных сферы развертывания «мягкой силы» России. Прежде всего, сферой применения «мягкой силы» является постсоветское пространство, где объективный потенциал привлекательности нашего государства наиболее велик. Здесь Россия пока еще располагает солидным набором возможностей, которые, к сожалению, постоянно сокращаются, включающим следующие основные элементы: общая история и культура, русский язык, многовековые экономические связи, межличностные и родственные контакты, элементы общего информационного и научного пространства, военные связи.

Вторая сфера — это государства, с которыми у СССР и России сложились традиционно дружественные отношения (пример — Индия); приоритетные экономические и политические партнеры современной России (Китай, Германия, Италия), а также страны и народы, с которыми Россия имеет давние историко-культурные связи (славянские и православные народы Балкан). Третья сфера — все остальные страны мира.

Последовательная работа в указанных выше географических сферах должна иметь стратегической, долговременной целью создание по периметру границ России пояса стабильности и безопасности, образованного дружественными нам государствами, большинство из которых мы могли бы рассматривать как своих стратегических союзников. Формирование

позитивного облика России за рубежом имеет непреходящее значение для реализации этой геополитической задачи. Затем этот пояс можно расширять дальше, действуя во второй и третьей географических сферах, что будет способствовать укреплению образа нашей страны как одной из ключевых великих держав многополярного мира.

Перейдем к анализу ограничений применения российской «мягкой силы». Во-первых, у России существует острый дефицит ряда ключевых элементов «мягкой силы», «то есть способности несиловым способом, без внешнего принуждения осуществлять влияние на других акторов системы международных отношений за счет привлекательности генерируемых идей и образов, аттрактивности модели социального и политического развития, креативности элиты и т. д.»[191]. Во-вторых, по мнению ряда экспертов, остающиеся неиспользованными резервы в вопросах выстраивания российской внешней политики могли бы предполагать более активное использование возможностей долгосрочного планирования и прогнозирования, способных повысить перспективу успешных действий «на опережение». Без таких действий, по их оценкам, возможности «мягкой силы» существенно сокращаются. В-третьих, существует дефицит идей в плане поиска практических путей преодоления сложившихся негативных стереотипов по отношению к России. «Комплекс вопросов, связанный с развитием потенциала „мягкой силы“, только в последнее время оказался в фокусе внимания представителей отечественного экспертного сообщества. Специалисты продолжают дискутировать о том, возможно ли в принципе сознательно управлять потенциалом „мягкой силы“ и насколько эффективны построенные на ее применении инструменты влияния. Дискуссии на этот счет далеки от завершения»[192]. В-чет-

---

[191] Соловьев Э. Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // «Международная жизнь». №8. 2011.

[192] Там же.

вертых, ключевым практическим вопросом для развертывания «мягкой силы» остается проблема взаимодействия государства с НПО. Тем не менее, можно отметить, что Россия уже создала целое поколение новых НПО, продвигающих ее «мягкую силу» (примером может служить «Русский мир»). Есть и НПО предшествующего поколения, типа «Федерации мира и согласия» (бывший «Фонд мира»), развивающие соответствующие сферы деятельности. В-пятых, пока слабо разработаны механизмы частно-государственного партнерства, в том числе, в плане работы государства с частными СМИ.

Однако многие из указанных выше проблем могут быть преодолены в ходе реализации намеченного руководством страны курса на укрепление потенциала гражданского общества. В частности, как считает министр иностранных дел России С. В. Лавров, «*укрепление институтов гражданского общества, государственная поддержка неправительственных организаций, заинтересованных в обеспечении российских внешнеполитических интересов, должны играть важную роль в том, чтобы Россия заняла достойное, принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира*»[193]. В настоящее время МИД России проводит достаточно большой комплекс мероприятий по взаимодействию с неправительственными организациями[194].

Критерии, индикаторы и показатели российской «мягкой силы», оценка их современной выраженности и состоятельности. Как отмечалось выше, в мировой науке и практике до сих пор продолжаются дискуссии о критериях «мягкой силы» и о самом содержании данного термина. В связи с этим достаточно противоречивы и оценки показателей «мягкой силы», а также представления о месте России в глобальной иерархии «мягкой силы».

В США один из подходов к измерению «мягкой силы» был сформулирован в 2005 г. в рамках исследования корпорации

[193] Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011, http://interaffairs.ru/read.php?item=8129

[194] http://mid.ru/bdomp/ns-npo.nsf/meropr_mid

RAND, направленного на разработку способов измерения страновой силы (nation power), одним из компонентов которой была признана «мягкая сила». Упомянув много потенциальных параметров «мягкой силы» (инновации, распространение языка и культурных ценностей, система союзов, доступ к международным коммуникациям, туризм и т. п.), авторы исследования предлагают использовать простейший субъективный критерий — ответ на один-единственный вопрос: «В какой стране, если не в вашей собственной, вы хотели бы жить?»[195]. Однако данные рассуждения носят, скорее, чисто методологический характер.

Более конкретные оценки «мягкой силы» за рубежом связаны с рейтингами страновых брендов. Наиболее универсальными из числа последних являются два.

— Индекс национальных брендов (The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index — NBI), разработанный С. Анхолтом в 2005 г. и определяемый с того времени путем опроса постоянно возрастающего числа респондентов сперва в 35, а затем в 50 странах из различных регионов мира. Россия в NBI-2012 находится на 22 месте и за все время существования этого индекса сдвигалась вверх или вниз максимум на 1–2 пункта. При этом традиционно снижает место России позиция «Государственное управление» (42-е место в 2012 г.), а повышает место РФ позиция «Культура и историческое наследие» (9-е место в 2012 г.). Другие позиции — это «Экспорт», «Люди», «Туризм» и «Инвестиции и иммиграция».
— Индекс страновых брендов (Country Brand Index — CBI), публикуемый международной консалтинговой компанией «FutureBrand». В нем ранжируется в два с лишним раза большее, по сравнению с NBI, количество стран (118 в 2012 г.),

[195] Treverton G. F., Jones S. G. Measuring national power. Conference Proceedings. — Santa Monica, Ca., etc.: RAND Corporation, 2005 (http://www.rand.org/content/dam/rand/ pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf)

тогда как число оценщиков значительно меньше, и это в основном люди, так или иначе связанные с путешествиями, что придает второму рейтингу «туристический» уклон; к тому же в нем используется более сложная опросная схема, в большей степени учитывающая субъективные ощущения респондентов. Позиция России в CBI-2012 хуже, чем в NBI — 83-е место, вслед за Боснией и Герцеговиной и перед Бахрейном (в 2011 г. было 82-е место, в 2010 г. — 81-е). В отличие от NBI, в рейтинге CBI Россия не попадает в первые 25 позиций даже по параметру «Культура и культурное наследие».

Перейдем к анализу методов подсчета «мягкой силы» РФ, предложенных российскими специалистами.

Весной 2012 г. было обнародовано исследование, выполненное совместно компанией «Ernest and Young» и Московской школой управления «Сколково»[196]. В его рамках на основании весьма пестрого набора источников (статистика международных организаций плюс рейтинги в прессе), относящихся в основном ко второй половине 2000-х гг., были рассчитаны два рейтинга «мягкой силы»: один для двадцати быстроразвивающихся на тот момент рынков (в порядке мест в рейтинге: КНР, Индия, Россия, Бразилия, Турция, Мексика, ЮАР, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Эстония, Украина, Чили, Румыния, Литва, Хорватия, Аргентина, Коста-Рика, Индонезия) и второй, совмещающий страны G7 и первые семь стран из первого списка (получилось следующее: США, Франция, Германия, Великобритания, Канада, Италия, Япония плюс КНР, Индия, Россия, Бразилия, Турция, Мексика, ЮАР). Россия оказалась в этих рейтингах на третьем и десятом местах соответственно.

Перечислим факторы «мягкой силы», используемые в рейтинге, разработанном компанией «Ernest and Young» и Московской школой управления «Сколково»:

---

[196] Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012 (http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012–06_eng.pdf).

Глобальный имидж: Экспорт медиапродукции, Интерес к изучению языка данной страны, Количество завоеванных олимпийских медалей, Представленность граждан страны в списке 100 самых влиятельных людей мира по версии журнала «Time», Наиболее уважаемые компании.

Глобальная порядочность (integrity): Правление закона, Индекс свободы, Избирательская активность, Выбросы CO2.

Глобальная интеграция: Иммиграция, Въездной туризм, Рейтинг университетов, Распространенность владения английским языком.

Оценка современной выраженности и состоятельности «мягкой силы» России требует не только количественных оценок, подобных приведенным выше, но и качественного анализа различных факторов. В частности, такой анализ проводится в работе П. Б. Паршина[197]. Ниже приводится составленная им таблица оценки параметров «мягкой силы» нашей страны в настоящее время.

1	Репутация экспортных товаров.	На большинстве рынков низкая, за очень редкими исключениями
2.	Репутация государственного управления.	Очень низкая и продолжающая снижаться.
3.	Человеческие качества населения.	Амбивалентные.
4.	Развитие туризма.	Низкое.
5.	Инвестиции и иммиграция.	Россия — привлекательное место для иммиграции из некоторых стран СНГ, а потенциально — и некоторых зарубежных стран «глобального Юга».
6.	Историческое наследие.	Достаточно богатое.

[197] Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Выпуск 1 (36). Март 2013. С. 35–36.

7.	Культура.	Элитарная культура — высокая, но спрос на нее носит нишевый характер; массовая — неконкурентоспособна, за очень редкими исключениями.
8.	Условия для бизнеса.	Сложные и рискованные.
9.	Популярность медиапродукциии.	За пределами России снизившаяся, по сравнению с советским периодом.
10.	Распространенность языка.	Стабильная в рамках нишевого спроса на русский язык; остаточно высокая, но почти повсеместно снижающаяся в рамках массового спроса (за исключением некоторых стран — соседей России).
11.	Отношение к внешней политике.	Сложно меняющееся вслед за изменениями самой политики.
12.	Развитие науки.	Восприятие, как и реальная картина, чрезвычайно противоречиво.
13.	Репутация высокопрофессиональных услуг:	
a.	образовательных,	Снижающаяся.
b.	медицинских,	Невысокая.
c.	финансовых,	Невысокая.
d.	юридических.	Низкая.

Как отмечается в статье Елены Пономаревой «Железная хватка «мягкой силы», все указанные выше параметры имеют прямое отношение к сфере СМИ и, в результате, может играть роль настоящего оружия, что было апробировано, в частности, в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве и в ходе «арабской весны»[198].

Оценка современного мирового и позитивного российского исторического опыта применения «мягкой силы».

[198] http://www.mgimo.ru/news/experts/document238257.phtml

Концепция «мягкой силы», возникнув в период «холодной войны», нашла широкое применение в американской политике по ее окончании, в период администрации У. Клинтона, которая была тесно связана с неолиберальной школой в международных отношениях. Затем, в период администрации Дж. Буша-младшего, когда победила конкурирующая с неолибералами школа неореалистов, эта концепция на время утратила свою значимость.

Тем не менее, в настоящее время из великих держав наиболее активно национальной безопасности, поскольку «мягкая сила» позволяет манипулировать общественным мнением, в том числе, в социальных сетях и действуют в направлении создания своего позитивного имиджа за рубежом именно США. Там эта работа была исторически инкорпорирована в стратегию применения «мягкой силы» (soft power), а в рамках деятельности администрации Б. Обамы разработана даже новая концепция в этом направлении — «умная сила» (smart power), выдвинутая Дж. Наем, автором концепции «мягкой силы». «Умная сила» — это эффективное сочетание военных, экономических и «мягко силовых» инструментов. Следует подчеркнуть, что далеко не все в американской пропаганде соответствует действительности. Однако благодаря наступательности, упорству, даже агрессивности этой пропаганды, она, в общем и целом, достигает искомых результатов по всему миру, причем, зачастую, весьма существенных.

С начала нового тысячелетия начался активный поиск новых аспектов применения «мягкой силы», возник целый ряд ее производных концепций, включая упомянутую выше «умную силу». В Европе получила распространение идея «нормативной силы». ЕС официально позиционирует себя как сила, которая придерживается норм международного права и распространяет их по всему миру.

В настоящее время в западном мире также развивается концепция «сетевой силы», связанной с использованием тех-

нических и социальных сетей в эпоху глобализации и их ролью в революциях нового поколения[199].

Одновременно концепция «мягкой силы» получила распространение в незападных странах. В КНР политическое руководство активно обсуждает вопрос использования «мягкой силы». Западные эксперты считают, что объектом ее применения стала, в первую очередь, Африка, где китайцы соревнуются с Западом за природные ресурсы. Одним из инструментов «мягкой силы» Китая стала глобальная сеть институтов Конфуция.

Есть также много работ западных экспертов из престижных структур (например, Королевского института международных отношений в Великобритании и Европейского совета по международным делам) о применении Россией «мягкой силы», прежде всего, на постсоветском пространстве. К сожалению, чаще всего, в этих работах потенциал влияния России рассматривается только в плане конкуренции с Западом, т. е. видится западным авторам лишь как проблема, а не как позитивный фактор, способствующий стабилизации системы международных отношений в целом.

Необходимо отметить, что ряд постсоветских государств, таких, например, как имеющие серьезные свободные средства от торговли нефтью и газом Казахстан и Азербайджан, разработали достаточно эффективные модели создания позитивного образа страны за рубежом. Правда, эти модели значительно менее амбициозны, чем упомянутые выше, они направлены, прежде всего, на создание положительного инвестиционного имиджа, привлечение туристов, защиту от обвинений в адрес политической системы соответствующих государств в недостаточной демократичности. Для России, как великой мировой державы, такая ограниченная модель формирования позитивного образа подходит лишь частично.

---

[199] Grewal David Singh. Network Power: The Social Dynamics of Globalization. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

3. **Ставя задачу создания позитивного образа современной России, нам следует помнить и учитывать опыт не только других держав, но и положительный опыт нашего собственного прошлого**. Аналогичные по сути и смыслу задачи решались нашими предшественниками и в имперский период существования российского государства, и в советские годы.

Первым активно озаботился созданием привлекательного имиджа страны за рубежом Петр Первый. Результат известен: в страну активно потянулись, как сейчас принято говорить, креативные иностранцы, внесшие реальный вклад в укрепление политического, военного и экономического потенциала страны. Наиболее яркой и деятельной продолжательницей этой линии была Екатерина Великая, сумевшая эффективно совместить сформировавшееся за рубежом восприятие России как динамично развивающегося государства, нового локомотива Европы, с задачами внутреннего строительства.

Нуждается в тщательном осмыслении и использовании и советский опыт пропагандистской работы на заграницу, некоторые элементы которого остаются весьма востребованными и в наши дни. Не стоит забывать, что у СССР было много сторонников по всему миру, в основном, правда, среди людей левой ориентации в развитых государствах, а также — среди участников и приверженцев антиколониальных движений в развивающихся странах. Понятно, что многое в этом плане было построено на идеологической основе. Но идеологический фон — это только один из факторов, который — не будем идеалистами — всегда активно и целенаправленно используется в своей политике, в частности, Соединенными Штатами. На работу с группами своих «симпатизантов» за границей в Советском Союзе были нацелены достаточно мощные механизмы агитации и пропаганды, в соответствующих структурах трудились лучшие специалисты, настоящие профессионалы своего дела.

Выстроить взаимосвязь между прошлым и будущим, постараться соотнести положительный опыт прежних лет с задачами сегодняшнего дня — в этом состоит одна из задач нашей политики в сфере развития «мягкой силы» государства на мировой арене.

Разработка методов прогноза военно-политической и стратегической обстановки на основе экспертного опроса ученых-международников и специалистов в смежных отраслях

В современных условиях высокой неопределенности перспектив развития военно-политической обстановки особую актуальность приобретают социологические методы прогноза значений качественных и количественных показателей и критериев военно-политической и стратегической обстановки на основе экспертного опроса ученых-международников и специалистов в смежных отраслях. Анализ данных, полученных в ходе предложенного опроса, может быть полезен, прежде всего, в плане определения внешних угроз, поиска союзников, прогноза развития угроз в разных регионах на соответствующие периоды. Они также могут быть использованы с точки зрения планирования общих параметров развития структуры военной организации государства и вооруженных сил, вплоть до указания на потребность в конкретных подразделениях и системах вооружений. Например, для сохранения потенциала стратегического сдерживания в отношении других великих держав нужны одни силы и системы (высокотехнологичные стратегические силы), для эффективных действий в условиях региональных конфликтов — другие (обычные силы), для противодействия новым угрозам безопасности — третьи (спецназ, разведка, связь, кибероружие, и т. п.).

В соответствии с этим подходом предлагается следующий вариант анкеты для опроса экспертов. Всего в анкете зафикси-

ровано двенадцать вопросов. Если специалист заинтересован в ответе лишь на часть из них, он имеет полное право пропустить профессионально незнакомые или неинтересные ему позиции (вопросы).

Первый раздел (А). Угрозы национальной безопасности и количественные аспекты военного планирования.

Военные потенциалы конкурирующих великих держав

А1. Насколько Россия должна увеличить свой общий военный потенциал (если считать имеющийся за 100%), если она хочет поддерживать паритет с конкурирующими великими державами?

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

Военные расходы России, доля в ВВП

А2. Насколько при этом должна увеличиться доля военных расходов в ВВП (если считать имеющуюся за 100%)? Примите, при этом, во внимание потребности, сформулированные в пп. 3–5 данного опросника.

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

Экономико-технологический потенциал других великих держав в сферах, сенситивных с точки зрения развития военных технологий

А3. Насколько Россия должна увеличить свой экономико-технологический потенциал (если считать имеющийся за 100%), если она хочет поддерживать военный паритет с конкурирующими великими державами?

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

А4. Демографический потенциал великих держав с учетом человеческого капитала (последний включает образование, здоровье, уровень дохода)

В какой мере Россия с учетом негативного демографического тренда должна увеличить свой индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП (если считать имеющийся за 100%), если она хочет поддерживать военный паритет с конкурирующими великими державами?

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

А5. Потенциал, необходимый России для нейтрализации локальных конфликтов

В какой мере Россия должна увеличить свой военный потенциал и потенциал в смежных сферах (если считать имеющийся за 100%) с целью нейтрализации локальных конфликтов и противодействия нетрадиционным угрозам безопасности (международный терроризм и религиозный экстремизм; миграционно-демографические угрозы; организованная преступность, особенно, связанная с наркоторговлей; информационные и киберугрозы, и т. д.)?

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

А6. Факторы и потенциал стратегического сдерживания (прежде всего, ядерного)

Насколько Россия должна увеличить свой потенциал стратегического сдерживания, включая ядерный (если считать имеющийся за 100%) с целью избежать реальной возможности его преодоления (с учетом не только технологических аспектов, но и общей эволюции системы международных отношений)?

Через 15 лет (на 2026 год)

Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

Второй раздел (Б). Военное планирование и прогноз международно-политической обстановки.

Возможность нейтрализации угроз безопасности при помощи «мягкой силы» России.

Б1. Каково может быть реальное (а не желаемое) соотношение, с одной стороны, военной, с другой стороны, экономической силы и «мягкой» России в обеспечении ее безопасности (в %, например, 70/30%, 50/50%, и т. п.)?

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

Отношения с соседними странами и великими мировыми державами

Б2. Сделайте свой прогноз отношений России со следующими государствами на …. год (по 10 балльной шкале, где 1 — состояние начала военного конфликта, 10 — союзнические отношения, 5 — нейтральные).

Через 15 лет (на 2026 год)
Украина
Белоруссия
Казахстан
Китай
США
ЕС в целом
Германия
Франция
Великобритания
Индия
Турция
Иран

Впишите свое государство, имеющее, на Ваш взгляд, наибольшее значение

Через 30 лет (на 2046 год)
Украина
Белоруссия
Казахстан
Китай
США
ЕС в целом
Германия
Франция
Великобритания
Индия
Турция
Иран
Впишите свое государство, имеющее, на Ваш взгляд, наибольшее значение

Через 50 лет (на 2066 год)
Украина
Белоруссия
Казахстан
Китай
США
ЕС в целом
Германия
Франция
Великобритания
Индия
Турция
Иран
Впишите свое государство, имеющее, на Ваш взгляд, наибольшее значение

Б3. Общий потенциал сохранения стратегической стабильности в мире.

Оцените возможность сохранения стабильности в мире и сотрудничества в преодолении новых угроз за счет поддержания многовекторного баланса сил, экономического сотрудничества, наличия системы международного права и работы международных организаций по сравнению с настоящим временем по 10-балльной шкале (период на 2013 год можно считать за 10, соответственно, увеличение угроз можно описать прибавлением, например, 15 или 20, а уменьшение угроз — вычетанием, например, 3 или 5.)

Через 15 лет (на 2026 год)
Через 30 лет (на 2046 год)
Через 50 лет (на 2066 год)

Региональные конфликты и интересы России

Б4. В какие региональные конфликты Россия должна реально вмешаться, если они возникнут в следующих регионах мира (и должна, соответственно, планировать свой военный потенциал с учетом данного фактора)? Оцените значимость вмешательства в возможный региональный конфликт по 10-балльной шкале, где 1 — незначимо с точки зрения национальных интересов РФ, 10 — необходимо обязательное вмешательство.

Центральная Азия,
Южный Кавказ,
Восточная Европа,
Арктика,
АТР,
Ближний, Средний Восток и Северная Африка,
Впишите свой регион с оценкой.

Прогноз региональных конфликтов

Б5. Локальные конфликты в каких из непосредственно прилегающих регионов мира могут представлять для России

реальную опасность (по 10-балльной шкале, где 1 абсолютное отсутствие опасности, 10 — максимальная опасность):

Через 15 лет (на 2026 год)
Восточная Европа
Арктика
АТР
Центральная Азия
Южный Кавказ,
Ближний, Средний Восток и Северная Африка
Впишите свой регион с оценкой

Через 30 лет (на 2046 год)
Восточная Европа
Арктика
АТР
Центральная Азия
Южный Кавказ,
Ближний, Средний Восток и Северная Африка
Впишите свой регион с оценкой

Через 50 лет (на 2066 год)
Восточная Европа
Арктика
АТР
Центральная Азия
Южный Кавказ,
Ближний, Средний Восток и Северная Африка
Впишите свой регион с оценкой

Прогноз нетрадиционных угроз безопасности

Б6. Какие из новых вызовов безопасности будут представлять для России максимальную угрозу и, соответственно, требуется планировать развитие военного потенциала с учетом

данного фактора (оцените по 10-балльной шкале, где 1 — минимальная угроза, 10 — максимальная):

Через 15 лет (на 2026 год)

— международный терроризм и религиозный экстремизм
— миграционно-демографические угрозы;
— трансграничная организованная преступность и наркоторговля
— информационные и киберугрозы
— экологические угрозы
— впишите свою с оценкой

Через 30 лет (на 2046 год)

— международный терроризм и религиозный экстремизм
— миграционно-демографические угрозы;
— трансграничная организованная преступность и наркоторговля
— информационные и киберугрозы
— экологические угрозы
— впишите свою с оценкой

Через 50 лет (на 2066 год)

— международный терроризм и религиозный экстремизм
— миграционно-демографические угрозы;
— трансграничная организованная преступность и наркоторговля
— информационные и киберугрозы
— экологические угрозы
— впишите свою с оценкой

Обоснование предложенной методики экспертного опроса

В российской практике планирования развития военного потенциала государства могут с успехом использоваться достижения мировой науки в области международных отношений.

С точки зрения теории международных отношений и смежных дисциплин (например, strategic studies), включая последние их достижения (1990-е — 2000-е — 2010-е гг.), можно выделить целый ряд факторов, которые прямо пропорциональны военному потенциалу России, необходимому для преодоления международных угроз (т. е. заставляют его повышать), и факторы, которые обратно ему пропорциональны (т. е. действуют на его снижение). Перечислим ниже эти факторы (разумеется, стоит отметить, что беспристрастный научный анализ в смежных областях способен выделить и другие переменные, однако теория международных отношений сконцентрировалась именно на вышеперечисленных, как имеющих наибольшую значимость).

Факторы, заставляющие повышать оценку военного потенциала России, необходимого для преодоления международных угроз:

— военные потенциалы конкурирующих великих держав (США и их союзников по НАТО, особенно, внутри ЕС, Китая, дополнительно: Турции, Японии);
— экономико-технологический потенциал других великих держав (в сферах, сенситивных с точки зрения развития военных технологий наблюдается очевидный упадок позиций России за последние два с половиной десятилетия не только относительно западных стран и Японии, но и относительно Китая);
— демографический потенциал великих держав с учетом качества человеческого капитала (последний включает образование, здоровье; в частности, можно обратить внимание на заведомо более высокий, чем в России, человеческий капитал западных стран и заведомо более высокий демографический потенциал в Китае);
— потенциал, необходимый России для нейтрализации локальных конфликтов (прежде всего, в Центральной Азии и на Южном Кавказе) и нетрадиционных угроз безопасности (международный терроризм и религиозный экстремизм,

в частности, на Южном Кавказе, в Поволжье и Центральной Азии; миграционно-демографические угрозы; организованная преступность, особенно, связанная с наркоторговлей; информационные и киберугрозы).

Факторы, способствующие понижению оценки военного потенциала России, необходимого для преодоления международных угроз:

— факторы и потенциал стратегического сдерживания (прежде всего, ядерного), последние, что особенно важно, не применимы к локальным конфликтам и нетрадиционным угрозам, но применимы к великим державам (хотя существует и возможность преодоления потенциала стратегического сдерживания);
— возможность нейтрализации угроз безопасности при помощи «мягкой силы» России;
— нейтральная при любых сценариях развития (например, Финляндия, Монголия) или дружественная позиция (например, Казахстан) соседних государств и великих держав (например, Индия);
— общий потенциал сохранения стратегической стабильности в мире и сотрудничества в преодолении новых угроз за счет поддержания многовекторного баланса сил, экономического сотрудничества, наличия системы международного права и работы международных организаций;
— в отличие от СССР, реализовывавшего универсальную коммунистическую идеологию, у современной России нет интереса к реализации наших национальных интересов во всех без исключения регионах мира (в целом ряде регионов мира, например, в Африке или Латинской Америке, мы вполне можем избежать прямого втягивания в конфликты, участвуя в них лишь политическими средствами); следовательно, планировать наш военный потенциал необходимо только с точки зрения наших интересов в тех регионах мира, в которых мы имеем непосредственные интересы

(в частности, это — Восточная Европа, Южный Кавказ, Центральная Азия, непосредственно прилегающая к нам часть АТР, приполярные области).

Проведенный анализ позволяет выдвинуть следующую формулу и алгоритм военно-стратегического планирования с учетом международных факторов:

Необходимый военный потенциал России на соответствующий период времени = военные потенциалы конкурирующих великих держав X экспертную оценку технологического потенциала великих держав (в сферах, сенситивных с точки зрения развития военных технологий) X демографический потенциал великих держав с учетом качества человеческого капитала (образование, здоровье) (экспертный прогноз) X потенциал, необходимый для нейтрализации локальных конфликтов и нетрадиционных угроз безопасности / фактор стратегического сдерживания (прежде всего, ядерного) X возможности нейтрализации угроз безопасности при помощи «мягкой силы» России X нейтральная или дружественная позиция соседних государств и великих держав (экспертный прогноз) X общий потенциал сохранения стратегической стабильности в мире и сотрудничества в преодолении новых угроз за счет баланса сил, экономического сотрудничества и работы международных организаций (экспертный прогноз) X экспертное выделение ключевых с точки зрения наших национальных интересов регионов и прогноз развития конфликтов в них с учетом возможности, что Россия может быть непосредственно втянута в соответствующие конфликты (в целом ряде регионов мира, например, в Африке или Латинской Америке, мы вполне можем избежать прямого втягивания в конфликты и планировать военный потенциал с учетом только интересов в ключевых регионах, к которым относятся, видимо, регионы, непосредственно к нам прилегающие).

В целом, предлагаемая формула необходимого военного потенциала должна быть основана на сочетании объективных

данных и прогнозных экспертных оценок по приведенной выше формуле. Данная формула может применяться для любых временных периодов и требует проведения целой серии экспертных опросов среди специалистов в различных сферах.

Следует отметить, что необходимый военный потенциал может быть больше, меньше или равен возможному с учетом объективных ресурсов государства потенциалу. Здесь анализ с точки зрения теории международных отношений необходимо должен быть дополнен мнениями специалистов в других дисциплинах, прежде всего, экономистов и социологов.

В условиях России мы, скорее всего, столкнемся с ситуацией, когда необходимый военный потенциал будет больше возможного. В связи с этим на дальнейших этапах военного планирования необходима процедура согласования на основе общеполитических приоритетов, определяемых Верховным главнокомандующим, необходимого военного потенциала с возможным с учетом макроэкономических и социально-демографических прогнозов. Однако необходимо осознавать, что в этом случае будет иметь место серьезный риск, связанный с «недобором» необходимого военного потенциала. Этот риск должен быть осознанным с учетом реальных возможностей страны.

В. П. Козин
Контроль над вооружениями и задачи обеспечения стабильности на международной арене

По всеобщему признанию система контроля над вооружениями является одним из основных условий обеспечения международной безопасности, стабильности военно-политической обстановки на международной арене. Однако, к настоящему времени, за исключением некоторого прогресса по сокращению СНВ, общий процесс контроля над вооружениями зашел в глухой тупик. Результат: в российско-американской разоруженческой повестке дня имеется 12 нерешенных проблем. Наиболее крупными из них являются: отдельные направления СНВ, ТЯО, ПРО и силы общего назначения.

I. СНВ (SOA)

В этой сфере не решены проблемы: учета «возвратного потенциала» (находящегося в активном резерве, а он у США составляет на начало 2014 года 59,4%), не затрагиваются КРМБ в ядерном снаряжении большой дальности, нет обеспечения реальной взаимосвязи между СНВ и противоракетными системами, не ограничиваются стратегические носители, оснащенные неядерными средствами. На саммите в Лох-Эрне в июне прошлого года Президент Российской Федерации Владимир Путин подтвердил россий-

скую позицию о том, что при рассмотрении вопроса о дальнейших сокращениях СНВ необходимо учитывать все без исключения факторы, влияющие на стратегическую стабильность, включая ПРО, оружие в космосе, стратегические вооружения в неядерном оснащении, а также весьма значительный дисбаланс в сфере обычных вооружений. Президент США Барак Обама в ответ сказал, что он понимает необходимость учета всех этих факторов при обсуждении дальнейших шагов по сокращению ядерных вооружений, но пока ничего конкретного не сделал. Россия одновременно обязана учитывать гиперзвуковое оружие США, создаваемое по программе «Молниеносный глобальный удар».

Договор СНВ-3, подписанный в Праге в 2010 году (New START), должен быть выполнен в полном объеме. На фазе выхода к Договору СНВ-6 или 7 уже следует приглашать за стол переговоров все другие ядерные государства — как *юридические,* так и *фактические*.

США не снижают расходы на модернизацию СНВ. Они варьируются по официальным данным до 335 млрд долл. в ближайшие 10 лет и могут выйти на уровень свыше 1 трлн. долл. по подсчетам американских экспертов в грядущие 30 лет. В результате безъядерный мир в текущем столетии создан не будет.

Подготовленный в Пентагоне летом прошлого года «Доклад о стратегии применения ядерного оружия Соединенными Штатами Америки» оставляет неизменной основу американской ядерной стратегии — «наступательное ядерное сдерживание» с возможностью применения ядерного оружия в первом ударе, в том числе по Российской Федерации. Самая подробная и критическая оценка «обновленной» американской ядерной стратегии была изложена в журнале МИД России «Международная жизнь».

II. ТЯО (TNW)

Нельзя не учитывать, что Соединенные Штаты предполагают израсходовать на модернизацию боезарядов тактических ядерных авиабомб до 2038 года более 65 млрд долл. Американ-

ские самолеты-носители этих видов вооружений будут находиться на вооружении, по меньшей мере, до 2075 года.

Для начала обсуждения проблемы сокращений ТЯО необходимо уравнять геополитические позиции участников возможной договоренности, то есть вывести такое ядерное оружие США из Европы и Азии (из территории Турции) на их континентальную часть и демонтировать соответствующую инфраструктуру.

Вряд ли целесообразно использовать применительно к ТЯО формулировку «нестратегическое ядерное оружие». Она маскирует то обстоятельство, что ТЯО может выполнять стратегические функции. Дело в том, что США применяют оба термина к ТЯО: как тактическое, так и стратегическое — в зависимости от того, какими средствами оно доставляется к цели: самолетами средней или межконтинентальной дальности, то есть тяжелыми бомбардировщиками СНВ. Не случайно, что три американские авиабомбы (две существующие и одна новая) в официальных документах Министерства обороны и Государственного департамента США фиксируются как «стратегические».

Российскую сторону не устроили бы паллиативные меры, направленные на отказ от оснащения новых ядерных авиабомб B-61–12 новым хвостовым оперением, которое позволило бы им наносить высокоточные удары по высокозащищенным целям. Представляются также невозможными меры доверия и транспарентности применительно к ТЯО до полного вывода таких вооружений США из Европы и до достижения равноправного соглашения о его сокращении.

Есть и еще одно обстоятельство, которое не позволяет России приступить к переговорам о сокращении ТЯО в настоящее время и в более отдаленной перспективе. Если раньше, то есть до начала развертывания глобальной системы ПРО США, российские тактические ядерные средства компенсировали существенное превосходство США и НАТО по силам общего назначения и американские ТЯО, то отныне, когда Вашингтон

стал осуществлять ЕПАП, этот вид ядерного оружия России компенсирует и американскую систему ПРО в Европе, размещаемую в качестве средства «передового базирования».

III. ПРО США (US BMD)

Камнем преткновения и без преувеличения острейшей «занозой» в российско-американских отношениях остается проблема ПРО.

Коренная ошибка Вашингтона в этом вопросе заключается в том, что он чрезмерно увлекся размещением противоракетных средств далеко за пределами США. Несмотря на возражения России, выступающей против развертывания глобальной системы ПРО Соединенных Штатов и НАТО в непосредственной близости от российских рубежей, нынешняя американская администрация упорно продолжает выполнение своего амбициозного плана, который подкрепляется размещением других традиционных видов «передового базирования» — ядерных и обычных вооружений.

Это вновь подтвердило выступление заместителя генерального секретаря НАТО Александра Вершбоу в израильском Институте исследований проблем национальной безопасности 15 января 2014 года, в котором он, как это уже не раз бывало в прошлом, не предложил никаких вариантов решения проблем ПРО в российско-американских и российско-натовских отношениях. Более того, его пространный доклад на тему «Будущая противоракетная оборона: перспектива НАТО» содержал недвусмысленный вывод: «… с перспективной точки зрения НАТО, противоракетная оборона будет отчетливо приобретать растущее значение для альянса в последующие годы». Доклад не оставляет никаких сомнений в том, что и США, и НАТО в целом будут и впредь размещать ударно-боевые средства в Румынии и Польше, а также в морях вокруг Европы.

В связи с предстоящим развертыванием в Южной и Восточной Европе американских противоракетных систем стратеги-

ческого назначения возникает несколько вопросов. Укрепит ли оборону Румынии и Польши намечаемый американский «противоракетный щит»? Нет, не укрепит. Укрепит ли он обороноспособность самих Соединенных Штатов? Нет, не укрепит. Тогда зачем его создавать? Одновременно США постоянно нарушают Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности при проведении испытаний систем ПРО.

Раскрывая глобальный «противоракетный зонтик», Вашингтон преследует несколько целей. Первая цель — военно-геополитическая: это перехват баллистических ракет над территорией потенциального противника или около нее, то есть, «на передовых рубежах». Вторая цель преследует финансово-экономические интересы: решение собственных финансовых проблем за счет продажи дорогостоящей техники другим государствам. Наконец, есть и третий мотив, о котором открыто не говорят. Он заключается в том, чтобы путем втягивания Бухареста и Варшавы в реализацию своих противоракетных проектов вмонтировать в их отношения с Москвой постоянный раздражитель. Это опасная мина, заложенная под европейский фундамент безопасности. Неужели этого не видят ни в Румынии, ни в Польше? А если видят, то действительно ли они хотят иметь перманентный «противоракетный» раздражитель с Россией?

Прошло более 12 лет после одностороннего выхода Соединенных Штатов из Договора по ПРО, который, по словам многих американских президентов, «являлся краеугольным камнем обеспечения глобальной стратегической стабильности». Такой же срок прошел после того, как Москва стала пытаться разрешить противоракетную дилемму с Вашингтоном. Размещая в Европе три вида средств «передового базирования» в виде ТЯО и СНВ, противоракетной инфраструктуры и обычных вооружений Соединенные Штаты вновь делают европейцев заложниками своей авантюристической политики. Потенциал ПРО США в Европе — это третья по счету их мощная провокация после окончания Второй мировой войны — после

размещения баллистических ракет США «Юпитер» мегатонного класса в Италии и Турции в начале 60-х годов и установки американских «Першингов» и «Томагавков» в Западной Европе в 80-е годы.

Белый дом вновь вынуждает Российскую Федерацию идти на более решительные предупредительные военно-технические меры, направленные на то, чтобы не допустить крайне нежелательного развития событий.

IV. ДОВСЕ-2 (CFE-2)

Деструктивный Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ-1) и его адаптированный вариант (ДОВСЕ-1А) безнадежно устарели и не могут быть возрождены ни при каких обстоятельствах. Отказ США и других государств-членов НАТО ратифицировать Соглашение об адаптации ДОВСЕ привело еще к большей деградации режима контроля над обычными вооружениями в Европе в изменившихся условиях обеспечения ее безопасности. Особенно сильно ударил по России раздел о фланговых ограничениях, что признает даже бывший глава Пентагона Роберт Гейтс в своих недавно вышедших мемуарах «Долг», отмечая, что договор препятствовал России передвигать войска по своей территории. «Как я впоследствии сказал Путину, я бы не потерпел ограничений моей возможности перебрасывать войска из Техаса в Калифорнию», — вспоминает Роберт Гейтс.

Поэтому должен быть разработан новый ДОВСЕ — ДОВСЕ-2. Он должен отвечать современным реалиям, отражать баланс интересов всех его участников. К его разработке необходимо подходить без предварительных условий и искусственных увязок вопросов ограничения вооружений с региональными конфликтами.

Новый ДОВСЕ должен быть свободен от фланговых ограничений, от фиксирования существенных дисбалансов в вооружениях в пользу какой-то отдельной группы государств. Он

должен иметь четкие термины, в том числе такой ключевой термин как «существенные боевые силы», охватывать другие виды обычных вооружений. ДОВСЕ-2 должен включать все государства, вступившие в НАТО, в том числе государства Балтии, а также быть ратифицирован всеми его участниками.

Есть еще одна тема, связанная с обычными вооружениями. Лидеры натовских стран на саммите альянса в Чикаго в мае 2012 года подтвердили стремление продолжать в круглосуточном режиме операцию ВВС «Балтийское воздушное патрулирование» (Baltic Air Policing) боевыми самолетами альянса в воздушном пространстве Латвии, Литвы и Эстонии. В этой операции, начатой еще 10 лет назад, уже приняли участие боевые самолеты 15 государств блока, среди них самолеты, являющиеся потенциальными носителями ядерного оружия. Эта операция должна быть прекращена. Москва приветствовала бы полный выход Парижа из этой операции.

Пентагон делает большую ставку на разработку и создание ударно-боевых «дронов» или беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), имеющих ударное оружие на борту. Такие БПЛА наносят значительный ущерб мирному населению тех стран, где они применяются. Многие неправительственные организации выступают за подготовку международного соглашения, которое вводило бы ограничения на применение таких ударных БПЛА. Оно должно быть принято на официальном уровне. Не исключается использование таких аппаратов для доставки ракет-перехватчиков американской системы ПРО. Это будут означать дальнейшее расползание ударно-боевых противоракетных систем, их выдвижение «на передовые рубежи». И здесь нужны определенные ограничения.

V. Необходимость разработки новых подходов

Наличие таких нерешенных проблем говорит о том, что нужен принципиально новый подход к проблеме контроля над вооружениями. С этой целью необходимо провести отдельный

российско-американский саммит, не отягощенный другими вопросами.

Если мы хотим избавиться от взаимных подозрений относительно намерений друг друга, то нам нужно совместно вырабатывать по-настоящему общие подходы к их нейтрализации, а не навязывать односторонне выработанные рецепты в качестве единственно верных. Это касается и СНВ, и ТЯО, и ПРО, и ДОВСЕ, и способов кризисного регулирования. Важно также сделать так, чтобы трансатлантическая солидарность не подрывала европейскую стабильность.

Если мы являемся подлинно равноправными партнерами, то мы должны добиваться реальных решений в деле укрепления глобальной стабильности. Но если мы не будем считаться таковыми, то, к глубокому сожалению, нам придется дрейфовать в опасном направлении, выделяя значительные средства на вооружения, а не на социально-экономические нужды. То есть, как говорил бывший министр обороны США Роберт Макнамара, будем: «Двигаться к катастрофе, совершая грубые ошибки».

Но, все же: наиболее рациональный путь — это укрепление европейской и глобальной безопасности. И для этого нужны конкретные дела, не блокируемые грубыми ошибками.

В. А. Салтыковский
Китайский ядерный фактор как элемент военно-политической обстановки международного уровня

1. Предпосылки обращения КНР к развитию национального ядерного потенциала. Внешнеполитические подходы основных игроков на международной арене формируются под влиянием набора субъективных культурно-исторических и военно-политических особенностей, а также с учетом фактора среды — как внешне-, так и внутриполитической. Особый комплекс факторов влияния представлен наследием эпохи биполярности, так как именно в этот период были заложены и развились основные конкретно-исторические характеристики, такие как неразрешенные международные споры, военно-техническая инфраструктура и общая направленность ВПК, разработанные в соответствии с веянием времени стратегические подходы, а также ряд психологически нагруженных компонентов. На современном этапе механизмы эпохи холодной войны и конфронтационной стабильности, непосредственно задействованные в ходе межблокового и околоблокового противостояния, постепенно трансформируются. Пост-Сан-Францисский региональный порядок в АТР, который традиционно относится к периферии центрального ядерного сдерживания, адаптируется к современным условиям.

В первую очередь, это связано с подъемом общей конкурентоспособности КНР на международной арене. Цель данной статьи — изучить историческую роль ядерного фактора во внешней политике КНР, главным образом — с точки военной политики и стратегии.

Современная ядерная политика КНР представляет собой логическое продолжение курса, обозначенного сразу после первого испытания китайского ядерного боезаряда, и формируется с учетом широкого спектра внешне- и внутриполитических угроз. С глобальной точки зрения, сегодня в основе внешнеполитических вызовов КНР лежит военная политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, корни которой также ведут к второй половине XX века. После распада биполярной системы, с утратой линейности международных отношений, изменились и знаковые параметры моделей ядерного сдерживания и эскалации потенциального конфликта с применением ЯО. Тем не менее, современной американо-китайской модели отношений тоже присущи некоторые черты эпохи биполярности. Так, влияние ядерного статуса на региональную военную политику КНР заключается в возможности «втягивания» в процесс эскалации близлежащих американских партнеров. Этот подход основан на политике ограниченного и «минимального» ядерного сдерживания — опоре на ограниченные по составу ядерные силы, достаточные для сдерживающей угрозы нанесения неприемлемого ущерба. Таким образом, ядерная проблематика неизбежно проникает на глубинные уровни взаимодействия стран и влияет на их поведение в смежных сферах. Она не может рассматриваться в отрыве от вопросов стабильности в АТР, проблем горизонтального распространения ядерного оружия и опасности горизонтальной эскалации потенциального конфликта с участием КНР.

Вступление КНР в ядерный клуб в 1964 г. произошло по ряду объективных причин: в силу наличия возможности и ощущения потребности.

После образования КНР 1 октября 1949 г. китайское руководство направило усилия на привлечение специалистов, обладавших наибольшим потенциалом для создания ядерного оружия. Еще в 1932 г. Мао Цзэдун знакомится с Не Жунчжэнем, получившим образование в Бельгии и впоследствии курировавшим китайские исследовательские проекты. Серьезный вклад в работу по привлечению кадров внес премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. Среди ученых, сыгравших основополагающую роль в развитии ядерной программы КНР, существенные позиции заняли этнические китайцы, вернувшиеся на родину в годы гражданской войны или после создания КНР. Среди них — Цянь Сяньцян, успешный ученик четы Жолио-Кюри (Институт радия Парижского университета, возглавивший Институт ядерных исследований), Дэн Цзясянь (Университет Пердью США), Пэн Хуанъу, Ван Ганьчан, а также Цянь Сюэсэнь, внесший вклад в разработку средств доставки ЯО. Высокая концентрация усилий по созданию национальной научной базы с первых месяцев существования КНР (уже к ноябрю 1949 г. начала работу Академия Наук КНР, реорганизованная из слитых воедино Нанкинской и Пекинской академий) проявилась и в смягчении идеологической критики в адрес ученых, проведших длительное время на Западе, что было непросто в условиях партийной борьбы между «прагматиками» (Лю Шаоци, Бо Ибо) и «утопистами» (Мао Цзэдун, Кан Шэн). Кроме вернувшихся соотечественников, руководство КНР могло опереться на содействие Советского Союза (носившее неоднозначный характер и зачастую зависевшее от внутренней борьбы в Политбюро ЦК КПСС), а также на ресурсы внешней разведки (ключевые фигуры — Ло Жуйцин, Кан Шэн, Чжоу Эньлай). Отечественный историк В. Н. Усов особенно подчеркивает последовательность деловых связей физика Цянь Сяньцяна с Кан Шеном, а также указывает на то, что китайский ученый продолжал поддерживать тесные связи с Жолио-Кюри. Таким образом, на фоне эха риторики Мао Цзедуна об американской ядерной бомбе

(и ядерном оружии вообще) как «бумажном тигре» (1946 г.), приоритетность создания китайского ЯО стала очевидной.

14 февраля 1950 г. между СССР и КНР был подписан договор «О дружбе, союзе и взаимной помощи», заложивший основы для советско-китайского партнерства. В то же время, политическая «потеря» континентального Китая Соединенными Штатами оставила КНР в изоляции и обусловила очертания Сан-Францисского мирного договора с Японией и создания АНЗЮС. 1 июля 1950 г. начался процесс размещения американских ракет, впоследствии оснащенных ядерными боеголовками, на базах Гуам, Гавайях, Окинаве. По оценкам Федерации американских ученых, установка ядерных боеголовок совпала с первым тайваньским кризисом 1954–55 гг. В условиях формирования недружественной международной среды, почувствовав «близость» ядерной угрозы в ходе Корейской войны и осознав неготовность СССР к военному вмешательству ради «возвращения» Тайваня, КНР все глубже ощущала потребность в национальных ядерных силах. Примечательно высказывание тех лет ученого Цяня Сюэсэня о важности «тесной консолидации научных и политических сил».

После ликвидации американской ядерной монополии в 1949 г. СССР не спешил передавать Китаю технологии производства ЯО, и помощь заключалась в развитии мирной атомной программы и оружейных (в том числе, ракетных) технологий. Основными направлениями советской помощи было строительство АЭС, запуск ракетно-космической программы, поддержка Пекина в стремлении получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

По сути безвозмездная советская помощь в запуске мирной атомной программы в начале 1950-х гг., предоставление технологической документации по средствам доставки ЯО обусловили практическую возможность реализации этого намерения. Ослабленная после японского вторжения и гражданской войны между Гоминьданом и КПК, располагая инфраструктурным

«наследством» Цинской эпохи, по большей части аграрная КНР нашла в ядерном оружии эффективный способ по закреплению позиций в мировой системе координат. Внутрипартийный раскол по вопросам социально-экономического развития, приведший к неравномерности реформ, усилил эмоциональную привлекательность ядерного оружия для Мао Цзедуна, вплоть до смерти остававшегося главой Центрального военного совета.

КНР удалось не быть втянутой в биполярное противостояние, занять важные позиции в Движении неприсоединения, что было продиктовано пониманием невозможности политического единства с СССР. Считается, что решение о запуске программы создания ЯО было озвучено в 1956 г. на VIII съезде Коммунистической партии — первом полномасштабном партийном обсуждении с времен гражданской войны. Еще с 1951 г. между Москвой и Пекином действовало соглашение об обмене китайских расщепляющихся материалов на ядерные технологии. Предоставляя помощь, руководство СССР рассчитывало на фактор поддержки со стороны КНР как воплощения революционно-коммунистических идей в противовес западному миру. Помощь Советского Союза была существенной, но ограничивалась стремлением СССР заполучить в лице коммунистической КНР прежде всего союзника-единомышленника, который не превосходит первых по уровню технологического развития. Это связано, во-первых, с недостатком доверия к Китаю даже в сталинскую эпоху, во-вторых — с пониманием объективной реальности, выраженной в наличии у Китайской Народной Республики собственных, расходящихся с советскими, интересов. В Москве осознавали, что такое крупное и потенциально мощное государство, как КНР, рано или поздно может оспорить лидирующие позиции Советского Союза в коммунистическом лагере и поставить реализацию индивидуальных внешнеполитических амбиций на первый план.

2. Ядерное направление военной политики КНР. Ядерное направление военной политики КНР с самого начала носило

уникальный характер. Прежде всего, его обуславливала географическая и политическая удаленность Пекина от послевоенного урегулирования в Европе. Более позднее по сравнению с остальными членами ядерной пятерки создание ЯО не стало существенным недостатком. Дистанцировавшись от двух «ядерных гигантов», Китай обособился и от других двух впоследствии «легальных» ядерных держав, напрямую не участвовавших в центральном сдерживании. Наконец, с точки зрения ядерного фактора в идеологическом противоборстве, основной удар западной антикоммунистической пропаганды пришелся на Москву как пионера социалистической революции. Военная ядерная программа КНР была в значительной степени инспирирована потребностью поддержания международного статуса и демонстрации силы, возможностью получения советской помощи и духом своего времени. Ядерный статус для КНР был гарантией закрепления имиджа и места великой державы с самостоятельной внешнеполитической линией. Испытания первых китайских ядерных боезарядов проходили на базе советской технологической информации и усилий китайской разведки уже после начала советско-китайского «похолодания».

Приход к власти Н. С. Хрущева (1956–1964 гг.) и начавшийся с 1956 г. процесс десталинизации ускорили реализацию этих опасений. Начало похолодания в отношениях с СССР предвосхитило активизацию вашингтонско-пекинского диалога. Советско-китайский разрыв не происходил в одночасье: считается, что наиболее период наиболее активного сотрудничества в военной ядерной сфере пришелся на вторую половину 1950-х гг. Вначале СССР был готов поделиться в числе других мирными атомными технологиями, но военная ядерная программа превратилась в предмет торга а затем и раздражения. Китайское руководство зондировало возможность предоставления информации о создании ядерных боезарядов еще в 1953 г. в ходе очередного визита делегации АН КНР в Москву. В 1955 г. КНР и СССР, подписали соглашение о совместной разработке

урановых месторождений в Китае. На фоне событий в Венгрии и Польше 1956 г. Н. С. Хрущев использовал уступку КНР в виде раскрытия большего количества технической информации ради укрепления своих позиций в социалистическом блоке и КПСС. В 1956–1958 гг. были подписаны соглашения о помощи в создании военных атомных объектов, предоставлении технической документации ядерных боезарядов и увеличения потока китайских специалистов, проходящих специальную подготовку в СССР. 15 октября 1957 г. было подписано советско-китайское соглашение, в соответствии с которым СССР обязался передать Китаю техническую документацию и макет ядерной бомбы. По двустороннему соглашению от 6 декабря 1957 г., КНР получала полную техническую документацию и лицензию на производство баллистической ракеты («Дунфэн-1»). Еще в 1956 г., благодаря советской помощи, стартовала китайская космическая программа. С 1958 г. начато строение полигона под оз. Лобнор, строятся заводы в Баотоу, Ланчжоу, Чжуване. Наконец, 16 октября 1964 г. в районе озера Лобнор произведено первое испытание китайского атомного боезаряда мощностью 20 килотонн (известное под кодовым номером 596, по некоторым оценкам, содержащее в ссылку на июнь 1959 г., когда СССР отказался передавать военные атомные технологии). В том же году прошли испытания второй китайской баллистической ракеты «Дунфэн-2». За этими испытаниями последовали многочисленные другие. 17 июня 1967 г. был испытан первый термоядерный заряд. По данным Института стратегической стабильности Росатома, с 1964 по1996 гг. на полигоне Лобнор проведено 47 ядерных испытаний, в том числе 23 атмосферных и 24 подземных.

Как указано выше, в день первого ядерного испытания правительство КНР выступило с официальным заявлением. В нем указывалось, что обретение национального ядерного оружия — это вынужденная мера, вызванная лицемерием со стороны американского правительства, формально оставившего

за собой право на подземные ядерные испытания по Договору о запрете ядерных испытаний в трех средах 1963 г. Правительство КНР заявляло о принципе неприменения ядерного оружия первыми и ликвидации «ядерной монополии» ради ликвидации ЯО в мире. Также в заявлении содержались обвинения американского правительства по актуальным мирополитическим проблемам — в стремлении ядерного вооружения западногерманских реваншистов, присутствии американских субмарин в водах Тайваньского пролива и Тонкинского залива и другие.

Таким образом, задолго до начала полномасштабных экономических реформ и прихода к власти Дэн Сяопина в 1976 г., собственными силами и на основе советской поддержки, КНР успешно занималась созданием инфраструктуры, соответствующей по статусу достижениям другим постоянным членам Совета Безопасности ООН.

Влияние событий в рамках оформления биполярности также способствовали тому, что Мао Цзэдун и его соратники придавали приобретению конкурентоспособности КНР в ядерной сфере исключительное значение. Эту идею подпитал и отказ большинства несоциалистических стран от дипломатического признания пекинского правительства, опасность применения ЯО против самой КНР, война на Корейском полуострове 1950–1953 гг., тайваньские кризисы 1954–1955 гг. и 1958 г. (см. выше). На более поздних этапах осуществления военной ядерной программы КНР смогла вести самостоятельные исследования по созданию боезарядов и средств их доставки. В соответствии с первой задачей, в рамках Академии наук КНР был создан Комитет по атомной энергетике. По мнению ряда авторов, яркой иллюстрацией подходов китайского руководства к эффективному решению задачи получения ЯО в сжатые сроки является решающая роль службы внешней разведки. В свою очередь, наличие многослойных связей в научных кругах ведущих западных стран было обусловлено историческими особенностями развития китайской интеллигенции второй половины

XIX — первой половины XX вв. Наличие второй задачи (создание средств доставки ЯО) обусловило создание в Академии Наук КНР Комитета по авиационной промышленности. Таким образом, стремление Москвы действовать сбалансированно не препятствовало конечному вступлению Пекина в ядерный клуб. К моменту проведения собственного ядерного испытания Пекин уже обладал средствами его доставки.

Вслед за созданием атомного и термоядерного (водородного) оружия появились концепции ядерного сдерживания ("nuclear deterrence"). Центральное американо-советское ядерное сдерживание сформировалось задолго до начала китайских ядерных испытаний. В период биполярной конфронтации Пекин намеренно дистанцировался от центрального сдерживания и гонки вооружений, избрав путь «минимального» сдерживания, что удовлетворяло задачам времени. Не изменяя курса, КНР никогда официально не публиковала данные о количестве имеющихся ядерных боезарядов. В ответ на накопившуюся критическую массу обвинений и публикаций относительно непрозрачности ее ядерной политики, ведущее государственное СМИ «Жэньминь Жибао» недавно опубликовало, в частности, статью «Мифы о ядерном оружии Китая», где отмечается, что, поскольку нет единого стандарта понятия прозрачности, то и обвинения нелогичны.

Ряд авторов считает, что КНР смогла накопить достаточный для нанесения ответным ударом неприемлемого ущерба ядерный арсенал и сопутствующую инфраструктуру только к 1980-м гг. Таким образом, с высокой долей вероятности, Китай обладает возможностью как для регионального влияния — ограниченного ядерного сдерживания, так и в глобальном масштабе — с точки зрения сдерживания минимального. С уходом эпохи Мао Цзэдуна перестал звучать и тезис о неотвратимости и нереалистичной демонизации ядерной войны: в Белых книгах по национальной обороне разных лет ядерное оружие отмечается именно в качестве сдерживающего элемента стабильности.

В. Кашин приводит 4 этапа периодизации китайского военного строительства, что важно, как косвенный источник данных для анализа в ядерной сфере. **Первый, начальный, этап** продолжался с момента образования КНР до середины 1980-х гг., на нем были заложены основы ее оборонно-промышленного комплекса. Данный этап характеризуется упором на наращивание в первую очередь количественных показателей личного состава сухопутных войск, не заостряя внимания на уровне подготовки. В то же время, на море в КНР в основном следовали принципам лишь «прибрежной обороны» (за исключением строительства несущих ракеты субмарин). Сама структура политического устройства нового государства предполагала повышение роли армии в жизни страны. К тому же, из гражданского населения формировалось народное ополчение, которое, по мнению руководства страны, смогло бы развязать партизанскую войну в случае наземного вторжения. Таким образом на практике воплощалась концепция активной обороны в понимании Мао Цзедуна: ожидание ошибки противника, уход от прямого столкновения, выжидание момента для наиболее эффективного отпора. Концепция партизанской войны имеет сходство с идеями Сунь Цзы о затяжных военных кампаниях: «Если используешь их [войско] в битве, но победа долго не приходит, их оружие притупляется, а рвение — ослабевает… Если подвергаешь войско длительной войне, запасов государства не хватит… Поэтому я слышал об успехе быстрых военных походов, и не слышал об успехе затяжных. Ни одно государство не извлекло выгоды из длительной войны.» На данном этапе появление у КНР собственного ядерного оружия несло важную сдерживающую роль, несмотря на официально провозглашенный принцип неприменения ЯО первыми. **Второй этап** военного строительства (эпоха Дэн Сяопина) характеризуется запуском процесса сокращения численности сухопутных сил и отхода от ожидания массированного партизанского движения в случае вторжения. Вместе с тем, на смену идее «прибрежной

обороны» приходит концепция «активной обороны в ближних морях», то есть приходит осознание потребности влияния в окружающем КНР водном пространстве, включая необходимость иметь авианосцы. В. А. Веселов и В. В. Лисс отмечают, что анализ дислокации китайских ракетных баз (подавляющая часть размещалась к середине 1970-х годов в приграничных с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой провинциях) и технических возможностей китайских ракетных систем (дальность стрельбы не превышала 2000–4000 км) показывает, что развертывание ракетной группировки было направлено в первую очередь против Советского Союза. Для США влияние Китая в качестве ядерной державы, в отличие от советского, не представлялось глобальным и носило сугубо региональный характер. К тому же считается, что американо-китайское сближение 1972–1979 гг. в значительной степени отодвинуло планы КНР по созданию средств доставки ЯО к американской территории. Для США советско-китайский раскол предоставил возможность для двойного сдерживания. Эксперты расходятся в оценках, какое количество единиц китайского ЯО могло быть произведено в 1970–1980-х гг. Некоторые отечественные авторы приводят оценочные цифры вплоть до десятка тысяч единиц. А по данным наиболее авторитетных западных источников (СИПРИ, Федерация американских ученых), общий количественный показатель ядерных боезарядов на данный момент близок к 240–250 единицам. **Третий этап** военного развития КНР приходится на 1990-е — начало 2000-х гг. (Цзян Цзэминь) и связан с переосмыслением возможностей и стратегии НОАК. Существенную долю влияния на курс оказали распад СССР, резонанс от войны Коалиции западных и арабских стран против Иракской агрессии в Кувейте, а также тенденция к опоре на информационные технологии в бою. Концепция «активной обороны» уступила стратегии «быстрого реагирования» и «ограниченной войны в условиях применения «высоких» (наукоемких) технологий», что привело

в итоге к повышению уровня военных затрат на рубеже третьего и четвертого этапов военного строительства. **Четвертый этап** охватывает период с середины 2000-х годов, когда перед НОАК была поставлена задача «обеспечения вклада в глобальный мир», до современности. На современном этапе КНР вышла на второе после США место по военным затратам, и, по многочисленным публикациям в государственных СМИ, упор делается на повышение уровня технологий, информатизацию, подготовку кадров к управлению межвидовыми операциями. Рост военных расходов в 2012 г. составил 11,5%. В соответствии с запланированными бюджетными расходами на 2013 г., затраты на военный бюджет планируется увеличить на 10,7% (до 114,3 млрд долл. США). Среди приоритетных направлений — улучшение условий службы, а также повышение уровня технологической оснащенности и опоры армии на информационные технологии. Также не стоит забывать, что граждане КНР составляют значимую долю в контингенте миротворческих миссий ООН. По словам Инь Чжо, главы Экспертного консультационного комитета ВМС НОАК, перед НОАК стоят две исторические задачи — развитие технологического уровня и полномасштабное задействование ИТ, осуществление которых связано с требованием времени.

В силу экономических и технологических причин, фактора опоры на советскую помощь, в структуре китайской стратегической триады традиционно наиболее развит наземный компонент. Причем в 1980-х — 1990-х гг. подавляющее большинство баллистических ракет КНР обладали тактическим характером, достаточным для влияния в рамках восточно-азиатского ТВД (за исключением первых МБР «Дунфэн-4» и «Дунфэн-5», появившихся в конце 1970-х — начале 1980-х гг.). Наличие ядерного фактора уже на данном (в периодизации выше — первом) этапе превратило КНР в обладающего существенным политическим весом участника региональных отношений, активно влияющего на периферийные по отношению к биполярной оси Вашингтона и Москвы конфликты в ЮВА.

В 1990-е годы, на фоне окончания холодной войны и тенденции к повышению теоретического порога применения ЯО, в исследовательских кругах зазвучали мысли о частичном притуплении политической значимости ядерного сдерживания в глобальном значении. Новое качество и импульс вопросам модернизации ядерного арсенала придали индийские и пакистанские ядерные испытания в 1998 г.

Как отмечено выше, КНР — единственная ядерная держава-член ДНЯО, не публикующая подробных данных о своем ядерном арсенале. На сегодняшний день у различных авторов на этот счет можно найти разные оценки.

По общему количеству ядерных боезарядов, оценки российских авторов разнятся в широком спектре (от двух сотен до десятка (!) тысяч). По данным, приводимым евро-атлантическими источниками (Стокгольмский институт исследований проблем мира, Федерация американских ученых), показатель близок к 240–250 единиц боезарядов.

По оценкам В. И. Есина, КНР обладает развитой военной атомной промышленностью, состоящей из двух групп предприятий, производственная мощность которых по состоянию на 2011 г. позволяла бы наработать до 40 т оружейного урана и около 10 т оружейного плутония, что, учитывая частичное задействование полученных материалов, могло бы обеспечить наличие до 1800 боезарядов.

Стратегическая авиация: общее количество авиабомб по разным оценкам составляет от 20 до 440 ед. На вооружении стоит стратегический бомбардировщик «Хун-6», дальность полета от 3100 км (СИПРИ) до 5800 км (В. И. Есин), введенный на вооружение в 1960-х гг.; производился по лицензии завода Туполева. Также используются тактический бомбардировщики «Цзян-5» дальностью полета до 2000 км. В качественный состав боеприпасов входят авиабомба «Б-4» (от 5 до 20 кт), предназначенная для «Цзян-5», и «Б-5» (до 2 Мт), для использования на «Хун-6».

Наземный компонент триады состоит из стратегических ракетных войск и ракетных комплексов Сухопутных войск НОАК. Управление ракетными войсками НОАК КНР находится в ведении Второго артиллерийского корпуса (диэр паобин), располагающего шестью базами в шести из семи военных округов (Гуанчжоуском, Ланчжоуском, Нанкинском (ближний к Тайваню), Цзинаньском, Чендуском, Шеньянском — ракетные базы № 51–56).

В наземный компонент входят от 130–140 (оценки ФАС, СИПРИ)до 328 (оценки Есина) ракет шести видов. Он представлен одноступенчатыми жидкотопливными БРСД «Дунфэн-3А» (дальность стрельбы 3100 км) и постепенно замещающими их двухступенчатыми твердотопливными «Дунфэн-21» (до 2100 км, по оценкам Есина — на вооружении в Ланчжоуском, Нанкинском, Чендуском и Шеньянском ВО), модификациями «Дунфэн-21А» (до 3000 км), обе с моноблочными боеголовками до 350 кт, оснащенными грунтовыми мобильными ракетными комплексами с оперативно-тактическими ракетами (ОТР) малого радиуса действия (в том числе, «Дунфэн-11А» и «Дунфэн-15–15А/15Б, с БГ от 5 до 20 кт каждая).

Также в составе Второго артиллерийского корпуса имеются двухступенчатые жидкотопливные БР «ограниченной межконтинентальной дальности» «Дунфэн-4» (до 5300–5500 км) шахтенного и наземного базирования, моноблочные МБР «Дунфэн-5» (дальность 13 000 км, развернутые на рубеже 1970-х и 1980-х гг.) и двухступенчатая «Дунфэн-5А» (до 12 000 км, предположительно, с РГЧ ИН), оснащенные шахтными ракетными комплексами. Для «Дунфэн-4,5» созданы моноблочные головные части мощностью по 2 Мт. На смену «Дунфэн-4» постепенно приходят твердотопливные трехступенчатые МБР «Дунфэн-31» (дальность до 8000 км, мощность моноблочной ГЧ до 500 кт, оснащены грунтовым мобильным ракетным комплексом). Последний вид и «Дунфэн-31А» (до 12 000 км, с ГЧ с отделяемой БГ до 300 кт, конкурент устаревшей «Дунфэн-5»)

мобильного базирования были развернуты в 2006–2007 гг. По оценкам В. И. Есина, всего развернуто более 200 пусковых установок — 238 ракет и 208 ядерных боеголовок.

Морской компонент представлен твердотопливной двухступенчатой БПРЛ средней дальности «Цзюйлан-1» (дальность 1700–2400 км, оснащенной моноблочной ГЧ мощностью до 350 кт), размещаемой на атомной подводной лодке с баллистическими носителями (ПЛАРБ) класса «Ся» («Проект 092»), подводное водоизмещение 6500 т, введенной в 1980-х гг., и «Цзюйлан-2» (дальность 7400–8000 км, аналитики спорят о наличии или отсутствии у нее РГЧ ИН, по мнению В. И. Есина — моноблочная ГЧ мощностью до 500 кт), размещаемой на ПЛАРБ «Цзинь»(«Проект 049»), подводным водоизмещением 11 500 т., введенной в 2000-х гг. По оценкам В. И. Есина, на вооружении стоят одна ПЛАРБ «Ся» и две «Цзинь», с суммарным количеством развернутых БРПЛ 36 ед., и 45 ед. моноблочных ГЧ.

Предположительно, на уровне испытаний находятся другие проекты. В 2007 г. в состав Второго артиллерийского корпуса была введена крылатая ракета наземного базирования «Дунхай-10», с моноблочной ГЧ в 5–20 кт, дальностью до 1500 км. Предметом спора специалистов является ее принадлежность к ядерной группировке; такого рода неопределенность, вероятно, выгодна Пекину. В сентябре 2012 г. в СМИ появились публикации об успешном испытании МБР «Дунфэн-41» (дальность до 14 000 км.), оснащенную боеголовкой с РГЧ ИН.

Эксперты сходятся во мнении, что основным фактором, определяющим перспективы развития ядерной триады в частности и ВС КНР вообще остается насыщенная потенциальными угрозами внешнеполитическая среда. Вероятно, акцент в модернизации ядерного арсенала КНР делается на развитие мобильных пусковых установок и повышение мобильности наземного компонента, разработке РГЧ ИН и средств преодоления ПРО. Авиационный и морской компонент будут также модернизировать последние модели (бомбардировщик

«Хун-6»; ПЛАРБ «Цзинь» (повышение акустической скрытности) и иные подводные лодки, на базе российских и французских технологий).

Считается, что ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей, на складах. Однако, по мнению В. И. Есина, отдельно хранится большинство, но не все боеголовки. В западной литературе фигурирует информация о Базе №22, расположенной в горных районах КНР (Циньлинь), которая представляет собой центральное хранилище китайских ядерных боезарядов и центр по воспитанию управленческих и экспертных кадров. В американском исследовании Марка Строукса описано, что в мирное время в целях повышения живучести наземного компонента триады БГ периодически транспортируются к средствам доставки по разветвленной железнодорожной системе. Если следовать логике американского исследователя, в этих условиях Центральный военный совет (возглавляемый Председателем КНР и которому напрямую подчинены ЯС КНР) вынужден часто изменять дислокацию развернутых ракет из-за необходимости снижения уровня уязвимости.

В силу отсутствия официальных публикаций и о количестве ядерных боезарядов КНР, о нем также судят исходя из косвенных факторов. Один из них — это спрос на расщепляющиеся материалы для производства боеголовок. По наиболее авторитетным оценкам, в последние годы в КНР не наблюдалось всплеска производства высокообогащенного урана/оружейного плутония. В то же время, эксперты говорят о наличии у КНР достаточных запасов РМ для того, чтобы единовременно в разы нарастить количество своих боеголовок. Как отмечалось выше, по мнению В. И. Есина, на 2011 г. мощность китайских заводов по производству специальных расщепляющихся материалов была способна наработать количество ЯТ, достаточное для производства 1600 урановых и 2000 плутониевых БЗ — хотя эксперт отмечает, что вряд ли на производство оружия используется все выработанное ЯТ.

За последнее десятилетие рост военных расходов КНР составил 170%. КНР лидирует по затратам на ВПК в Азии, и в мире уступает только Соединенным Штатам. Китаю потребуются десятилетия, чтобы технологически сравниться с США в военной сфере (как приводится в «Белой книге» по национальной обороне за 2006 г., общая стратегия модернизации ВС КНР предполагает построение вооруженных сил с широкой опорой на информационные технологии в середине XXI века — к 100-летию КНР).

Считается, что одним из значимых векторов модернизации китайских ВС направлен на повышение безопасности и возможностей в киберпространстве. В будущем КНР может сосредоточиться на информационной составляющей ВС соперника, планируя проведение одновременной атаки против спутниковых групп и информационных сетей (в частности, воздействие на американскую разведывательно-командную систему C4ISR, отвечающую за ситуационную осведомленность (situational awareness)).

Усилия Пекина по модернизации обычных и ядерных вооружений можно расценивать как сигнал о намерениях в регионе. Прежде всего, это стремление к надежной обороне и целостности территории, поддержание категоричности позиций по территориальным спорам. Рост военной мощи Китая уже сегодня способен генерировать эффект устрашения партнеров Соединенных Штатов. Его влияние ощутимо и в области безопасности путей поставок энергоносителей на фоне соперничества с Индией и наличии возможности перекрытия Малаккского пролива. В этих условиях, сценарий локального конфликта оказывается вероятнее глобального. Принимая решение «развернуть» вектор американской внешней политики в сторону АТР, Б. Обама осознавал, что в длительной перспективе упущение возможностей в изменяющейся Азии означало бы политическое упущение. В то же время, отход от активной политики на Ближнем востоке по сути не отрицает сохранения

там американских позиций и косвенного влияния, в частности, в свете событий Арабской Весны. Критически важным для США является не допустить превращения КНР из мощного регионального игрока в идеологически значимый центр силы для других стран в АТР. Наличие разветвленной системы американских военно-политических связей в АТР делает Вашингтон главным стратегическим противником Пекина. Для Китая же, как нации, возрождающейся после «века унижения», потрясений и жестокости маоистского режима, нынешнее усиление американского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе видится как препятствие гармоничному расширению собственных пределов влияния. Военная сфера сотрудничества-соперничества двух стран постоянно подвергается испытаниям из-за существующих взаимных подозрений в чрезмерном наращивании военных усилий и в результате проведения военных учений совместно с третьими странами. Тем не менее, в соответствии с представлениями экспертов американского Центра международных стратегических исследований (Center for Strategic and International Relations), КНР неохотно, но может откликаться на предложения по развитию двустороннего диалога в военной сфере, включая ядерные вооружения.

Американо-китайское противоборство не может быть описано в терминах конфронтации супердержав времени холодной войны, на что влияет как как международная среда, степень глобализации международных рынков и информационного пространства, так и характеристики самой КНР. Ощущение потребности в демонстрации военной силы и внешнеполитических сигналов подобного рода не сможет в значимой мере втянуть Китай в военно-политическое противостояние с США в духе холодной войны. Это обуславливается рядом причин. Во-первых, КНР и США все еще не представляют сопоставимых по суммарной мощи полюсов влияния на международные процессы, а в экономической плоскости во многом дополняют друг друга. Во-вторых, в современных условиях попытки КНР срав-

няться с США в количественном и качественном соотношении ВС были бы неэффективны (а их скорый успех — невозможен). В-третьих, стремление к «лобовому столкновению» противоречило бы историко-философским основам формирования китайской стратегии.

КНР возможно рассматривать в качестве полюса силы только в контексте плюралистической однополярности или многополярности, за которую она и ратует. Она не располагает, подобно США, буфером из стран, зависящих от нее в контексте собственной ядерной (и неядерной) безопасности и ориентированных на нее психологически. На Пекин оказывает давление именно дисбаланс в области уже созданной усилиями США и союзников инфраструктуры. Это включает конфигурацию из систем региональных ПРО, военные базы США и их партнеров в рамках регионального ТВД, и в основе всего — сеть американских двусторонних договоров.

Особое место в ряду внешнеполитических раздражителей для КНР занимает вопрос о статусе Тайваня. Ситуация подогревается намерениями США по исполнению своих «особых» обязательств перед Тайбэем: принятый в США в 1979 г. Закон об отношениях с Тайванем, во всяком случае для Вашингтона, легитимирует особые вашингтоно-тайбэйские отношения. В соответствии с его пп. 5 и 6 ч. 2, США обязались снабжать Тайвань оборонительными вооружениями и поддерживать способность к сопротивлению любому применению силы или других форм давления, ставящих под удар безопасность, либо социальную, либо экономическую систему тайваньского народа. Также упомянута готовность к вмешательству в случае наличия угрозы для их национальных интересов. Ситуация вокруг тайваньского вопроса периодически накаляется, основные сухопутные силы КНР на постоянной основе расквартированы в ближайшей провинции Фуцзянь. Среди наиболее ярких эпизодов — кризисы 1996 и 2005 гг., напряженность из-за контрактов Тайбэя и Вашингтона на поставки вооружений. Интересно, что

в 2005 г. глава Института государственной обороны КНР Чжу Ченху в интервью азиатскому подразделению Wall Street Journal отметил, что КНР может нанести ядерный удар по Тайваню в случае перемещения американских ракет в зону конфликта, что вызвало большой резонанс в международной прессе. Впоследствии его высказывание было официально опровергнуто КНР как личное мнение. Однако таким образом можно констатировать отсутствие единства мнений (либо видимость отсутствия единства) по вопросу порога применения ЯО даже в такой дисциплинированной иерархичной системе, как НОАК. Этот факт накладывает на тайваньский вопрос определенный психологический оттенок.

Помимо Тайваньского вопроса, внешнеполитическая обстановка вокруг КНР осложнена территориальными спорами в Южно-Китайском море, в частности, с Вьетнамом — вокруг широкой акватории, в которую входят острова Спратли и Парасельские, а также богатые энергоносителями участки морского дна. Обострение спора (в виде демонстраций, военно-морских учений сторон) вызывает широкий резонанс как с точки зрения китайско-вьетнамских отношений, так и с позиций мирового сообщества (нарушение принципов морского права). Также КНР выступает на стороне Тайваня (как своей части) в конфликте с Филиппинами. В этой связи важно влияние на ситуацию наличия у китайской стороны ПЛАРБ, на которых могут находиться установленные на носители ядерные боеголовки. Также следует упомянуть интерес США к Вьетнаму, и известное заявление Х. Клинтон в ходе форума АСЕАН в Ханое в 2010 г. о том, что Соединенные Штаты рассматривают свободу навигации и уважение норм международного права Южно-Китайском море как свой национальный интерес. В этой связи, гипотетически, осложненные американским фактором региональные споры способны привести к эскалации многостороннего конфликта с участием как минимум двух ядерных держав, что выступает как сдерживающий стороны фактор.

Для КНР важно одновременно придать процессу модернизации своих военных сил убедительность и сдерживающее значение (в первую очередь, в региональной системе координат), и избежать эскалации в духе «дилеммы безопасности». Пекин будет успешно стремиться уклониться от полномасштабной конфронтации, потому что отношения с Вашингтоном «подстрахованы» финансово-экономическим фактором. И хотя день ото дня утрачивает позиции точка зрения, что экономический фактор в политике тяготеет превратиться в превалирующий, тем не менее значение экономической взаимозависимости как элемента баланса существенно. В-третьих, КНР обладает возможностью грамотного переосмысления опыта СССР. Вашингтоном «подталкивает» Пекин к «холодной войне», по аналогии с противоборством с СССР, путем оказания давления на монетарную политику КНР и путем «окружения» (“hedging”) с суши и моря. Пекин же стремится сохранить баланс, основанный на рациональном подходе, не принимать тактических эмоциональных решений. Участие в центральном сдерживании и гонке вооружений (наряду с общей неэффективностью экономики) Советского Союза превратилось в символ неэффективности внешней политики и способствовало его падению. Пекинские стратеги предпочитают не отвлекать основных сил и средств от мероприятий по наращиванию мягкой силы. КНР осознает, что стремление действовать не в соответствии со своими объективными возможностями и губительно, и не требуется. Наконец, она чувствует, что Вашингтон переживает период острой необходимости трансформации модели глобального лидерства. В этот момент поддаться на американские провокации означало бы помочь им в осуществлении этого проекта. Наоборот, Китай терпелив в усилиях по деэскалации корейской проблемы (наличие которой легитимирует усиление американского военного присутствия вблизи китайских границ), отказался от политико-экономической инициативы Большой двойки (G2), и в качестве односторонней «санкции» то и дело приостанавливает военно-

стратегический диалог с американскими коллегами (в рамках «мер доверия»). Тем не менее, Пекину приходится реагировать на такие поступающие вызовы, как действия в рамках американской концепция «воздушно-морского боя» (Air Sea Battle), представляющей собой возможность проведения локальных высокоэффективных операций с опорой на авианосную группу в зоне китайских интересов.

С момента первого ядерного испытания КНР заявила о приверженности принципу неприменения ЯО первыми. Этот же принцип, наряду с отказом от применения ЯО в ЗСЯО и против безъядерных государств, подчеркивается и в «Белых книгах» по национальной обороне. Однако влиятельные отечественные и западные эксперты указывают на его нереалистичность в случае, если Пекин будет «загнан в угол». Основы этих доводов лежат в недостаточности уровня «живучести» компонентов китайской ядерной триады. Упреждающий ядерный удар КНР, в частности, вероятен в направлении расположенной в рамках Восточно-азиатского ТВД военной инфраструктуры Соединенных Штатов и их союзников. Логически близкая позиция содержится в документе китайского правительства «Государственный военно-стратегический курс в новое время» («Синь шити гоцзя чжалюэ фанчжен»). Отраженная в нем концепция *активной обороны* хотя и означает ненанесение удара первыми, но взамен подразумевает проведение полномасштабной ответной атаки против агрессора, концентрацию на его уязвимых местах и накопление сил для дальнейших агрессивных действий. Китайцы подчеркивают, что не будут самостоятельно вступать в вооруженный конфликт, но дают понять, что при нападении извне сделают все, чтобы обернуть действия противника против него самого.

Наличие спектра неразрешенных споров в определенной мере нивелирует подчеркнуто миролюбивый риторически характер модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Прежде всего, причиной нанесения удара должен стать повод, за которым стоит глубинное намерение одной из сто-

рон. Эскалации конфликта поспособствует как стремление не упустить позиции, так и нежелание «терять лицо». Кроме этого, противоречие доктрине неприменения ЯО первым содержится в принятом в марте 2005 г. законе «О противодействии расколу страны», а также факту, что правительство КНР рассматривает Тайвань не как иностранную территорию. Закон стал реакцией на китайско-американский кризис при попытке Тайбэя провести референдум о размещении на Тайване американской системы ПРО "Aegis" в 2005 г. В соответствии с ним, Пекин готов применить «немирные и иные необходимые меры» для защиты территориальной целостности и суверенитета (ст. 8).

Стоит обратить внимание на отражение в китайской военной стратегии нашли философских концепций и культуры стратагемологии. Минимальное ядерное сдерживание КНР нацелено, прежде всего, на «противоценностный» ядерный удар, и может воздействовать на Вашингтон косвенно, посредством угрозы его региональным партнерам. Эта модель содержит традицию школ даосизма, опору на принцип «слабое побеждает сильное, малое побеждает большое». Вместе с тем, в современных условиях было бы однобоко трактовать китайскую военную стратегию исключительно в рамках китайской классической философии и стратагемологии. При том, что именно она лежит в основе мировоззрения и мироощущения китайской элиты, ее сложно противопоставить методам западных стратегов напрямую. Исторические условия всегда толкают политических лидеров к переосмыслению опыта предыдущих поколений. Таким же образом, современная ядерная стратегия КНР представляет собой симбиоз восточных стратегических школ с новыми общемировыми подходами. Для китайцев важно понятие «прорыва, бреши» в стратегии противника; этот принцип на самом деле универсален. Идея об отказе от агрессивного военного наступления коррелирует со стремлением создать инфраструктурный комплекс, при котором критерий затратности и эффективности нападения на КНР окажет эффект сдерживания-устрашения

(deterrence), что присуще и китайским оппонентам. Современная военная стратегия Китая представляет переосмысленный вариант «идейных максим» Дэн Сяопина. В классическом виде это ряд его базовых внешнеполитических установок: «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад». В современных условиях, подчеркнуто приписывая себя к числу развивающихся и уязвимых стран, КНР не против поддержания неопределенности относительно масштабов своих военных преобразований. Тем временем внутри страны давно идет процесс складывания психологии великой державы, более амбициозны и отдельные заявления. В 2004 г. Ху Цзиньтао в докладе «Историческая миссия наших вооруженных сил на новом этапе в новом столетии» говорил об усилении роли Китайской Народной Республики в международной системе безопасности. Популярна и логична точка зрения, что культура милитаризма Китая отличается от западных моделей, подобно как разнится философия классических стратегических игр — вэйци (го) и шахмат. Метод мышления с опорой на стратегию го действительно отражен в китайской военной истории. Также логично выглядит точка зрения американских синологов Д. Гомперта и Ф. Сондерса, которые считают, что внешняя политика Китайской Народной Республики формально основывается на пяти принципах мирного сосуществования («панча шила» — взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга, неприменение агрессии, невмешательство во внутренние дела друг друга, взаимная выгода и равенство, мирное сосуществование) и конфуцианстве, в то время как на практике ей применяются методы политического реализма.

Китайское руководство понимает, что существование в рамках особой реальности, пропитанной духом «избранничества» Срединного государства в духе последнего столетия династии Цин невозможно, внешнеполитическая среда обуславливает

рост расходов на военную модернизацию. Исходя из этого, Китай прежде всего опирается на стратегию уклонения от прямой конфронтации. Естественно, что уклонение в тактическом плане не способно нивелировать общего наступательного тренда в деятельности противника; в китайских действиях следует усматривать глобальный аспект. Китайская глобальная стратегия неотделима от стабильной политической системы и преемственности политического курса. В этом Китайская Народная Республика действительно отличается от своих западных оппонентов. Поэтому следуя за традиционной военной мыслью, основанной на постулате, что «возможность победы заключена в самом противнике» , Китай готов долгими десятилетиями наблюдать за действиями внешнеполитических противников. Преимущество стратегии заключается в грамотной оборонной политике и уход от парадигмы, задуманной неприятелем и использование его ошибок. Из цепи на первый взгляд кажущихся оборонительными шагов китайский стратег стремится выплести для агрессора «удушающее кружево». Китай занимается наращиванием сил, создавая потенциал для адекватного сдерживания. В свою очередь, логика китайского ядерного оружия и ядерного сдерживания вообще — не линейна, но парадоксальна: готовность нанести удар возмездия в качестве свидетельства о мирных намерениях (превентивный удар) становится следствием «дилеммы безопасности» (“security dilemma”).

Ядерный фактор в военной политике КНР привязан к проблематике американо-китайского противоборства в АТР. В силу географической удаленности США от восточно-азиатского ТВД, Соединенным Штатам выгодны отсутствие стабильности военно-политической обстановки и вероятность военного столкновения между ключевыми игроками АТР. Во-первых, такого рода дестабилизация усложняет процесс «разрастания» китайского влияния. Во-вторых, наличие очагов нестабильности, самым ярким из которых является ситуация на Корейском полуострове, создает для них возможность скоротечного изменения *status*

quo в свою пользу в случае эскалации кризиса. Вместе с тем, активное участие США в жизни АТР на экономико-дипломатическом уровне позволяет Соединенным Штатам успешно конкурировать за экономическое влияние и оставаться лидирующим звеном двусторонних и многосторонних площадок обсуждения текущих вопросов региона.

Если рассматривать действия США глазами китайского стратега, то складывается определенное впечатление. Прежде всего, китайцы убеждены, что до конца осознают мотивы действий американцев, их цели, их видение конечного итогового результата, который являет собой недопущение превращения и так мощной державы, КНР, в политико-идеологический центр Азии. Также китайцы понимают, что перестройка сложившейся в эпоху холодной войны системы безопасности в АТР подразумевает сближение Соединенных Штатов с такими государствами, как Мьянма, Индия, Вьетнам, и, конечно, поддержание отношений с традиционными партнерами, возрождение блока АНЗЮС. В рамках политики передового развертывания (forward-deployed diplomacy) США проводят курс на окружение (“hedging”) КНР цепью из государств, разместивших американские военные базы, а также обладающими базами, которые могли бы послужить «запасными» для американских в случае необходимости. Это страны, с которыми США связаны оборонными обязательствами и уже развернутой американской военной инфраструктурой, как Япония, Южная Корея, Австралия, и государства с в текущее время реализуемыми проектами — Сингапур, Филиппины. Звеньями этой цепи также являются американские базы на островах Гуам, Гавайских и Диего Гарсия. Такая политика проводится параллельно с наращиванием возможностей в области ПРО. Для пекинских стратегов очевидно, что логика американских действий «толкает» КНР к наращиванию военных возможностей в духе гонки вооружений. Китай видит, что США продолжают эксплуатировать один из ключевых козырей традиционной либерально-демократической

парадигмы развития международных отношений. Ценности, которые трудно опровергнуть минуя острой критики на дипломатическом уровне, по сути должны претворяться в жизнь на американских условиях. В рамках этого функционирование АТЭС как форума экономик создает невыгодный для борющейся с сепаратизмом КНР прецедент. В Пекине понимают, что американская администрация решает сразу две связанные между собой группы задач. Первая связана с внутриполитической обстановкой: управлением психологическим состоянием электората и учетом интересов ВПК, и осуществлением предвыборной борьбы в частности. Вторая группа задач — это обеспечение реальных интересов США в регионе. На фоне переплетения экономических и военно-политических факторов, американская администрация видит в перспективе угрозу своим доминирующим позициям в глобальном охвате.

Как отмечено выше, одним из очагов систематической нестабильности вблизи китайских границ является ситуация на Корейком полуострове. Прежде всего, нестабильность и иррациональность северокорейского режима «объясняет» военное присутствие и усилия США по развертыванию ПРО ТВД. В китайских публикациях в основном подчеркивается лежащая на поверхности точка зрения, что развертывание ПРО с американским участием прежде всего направлено против двух других игроков — КНР и России. Возможность падения северокорейского режима генерирует атмосферу выжидания момента изменения *status quo*, когда от сторон потребуются молниеносные реакционные действия. Очевидно, что Китай не стремится к эскалации военного конфликта вокруг КНДР, поскольку при общих равных условиях со временем способен полностью поглотить Северную Корею экономически. Подход американской стороны на Шестисторонних переговорах, хотя формально миротворческий, заключается в применении комплекса дестабилизирующих шагов. В этих условиях, возможная интернационализация и милитаризация внутриполитического кризиса в Северной Корее

способна создать опасность вертикальной и горизонтальной ядерной эскалации. Учитывая, что исход конфликта по американскому сценарию неприемлем для Пекина, поражение войск ближайшего Шеньянского военного округа могло бы обусловить задействование ядерных боезарядов.

Китайский ядерный фактор в международном контексте. Сегодня не существует договоренностей, количественно ограничивающих наступательный ракетно-ядерный арсенал КНР. Более того, ряд факторов, как югославская военная кампания (как практика интервенционизма), выход администрации Дж. Буша-мл. из американо-российского договора по ПРО в 2002 г. и последовавшее развертывание национальной системы противоракетной обороны (НПРО) и региональных ПРО ТВД, вероятно, послужили мощным толчком к его развитию. В том же ключе можно рассматривать и политику Пекина в области контроля за нераспространением ЯО и разоружения. Сегодня КНР, как и другие «легальные» (и «нелегальные») ядерные державы, официально делает упор на ожидание разоружения ядерных монополистов до уровня, сопоставимого с остальными странами. Известно, что включению самого Пекина в режим ДНЯО предшествовал длительный период неопределенности. В адрес Пекина нередко звучит критика по поводу расшатывания ядерной монополии постоянных членов Совета Безопасности ООН, в частности, по поводу способствования обретению ЯО Пакистаном в целях сдерживания Индии, передачи ядерных технологий Алжиру и Ирану. Если США, СССР и Великобритания были в числе первых подписантов ДНЯО, то Китай и Франция присоединились к нему лишь в 1992 г. В любом случае, вхождение в ДНЯО в момент, когда США и РФ уже были заняты вопросами сокращения ядерных арсеналов, отчасти сгладило их количественный отрыв с психологической точки зрения.

На фоне «реформ открытости» и в рамках общего пересмотра внешнеполитического имиджа, в 1980–1990-е гг. КНР активно стремилась включиться в международно признанные

структуры. Это обусловило ее переход к внешне ярко выраженному кооперационизму в ядерной сфере. В 1984 г. Китай стал членом МАГАТЭ. Однако по большей части предпринимаемые меры были неполными. Встраиваясь в новые для себя условия, Пекин стремился сохранить пространство для маневра и фактически балансировал на грани кооперации и сохранения своих амбиций. Хотя подписанный им в 1996 г. договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) так и не был ратифицирован (как не был одобрен и американским Конгрессом), тем не менее, считается, что с того момента соблюдается мораторий на их проведение. Также в рамках включения в институциональную структуру ядерного нераспространения, в 1997 г. КНР присоединилась к Комитету Цангера, в 2004 г. — к Группе ядерных поставщиков (ГЯП). Китайская Народная Республика не присоединилась к Режиму контроля ракетных технологий (РКРТ), но заявила о формальном соблюдении его принципов. Она поддержала резолюции СБ ООН №1540 и №1887 и сегодня выступает активным апологетом движения разоружения, но окончательно не связала себя обязательствами не проводить новых ядерных испытаний.

Упомянутый выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО вызвал негативную реакцию КНР и породил две основные группы последствий. Во-первых, активизировались разработки китайского противоракетного оружия. Считается, что в начале 2007 г. Китай провел успешное испытание противоспутникового оружия (запуск противоспутниковой ракеты, поразившей метеоспутник). Во-вторых, КНР критиковала начавшиеся в американском обществе дискуссии по выходу из Договора еще в период президентства У. Клинтона, на Конференции по разоружению в Женеве 1999 г. Тогда Цзян Цземинь говорил о нарушении глобального равновесия и об опасности активизации гонки вооружений в «новых сферах». Позднее, на Конференции в 2000 г., он уточнил, что выход США из Договора по противоракетной обороне спровоцирует милитаризацию открытого космоса,

и выдвигал китайский проект соглашения по ее недопущению. Однако отсутствие прогресса на переговорах по ПРО обусловило свободу рук Пекина в этом направлении. В частности, это отразилось в финансировании Пекином долгосрочной программы по развертыванию в космическом пространстве глобальной спутниково-навигационной системы «Бэйдоу», что создает базу для дальнейшей милитаризации космического пространства.

Пока не достигнуто ощутимого прогресса и на переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов. Позиции Вашингтона и Пекина диссонируют как раз в силу разногласий относительно увязывания договора по расщепляющимся материалам с режимом недопущения милитаризации космоса. Проблема имеет долгую историю, но приобрела новое качество с ростом китайских экономических возможностей. Идеи о подписании универсального договора о запрете на производство расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) зародились еще в 1950-е гг., в 1993 г. ГА ООН приняла резолюцию №48/75L, призывавшую к проведению переговоров по этой проблеме. КНР идею сразу поддержала, однако в увязке с проектом Договора о предотвращении гонки вооружений в открытом космосе (PAROS). США с этой позицией не согласились, блокируя попытки продолжения переговоров в рамках Конференции по разоружению в Женеве. Кроме того, КНР сразу сделала акцент на невозможности подписания ДЗПРМ на дискриминационных по сравнению с Соединенными Штатами и Россией условиях. Таким образом, с теоретической точки зрения, сегодня КНР не связана условиями международного договора, ограничивающего ее право на производство расщепляющихся материалов для ядерных боеголовок.

В том же ключе раскрывается и китайский подход к проблемам ядерного разоружения. Как отмечено выше, КНР на доктринальном уровне всегда придерживалась позиции неприменения ядерного оружия первыми и исключительно оборонного характера своих ядерных сил. КНР считает, что американо-российский процесс разоружения далек от достижения

сопоставимого с китайскими ядерными силами уровня, и до определенных пор должен «логически» оставаться в двусторонней плоскости. Уникальность положения КНР среди других членов ядерной «пятерки» состоит в ее исторической и культурно-политической обособленности. Во-первых, с точки зрения участия в процессе ядерного разоружения (за счет отрыва США и СССР/РФ). Во-вторых, за счет отсутствия близости, как между Великобританией и Францией, или Великобританией и США. В-третьих, КНР настаивает на собственном понимании прозрачности (транспарентности) ядерных сил — акцентируя внимание на ясности принципа неприменения ЯО первыми в противовес «не таким ясным намерениям западных стран», а не посредством раскрытия военно-технических характеристик своего ядерного арсенала. Вопрос о возможном включении Пекина в числе других стран-обладателей ЯО в многосторонний переговорный процесс по ядерному разоружению представляет новое, перспективное, но далеко не беспроблемное пространство для размышлений. Среди российских исследований выделяется анализ А. Г. Савельева, с точки зрения оценки реальных перспектив и «подводных камней» имплементации данной идеи. В частности, автор отмечает объективные причины по сути стагнации в дальнейшем российско-американском переговорном процессе, основанном на порожденном конфронтационностью биполярной эпохи принципе «стратегической стабильности». А. Г. Савельев указывает на сложность включения в такую систему третьих ядерных стран, так как это поместило бы последних в некомфортные и «не отработанные» для них условия. Пока трудно представить и практическую реализацию распространения принципов договора РСМД 1987 г. на более широкий круг участников. Отельный предмет для анализа может составить международно-правовое положение ядерных государств за рамками ДНЯО. Однако, при определенных обстоятельствах, мировые «лидеры» в ядерной сфере способны предложить остальным членам ядерного клуба приемлемые

и интересные условия. С учетом динамизма изменений международно-политической конъюнктуры, такую перспективу исключать нельзя, так как любая идея должна пройти этапы осмысления, переосмысления и трансформации.

Развитие ядерного потенциала в рамках общего внешнеполитического курса КНР может продолжаться по трем основным путям. Вопрос китайской внешней, и, особенно, военной политики привлекает все больший интерес со стороны китайской общественности. Отчасти, наметившийся плюрализм мнений выглядит управляемым со стороны Китайской Коммунистической Партии. Первый подход коррелирует с устойчивым трендом в сторону антизападного национализма. Подразумевается фундаментальное количественное и качественное наращивание ЯО, дальнейшая милитаризация прибрежных акваторий, возможность военного решения территориальных споров. Как удачно отметил глава Центра изучения ЮВА, Австралии и Океании РАН Д. Мосяков, феномен превращения КНР среди прочих из государств, зависимых от западных колониальных держав, в страну, способную самостоятельно влиять на мировые процессы, произошел буквально на глазах одного поколения и тем самым породил ощущение их особой успешности и прогресса. Такая позиция популярна среди патриотически настроенных слоев населения и в военно-промышленных кругах, настроенных на лоббирование своего производства. Второй путь подразумевает акцент на участие в мировом движении к глобальному ядерному нулю и вписывается в общественные настроения в духе прозападного либерализма и космополитизма. Он наименее реалистичен и распространен среди диссидентских, прозападно-ориентированных слоев населения мегаполисов, членов заграничных диаспор. Третий подход к дальнейшему пути развития ядерной политики КНР можно охарактеризовать как «центристский» и наиболее рациональный. Важно понимать, что первая точка зрения находит поддержку среди политической элиты страны по объективной причине. В маоистской

концепции государства общество и партия в большой степени опираются на армию. Глава Центрального военного совета — номинально первое лицо государства (кем и оставался Мао Цзедун до последних дней, хотя утратил пост Председателя КНР по истечении конституционно установленного срока).

Существует множество отечественных и западных публикаций, свидетельствующих о военном росте КНР. Примечательно, что российские количественные оценки военного потенциала КНР иногда масштабнее, чем западные. Например, В. И. Есин пишет: «… ядерный потенциал КНР явно недооценивается мировым сообществом… уже сейчас КНР является третьей после США и России ядерной державой, которая, несомненно, обладает техническими и экономическими возможностями, позволяющими при необходимости быстро нарастить ее ядерную мощь…>. В публикациях наметилась устойчивая тенденция к работе по направлению поиска перспектив включения КНР в многосторонний переговорный процесс по сокращению и ограничению вооружений (в частности, среди отечественных публикаций выделяются работы А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина).

Интересно мнение авторитетного автора Э. Люттвака, который анализирует общий военный рост КНР с точки зрения логики «большой» стратегии. В кратко- и среднесрочной перспективе (на «тактическом» уровне), наращивание военного бюджета Китая выглядит органичным для его руководства. Однако на глобальном уровне это создает почву для негативных оценок, которые не могут быть преодолены за счет проявлений мягкой силы. Люттвак проводит отдаленную параллель с Германией конца XIX — начала XX в., отмечая, что упор на развитие культурного и экономического (но не в силу демпингования и протекционизма) влияния с позиций долговременной стратегии является истинно мудрым. Заслуживает внимания его мысль, что внешнеполитический подход в духе реализма классических трудов Сунь-Цзы и вообще собрания трактатов военных канонов династии Сун «У-Цзин» не учитывает фактора

восприятия КНР внешнеполитическим оппонентом, обладающим иной идентичностью в отличие от исторических: из этого следует, что попытки разрешения застарелых территориальных споров в рамках «реальной» логики, и путем переговорного «торга» обречены на провал и дополнительное наслоение на конфликт негативного психо-социального пласта.

На основании приведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, вступление КНР в ядерный клуб 16 октября 1964 г. стало плодом осознанных многолетних усилий китайского руководства, которые были обусловлены особенностями развития международного порядка и материально-технической базы вооружений лидирующих стран, ощущением реальности ядерной угрозы, амбициями КНР, наличием средств к получению чувствительных данных. Ключевая роль принадлежит отголоскам противоборства США и СССР, нашедшего отражение в конфликтах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, неизменная политика «минимального ядерного сдерживания» уязвима для критических комментариев, поскольку отсутствуют подтверждающие ее официальные данные. Экспертные оценки о количественном составе стратегической триады КНР широко разнятся. Парадоксальным образом, Пекин блюдет атмосферу секретности, вероятно, считая ее дополнительным сдерживающим фактором.

В-третьих, современный экономический рост КНР предоставляет дополнительную возможность для наращивания военного бюджета. Этому же благоволит реальное ощущение угрозы извне, которое формирует позиции военных кругов, в частности, объективное наличие внешних факторов — давние Тайваньская и Аруначал-Прадешская («Южнотибетская») проблемы, нестабильность на Корейском полуострове, споры в Южно-Китайском море, возобновление интенсивности военной политики США в АТР. Последнее отмечено налаживанием качественно новых отношений США со странами АСЕАН с при-

ходом к власти администрации Б. Обамы (в то время как президентство Дж. Буша-младшего оценивалось как «потерянное десятилетие» для сотрудничества). К этому добавлено наличие американских военных баз и ПРО в регионе, а также непрекращающиеся трения вокруг поставок американских систем вооружения на Тайвань.

В-четвертых, в отечественных и иностранных публикациях наметилась тенденция к проработке планов по удовлетворению потребности в вовлечении КНР в диалог по ограничению и сокращению вооружений. Объяснимое нежелание Пекина раскрывать свои ядерные секреты будет сталкиваться с настойчивыми призывами, что представляет мультивариантный потенциал для развития ситуации.

В-пятых, в условиях трансформации мировой системы безопасности и потребности адаптации режима ДНЯО, наиболее рациональным подходом для КНР видится плавное дистанцирование от парадигм, предлагаемых ее глобальным оппонентом. Не будучи связанной международными соглашениями, формально ограничивающими ее ядерные разработки, КНР обладает возможностью для широкого маневрирования. Вероятно, Китай не будет делать резких количественных скачков в производстве ядерных вооружений, продолжив концентрироваться на их качественных характеристиках. Основной круг государств, через которых Китай способен участвовать в ядерном сдерживании с Соединенными Штатами, расположен у его границ. Модернизируя обычные вооружения, Пекин нацелен на вероятные конфликтные вспышки в регионе с применением обычных вооружений, оставляя ядерное сдерживание в качестве обрамляющего фактора, последнего средства, применение которого может стать итогом намеренной эскалации конфликта противником. Целью Китая, которой он будет упорно придерживаться в дальнейшем, останется уклонение от лобового столкновения и путем продуманных реакционных действий обернуть усилия стратегического соперника против него.

М. В. Харкевич
Стратегическая картина мира с позиции современных государств

Анализ современных концепций национальной безопасности позволяет очертить представление ведущих государств об условиях безопасности в современном меняющимся мире и определить основные подходы государств к обеспечению этих условий. К задаче определения общего и частного в существующих представлениях государств о национальной и международной безопасности в современном мире автор подходит через анализ официальных доктрин и концепций национальной безопасности (обороны) на долгосрочный период.

В исследовании было рассмотрено 6 документов: 1) Новый Обзор оборонной стратегии США «Сохранение глобального лидерства США. Приоритеты для Вооруженных сил в XXI веке» от 2012 г. (SustainingU.S.GlobalLeadership: Prioritiesfor 21st CenturyDefence, 2012); 2) «Сильная Британия в эпоху неопределенности: национальная стратегия безопасности» от 2010 г. (впервые в истории)(A Strong Britain in an Age of Uncertainty. The National Security Strategy, 2010); 3) «Диверсифицированное использование военных сил Китая» от 2013 г. (The Diversified Employment of China's Armed Forces, 2013); 4) Национальная стратегия обороны «Мир и безопасность для Бразилии» от 2008 г. (NationalStrategyofDefence. PeaceandsecurityforBrazil, 2008); 5) Национальная стратегия безопасности Японии

от 2013 г. (впервые в истории) (NationalStrategyofDefence. PeaceandsecurityforBrazil, 2008); и 6) Военная доктрина Российской Федерации от 2010 г.(Военная доктрина Российской Федерации, 2010) Все перечисленные документы составлены по образцу американских стратегий национальной безопасности, в которых дается представление о стратегической картине мире, определяются цели национальной безопасности, угрозы для нее и пути достижения целей через преодоление угроз.

Стратегическая картина мира как универсальное понятие. Во всех анализируемых документах основной характеристикой современного мира утверждается неопределенность. В условиях неопределенности естественным становится активной подход к обеспечению национальной и международной безопасности. Активная позиция заключается в позитивной повестки дня национальной и международной безопасности. Государства определяют безопасность не просто как отсутствие угрозы, но как распространение и утверждение в мире определенных ценностей, структур; увязывают безопасность с экономическим развитием. Западные государства также связывают безопасность с политической свободой. Безопасность, таким образом, приобретает нормативное содержание, что естественно для ситуации неопределенности.

Неопределенность в мировой политике связана с высокой скоростью изменений, значительным усилением за счет новых информационно-телекоммуникационных технологий ранее слабых акторов, а также ослаблением структуры мировой политики. После окончания холодной войны институциональные и нормативные структуры мировой политики находятся в ослабленном состоянии, что создает возможность для более сильных акторов мировой политики навязать свой институциональный дизайн и нормативный код мировой политике. Основной вопрос мировой политики сегодня заключается в том, ценностям и интересам каких государств или негосударственных образований будет соответствовать институциональная

и нормативная структура мировой политики XXI века. Этот вопрос отражен и в анализируемых документах. Государства четко определяют в них ценностное и институциональное содержание мира, который бы наилучшим образом обеспечивал бы их безопасность.

Западные государства продолжают ориентироваться на либеральную модель международных отношений, в основе которой лежат ценности политической, экономической и институциональной свободы, прав человека и капиталистической модели экономического развития.

Россия и Китай, а также частично Бразилия во главе своего списка ценностей помещает суверенитет и территориальную целостность. Повестку дня государств БРИК[200] в сфере безопасности не следует рассматривать как негативную. Данные государства активно воспроизводят в своей политике фундаментальные ценности и институты Вестфальской модели мира, которая стала складываться с Вестфальских мирных договоров 1648 года в Европе и окончательно кристаллизовалась в Уставе ООН в 1945 году, распространившись на весь мир. Основной ценностью данной модели является независимость (автономия), а основным институтом — суверенитет.

Объединив и проанализировав документы по трем вопросам: цели, угрозы, средства, — можно выделить общее и частное в подходах ведущих государств к национальной и международной безопасности.

Цели и целеполагание различных акторов. Соединенные Штаты выстраивают свою оборонную стратегию вокруг идеи открытости регионов и доступа к глобальным ресурсам общего пользования. Основа безопасности США, согласно документу, заключается в сохранении и укреплении глобального лидерства Вашингтона. Системное условие глобального лидерства США

200 Индия пока не разработала свою стратегию национальной безопасности.

заключается в наличии свободы доступа в регионы мира и к глобальным ресурсам. Политика государств и процессы, которые приводят к ограничению доступа в какой-либо регион мира или к глобальным ресурсам подрывают возможности США проецировать свое влияние в любую точку мира, обеспечивая его развитие и решение возникающих проблем и конфликтов в соответствии со своими национальными интересами.

Процессы, ограничивающие доступ влияния в регионы, главным образом состоят, согласно документу в распространении оружия массового поражения, особенно ядерного оружия. Такое оружие изолирует регион. Примером может служить Северная Корея. Идеальной со стратегической точки зрения для США является ситуация «ядерного ноля».

Вторая важная идея документа заключается в определении киберпространства как сферы, в которой у США есть реальные (равные или близкие по силе) конкуренты, тогда как морское и воздушное пространство США рассматривают как сферу своего полного военного доминирования. Стратегия ведения военных действия в конкурентном пространстве должна отличаться от стратегии операций в неконкурентном пространстве.

Третья идея документа заключается в необходимости в условиях кризиса сокращать государственные расходы на национальную оборону при сохранении ее эффективности. Экономизация обороны основана на трех принципах: сохранение возвратного военного потенциала, использование сетевого подхода к сдерживанию и проведению военных операций, а также «умная оборона». Сохранение возвратного военного потенциала позволяет не расходовать значительные средства на оборону в мирное время и обеспечивает готовность нарастить требуемый военный потенциал для решения возникшей задачи в кризисное время.

Сетевой подход к реализации стратегии сдерживания и проведению операций военного и кризисного реагирования позволяет эффективно распределять усилия и ресурсы,

концентрировать достаточное их количество в локальных, но принципиальных местах. При этом система управления в рамках сетевого подхода имеет не иерархичную архитектуру.

«Умная оборона» заключается в объединение и специализации ресурсов и возможностей государств-членов НАТО для решения задач безопасности. Такой подход позволяет переложить часть материального бремени на плечи союзников, а также использовать их уникальные возможности и навыки.

Таким образом, условиями глобального лидерства США, а значит и их безопасности, признаются в Новом обзоре оборонной стратегии СШ А региональная открытость, ресурсная доступность и экономичность вооруженных сил.

Великобритания впервые в своей истории в 2010 г. издала стратегию национальной безопасности «Сильная Британия в эпоху неопределенности: национальная стратегия безопасности». Основным условием своей безопасности Великобритания видит экономическое процветание и сохранение свободы, тесно увязывая в упомянутом документе вопросы экономического развития, демократии и национальной безопасности. Безопасность и экономическое процветание образуют положительную зависимость. «Без безопасности, инфраструктуры и возможности для наших граждан свободно живать свою жизнь основы нашего процветания, торговли, промышленности, бизнеса и образования будут подорваны», говориться в Стратегии (A Strong Britain in an Age of Uncertainty. The National Security Strategy, 2010, p. 22). Увязывание вопросов безопасности и экономического развития наблюдается в бразильской концепции национальной безопасности(National Strategy of Defence. Peace and security for Brazil, 2008). «Национальная стратегия обороны является продолжением национальной стратегии развития. Граница между развитием и обороной размывается».

Интересным моментом для понимания стратегической картины мира представляется позиция Китая по вопросу безопасности и экономического развития. Китайский стратеги-

ческий документ предполагает использование вооруженных сил для строительства инфраструктурных объектов (The Diversified Employment of China's Armed Forces, 2013).

Угрозы в восприятии различных акторов. Несмотря на различие в ценностных кодах угрозы и вызовы национальной и международной безопасности данные государства воспринимают примерно одинаково. Классические угрозы международной безопасности, связанные с войнами между государств, особенно между великими державами, уходят для них постепенно в прошлое. Первое место в списке угроз занимают, как правило, новые вызовы и угрозы современности: распространение ядерного оружия, терроризм, внутригосударственные конфликты.

Перечисленные выше угрозы, в целом, сегодня можно рассматривать как риски, причем риски вполне контролируемые. Действительно, попадание ядерного оружия в руки террористов может представлять экзистенциальную угрозу для существования всей политической системы мира и ее лидеров. Однако, на сегодняшний день примеров утечки ядерного оружия из рук государств нет. Внутригосударственные конфликты в государствах «глобального Юга» также создают угрозы для развитых государств. Тем не менее, эти угрозы, как правило, носят экономический и гуманитарный характер. Терроризм, не смотря на всю его несправедливость и преступность, остается скорее информационным оружием политического влияния на общественное мнение и правительство, нежели реальной военной угрозой для развитых государств. Развитые государства от терактов несут преимущественно экономические потери. Кроме того, в связи с необходимостью ограничения ряда гражданских свобод в целях обеспечения безопасности в развитых странах Запада обостряются противоречия между свободой и безопасностью, что потенциально может привести к изменению политических ценностей Запада. Абсолютное большинство жертв терактов — это сами мусульмане. Вероятность реализации планов исламистов в форме всемирного халифата ничтожна.

Академический мир воспринимает перечисляемые в рассматриваемых документах угрозы и вызовы относительно скептично.

Согласно данным Уппсальского университета основная часть вооруженных конфликтов в современном мире действительно приходится на внутригосударственные конфликты, преимущественно на гражданские войны. Принято считать, что причина такого резкого увеличения количества гражданских войн после окончания холодной войны связана с высвобождением из-под давления жесткой биполярной структуры мировой политики внутригосударственных этнических и религиозных конфликтов. Однако, одно из наиболее авторитетных и часто цитируемых исследований по этому вопросу (Fearon&Laitin, 2003) доказывает, что рост количества гражданских войн объясняется постепенным накоплением конфликтных противоречий в различных государствах с 1950, 1960-х гг. Дж. Фирон и Д. Леитин показали, что вероятность возникновения гражданской войны высока в государствах, характеризуемых бедностью, политической нестабильностью, пересеченным рельефом местности и большим населением. Таким образом, профилактика гражданских войн должна заключаться не наращивание военного оборонного потенциала, в борьбе с бедностью, строительством устойчивых государственных институтов и укреплением легитимности политических режимов.

Терроризм рассматривается в академических работах скорее как зависимая переменная. Количество террористических атак в мире, по данным Global Terrorism Database, было на пике в конце холодной войны (около 5000 инцидентов), затем произошел резкий спад до 900 терактов в 1998 г., который сменился драматическим ростом числа терактов с 2004 г. до 5000 тыс. в 2010 г. Данные статистики, таким образом, демонстрируют зависимость количества терактов от политики великих держав. В ходе холодной войны США и СССР поддерживали деятельность нерегулярных военных формирования в странах третьего мира против недружественных режимов. К примеру, именно

при поддержке США сформировалось движение Талибан в Афганистане, с которым теперь Америке самой приходится вести войну. Рост количества терактов в мире с 2004 г. связан с военной кампанией США в Ираке. Можно сделать парадоксальный вывод: условием сокращения терактов в мире является миролюбивая политика великих держав (особенно в отношении мусульманских государств), в том числе отсутствие поддержки с их стороны террористических организаций. К схожему выводу приходит и классик исследований проблем мира Й. Галтунг (Galtung, 2002). Если это действительно так, то угроза терроризма становится вполне контролируемым явлением (Abrahms, 2006). При этом необходимо помнить о сохраняющейся инерции насилия после крупных войн, в которых участвуют нерегулярные военные силы. Высока вероятность того, что радикализированные участники боевых столкновений будут искать новые горячие точки. Миролюбивая политика великих держав может быть невозможной в условиях радикализированного контекста.

Относительно распространения ядерного оружия ситуация также неоднозначно тревожная. За последние 27 лет количество единиц ядерного оружия сократилось в 4 раза, с 70 000 в 1986 г. (пиковый показатель) до 17 325 в 2013 г. Все ядерное оружие принадлежит государствам. При этом вероятность того, что какое-либо государство передаст его террористам крайне мала (Lieber&Press, 2013). При такой передаче государство не сможет остаться анонимным, распространителя ядерного оружия можно будет установить с высокой вероятностью. Поэтому выйти из парадигмы гарантированного возмездия за счет перенесения ответственности на негосударственных посредников вряд ли возможно.

Распространение ядерного оружия происходило только между государствами. При этом данный процесс имеет скорее стабилизирующий характер для отношений между государствами, которые получают это оружие. В качестве примера можно привести отношения между Пакистаном и Индией до и после появления у них ядерного оружия. Конфликтности

в отношениях стало меньше, а ответственности больше. Возможно, что распространение ядерного оружия в Иран стабилизирует Ближний Восток (Waltz, 2012)

Вооруженные конфликты по типу, 1946–2012 гг., Уппсальский университет[201]

Террористические инциденты в мире, 1970–2010 гг., Global Terrorism Database[202]

[201] http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/196/196107_conflict_types_2012jpg.jpg

[202] http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?start_yearonly=&end_yearonly=&start_year=1970&start_month=&start_day=&end_year=2012&end_month=&end_day=&asmSelect0=&asmSelect1=&dtp2=all&success=yes&casualties_type=b&casualties_max=

Количество ядерного оружия в мире, 1945–2011 гг.[203]

Таким образом, вызовы и угрозы, обозначенные в рассматриваемых стратегиях национальной обороны и безопасности, носят скорее не военный, а политический характер и поддаются контролю. Физическую угрозу развитым государствам представляют другие развитые государства, техногенные и природные катастрофы.

Средства противодействия угрозам. Основным средством противодействия обозначенным в рассматриваемых

[203] http://armscontrolcenter.org/issues/nuclearweapons/articles/fact_sheet_the_history_of_global_nuclear_stockpiles/

Количество ядерного оружия в мире по странам по состоянию на 2013 г.[204]

Государство	Развернутое стратегическое оружие	Нестратегическое оружие	Неразвернутые боеголовки	Общее количество единиц оружия	Тренд
США (2013)	1950	200	2650 (+3000 ожидают разоружения)	7700	Сокращение
Россия (2013)	1800	0	2700 (+4000 ожидают разоружения)	8500	Сокращение
Великобритания (2011)	< 160	—	65	225	Сокращение
Франция (2011–2012)	< 300	50	—	298–300	Сокращение
Китай (2013)	—	—	240–300	300	Увеличение
Индия (2013)	—	—	80–100	80–100	Стабильно
Пакистан (2013)	—	—	90–110	90–110	Стабильно
Израиль (2013)	—	—	80 (200)	80 (200)	Увеличение
Северная Корея (2013)	—	—	< 10	< 10	Увеличение
Общее количество единиц ядерного оружия в мире 17 325					

[204] http://armscontrolcenter.org/issues/nuclearweapons/articles/fact_sheet_global_nuclear_weapons_inventories_in_2012/

документах угрозам является классическая стратегия сдерживания. Сдерживание требует значительных бюджетных расходов.

5 основных продавцов оружия с делением по основным покупателям и типам вооружений, 2008–2012 гг., SIPRI

5 основных покупателей оружия с делением по основным продавцам и типам вооружений, 2008–2012 гг., SIPRI

Военные расходы по государствам в 2012 г., SIPRI

Rank			Spending,	Change (%)		Spending as a share of GDP (%)[a]	
2012	2011	Country	2012 ($ b.)	2011–12	2003–12	2012	2003
1	1	USA	682	*–6.0*	*32*	*4.4*	*3.7*
2	2	China	[166]	*7.8*	*175*	[*2.0*]	[*2.1*]
3	3	Russia	[90.7]	*16*	*113*	[*4.4*]	[*4.3*]
4	4	UK	60.8	*–0.8*	*4.9*	*2.5*	*2.5*
5	6	Japan	59.3	*–0.6*	*–3.6*	*1.0*	*1.0*
6	5	France	58.9	*–0.3*	*–3.3*	*2.3*	*2.6*
7	8	Saudi Arabia	56.7	*12*	*111*	*8.9*	*8.7*
8	7	India	46.1	*–0.8*	*65*	*2.5*	*2.8*
9	9	Germany	[45.8]	*0.9*	*–1.5*	[*1.4*]	*1.4*
10	11	Italy	[34.0]	*–5.2*	*–19*	*1.7*	*2.0*
11	10	Brazil	33.1	*–0.5*	*56*	[*1.5*]	*1.5*
12	12	South Korea	31.7	*1.9*	*44*	*2.7*	*2.5*
13	13	Australia	26.2	*–4.0*	*29*	*1.7*	*1.9*
14	14	Canada	[22.5]	*–3.9*	*36*	[*1.3*]	*1.1*
15	15	Turkey[b]	[18.2]	*1.2*	*–2.1*	*2.3*	*3.4*
		World total	**1 753**	***–0.5***	***35***	***2.5***	***2.4***

[ ] — по оценкам СИПРИ.
a) Показатели доли военных расходов в ВВП основаны на данных МВФ за 2012 г.
b) Возможно, что вместо Турции 15-ое место занимает ОАЭ, но данные по этой стране за 2012 г. отсутствуют.

По данным СИПРИ в первую пятерку государств с наибольшими военными расходами входят США, Китай, Россия, Великобритания и Япония. При этом США значительно отстоят по данному показателю от других государств. Однако по динамике затрат США сокращают расходы (на 6% по сравнению с предыдущим годом), тогда как Китай и Россия наращивают военные расходы, особенно Россия (на 32% по сравнению с 2011 г. и на 113% по сравнению с 2003 г.). У Китая эти показатели 7,8% и 175 % соответственно. Увеличивает свои военные расходы также Саудовская Аравия.

Основой стратегии сдерживания является ядерное оружие. Его сохранение и модернизация остается единственной физической гарантией ненападения со стороны великих держав.

Стратегическую неопределенность представляет киберпространство. Возможность сохранения анонимность атакующего актора создает ощущение безнаказанности, хотя по своим последствиям для систем управления кибер атаки могут быть близки к последствиям ядерного удара.

Интересная стратегия по борьбе с терроризмом предлагается в британской стратегии безопасности (A Strong Britain in an Age of Uncertainty. The National Security Strategy, 2010). Заключается она в концепции «устойчивого общества» (resilientsociety). Предполагается, что гражданское общество должно принимать активное участие в профилактике терроризма, обнаружении террористов, а также противодействию последствий терактов.

Новизна данного подхода заключается в том, что объект терактов (гражданское общество) необходимо не только защищать, но и укреплять его сопротивляемость последствиям терактов.

Выводы для России. Анализ национальных стратегий безопасности и обороны ведущих государств мира позволяет сделать следующие выводы для России:

1. России необходимо стать гейткиппером для Евразийского региона. Россия является региональной державой с ограниченной возможностью проецировать свое влияние на отдельные регионы мира. Как региональная держава России необходимо занять структурную позиции гейткиппера, которая позволяет определять правила входа в и выхода из региона. Лучшим военным инструментом для этой цели в негативном плане является ядерное оружие, в позитивном плане — укреплением военной и экономической интеграции в Евразии (ОДКБ и Евразийский союз соответственно). Событие, которое однозначно поставило Россию в позицию регионального гейткиппера, стало вооруженное столкновение с Грузией в 2008 г. из-за Южной Осетии, после чего процесс выхода Грузии и Украины из

региона приостановился. России необходимо укреплять данную структурную позицию и наращивать свой интеграционный потенциал.

2. России необходимо развивать сотрудничество с США в области кибер безопасности, т. к. США заинтересованы в таком сотрудничестве и будут готовы уступать по другим вопросам двусторонней повестки дня.
3. Увязать задачи укрепления национальной обороны с задачами экономического и политического развития государства.
4. Использовать идею «возвратного потенциала» для сокращения военных расходов в мирное время.
5. Основными пространствами столкновения великих держав в XXI веке станут кибер пространство и космос. России необходимо укреплять свои оборонные и наступательные позиции в данных сферах.
6. Угрозы, связанные с терроризмом, как внутри России, так и за ее пределами решать в долгосрочном отношении с помощью программ социально-экономического развития, а также укрепления государственных институтов.

Я. А. Чижевский
Краткий обзор зарубежных исследовательских прогнозов военно-политического характера

Обзор зарубежных индексов

Global Fire Power Index[205]

Данный проект представляет уникальную аналитическую работу по оценке боевой мощи современных военных держав. Авторы не учитывают ядерный фактор при построении индекса, так как целью исследования является оценка военного потенциала страны в условиях конвенциональной войны на суше, воде и в воздухе с учетом логистики, финансовых показателей и географического расположения. Данный индекс рассчитан на основе 40 различных показателей, взятых с определенными весами. После чего результаты дополняются рядом факторов: военный потенциал страны увеличивается при низком энергопотреблении, снижается — при высоком, наличие прибрежной границы с другими странами также снижает показатель.

Индекс компонуется из 6 блоков показателей: численность сил, наземные системы, воздушная мощь, надводный и подводный флот, ресурсы, логистическое обеспечение, финансовые

[205] http://www.globalfirepower.com/

ресурсы, географические показатели. После чего формируются региональные списки. После учета прочих условий[206] формируется общий рейтинг.

В свою очередь перечисленные блоки включают следующие показатели:

1. **Численность сил**

— Общая численность населения. Показатель является исходной точкой для всех остальных показателей связанных с численностью. Принято считать, что чем больше население, тем больше сил у военной державы.

— Общее число людей, которых можно призвать на войну. Эта величина становится критической в условиях длительных конфликтов.

— Число людей, годных для военной службы.

— Число людей, достигших призывного возраста, в конкретном году. Этот показатель позволяет оценить боеготовность, так как не всегда при большом населении, значительная его часть может нести службу.

— Количество людей, готовых вступить в бой в данный момент. Именно эти силы являются основой войск, и будут брошены в авангард в случае конфликта.

— Количество резервистов.

2. **Наземные системы.** Системы, заказанные в 2013 г. не учитываются.

— Танки. Этот показатель включает основные боевые танки, противотанковые установки, легкие танки. Независимо от того используются гусеничные или колесные системы танком считается боевая система, оснащенная вооружением крупного калибра, установленного на вращающейся башне, разработанная для уничтожения бронетехники противника.

[206] Источниками данных являются: US Library of Congress; CIA.gov/CIA World Factbook; EIA.gove; Wikipedia.com; energy.eu; SIPRI.org.

— Бронетранспортеры.
— Самоходные артиллерийские орудия.
— Буксируемые артиллерийские установки.
— Реактивные системы залпового огня.
— Переносные огнеметы.
— Переносные противотанковые системы.
— Машины, обеспечивающие сухопутные войска снабжением и отвозят раненых в тыл.

3. Воздушная мощь

— Общее число самолетов, беспилотных летательных аппаратов.
— Вертолеты.
— Общее число работающих аэродромов, которые можно использовать для экономических и военных целей.

4. Надводный и подводный флот. Показатель страны, не имеющей выхода к морю, не снижается при отсутствии флота.

— Показатель общего числа кораблей, включает авианосцы, противолодочные корабли, большие сторожевые корабли, малые сторожевые корабли, торпедные катера, дозорные лодки, десантные плавающие транспортеры.
— Число авианосцев.
— Число противолодочных многоцелевых кораблей.
— Большие сторожевые корабли.
— Малые сторожевые корабли.
— Подводные лодки.
— Суда береговой охраны.
— Противоминные корабли.
— Суда, предназначенные для десантных операций.

5. Ресурсы

— Производство баррелей нефти в день.
— Потребление баррелей нефти в день. С ростом этого показателя снижается общий индекс.
— Доказанные запасы нефти.

6. Логистическое обеспечение

— Количество рабочей силы.

— Количество торговых судов. Эти суда перевозят пассажиров и грузы в мирное время, но могут использоваться в качестве боевых кораблей в военное.

— Количество портов и терминалов на территории страны.

— Дорожное покрытие. Чем больше приемлемое дорожное покрытие на территории страны, тем лучше инфраструктура, что обеспечивает более высокую мобильность армии (км).

— Железнодорожное покрытие (км).

7. Финансовые ресурсы (долл. США).

— Объем военного бюджета

— Объем внешнего долга. С ростом объема внешнего долга общий индекс снижается.

— Объем золотовалютных резервов.

— Паритет покупательной способности.

8. Географические показатели

— Размеры территории (км^2). Чем больше территория, тем больше ресурсный потенциал, количество пересекающих территорию торговых путей и т. д.

— Протяженность береговых линий (км). Неясно то, как этот показатель влияет на общий индекс, т. к., с одной стороны, длинные береговые границы открывают доступ к глубоководным, шельфовым ресурсам, с другой стороны, чем длиннее береговая граница, тем больше расходов вынуждена нести страна на обеспечение охраны этой границы.

— Протяженность сухопутных границ (км). Неясно то, как этот показатель влияет на общий индекс, т. к., с одной стороны, длинные сухопутные границы позволяют заключать союзы с соседними государствами, тем самым создавая буферные зоны (зоны безопасности), с другой стороны, чем длиннее сухопутная граница, тем больше расходов вынуждена нести страна на обеспечение ее охраны.

— Протяженность внутренних морских путей (км).

9. Рейтинг боевой мощи на региональном уровне

Место в списке	Африка	Азия и Тихоокеанский регион	Европа	Ближний восток	Северная Америка	Южная Америка	Скандинавия
1	Египет	Россия	Великобритания	Израиль	США	Бразилия	Швеция
2	Эфиопия	КНР	Франция	Иран	Канада	Аргентина	Норвегия
3	ЮАР	Индия	Германия	Саудовская Аравия	Мексика	Венесуэла	Дания
4	Нигерия	Южная Корея	Италия	Сирия		Колумбия	Финляндия
5	Алжир	Турция	Украина	Йемен		Чили	
6	Кения	Пакистан	Польша	Иордания		Парагвай	
7	Ливия	Индонезия	Испания	ОАЭ		Уругвай	

На сайте индекса можно осуществить сравнение двух любых стран.

Одним из наиболее популярных примеров является сравнение показателей США и РФ[207].

Окончательный рейтинг стран по «боевой мощи» также опубликован на странице сайта[208]. Россия занимает второе место в списке, после США.

Human security index[209]

При построении индексов исследователи сталкиваются с рядом традиционным рядом проблем. Эксперты ООН выделили следующие проблемы, которые им необходимо было решить при построении индекса безопасности 2010: 1) где искать

[207] http://www.globalfirepower.com/countries-comparison-detail.asp?form=form&country1=United-States-of-America&country2=Russia&Submit=Compare+Countries

[208] http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp

[209] http://www.humansecurityindex.org/

данные; 2) после того, как прототип индекса продемонстрировал жизнеспособность, как повлияет на результаты изменение дизайна; 3) как увеличить точность и значимость входящих переменных; 4) как совместить; 5) как добиться того, чтобы показатели имели одновременно нормальное распределение, при максимальном включении всех казусов.

Индекс безопасности ООН включает три блока: экономическую, экологическую безопасность и социальную составляющую безопасности. И может быть составлен для трех уровней: международного, национального и субъектного.

Компоненты индекса:

1. **Возможность получения информации**. Учитываются «свобода слова», включающая свободу собраний и вероисповедания, и «свобода самовыражение», которая включает доступ к медиа-ресурсам. Этот показатель подсчитывается на основе информационного и коммуникационного показателей, представленных Международным союзом телекоммуникаций ICTEye[210]:
   - количество выделенных телефонных линий;
   - количество абонентских номеров в расчете на 100 человек;
   - количество выделенных интернет линии;
   - количество выделенных интернет линии в расчете на 100 человек;
   - количество абонентов, использующих высокоскоростной (широкополосный) интернет;
   - количество абонентов, использующих высокоскоростной (широкополосный) интернет в расчете на 100 человек;
   - процент интернет пользователей;
   - количество абонентов сотовых сетей;
   - количество абонентов сотовых сетей в расчете на 100 человек;

[210] http://www.itu.int/net4/itu-d/icteye/

и показателя свободы прессы[211], подсчитанного «репортерами без границ», на основе следующих показателей:

— количество убитых журналистов за год;
— количество убитых работников СМИ;
— количество убитых блогеров и представителей гражданских СМИ;
— количество заключенных под стражу журналистов;
— количество заключенных работников СМИ;
— количество заключенных блогеров.

2. **Контроль над коррупцией/Управление.** Для оценки показателя коррупционной составляющей общества не используется наиболее популярный индекс transparencyinternational[212], который рассчитывается на основе экспертных оценок с учетом рейтинга страны в соответствии с данными:

— African Development Bank Governance Ratings (AFDB) 53
— Bertelsmann Foundation Sustainable Governance Indicators (BF-SGI) 31
— Bertelsmann Foundation Transformation Index (BF-BTI) 128
— Economist Intelligence Unit Country Risk Ratings (EIU) 138
— Freedom House Nations in Transit (FH) 29
— Global Insight Country Risk Ratings (GI) 175
— IMD World Competitiveness Yearbook (IMD) 59
— Political and Economic Risk Consultancy Asian Intelligence (PERC) 16
— Political Risk Services International Country Risk Guide (ICRG) 140
— Transparency International Bribe Payers Survey (TI) 29
— World Bank — Country Performance and Institutional Assessment (WB) 67
— World Economic Forum Executive Opinion Survey (WEF) 147

---

211 http://en.rsf.org/
212 http://www.transparency.org/research/cpi/overview

— World Justice Project Rule of Law Index

Эксперты ООН используют для характеристики коррупционной составляющей индекс контроля над коррупцией[213], построенный Всемирным Банком на основе опросов общественного мнения.

3. **Защита окружающей среды.** Для оценка этой компоненты индекса используются три показателя: индекс качества окружающей среды, который включает 10 показателей; индекс устойчивого природного развития, который включает 22 показателя[214] (оба индекса разработаны Йельским университетом); список стран, ранжированных по объему выбросов парниковых газов в расчете на одного человека[215] (рейтинг составлен Всемирным институтом ресурсов).
4. **Мир.** Для оценки того, насколько люди чувствуют себя в безопасности, эксперты ООН используют индекс Глобального мира[216], который включает более 20 показателей. Также используются показатели, характеризующие то, насколько общество предотвращает склонность людей к криминальной деятельности: список стран по числу заключенных, список стран по числу людей, находящихся под следствием[217].
5. **Защита и выигрыш от неравенства.** Для описания проблемы неравенства полов в различных странах используется индекс неравенства полов[218], представленный на мировом экономическом форуме. Для описания неравенства в доходах используется коэффициент Джинни[219].

---

[213] http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp
[214] http://epi.yale.edu/
[215] http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_greenhouse_gas_emissions_per_capita
[216] http://www.visionofhumanity.org/
[217] http://www.kcl.ac.uk/depsta/law/research/icps/publications.php?id=6
[218] http://www.weforum.org/women-leaders-and-gender-parity
[219] http://en.wikipedia.org/wiki/Gini_coefficient

Terrorism index[220]

Авторы считают, что данный показатель позволяет оценить степень влияния терроризма на 158 исследуемых стран. Для того, чтобы отследить процесс в динамике в качестве показателя индекса для каждой страны используется среднее арифметическое значений этого показателя за пять лет. База данных составлена Национальным консорциумом по изучению терроризма и ответных действий, Университет Мериленда[221].

Для формирования индекса отслеживается 4 показателя: ***общее число террористических атак за год; общее число погибших в результате террористических атак за год; общее число раненых в результате терактов за год; общий урон, нанесённый имуществу.***

Index of Major Conflicts since 1700[222]

Данная интернет страница описывает абсолютное большинство международных конфликтов, переворотов и революций в хронологическом порядке и дает представление о коалиционных взаимодействиях в истории. В ряде случаев описываются о внесистемные участники международных конфликтов (Ansral-Islam, KomalaIslamiKurdistan, MahdiArmy, etc.)

The Dirty WarIndex[223]

Данный индекс представляет инструмент оценки обеспечения медицинской помощи и соблюдения прав человека, а также позволяет отслеживать развитие вооруженного конфликта. Основные проблемы, связанные с построением данного индекса заключаются в неполноте выборки и отсутствующих данных[224].

---

[220] http://www.visionofhumanity.org/#page/indexes/terrorism-index/2011

[221] http://www.visionofhumanity.org/#/page/about-gti

[222] http://www.worldstatesmen.org/WARS.html

[223] http://www.plosmedicine.org/article/info%3Adoi%2F10.1371%2Fjournal.pmed.0050243

[224] Hicks MH-R, Spagat M (2008) The Dirty War Index: A public health and

Обзор зарубежных моделей военно-политической обстановки на международной арене[225]

Оценка национальной мощи является крайне важным аспектом при формировании курса развития государства[226]. С одной стороны, оценка национальной мощи является неотъемлемой компонентой сравнения потенциала стран, с другой стороны, такая оценка позволяет систематически обосновать концепции «биполярности», «баланса сил» и т. д. Существует ряд причин, ввиду которых национальную мощь сложно измерить. Первая причина заключается в наличии разницы между потенциальным и реальным положением страны. Эта разница закладывается в оценки при рассмотрении таких параметров, как возможности, умения и навыки (например вооруженных сил), которые весьма сложно количественно измерить. Второй проблемный момент заключается в том, что мощь нельзя мерить в деньгах, особенно, если речь идет о различных политических системах[227]. Третья проблема заключается в том, что количество сил и средств не всегда однозначно характеризует потенциал страны. Для развивающихся стран большое население — это скорее бремя, чем

human rights tool for examining and monitoring armed conflict outcomes. PLoS Med 5: e243. doi:10.1371/journal.pmed.0050243.; Taback N, Coupland R (2007) The science of human security. Med ConflSurviv 23: 3–9. doi: 10.1080/13623690601084518.; Little RJA, Rubin DB (2002) Statistical analysis with missing data. 2nd edition. New York: John Wiley. 408 p.; Taback N, Painter R, King B (2008) Sexual violence in the Democratic Republic of the Congo. JAMA 300: 653–654. doi: 10.1001/jama.300.6.653.

[225] http://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf

[226] David A. Baldwin, «Power and International Relations», Walter Carlsnaes, Thomas Risse, Beth A. Simmons, etc.

[227] David A. Baldwin, «Power Analisys and World Politics», New Trends versus Old Tendencies», World Politics 31 (1979), pp. 161–94.

ресурс. Более того, парадокс силы свидетельствует о том, что сильные страны иногда проигрывают в конфликте со слабыми[228]. Дж. Харт выделяет три основных подхода к оценке потенциала страны в международных отношениях (далее — МО): контроль над ресурсами, контроль над акторами, контроль над событиями и результатами (исходами)[229]. По мнению исследователя, третий подход является наиболее удачным, т. к. позволяет оценить взаимосвязи и коалиционные взаимодействия. Тем не менее, третий подход имеет и свои недостатки, т. к. не позволяет оценить предпочтения акторов, принимающих решения.

Задача, связанная с построением индекса национальной мощи, осложняется двумя наиболее важными проблемами: вопросом о соотношении между компонентами индекса и вопросом о наличии взаимосвязи между входящими переменными. Индекс оценки национальной мощи, по мнению многих исследователей, не должен быть сложным (в плане построения).

Обзор отечественных моделей военно-политической обстановки на международной арене

В начале XX в. геополитика представляла собой гуманитарную науку. Наиболее известные геополитические модели (Х. Макиндер, К. Хаусхофер, С. Хантингтон, З. Бжезинский и др.), — гуманитарные концепции, направленными на качественное описание тенденций мирового развития. Эти модели не способны количественно описывать динамику социальных процессов.

В своей работе А. А. Акаев и С. Ю. Малков предлагают осуществить переход от гуманитарных концепций к количествен-

[228] Baldwin, p. 163

[229] J. Hart, «Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations», International Organization 30(1976), pp. 289–305.

ному моделированию[230].

S(t)= FA (t) G(t), где *S(t)* — статус в момент времени *t*; *FA* — «функция влияния», определяющая совокупное влияние указанных выше факторов, не связанных явно с геополитическим потенциалом; *G(t)* — геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0{,}5\ (1 + X_M^{0.43})\ X_T^{0{,}11}\ X_D^{0{,}19}\ X_E^{0{,}27},$$

Где X_i *(i = T, D, E, M)* — доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно.

А. И. Подберезкин выделяет в качестве составляющих мощи (внешнеполитического потенциала):

— демографию и по качество НЧК;
— объем и качество ВВП;
— уровень развития технологий;
— численности и качество ВС, ВиВТ;
— идеологическое лидерство, привлекательность модели развития;
— наличие СЯС и систем ВКО, систем ВТО, прежде всего, ВТО–КР, гиперзвуковых ЛА, беспилотников (в т. ч. ударных) и т. д.
— географическое и геополитическое положение.

Примечательно и то, как многие авторитетные эксперты определяют критерии, которые будут определять могущество государств к 2030 году. К традиционному «набору» элементов государственной мощи — объему ВВП, военных расходов, масштабу торговли и энергетических запасов и др. — добавляются три ключевые фактора: лидерство в интернет-технологиях и связи, исследованиях и разработках, а также качестве человеческого капитала.

---

[230] А. А. Акаев, С. Ю. Малков «Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования».

Раздел 2.
Определение стратегических угроз на различных этапах развития военно-политической обстановки

К. П. Боришполец
Вводные комментарии

Определение основных опорных показателей развития военно-политической обстановки тесно взаимосвязано с решением другой методической проблемы профильного прогнозирования — разработкой методов определения военно-политического и стратегического характера внешних и внутренних военных угроз на текущий и прогнозируемый период. Это соответствует общему тренду отечественной военной мысли, которая находится в активном поиске новых решений, позволяющих упорядочить систему военного планировании и наделить ее эффективным аналитическим аппаратом. Имеющиеся материалы предлагают два научных подхода различающихся по своему содержанию и структуре.

Смысл первого из них (подробно представленного в первом разделе — М. В. Александров, Д. А. Дегтерев, А. А. Казанцев) состоит в обобщении основных характеристик потенциала «жесткой силы» с целью построения математической модели прогнозирования развития военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ на уровне широкой международной среды и, прежде всего на постсоветском пространстве. В рамках этого подхода опорными категориями прогностического моделирования выступают показатели и критерии, отработанные в русле реалистической парадигмы анализа межгосударственного взаимодействия на международной арене. В частности, для

логического обобщения используются понятия: «сила государства», «система международных отношений», «национальная безопасность», «национальные интересы», «баланс сил», а также соотношение категорий «сила» и «национальные интересы». В качестве основных ориентиров деятельности по укреплению потенциала страны предлагается изменение баланса сил либо поддержание статус-кво путем проведения различных стратегий: наращивание собственной силы, ослабление оппонентов, достижение с оппонентами соглашений о взаимных самоограничениях. При этом состояние статус-кво всегда рассматривается оппонентами как некий переходный период, вследствие чего баланс сил претерпевает постоянные, хотя и различные по масштабам изменения. В контексте изменения баланса сил и могу меняться базовые представления о национальной безопасности как совокупности факторов, обеспечивающих жизнеспособность государства в системе международных отношений. К постоянным факторам относятся территория государства, природные ресурсы и климатические условия, демография, экономика, способность к обороне и некоторые другие. Если государство не способно обеспечивать национальную безопасность, оно рано или поздно прекращает свое существование. Факторы национальной безопасности тесно перекликаются с компонентами силы государства, любое существенное изменение баланса сил не в пользу данного государства создает угрозу его национальной безопасности. И напротив, изменение баланса сил в пользу данного государства укрепляет его национальную безопасность. Важным является также то, что угрозы национальным интересам одновременно являются угрозами национальной безопасности и наоборот. В то же время угроза национальной безопасности может возникать, независимо от действий внешних факторов. Она может появиться как результат ошибочной, непродуманной политики властей (или в целом элиты) конкретного государства. Ошибки в различных областях политики, экономики, демографии, межнациональных отноше-

ний могут негативно сказываться на факторах национальной безопасности, подрывать силу государства.

Основные принципы построения математической (квантифицированной) модели заключаются в подборе индикаторов для измерения силы в ее количественном и качественном измерениях. К количественным параметрам силы государства относятся такие факторы как: размер территории, природные ресурсы, людские ресурсы, объем экономики, численность вооруженных сил и т. д., а к качественным параметрам: научно-технический потенциал, интеллектуальный потенциал, морально-политическое состояние общества, особенности национального характера, эффективность государственного управления и некоторые другие факторы. Исчисление качественных параметров силы — более сложная задача, но тоже вполне решаемая. Эти параметры можно исчислять в относительных величинах, применительно к какому-нибудь условному эталону.

Особую роль при построении модели играют вводимые показатели военной силы (количество и качество военной техники, численность, уровень подготовки личного состава и его морально-политическое состояние, эффективность системы военного управления, возможности мобилизационного развертывания, систему военной логистики и другие специфические факторы). В различные времена роль военной силы в реализации национальных интересов оценивалась по-разному. Но идеализация экономического или гуманитарного измерения силы в последние годы продемонстрировала явную несостоятельность. В этой связи показатели исчисления военной силы предполагают постоянный мониторинг.

Функционирование модели в контексте ее использования для планирования развития российского потенциала, также определяется путем мониторинга. Он распространяется на систему сравнений параметров военной силы РФ и ее союзников с соответствующими параметрами силы вероятных противников, что позволит сделать вывод о существовании или

отсутствии на конкретном временном этапе нарушения баланса сил не в пользу РФ и определить присутствует ли угроза национальной безопасности страны. Принципиальным моментом здесь является математическое выражение того состояния, при котором баланс сил можно считать критически нарушенным. Не исключено, что выработка такой величины в современных условиях достижима главным образом на основе экспертных оценок.

Предлагаемый проект математической модели имеет особое значение для региональных конфликтных ситуаций, имеющих, как правило, внутреннюю природу, но их обострение зачастую связано с вмешательством в ситуацию внеригиональных игроков, пытающихся таким образом упрочить свои геополитические позиции и осуществляющих вмешательство в самых разных формах, нарушающих в конечном итоге региональный баланс сил. В регионах, жизненно-важных для РФ, региональное соотношение сил должно быть такое, чтобы потенциальный противник не имел никаких иллюзий в отношении возможностей достигнуть там победы путем применения военной силы или использования силы для прикрытия вмешательства во внутренние дела стран региона. Отсутствие достаточной военной силы в том или ином регионе, например, вокруг Сирии, ослабляет возможности РФ по реализации своих интересов в данном регионе и, главное, затрудняет противодействие изменению регионального баланса сил.

Жизненно-важными регионами для России являются: северо-западное направление (Белоруссия и Прибалтика), Украина, Закавказье, Центральная Азия, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток, зона Персидского залива и Дальний Восток. В каждом из этих районов имеются потенциальные очаги напряженности, могущие в любой момент взорвать региональную стабильность. Позитивные возможности математической (квантифицированной) модели для определения военно-политического и стратегического характера внешних и внутренних

военных угроз на текущий и прогнозируемый период заключаются в уточнении представлений об уровне силы (силового присутствия), необходимого для отстаивания национальных интересов РФ в каждом из конфликтных регионов. Кроме того, прогностические характеристики модели позволяют уточнять результаты развития конфликтных ситуаций в условиях различных вариантов событийной динамики: одностороннего усиления присутствия (российского или оппонентов), ослабления присутствия оппонентов или формирования дружественной коалиции. Таким образом, в рамках общей математической модели глобального баланса сил целесообразно осуществить построение комплекса локальных блоков, отражающие баланс сил в регионах, жизненно важных для РФ, что позволит сочетать ведение военно-политического прогнозирования на глобальном и на региональном уровне мирового пространства.

Второй подход к разработке методов определения военно-политического и стратегического характера внешних и внутренних военных угроз отражает тенденции, формирующиеся в русле информатизации военного искусства и практики (В. А. Рубанов). Он является продолжением линии по созданию Центра передовых исследований и разработок и концентрации отечественных усилий в сфере обороны, размещения заказов и организации проведения перспективных НИОКР, а также взаимодействия с научным и технологическим сообществом по вопросам применения получаемых результатов в военных и гражданских целях с учетом опыта зарубежных стран, прежде всего США (проект DARPA), а также перспектив реализации прорывных направлений исследований и разработок по линии проекта. DARPA, связанных с высокой степенью функционального риска. При разработке тематики ведения работ по модернизации оборонной сферы необходимо учитывать результаты оригинальных российских исследований основных направлений информационно-коммуникационных технологий на период до 2030 года. Наибольшее влияние на уровень национальной

безопасности и экономической конкурентоспособности будет оказывать прогресс в информационно-коммуникационных и суперкомпьютерных технологиях, нанотехнологиях, новых материалах и живых системах. При этом основной эффект будет достигаться на стыке указанных технологий в междисциплинарных областях, с выходом на производство продуктов для самых различных сфер не только военной, но и гражданской деятельности.

В этой связи деятельность по вопросам модернизации и инноваций должна быть скоординирована с проектами и программами других институтов развития, соответствовать своей тематикой основным направлениям его исследований и разработок.

Важную роль должно сыграть также создание центра компетенции по вопросам разработки, производства, логистики, послепродажного обслуживания и утилизации промышленной продукции в цифровой формат в военно-промышленном комплексе и оборонной промышленности, создание центра трансфера технологий, созданных по заказам министерства обороны РФ, развитие кадрового обеспечения модернизации оборонной сферы — ключевой вопрос государственной политики.

Предлагаемые структурные изменения, целесообразные для качественного повышения информационного обеспечения деятельности по профессиональному восприятию и реагированию на внешние и внутренние военных угрозы должны сочетаться с проведением последовательной линии по согласованию процессов международного сотрудничества и национальных интересов в сфере информационной безопасности (В. А. Рубанов). России необходимо повышать способность к борьбе с вызовами кибертерроризма, оптимизировать отечественные возможности использования ресурсов Интернет в контексте его влияния на внешнюю политику, продолжать действия по выстраиванию сотрудничества в области международного управления Интернетом

В целом, начало XXI века охарактеризовалось появлением нового вида войн, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а посредством воздействия на его морально-психическое состояние. В результаты смены технологических укладов и принципиальных изменений в ролях участников системы международных отношений происходит смещение конфликтов между государствами в направлении информационно-сетевых войн или войн седьмого поколения (В. А. Рубанов), когда информационное пространство вместе с сушей, морем, воздухом и космосом становится театром военных действий.

Принципиально важным для понимания феномена «информационной войны» является преимущественная концентрация внимания на когнитивных основаниях, а не на технологических средствах, когда стратегическая мысль, образы сознательного восприятия проблема безопасности относительно опережает развитие технологического мышления. Такая оценка сущности и перспектив «информационной войны» отличается от широко распространенных «технологизированных» представлений. Авторитетные зарубежные эксперты четко определяют подобное состояние, указывая, что приоритетная направленность средств информационного воздействия на разум противника, в силу чего «информационная война» переводится на уровень «войны знаний». К средине нулевых годов парадигма информационной войны как войны знаний стала распространенной в профессиональной среде и совпала с повышением роли когнитивного направления в комплексе технологий шестого технологического уклада.

Симптоматично внимание Министерства обороны США к смене парадигмы научно-технического развития и его интеграции с общественными гуманитарными науками и находит свое отражение в проектах по линии (DARPA). В большинстве публично представленных приоритетных направлений просматривается устремленность математики в междисциплинарную

предметную область, а избираемые для решения обозначившихся проблем требуют высочайшей математической культуры. Неотъемлемым элементом адаптации общественных возможностей к потребностям стратегического развития военного потенциала США является поиск «правильных людей» с нужными талантами и способностями, приобретающий характер глобальной «охоты за головами». Откликом на эти проблемы явилась разработка и начало реализации в 2009 году новой научной политики администрации Б. Обамы, в которой предусмотрены комплекс масштабных мер по развитию фундаментальных наук, повышению качества математического и естественно-научного образования.

Проблема интеллектуально-творческих предпосылок глобального движения к социальным системам, основанным на знаниях, укладывается в одно из положений российской Стратегии-2020, где указывается на необходимость осознания новой реальности: прежняя конкуренция людей за юрисдикцию страны сменяется сегодняшней конкуренцией государств за созидательно-творческих личностей. Это означает, что интеллектуально-творческие кадры становятся важнейшим компонентом системы обеспечения национальной безопасности РФ и развития ее оборонного потенциала, а кадровое обеспечение модернизации военной сферы становится отправной точкой государственной политики.

Усиление роли человеческого фактора в военном противоборстве, превращение инфосферы в новый театр военных действий, разработка и практическая реализация концепции сетецентрической войны привела к принципиальным изменениям в логике целеполагания и формирования заказа на разработку вооружений и военной техники (ВВТ), а также организации материально-технического обеспечения вооруженных сил. В основе этой логики лежит принципиальная установка на системообразующее значение идеи превосходства бойца на поле военных действий. На достижение этой цели

направлена система планирования и организации процесса управления разработкой и реализаций программы вооружений в США.

В целом, сетевое могущество обществ, государств и корпораций уже в ближайшее время будет определяться не количеством бит информации, а возможностями смысловой обработки данных и управления смысловыми аспектами коммуникаций в глобальных сетях. Создатели универсального инструментария для международных и междисциплинарных коммуникаций (когнитивный ISO — стандартизатор и оптимизатор среды общения), имеют высокие шансы занять лидирующие позиции в области когнитивных технологий и обеспечить себе превосходствов информационном пространстве как потенциальной сфере противоборства государств.

Примером, полезным в универсальном контексте прогнозирования является анализ военно-политической обстановка в АТР (В. А. Салтыковский), которая вызывает все большую озабоченность. Конструктивным опытом является, в частности, разработка вопроса о соотношении объективных и субъективных факторов в формировании и изменении тенденций. Конкретный эмпирический материал обуславливает интересное заключение о возможности замедления или ускорения хода событий при сохранении их главного вектора даже в условиях смены лидера авторитарного режима. Если общая структура международной системы и внутристрановой ситуации остается стабильной (отсутствие массовых протестных настроений), то и перемены в высшем руководстве не приводят к качественному скачку в развитии обстановки, а правящие круги достаточно успешно встраивают организационные и технологические компоненты современных ОМУ в нерыночную экономику. В этой связи достижение ядерного статуса каким-либо членом мирового сообщества за рамками «ядерного клуба», может рассматриваться как фактор консервации конфликтных рисков международной

безопасности вне зависимости от укрепления стратегической стабильности. Конфликтный потенциал в АТР, несмотря на функционирования таких механизмов управления ситуацией как многосторонние переговоры, экономическое сотрудничество и культурные связи, остается в обозримом будущем источником военных вызовов региональном и глобальном измерениях.

Занчительный общий интеерс представляет прикладное исследование «Центральноазиатские вызовы и угрозы для Российской Федерации» (Я. А. Чижевский), в котором обобщение большого эмпирического материала удачно реализуется на основе применения квантифицированных методик обработки информации. Ее результаты нетривиальны по содержанию и убедительны по своему смыслу, поддаются верификации — что особенно важно для практиков. Разработка особенно актуальна в преддверии вывода американских войск из Афганистана.

Таким образом, разработка методов определения характера стратегических угроз на различных этапах развития обстановки не может ограничиваться ориентацией на традиционные оценки потенциала силы и мониторинг силового баланса во всемирном и/или региональном масштабах. Понятие баланса сил как метода регулирования/ управления международным взаимодействием приобретает не только новое содержательное наполнение, но и принципиально новое качество. Это качество предполагает максимизацию возможностей индивидуального человеческого компонента военной мощи на основе сочетания технологической оснащенности и формирования персонального креативного восприятия болевой или, напротив, не боевой обстановки. Хотя решение декларируемых на уровне военного руководства США задач достижимо лишь в гипотетической перспективе, их смысловое содержание создает на современном этапе новый тренд развития военного искусства и когнитивной сферы стратегической деятельности.

М. В. Александров
Россия на постсоветском пространстве: 2013–2014 гг.

Актуальные вызовы для России. В период 2013–2014 годов постсоветское пространство остается важнейшим для России регионом в системе международных отношений. Это объясняется тем, что именно на постсоветском пространства сосредоточены наиболее важные национальные интересы РФ и концентрируются наиболее опасные угрозы этим интересам. Поэтому, не имея здесь преобладающего влияния, Россия не сможет эффективно ни реализовывать важные для нее интересы, ни противостоять существующим угрозам. К тому же, только путем консолидации влияния на постсоветском пространстве Россия сможет восстановить свою роль мирового центра силы, способного успешно конкурировать с другими аналогичными центрами — США, Евросоюзом и Китаем.

Главной особенностью нынешнего положения России на постсоветском пространстве является укрепление ее роли как безусловного лидера в данном регионе. Это связано как с внутренними, так и с внешними причинами.

Во-первых, политическое руководство России в целом определилось с основным вектором своей внешнеполитической стратегии, сделав упор на создание собственного центра силы в Евразии путем реинтеграции стран бывшего СССР и, возможно, создания в перспективе системы военно-политического

присутствия на ближайшей периферии постсоветского пространства (Иран, Сирия, Кипр).

Конечно, этот процесс идет противоречиво, с некоторыми попятными движениями, вызванными сопротивлением западно-либерально крыла российской элиты, отстаивающего альтернативный курс, связанный с интеграцией России в западную цивилизацию. Однако на фоне продолжающегося мирового экономического кризиса и размывания ценностной основы западной цивилизации позиции этого крыла постепенно ослабевают.

Во-вторых, деградация экономического и морально-политического лидерства Запада, вызванное указанными событиями, привело к изменению соотношения сил в мире не в пользу западной цивилизации. Привлекательность западной модели несколько ослабла, что не могло не сказаться и на ситуации на постсоветском пространстве. В этих условиях усилия Запада, направленные на укрепление своего влияния в регионе при помощи инструментов «мягкой силы», в целом провалились.

Особенно наглядно это проявилось в ходе подготовки и проведения саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре прошлого года. По существу, этот саммит закончился фиаско. Армения заявила о своем присоединении к Таможенному союзу еще в сентябре 2013 года и тем самым закрыла себе дорогу к соглашению об Ассоциации с ЕС. Украина, главная страна, на которую делали ставку в Евросоюзе, от подписания договора об Ассоциации в последний момент отказалась. Азербайджан заключил с Евросоюзом какое-то малозначительное соглашение по визовым вопросам.

Договоры об Ассоциации парафировали лишь Молдова и Грузия. Причем, Грузия объявила о своем намерении вступить в НАТО и ЕС уже достаточно давно, так что парафирование данного документа ничего не добавило к уже существующему положению. Ну, а подписание соглашения Молдовой еще не

гарантировано, так как такой шаг усугубил бы раскол с Приднестровьем. Поэтому не известно, как поведет себя молдавское руководство, когда настанет момент реально ставить подпись под документом и вообще доживет ли нынешнее молдавское руководство до тех времен.

Таким образом, оторвать основную часть участников «Восточного партнерства» от России путем их втягивания в Ассоциацию с ЕС не удалось. А это означает не больше, не меньше, провал восточной политики Евросоюза, направленной на укрепление своего влияния на постсоветском пространстве. Произошло это не без противодействия Россия. И тот факт, что Москвы смогла в целом нейтрализовать поползновения Евросоюза на территории бывшего СССР говорит о том, что баланс сил в регионе изменился в пользу России. Брюссель и НАТО уже не могут рассматривать возможность экспансии в регионе как нечто само собой разумеющиеся. Им придется более тщательно продумывать свою политику и вкладывать в нее гораздо больше ресурсов. Вопрос в том, найдутся ли у них необходимые для этого ресурсы?

Украинское направление. Наибольшую опасность для военно-политического и стратегического положения РФ представляет ситуация на Украине. Экономическое положение страны остается сложным. Перспективы его улучшения отсутствуют. Политическая элита Украины, пытающаяся сохранить собственный суверенитет, проводит политику лавирования между Россией и Западом. В отсутствие достаточных собственных ресурсов для поддержания суверенитета эта политика рано или поздно должна была привести к политическому кризису. И этот кризис разразился.

Ситуация усугубляется вмешательством Запада в украинские дела. Запад, понимающий стратегическую значимость Украины для России, бросает большие ресурсы на то, чтобы не допустить ее встраивания в евразийскую экономическую интеграцию. На эту цель направлен целый арсенал многочисленных

инструментов «мягкой силы», которая, как показали события в Киеве, может «продвигать» весьма жесткие действия.

С другой стороны, Запад в условиях экономического кризиса, интегрировать Украину в свои экономические структуры не в состоянии. Он даже не в состоянии экономически подпитывать суверенитет Украины. У Запада хватает ресурсов лишь для проведения информационно-политических операций на Украине в антироссийском ключе. При этом Запад пытается организовать дело таким образом, чтобы суверенитет Украины оплачивался Россией. С этой целью Запад постоянно провоцирует Россию то совместными военными учениями с Украиной, то втягиванием Украины в НАТО, то различными антироссийскими политическими проектами типа ГУАМ. Вот и последние события в Киеве вынудили Москву пойти на уступки Украине по экономическим вопросам, чтобы не дать упасть правительству Януковича в тот момент, когда Россия еще не готова к активному вмешательству в украинские дела.

В последнее время на Украине также активизировался Китай. Своими инвестициями, займами и совместными проектами Пекин помогает Украине поддерживать экономический, а следовательно, и политический суверенитет. Конечно, Пекин делает это не бескорыстно, а стремясь к собственной выгоде. Однако никаких консультаций с Россией по этому вопросу китайская сторона не проводит, что объективно подыгрывает интересам Запада на Украине.

В этих условиях перспективы интеграции Украины в ТС остаются туманными. И это препятствует полноценной реализации концепции Евразийского экономического союза — центрального элемента программы укрепления российского влияния в мире. Но главное — не в этом. В конце концов, Россия могла бы существенно укрепить свои позиции без участия Украины в Таможенном союзе, но при условии сохранения Киевом военно-политического нейтралитета. Однако форма

нейтралитета, которую осуществляет украинская власть, не вполне устраивает Россию.

До прихода к власти Виктора Януковича нейтралитет Украины был не такой уж нейтральный. В целом ряде случаев Украина проводила враждебную России политику. Вербовка боевиков в Чечню не встречала противодействия украинских властей. Киев внес свой вклад в вооружение режима Саакашвили, а в ходе августовской войны 2008 года украинские наемники управляли системами ПВО Грузии. Тогда же правительство Ющенко попыталось воспрепятствовать использованию Черноморским флотом базы ВМФ в Севастополе для операций против Грузии. Украинская сторона также участвовала в блокаде Приднестровья, нанеся ущерб российским коммуникациям с этим непризнанным государством. К этому следует добавить и регулярное участие Украины в совместных военных учениях с НАТО, в том числе и в Крыму, где базируется российский Черноморский флот.

Такой двусмысленный нейтралитет не отвечает интересам России. А обеспечение реального нейтралитета Украины не может быть достигнуто без нахождения там у власти пророссийски настроенных сил, что в принципе невозможно без активного использования Россией рычагов «мягкой силы» на Украине. К тому же, при активной политике Запада, пытающегося втянуть Украину в свои структуры, такой нейтралитет не может существовать вечно. Если ничего не предпринимать, то рано или поздно прозападные круги возьмут верх в Киеве и втянут Украину в НАТО. А это принципиально ухудшит военно-политическое и стратегическое положение России.

Еще более важна этническая сторона вопроса. Отрыв Украины от России по существу разделил единую русскую нацию на две большие части. И если Белоруссия остается в составе русского интеграционного проекта, то Украина пока выпадает из него. И сейчас на базе украинской части русской нации формируются новая антирусская общность, точно также как в средние века на

базе католицизма была сформирована антирусская общность в Польше. Конечная цель этого проекта — бесконечное дробление русской нации с ее полным последующим уничтожением. Поэтому основные усилия России должны быть направлены на срыв этого проекта в его зародыше. Таким образом, интегрирование Украины в Евразийский экономический союз является важнейшим приоритетом российской политики на постсоветском пространстве.

К настоящему моменту Москве не удалось создать на Украине мощных пророссийских сил, способных противостоять натиску сил прозападных. Работа в этом направлении велась вяло, ресурсы выделялись незначительные, да и расходовались они не очень эффективно. Активность посольства России на Украине вообще малозаметна. Российское руководство предпочитает иметь дело с верхушкой Партии регионов, вместо того, чтобы диверсифицировать свои каналы влияния на Украины и формировать с нуля пророссийские партии и организации. В итоге наши возможности использовать «мягкую силу» на Украине весьма ограничены. И для успешной работы эту «мягкую силу» надо существенно нарастить. Совершенно очевидно, что без активизации российских действий на Украине удержать ее от скатывания в орбиту Запада не удастся.

Между тем, после Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» в украинской элите усиливается раскол. Часть олигархов, сильно связанная с Западом, взяла курс на смещение режима Януковича и полную капитуляцию Украины перед НАТО и Евросоюзом в обмен на личные гарантии. Другая часть олигархата все еще надеется на успех политики лавирования и продолжает поддерживать Януковича. Это привело к обострению внутриполитической борьбы на Украине и реальному силовому противостоянию власти и оппозиции в Киеве. Исход этой борьбы пока не ясен. Общее соотношение сил складывается в пользу Януковича. Однако сам он воздерживается от решительных действий, так как связан с олигархами, имеющими на Западе существенные экономические интересы.

В 2013 году Янукович судорожно пытался найти решение, которое позволило бы ему сохранить власть и в то же время не испортить отношений с Западом. Но окно возможностей для этого сужается. А колебания в конце концов могут привести к потери Януковичем поддержки в силовых структурах. Тогда его режим может пасть. С другой стороны, решительные действия украинскогорежима приведут к санкциям со стороны Запада и появления рисков международной изоляции административной верхушки.

Также у России должен быть план «Б» в случае, если центральное правительство в Киеве падет или утратит контроль над ситуацией и Украина окажется ввергнута в хаос. В такой обстановке реальные властные полномочия перейдут к региональным властям. Данный вариант не является абсолютно неприемлемым для России, поскольку позволил бы укрепить интеграционные тенденции по частям. В любом случае Москва могла бы использовать свои контакты с региональными властями востока и юга Украины для активизации статьи 7 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной.

Прямое военное вмешательство НАТО в эту ситуацию с учетом российских гарантий Украине и военного присутствии в Крыму исключается. В то же время нельзя исключать применения Западом на Украине «сирийского сценария». Поэтому российские силы должны быть готовы для ведения контрдиверсионных и контртеррористических операций. Нужны также консультации с Белоруссией на предмет ее возможного участия в миротворческой операции на Украине. К сожалению, никак не используются механизмы СНГ, которое могло бы осудить противоправную деятельность оппозиции на Украине и вмешательство Запада в украинскую внутреннюю политику.

Прибалтийское направление. Несмотря на кажущееся спокойствие, Прибалтика является весьма взрывоопасным регионом, события в котором способны спровоцировать военный конфликт между Россией и НАТО. Главной проблемой остается

межэтническая напряженность в Латвии и Эстонии между титульными нациями и русской общиной. Под «русскими» данном случае подразумеваются великороссы, белорусы и украинцы.

Прибалтийский регион является традиционным местом проживания русского этноса. Это принципиально отличает Прибалтику от некоторых других районов постсоветского пространства. Число русских в Латвии составляет 32,4%, в Эстонии — 27,5%. Важным моментом является также то, что русское население этих стран живет компактно в ряде ключевых районов. В Эстонии это — восточные районы, где русское население преобладает, и столица Таллин, где русские составляют около половины жителей. В Латвии — это Рига, где доля русских составляет более половины, а также граничащая с Россией Латгалия, где доля русских — около 60%. Таким образом, в каждой из этих стран существует теоретическая возможность развития ситуации по Приднестровскому сценарию.

Беспорядки, которые возникли в 2007 году в Таллине в связи с переносом памятника «Бронзовому солдату» из центра города, наглядно показали к каким опасным последствиям может привести эскалация межэтнических противоречий в странах региона. Если бы Россия в тот момент поддержала протестующих таким же образом, как страны Запада сейчас поддерживают оппозицию на Украине, то ситуация в Эстонии могла быть полностью дестабилизирована.

Тем не менее, в прошлом году со стороны латышских шовинистов была озвучена мысль о возможности сноса памятника советским освободителям Риги. И хотя эта идея не получила поддержки правительственных кругов, такие высказывания накалили обстановку в обществе. Между тем, протесты русского населения в Риге могут превзойти по масштабам то, что произошло в Таллине. И если дело дойдет до межэтнических вооруженных столкновений и погромов русского населения, то Москве сложно будет оставаться безучастной без серьезного подрыва авторитета высшего руководства страны, причем не только в России,

но и на международной арене. Впрочем, развитие событий по такому сценарию в нынешнем году является маловероятным. Однако по мере ухудшения экономического положения Прибалтики русофобия правящих элит этих стран может возрасти и спровоцировать межнациональные столкновения.

Помимо объективных межэтнических противоречий, создающих напряжение в отношениях между Россией и Прибалтикой, существует еще и мощный субъективный фактор. Это — желание прибалтийских элит подпитывать военно-политическую напряженность между Россией и НАТО. Такой подход объясняется стремлением повысить собственную значимость в глазах руководства блока и ведущих военных держав НАТО, прежде всего, США. Если же уровень конфронтации ослабнет, то понизится и значение Прибалтики в военно-политических планах НАТО, а следовательно и их возможность влиять на решения внутри западного сообщества и получать экономическую помощь.

Но это — только одна из причин. Другая состоит в том, что нынешние прибалтийские элиты пришли к власти на волне антисоветизма и русофобии. И весь их последующий курс во внешней политике был связан с максимальным дистанцированием от России и полномасштабной интеграцией в западные структуры. И хотя объективные обстоятельства уже наглядно продемонстрировали несостоятельность этого курса, публично отказаться от него прибалтийские элиты не могут. Это означало бы для них признание собственного поражения и последующую политическую смерть. Ведь если предыдущий курс был ошибочным, то надо менять не только курс, но и тех, кто с этим курсом ассоциируется. То есть отказ от конфронтационной политики в отношении России несет угрозу собственному положению нынешних прибалтийских элит. И они вынуждены продолжать линию на конфронтацию с Москвой, даже вопреки национальным интересам своих стран.

Поэтому руководители стран Прибалтики регулярно провоцируют Москву своими недружественными заявлениями или

действиями, вроде попыток поддержать Саакашвили во время августовской войны 2008 года или затруднить прокладку газопровода «Северный поток». Такая линия неминуемо осложняет не только двусторонние отношения России с Эстонией, Латвией и Литвой, но и повышает градус напряженности в отношениях между Россией и НАТО.

Весьма показательно, что западные державы против такого поведения прибалтийских элит не возражают. Поддержание определенного уровня конфронтации между Прибалтикой и Россией соответствует интересам Запада. Там прекрасно понимают, что объективные экономические интересы стран Прибалтики лежат в большей степени на в России и других странах СНГ. Именно там имеется основной рынок для прибалтийских товаров и услуг. Поэтому если уровень конфронтации понизится, то объективные экономические интересы будут толкать Прибалтику в сторону России и могут со временем даже втянуть эти государства в постсоветские экономические структуры и привести к их выходу из Евросоюза и НАТО.

Таким образом, в прибалтийском вопросе Запад пытается балансировать между двумя крайностями: с одной стороны не допустить втягивания Прибалтики в орбиту России, а с другой не допустить, чтобы искусственно поддерживаемая конфронтация вышла из под контроля и спровоцировала чреду событий ведущих к военному противостоянию между Россией и НАТО. Все это обуславливает сохранение Прибалтики как очага нестабильности вблизи российских границ.

В то же время, представляется, что в Брюсселе и Вашингтоне реалистично оценивают стратегическую ситуацию вокруг прибалтийского региона и понимают, что Прибалтика остается наиболее уязвимым районом НАТО. Это объясняется географическим положением региона, зажатого между Калининградской областью и Белоруссией, а также легко блокируемого с моря. Быстрая переброска крупных сил в Прибалтику с территории ФРГ, Франции, Великобритании и США является невозможной.

В то же время собственные вооруженные силы прибалтийских государств настолько мизерны, что не в состоянии реально оборонять территории своих стран.

Прошедшие в 2013 году военные учения России и Белоруссии «Запад-2013» и НАТО “Steadfast Jazz” показали явный диспаритет сил не в пользу НАТО. Это даже побудило министра обороны Эстонии Урмаса Рейнсалу высказаться в пользу постоянного военного присутствия США на территории Эстонии. Пока американцы публично не отреагировали на эту просьбу, видимо, осознавая реальные сложности по обороне Прибалтики.

Действительно, размещение на постоянной основе крупных военных сил НАТО в Прибалтике чревато возвращением отношений между Россией и Западом ко временам «холодной войны». При этом, как бы Запад не старался нарастить свою группировку в Прибалтике, он не сможет делать это бесконечно и Россия все равно сможет обеспечить превосходство сил на данном театре. С другой стороны, расходование значительных ресурсов на Прибалтику ослабит позиции США и их союзников в других районах мира, которые, возможно, являются более приоритетными для Запада. К тому же в других регионах приложение военных усилий США может дать реальные ощутимые выгоды, в отличие от прибалтийского театра. По этим причинам можно предположить, что НАТО, вряд ли, сейчас пойдет на размещение военных сил в Прибалтике на постоянной основе, несмотря на шаткость военно-политического положения своих прибалтийских союзников.

Молдавско-Приднестровское направление. Молдавско-приднестровский конфликт продолжает оставаться фактором нестабильности на европейской части постсоветского пространства, способным вызвать обострение отношений между Россией и НАТО. Хотя в последнее время уровень напряженности между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР) не очень высок, перспектив урегулирования этого конфликта пока не видно. В силу несовместимости позиций сторон и увеличившихся разногласий между

Кишиневом и Тирасполем, нет оснований полагать, что выход из сложившейся тупиковой ситуации будет найден в обозримом будущем.

Возобновившиеся под давлением посредников и наблюдателей в конце 2011 года после почти шестилетнего перерыва переговоры по урегулированию конфликта в рамках Постоянного совещания по политическим вопросам, более известного как формат «5 + 2», пока ни к каким прорывам не привели. Результатом последовавших в течение 2013 года пяти раундов этих переговоров под украинским председательством стали лишь несколько второстепенных технических договоренностей.

Между тем, в 2013 году отчетливо проявилась тенденция ко все большему размежеванию внешнеполитических курсов Молдовы и ПМР. В то время как Молдова усилила дрейф в сторону Запада, ПМР сближалась с Россией. В частности, продолжилось втягивание Молдовы в военное сотрудничество с НАТО. В июне парламент ратифицировал соглашение о военном сотрудничестве с членом НАТО Румынией, возможно, содержащее секретные положения о военной помощи. В октября правительство Молдовы утвердило решение об отправке контингента из 33 военнослужащих для участия в операции НАТО в Косово. В апреле 2013 года парламент республики, вопреки конституционному статусу нейтралитета, ратифицировал соглашение с Евросоюзом об участии своих военнослужащих в «операциях ЕС по управлению кризисами».

В политическом и экономическом плане Молдова также сдвинулась в сторону Запада. На Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» в ноябре 2013 года делегация Молдовы парафировала договор об Ассоциации с Евросоюзом. При этом Приднестровье не участвовало в этих переговорах и отказалось присоединяться как к Ассоциации, так и к создаваемой договором зоне свободной торговли. В свою очередь Кишинев по требованию ЕС установил вдоль Днестра стационарные погранично-миграционные пункты, тем самым завершив

оформление полноценной государственной границы между Молдовой и ПМР.

Со своей стороны, президент ПМР Евгений Шевчук и вице-премьер России Дмитрий Рогозин на встрече в Москве 25 октября 2013 года подписали совместный протокол, который предполагает новые возможности прямого межведомственного взаимодействия, участия приднестровских предприятий в российском оборонном заказе и системе госзаказа и государственных закупок, а также подключение ПМР к национальным программам РФ. А 25 декабря парламент ПМР одобрил внесенный президентом Шевчуком проект конституционного закона, предполагающего применение на территории Приднестровья российского федерального законодательства. При этом собственное законодательство Приднестровья получает статус, соответствующий уровню субъектов федерации РФ. То есть, по существу, ПМР формирует законодательную базу для быстрого вхождения в состав России на правах автономии. Конечно, дело не столько в этом, сколько в удобстве для функционирования российского бизнеса и организаций на территории ПМР. Но все же политический потенциал данного решения не стоит сбрасывать со счетов.

На фоне явного расхождения внешнеполитических приоритетов Тирасполя и Кишинева совершенно естественным выглядело заявление президента Шевчука на встрече с премьер-министром Молдовы Юрием Лянкэ в германской Баварии 30 октября 2013 года о том, что единственным жизнеспособным и выгодным для всех сторон вариантом урегулирования конфликта является «цивилизованный развод».

При этом какого-то принципиального изменения во внешнеполитической ориентации двух стран в настоящее время ожидать не приходится. В ПМР существует многопартийный консенсус по поводу международных вопросов, включая твердую ориентацию на Москву. В Молдове ситуация развивается более противоречиво, но кардинальный поворот Кишинева в сторону Москвы маловероятен.

С одной стороны, перспективы победы проевропейских партий Молдовы на парламентских выборах в ноябре нынешнего года являются сомнительными. С другой стороны, возможности молдавских коммунистов, декларирующих пророссийские взгляды, завоевать абсолютное парламентское большинство также не выглядят реалистичными. Поэтому, скорее всего, неустойчивое равновесие в молдавских верхах сохранится и в дальнейшем. Это, возможно, отсрочит подписание договора об Ассоциации с Евросоюзом, но не приведет к переориентации Молдовы на вступление в Таможенный союз.

Теоретически нынешнее правительство могло бы попытаться форсировать подписание договора об Ассоциации еще до выборов, чтобы набрать предвыборные очки. Но вовсе не факт, что этот шаг будет позитивно воспринят большинством избирателей, особенно если Россия отреагирует на такое подписание введением заградительных барьеров на молдавскую продукцию и закроет въезд молдавским трудовым мигрантам. (По данным ФМС РФ, в России находится около 550 тыс. трудовых мигрантов из Молдовы, причем половина из них нелегально).

В то же время последние события наглядно продемонстрировали, что сдержать прозападный дрейф Молдовы, используя приднестровский фактор не удается. Кишинев в данном вопросе руководствуется несколько иными соображениями, видимо, стараясь получить максимальные экономические выгоды от сотрудничества с Евросоюзом. Это включает не только облегчение продвижения молдавских товаров в Европу, но и отмену виз на краткосрочные поездки молдавских граждан. Хотя терять российский рынок Молдова, похоже, тоже не собирается.

В настоящее время большая часть молдавской элиты придерживается курса на лавирование между Россией и Западом, пытаясь обеспечить себе преимущества на обоих направлениях. Однозначная переориентация на Запад означала бы потерю многих выгод, которые Молдова сейчас имеет от членства в СНГ и сотрудничества с Россией. Причем эти выгоды пока намного

перевешивают то, что готов предложить Евросоюз. Поэтому не совсем понятно, как молдавское правительство намерено совмещать свое членство в зоне свободной торговли СНГ и в зоне свободной торговли с ЕС. А политика лавирования не может продолжаться бесконечно.

Эта ситуация неопределенности усугубляется проявлением открытых юнионистских настроения в соседней Румынии, направленных на поглощение Молдовы. Данные устремления существуют в Румынии достаточно давно. В прошлом году их озвучил президент страны Траян Бэсеск. Так, 27 ноября 2013 года он заявил, что присоединение Молдовы является новым «фундаментальным национальным проектом» Румынии после уже реализованных — вступления в НАТО и в ЕС. По словам румынского лидера, объединение произойдет не сейчас, но «когда-нибудь».

Примечательно, что данное заявление вызвало негативную реакцию со стороны представителей Европейской комиссии. Бюрократия Евросоюза не очень поддерживает этот сценарий, так как предпочитает иметь в своем подчинении множество мелких государств, которым легче навязывать свою волю. Но при выборе из двух вариантов — вступление Молдовы в Таможенный союз или ее поглощение Румынией, Брюссель, без сомнения выберет второй.

Кроме того, высказывание Бэсеску осудили, как «несвоевременное», премьер-министр Румынии Виктор Понта и глава МИД Румынии Титус Корлэцян. А власти в Кишиневе дали понять, что данное заявление играет на руку коммунистам и Кремлю. Следует отметить в этой связи, что политическая элита Молдовы, за исключением Либеральной и Либерально-реформаторской партий, не демонстрирует публичной поддержки планам присоединения к Румынии.

К тому же, против поглощения Румынией открыто выступают национальные меньшинства Молдовы — гагаузы и болгары, компактно проживающие на юге страны. В случае попытки реа-

лизовать этот сценарий, они грозят провозгласить независимость своих территорий. Причем в прошлом году проявилась тенденция к объединению гагаузов и болгар против прорумынского юнионизма. Была, в частности, реанимирована давняя идея о слиянии Гагаузии и Тараклийского района, где проживают болгары, в цельный регион, условно называемый Буджакская республика. А мэр Тараклии Сергей Филипов неоднократно заявлял, что у Тараклийского района и Гагаузской автономии — единая позиция по вопросу о внешнеполитическом курсе страны, заключающаяся в необходимости интегрироваться в Таможенный союз.

Таким образом, в Молдове образовывается новый потенциальный очаг сепаратизма. Не случайно, председатель парламента Молдовы Игорь Корман на встрече с членами Народного собрания Гагаузии заверил, что все разговоры о возможном объединении с Румынией безосновательны. Он также заявил, что высказывания президента Румынии Траяна Бэсеску об объединении Молдовы с Румынией никто не принимает всерьез ни в Бухаресте, ни в Кишиневе, ни в Брюсселе, ни во всем мире.

Характерно, что это заявление вызвало резкую реакцию посла Румынии в Кишиневе Мариуса Лазурки, который назвал слова Кормана «дипломатическим промахом». При этом посол «разъяснил» заявления Бэсеску как предупреждение о том, чтобы Молдова не сворачивала с «европейского пути». Он пояснил, что в случае попытки переориентировать Молдову на восток, Бухарест сделает этой стране «политическое предложение», которое заблокирует для Кишинева возможность присоединиться к ЕАЭС. «Румыния поможет Республике Молдова в случае дестабилизации ситуации и угрозы процессу европейской интеграции», — подчеркнул. Трудно рассматривать эти слова иначе, чем слабо скрываемую угрозу молдавским властям о силовом вмешательстве Румынии в дела Молдовы в случае отказа от курса на интеграцию в западные структуры.

Из всей этой полемики можно сделать вывод, что румынская сторона взяла твердый курс на принуждение Молдовы

к вступлению в Евросоюз и НАТО с целью ее последующего поглощения. И этот курс может на определенном этапе привести к применению Румынией военной силы в отношении Молдовы. Вряд ли, конечно, это будет носить форму прямого военного вторжения, но использование «сирийского сценария» исключать нельзя. Естественно встает вопрос о том, как должна будет отреагировать Москва в случае осуществления такого сценария: займет ли позицию полного невмешательства, ограничится ли признанием независимости ПМР или предпримет практические шаги по противодействию румынской агрессии против Молдовы, являющейся членом СНГ?

Между тем, движение Молдовы в сторону Евросоюза и НАТО в купе с юнионистскими устремлениями румынской элиты, создают угрозу российским интересам не только в Молдове, но и в Приднестровье. Втягивание Молдовы в западные структуры без укрепления российского присутствия в ПМР будет вести к эрозии приднестровской государственности и создавать условия для поглощения ПМР Западом вслед за Молдовой. В отличие от Украины, Молдова имеет реальные шансы быть интегрирована не только в НАТО, но и в Евросоюз. Тем более, что у нее там имеется мощный лоббист в лице Румынии.

Расчеты Запада строятся на том, что ПМР, лишенная перспектив международного признания, может в будущем изменить свой внешнеполитический вектор и взять курс на интеграцию с Евросоюзом вслед за Молдовой. Ключевую роль в осуществлении такого поворота западные эксперты отводят приднестровской бизнес элите, которую следует соблазнить «экономическими выгодами» от участия в зоне свободной торговли с ЕС. Уже сейчас в Приднестровье устремились различные западные НПО, которые пропагандируют такую перспективу.

Все это ставит в повестку дня необходимость укрепления позиций России в Приднестровье, причем уже в независимости от того, что будет говорить по этому поводу официальный Кишинев. Политика удержания Молдовы в российской сфере

влияния при помощи приднестровского фактора показала свою несостоятельность. В то же время само Приднестровье остается важной зоной российских интересов, потеря которой нанесла бы существенный урон и российским национальным ценностям и безопасности страны.

Во-первых, Приднестровье является пусть небольшой, но тем не менее важной частицей российской цивилизации. Из общей численности населения ПМР в 513 тыс. человек, великороссы составляют 30,3%, а украинцы — 28,8%. Сохранение Приднестровья в сфере влияния России укрепит общие позиции российской цивилизации в глобальной конкуренции с западной цивилизацией. В то же время сдача этого региона Евросоюзу или Румынии не только будет означать физическую потерю своих людей и своего ценностного влияния в данном районе Европы, но и окажет деморализующее влияние на весь «русский мир».

Во-вторых, ПМР служит плацдармом, который позволяет России удерживать свое военно-политическое присутствие в Юго-Восточной Европе, а в случае необходимости даже нарастить это присутствие. Между тем, возникновение такой необходимости в будущем совершенно нельзя исключать с учетом действий США по расширению своей военной активности в Румынии и Болгарии.

Особую опасность для России представляет размещение в Румынии в районе военно-воздушной базе Девеселу объекта стратегической ПРО США, включающего центр управления и связи, наземную РЛС и 24 ракеты перехватчика SM-3. В подходящий момент эти ракеты могут быть быстро заменены на более совершенные системы, способные осуществлять перехват российских МБР. Согласно договоренности между США и Румынией, развертывание этого объекта произойдет к 2015 году.

Между тем, Приднестровье могло бы сыграть ключевую роль в нейтрализации угрозы со стороны этого объекта ПРО США. Размещение в Приднестровье российских ракетных сис-

тем «Искандер» с дальностью 500 км. позволило бы уничтожить компоненты этой базы в течение нескольких минут. Конечно, Девеселу находится на максимуме заявленной дальности «Искандеров», но думается, в реальных боевых условиях эта техническая проблема — вполне решаема. И, кстати говоря, власти ПМР уже официально пригласили Россию разместить ракеты «Искандер» на своей территории. В Приднестровье также находится военный аэродром, на котором может быть размещена российская ударная авиация, также способная быстро атаковать объекты США в Румынии и Болгарии.

Поэтому выбранная в прошлом году линия по развитию взаимодействия между Россией и ПМР не должна сводиться только к экономическим вопросам и не должна использоваться исключительно для целей сдерживания прозападного дрейфа Молдовы. Развитие отношений с ПМР должно получить всеобъемлющий характер и иметь конечной целью признание ПМР в качестве независимого государства по примеру Абхазии и Южной Осетии с последующей интеграцией этой республики в состав России или ЕАЭС.

Думается, что данная линия приведет лишь к ограниченному ухудшению российско-молдавских отношений. Негативный опыт Грузии, разорвавшей дипломатические отношения с Москвой после российского признания независимости Абхазии и Южной Осетии, наглядно продемонстрировал, что такая политика не дает практического результата и чревата многими дополнительными проблемами для самой Грузии. Представляется, что грузинский опыт будет учитываться руководством Молдовы при реакции на соответствующие шаги со стороны Москвы.

Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе России предстоит столкнуться с широким спектром стратегических угроз на европейском фланге постсоветского пространства и приложить все усилия, чтобы не допустить силовой эскалации вызовов, формирующихся с участием западных структур.

В. А. Рубанов
Формирование стратегических угроз в информационной сфере и пути их преодоления

Глобальное информационное пространство в условиях мирополитической конкуренции: концепции и практические действия

Начало XXI века охарактеризовалось появлением нового вида войн, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а посредством воздействия на его морально-психическое состояние. В результаты смены технологических укладов и принципиальных изменений в ролях участников системы международных отношений происходит смещение конфликтов между государствами в направлении информационно-сетевых войн или войн седьмого поколения.

Данная тенденция формируется под влиянием развития средств вычислительной техники и коммуникаций, возрастания роли информации в жизни общества и ее превращения в важнейший ресурс экономики, политики и культуры, усиления влияния СМИ и социальных сетей на поведение людей и управление их мотивациями, разработки нелетальных средств воздействия, заменяющих традиционные виды оружия. На смену традиционной гонке вооружений приходит борьба за

информационное превосходство, которая находит наиболее четкое и ясное выражение в военной политике самых могущественных и технологически развитых государств. В этой связи в прессе все чаще стали встречаться сравнительно новые термины «информационное оружие» и «информационная война», которые отражают существенные перемены в формах и способах разрешения межгосударственных конфликтов. За этими терминами скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых «победа» и «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического или даже ядерного оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования радиоэлектронных средств и других видов «информационного оружия». Многие аналитики развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром».

Проблемам информационных войн, кибероружия и информационной безопасности посвящено много зарубежных и отечественных исследований и разработок как в широком контексте глобального движения в направлении «информационного общества», так и в сугубо военном аспекте. Для военно-политического и стратегического видения проблемы в интересах прогнозирования угроз национальной безопасности и планирования мер противодействия таким угрозам представляется целесообразным обратить внимание на следующие глобальные тенденции влияния информационно-технологического развития на параметры мощи государств и их влияния на военно-стратегическую ситуацию в мире.

Принципиально важным для понимания новых факторов формирования и применения военной силы в современных условиях является представление об информационном пространстве как о новой сфере (инфосфере), где будет протекать будущее противоборство. Таким образом, информационное пространство вместе с сушей, морем, воздухом и космосом становится театром военных действий.

Информационное пространство возникает как новая сфера жизнедеятельности с момента формирования и использования соответствующих средств и технологий. Контроль технологизированного с помощью компьютеров и средств связи информационного пространства (киберпространства) для достижения информационного доминирования ставит проблему осмысления феномена нового типа войны со своими отличительными чертами, особенностями и вооружениями. А бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) выводит войну в информационной сфере на роль одного из магистральных направлений революции в военном деле. Обозначение инфосферы как нового театра военных действий является принципиально важным для понимания, анализа и прогнозирования как собственно феномена информационной войны, так и влияния новых реальностей на характер военных действий.

Рис. 1. Классификация современных театров военных действий

Принципиально важным для понимания феномена «информационной войны» является преимущественная концентрация внимания на когнитивных основаниях, а не на технологических средствах. Дж. Стейн сформулировал такую концепцию следующим образом: «Следует развивать стратегическую теорию информационной войны, а технологии придут сами». Такая обращенная в будущее оценка сущности и перспектив «информационной войны» отличается от широко распространенных «технологизированных» представлений. Отход Дж. Стейна от доминирующей роли «железа» при анализе противоборства в информационной сфере оказывается (вопреки господствующим до сегодняшнего дня взглядам) не слабой, а его сильной стороной. Им четко определяется приоритетная направленность средств информационного воздействия на разум противника, в силу чего «информационная война» переводится на уровень «войны знаний». Этот подход развивает Ф. Бомар: «В парадигме войны знаний стратегическое преимущество зависит не от концентрации на фактах и числах, а от взаимно дополняющего ума тех, кто их интерпретирует. Широко распространенная возможность интерпретации данных весит больше, чем электронные информационные суперпути».

К средине нулевых годов парадигма информационной войны как войны знаний стала распространенной в профессиональной среде и совпала с повышением роли когнитивного направления в комплексе технологий шестого технологического уклада. В современных разработках теории войн (Д. Коннери) наряду с физическим и информационным измерением вводится когнитивное измерение, с которым связывается человеческое мышление. Принципиальным шагом в формировании этой парадигмы становится ее фиксация путем введения в 2010 году в научный оборот нового термина— эпистемологическая война.

Излагаемые обстоятельства указывают на необходимость тщательного анализа тенденций научно-технического развития мировых технологических лидеров и их возможного

применения в войнах нового типа на «информационном» театре военных действий. Этот анализ необходим для оценки угроз национальной безопасности, их парирования адекватными силами и средствами, правильной организации обороны страны как целостной системы, уточнения роли места в этой системе военной силы и построения военного ведомства.

Особенностью современного этапа научно-технического развития является конвергенция приоритетных направлений: нано (N)-, био (B)-, инфо (I)- и когнитивных (C) технологий, которая определяется как NBIC-конвергенция (по первым буквам предметных областей: N-нано; B-био; I-инфо; C-когно) или «конвергентные технологии» (Converging Technologies).Конвергенция (от английского convergence — схождение в одной точке) означает не только взаимное влияние, но и взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными технологиями стираются.

Рис. 2. NBIC-комплекс: роль и значение когнитивного направления в формировании и развитии конвергентных технологий.

Из четырех описываемых направлений наиболее развиты сегодня информационно-коммуникационные технологии, которые используются во всех других областях, а когнитивная наука становится базой для усовершенствования мыслительной деятельности мозга и теоретической основой создания искус-

ственного интеллекта, применения достижений физических и биологических наук, решения многих проблем развития инфосферы. Практическая реализация такого подхода характеризуется концентрацией интеллектуальных усилий на решении проблем «человеческой функциональности» (improving human performance) и «расширения человека» (human enhancement). Актуализация потребности в коммуникациях инженерного и гуманитарного сообщества требует формализации областей их взаимодействия, междисциплинарного переноса знаний и трансляции гуманитарного восприятия в научные практики.

Очевидно, что формирование и развитие NBIC-конвергенции определяет в существенной мере облик и инструментальные возможности информационных войн с их переводом в сферу знаний. Из этого следует стратегическая важность когнитивного направления для постановки и решения задач обеспечения национальной безопасности, построения интеллектуального фундамента информационно-коммуникационных технологий.

Внимание Министерства обороны США к смене парадигмы научно-технического развития и его интеграции с социо-гуманитарными науками и технологиями находит свое отражение в проектах Агентства перспективных исследований Минобороны (DARPA). DARPA продолжает исследования и разработками в сфере информационных технологий, которые могут иметь существенное для кибервойн и повышения качества «физических» вооружений. К ним, в частности относятся:

— разработка нового стандарта закрытой передачи данных в глобальных сетях (военный сетевой протокол — MNP);
— создание портативного суперкомпьютера,
— разработка «аморфных роботов»;
— совершенствование работы с «географической» информацией и интеграция различного вида пространственных данных для обеспечения нового качества военного, государственного и специального управления на основе межмасштабной топологии;

— реализация программы «Кибергеном» — революционной технологии киберзащиты и анализа данных об угрозах;
— разработка серии проектов P.A.L. (персональный помощник, способный к обучению), направленных на создание «мыслящих компьютеров» и предугадывающих потребности пользователей;
— развитие технология дополненной реальности (Augmented-reality — AR), обеспечивающей с помощью специальных очков демонстрацию деталей, описаний и анимированных инструкций в процессе работы со сложными техническими системами и устранения неисправностей;
— масштабная разработка опытного образца многоязычного автоматического анализатора классификации и переводчика документов (MADCAT) для использования в горячих точках по всему миру.

Усиление когнитивного направления также нашло отражение в планах работы DARPA и финансировании следующих проектов:

— проект «Когнитивная технология предупреждения об угрозе», реализующий идею технологического совмещения в одном приборе оптического сенсора и электроэнцефалографа, сканирующего импульсы в коре головного мозга человека;
— проект создания системы ручного управление живыми организмами (жуками и т. п.) на расстоянии и использования «механизированных» насекомых для исследования труднодоступных районов и мест;
— проект SyNAPSE, направленный на:
    — широкомасштабное моделирование деятельности коры и подкорочных областей головного мозга;
    — создание вычислительных систем, симулирующих и эмулирующих зрительное восприятие, анализ сенсорных ощущений, принятие решений, взаимодействие и познание;

  - разработку нового алгоритма синтеза неврологических данных BlueMatter для суперкомпьютерных архитектур Blue Gene.
- разработка «телепатической секретной связи между военнослужащими и управление военной техникой силой мысли»;
- проект Stochastic opponent modeling agents (SOMA) — вероятностное моделирование факторов противника, который включает в себя комплекс исследований по созданию виртуальной симуляции реального мира для моделирования последствий гражданских конфликтов или военных действий в виртуальной среде, понимания сильных и слабых сторон рассматриваемых стратегий и разработку соответствующего программного обеспечения.

Принципиально важно, что DARPA включается в формирование повестки дня по выработке общей платформы взаимодействия различных научных направлений. Поскольку коммуникативный дискурс держится на общем метаязыке, на котором физик понимал бы психолога, химик — биолога и т. д., то роль математики и когнитивных наук существенно возрастает, что, по существу, и отражено в исследовательских планах DARPA. В большинстве публично представленных приоритетных направлений просматривается устремленность математики в междисциплинарную предметную область, а избираемые для решения обозначившихся проблем требуют высочайшей математической культуры.

Детализированное описание тематики деятельности DARPA приведено в данном документе для демонстрации серьезной подготовки США и его военного ведомства к достижению превосходства в информационном пространстве и переводу состязания по совокупной национальной мощи на эпистемологический уровень путем приоритетного развития когнитивных технологий, а также укрепления их математического фундамента.

Реализация исследовательских проектов, технологических разработок и военных программ в рамках представленной парадигмы выводит в число национального приоритета для обеспечения глобального доминирования интеллектуально-кадровый ресурс. Это связано не только с необходимостью проведения сложных научных исследований и уникальных технологических разработок, но также для подготовки массы специалистов и населения страны для пользования научно-техническими и социо-гуманитарными достижениями в их интегрированном виде.

В условиях обострения потребности в высококвалифицированных кадрах для решения обозначенных проблем DARPA заявляет о катастрофическом недостатке в учёных новой формации и видит в этом угрозу национальной безопасности. По этой причине агентство рассчитывает на инициативы и мероприятия по привлечению молодёжь к карьере, связанной с науками, технологиями, инженерией и математикой (STEM — science, technology, engineering, math), с акцентом на вычислительных системах. Руководители агентства полагают, что возможность Америки конкурировать в условиях растущего международного взаимодействия будет затруднена, если количество способных понимать передовые технологии и творить инновации выпускников в ближайшие десятилетия будет недостаточным. Поиск «правильных людей» с нужными талантами и способностями становится всё более сложным, приобретает глобальный характер, способствующий активизации «охоты за головами» по всему миру. Откликом на эти проблемы явилась разработка и начало реализации в 2009 году новой научной политики администрации Б. Обамы, в которой предусмотрены комплекс масштабных мер по развитию фундаментальных наук, повышению качества математического и естественно-научного образования.

Проблема интеллектуально-творческих предпосылок глобального движения к социальным системам, основанным на знаниях, укладывается в одно из положений российской Стра-

тегии-2020, где указывается на необходимость осознания новой реальности: прежняя конкуренция людей за юрисдикцию страны сменяется сегодняшней конкуренцией государств за созидательно-творческих личностей. Это означает, что интеллектуально-творческие кадры становятся важнейшим компонентом системы обеспечения национальной безопасности и развития ее оборонного потенциала, а кадровое обеспечение модернизации военной сферы становится отправной точкой государственной политики. Сложившиеся реалии выводят работу по подготовке, отбору и применению кадров, соответствующих потребностям глобальной конкуренции на когнитивном уровне, на уровень внешней политики и национальной безопасности.

Изложенные факты и соображения позволяют осуществить на основе определения технологических трендов и анализа тематики перспективных исследований в интересах Минобороны

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРЕВОСХОДСТВА	УРОВНИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИКТ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР И ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМВОЙН	УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Формирование системы подготовки кадров и проявления ими творческой активности	Интеллектуально-кадровый ресурс «эпистемологической войны» (извлечение и применение знаний)	Выявление талантов, раскрытие их творческих способностей и привлечение к решению проблем	НАУЧНЫЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
Разработка когнитивных технологий коммуникаций и интеграции знаний	Когнитивные основы коммуникаций в информационных сетях и построения ИС для интеллектуальных задач	Концентрация интеллектуальных усилий на достижении мирового лидерства в когнитивной сфере	
Решение проблем обработки «больших данных» и получения знаний из массивов информации	Логические модели извлечения знаний, алгоритмы интеллектуальной обработки «больших данных»	Организация научных исследований и работ по интеллектуальной обработке данных	
Разработка средств и методов онтологического проектирования архитектур аналитических ИС	Онтологические платформы для создания ИС с развитыми аналитическими возможностями	Разработка национальной онтологической платформы построения интегрированных ИС	НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
Достижения в решении проблем семантических задач, интеграция ИС и поиска информации	Инструменты и организация семантического взаимодействия ИС (семантический web)	Научно-техническая самостоятельность в сфере семантического обеспечения	
Масштабы участия и влияния акторов сетей в направлении продвижения интересов страны	Позиционирование и активность в социально-сетевых информационных коммуникациях	Занятие стратегически важных позиций влияния в глобальных информационных сетях	
Объемы, качество и актуальность цифровых информационных ресурсов, степень их обработки	Ценный информационный ресурс в цифровом формате для собственного и глобального пользования	Достижение высших мировых стандартов по объему и качеству цифровых ресурсов	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПРОМЫШЛЕННЫЙ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
Коммуникационные и компьютерные мощности национальных сетей и систем	Информационно-коммуникационная инфраструктура, ее возможности и технологический уровень	Достижение высших мировых показателей по масштабу и состоянию инфраструктуры ИКТ	
Экономические возможности, производственная база и кадровый потенциал	Информационно-технологическая база и производство средств ИКТ	Обеспечение технологической независимости в сфере ИКТ	

Рис. 3. Факторы и приоритеты информационной безопасности в соответствии с трендами научно-технического и гуманитарного развития

США методологию прогноза информационно-технологического развития на среднесрочную перспективу. Соответствующее прогнозное исследование включает в себя:

— факторы развития и достижения информационного превосходства;
— уровень и тенденции развития ИКТ, влияющих на характер и средства ведения информационных войн;
— условия обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
— виды и иерархию потенциалов, обеспечивающих способность страны к ведению информационных войн и достижения превосходства в условиях существенного возрастания когнитивных основ технологического развития и роли интеллектуально-творческих кадров.

Усиление роли человеческого фактора в военном противоборстве, превращение инфосферы в новый театр военных действий, разработка и практическая реализация концепции сете-центрической войны привела к принципиальным изменениям в логике целеполагания и формирования заказа на разра-

Рис. 4. Логика целеполагания и построения системы информационного обеспечения разработки ВВТ и материально-технического снабжения.

ботку вооружений и военной техники (ВВТ), а также организации материально-технического обеспечения вооруженных сил. В основе этой логики лежит принципиальная установка на системообразующее значение идеи превосходства бойца на поле военных действий. На достижение этой цели направлена система планирования и организации процесса управления разработкой и реализаций программы вооружений в США. По этой же схеме строится и архитектура информационной системы управления разработкой и материально-техническим обеспечением вооруженных сил.

Стратегическая установка на развитие и применение в военной сфере информационных технологий реализуется и в вопросах оптимизации управления процессами разработки и реализации программ вооружений, поставок и обеспечения эксплуатационной поддержки ВВТ. Информатизация и автоматизация процессов управления разработками, поставками

Рис. 5. Укрупненная схема формализации процессов принятия решений и управления жизненным циклом ВВТ.

и поддержки ВВТ в процессе эксплуатации влечет необходимость проведения масштабных работ по формализации и алгоритмизации деятельности участвующих в этом организаций, учреждений и предприятий. На рис. 5 показана схема принятия решений и организации управления жизненным циклом ВВТ, которая применяется компаниями-разработчиками программного обеспечения соответствующей информационной системы правительственных органов США.

В связи с масштабным перевооружением российской армии и принятии решений о создании информационных систем (ИС), направленных на обеспечение процессов управления жизненным циклом ВВТ, представляется целесообразным изучение и использование соответствующего зарубежного опыта. Профессиональный анализ подходов к постановке и концептуальному описанию данной проблемы в формате государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе указывает на смещение усилий на уровень аппаратно-программного обеспечения без должной проработки проблем организационно-управленческого плана. Несмотря на значительное число проектов и мероприятий по применению ИКТ для обеспечения управленческой деятельности, остается нерешенной ключевая проблема, от качества решения которой зависит успех конкретных проектов — создание единой системы управления нормативно-справочной информацией (НСИ) в ОПК. На это указывает опыт США, других стран НАТО и самой организации НАТО по разработке и применению системы НСИ (начиная от законодательства по каталогизации до многомиллиардной текущей поддержки системы стандартов и каталогов). Эта деятельность имеет важную роль в организации управления и стимулировании научно-технического развития сферы ОПК.

На уровне стандартов в военной сфере реализуется и совершенствуется системный подход к структурированию и использованию информации для нужд формирования оборонной

продукции, повышения эффективности оперативного управления соответствующими производствами и технологическими комплексами. Система каталогизации предметов снабжения войск США и НАТО (NCS) является источником информации для всех участников процессов разработки технологий и оборудования для ВС, ВМФ, НАСА и др. В работы по ведению системы каталогизации США в течение последних двадцати лет ежегодно вкладывали от 2 до 4 млрд долл. Реализация программ стандартизации с использованием модульных структур (аналогов продукции) позволяет сократить номенклатуру предметов снабжения Минобороны США приблизительно в три раза.

Отсутствие подобного централизованного учета, ведения каталогов и классификаторов, управления НСИ для нужд ОПК в Российской Федерации влечет дублирование работ и необходимость сложных согласований результатов проектов и работ, затрудняет унификацию на всех уровнях и стадиях реализации проектов. Это порождает ошибки с серьезными технологическими, финансовыми и репутационными последствиями, осложняет согласование документации в формате международного военно-технического сотрудничества. Ситуация осложняется в условиях распространения сетевых моделей информационных коммуникаций и систем непрерывной поддержки продукции в процессе всего ее жизненного цикла.

Создание единой системы управления НСИ в ОПК (классификаторы, справочники, нормативные документы, комплекс технических и программных средств накопления, хранения, моделирования и внесения изменений и обеспечения доступа к НСИ, согласование с международными классификационными системами)) имеет существенное значение для развития ГЧП в ОПК. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что само формирование систем ведения НСИ осуществляется путем совместного финансирования государства и партнеров из числа поставщиков и разработчиков продукции по государственном оборонному заказу (ГОЗ).

В настоящее время работы по применению ИКТ осуществляются на уровне отдельных предприятий ОПК и их разовых инициатив. В то же время накопленный мировой опыт указывает на целесообразность разработки и реализации целостной стратегии приведения ИТ-обеспечения всего ОПК в соответствие с современными требованиями и международными стандартами. Это необходимо для включения научно-промышленного комплекса страны в глобальную систему информационной поддержки высокотехнологичной продукции. Решение данной задачи требует большого объема работ в области стандартизации ИКТ, управления процессами перехода предприятий ОПК на цифровые технологии, обеспечения информационного взаимодействия, включения соответствующих требований в технические задания на выполнение ГОЗ, приведения в соответствие нормативной правовой базы по созданию и эксплуатации высокотехнологичной продукции, создаваемой по ГОЗ.

На примере проектов DARPA по информационно-аналитическому обеспечению военно-технологической сферы очевидна необходимость разработки систем, обеспечивающих представление целостного знания об ОПК и происходящих в ней процессах, управление взаимодействиями участников создания и реализации продукции по ГОЗ, а также позиционирования отечественных компаний на рынках технологий и сложной технической продукции в международных логистических системах. Государственные усилия целесообразно концентрировать не только и не столько на технологических вопросах (это преимущественный предмет деятельности профильных предприятий и коллективов соответствующих специалистов), сколько на разработке унифицированных решений для систем управления основными данными в едином информационном пространстве. Это позволит интегрировать различные информационные системы управления и обеспечить аналитическую поддержку деятельности участников создания и эксплуатации ВВТ на протяжении жизненного цикла.

В качестве примера такого подхода можно привести практику проектирования интегрированных систем управления бизнес-процессами для органов государственной власти Федерального правительства США на стандартной методологии описания архитектуры предприятия (Federal Enterprise Architecture, FEA). Этот документ, утвержденный административно-бюджетным управлением Президента США, включает в себя широкую онтологическую модель государственного управления как основу построения единого концептуального проекта описания деятельности правительства и его партнеров по решению оборонных и других общенациональных задач.

Методология FEA предназначена для формирования единого языка участников информационных коммуникаций в сфере совместной деятельности. Цель методологии заключается в упрощении взаимодействия, налаживании сотрудничества и организации совместной работы участников общего процесса, минуя границы политико-административного деления. В соответствующей документации отмечается: «Методология FEA включает в себя набор взаимосвязанных «эталонных моделей», предназначенных для упрощения анализа деятельности агентств и выявления дублирующих инвестиций, несоответствий и возможностей для совместной работы внутри агентств и между ними. Совместно эталонные модели образуют структуру для единообразного описания важных элементов методологии FEA».

Стандартизация управления продвигается сегодня на международный уровень. На основе методологии FEA к средине 2013 г. был разработан и предложен стандарт StratML для структурированного представления стратегий и концепций. Идея его создания была предложена членами Международной ассоциации специалистов по управлению контентом AIIM. Этот стандарт определяет терминологию и форматы подготовки федеральными органами исполнительной власти США стратегических планов и отчетов по эффективности работы. К настоящему времени сложилось сообщество пользователей

стандарта, которыми разработан ряд инструментов для подготовки документов в формате StratML, их преобразования в другие форматы, поиска по метаданным и решения других информационно-аналитических задач в ИС государственного назначения.

Таким образом, приоритетным направлением по созданию интегрированных систем информационно-аналитического обеспечения управления в военной сфер и ОПК являются результаты онтологического (смыслового) проектирования, формализации и стандартизации процессов деятельности, а также разработки архитектур баз данных. Концептуальные, логические и иерархические модели деятельности обеспечивают общее видение решаемых проблем, достижение единства компонентов системы, взаимопонимания и взаимодействия ее участников. Это требует преодоления сложившегося стереотипа формирования заказов на создание ИС, когда процесс инициируется не управленцами высшего уровня, а специалистами в области аппаратно-программного обеспечения. В результате такой практики создание ИС для государственного управления осущест-

Рис. 6. Схема организации проектирования и создания информационно-аналитических систем управления (ИАСУ) стратегического уровня.

вляется не от необходимости, целей и задач управления, а от возможностей специалистов по ИТ и их компетенции (а, скорее, ее отсутствия) в вопросах стратегического управления.

Актуальность собственных научных исследований и технологических разработок по обозначенной тематике возрастает в связи со сменой на глобальном уровне методологических основ построения архитектур сложных систем. Это связано с обострением проблем «больших данных», невозможностью эффективного использования неструктурированной информации, трудностями организации семантического взаимодействия ИС, отсутствием возможностей смысловой организации баз данных и инструментов смыслового поиска информации. Это приводит к разработке новых метамоделей построения архитектур управления сложными системами, которые определяют построение алгоритмов и облик программного обеспечения (ПО). Поскольку отечественные ИС строятся, как правило, на зарубежном прикладном ПО (SAP, Oracle), то разработка новых метамоделей архитектур управления имеет существенное значение для России в плане политики закупок ПО для государственных нужд. Интенсивная разработка и распространение новой метамодели DoDAF (МО США) взамен существующим моделям для целе управления сложными системами ставит под сомнение возможность применения в новых проектах информатизации предприятий ОПК традиционного прикладного ПО, построенного на устаревающих методологических принципах и архитектурах. Это требует, как минимум, специальной экспертизы складывающейся ситуации.

Постановка обозначенной проблемы обуславливается и необходимостью решения задачи обеспечения технологической независимости в вопросах построения систем управления в стратегических областях, которая поставлена государственным руководством Российской Федерации. В этой связи следует отметить, что удачных решений концептуального и логического моделирования процессов управления сложными системами

в настоящее время в мире пока не имеется. Именно по этой причине такое серьезное внимание уделяется сегодня когнитивным исследованиям, разработкам теоретических основ онтологического проектирования и инструментов семантического обеспечения ИС и сетевых коммуникаций.

Сложившая практика разработки проектов информатизации и обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации идет по пути чрезмерного внимания к техническим параметрам инфосферы и технологическим аспектам производства программно-аппаратных комплексов, связывания успехов в этой области с уровнем электронной отрасли и навыками программирования. Однако нынешние масштабные успехи в сфере ИКТ и лидерством в создании систем информационных социально-сетевых коммуникаций определяются не только и не столько технологическими достижениями, сколько уровнем онтологического проектирования, качеством семантических инструментов и архитектурных решений. Поэтому основные риски в плане национальной безопасности связаны, прежде всего, с отсутствием отечественных компаний мирового уровня по вопросам стратегического управления и разработчиков архитектур сложных ИС. До сих пор крупные проекты по организации корпоративного управления и стратегии информатизации государственных органов и корпораций готовятся зарубежными консультантами и проектантами. Российские компании включаются в эту схему, в лучшем случае, с уровня системной интеграции, занимая позицию дистрибьютерского звена в глобальных сетях разработки, производства и распространения ИКТ. По этой причине применение ИКТ для государственных нужд нередко строится не от уяснения собственных проблем и постановки необходимых для решения задач, а как процесс применения на территории России решений, воплотивших в программно-аппаратных комплексах сложившуюся в других странах культуру организации и технологию управления.

Отсутствие проработанных управленческих концепций для подготовки технических заданий компаниям и специалистам в области ИКТ не может быть компенсировано высокими характеристиками технических систем. Эффективность внедрения ИКТ в сферу государственного управления зависит, прежде всего, от четкости административных процедур, отлаженности документооборота, достоверности исходных данных и нормативного закрепления всего этого комплекса интеллектуальных продуктов в соответствующих электронных регламентах. Если у государственного органа нет четкой стратегии управления и налаженной организации взаимодействия информационных потоков, то никакие компьютерные программы не помогут повысить качество управления. Об этом свидетельствуют низкие результаты по созданию «электронного правительства» и реализации ряда других крупных решений по развитию информационного общества в Российской Федерации.

Изложенные соображения позволяют следующим образом представить схему распределения работ по информатизации

Рис. 7. Схема распределения собственных разработок и ИТ, приобретаемых на мировом рынке.

в сфере ОПК, имея в виду проблемы с наличием собственных операционных систем и остальных решений, связанных с аппаратной частью ИТ-комплексов. Красной пунктирной линией выделена область, критически важная для обеспечения национальной безопасности.

Это не отменяет необходимости работ по созданию собственных операционных систем. Однако парирование угроз и снижение рисков на программно-аппаратном уровне достаточно эффективно осуществляются сегодня на уровне контроля зарубежных продуктов путем проведения специальных мероприятий и выявления недекларированных возможностей в приобретаемых устройствах и программном обеспечении.

Необходимость постановки и решения изложенных вопросов по развитию собственного потенциала в инфосфере, снижению технологической зависимости и повышению уровня информационной безопасности требует формирования целостной системы организации разработки и создания ИС

Рис. 8. Схема организации разработки и создания ИС государственного назначения.

государственного назначения с учетом развития государственно-частного партнерства в сфере ОПК.

Создание в приоритетном порядке ИС в сферах обороны и ОПК потребует, как представляется, определения общей стратегии по ИТ-обеспечению государственного управления. Очевидно, что эта задача выходит за пределы полномочий и компетенции Минсвязи РФ и требует создания центров компетенции по стратегическим направлениям, а также конкретных шагов в направлении решения двуединой задачи: формирования соответствующих ИТ-сервисов и алгоритмизации процессов управления с постановкой технических задач на создание прикладного ПО. Очевидно, что прикладное ПО, обеспечивающее решение содержательных задач государственного управления, должно в идеале быть отечественным. Без этого не может быть преодолена технологическая зависимость на стратегическом уровне.

При таком понимании ситуации требуется принятие решений о формировании соответствующих государственных заказов на создание специального ПО. Ни одна отечественная (как и любая другая) компания не будет создавать за собственные средства и на свой риск сложные и дорогостоящие продукты без заказа на их разработку и гарантий востребованности со стороны соответствующего государственного потребителя при достижении требуемых характеристик. Ожидания на появление такого продукта в недрах российских ИТ-компаний безосновательна и требует активных государственных действий по реализации установки на преодоление технологической зависимости в стратегически важных сферах страны.

Понимание необходимости повышения эффективности отечественного интеллектуально-кадрового потенциала в сфере ИТ (достаточно высокого по мировым параметрам) выразилось в принятии правительственного решения о концентрации национальных усилий в рамках ряда технологических платформ. Важное место в этом ряду занимает «Национальная

программная платформа», объединяющая сегодня свыше двухсот российских компаний-разработчиков ПО с опытом выполнения сложных проектов по заказам глобальных ИТ-компаний и участия в работах по информатизации государственных органов ряда развитых зарубежных государств. Однако реальная практика решения проблем информатизации государственных органов идет по пути продолжения закупок готового ПО зарубежных производителей. В то же время потенциал участников НПП «Национальная программная платформа» используется в решении задач информационного обеспечения зарубежных компаний и государственных учреждений. Проработка программы перевода предприятий ОПК на современные информационные технологии могла бы стать основой разработки масштабного проекта, оформленного в виде соответствующей ФЦП.

Роль государства в постановке и решении данной задачи представляется высокой, на что указывает представленный выше опыт США. Проблемы стандартизации продуктов и услуг в сфере ИКТ, формирования системы межведомственного документооборота, обеспечения целостности и смыслового единства информационного пространства — общенациональная проблема, которая не может и не должна решаться ни силами производителей ИТ, ни отдельными потребителями их продукции. Важным условием стандартизации в сфере ИКТ в целом и в рамках отдельных отраслей является разработка когнитивного стандарта, задающего смысловые инварианты создания и организации взаимодействия информационных систем, обеспечивающего взаимное соответствие между представлениями информации в традиционных бумажных документах и в цифровых форматах электронных баз данных.

На данном направлении технологического прорыва в инфосфере западные страны не обладают по сравнению с Россией конкурентными преимуществами, кроме одного: там данная проблема сформулирована, а ее решение переведено в практическое русло. Необходимые ресурсы в разработку когнитивных

основ и семантических инструментов информационно-технологического развития вкладываются и государственные органы и крупные ИТ-компании. При этом американское государство, как показано выше, концентрирует свои усилия на разработке эталонных моделей основных данных, стандартизации и управлении НСИ (нормативно-справочной информацией), а глобальные ИТ-компании на разработке семантических инструментов, поисковых систем, извлечении знаний из «больших данных» и т. п.

Когнитивное направление, без которого невозможна разработка качественного когнитивного стандарта для создания и обеспечения смыслового взаимодействия информационных систем, представляет собой сложную область научного познания, требующую высокого уровня фундаментальной науки и математической школы. Результаты проведенного в этой области анализа указывают на то, что отечественные ученые лидируют по ряду приоритетных направлений исследований, намечаемых DARPAи другими мировыми центрами технологических инноваций.

Рис. 9. Роль и место когнитивного стандарта в формализации процессов управления, организации документооборота, структурировании баз данных и форматов электронных документов

Важно также подчеркнуть, что исследования и разработки в названных областях не требуют значительных финансовых затрат и дорогостоящего технологического обеспечения. Они могут быть осуществлены учеными и специалистами, владеющими, прежде всего, универсальным знанием, математической культурой и системным мышлением, что является отличительной чертой и конкурентным преимуществом российской науки. Успех на когнитивно-семантическом направлении с опорой на достижения российской математической школы может дать реальный шанс на преодоление технологической зависимости страны в концептуальном моделировании, формировании стандартов информационных коммуникаций, разработке архитектур управления сложными системами, создании собственного ПО прикладного назначения для военной сферы и ОПК.

Сетевое могущество обществ, государств и корпораций уже в ближайшее время будет определяться не количеством бит информации, а возможностями смысловой обработки данных и управления смысловыми аспектами коммуникаций в глобальных сетях. Создатели универсального инструментария для международных и междисциплинарных коммуникаций (когнитивный ISO — стандартизатор и оптимизатор среды общения), имеют высокие шансы занять лидирующие позиции в области когнитивных технологий и обеспечить себе превосходство в информационном пространстве как потенциальной сфере противоборства государств.

Согласование форматов международного сотрудничества и национальных интересов в сфере информационной безопасности

О концептуально-методологических проблемах борьбы с кибертерроризмом. Термин «кибертерроризм» ввел в середине 1980-х годов Коллин Б. для того, чтобы обозначить террористические действия в виртуальном пространстве. Автор термина предполагал, что о реальном кибертерроризме можно

будет говорить не раньше, чем в первые десятилетия 21 века, однако первые кибератаки были зафиксированы в начале 1990-х годов. В 1996 году Поллит М. предложил определение кибертерроризма: «Преднамеренная, политически мотивированная атака против информации, компьютерных систем, компьютерных программ и баз данных в виде насильственного вторжения со стороны международных групп или секретных агентов». Шнайер Б. предлагает определить четыре следующих понятия: кибервойна, кибертерроризм, киберпреступность и киберандализм.

На первый взгляд в этих терминах нет ничего нового кроме приставки «*кибер*», так как война, терроризм, преступность и даже вандализм уже давно известны. Но так как *киберпространство отличается от других мест действия*, есть и различия. Для того чтобы происходящее можно было назвать кибервойной, *сначала должна начаться обычная война*. В 21 веке война неизбежно включит в себя кибервойну. Так же как и война переместилась в воздух и космос с изобретением смолетов и ракет, война переместится в киберпространство с развитием кибернетического оружия, тактик и защитных действий.

Чаще всего террористы используют Интернет для связи, пропаганды, вербовки членов и привлечения сочувствующих. Интернет активно используется для связи со СМИ**.** Наиболее опасным способом использования Интернета является размещение на сайтах руководств по *изготовлению бомб, оружия, организации терактов* и пр.

Кибератаки террористов пока являются редкостью или, во всяком случае, о подобных действиях террористов известно достаточно *мало*. Министерством Обороны США было зафиксировано в 2004 году более 75 тыс. попыток взломать компьютерную защиту Пентагона. По данным Международного Института Антитеррористической Политики (International Policy Institute for Counter-Terrorism), террористы уже использовали или в состоянии использовать такие виды «кибероружия», как

компьютерные вирусы, «черви» и «троянские кони», «логические бомбы» и т. д. На сегодняшний день наиболее популярным и заметным видом кибертерроризма является взлом сайтов и размещение на них лозунгов и призывов. В 2004 году Исследовательская Служба Конгресса США (Congressional Research Service) пришла к выводу, что *террористы, скорее всего, предпочтут использовать традиционные, более простые и смертоносные методы, не увлекаясь кибервойной.*

Реалии и мифы кибертерроризма. Угроза кибертерроризма, или использования сетевых инструментов для вывода из строя критически важных компонентов национальной инфраструктуры с целью принуждения или устрашения, постоянно возрастает. Для правильной оценки рисков кибертерроризма необходимо определить: вероятность успешного осуществления кибератаки; величину возможного ущерба.

Первая величина может быть адекватно оценена только после комплексного обследования защищенности компьютерной сети. Оценить же ущерб от кибератаки может только владелец либо управляющий системы объекта атака. Оценка риска существенно усложняется по причине «человеческого фактора» и «инсайдерской информации».

Кибератаки различаются по объектам нападения: атаки на данные и атаки на системы управления. Несмотря на реальность подобных атак, эксперты по безопасности утверждают, что пока кибератаки могут явно привести только к временной недоступности критичных данных, но не к потере человеческих жизней или разрушению физической инфраструктуры, хотя опосредованно это не исключается. Широко распространененное выражение «Компьютерная мышь может быть не менее опасна, чем снаряд или бомба» часто используется для того, чтобы произвести впечатление на непосвященных.

Кибератаки могут иметь серьезные последствия, хотя и не связанные с нанесением ущерба жизни и здоровью людей. Многие энергетические компании и коммунальные службы

управляют своими ресурсами при помощи систем контроля и сбора данных, которые могут быть уязвимы. Более 80% критичной сетевой инфраструктуры США находится в собственности частных компаний. Существенная доля инфраструктуры в России и многих других странах принадлежит частным компаниям, которые во многих случаях не являются достаточно осведомленными в вопросах информационной безопасности и на которые сложно повлиять при помощи целевых государственных программ. При отсутствии регулирования со стороны государства, частные компании предпочитают экономить на безопасности. Кроме того, многие системы управления инфраструктурой функционируют в реальном времени и требования безопасности идут вразрез с требованиями производительности. После 11 сентября 2001 года безопасность таких корпоративных систем была провозглашена в качестве одной из основных целей Национальной стратегии обеспечения безопасности киберпространства США. *Наиболее уязвимой к* кибератакам *является инфраструктура самой Сети*. Некоторые уязвимости могут приводить к серьезным последствиям и при отсутствии кибератак.

Понятие кибертерроризма часто используется для политических спекуляций и влияния на общественное мнение. Реальное же положение дел, оставаясь не столь устрашающим, однако не внушает и поводов для оптимизма. Кибератаки действительно могут иметь серьезные последствия, хотя и не связанные с нанесением ущерба жизни и здоровью людей, массовыми разрушениями и другими катастрофами. В наихудшем сценарии хорошо спланированная массированная кибератака может временно вывести из строя системы телекоммуникаций в густонаселенных районах. С точки зрения правоохранительных органов наибольшая угроза заключается не в уязвимости Сети, а в предоставляемых ей для преступного мира возможностях глобальных телекоммуникаций, отслеживать которые чрезвычайно сложно.

Интернет как средство воздействия на внешнюю политику. Конфликт в Косово считается первой Интернет — войной. Правительственные и неправительственные лица одинаково стремились использовать сеть Интернет для распространения информации, ведения пропаганды, причинения вреда противнику, привлечения новых сторонников. В апреле 1999 года газета *Los Angeles Times* написала, что Косовский конфликт превратил киберпространство в нематериальную военную зону, где сражение за умы и сердца ведется с помощью электронных изображений, групповых почтовых рассылок и хакерских нападений. Интернет повлиял на политический диалог, потому что эксплуатировался активистами, имеющими цель повлиять на принятие решений политиками. Открытый доступ в Интернет был политическим решением. Интернет подействовал на общественное мнение относительно войны, а оно, в свою очередь, воздействовало на принятие политических решений во время конфликта.

Хактивизм и кибертерроризм имеют меньшее влияние на внешнюю политику, чем действия, не сопряженные с подрывными или разрушительными методами. Те, кто действует подрывными методами, ощущают чувство превосходства и силу оттого, что могут контролировать компьютеры Правительства и привлекать внимание СМИ, но это не гарантирует политический успех. Результат таких действий — усиление политики киберзащиты, а не удовлетворение требований хактивистов или кибертеррористов.

Для достижения атакующей стороной своих целей по нанесению ущерба через сеть Интернет используются виртуальные блокады, бомбардировки электронной почты, Web-хакерство и компьютерные взломы, а также компьютерные вирусы и черви. Поскольку Интернет мультиюрисдикционен, узлы рассредоточены по всему миру, правительству и хактивистам чрезвычайно трудно быть полностью удовлетворенными тем, какая информация размещается в сети. Контроль требует тесного

международного сотрудничества, но и даже в этом случае сайт может разместиться в безопасной зоне, не попадающей под международные соглашения.

Хакерство и компьютерные взломы стали обычным явлением, и мишенью становятся не только правительственные компьютеры, но и компьютеры коммерческих организаций, образовательных учреждений. Обзор, проведенный журналом *Information Security*, показал, что количество компаний, сообщающих о том, что стали жертвой взлома, выросло с 1997 по 1998 г.г. вдвое — с 12% до 23%. 30% респондентов при проведении ФБР Обзора компьютерной преступности сообщили о вторжениях в компьютеры извне.

Компьютерные вирусы или черви используются хактивистами для распространения лозунгов протеста или повреждения компьютерных систем. Обе формы поражают компьютер и распространяются по компьютерным сетям. Граница между ними является расплывчатой, и мы не будем обсуждать их отличия друг от друга.

Вирусы, особенно разрушительные, являются потенциально мощным инструментом в руках кибертеррористов. Другие инструменты хактивизма, включая нападения на компьютерные сети, могут также быть использованы в разрушительных целях. Эту тему мы обсуждаем далее.

Кибертерроризм: правовые аспекты и практика противодействия. Кибернетика — это производное от греческого слова «рулевой», «кормчий», «правитель» (governor). Кибертерроризм — это нарушение управления. Кибертерроризм качественно отличается от общепринятого понятия терроризма, сохраняя лишь стержень этого явления и его признаки. Трудности в определении понятия кибертерроризма ещё связаны с тем, что порой очень сложно отделить сам кибертерроризм от акций информационной войны и преступлений в сфере компьютерной информации. Кибертерроризм отличается от указанных форм воздействия на информационное пространство

своими целями, свойственными политическому терроризму, а тактика и приемы его применения, хотя в чем-то и схожи с терроризмом, но, по сути, всё же отличаются и от тактики проведения информационных войн и совершения уголовных преступлений в сфере компьютерной информации. Основное в тактике кибертерроризма — это стремление к тому, чтобы террористический акт имел опасные последствия и получил большой общественный резонанс.

Согласно Европейской Конвенции 2001 года по киберпреступлениям средствами кибертерроризма являются: компьютерная система, компьютерные данные, услуги ИКТ и данные трафика. Кибертерроризм — преднамеренная, политически мотивированная атака на охраняемую законом информацию в критических сегментах государства, а также частном секторе, представленную в электронном виде на машинных носителях, с помощью преступного использования информационной системы, создающая опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий или угрозу совершения указанных действий, в целях, свойственных терроризму.

Угроза кибертерроризма является одной из непосредственных причин проведения мероприятий по информационной безопасности и выработки культуры кибербезопасности. Эта угроза стимулирует создание помехоустойчивых ИКТ-систем и стимулирует поиск человечеством к активных форм взаимопонимания и взаимодействия в общемировом контексте, включая проведение специальных учений.

Политико-правовые проблемы международного противодействия кибертерроризму. Истоки политико-правовых проблем кроются в противоречиях интересов субъектов как внутри отдельно взятой страны, так и на уровне стран-субъектов. Добавляется еще сетка зон интересов транснациональных компаний. В результате один участок суши или территориальных вод оказывается втянутым сразу в несколько политичес-

ких отношений, что отражается в разной идентификации этой территории в разных ссылках в базах данных разных субъектов. Складывающаяся ситуация требует наличия и определения общей цели для «выравнивания» интересов для ее достижения. Поиск общего врага решает ту же задачу. В общефилософском смысле противоречие единства и борьбы противоположностей снимается законом отрицания отрицания, который придает динамику ситуации и превращает ситуацию в процесс.

Понятие кибертерроризма в наше время глобализации имеет общемировой смысловой базис и на уровне национальных законодательств в данный момент кибертерроризм практически неразличим, что недопустимо, потому что жертвами кибератак террористов становятся совершенно конкретные страны и наказание происходит в поле юрисдикции тоже совершенно конкретных стран. Профильное законодательство должно быть единым, чтобы выровнять легитимное поле возмездия за кибератаки и повысить сознание определенности и неотвратимость наказания за преступление. Кибертерроризм (как и его прародитель — терроризм) — это преступление против человечности и судиться такие проявления должны по общечеловеческим меркам, для чего необходимо международное правовое поле согласовать с национальными законодательствами. «Плоский» закон — это твердый закон.

Формирование международного права в сфере информационной безопасности. В плане информационной безопасности необходимо опираться на национальное законодательство и учитывать национальные особенности. Но поскольку ИКТ-системы — это общемировые технологии, то для выработки национальной культуры ИК-безопасности необходимо ориентироваться на общемировые стандарты.

По инициативе Российской Федерации, Генеральная Ассамблея ООН приняла в декабре 1998 года резолюцию, касающуюся киберпреступности, кибертерроризма и кибервойны. Резолюция 53/70 призывает государства-члены информировать

Генерального секретаря ООН о своих взглядах и оценках относительно:

(а) проблем информационной безопасности;

(б) определения основных понятий, связанных с информационной безопасностью и

(с) развитием международных принципов, улучшающих глобальное информационное пространство и телекоммуникации и помогающих сражаться с информационным терроризмом и преступностью.

На международном уровне несколько стран, включая США, направили силы на заключение по вопросам кибербезопасности взаимных соглашений о юридической помощи, экстрадиции, разграничении разведывательных полномочий, унификации законов таким образом, чтобы киберпреступники могли преследоваться в судебном порядке даже в том случае, когда преступление пересекает границы. Эти усилия направлены на решение таких проблем, как компьютерное мошенничество, детская порнография в Интернете, электронное пиратство, все формы незаконного доступа. Под действие этих соглашений попадают действия государства по развязыванию кибервойны и использованию компьютерных нападений в качестве военного оружия.

Существенную роль в координации усилий международного сообщества играет Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) 2001 года. Конвенция направлена на осуществление общей политики в вопросах уголовного права, целью которой является защита общества от киберпреступлений путем принятия соответствующих законодательных актов, а также путем расширения международного сотрудничества. Необходимость международного сотрудничества вызвана распространением цифровых технологий, конвергенцией и продолжающейся глобализацией компьютерных сетей.

Конвенцией признается необходимость сотрудничества между Государствами — членами Конвенции и частными лицами и организациями в борьбе против киберпреступлений

и потребность защищать законные интересы в использовании и развитии информационных технологий. Эффективная борьба против киберпреступлений требует наличия четкого, быстрого и эффективного механизма международного сотрудничества в вопросах, связанных с преступностью;

Конвенция определяет меры, которые предстоит принять на национальном уровне. Это фактически модельный закон для национальных законодательств. В рамках *материального уголовного права* сформулированы определения преступлений:

— против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем: незаконный доступ; незаконный перехват; вмешательство в данные; вмешательство в систему; ненадлежащее использование устройств;
— преступления, связанные с компьютерами: подлог компьютерных данных; компьютерное мошенничество;
— правонарушения, связанные с содержанием; преступления, связанные с детской порнографией; преступления, связанные с нарушениями авторского права и смежных прав; дополнительная ответственность и санкции; покушение, пособничество и подстрекательство.

Участники конвенции должны рассмотреть *воздействие полномочий и процедур* на права, обязанности и законные интересы третьих лиц, к которым отнесены:

— незамедлительное сохранение компьютерных данных: незамедлительное сохранение компьютерных данных; незамедлительное сохранение и частичное предоставление данных трафика;
— предписание о предоставлении информации;
— поиск и изъятие компьютерных данных;
— сбор компьютерных данных в режиме реального времени: сбор компьютерных данных в режиме реального времени; перехват данных содержания
— юрисдикция;
— общие принципы международного сотрудничества.

В целях расследования или судебного преследования уголовных преступлений, связанных с компьютерными системами и данными, а также в целях сбора доказательств по уголовным преступлениям в электронной форме, участники конвенции должны осуществлять самое широкое сотрудничество друг с другом. Механизмы сотрудничества формируются в соответствии с положениями Конвенции и через применение соответствующих международных документов о международном сотрудничестве в деле борьбы с преступностью, договоренностей, достигнутых на основе единообразного или взаимообязывающего законодательства, а также национальных законов.

Конвенцией установлены принципы: экстрадиции; взаимной помощи; добровольного предоставления информации; направления и выполнения запросов о содействии в случае отсутствия соответствующих международных соглашений; конфиденциальности и ограниченного использования; содействия при принятии временных мер.

Конфликт национальных интересов и совместного противодействия кибертерроризму. Достаточно распространенная в международной практике ситуация, имеющая разнообразные политические последствия, в частности такие, как «кибервойны», «информационные войны» и другие аналогичные понятия, прочно утвердившиеся в современном лексиконе.

Сотрудничество членов мирового сообщества в совместном противодействии кибертерроризму. Существование национальных особенностей в сфере информационной безопасности не противоречит идее международного сотрудничества в данной сфере. Международные системы информационной безопасности могут только надстраиваться как дополнение к национальным системам. Национальные системы могут взаимодействовать в рамках WEB-сервисов с международными системами информационной безопасности по определенным протоколам и стандартам.

Очевидно, что решение вопроса о согласовании национального законодательного с вырабатываемыми международными стандартами будет приниматься в общем контексте международного сотрудничества заинтересованных стран. Координация усилий международного сообщества должна распространяться и на системы сертификации в сфере информационной безопасности. Важным направлением представляется налаживание координации государств по выявлению лиц, структур и государств, вынашивающих намерения кибертерроризма.

О международном сотрудничестве по управлению Интернетом. Одной из важнейших задач на сегодня является повышение доверия и безопасности при использовании ИКТ. Необходимо дальнейшее стимулирование, развитие и внедрение в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами глобальной культуры кибернетической безопасности в соответствии с тем, как это изложено в резолюции № 57/239 Генеральной Ассамблеи ООН и других соответствующих региональных рамочных документах. Для создания такой культуры требуются действия на национальном уровне и активизация международного сотрудничества с целью обеспечения соответствующего уровня защиты информации личного характера, неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Эксперты по информационным технологиям во время Тунисской встречи выступили с инициативой формирования под эгидой ООН *Форума по вопросам управления Интернетом* для ведения политического и профессионального диалога по накопившимся проблемам. Основная задача форума будет состоять в том, чтобы сделать управление использованием Интернета многосторонним, предусматривающим участие всех заинтересованных сторон, демократичным и прозрачным. При этом важно, чтобы этот форум не выполнял надзорные функции и не подменял собой существующие структуры, механизмы, институты или организации, а был нейтральным и неформальным органом политического согласования без вмешательства

в вопросы повседневной эксплуатации или технического обслуживания Интернета.

В то же время на этой Тунисской встрече было принято решение не изменять сложившуюся систему управления доменными именами, которая находится под эгидой американской некоммерческой организации Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN), созданной при участии правительства США. Согласно принятым решениям эта ситуация сохранится еще на протяжении неопределенного времени, несмотря на то, что развивающиеся страны в течение нескольких последних лет оспаривают у США и ICANN право определять политику развития Интернета. Такое положение вызывает недовольство многих участников глобального информационного пространства, поэтому проблема управления состоянием и развитием Интернета требует согласованного международно-правового решения.

О создании «Интерпола по кибертерроризму». *Цель создания «Интерпола по кибертерроризму» — обнаружение опасной активности участников гобальной сети на основе мониторинга информации с контрольных точек наблюдения. События безопасности могут включать мероприятия от автоматических оповещений заинтересованных участников до информации об инцидентах, основанных на заключениях специалистов. Организационно-технической основой «Интерпола по кибертерроризму» может стать общий Центр обработки данных (ЦОД) с полномочными представителями участвующих сторон. Целесообразно предусмотреть включение представителей действующего Интерпола в ЦОД «Интерпола по кибертерроризму».*

Системы информационной безопасности становятся объектом атак сразу же после их установления, что требует их регулярного обновления. Далеко не все страны могут самостоятельно решать эту сложную технологическую задачу. Поэтому в рамках международное сотрудничества должны быть найдены формы и методы реагирование на инциденты компьютерной

безопасности, решены вопросы создания оперативных бригад противодействия с кибер-терроризму и реагирования на угрозы информационной безопасности. В ряде развитых стран существует опыт создания и практической деятельности подобных структур. Их общая цель — предотвратить возможные акции кибертеррористов путем заблаговременного укрепления слабых мест в критически важных компьютерных сетях.

Представляется целесообразным поиск организационных форм экстренного реагирования на опасные инциденты и кризисные ситуации в национальных и международных сетях. При решении вопроса о создании международных структур оперативного реагирования на инциденты с признаками кибертерроризма и угроз информационной безопасности может быть использован опыт извествных национальных центров.

Здесь возможны самые разнообразные формы, основанные на государственно-частном партнерстве внутри стран и международного сотрудничестве в рамках соглашений, в соответствии с которыми национальные центры оперативного реагирования на кризисные ситуации разрешают инциденты преимущественно собственными силами. Но имеют право, а в отедельных случаях и обязанность на консультации в международном центре и привлечение его помощи.

Весьма сложным представляется согласование международной стандартизации средств обеспечения информационной безопасности в условиях конкуренции мировых производителей. Разработчики средств информационной безопасности находятся в пространстве влияния трех факторов: реализации требований национальной безопасности; конкуренции с разработчиками подобных средств; обеспечения защиты информации в системах потребителей продуктов за пределами национальных территорий.

В настоящее время ряд стран с развитыми структурами разработки и производства крипрографических средств существенно ограничивают вплоть до жесткого запрета импорта

отдельных технологий информационной безопасности. Такие ограничения, к примеру, существуют в законодательстве США и Российской Федерации, которые являются лидерами в сфере криптографии. Вместе с тем, трансграничный характер распространения средств информационной безопасности, производимых весьма ограниченным количеством стран, требует разработки международно-правовых гарантий для стран-потребителей информационных технологий. В настоящее время находятся решения по правилам и процедурам стандартизации и сертификации средств информационной безопасности. Однако решение этой проблемы находится в начальной стадии и требует координации международных усилий на данном направлении.

Перспективы международного сотрудничества в сфере информационной безопасности. Несмотря на гонку кибервооружений и фактическое осуществление отдельных информационных операций, в долгосрочной перспективеновая цифровая война не соответствует интересам ни одной из стран мира и может иметь труднопредсказуемые экономические, политические и, вероятно, военные последствия для всего международного сообщества. По этой причине стремление к предотвращению крупномасштабной кибервойны входит в глобальную повестку дня. Начиная с 1998–1999 годов, Россия достаточно активно продвигает на международной сцене — прежде всего в рамках ООН — идею о необходимости достижения международных соглашений о запрете на использовании странами киберорружия. По инициативе Российской Федерации, Генеральная Ассамблея ООН приняла в декабре 1998 года резолюцию А-53/70, касающуюся противодействию киберпреступности, кибертерроризма и кибервойны.

Существенную роль в координации усилий международного сообщества играет Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) 2001 года. Конвенция направлена на осуществление общей политики

в вопросах уголовного права, целью которой является защита общества от киберпреступлений путем принятия соответствующих законодательных актов, а также путем расширения международного сотрудничества.

В целом, идеалом для мирового сообщества является стремление к кибермиру, основанном на цифровом равенстве и равном доступе к глобальным информационным ресурсам, балансе прав и ответственности всех государств в отношении всемирной Сети. Эти принципы заложены в «Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.». В этом документе отмечается, что «основной угрозой в области международной информационной безопасности является использование информационных и коммуникационных технологий:

а) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;

б) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;

в) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию;

г) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации,

с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ».

Целью государственной политики Российской Федерации в борьбе с преступлениями в информационной сфере является содействие установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности. Сходных позиций придерживаются и другие участники таких организаций, как БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС. Многие государства исходят из понимания, что предотвратить переход из пассивной в активную фазу кибервойны могут только согласованные усилия мирового сообщества. В первую очередь это касается стран-лидеров в сфере информационных технологий в целом и информационной безопасности, которые могут и должны наладить тесное сотрудничество и взаимодействие по предупреждению кибервойн.

Важным шагом в решении этой задачи является содействие подготовке и принятию государствами-членами ООН международных правовых актов, регламентирующих применение принципов и норм международного гуманитарного права в сфере использования информационных и коммуникационных технологий, а также создание условий для установления международного правового режима нераспространения информационного оружия.

Первым необходимым шагом на этом пути, предусмотренным «Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» является интернационализация управления интернетом под эгидой ООН, обеспечение цифрового равенства и суверенитета всех стран. Переход от сегодняшнего нерегулируемого в международном масштабе правового режима глобальной сети интернет к ясной и понятной схеме ее построения на основе состоящего из информационных пространств суверенных стран позволит четко определить права

и ответственность каждой страны за соблюдение безопасности глобального пространства и его отдельных национальных сегментов. Это означает, что каждая страна должна нести ответственность за акты киберагрессий, которые осуществляются из информационного пространства страны или путем ее использования. Мера ответственности должна зависеть от степени вовлеченности страны в провоцирование или участие в кибервойне. В соответствующих международных соглашениях, по мнению экспертов, должны быть четко прописаны возможные санкции и условия их применения к стране-нарушителю. В условиях, когда акты информационной агрессии могут совершать не только государственные или частные структуры, но также неформализованные сетевые организации, признание цифрового суверенитета означает государственную ответственность за пресечение деятельности таких организаций и образований правоохранительными органами самого государства, а при необходимости и с его — с международной помощью.

Изменение структуры управления интернетом и разработка международных соглашений потребуют определенного времени, хотя их принятие является весьма актуальным по причине возрастания рисков кибервойны. Требуется согласование международных усилий и в отношении других глобальных и региональных сетей (мэш-сети, пиринговые сети). Целесообразно проработка вопросов как деанонимизации интернета и пользователей электронных коммуникаций, так и расширения предусмотренных национальными законодательствами возможностей государственного контроля за деятельностью компаний и отдельных лиц, участвующих в разработках мер и систем информационной безопасности, а также отработке методик тестирования проникновения. Необходимо и ужесточение законодательства в отношении хакерской деятельности и других опасных проявлений в информационной сфере. По мнению основателя «Лаборатории Касперского» Е. Касперского, необходимо принять международное соглашение, которое

и запретит оборонным структурам вести разработки вирусов либо же поможет уменьшить предполагаемую опасность в мировом масштабе. Однако на деле это сложная и трудная задача.

Эксперты высказывают идею создания на базе потенциала ведущих в сфере информационных технологий стран (Соединенных Штатов, России, Китая, Великобритании, Японии и др.) международных сил по раннему обнаружению и пресечению угрозы кибервойн. Создание таких международных сил позволило бы с одной стороны в ускоренном порядке мобилизовать в значительной степени взаимодополняющий потенциал различных стран для пресечения кибервойн, а с другой стороны — обеспечивало бы повышение прозрачности их разработок и снижение взаимной подозрительности в информационной сфере.

Важное значение в решении проблем информационной безопасности имеют двухсторонние отношения. В этой связи важными представляются отношения США и России, которые приступили к консультациям и налаживанию сотрудничество по обеспечению безопасности и предотвращению инцидентов в киберпространстве, а также укреплению мер доверия в виртуальном пространстве.

Несмотря на то, что вопросы кибербезопасности стали появляться на повестке дня международных встреч на высшем уровне относительно недавно, они уже приобрели приоритетное значение. В 2011 году по результатам консультаций было подготовлено совместное российско-американское заявление по вопросам кибербезопасности (с американской стороны заявление подписал помощник президента США по кибербезопасности Г. Шмидт, а с российской — заместитель секретаря Совета безопасности РФ Н. Климашин). В заявлении отмечается, что «взаимное понимание информационных угроз национальной безопасности способствует более эффективному взаимодействию между Россией и США в противодействии киберугрозам».

На состоявшемся в 2013 году Саммите «Большой восьмерки» в повестку дня встречи Президента России В. Пути-

на и президента США Б. Обамы были обсуждены проблемы кибербезопасности. В подписанном двустороннем заявлении отражен результат двухлетней работы, проходившей в сложных условиях, но завершенной рядом договоренностей по укреплению доверия между Российской Федерацией и Соединенными Штатами в сфере информационных технологий. В совместном заявлении по итогам саммита содержится декларация о том, что угроза национальному информационно-телекоммуникационному сектору является одной из самых серьезных угроз в XXI веке. Эти угрозы включают военно-политические и криминальные аспекты, особенно в данном контексте была выделена угроза терроризма.

Президенты России и США договорились создать механизм обмена информацией об угрозах кибербезопасности для защиты критически важных национальных информационных систем, создании прямого канала связи между высокими должностными лицами в России и США, а также образовании специальной двусторонней рабочей группы. Таким образом, проблема кибербезопасности становится новым приоритетом в повестке дня российско-американских отношений. Данные договоренности предполагают организацию горячих линий между Вашингтоном и Москвой по предотвращению эскалации в киберпространстве. Параллельно с этим Россия ведет переговоры по проблемам информационной безопасности и с другими западными государствами, в частности Германией и Францией.

Двухсторонние отношения по вопросам кибербезопасности формируются и в контексте американо-китайских отношений. В ходе американо-китайского Саммита в 2013 году вопросам кибербезопасности было уделено особое внимание. Президент Б. Обама начал встречу с Си Цзиньпинем с обсуждения вопросов кибербезопасности в рамках американо-китайского «Стратегического диалога по экономике и безопасности».

Вместе с тем, процесс достижения широкого международного консенсуса по вопросам кибербезопасности идет

с большими трудностями. Значительные противоречия проявились на Саммите по управлению Интернетом, проходившем в декабре 2012 года в Дубае под эгидой Международного союза электросвязи (МСЭ). В декабре 2012 года в ходе Всемирной конференции по международной электросвязи произошла очередная попытка реформирования глобальной системы управления Интернетом. Принятый в ходе конференции международный документ значительно расширил полномочия органов государственного управления в сфере регулирования Интернета, а соответственно и глобального управления информационным пространством.

В документе нашли отражения предложения Российской Федерации, однако принятие данного документа вызвало серьезное недовольство американских законодателей. Накануне конференции американский Конгресс единогласно принял резолюцию, осуждающую увеличение государственных полномочий в сфере информации. Глава американской делегации на конференции МСЭ Т. Крамер заявил, что будет активно противодействовать российским предложениям по реформе МСЭ, назвав российские предложения «самым большим разочарованием по сравнению с предложениями других стран».

Недавно в США принят закон, который не даст России устанавливать в Штатах навигационные вышки для повышения точности и надежности системы ГЛОНАСС. Запрет на их строительство обосновывался соображениями национальной безопасности в информационной сфере. Глава Пентагона и директор национальной разведки могут своей властью разрешить появление в Америке «русских сооружений». Но при этом они должны засвидетельствовать: что любые данные, которые собирают и передают станции наблюдения, не зашифрованы; что эти объекты построены, эксплуатируются и обслуживаются только американцами; что ни одно из этих сооружений не находится вблизи объектов, имеющих значение для национальной безопасности США; что эти вышки не несут угрозы кибершпионажа;

что они не влекут за собой снижения потребительской ценности американской технологии GPS.

В ответ на это решение вице-премьером Д. Рогозиным дано поручение провести инвентаризацию базирующейся в России инфраструктуры зарубежных навигационных систем (то есть американской GPS, ведь, кроме нее, ни одна зарубежная система еще не работает). Это обеспокоило ученых, которые опасаются, что разногласия между РФ и США нанесут вред инфраструктуре, критически важной для сейсмологических и других научных измерений. Данный пример служит демонстрацией того обстоятельства, что низкий уровень доверия в сфере информационной безопасности усиливает угрозы в информационного противоборства.

Развитие международного сотрудничества по преодолению вызовов со стороны информационных угроз осложняется практическими расхождениями между интересами национальной безопасности и международно-правовыми установлениями. По причине того, что атакующая и защищающаяся сторона использует одно и то же сетевое оборудование и программное обеспечение, существует фундаментальное противоречие между разграничением действий в формате «кибератаки» и в формате «киберзащиты». Агентство Национальной Безопасности США (NSA) называет это «equities issue». Понятие «equities issue» может быть определено следующим образом. Когда национальные службы безопасности обнаруживают уязвимость в общедоступном продукте, они могут либо предупредить производителя и исправить уязвимость, либо не говорить никому. Устранение уязвимости делает системы «нападающих» и «обороняющихся» пользователей информационных технологий более защищенными. Если же сохранить информацию об уязвимости в тайне, то законопослушная сторона сможет использовать знания об уязвимости информационных систем для нападения на правонарушителей информационного пространства, использующих аналогичные продукты. Но это означает, что уязвимыми остаются все иные законопослушные пользователи

информационных технологий с неустраненными дефектами. До тех пор, пока все используют одинаковые микропроцессоры, операционные системы, сетевые протоколы и программное обеспечение, «equities issue» будет оставаться фактором, который надо будет учитывать отдельным странам и международному сообществу при постановке и решении проблем обеспечения информационной безопасности.

Очевидно, что решение вопроса о согласовании национального законодательного с вырабатываемыми международными стандартами будет приниматься в общем контексте международного сотрудничества заинтересованных стран. Координация усилий международного сообщества должна распространяться и на системы сертификации в сфере информационной безопасности. Важным направлением представляется налаживание координации государств по выявлению лиц, структур и государств, вынашивающих намерения кибертерроризма.

СМИ придают в последнее время большое значение вопросам информационной безопасности в силу повышенного спроса аудитории на новизну и модные темы. Однако нельзя и недооценивать значение киберпреступности, которая стала своеобразным «черным бизнесом в Интернете. По этой причине организации и государства, обеспечивающие безопасность их сетей поступают оправданно, даже если угрозы кибертерроризма и киберпреступности завышаются.

Существование национальных особенностей в сфере информационной безопасности не противоречит идее международного сотрудничества в данной сфере. Международные системы информационной безопасности могут только надстраиваться как дополнение к национальным системам. Национальные системы могут взаимодействовать в рамках WEB-сервисов с международными системами информационной безопасности по определенным протоколам и стандартам.

Представляется целесообразным поиск организационных форм экстренного реагирования на опасные инциденты и кри-

зисные ситуации в национальных и международных сетях. При решении вопроса о создании международных структур оперативного реагирования на инциденты с признаками кибертерроризма и угроз информационной безопасности может быть использован опыт известных национальных центров. Здесь возможны самые разнообразные формы, основанные на государственно-частном партнерстве внутри стран и международного сотрудничестве в рамках соглашений, в соответствии с которыми национальные центры оперативного реагирования на кризисные ситуации разрешают инциденты преимущественно собственными силами. Но имеют право, а в отдельных случаях и обязанность на консультации в международном центре и привлечение его помощи.

Весьма сложным представляется согласование международной стандартизации средств обеспечения информационной безопасности в условиях конкуренции мировых производителей. Разработчики средств информационной безопасности находятся в пространстве влияния трех факторов: реализации требований национальной безопасности; конкуренции с разработчиками подобных средств; обеспечения защиты информации в системах потребителей продуктов за пределами национальных территорий.

В настоящее время ряд стран с развитыми структурами разработки и производства криптографических средств существенно ограничивают вплоть до жесткого запрета импорта отдельных технологий информационной безопасности. Такие ограничения, к примеру, существуют в законодательстве США и Российской Федерации, которые являются лидерами в сфере криптографии. Вместе с тем, трансграничный характер распространения средств информационной безопасности, производимых весьма ограниченным количеством стран, требует разработки международно-правовых гарантий для стран-потребителей информационных технологий. В настоящее время находятся решения по правилам и процедурам стандартизации

и сертификации средств информационной безопасности. Однако решение этой проблемы находится в начальной стадии и требует координации международных усилий на данном направлении.

Законодательство и практика обеспечения информационной безопасности в России

В России действует Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «*Об информации, информационных технологиях и о защите информации*». Важнейшим принципом правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является «*обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации*». *Защита информации* представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на: обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа, реализацию права на доступ к информации.

Вопросам защиты стратегических объектов и информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного управления всегда уделялось и уделяется повышенное внимание высших органов власти Российской Федерации. В стране сформировалась и функционирует развитая система обеспечения информационной безопасности, которая опирается на более чем 30-летний практический опыт технической защиты информации, сложившуюся организационную структуру и развитую нормативную правовую базу. Эта база включает сегодня в себя 9 федеральных законов, 8 указов Президента Российской Федерации, 18 организационно-распорядительных документов

Президента и Правительства Российской Федерации и 9 государственных стандартов.

Контроль обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну, возложен на ФСБ России. ФСБ осуществляет меры по предотвращению проникновения специальных служб и организаций иностранных государств, преступных групп и отдельных лиц с использованием технических средств к охраняемым органами ФСБ сведениям, оказывает содействие предприятиям, учреждениям и организациям в разработке мер по защите коммерческой тайны. Специальные подразделения ФСБ лицензируют деятельность организаций по проектированию и производству средств защиты информации, техническому обслуживанию и распространению шифровальных средств.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим реализацию государственной политики, организацию межведомственной координации и взаимодействия, специальные и контрольные функции в области государственной безопасности по вопросам защиты информации является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России). ФСТЭК реализует свои функции в системах информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, оказывающих существенное влияние на безопасность государства в информационной сфере. Организуемое ФСТЭК противодействие техническим разведкам направляется на обеспечение технической защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну и иной информации с ограниченным доступом, а также на предотвращение утечки данных по техническим каналам и несанкционированный доступ к охранямым сведениям. Важной задачей, решаемой ФСТЭК, является защита от специальных воздействий на информацию в целях ее добывания, уничтожения, искажения и блокирования доступа к ней на территории Российской Федерации. Реализацию политики, целей и задач технической защиты информации ФСТЭК осуществляет на

основе изданных данной службой 15 руководящих документов по профилям защиты информации.

Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации оформилось в относительно самостоятельное направление развития информационных технологий (ИТ) и составляет от 10 до 20 процентов стоимости работ и поддержанию функционирования ИКС. Темпы роста рынка продуктов и услуг информационной безопасности в последние годы оцениваются экспертами в 45 процентов, что превышает общие темпы роста рынка ИТ. По затратам на системы информационной безопасности Россия опережает многие европейские страны в 5–6 раз. Объем потребностей государственных структур в продуктах и услугах защиты информации составляет, по данным исследовательской компании IDC, 14%. Существенное внимание в вопросах защиты информации уделяется программному обеспечению.

Политика и практика сертификация информационных технологий в РФ также выступает фактором защиты национальных интересов в информационной сфере. Политика лицензирования и сертификации информационных технологий на предмет информационной безопасности России прозрачна и базируется на следующих принципах. Расчет рисков системно-технического и инфраструктурного плана подчинен решению проблем обеспечения безопасности основной деятельности. Общие требования к информационной безопасности, по мнению экспертов по защите информации и пользователей ПО на стратегически важных объектах, не могут и не должны разделять ПО по признаку производителя. Принципиально важно, чтобы программные решения надежно и эффективно решали задачу, для которой создавались, и имели необходимый набор средств защиты, обеспечивающих такие стандартные процедуры защиты информации, как:

— контроль доступа к информации со стороны пользователей ИС;

— контроль физической сохранности баз данных и их непротиворечивости;
— контроль конфиденциальности передаваемых по сетям данных и работоспособности сетевой инфраструктуры.

Принятие технико-технологических решений об использовании ПО на стратегически важных объектах основывается на проработанных и многократно апробированных регламентах. Обязательной процедурой является контроль ПО на предмет отсутствия в нем недекларированных возможностей.

ПО, приобретаемое для стратегически важных объектов, проходит обязательную сертификацию, включающую в себя выполнение набора требований по составу и содержанию документации, представляемой заявителем для проведения испытаний ПО, а также проведение и анализ результатов соответствующих испытаний. Важным условием проведения испытаний ПО в центрах сертификации ФСТЭК является раскрытие их производителями исходных кодов поставляемой продукции. Данная мера позволяет не только осуществить контроль отсутствия не декларированных возможностей ПО, но также оценивать качество входящего в его состав программных решений по защите информации и оснастить его российскими средствами криптографической защиты.

Создание совместными усилиями зарубежных и российских разработчиков защищенного ПО для стратегически важных объектов с его последующей сертификацией в ФСТЭК и ФСБ России — достаточно отлаженный процесс. Все крупные зарубежные производители ПО, применяемого на стратегически важных объектах Российской Федерации, провели сертификацию своей продукции в ФСТЭК и ФСБ России.

Таким образом, созданная и функционирующая в Российской Федерации система информационной безопасности с достаточной надежностью обеспечивает защиту информации при использовании зарубежного ПО на стратегически важных объектах. Этой оценки придерживаются практически все эксперты

в сфере ИТ от разработчиков ПО до специальных служб, отвечающих за информационную безопасность стратегически важных объектов. Поэтому принятие решений об использовании в России ПО зарубежных производителей решается на основе объективного анализа его конкурентоспособности с отечественными образцами.

Позиции России в контексте преодоления информационных угроз тактического и стратегического плана отражены во многих официальных документах и активно обсуждаются в медийном пространстве. В целом, в России считают недостаточным существующую международно-правовую базу в сфере борьбы с кибертерроризмом и отмечают необходимость адекватного ответа на эту угрозу в законодательной сфере. Об этом заявил председатель Госдумы Б. Грызлов, выступая на встрече руководителей парламентов стран G8 (18 сентября 2006). Сегодня киберпространство активно используется террористами для организации терактов и пропаганды своей идеологии. По мнению России, существующей международно-правовой базы и, прежде всего, Конвенции Совета Европы 2001 г. о кибертерроризме уже недостаточно для эффективного противодействия действиям террористов, которые становятся все более изощренными и масштабными. Инициирование разработки странами «большой восьмерки» обновленных международно-правовых документов в сфере борьбы с кибертерроризмом даст важный сигнал всему мировому сообществу.

Характерно, что глава Росфинмониторинга В. А. Зубков назвал формирование перечня участников экстраординарных действий в качестве одной из приоритетных задач в борьбе с кибертерроризмом. Сегодня в него входят свыше 300 международных организаций и 1200 физических лиц. Мониторинг их деятельности ведется во всех странах, и выявленные тайные счета или операции могут предотвратить кибертеррористическую угрозу. Со своей стороны, начальник Бюро специальных техмероприятий МВД России Б. Н. Мирошников, заявил, что усилия

по борьбе с киберпреступностью начали приносить ощутимые плоды. Если до 2004 г. фиксировалось ежегодное удвоение объема преступлений, то в 2004 г. рост составил 24%, а в 2005 г. — всего 11,7% (общее число 14 810), несмотря на рост количества потенциальных угроз. Главной проблемой раскрываемости он считает *незаинтересованность жертв* в сотрудничестве со следствием. Другая проблема связана с системой наказаний. Досих пор *нет нормативного определения кибертерроризма* и не констатировано его *отличие* от *киберпреступности*, что необходимо для установления меры наказания и организации расследования.

Необходимо также упомянуть, что руководитель Федерального агентства по информационным технологиям В. Г. Матюхин внес в рамках мероприятий G-8, проходящих в 2006 году в России, предложения по формированию среды доверия для государственных участников и прозрачных бизнес-структур глобального информационного пространства, участие в котором носит авторизованный характер с использованием технологий цифровой подписи и электронного нотариата, однако пока реальной поддержки со стороны западных партнеров России это предложение не получило.

Излагаемые факты свидетельствуют о профессиональной и конструктивной позиции России по вопросам международного сотрудничества в сфере информационной безопасности и противодействия кибертерроризму.

Концептуальное осмысление угроз в информационной сфере и предложение мер обеспечения информационной безопасности РФ

Начало XXI века охарактеризовалось появлением нового вида войн, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а посредством воздействия на его морально-психическое состояние. Данная тенденция формируется под влияние развития средств

вычислительной техники и коммуникаций, возрастания роли информации в жизни общества и ее превращении в важнейший ресурс экономики, политики и культуры, усиления влияния СМИ и социальных сетей на поведение людей и управление их мотивациями, разработки нелетальных средств воздействия, заменяющих традиционные виды оружия.На смену традиционной гонке вооружений приходит борьба за информационное превосходство. Приоритет информационных аспектов безопасности наиболее четко и ясно выражен в военной политике Соединенных Штатов и Китая.

Информация — критический стратегический компонент, который позволяет лицам, принимающим решения на всех уровнях, принять лучшие решения быстрее и действовать скорее. В этой связи в прессе все чаще стали встречаться сравнительно новые термины «информационное оружие» и «информационная война», которые отражают существенные перемены в формах и способах разрешения межгосударственных конфликтов. За этими терминами скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых «победа» и «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического или даже ядерного оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования радиоэлектронных средств и других видов «информационного оружия». Многие аналитики развитых стран, по оценке Б. Обнорского, считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром».

Если связывать понятие «информационной войны» с информационным воздействием, то такое воздействие существовало на протяжении всей человеческой истории. Для этих целей использовались мифы, устрашающие слухи, применялись средства пропаганды, идеологического и психологического давления для того, чтобы посеять смуту, подорвать боевой дух противника и повлиять на принятие решений властей и военачальников. Из этого следует, что отличие сегодняшней ситу-

ации от событий древности проходит по границе технических средств получения, обработки, распространения и применения информации, а также объектов и предметных областей информационного воздействия. Сегодня информационные средства и методы применяются в интересах промышленного шпионажа, разрушительного воздействия на инфраструктуру жизнеобеспечения государств, получения и использования персональных данных в ущерб этим персонам, дезинформации, электронного вмешательства в работу систем обеспечения командования и управление военными объектами, выведения из строя военных коммуникаций. В этой связи представляет интерес генезис понятия «информационная война» в современном понимании и его развития до сегодняшнего толкования.

Впервые понятие «информационная война» было использовано американцем Т. Рона в отчете «Системы оружия и информационная война», где информационная инфраструктура была определена как один из основных компонентов экономики США и открытая уязвимая мишень не только в военное, но и в мирное время. Выход отчета в свет послужил началом его активного публичного обсуждения и интереса к поставленной Т. Роной проблеме со стороны американских военных. В результате обсуждения проблемы к 1980 году сложилось единое понимание того, что информация может стать не только целью, но весьма эффективным оружием. Использование в СМИ словосочетания «информационная война» началось после проведения в 1991 году операции «Буря в пустыне», в ходе которой впервые в качестве оружия были использованы новые информационные технологии. Однако официальнее введение термина «информационная война» (Information war) в документацию американского военного ведомства состоялось лишь в конце 1992 года и ознаменовало определенным образом завершение «холодной войны».

Официальным документом с применением этого термина была директива министра обороны США от 21 декабря 1992 г.

под названием «Информационная война», в которой отмечалась «необходимость всестороннего учета информационных ресурсов в системах управления ВС в условиях противодействия противника». В 1993 г. в директиве Комитета начальников штабов № 30 были изложены основные принципы ведения информационной войны. В этом же году в проект нового устава Армии США было введено следующее определение информационной войны как действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии и осуществляемых путем влияния на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем.

Однако введение термина в официальный оборот не поставило точку в его строгом определении и толковании «информационной войны» как официально признанного понятия и административного регламента. По этой причине и сегодня термин «информационная война» имеет скорее публицистическое, чем профессиональное звучание. В профессиональной среде комплексы мер, основанных на применении современных информационных технологий, определяют как «информационные операции» или «психологические операции». Одной из причин такого осторожного отношения к слову «война» является то обстоятельство, что война не может вестись в мирный период, а операции проводиться могут.

Вместе с тем, в научной литературе по поднятой проблеме слово «война» начало применяться в 90-х годах минувшего столетия. Одна из первых книг Д. Деннинга по этой теме вышла под названием «Информационная война и безопасность». (Denning D. Information warfare and security). Разработки в данной предметной области 90-х годов были осуществлены профессорами американского Авиационного университета в рамках военного проекта, в которых рассматривалась гипотетическая война (например, 2020 года). Смещение акцентов на изменения в че-

ловеческих возможностях и ментально-психологического облика солдате и его оппонента / врага было лейтмотивом первых исследований феномена «информационной войны».

Р. Шафранский был одним из членов команды профессоров из военно-воздушных сил США, которые первыми разрабатывали принципы будущей войны. Он видел увеличение силы в ментальном измерении и высших ценностях, а в качестве целей информационной войны называл системы знаний и представлений, так как «враг в реальности представляет из себя множество врагов, множество отдельных разумов». По этой причине знание ценностей врага и использование его репрезентационной системы позволяет правильно ставить задачи, обращаться к разуму противника на вербальном и невербальном языке. В рамках этого подхода Р. Шафранский полагает, что система целей информационной войны может включать в себя каждый элемент эпистемологии противника и любой аспект в его системе знаний может стать такой целью. В своей статье «Теории информационного оружия» Р. Шафранский указывает, что целью информационной войны является такое влияние на поведение противника, чтобы он не знал, что на него воздействовали, но принимал решения или совершал действия, противоречащие его намерениям или мешающих их выполнению. Информационные технологии, по его мнению, делают сегодня возможным «управление» противником при минимальном насилии и кровопролитии, а победа в информационной войне означает подчинение врага и абсолютную власть над ним.

Дж. Стейн в 1995 г. публикует исследование «Информационная война», где также подчеркивает, что информационная война имеет дело с идеями и эпистемологией. Относительно более конкретных целей он утверждает, что «целью информационной войны является человеческий разум, особенно тот, который принимает ключевые решения войны и мира, а также тот, который принимает ключевые решения относительно того, где, когда и как применить потенциал и возможности, которые

являются в их стратегических структурах». Начиная с 1994 г. инструкции по психологическим операциям ВВС США требуют в числе своих задач «ввода информации для воздействия на мысли, эмоции и мотивы иностранных правительств, организаций, групп и индивидов».

Характерным для названных представителей ВВС США стало представление об информационном пространстве (инфосфере), где будет протекать будущее противоборство. Они пришли к такому пониманию путем проведения аналогии с возникновением внимания к воздушному пространству после изобретения братьями Райт летающего аппарата, его освоения с помощью авиации и превращения в сферу военных действий. Информационное пространство также возникает как новая сфера жизнедеятельности с момента формирования и использования соответствующих средств и технологий. Информационное пространство, вместе с сушей, морем, воздухом и космосом становится театром военных действий. Контроль технологизированного с помощью компьютеров и средств связи информационного пространства (киберпространства) для достижения информационного доминирования становится новой задачей ставит проблему осмысления феномена нового типа войны со своими отличительными чертами, особенностями и вооружениями. А бурное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) выводит войну в информационной сфере на роль одного из магистральных направлений революции в военном деле. Такое представление оказалось весьма конструктивным и плодотворным для дальнейших исследований.

Теоретические исследования средины 90-х годов начали достаточно быстро находить практическое применение. В 1996 в США была опубликована «Доктрина борьбы с системами управления и контроля» с изложением основных методов борьбы с государственными системами управления и контроля, а также проведения информационных операций в ходе военных

действий с определением соответствующих структур и процессов управления. В этом же году эксперт Пентагона Р. Банкеромбл представил доклад, в котором предлагалось концептуальное разделение театра боевых действий на обычное пространство и киберпространство, приобретающее все более важное значение. В лексикон доктринального уровня было включено понятие новой сферы военных действий — информационной. В 1998 году специалистами США было дано определение информационной войны как комплексного воздействия на систему военно-политического правления противника в направлении склонения к принятию благоприятных для инициатора решений в мирное время и полного выведения из строя управленческой инфраструктуры противника в военное время.

Принципиально важными для понимания феномена «информационной войны» являются методологические подходы Дж. Стейна, которые концентрируются, прежде всего, на когнитивных основаниях, а не на технологических средствах. Его позиция сформулирована следующим образом: «Следует развивать стратегическую теорию информационной войны, а технологии придут сами». Такая обращенная в будущее оценка сущности и перспектив «информационной войны» отличается от широко распространенных «технологизированных» представлений. Вместе с тем подход Дж. Стейна укладывается в развивающийся со средины нулевых годов нашего века процесс NBIC-конвергенции, в рамках которого когнитивные технологии выступают неотъемлемой составляющей целостного комплекса нано-, био-, инфо и когнитивного направлений. По этой причине отход Дж. Стейна от доминирующей роли «железа» при анализе противоборства в информационной сфере оказывается, вопреки господствующим до сегодняшнего дня взглядам, не слабой, а его сильной стороной. Им четко определяется приоритетная направленность средств информационного воздействия на разум противника, в силу чего «информационная война» переводится на уровень «войны знаний».

Подполковник австралийской армии Д. Коннери также видит будущую войну как войну знаний. Он подчеркивает, что кроме физического и информационного измерения существует еще и когнитивное измерение. Именно с когнитивной сферой связано человеческое мышление. Д. Коннери считает, что война знаний создает события или информацию, которые не отвечают ожиданиям оппонента, ведя его к пониманию того, что цена конфликта очень высока и не оправдывает победы.

С 1996 г. французские исследователи также стали говорить об изменениях парадигмы информационной войны в направлении войны знаний. Автор соответствующего исследования Ф. Бомар указывает на тенденции социализацию и интеллектуализацию информационных процессов: «В парадигме войны знаний стратегическое преимущество зависит не от концентрации на фактах и числах, а от взаимно дополняющего ума тех, кто их интерпретирует. Широко распространенная возможность интерпретации данных весит больше, чем электронные информационные суперпути». Следующим шагом развития этой парадигмы становится введение в 2010 годув научный оборот нового термин— эпистемологическая война.

Путь, который прошли в своем развитии исследования и практики информационных войн за последние двадцать лет, можно оценить как процесс постепенного смещения акцентов с технических аспектов на гуманитарные с их доведением до когнитивного измерения. Этот процесс сопровождается бурным развитием средств и методов кибервойны, происходящим параллельно с усилением радиоэлектронного противоборства.

Один из современных видных исследователей информационной войны сотрудник американской исследовательской корпорации RAND Дж. Аркилла выделяет следующую повестку дня для ее обсуждения:

— развитие информационной сферы и ее взаимодействие с военной сферой;
— усиление повышение значимости сетевых организаций;

— приобретение информационными операциями мультимедийного облика.

Усиление звучания темы информационных войн (или информационных операций) связывается с активными процессами информатизации обществ и государств, приоритетным финансированием военных направлений и расширением возможностей скрытного применения информационных средств и методов во внешней и внутренней политике.

Важное значение для развития теории и практики применения средств информационного воздействия имеют длительные войны, в которые постепенно вошли в начале 2000-х годов США и их союзники по НАТО. В этих войнах важным направлением становится не только поднятие морального духа военных, но и работа с населением территорий вооруженных конфликтов, а также с собственным населением. По этой причине моральная сила становится объектом все более пристального изучения военных. В университетах США и стран НАТО исследуют феномен нравственности на объективированной научной основе. Один из исследователей проблемы К. Грей считает, что четкие нравственные ориентиры делают людей физически сильнее, а сам феномен моральной трансформацией.

Возрастающее значение приобретают сегодня проблемы справедливости войн и их легитимизации в глазах военных и населения. В этих условиях стратегии и тактики военных действий требуют учета информационно-психологических и нравственных аспектов с переходом в работе с населением от информационных операций к операциям влияния. Информационная среда в данном контексте рассматривается как комплексная система, от которой зависит успех военных операций. При этом подробно рассматриваются условия, которые делают войну в глазах мирового сообщества справедливой. По этой причине из арсенала господствующих стратегий начинает исключаться ведение войн на уничтожение, поскольку граждане демократических стран их не воспринимают и не поддерживает, что

порождает негативные последствия для властей в собственных странах вплоть до отставки правительств, ведущих такие войны.

В категориях информационной войны начинает переосмысливаться феномен холодной войны. В этой связи Дж. Аркилла определяет холодную войну как информационный конфликт (information-based conflict) и концентрирует внимание на оценке отношений между информацией и национальной силой. Примерами масштабных и стратегически важных программ воздействия на другие страны Дж. Аркилла называет открытие «закрытых обществ». Включение информации в качестве нового инструментария внешнеполитического воздействия влечет изменение традиционных политических, экономических и военных сфер под воздействием информационной стратегии, а политика открытости по отношению к другим странам начинает сопровождаться мерами охраны собственных информационных пространств от внешнего воздействия. Информация, таким образом, перестает быть дополнительным инструментарием по отношению к внешней и военной политике, приобретая значение самостоятельной силы. Это требует пересмотра стратегий и механизмов как отдельного применения средств информационного воздействия, так и в составе комплексов соответствующих мер.

Понятие «информационная война» распространяется в последнее время на широкий спектр событий внешней политики и внутриполитическая борьбы, экономическую конкуренцию, описание военных конфликтов и торговые конфликты. К осмыслению понятия «информационной войны» подключаются соответствующие специалисты достаточного большого круга государств. Так, специалисты Германии включают в понятие информационной войны наступательные и оборонительные информационные операции для достижения своих целей. При этом в германской версии информационной войны деятельность государства и данной сфере и угрозы государственного плана рассматриваются отдельно от активностей политических

партий, средств массовой информации, хакеров, преступных сообществ и отдельных лиц. Особенностью германского подхода является включение в содержание информационной войны экономической составляющей, что объясняется значимостью для Германии возможных экономических потерь и испытанными потерями ценных информационных ресурсов в результате промышленного шпионажа.

Французская концепция информационной войны строится на принципе единства двух базовых элементов: экономического и военного.В военной сфере предполагается ограниченное использование информационных операций. Особенностью подхода Франции заключается в высокой активности контроля киберпространства и отсутствием жесткого деления объектов контроля на противников и союзников.

В Великобритании представления об информационной войне практически совпадают с приведенными ранее определениями американских специалистов. Особенностью британского подхода является тщательное юридическое обеспечение борьбы с преступностью в информационной сфере, которое обосновывает право правительственным органам на перехват и чтение электронной почты, а также доступ к персональным данным.

В рамках НАТО существует собственное определение информационной войны, однако на конференциях по проблемам информационной войны представители стран данной блока обычно пользуются терминами, разработанными в собственных государствах. Это обстоятельство свидетельствует о высокой чувствительности к угрозам в информационной сфере систем национальной безопасности и важности информационных ресурсов для жизненно важных национальных интересов.

В лексиконе военного сообщества Китая уже достаточно давно употребляется термин «информационная война» и проводятся работы по подготовке соответствующей доктрины. Активность Китая в данном направлении связана с его принципиальным рывком в формировании собствен-

ного киберпространства и активным позиционированием в глобальной информационной сети. В основе китайской концепции информационной войны лежит собственное видение военных действий на принципах «народной войны» на оперативном, стратегическом и тактическом уровнях. Принципиальной особенностью информационной войны в китайской интерпретации является переход от механизированной войны к войне интеллекта. В Китае разрабатывается и реализуется концепция сетевых сил, основой которых является корпус высококвалифицированных специалистов в области компьютерной техники, входящих в состав любых воинских подразделений численностью до уровня батальона.

В России процессы осмысления и политического внимания к теме информационной войны связано с введением в действие Указом Президента Российской Федерации в 2000 году Доктрины информационной безопасности России. В отечественной научной литературе определение информационной войны приводится в работах В. Н. Цыгичко, Г. Л. Смолян, Д. С. Черешкина, А. В. Бедрицкого. Определения этих авторов связывается с целью информационной войны, достигаемой «путем нанесения ущерба информации, процессам, основанным на информации, и информационным системам противника при одновременной защите собственных информации, процессов, основанных на информации, и информационных систем». Важным моментом в исследованиях данной проблемы так же является концентрация внимания на приобретении информацией и информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) самостоятельной силу по сравнению с ее предыдущей ролью дополнительного инструментария.

Основная цель информационной войны в военном контексте представляет собой, в первую очередь, захват и контроль информационных каналов и потоков информации противника, а также защиту от аналогичных действий противоборствующей стороны.

Важным обстоятельством для понимания феномена «информационных войн» в сегодняшней действительности является широкое распространение многочисленных информационных сетей, которое привело к существенному усилению средств информационного противоборства. Кардинально меняет ситуацию и то обстоятельство, что современные общества становятся все более открытыми для информационных потоков и глобальных сетевых коммуникаций. Следует также отметить, что первичные данные от свидетелей и участников событий составляет сегодня незначительную часть от общих объемов информационных потоков, что придает им характер субъективных интерпретаций и расширяет возможности манипулирования массовым и индивидуальным сознанием.

Таким образом, во многих государствах мира идет активный процесс создания систем защиты от угроз деструктивного информационного влияния и создания национальных систем информационной безопасности с высоким уровнем приоритета. Эти системы носят динамический характер с постоянным поиском ответов на угрозы в информационной сфере по причине быстрого появления все новых информационно-коммуникационных технологий, которые могут быть использованы как средства проведения информационных операций с подрывными целями.

Направления ведения информационных войн. Рассмотрение темы в военном контексте позволяет анализировать информационную войну сквозь призму достижения информационного превосходства над противником в вопросах своевременности, достоверности, полноты получения информации, скорости и качестве ее переработки, а также доведения до исполнителей при оказании воздействия на информационные системы противника и одновременной защиты собственных информационных систем. В рамках такого видения информационные войны включают следующие направления деятельности:

— добывание необходимой информации;
— переработка полученной информации;
— защита информационных каналов от проникновения противника;
— своевременное и качественное доведение информации до потребителей;
— дезинформация противника;
— вывод из строя или нарушение функционирования систем добывания, переработки и распространения информации противника;
— уничтожение, искажение, хищение информации у противника;
— разработка более эффективных и оперативных, чем у противника, средств работы с информацией.

Один из наиболее авторитетных американских теоретиков информационных войн М. Либики полагал, что в будущем информационное воздействие может стать основным средством сдерживания вооруженных конфликтов. Существенную роль в технологическом обеспечении информационной войны играет, по его мнению, интегрированная космическая система мониторинга и передачи данных, позволяющая контролировать любую военную активность и применять превентивные меры против потенциального противника. Такие возможности сдерживания на основе современных ИКТ могут заставить противника отказаться от своих планов.

В классификационной системе М. Либики выделяются семь направлений ведения информационных войн как процессов борьбы за достижение информационного превосходства над противником:
— борьба с системами управления;
— информационно-разведывательные операции;
— радиоэлектронная борьба;
— психологические операции;
— так называемая «хакерская» борьба;

— «кибернетическая» и «сетевая» борьба;
— экономическая информационная борьба.

Информационная война как информационное доминирование. Принципиально важным моментом концепций информационных войн является положение об информационном превосходстве как ключа к успеху одной из сторон в ходе будущих военных конфликтов. Эта идея сформулирована в конце минувшего столетия Дж. Арквиллой и его коллегой по работе в американской корпорации RAND Д. Ронфельдтом. Они были убеждены в возможности достижения такого превосходства за счет широкого внедрения новых ИКТ в системы боевого управления и связи, а также совершенствования военной организации. Эти идеи нашли отражение в концепции построения вооруженных сил США по сетевому принципу и доктринальных положениях о ведении сетевой войны.

Эксперты Университета ВВСС ША (Air University, Maxwell Airforce Base, Alabama) Дж. Стейн, Р. Шафранский и О. Дженсен отводят стратегическому информационному доминированию приоритетную позицию по отношению традиционным средствам ведения войны. Информационное доминирование определяется как создание условий, обеспечивающих доминирующей стороне выгодное поведение противника или способствующее обслуживанию ее интересов. Информационным технологиям в данной концепции отводится роль средств обеспечения стратегического информационного доминирования.

По мнению бывшего командующего ВВС США и директора Агентства Национальной Безопасности США и генерала К. Минихэна, «за информационное доминирование надо бороться так же, как и за превосходство в воздухе». Генерал К. Минихэн полагает необходимым повышение осведомленности и улучшение прогнозирования динамичной ситуации в мире. Информационное доминирование рассматривается им как способ увеличения боевого потенциала путем использования информации для принятия правильных решений, а также реализации этих

решений быстрее противника. Информационное доминирование — это и способ изменения восприятия противником окружающей реальности, а также метод использования всей доступной информации для прогнозирования и опережающего влияния на развитие ситуации по сравнению с противником.

В рамках современных концепций информационной войны в качестве важнейших составных частей стратегии информационного доминирования можно определяются два важных компонента:

— Информационный менеджмент (системы управления, связи, компьютерного обеспечения, разведки, наблюдения и рекогносцировки), обеспечивающий информационное превосходство над противником в любом проблемном регионе мира (в том числе наличие эффективных средств и методов ведения борьбы в информационной сфере — так называемого «информационного оружия», способного дискредитировать информационные системы и коммуникации, используемые противником в данном регионе);
— Информационные операции (действия), направленные на нарушение информационного управления противника (информационная блокада, дезинформация, привнесение чрезмерной неопределенности и проч.), а также на защиту собственных информационных систем (обеспечение их информационной безопасности, снижение уровня уязвимости) от дискредитирующего воздействия противника.

В подготовленной администрацией Дж. Буша-мл. «Стратегии национальной разведки США» (2005 г) подчеркивалось, что при сборе разведданных необходимо использовать самые новейшие технологии, а «для предупреждения угроз и возможности превентивных действий, американские технологии сбора информации должны всегда оставаться самыми передовыми в мире». В аналогичном документе, подготовленном американским разведывательным сообществом в августе 2009 года, признается наличие серьёзных проблем в сфере обеспечения

информационной безопасности США. В этой связи цели информационной безопасности были приведены в соответствие с реальными возможностями и сформулированы следующим образом: научно-технические достижения должны быть достаточными для поддержания (в некоторых случаях наращивания) преимуществ разведывательного сообщества США перед существующими и потенциальными противниками. В Стратегии 2009 года отмечается, что для эффективной работы разведывательного сообщества в этой сфере деятельности критически важно оставаться на гребне технологического прогресса; обращается внимание на необходимость существенного укрепления взаимодействия различных разведывательных служб (вплоть до интеграции их с контрразведывательной деятельностью), а также на проблемы обеспечения кибербезопасности.

Термину информационное доминирование соответствует целый набор способов информационного воздействия на противника (конкурента/оппонента), среди которых эксперты выделяют:

— информационный мониторинг — сбор всей необходимой информации о противнике;
— информационное давление — манипулирование данными (информационными потоками) в доступном противнику информационном пространстве с целью побуждения его на те или иные действия (решения);
— информационное сдерживание — недопущение использования противником информационного пространства в целях, противоречащих интересам доминирующей стороны.

Информационное доминирование носит комплексный характер, в котором можно выделить компоненты, связанные с национальной безопасностью (военные и разведывательные аспекты с экологическим и метеорологическим мониторингом), а также экономические компоненты, включающие конкурентные преимущества бизнеса и информационное обеспечение средств массовой информации (СМИ).

Занятие позиций информационного доминирования предполагает наличие соответствующих ресурсов и технологической базы. Это требует принятие решений по вопросам информационного доминирования на высшем политическом уровне. США не только первыми определились с ролью информационных ресурсов в совокупной национальной мощи, но и приняли меры к концентрации национальных усилий по его укреплению и развитию. Впервые развитие информационного потенциала было включено в национальную повестку американского государства в 90-е годы. С приходом к власти администрации президента Б. Клинтона развитие информационных ресурсов стало неотъемлемым элементом глобальной стратегии Соединенных Штатов. Основная цель общей стратегии этой администрации заключалась в укреплении экономических позиций в мире и обеспечении экономического процветания США.

С ролью архитектора политики информатизации американского общества и государства успешно справился вице-президент А. Гор. В результате предпринятых под его руководством общенациональных усилий в стране произошла информационная революция, а в мире начался информационный бум, на гребне которого естественным образом оказались США. В этот же период американское государство приступило к формированию системы обеспечения информационной безопасности, направленной преимущественно на защиту участников информационных коммуникаций от преступных посягательств. Администрация Дж. Буша-мл. продолжила курс на усиление информационного могущества США, сместив акценты системы информационной безопасности в сферу военных и разведывательных операций, а также противодействия терроризму с передачей соответствующих полномочий от правоохранительных органов военному ведомству и разведывательному сообществу.

Администрация Президента США Б. Обамы продолжила курс на усиление информационного могущества страны и в мае 2011 года ввела в действие новую стратегию развития ки-

берпространства, которая сконцентрировала двадцатилетний опыт формирования информационных ресурсов и системы обеспечения информационной безопасности страны. Стратегия является подтверждением серьезного отношения политического руководства США к информационному потенциалу как важнейшему стратегическому ресурсу.

Отличительной чертой новой стратегии явилось снижение уровня идеологизации отношений в информационно-технологической сфере и признание глобального характера информационной безопасности. Это нашло свое выражение в названии документа «Международная стратегия развития киберпространства» и усилении внимания к развитию международного сотрудничества в вопросах развития и использования глобальной сети.

В рамках реализации новой стратегии стал отказ США от монопольного управления Интернетом и создание в сентябре 2009 года специальный международный орган, основная функция которого заключалась в управлении корпорацией Интернета по управлению доменных имен и адресов (ICANN) на основе международного сотрудничества. Большое внимание в новой стратегии кибербезопасности Обамы уделяется вопросам выработки норм международного права в области обеспечения информационной безопасности. Изменение подходов правительства США к проблемам глобального киберпространства и стратегии обеспечения информационной безопасности США является показателем его адаптации к формирующемуся полицентричному миру взамен прежнему однополярному миру с доминирующей ролью США. В этих условиях реализация новой внешней политики США как «первого среди равных» начинает определять и облик информационного доминирования. В новой ситуации США видят себя как центр силы, обладающий мощным информационным потенциалом. При этом ставка на информационное доминирование США как условие достижение успеха в информационных войнах не только не снизилась,

а наоборот возросла и приобрела особое значение в рамках расширяющихся областей применения «мягкой силы» во внешней политике.

Информационное оружие. Качественные перемены в характере информационных войн произошли на рубеже 60–70-х годов в результате появления компьютерных возможностей и мобильных систем связи. Это позволило существенно расширить арсенал средств и возможностей информационного влияния на противника. К этому периоду относится возникновение термина «информационное оружие», технологические параметры которого позволяют не только безгранично расширять сферы распространения информационного воздействия, но даже, по мнению ряда экспертов, заменить собой средства массового поражения.

Под информационным оружием понимается комплекс программных и технических средств контроля информационных ресурсов объекта воздействия и вмешательства в работу его информационных систем. Для понимания содержания феномена «информационное оружие» целесообразно дать описание специальных средств и систем информационного воздействия.

Информационное оружие можно классифицировать по методам воздействия на информацию, информационные процессы и информационные системы противника, которые могут быть физическими, информационными, программно-техническими или радиоэлектронными. Эти средства и системы можно классифицировать по предназначению, объектам и методам воздействия следующим образом:

Во-первых, информационное оружие физического воздействия предназначено исключительно для воздействия на элементы информационной системы: противорадиолокационные ракеты, специализированные аккумуляторные батареи генерации импульса высокого напряжения, средства генерации электромагнитного импульса, графитовые бомбы, биологические и химические средства воздействия на элементарную базу.

В США, России, а предположительно еще в Китае и Израиле создано электромагнитное оружие с различным радиусом действия, полностью выводящее из строя боевую технику, где установлены бортовые компьютеры, авионика и другие компьютеризированные блоки. В результате действия этого типа оружия соответствующая элементная база, основывающаяся, прежде всего, на кремниевой составляющей, полностью выводится из строя, что называется, «выжигается». Данный тип вооружений относится к наступательным вооружениям и предполагает нанесение превентивного удара на стадии развертывания боевых подразделений в ходе конфликта. На стадии же собственно боевых действий вооружение подобного рода неприменимо, так как оно не разделяет своих и чужих, и поражает все киберустройства в радиусе действия электромагнитного оружия.

Во-вторых, системы и средства информационного воздействия включат в себя совокупность средств массовой информации, глобальных информационных сетей и станций распространения голосовых сообщений для оказания такого психологического воздействия на людей, которое позволяет управлять их поведением.

В-третьих, специальные программно-аппаратные средства проникновения к объектам воздействия для сбора, изменения и разрушения информации, хранящейся в базах данных, а также для нарушения или замедления выполнения различных функций информационно-вычислительных систем. Программно-технические средства можно классифицировать согласно выполняемым с их помощью задачам на средства сбора информации, средства искажения и уничтожения информации и средства воздействия на функционирование информационных систем. Причем некоторые средства могут быть универсальными и использоваться как для искажения (уничтожения) информации, так и для воздействия на функционирование информационных систем объекта воздействия. Средства сбора информации позволяют производить несанкционированный

доступ к компьютерным системам, определять коды доступа, ключи к шифрам или другую информацию о зашифрованных данных и по каналам обмена передавать полученные сведения заинтересованным организациям.

В — четвертых, средства и системы, нарушающие и парализующие информационные системы и сети обеспечения функций органов управления государственных и военных объектов, промышленности, транспорта, связи, энергетики, банков и других учреждений. К ним относятся:

— «Компьютерные вирусы» — программы, внедряемые извне в «электронную среду» объекта информационного воздействия; вирусы передаются по линиям связи и сетям обмена информацией, оснащены программами проникновения в информационно-коммуникационные, а в заданное время или по командам уничтожают либо искажают хранящуюся в базах данных информацию в соответствии с заданными целями и параметрами воздействия (в настоящее время разработаны специальные программные продукты, так называемые «ноуботы» (Knowledge Robot), которые способны перемещаться в информационной сети от компьютера к компьютеру и при этом размножаться, создавая копии);
— «Логические бомбы» — программные закладки, заблаговременно внедряемые в информационно-коммуникационные системы управления объектами военной и гражданской инфраструктуры; бомба по сигналу или в установленное время приводится в действие, уничтожая или искажая информацию в поражаемой системе с целью выведения из строя системы управления инфраструктурой; «Логическая бомба» представляет собой инструкцию, находящуюся в неактивном состоянии до получения команды на выполнение определенных действий на изменение или разрушение данных, а также нарушение работоспособности информационно-вычислительных систем; разновидностью «Логических бомб» являются «Бомбы электронной почты»,

которые представляют собой большой объем несанкционированных сообщений с целью увеличения нагрузки на сервер для того, чтобы он стал недоступен или его ресурсы стали недостаточными для нормальной работы.

— «Троянские кони» («Trojan Horse») и «Черви» («Worm»), а также многочисленные компьютерные вирусы (количество которых превышает 60 тысяч) — разновидности логических бомб, представляющие собой программу осуществления скрытного несанкционированный доступа к информационным ресурсам противника и получения разведывательных данных.«Троянский конь» позволяет осуществить скрытый несанкционированный доступ к информационным массивам, активируется по команде и используется для изменения или разрушения информации, а также замедления выполнения различных функций системы; «Червь» — это посторонний файл, сформированный внутри информационной базы данных системы, который способен изменять рабочие файлы, уменьшать ресурсы памяти, а также перемещать и изменять определенную информацию.

В-пятых, системы и средства радиоэлектронной борьбы — сложные человеко-машинные комплексы, предназначенные для нарушения или затруднения функционирования электронных средств противника путем излучения, отражения электромагнитных, акустических и инфракрасных сигналов. Радиоэлектронные методы воздействия предполагают использования средств радиоэлектронного подавления, радиоэлектронной разведки и некоторые другие. Основным предназначением такого оружия является контроль информационных ресурсов потенциального противника и скрытое или явное вмешательство в работу его систем управления и связи в целях дезорганизации, нарушения нормального функционирования или вывода их из строя, как в мирное, так и в военное время при действиях самостоятельно либо в сочетании с другими средствами воздействия на противника.

Киберпространство и сетевые структуры ведения боевых действий. Сложность, динамичность, аритмичность, запутанность и многоакторность современной войны позволяют говорить о появлении нового типа войн, которые определяются специалистами как многомерные нелинейные войны. Понятие «сетецентрическая война» было введено в оборот вице-адмиралом ВМС США А. Себровски и экспертом КНШ Дж. Гарстка в 1998 году. Это понятие подразумевает повышение боевых и тактических возможностей воинских формирований в вооруженных конфликтах и современных войнах за счет имеющегося информационного превосходства, а также объединения всех участвующих в боевых действиях сил и средств в одну единую сеть. Для повышения эффективности их деятельности необходимо налаживание между отдельными единицами и командными пунктами связи по принципу сети. В таком случае даже небольшой взвод может представлять собой значительную силу при условии наличия у него сетевого контакт с другими силами и хотя бы с небольшим числом бомбардировщиков-истребителей.

Главный принцип ведения боевых действиях в условиях сетецентрической войны — это создание так называемых «стай», а атаковать противника предполагается на всех направлениях при помощи небольших по численности подразделений. Нынешний уровень радиотехнической и космической разведки может обеспечить войска актуальными данными о силах противника, а системы спутниковой навигации и интенсивное использование цифровых карт позволяет сделать привязку к определенной местности и целям. Создание новых систем наведения, высокоточного оружия и средств ведения радиоэлектронной борьбы дало возможность подавлять комплексы управления и дезориентировать противника. Главным в сетецентрических войнах — возможность получения точного знания о противнике и возможности точного удара. Поэтому в теории сетецентризма существует такое понятие, как система приори-

тетных целей, суть которого заключается в системном анализе государства-жертвы. Анализ этот основан на концепции «пяти колец». Главная цель — это, как правило, политический лидер, которого нужно уничтожить (можно и не в буквальном смысле, не физически, а психологически, заставив отречься от власти или покинуть страну). Далее — промышленно-энергетический комплекс страны. И лишь на последней позиции выступают национальные вооруженные силы, потому как при правильном внедрении концепции с ними-то и воевать не нужно будет, в стране автоматически вспыхнет революция.

В открытых публикациях имеются данные о значительных усилиях США в направлении реализации концепции сетецентризма. Создаваемая для этих целей информационно-коммуникационная система дает возможность Пентагону непосредственно контролировать ситуацию в любой точке земного шара, а у Президента появляется возможность наблюдать за боем на мониторе компьютера и связываться, при необходимости, с командирами. Полномасштабное развертывание комплекса рассчитывается на 10 лет с завершением к 2020 году. Предполагалось финансирование программы в объеме порядка $200 млрд, однако уже сейчас на ее реализацию в сухопутных войсках потрачено $230 млрд.

Суть стратегической компоненты планирования и проведения военных и специальных операций на основе сетецентрической доктрины заключается в организации принципиально новой системы взаимодействия всех сил и средств на поле боя. С помощью специальных защищенных локальных сетей и средств вычислительной техники каждый элемент боевого порядка получает самую последнюю, достоверную и постоянно обновляемую информацию об обстановке, способен вносить в неё свои корректировки и дополнения.

Такой уровень организации взаимодействия позволяет подразделениям действовать как единое целое, опираясь на данные беспилотных летательных аппаратов, самолетов разведчиков,

спутников, системы глобального позиционирования и иной доступной информации. Поступающие сведения передаются на поле боя каждому военнослужащему и одновременно — органам управления войсками. Таким образом решаются и тактические задачи информационного обеспечения подразделений в ходе боевых действий, и стратегические — формирование комплексных сведений об обстановке в районе конфликта, а также координация в режиме реального времени действий разнородных сил и средств.

В настоящее время подобная концепция — «Комплексные сетевые возможности» реализуется и в рамках НАТО. Она предназначена для решения вопросов организации взаимодействия высокотехнологичных формирований национальных вооруженных сил в современных и будущих международных конфликтах.

В этой связи применение киберорружия целесообразно рассматривать в контексте именно такого типа войн. Киберорружие может весьма эффективно использоваться в качестве противодействия сетецентрическим или центро-сетевым боевым действиям (именно этой концепции придерживаются сегодня армии высокотехнологичных государств).

Главным в сетецентрических военных действиях является обеспечение максимально возможной информационной осведомленности подразделений на «поле боя» и поддержание информационных потоков между командованием, боевыми и тыловыми подразделениями. Выведение из строя телекоммуникационных каналов, соединяющих боевые единицы на «поле боя» между собой, с командно-штабными, логистическими и иными структурами, представляется наиболее действенным способом нанесения ущерба противнику в условиях сетецентрических войн. Такую задачу может сегодня решить только киберорружие. Киберорружие может выступать не только средством ведения асимметричной войны и уравнителем, но и инструментом справедливого возмездия. Имеется возмож-

ность применения киберорружия против военных, политических, финансово-экономических и промышленных инфраструктур страны-оператора. При этом масштабы причиненного ущерба в результате кибератак являются регулируемым параметром. Это значит, что имеется возможность вынуждения страны-оператора, ее союзников и бенефициаров к отказу от дальнейшего участия в конфликте.

По функциональному предназначению можно выделить следующие направления применения информационного оружия:

— информационно-техническое воздействие для нарушения работы и выведения из строя телекоммуникационных систем, электронных баз данных и отдельных физических элементов информационной инфраструктуры (разрушение сетей электропитания, создание помех, использование специальных программ, стимулирующих вывод из строя аппаратных средств, а также биологических и химических средств разрушения элементарной базы), искусственная перегрузка узлов коммутации;
— воздействие на операторов информационных и телекоммуникационных систем с использованием мультимедийных и программных средств для влияния на сознание или ухудшения здоровья человека;
— уничтожение или повреждение информационных, программных и технических ресурсов противника, преодоление систем защиты, внедрение вирусов, программных закладок и логических бомб;
— воздействие на программное обеспечение и базы данных информационных систем и систем управления с целью их искажения или модификации;
— воздействие на отдельные группы людей в рамках психологической войны:
— операции, направленные против населения;
— операции, направленные против войск противника;

— операции, направленные против командования войск противника;
— деструктивное воздействие на сферу национальной культуры.

В рамках психологической войны могут применяться угроза или проведение террористических актов в информационном пространстве, захват каналов СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации силы и доведения своих требований.

В государствах или группах с высоким уровнем информационно-технологического развития набор целей атак на стратегическом уровне очень богат: телекоммуникации и телефония, космические спутники, автоматизированные средства ведения финансовой, банковской и коммерческой деятельности; энергосистемы и т. п. Стратегические информационные системы в высокотехнологичных государствах часто дублируются на оперативном уровне по причине их уязвимости для атаки.

Содержательное раскрытие средств и систем информационного воздействия оформилось в следующее определение информационного оружия российскими экспертами: Информационное оружие — это «средства уничтожения, искажения или хищения информационных массивов, добывания из них необходимой информации после преодоления систем защиты, ограничения или воспрещения доступа к ним законных пользователей, дезорганизации работы технических средств, вывода из строя телекоммуникационных сетей, компьютерных систем, всего высокотехнологического обеспечения жизни общества и функционирования государства».

Наличие стратегических установок и на возможность и целесообразность оказания подрывного информационного воздействия на противника при наличие как специального «информационного оружия», так и информационно-коммуникационных технологий «двойного применения порождают вы-

сокую вероятность ведения информационных войн. Известные случаи вирусных и хакерских атак на компьютерные сети США и других стран усиливают опасность возникновения масштабных информационных войн и могут служить признаками приготовлений и своеобразных учений на реальных объектах. В такой войне, по экспертному мнению, побежденным может оказаться даже государство, которое обладает превосходящей противника военной мощью.

Угрозы применения кибероружия и гонка кибервооружений. Актуализация темы «информационных войн» и усиления угрозы применения информационного оружия привело к выделению киберугроз в число приоритетов обеспечения национальной безопасности. По мнению составителей доклада Национальной разведки США 2013 года, разведчики, государственные и негосударственные агенты всё более плотно засели за эксплуатацию просторов Интернета для достижения своих стратегических целей. Рост использования кибервозможностей практически меняет нормы поведения, порождая тем самым просчёты и недоразумения, которые могут привести к непредсказуемым реакциям. В итоге американцы чувствуют, что они стоят перед новыми киберугрозами, которые имеют критическое значение для экономической и национальной безопасности страны.

В Соединённых Штатах сегодня выделяют киберугрозы двух видов:

1. кибератака — наступательная операция, направленная на создание физического воздействия или получения доступа к управлению данными, их порче или удалению; сюда же входят и операции по так называемому «отказу в обслуживании» и такие атаки на сети, которые вызывают физическое повреждение и выход оборудования из строя;
2. электронный шпионаж — вторжения в сети с целью получения важной дипломатической, военной или экономической информации;

Эти угрозы применения специальных средств специального удаленного программно-аппаратного воздействия создают существенные риски для инфраструктуры современных государств.

Проводимые аналитиками зарубежных военных ведомств и специальных служб исследования выделяют два типа субъектов угроз на фронтах информационных войн: государства и их организации; негосударственные акторы. В числе «передовых» акторов директор американской разведки Дж. Р. Клэппер упоминает Россию, Китай (с оговоркой, что эти страны вряд ли пойдут на «разрушительное наступление против Соединённых Штатов») и Иран. Угрозу могут представлять и так называемые «хактивисты» (hacktivists, хакеры-активисты). Авторами доклада принципиально допускается появление радикальных групп, нацеленных на такие системные воздействия как разрушение финансовых сетей. К числу уязвимых объектов некоторые слабо защищённые сети, которые управляют основными жизнеобеспечивающими функциями (например, производство электроэнергии) с допущением вероятности кибератак в течение ближайших двух лет.

Подлинную революцию в кибервооружениях представляет собой проникающее киберорружие. Если традиционное киберорружие для своей доставки требует наличия сетей или каналов связи между оператором и атакуемой боевой техникой, то проникающее киберорружие обходится без этого. В наиболее общем виде механизм его действия базируется на возможностях целенаправленного изменения акустической, оптической и других сред с соответствующей модификацией сигналов, поступающих на внешние сенсорные датчики высокотехнологичных вооружений. При помощи этих воздействий обеспечиваются перебои в работе атакуемой боевой техники, либо полное уничтожение управляющих компьютеризованных блоков этой техники. В течение минувшего и этого годов были завершены необходимые экспериментальные испытания проникающих

кибервооружений и они поступили в кибервойска Соединенных Штатов и, возможно, Израиля.

В складывающихся реальностях ряд стран фактически начали подготовку к будущим кибервойнам. Недавно в СМИ просочилась информация о разработке Пентагоном плана X по уничтожению компьютерных систем. Его цель состоит в достижении превосходства на цифровом поле боя. Главной задачей реализации плана является нанесение мощных ударов по противнику и отражение ответных ударов. Это может быть сделано путем электронного «ослепления» противника перед нанесением воздушного налета, выведения из строя его линий коммуникаций уже в ходе боя или уничтожения компьютерных систем. По мнению военных специалистов, кибернетическое оружие вряд ли будет применяться самостоятельно и, вероятнее всего, будет поддерживать атаки с помощью обычных вооружений.

До недавнего времени в официальных документах США («Киберстратегия Пентагона» 2011 года) утверждалось, что действия американских военных в киберпространстве будут носить сугубо оборонительный характер. Однако уже в декабре Конгресс одобрил выделение киберкомандованию США бюджета на развитие наступательного кибероружия.

Сегодня появляется все больше свидетельств активного включения Пентагона в гонку кибервооружений. Так, командование ВВС США приступило к подготовке комплексной программы CWOC — Cyberspace Warfare Operations Capabilities (Возможности ведения военных операций в киберпространстве). С этой целью объявлен тендер на закупку целого ряда программ нарушения или уничтожения компьютерных сетей и центров управления вероятного противника стоимостью порядка $10 млн. В тендерных документах объявлено, что ВВС США намерены получить возможности уничтожать, ослаблять, нарушать, вводить в заблуждение, искажать и захватывать компьютерные сети и центры управления противника, выводить

их из строя при помощи DDoS-атак, заражать и взламывать операционные системы, серверы и иные сетевые устройства противника, устанавливать временный контроль над киберпространством. Заказанные программы должны поступить на вооружение ВВС США уже через год и быть не слишком сложными в применении.

Тендер объявило и Агентство перспективных исследований Минобороны США (DARPA) в рамках реализуемой им программы под названием «Plan X» и готово потратить на нее $110 млн. Программа направлена на проведение масштабного исследования кибервозможностей потенциальных противников и создание уникальной интерактивной карты (Digital battlefield map) для отслеживания степени защищенности объектов военной инфраструктуры противника от кибератак со стороны США (речь может идти о центрах оперативного управления, военных базах и складах, объектах транспортной инфраструктуры и системах электроснабжения). На карте предполагается разместить и военные объекты США с индикаторами степени их уязвимости для кибератак. Эта электронная карта должна быть непрерывно обновляемой и покрывающей все киберпространство.

С ее помощью американские военачальники смогут распознавать цели и выводить их из строя с помощью специальных программно-аппаратных средств. Авторы плана X рассчитывают предоставить командирам возможность проведения мгновенных атак и контратак путем разработки и реализации таких боевых сценариев, которые не потребуют участия операторов компьютерных систем. К работам по этой тематике привлекаются университеты и частные фирмы, а также изобретатели компьютерных игр. На программу исследований и разработок предусматривается выделить на период с 2013 по 2017 год $1,54 млрд.

Возрастание роли ИКТ в вопросах обеспечения национальной безопасности и переходу к практическим шагам по

подготовке к информационным войнам инициировал начало гонки кибервооружений. На фоне активности США в вопросах создания наступательного информационного оружия Иран и Китай предприняли масштабные шаги по созданию оборонительного информационного оружия.

Тегеран недавно объявил, что разрабатывает новые средства защиты на случай кибервойны, которая, по словам его военных, «опаснее, чем реальная война». Активизация национальных усилий в этой сфере обосновывается уже имевшимися попытками США и Израиля вывести из строя иранские ядерные объекты с помощью червя Stuxnet. В интересах обеспечения своего безопасности информационного пространства Тегеран приступил к разработке национальный Интернет (он уже получал в СМИ ярлык «халяльный»). В ответ на ряд антиисламских акций в западных странах Тегеран заблокировал доступ к ресурсам Google и Gmail, а около 5 млн сайтов (включая такие популярные социальные сети, как Twitter и Facebook) уже давно в Иране закрыты. Решение выйти из Всемирной паутины иранцы обосновывают необходимостью защиты «религиозных и национальных ценностей», а также угрозой кибервойны. Первым шагом в реализации этого плана явилось подключение к национальной сети правительственных департаментов и иранских университетов. Похожий путь выбрал Китай. В стране, где население давно переведено на «кибервоенное» положение, информация фильтруется цензурным механизмом под названием «Золотой щит» (есть и другое название — «Великая китайская огнеупорная стена»). Китай не ограничивается разработкой мер киберзащиты, а в рамках доктрины асимметричный войн рассматривает кибервооружения как инструмент ведения обособленных независимых войн и как неотъемлемый элемент крупномасштабных возможных будущих войн традиционного типа.

В 2012 году Армия Обороны Израиля приняла официальный документ, определяющий место кибервойск в структуре вооруженных сил. Документ гласит, что «киберпространство

является новым театром военных действий, наравне с наземным, воздушным, морским и космическим… Киберпространство может быть использовано для проведения различного рода обособленных атак, суть которых является секретной, а также для поддержки войсковым операций».

На серьезное отношение стран — членов НАТО к разработке современных концепций информационных операций указывает создание и успешное функционирование постоянно действующего «многонационального форума для специалистов в сфере стратегических коммуникаций, информационных операций и других, связанных с ними возможностей», известного в кругах специалистов под названием The Multinational Information Operations Experiment — (MNIOE) и созданного «для выявления общих и различных подходов в концептуальном понимании информационных операций». Миссией этой структуры является «дальнейшее развитие концепции Info Ops. В состав международной рабочей группы MNIOE входит и Канада наряду с Австралией, Францией, Германией, Великобританией и США. В группе, деятельность которой координируется вооруженными силами Германии, постоянно присутствуют представители Австрии, Португалии, Финляндии, Новой Зеландии и Швеции. Инициатива создания MNIOE является попыткой углубленного исследования принципов, процедур, инструментов и методов проведения Info Ops, которые могут быть применены в условиях многонациональных операций. Уточняющим документом стала Белая книга «Инфо Ops в будущих операциях коалиции».

В разработанном в недрах НАТО документе Work Package 1: Overview of Info Ops documents обобщены и проанализированы национальные концепты информационных операций Бельгии, Канады, Германии, Франции, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Швеции, Швейцарии, Великобритании, США, НАТО, ЕС с целью «выявления аспектов, которые имеют особое значение для операций альянса».

Доктринальные документы ВС Канады определяют информационные операции «как меры, принимаемые в поддержку политических и военных целей и влияющие на лиц, принимающих решения». Это определение созвучно формулировке Info Ops, содержащейся в концепции Европейского союза (Concept for EU PSYOPS in EU-led military operations) и документе НАТО MC 422/1, где под информационными операциями понимаются «меры, призванные влиять на принятие решений в поддержку политических и военных целей». Базовый документ НАТО JP 3–13 определяет информационные операции как «скоординированные действия, предпринятые с целью повлиять на информацию и информационные системы противника, защищая при этом собственные информацию и информационные системы».

В канадской доктрине информационных операций осуществлено их разделение на наступательные и оборонительные. Наступательные информационные операции предполагают проведение психологических операций, компьютерных сетевых атак, дезинформации. Оборонительные — нацелены на обеспечение защиты собственной информации и предоставление командованию и дружественным лицам «своевременного доступа к необходимой, актуальной и достоверной информации». При этом предполагается организация «полной защищенности процесса принятия решений от всех побочных эффектов, преднамеренного, непреднамеренного или случайного вмешательства».

Информационные операции в оборонительных и наступательных доктринах армии Канады. Вооруженные силы Канады (Canadian Forces. — CF), позиционирующие себя одним из ближайших союзников ВС США, несмотря на относительно небольшую численность, вполне разделяют концепцию своего соседа о максимальном расширении использования информационного пространства для военных наступательных, оборонительных и пропагандистских действий. Появление в США общей концепции стратегических информационных операций

предопределило вектор развития модернизации ВС Канады, в основу которой было положено Руководство по планированию обороны, содержавшее собственную концепцию включения информационных операций в оборонительные и наступательные доктрины. Актуализированная в 2007 году национальная концепция информационных операций Армии Канады (Info Ops) нашла отражение в Стратегии формирования канадских Вооруженных сил до 2020 года.

Активизация ряда государств в вопросах киберзащиты связаны с фактами широкого использования оппозиционными силами социальных сетей в период «арабской весны». Эти обстоятельства начинают рассматриваться экспертами как политический фактор кибервойн. Эти конфликтные по своей сути действия государств в киберпространстве фактически открыли традиционное состязание между средствами нападения и средствами защиты, что можно определить как начало «гонки кибервооружений». И если два-три года назад США рассматривало в качестве основных источников угрозы из киберпространства только Россию и Китай, то сегодня, по мнению американских экспертов, уже более 20 стран планируют и могут осуществлять различного рода информационных операции против Соединенных Штатов. В качестве носителей потенциальной угрозы сегодня называются Россия, Китай, Индия и Куба как страны, открыто подтвердившие политику подготовки к информационной войне и быстро наращивающие свои возможности в этом направлении. Северная Корея, Ливия, Иран, Ирак и Сирия рассматриваются как страны, обладающие определенными возможностями, а Франция, Япония и Германия — как страны, проявляющие большую активность в этой области.

Наиболее известным субъектом глобального киберпространства является сегодня Агентство национальной безопасности США (АНБ), в штате которой трудится порядка 35 тысяч сотрудников (наиболее крупная разведывательная служба мира). Возможности АНБ резко увеличиваются фак-

том расположения большей части ведущих интернет-компаний мира в США и прохождением через ее территорию львиной доли интернет-трафика. Такая уникальная позиция позволяет США заниматься контролем глобального информационного пространства. Раскрытая Э. Сноуденом (бывшим сотрудником компании, выполнявшей заказы АНБ) информация об организации тотального контроля этим Агентством глобального информационно-коммуникационного пространства подтвердило имевшиеся ранее на этот счет предположения. В опубликованных данных о сверхсекретной американской государственной программе PRISM раскрыт, в частности, комплекс мер по взаимодействию с разработчиками и операторами информационно-коммуникационных сетей и систем, позволяющий получать доступ к углубленному наблюдению за трафиком пользователей различных интернет-ресурсов. Эта программа позволяет АНБ прослушивать голосовые и видеочаты, просматривать электронную почту пользователей, видео, фото, отслеживать пересылаемые файлы, а также узнавать другие подробности из соцсетей. САНБврамках программы PRISM участвовали Microsoft (Hotmail), Yahoo!, Google (GoogleMail), YouTube, Skype, Facebook, AOL, Paltalk и Apple.

Кибертероризм и негосударственные источники угроз. Для повседневной жизни народов и государств имеет значение комплекс угроз и операций, получивших в СМИ название «кибертерроризм». Этот термин ввел в середине 1980-х годов Коллин Б. для того, чтобы обозначить террористические действия в виртуальном пространстве. Автор термина предполагал, что о реальном кибертерроризме можно будет говорить не раньше, чем в первые десятилетия 21 века, однако первые кибератаки были зафиксированы в начале 1990-х годов.

Чаще всего террористы используют Интернет для связи, пропаганды, вербовки членов и привлечения сочувствующих. Интернет активно используется для связи со СМИ. Наиболее опасным способом использования Интернета является

размещение на сайтах руководств по изготовлению бомб, оружия, организации терактов и пр. Кибератаки террористов пока являются редкостью или, во всяком случае, о подобных действиях террористов известно достаточно мало. Вместе с тем государственными организациями фиксируются десятки тысяч ежегодных попыток взломать их компьютерную защиту. По данным Международного Института Антитеррористической Политики (International Policy Institute for Counter-Terrorism), террористы уже использовали или в состоянии использовать такие виды «кибероружия», как компьютерные вирусы, «черви» и «троянские кони», «логические бомбы» и т. д. На сегодняшний день наиболее популярным и заметным видом кибертерроризма является взлом сайтов и размещение на них лозунгов и призывов. Исследовательская Служба Конгресса США (Congressional Research Service) пришла к выводу, что террористы, скорее всего, предпочтут использовать традиционные, более простые и смертоносные методы, не увлекаясь кибервойной.

Угроза кибертерроризма или использования сетевых инструментов для вывода из строя критически важных компонентов национальной инфраструктуры с целью принуждения или устрашения, постоянно возрастает. Для правильной оценки рисков кибертерроризма необходимо определить: вероятность успешного осуществления кибератаки; величину возможного ущерба. Первая величина может быть адекватно оценена только после комплексного обследования защищенности компьютерной сети. Оценить же ущерб от кибератаки может только владелец либо управляющий системы объекта атака. Оценка риска существенно усложняется по причине «человеческого фактора» и «инсайдерской информации».

Кибератаки различаются по объектам нападения: атаки на данные и атаки на системы управления. Несмотря на реальность подобных атак, эксперты по безопасности утверждают, что пока кибератаки могут явно привести только к временной недоступности критичных данных, но не к потере человечес-

ких жизней или разрушению физической инфраструктуры, хотя опосредованно это не исключается. Широко распространенное выражение «Компьютерная мышь может быть не менее опасна, чем снаряд или бомба» часто используется для произведения впечатления на непосвященных. Кибератаки могут иметь серьезные последствия, хотя и не связанные с нанесением ущерба жизни и здоровью людей. Многие энергетические компании и коммунальные службы управляют своими ресурсами при помощи систем контроля и сбора данных, которые могут быть уязвимы. Более 80% критичной сетевой инфраструктуры США находится в собственности частных компаний. После 11 сентября 2001 года безопасность таких корпоративных систем была провозглашена в качестве одной из основных целей Национальной стратегии обеспечения безопасности киберпространства США. Наиболее уязвимой к кибератакам является инфраструктура самой Сети. Некоторые уязвимости могут приводить к серьезным последствиям и при отсутствии кибератак.

Существенная доля инфраструктуры в России и многих других странах также принадлежит частным компаниям, которые во многих случаях не являются достаточно осведомленными в вопросах информационной безопасности и на которые сложно повлиять при помощи целевых государственных программ. При отсутствии регулирования со стороны государства, частные компании предпочитают экономить на безопасности. Кроме того, многие системы управления инфраструктурой функционируют в реальном времени и требования безопасности идут вразрез с требованиями производительности.

Реальное положение дел с проблемой кибертерроризма остается пока не столь устрашающим, однако не внушает и поводов для оптимизма. Кибератаки действительно могут иметь серьезные последствия, хотя и не связанные с нанесением ущерба жизни и здоровью людей, массовыми разрушениями и другими катастрофами. В наихудшем сценарии хорошо спланированная

массированная кибератака может временно вывести из строя системы телекоммуникаций в густонаселенных районах. С точки зрения правоохранительных органов наибольшая угроза заключается не в уязвимости Сети, а в предоставляемых ей для преступного мира возможностях глобальных телекоммуникаций, отслеживать которые чрезвычайно сложно. Те, кто действует подрывными методами, ощущают чувство превосходства и силу оттого, что могут контролировать компьютеры Правительства и привлекать внимание СМИ, но это не гарантирует политический успех. Результат таких действий — усиление политики киберзащиты, а не удовлетворение требований хактивистов или кибертеррористов. Для достижения атакующей стороной своих целей по нанесению ущерба через сеть Интернет используются виртуальные блокады, бомбардировки электронной почты, Web-хакерство и компьютерные взломы, а также компьютерные вирусы и черви.

Хакерство и компьютерные взломы стали обычным явлением, и мишенью становятся не только правительственные компьютеры, но и компьютеры коммерческих организаций, образовательных учреждений. Компьютерные вирусы или черви используются хактивистами для распространения лозунгов протеста или повреждения компьютерных систем.

Кибератаки хорошо подходят для нанесения неожиданных ударов, а существующая сейчас инфраструктура уязвима для таких атак. В отличие от традиционных военных наступательных действий, требующих использования подразделений людей и снабжения, кибератака может быть проведена небольшой группой обученных специалистов. Поэтому кибератаки могут быть часть партизанской военной компании. В отличие от других форм военных действий, запутывание следов — это одно из свойств кибератаки. Возможна ситуация, когда ущерб был нанесен, но невозможно определить, откуда это было сделано. Анонимность противника увеличивает запугивающее воздействие на атакуемую сторону.

Организационные структуры ведения информационных войн. После появление в глобальной сети вируса Stuxnet, который стал причиной физического повреждения объектов инфраструктуры, многие страны мира стали более активно наращивать свой потенциал в киберсфере. В настоящее время в мире происходит развертывание специальных структур, которые были бы ответственны за обеспечение кибербезопасности и кибероборонны. При министерствах обороны ведущих стран мира формируются специальные киберотделы. Идет работа над созданием отдельных киберкомандований, создаются стратегии поведения в киберпространстве и даже проходят полноценные военные учения с имитацией кибервойны.

США. Превращение информационных войн из концепции в реальность получает закрепляется соответствующим организационным оформлением. На основании доклада 1996 г. специальной комиссии по защите критической инфраструктуры в 1998 г. была издана президентская директива PDD-63, а в 2000 г. разработан и утвержден президентом национальный план защиты американских информационных систем. В США организация и проведение информационных операций вошли в число основных задач созданного в 2002 г. нового Стратегического командования (CDR USSTRATCOM).

В структурах вооруженных сил США уже несколько лет существуют специализированные подразделения, разрабатывающие не только концептуальные, но и практические документы, регламентирующие вопросы подготовки и ведения информационных операций. В соответствии с провозглашённой государственным руководством США стратегической целью достижения глобального информационного лидерства, администрацией Дж. Буша-мл. решение вопроса о создании военного киберкомандования перешло в практическую фазу. О создании такого командования в рамках ВВС США «AFCYBER» было объявлено в середине 2008 года, а в июне 2009 г. в рамках Стратегического командования создано Киберкомандование (USCYBERCOM).

Специализацией киберкомандования являются преимущественно наступательные операции по четырем основным направлениям: использование электронных средств ведения войны, информационные операции, сетевые войны и поддержка электронных средств коммуникации.Под эгидой нового командования предполагалось создание и развитие возможностей силового воздействия на противника в киберпространстве, включая «проведение интегрированных военных операций с применением электромагнитных технологий». Киберкомандование наделялось возможностями «сдерживания, разрушения, дезинформации, переубеждения и поражения врагов при помощи различных разрушительных и мирных, смертоносных и несмертоносных средств».

С приходом к власти в 2009 году администрации Б. Обамы развитие, применение и защита киберпространства стали одним из основных приоритетов. Сразу после своего избрания президент Б. Обама был ознакомлен с докладом Управления национальной разведки США «Глобальные перспективы 2025», в котором содержалось заключение о «назревшей необходимости принятия мер противодействия информационным угрозам», а также о необходимости рассмотрения этих угроз на уровне национальной безопасности страны. Аналогичный вывод содержался и в докладе Центра стратегических и международных исследований, посвященного политике кибербезопасности. В нем рекомендуется принять неотложные меры для недопущения обострения угроз национальной безопасности США по этому направлению. На рост информационных угроз национальной безопасности обратил внимание и Директор национальной разведки Д. Блэр в своем выступлении с ежегодным обзором в Комитете по разведке Палаты представителей Конгресса США. В качестве основной проблемы им названы уязвимость информационных элементов американской национальной инфраструктуры для кибератак, исходящих от государств отдельных индивидуумов.

Эти рекомендации были восприняты Президентом Б. Обамой, который в рамках стратегического курса на доминирование США в глобальном информационном пространстве стал уделять существенное внимание не только наступательным операциям, но и обеспечению кибербезопасности. Отнесение информационных угроз к уровню национальной безопасности нашло свое выражение в проекте федерального бюджета на 2010 год, где обозначены контуры расходов на разведывательную деятельность («Национальные разведывательные программы») и ключевые элементы национальной безопасности США. В этом документе угрозы федеральным информационно-технологическим сетям характеризуются как реальные, серьёзные и нарастающие, а задачам укрепления кибербезопасности отведен высокий приоритет.

Реализация политики нового государственного руководства США нашла свое воплощение в значительном повышении роли Министерства внутренней безопасности, Агентства национальной безопасности, Совета по национальной разведке, ЦРУ и других специальных служб. Одновременно с реформой системы обеспечения информационной безопасности администрацией Б. Обамы были приняты и другие организационные и законодательные меры, направленные на закрепление за Соединёнными Штатами статуса информационной супердержавы.

Одним из значимых шагов в этом направлении явился возврат к прорабатывавшемуся администрацией Дж. Буша-мл. проекту создания киберкомандования с существенным повышением его уровня — уже не в структуре военно-воздушных сил США, а в рамках стратегического командования («СТРАТКОМа»). Уже в мае 2009 г. официальные представители Пентагона объявили о создании нового военного киберкомандования, которое призвано обеспечить безопасность не только военных, но и гражданских информационных систем. В июне 2009 г. министр обороны США Р. Гейтс опубликовал меморандум, в котором говорилось о создании нового военного

киберкомандования. Именно на него планируется возложение ответственности за защиту военных компьютерных сетей и проведение наступательных кибероперацией против вражеских сил. По мнению многих экспертов в функции нового командования будет входить зашита не только военных но и гражданских информационных сетей. На слушаниях в Комитете по вооруженным силам Палаты представителей США директор АНБ заявил о совмещении новым командованием оборонительных и наступательных информационных средств Минобороны и АНБ. Кроме того, посредством создаваемого органа планируется поддержка средствами АНБ Министерства внутренней безопасности (МВБ), в чьи обязанности входит обеспечение информационной безопасности США. Для повышения эффективности противостояния информационным угрозам налаживается более тесное сотрудничество военных с частным сектором и МВБ. Источники в Пентагоне не исключают, что со временем кибервойска преобразуют в отдельное командование.

Вопросам развития и обеспечения новой структуры уделяется высокое внимание. Американское государств в 2014 году потратит на нужды киберкомандования Минобороны США $447 млн, что в 2,3 раза превышает объем финансирования 2013 года — $191 млн. Рост расходов киберкомандования связан главным образом с увеличением штата подразделения с 830 сотрудников (по состоянию на март 2013 г.) до примерно 5000 сотрудников к 2016 г. (2000 сотрудников ежегодно). Одновременно возрастут расходы США на киберзащиту в рамках бюджета МВБ. По этой статье в 2014 г. будет выделено $792 млн, что на $35,5 млн больше по сравнению с 2013 г. Совокупный бюджет Пентагона и МВБ США потратят на кибератаки и киберзащиту в 2014 г. составит $1,2 млрд, что примерно на 30% превышает расходы2013 г. ($948 млн).

Китай. Следует отметить, что Соединенные Штаты не являются пионерами в сфере создания подобных военных структур.

В этом вопросе их уже давно опередил Китай. Еще в 2000 г. там появились так называемые «Сетевые войска», которые стали отдельным родом войск НОАК.

Великобритания. Структуризацию государственного управления в соответствии с реалиями информационной войны проводят и другие государства. Министерство обороны Великобритании намерено привлечь сотни резервистов в качестве специалистов, которые будут работать вместе с кадровыми военными над созданием нового подразделения киберзащиты. В специальном заявлении министерства обороны говорится, что создание Объединенного киберподразделения резерва позволит воспользоваться талантами, навыками и опытом гражданского персонала. Задачи создаваемого подразделения будут состоять в защите компьютерных сетей и ценных данных. Министр обороны Ф. Хэммонд обосновал это решение реальностью угрозы кибернападений. По словам министра в 2012 году британские системы противодействия заблокировали около 400 тысяч враждебных киберугроз только в отношении внутренней сети правительственных учреждений. В июле 2013 года британский разведывательный центр технических средств разведки GCHQ сообщил, что в среднем в месяц он регистрирует около 70 попыток взлома британских компьютерных сетей. А в докладе министра по делам кабинета Ф. Мода для парламентской комиссии в декабре 2012 года, приводятся данные, что 93% крупных корпораций и 76% небольших и средних компаний сталкивались с компьютерными атаками в 2012 году. Объединенное киберподразделение будет при необходимости заниматься и разработкой планов кибернападений на возможного противника, обосновав это аргументом, что лучшей обороной является нападение.

Япония. Специальные «войска кибернетической безопасности» в составе вооруженных сил намерено создать и Правительство Японии.Такие решения принял в мае 2013 г. Совет по мерам информационной безопасности, который работает под

председательством генерального секретаря кабинета министров Ёсихидэ Суги.Премьер-министр Синдзо Абэ сделал на этом совещании следующее заявление: «Мы должны создать в Японии совершенно безопасную зону кибернетической деятельности, достойную страны с первоклассными информационными стандартами». Это решение вызвано тем, что Япония уже многократно становилась жертвой массированных атак неизвестных компьютерных взломщиков. Ими были на время поставлены под контроль информационные сети корпорации «Мицубиси хэви индастриз», занятой, в частности, выпуском военной и космической техники. Были зафиксированы также взломы компьютеров депутатов парламента. Новые подразделения ВС будут включать программистов и экспертов по компьютерным сетям, которые должны оградить от действий хакеров государственные и оборонные системы. В 2015 году предполагается также сформировать при правительстве Центр кибернетической безопасности для координации политику в этой сфере, включая подготовку специалистов. Принятые решения предполагается развитие с помощью правительства рынка услуг по защите компьютеров и сетей связи от взлома и проникновения к 2020 году увеличится вдвое (сейчас его оценивают в 600–700 млрд иен или $6–7 млрд).

Республика Корея. Власти Южной Кореи в начале 2014 года намерены учредить специализированный военный центр киберобороны, который будет работать под началом Объединенного комитета начальников штабов Минобороны Южной Кореи. В Южной Корее отмечают растущую хакерскую активность со стороны Севера. Сеул неоднократно заявлял, что у Пхеньяна есть «постоянно растущий отряд элитных хакеров», которые систематически устраивают провокации в Южной Корее — атакуют местные банки, подрывают работу органов местной власти и т. д. Хотя Пхеньян официально опровергает подобные заявления, Сеул учитывает это обстоятельство при постановке задач нового военного ИТ-формирования по противодействию

подобного рода атакам. В опубликованном парламентском отчете южнокорейские военные заявили об обновлении плана по противодействию кибератакам и расширении трактовки некоторых действия Северной Кореи как «невоенных провокаций».

В Сеуле пока не говорят, чем конкретно займется новый центр, но определяют его как своего рода информационный центр связи между крупными южнокорейскими предприятиями, органами власти и структурами Минобороны страны, а также орган сотрудничества с основным разведведомством страны — Национальной службой разведки. Представители Объединенного комитета начальников штабов заявляют, что основной задачей нового центра станет оборона военных, государственных и крупных бизнес-сетей. Однако в случае необходимости Центр также может выполнять и отражающие атаки. Найм персонала для работы нового центра запланирован на конец 2013 — начало 2014 года.

НАТО. Структуризация направления информационной войны происходит и в военных структурах военно-политического союза стран НАТО. Совместный центр НАТО по обмену передовым опытом в сфере киберзащиты в Эстонии (г. Таллин) был создан и аккредитован 14-го мая 2008-го года, после того как в 2007-ом году банковская система и учреждения государственного управления Эстонии пережили волну кибернападений. Миссией этого центра является расширение возможностей и сотрудничества, а также улучшение обмена информацией между станами-участницами и странами-партнёрами НАТО (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence)в сфере киберзащиты. Центр занимается подготовкой учебных программ, разработкой юридических и политических документов, организацией обучения, а также обеспечением защиты инфраструктуры критической информации. Директор этого совместного центра полковник И. Тамм заявил, что кибербезопасность не может быть достигнута силами одной страны, для чего необходимо более широкое учрежденческое и международное

сотрудничество. Достижение соглашения на международном уровне сложно, но необходимо, поскольку вопросы кибербезопасности обычно простираются за пределы государственных границ и для их решения необходимо международное сотрудничество. Как одну из сфер, в рамках которых должно быть достигнуто международное соглашение, полковник И. Тамм упомянул присоединение стран к Европейской конвенции по киберпреступлениям, что даст возможность странам расширить свои возможности по пресечению и уменьшению количества киберпреступлений.

В ноябре 2013 года появилась информация о том, что в Латвии создается передовой центр НАТО по вопросам стратегической коммуникации, который начнет работу с 2014 года. Предполагается, что Центр сможет оказывать содействие любой стране НАТО при столкновении с попытками чужих государств влиять на ее информационное пространство. Руководитель департамента военно-публичных отношений Минобороны Латвии К. Галкинс пояснил, что в понимании НАТО стратегическая коммуникация — это совокупность мер, которые позволяют сформулировать НАТО свою политику и задачи как для жителей стран-членов НАТО, так и международного сообщества. Цель центра НАТО по вопросам стратегической коммуникации — защита своей территории и жителей без использования военных средств. Госсекретарь Минобороны Я. Сартс отметил, что в наши дни стратегическая коммуникация может служить как оружием, так и щитом. Центр будет заниматься разработкой доктрин, аналитической работой, обучением, операциями. Выбор Латвии, по мнению политолога К. Даукштса, связан и с тем, эта страна представляет собой самое слабое звено в плане воздействия на нее «мягкой силы» России.

В центре планируется штат в 20–30 сотрудников, которые будут заниматься исследовательской сферой и операциями стратегической коммуникации. На финансирование центра Латвия в бюджете на 2014 год планирует выделить 3,2 млн латов,

большая часть которых будет израсходована на оборудование помещений, укрепление стандартов безопасности и приобретение современных технологий.

Россия. Вопросы создания киберкомандования прорабатываются и в Российской Федерации. По информации директора института политического и военного анализа А. Шаравина, Министерство обороны прорабатывает предложение о создании подобного командования порядка десяти лет. Концепция их создания подготовлена и прошла принципиальное утверждение на одном из заседаний Министерства обороны РФ еще летом 2012 года. На фоне информационной экспансии США в сетевом пространстве эта концепция стала быстро переходить в практическую реализацию. По сообщению газеты «Известия», министр обороны РФ С. К. Шойгу уже поручил главному оперативному управлению, организационно-мобилизационному управлению и ряду других ассоциированных структур как можно быстрее завершить проработку создания киберкомандования. При одобрении политическим руководством страны «чернового» варианта киберкомандования соответствующая структура может появиться уже в ближайшее время. По заявлению вице-премьера и председателя ВПК Д. Рогозина служебные полномочия киберкомандования будут покрывать не только военные цели, но и защиту гражданской инфраструктуры страны.

Следует отметить, что ряд силовых ведомств Российской Федерации уже создали свои собственные механизмы противодействия киберугрозам (управление «К» МВД, Центр информационной безопасности ФСБ). Управление «К» МВД РФ выявляет, расследует и пресекает компьютерные преступления на территории России, а Центр информационной безопасности ФСБ противодействует в виртуальном пространстве иностранным спецслужбам, экстремистским и преступным организациям, угрожающим национальной безопасности России. Киберкомандование Министерства обороны планируется как структура сдерживания киберугроз при попытках внешних посягательств на

интересы России со стороны других государств. После создания киберкомандования при Министерстве обороны в своем базовом виде складывается «большая тройка» организаций, привязанных к разным силовым ведомствам, и организационная схема распределения российских сил влияния на сетевое пространство. У каждой из этих трех структур в сети своя четко определенная сфера ответственности и полномочий. Это позволит эффективно минимизировать затраты и трения, возникающие при неясном позиционировании и нечетком разграничении сфер ответственности. Армия в этой системе «большой тройки» берет на себя наиболее близкую к практике войны задачу — борьбу с кибердавлением со стороны других государств.

На заседании Совета безопасности РФ в августе 2013 года президент В. В. Путин заявил о необходимости повышения степени готовности к эффективному парированию угроз в киберпространстве, а также уровню защиты информационных систем стратегических объектов. Он отметил, что информационные атаки уже применяются для решения военных и политических задач, причем их поражающая сила может быть выше, чем у обычных видов оружия. В ближайшее время правительство и военные силы РФ примут ряд мер, направленных на всестороннее отражение внешней киберугрозы посредством ускоренного наращивания военной кибермощи под прямым руководством армии. Согласно заявлению представителя Министерства обороны РФ, российская армия приступает к созданию структур нового типа, которые будут отвечать за информационную безопасность страны, осуществлять контроль и обработку информации из внешних источников осуществлять борьбу с киберугрозами по аналогии с действиями кибервойск США. Таким образом, по мнению наблюдателей, появление в рядах российской армии кибервойск — это вопрос ближайшего будущего.

Потенциальная опасность информационных войн для России. Информационная сфера, являясь системообразующим

фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, военной и других составляющих безопасности Российской Федерации.В соответствии с Основными положениями военной доктрины РФ ни одно государство не рассматривается в качестве вероятного противника. Вместе с тем, требуется учет реальной политики и стратегии государств, располагающих развитой информационной инфраструктурой.

Информационное противостояние государств на уровне киберсистем и глобальных коммуникаций — это уже сложившаяся и принятая государственными руководителями реальность.

Информационная война в нынешних условиях основана на компьютерной технике, системах электронных коммуникаций и программном обеспечении. Это значит, что основой превосходства в информационной войне является более высокий технологический уровень и организационное совершенство информационных систем. Следует также отметить, что научно-технический прогресс в информационно-коммуникационной сфере происходит революционными темпами, результаты которых в первую очередь внедряются в военном деле. Технологически развитые страны быстро развивают автоматизацию и роботизацию военной техники, переходят на дистанционное управление боевыми системами. Поскольку любое автоматизированное и роботизированное устройство имеет автономный блок управления со встроенным софтом, постольку открываются возможности для использования боевого софта как средства уничтожения или перехвата управления над автоматизированными или роботизированными боевыми устройствами.Данное обстоятельство также целесообразно рассматривать в контексте угроз России в информационной сфере.

Становится ясно: интернет для военных не только средство передачи информации, но и источником серьезных угроз. Сеть больше не может быть тем, для чего первоначально разрабатывалась, — надежной системой передачи данных в условиях глобального военного конфликта.

Одним из наиболее перспективных по оценке военных технологов и специалистов направлений являются разнообразные решения в области боевой киборгизации. На практике речь идет о создании различного рода экзоскелетов, кратно усиливающих возможности бойцов спецподразделений, имплантатов, позволяющих осуществлять контроль за бойцами, различного рода прямых интерфейсов человек-компьютер и даже использовании наномедицинских роботов, выполняющих свои функции на «поле боя». Создание и практическое применение в военных условиях интегрированных человеко-компьютерных систем позволяет использовать киберорружие не только против автоматизированных и роботоподобных боевых устройств, но и непосредственно против живой силы на «поле боя», и в первую очередь, против бойцов спецподразделений. Достижение успеха в данном сегменте военного противоборства также в значительной мере определяется уровнем развития ИКТ.

Неприятным для большинства стран мира, включая Россию, является предустановленное киберорружие. Подавляющая часть военных киберустройств, вмонтированных в высокотехнологичные, автоматизированные и роботизированные вооружения, построена на базе микропроцессоров и других электронных компонентов, производимых главным образом компаниями, относящимися к юрисдикции США, Великобритании и Тайваня. В этой элементной базе содержится предустановленный управляющий софт, который с большой вероятностью содержит различного рода «логические бомбы», «закладки» и т. п. Они приводятся в действие при помощи сигналов, передаваемых

Принципы, направления и механизмы реализации политики обеспечения информационной безопасности РФ

В России сформировалась и функционирует развитая система обеспечения информационной безопасности, которая опирается на почти сорокалетний практический опыт техни-

ческой защиты информации, сложившуюся организационную структуру и развитую нормативную правовую базу.

Целеустремленная государственная политики противодействия использованию потенциала информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях угрозы национальным интересам России ведет свой отсчет от принятой в 2000 году Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Этот документ создал методологический базис для понимания проблемы и обосновал ее место в системе обеспечения национальной безопасности.

Согласно Доктрине информационной безопасности РФ под информационной безопасностью России понимается *состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, которые определяются совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.*

Защита интересов личности. Система конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере в России основывается на ст. 2. Конституции РФ. Права человека внетерриториальны и вненациональны, их признание, соблюдение и защита не является только внутренним делом того или иного государства. Они являются объектом международно-правового регулирования.

В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ст. 17). Конституционные нормы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности представительной и исполнительной власти, местного самоуправления, обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Права и свободы человека и гражданина в информационной сфере включают в себя:

— право доступа к информации, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, право на тайну частной жизни (статьи 23 и 24),

— тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23),
— право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свобода слова (ст. 29).

Права гражданина определены в качестве приоритета и сформулированы в Доктрине следующим образом: первая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя:

— соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею;
— обеспечение духовного обновления России;
— сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны.

Права человека и гражданина в информационной сфере могут быть ограничены только «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55).

Государство обязано обеспечить реализацию этих прав и свобод с учетом установленных условий их ограничения. Оно вправе ограничивать право свободного обращения информации режимом гостайны, а право тайны частной жизни — рамками проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Особое значение для защиты неприкосновенности частной жизни как базового конституционного принципа обеспечения имеет законодательное регулирование сбора и использования персональных данных.

Защита интересов государства. Интересы государства связаны:

— с обеспечением его функций и задач по сохранению гостайны, проведению оперативно-розыскных и следственных действий.
— с решением задач защиты стратегических объектов и информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного управления РФ.

Это положение закреплено в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» N 149-ФЗ от 27 июля 2006 года (статья 12 «Государственное регулирование в сфере применения информационных технологий» и статья 16 «Защита информации»).

В интересах правового обеспечения информационной безопасности государства за последние годы приняты:

— Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности»,
— новая редакция Федерального закона «О связи»,
— изменения в ряд федеральных законов и УК РФ;
— кодифицированные нормативные правовые акты, отдельные положения которых составляют нормативную базу информационной безопасности:
    — Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации,
    — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации,
    — Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации,
    — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях,
    — Трудовой кодекс Российской Федерации.

Обеспечение информационной безопасности в РФ оформилось в относительно самостоятельное направление развития информационных технологий (ИТ), которые составляет от 10 до 20 процентов стоимости работ и поддержанию функционирования информационных систем (ИС). Темпы роста рынка

продуктов и услуг информационной безопасности в последние годы превышают общие темпы роста рынка ИТ.

Объем потребностей государственных структур в продуктах и услугах защиты информации составляет, по данным исследовательской компании IDC, 14%.

Защита интересов общества. Интересы общества в информационной сфере связываются существенным образом со стремительным развитием Интернет, социальных сетей и интернет-технологий.

Необходимо обратить внимание, что в 2003 году месячная аудитория пользователей сети Интернет (граждане, пользующиеся Интернетом хотя бы раз в месяц) в РФ составляла 9,9 млн человек или 9% взрослого населения России, а суточная (пользующиеся Интернетом хотя бы раз в сутки) — 3,2 млн человек или 3% населения. В 2012 году эти показатели составили, соответственно, 61,1 млн человек или 52% населения для месячной аудитории и 46,8 млн человек или 40% для суточной аудитории. Российский Интернет сегодня это более 5 млн доменных имен, зарегистрированных в трех доменных зонах верхнего уровня: .RU, .РФ и. SU.

Интернет-экономика в России по оценкам различных экспертов составляет от 0,5 до 2% внутреннего валового продукта (ВВП), а суммарно объем интернет-зависимых рынков в 2011 году превысил 2,52 трлн. рублей, что сравнимо с 4,62% ВВП. При этом объем рынка электронных платежей составил 166,7 млрд рублей, продажи электронного контента и игр — 8,24 млрд рублей, интернет-торговли — 309,4 млрд рублей.

Действующее российское законодательство не включает в себя комплексных нормативных правовых актов, посвященных системному регулированию общественных отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет.

В Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» были введены определения «сайт в сети Ин-

тернет», «сетевой адрес», «владелец сайта в сети Интернет», «провайдер хостинга» и другие. Однако вопрос относительно прав, обязанностей и ответственности субъектов права в сети Интернет в недостаточной степени отрегулирован и остается открытым.

Для дальнейшего развития рынка электронных услуг, электронной торговли, электронных средств платежа, повышения доверия граждан к сервисам, работающим в сети, необходимо обеспечить (повысить) защиту прав потребителя интернет-услуг.

Процессуальным законодательством не предусмотрена возможность использования сети Интернет для потребностей судопроизводства, доказательственная сила электронных документов с ЭЦП при дистанционно заключаемых соглашений по сети Интернет.

Политика информационной безопасности в этой области направлена на:

— снижение темпов роста киберпреступности;
— повышение уровня безопасности среды общения;
— защиту прав и свобод всех участников взаимодействия;
— гармонизацию правовой базы РФ с международными нормами права в сети Интернет;
— законодательную синхронизацию с зарубежными странами в области борьбы с киберпреступлениями.

Тем не менее, по широкому признанию специалистов, основные направления, требующие нормативного регулирования, включают в себя:

— создание понятийного аппарата, необходимого для отражения специфики взаимодействия всех субъектов сети Интернет, установление правового статуса основных технологических, информационных элементов и инфраструктуры Интернет;
— определение круга участников взаимодействия в сети Интернет, объема их прав и обязанностей, территориальной

юрисдикции РФ, позиции РФ в системе международных отношений в данной сфере.

— определение порядка функционирования электронных коммуникаций в сети Интернет:
  — использования электронной подписи в Интернете;
  — взаимоотношений в сфере электронных услуг: электронных платежей, электронной торговли, интернет-рекламы, облачных сервисов, поисковых сервисов, сервисов индексации и агрегации контента, социальных сетей,
— решение вопросов трансграничного взаимодействия в сети Интернет;
— описание механизмов использования сети Интернет в целях обеспечения электронной демократии, электронного голосования, вовлечения граждан в госуправление и муниципальное самоуправление, участия граждан в принятии решений;
— обеспечение гарантий информационной безопасности физических и юридических лиц:
  — защиты авторских, интеллектуальных и смежных прав;
  — определение правового статуса открытых и свободных лицензий;
  — защита персональных данных и иной информации ограниченного доступа;
— создание правовых инструментов предотвращения правонарушений в сети Интернет, борьбы со спамом, мошенничеством, ненадлежащей рекламой в сети Интернет, распространением вредоносной информации, определение ответственности за совершение иных виновных деяний в сети Интернет.

В сети Интернет гражданам должна быть предоставлена возможность упрощения фиксации юридически значимых действий для усиления ответственности участников в случае злоупотреблений.

Систематизация российского законодательства в области обеспечения информационной безопасности

Политика в области обеспечения информационной безопасности ИС оформлена в виде семи институтов и представлена системой законодательных отраслей права:

— институт информации, информационных технологий и защиты информации;
— институт персональных данных;
— институт государственной тайны;
— система мер по борьбе с компьютерной преступностью;
— институт электронной цифровой подписи (ЭЦП).
— институт технического регулирования;
— институт интеллектуальной собственности.

Институт защиты информации

Этот институт регулируется Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и другими нормами по использованию информации.

Цель данного института — защита прав и свобод человека и гражданина в области доступа к информации, информационным технологиям, а также защита информации от неправомерных действий. Для этого определены правовые режимы информации и ИТ, правовой статус обладателя информации и защиты информации.

Объектом рассматриваемого правового режима является информация независимо от формы представления данных (сообщений).

Правовой режим информации включает:

— право использования информации в качества объекта правовых отношений;
— право обладания информацией;
— право доступа к информации;

— право собственности и иные вещные права на магнитные носители с документированной информацией;
— документирование информации;
— право распространения и предоставления информации.

Электронное сообщение, подписанное (ЭЦП) или иным аналогом собственноручной подписи, признается электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручно (с некоторыми исключениями).

Информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на:
— общедоступную информацию;
— информацию ограниченного доступа.

Правила отнесения информации к информации ограниченного доступа (коммерческая, служебная, государственная и иная тайну) устанавливаются Федеральными законами. Граждане (физические лица) и организации (юридические лица) вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных законодательством. Гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от госорганов, органов местного самоуправления, их должностных лиц информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы в законодательно установленном порядке.

Право распространения и предоставления информации заключается в возможности свободного осуществления действий, направленных на получение информации неопределенным кругом лиц или на передачу информации неопределенному кругу лиц, (распространение) и действий, направленных на получение информации определенным кругом лиц или на передачу информации определенному кругу лиц (предоставление), при соблюдении требований, установленных законодательством РФ.

Объектом законодательства являются ИТ, которые представляют собой процессы и (или) методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации

и способы осуществления таких процессов и методов. ИТ реализуются в форме ИС и информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС).

Различают следующие виды информационных систем (ИС):

— государственные информационные системы (ГИС);
— муниципальные ИС;
— иные ИС.

Законом регулируются особенности эксплуатации ИС.

Правительство РФ вправе устанавливать обязательные требования к порядку ввода в эксплуатацию отдельных ГИС:

— не допускается эксплуатация ГИС без надлежащего оформления прав на использование ее компонентов, являющихся объектами интеллектуальной собственности.
— технические средства, предназначенные для обработки информации, должны соответствовать требованиям законодательства РФ о техническом регулировании.
— информация ГИС, являются государственным информационным ресурсом.

Защита информации обладателем информации и оператором ИС представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

— обеспечение защиты информации от неправомерного доступа;
— соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;
— реализацию права на доступ к информации.

Защита персональных данных. Институт персональных данных регулируется ФЗ «О персональных данных» от 8 июля 2006 г. и другими законами по особенностям обработки персональных данных.

В основу российского правового регулирования данной сферы положены документы Евросоюза:

— Директива Европейского Союза и Парламента 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите прав частных лиц применительно

к обработке персональных данных и свободном движении таких данных.

— Директива 97/66/ЕС от 15.12.97 по обработке персональных данных и защите конфиденциальности в телекоммуникационном секторе.

— Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, определяющий статус наблюдательного органа, обеспечивающего защиту прав и фундаментальных свобод человека в отношении его персональных данных (2001 г.)

Госдума приняла решение о ратификации Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» в ноябре 2005 года. В июле 2006 года принят Федеральный закон «О персональных данных» N 152-ФЗ, который вступил в силу в январе 2007 года. Важным положением этого решения является декларация приоритета прав личности при сохранении суверенного права устанавливать ограничения права субъекта персональных данных на доступ к ним в целях защиты безопасности государства и общественного порядка.

Применение закона возложено на специально созданную в 2007 году Федеральную службу по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. В настоящее время «функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства РФ в области персональных данных» осуществляет Роскомнадзор, входящий в ведение Минкомсвязи РФ. Нормативной основой его правоприменительной практик является Постановление Правительства РФ N 781 «Об утверждении Положения об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных», а также правовые акты федеральных органов исполнительной власти.

Предметом правового регулирования в области персональных данных являются отношения, связанные с обработкой этих данных с применением средств автоматизации или без их применения.

Под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

К особым категориям персональных данных относится информация, касающаяся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, а также о его физиологических (биометрических) особенностях, на основании которых можно установить его личность.

В целях защиты персональных данных законодательно закрепляются:

— принципы и условия обработки персональных данных и их конфиденциальность;
— права субъектов персональных данных;
— обязанности оператора при обработке персональных данных;
— механизм контроля и надзора за соблюдением законодательства.

Основным условием обработки персональных данных оператором является согласие субъекта этих данных, которое он дает своей волей и в своем интересе. Обязанность доказывать наличие согласия субъекта персональных данных на обработку или отнесения персональных данных к общедоступным лежит на операторе.

Согласие субъекта персональных данных не требуется в ряде специально определенных законом случаях обязательного предоставления таких данных.

Государственные и муниципальные ИС персональных данных создаются на основании специальных нормативных актов. К числу таких актов можно отнести:

— ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 1 апреля 1996 года N 27-ФЗ;
— ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»;
— ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 года N 109-ФЗ;
— ФЗ «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 года N 16-ФЗ (регламентирует вопросы создания автоматизированных централизованных баз персональных данных о пассажирах, и информационного обеспечения в области транспортной безопасности);
— Указ Президента РФ от 30 мая 2005 года N 609(в ред. Указа Президента РФ от 23.10.2008 N 1517) «Об утверждении положения о персональных данных государственного гражданского служащего РФ и ведении его личного дела».

Контроль и надзор за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства осуществляется Роскомнадзором — уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных.

Субъекты персональных данных, полагающие что их права и законные интересы нарушены, имеют право направить обращение в уполномоченный орган по защите персональных данных, который по результатам рассмотрения обращений принимает соответствующее решение. Это решение может быть обжаловано в судебном порядке.

К средствам защиты персональных данных при их обработке в ИС прилагаются правила пользования этими средствами, согласованные с ФСТЭК РФ и ФСБ РФ в пределах их полномочий. Эти средства подлежат учету и контролю.

Особенности разработки, производства, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации и предоставления услуг по шифрованию персональных данных при их обработке в ИС устанавливаются ФСБ РФ.

Институт Уполномоченных по защите персональных данных основывается на принципах института омбудсмена и представляет собой развитую самостоятельную независимую структуру, дополняющую традиционные институты государственной власти. Создание независимого института связано с необходимостью контроля деятельности различных ветвей государственной власти и создания более доступного для субъектов персональных данных и оперативно действующего механизма защиты их прав.

Защита государственной тайны. Институт государственной тайне основан на Законе РФ «О государственной тайне» и других актах законодательства, регулирующих вопросы защиты государственной тайны.

Предметом правового регулирования являются отношения, связанные с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием и рассекречиванием, распоряжением этими сведениями, а также их защитой.

Субъектами права в области гостайны являются органы государственной власти, местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, должностные лица и граждане РФ, взявшие на себя обязательства либо обязанными по своему статусу исполнять требования законодательства РФ о государственной тайне.

Цель правового регулирования — противодействие угрозам несанкционированного раскрытия сведений, составляющих государственную тайну.

Правовой режим государственной тайны включает следующие составляющие:

— порядок отнесения сведений к государственной тайне;
— порядок засекречивания и рассекречивания;
— порядок распоряжения сведениями, составляющими государственную тайну;
— система защита сведений, составляющих государственную тайну.

Отнесение сведений к государственной тайне осуществляется уполномоченными субъектами в соответствии с их отраслевой, ведомственной или программно-целевой принадлежностью на основе законодательно закрепленного перечня таких сведений.

Степень секретности сведений, составляющих государственную тайну, должна соответствовать степени тяжести ущерба, который может быть нанесен безопасности РФ вследствие распространения указанных сведений.

Основаниями для рассекречивания сведений являются:
— взятие на себя РФ международных обязательств по открытому обмену сведениями, составляющими в РФ государственную тайну;
— изменение объективных обстоятельств, вследствие которого дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, является нецелесообразной.

Компетентные органы государственной власти обязаны периодически, но не реже чем через каждые 5 лет, пересматривать содержание действующих в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях и организациях перечней сведений, подлежащих засекречиванию, в части обоснованности засекречивания и степени секретности сведений.

Контроль обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну, возложен на ФСБ России. Указом Президента РФ № 960 от 11 августа 2003 г. «Вопросы ФСБ РФ» к компетенции этого федерального органа исполнительной власти в области обеспечения информационной безопасности ГИС отнесены задачи обеспечения защиты сведений, состав-

ляющих гостайну, и противодействия иностранным организациям, осуществляющим техническую разведку.

ФСБ осуществляет меры по предотвращению проникновения спецслужб и организаций иностранных государств, преступных групп и отдельных лиц с использованием технических средств к охраняемым органами ФСБ сведениям, оказывает содействие предприятиям, учреждениям и организациям в разработке мер по защите коммерческой тайны. Спецподразделения ФСБ лицензируют деятельность организаций по проектированию и производству средств защиты информации, техническому обслуживанию и распространению шифровальных средств.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим реализацию государственной политики, организацию межведомственной координации и взаимодействия, специальные и контрольные функции в области государственной безопасности по вопросам защиты информации является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России).

Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспертному контролю» определены ее функции, задачи и полномочия. ФСТЭК реализует свои функции в системах информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, оказывающих существенное влияние на безопасность государства в информационной сфере. Организуемое ФСТЭК противодействие техническим разведкам направляется на обеспечение технической защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну и иной информации с ограниченным доступом, а также на предотвращение утечки данных по техническим каналам и несанкционированный доступ к охраняемым сведениям.

К числу важных открытых нормативных правовых актов по обеспечению защиты информации в ИС относятся:

— Руководящий документ «Защита от несанкционированного доступа к информации. Программное обеспечение средств защиты информации. Классификация по уровню контроля отсутствия недекларированных возможностей»;
— Положение о сертификации средств защиты информации по требованиям безопасности информации.

Борьба с компьютерной преступностью. Отношения, возникающие в сети Интернет, вовлекают в себя все большее число граждан, поскольку развитие интернет-технологий позволяет эффективно решать комплекс вопросов в рамках ограниченных ресурсов (времени, человеческой энергии, денег), повышает результативность действий, обеспечивая качество и контроль достижения необходимой цели. Вместе с ростом числа пользователей и рынка интернет-услуг растет и число киберпреступлений.

Посягательства на интересы граждан и государств в информационной сфере квалифицированы как уголовные преступления. Уголовный кодекс РФ с 1997 года содержит главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая включает в себя статьи 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации), 273 (Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ) и 274 (Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети).

Для выявления, предупреждения и пресечения этого вида преступной деятельности в структуре МВД России создано Бюро специальных технических мероприятий, с 1998 года в центре и на местах действуют специализированные подразделения, объединенные в так называемую линию «К».

Компьютерная преступность имеет и финансовую направленность. В частности, ущерб от нее в 2011 году составил 12,5 млрд долларов. Из них на долю «русских» хакеров приходится до трети всех доходов — около 4,5 млрд долларов. Интернет-мошенничество и спам составляют более половины рынка. В 2011 году российские интернет-мошенники сумели похитить

около $942 млн; за ними следуют спамеры, которые заработали $830 млн; внутренний рынок Cybercrime to Cybercrime составил $230 млн; а DDoS — $130 млн.

Ущерб от выявленных в 2012 году в России киберпреступлений оценивается более чем в 70 млн рублей. При этом количество хищений денежных средств с использованием ИКТ растет высокими темпами: за последний год произошло удвоение финансовых показателей российского рынка.

Сегодня наибольшую опасность приобрели следующие угрозы киберпреступлений с экономическими последствиями:

— галопирующий рост количества и сложности DDoS-атак;
— направленные атаки на финансовый сектор и рост инцидентов в системах ДБО;
— резкий всплеск случаев смс-мошенничества на территории стран СНГ;
— использование приемов социальной инженерии в целях хищения персональной информации и интернет-мошенничества.

Отмечается централизация и глобализация рынка киберпреступности, что требует налаживания эффективного международного сотрудничества.

Электронная цифровая подпись. Институт электронной цифровой подписи (ЭЦП) образуется совокупностью положений Гражданского кодекса РФ, ФЗ «Об электронной цифровой подписи», ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», ФЗ «О связи», других федеральных законов и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ, а также соглашением сторон.

Предмет правового регулирования в области ЭЦП подписи составляет совокупность отношений, возникающих при совершении гражданско-правовых сделок с использованием электронных документов.

Цель правового регулирования заключается в обеспечении правовых условий использования ЭЦП в электронных документах,

при соблюдении которых ЭЦП признается равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе.

В основу правового регулирования положен режим ЭЦП подписи, включающий:

— условия признания равнозначности ЭЦП и собственноручной подписи;
— институты сертификата ключа ЭЦП и владельца сертификата;
— институт удостоверяющих центров (УЦ).

Использование несертифицированных средств ЭЦП и созданных ими ключей ЭЦП в корпоративных ИС государственной власти и органов местного самоуправления не допускается. Сертификация средств ЭЦП осуществляется в соответствии с законодательством РФ о сертификации продукции и услуг.

Удостоверяющим центром (УЦ), выдающим сертификаты ключей подписей для использования в ИС общего пользования, должно быть юридическое лицо, выполняющее функции, предусмотренные настоящим ФЗ. При этом УЦ должен обладать необходимыми материальными и финансовыми возможностями, позволяющими ему нести гражданскую ответственность перед пользователями сертификатов ключей подписей за возможные убытки.

Порядок использования ЭЦП в корпоративной ИС устанавливается решением владельца корпоративной ИС или соглашением участников этой системы.

Институт технического регулирования. Техническое регулирование основан на ФЗ «О техническом регулировании», принимаемых в соответствии с ним ФЗ и иных нормативно-правовых актов РФ.

Предметом правового регулирования в рассматриваемой области являются отношения, возникающие при:

— разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, процессам производства и другим процессам;

— разработке, принятии, применении и исполнении на добровольной основе требований к продукции, процессам производства и другим процессам, выполнению работ или оказанию услуг;

Основными источниками технических требований, устанавливаемых в рамках технического регулирования, являются технические регламенты и стандарты. Технические регламенты с учетом степени риска причинения вреда устанавливают требования, обеспечивающие необходимый уровень безопасности.

Важнейшим требованием к ИС в плане обеспечения информационной безопасности является их защищенность от несанкционированного доступа (НСД). Обеспечение защиты основывается на требованиях по защите к разрабатываемым средствам вычислительной техники (СВТ) и автоматизированных информационным системах (АИС), формулируемых заказчиком и согласуемых с разработчиком.

Требования по защите обеспечиваются разработчиком в виде комплекса средств защиты.

Организационные мероприятия для АИС реализуются заказчиком.

Ответственность за разработку комплекса средств защиты возлагается на главного конструктора СВТ или АС.

К документам в области стандартизации, используемым на территории РФ, относятся:

— национальные стандарты;
— правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации;
— классификации и классификаторы технико-экономической и социальной информации;
— стандарты организаций.

Соответствие требованиям подтверждается документальным удостоверением. Добровольное подтверждение соответствия осуществляется в форме добровольной сертификации,

осуществляемой по инициативе заявителя на условиях договора между заявителем и органом по сертификации.

Обязательное подтверждение соответствия проводится только в случаях, установленных соответствующим техническим регламентом, и исключительно на соответствие требованиям технического регламента.

Декларирование соответствия осуществляется по одной из следующих схем:

— принятие декларации о соответствии на основании собственных доказательств;
— принятие декларации о соответствии на основании собственных доказательств, доказательств, полученных с участием органа по сертификации и (или) аккредитованной испытательной лаборатории (центра) (далее — третья сторона).

Национальные стандарты и общероссийские классификаторы технико-экономической и социальной информации, в том числе правила их разработки и применения, представляют собой национальную систему стандартизации.

Международные стандарты в области информационной безопасности

Россия в значительной мере интегрирована в глобальное информационно-коммуникационное пространство, широко применяет зарубежные программно-аппаратные средства для создания государственных информационных систем и обеспечения информационной безопасности. В этой связи существует необходимость согласования технических аспектов обеспечения информационной безопасности с мировыми стандартами.

Наиболее широко распространенным является стандарт ISO/IEC 15408–99 «Критерии оценки безопасности информационных технологий», применяемый для оценки безопасности информационных технологий.

Международный стандарт ИСО/МЭК 15408–99 (более известный под названием «Общие критерии») представляет собой результат обобщения опыта различных государств по разработке и практическому использованию критериев оценки безопасности информационных технологий. Необходимо обратить внимание на документ: ISO/IEC 18028–1:2006 Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Сетевая ИТ безопасность. Управление сетевой безопасностью. Этот стандарт содержит руководство по созданию сетей и организации взаимодействия с учетом аспектов безопасности при соединении сетей между собой и при получении удаленного доступа к сети.

Создание единой системы ИКТ-обеспечения нужд госуправления, обороны страны, национальной безопасности и правопорядка. Важной областью государственного регулирования в части информационной безопасности инфокоммуникаций является предоставление услуг спецпользователям.

В настоящее время подготовка и использование ресурсов единой сети электросвязи РФ для обеспечения функционирования сетей связи специального назначения осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22.02.06 № 103 «Об утверждении Правил подготовки и использования ресурсов единой сети электросвязи РФ в целях обеспечения функционирования сетей связи специального назначения», в котором определен порядок подготовки и использования ресурсов единой сети электросвязи РФ.

Важнейшей составной частью инфокоммуникаций на территории России является сеть связи общего пользования. Одним из действенных механизмов обеспечения её безопасности выступает государственное регулирование отношений в данной сфере. Это направление основывается на Федеральном законе «О связи» от 7 июля 2003 года N 126-ФЗ и Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ.

Федеральное законодательство в области связи (статья 7. Защита сетей связи и сооружений связи ФЗ «О связи») обязывает операторов связи при строительстве и эксплуатации сетей связи учитывать необходимость защиты средств связи от несанкционированного доступа к ним.

Целью государственного регулирования в части обеспечения целостности сети связи общего пользования, как составной части единой сети, является создание условий для обеспечения потребностей в связи для нужд государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Применительно к сетям связи информационная безопасность включает три основные составляющие:

— конфиденциальность или защиту чувствительной информации от несанкционированного доступа;
— целостность информационных ресурсов — обеспечение и защиту достоверности и полноты данных, в том числе и программных средств или программного обеспечения;
— устойчивость функционирования сети связи, включающая в себя обеспечение доступности основных услуг для пользователя услугами связи в нужный для него момент времени (доступность).

Совершенствование нормативной базы. Деятельность ведется в направлении разработки и реализации требований к безопасности сети связи общего пользования и требований по защите от несанкционированного доступа к ним и защите передаваемой по ним информации.

Важным шагом в развитии единой системы ИКТ-обеспечения нужд госуправления, обороны страны, национальной безопасности и правопорядка является создание общероссийского государственного информационного центра (ОГИЦ). Его создание ведется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15 августа 2006 г. № 502. ОГИЦ представляет собой организационную основу формирования пространства доверительного информационного взаимодействия (нацио-

нального домена доверия) в РФ. Особенность организации критической инфраструктуры и стратегических объектов заключается в следующем: если традиционно национальная безопасность была преимущественной сферой ответственности федерального правительства, то защита критических инфраструктур и ключевых активов является совместной ответственностью и осуществляется скоординированными действиями со стороны:

— федерального правительства и местных правительств;
— частного сектора и заинтересованных граждан.

Взаимодействие такого плана хорошо отработано в США. Этот опыт представляется полезным для России, так как большая часть ИКТ-инфраструктуры принадлежит частным телекоммуникационным компаниям.

В силу данного обстоятельства необходимость проведения политики обеспечения безопасности функционирования ИКТ-инфраструктуры страны требует консолидации и координации национальных усилий, четкого разграничения прав, обязанностей и ответственности всех участников национального информационного обмена. Целостного документа, подобного американской национальной стратегии для физической защиты критических инфраструктур и ключевых активов, в России пока не разработано.

О защите информации в ведомственных и корпоративных ИС

Обеспечение информационной безопасности в РФ оформилось в относительно самостоятельное направление развития ИТ. Тем не менее, во всех федеральных округах созданы и функционируют комиссии по вопросам информационной безопасности. Вопросам защиты стратегических объектов и информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного управления всегда уделялось и уделяется повышенное внимание высших органов власти РФ.

Вопросы защищенности информационных систем (ИС) определяются в рамках общей стратегии решения задач информационной безопасности.

Основные риски при создании ИС определяются на уровне основной деятельности организации, обеспечиваемой ИТ. Каждый стратегически важный объект определяет риски в соответствии с профилем своей деятельности.

Расчет рисков системно-технического и инфраструктурного плана подчиняется решению проблем обеспечения безопасности основной деятельности. Для правильной постановки работы и эффективной защиты корпоративных и индивидуальных ИС необходимо четкое понимание ИТ-угроз, природы и каналов утечки информации.

Анализ содержания информации свидетельствует о том, что подавляющее большинство (93%) утечек составляют утечки персональных данных, а 6% приходится на коммерческую тайну и ноу-хау (секреты производства).

Ценность персональных данных год от года растет, так как по мере «виртуализации» экономики и развития электронного бизнеса появляется все больше возможностей для мошенничества с использованием чужих персональных данных. В ближайшем будущем ожидается дальнейший рост стоимости персональных данных.

Ценность другой конфиденциальной информации (государственная тайна, коммерческая тайна) если и растет, то не так быстро, как персональных данных.

Нормативное правовое обеспечение информационной безопасности в ведомствах (пример банковской системы РФ). Вопросы обеспечения информационной безопасности банковской системы решаются на основе ведомственного Положения «Об обеспечении информационной безопасности автоматизированных систем Банка России, предназначенных для обработки, хранения и (или) передачи информации ограниченного доступа» и в соответствии со Стандартом Банка России БР ИББС-1.0–2006

Центральный банк России при формировании системы информационной безопасности рассчитывает, прежде всего, риски, связанные с кризисом и неплатежей, падением доверия к денежной системе и т. п.

В качестве примера нормативно-правового обеспечения информационной безопасности регионального уровня хотелось бы проанализировать опыт защиты информации в ИС городе Москва. В Москве на основе федерального законодательства создана нормативная правовая база по обеспечению информационной безопасности в ИС данного субъекта Федерации. Эта база содержит следующие акты:

— Основные направления Политики информационной безопасности Правительства Москвы
— Положение о защите информации в информационных системах и ресурсах органов исполнительной власти г. Москвы.
— Методические рекомендации по формированию требований к обеспечению информационной безопасности ИС и ресурсов органов власти г. Москвы.
— Классификатор конфиденциальной информации, содержащейся в информационных системах и ресурсах органов исполнительной власти г. Москвы.
— Положение о реестре конфиденциальной информации, содержащейся в информационных системах и ресурсах органов исполнительной власти г. Москвы.

Специальные меры обеспечения информационной безопасности. Принятие решений об использовании ИТ на стратегически важных объектах основывается на проработанных и апробированных регламентах и правилах. Общие требования к информационной безопасности не могут и не должны разделять ИТ по признаку производителя. Принципиально важно, чтобы ИТ надежно и эффективно решали задачу, для которой создавались, и имели необходимый набор средств защиты, обеспечивающих такие стандартные процедуры защиты информации, как:

— контроль доступа к информации со стороны пользователей ИС;
— контроль физической сохранности баз данных и их непротиворечивости;
— контроль конфиденциальности передаваемых по сетям данных и работоспособности сетевой инфраструктуры.

Возможность целенаправленного нанесения ущерба национальной безопасности с использованием канала поставок произведенного в других странах ПО также учитывается при обеспечении информационной безопасности на стратегически важных объектах. Эта деятельность оформилась в отдельное направление — контроль ПО на предмет отсутствия в нем недекларированных возможностей.

Не декларированные возможности ПО — это функциональные решения, не описанные или не соответствующие описанным в документации, при использовании которых возможно нарушение конфиденциальности, доступности или целостности обрабатываемой информации. Реализацией не декларированных возможностей являются, в частности, программные закладки, которые преднамеренно вносятся в ПО и инициируют при определенных условиях выполнение не описанных в документации функций ПО, приводят к нарушению конфиденциальности, доступности или целостности обрабатываемой информации.

Деятельность в данной области регламентируется руководящим документом (РД) ФСТЭК «Защита от несанкционированного доступа к информации. Программное обеспечение средств защиты информации. Классификация по уровню контроля отсутствия недекларированных возможностей». ПО, приобретаемое для стратегически важных объектов, проходит обязательную сертификацию, включающую в себя выполнение набора требований по составу и содержанию документации, представляемой заявителем для проведения испытаний ПО, а также проведение и анализ результатов соответствующих испытаний. Важным условием проведения испытаний ПО

в центрах сертификации ФСТЭК является раскрытие их производителями исходных кодов поставляемой продукции. Данная мера позволяет не только осуществить контроль отсутствия не декларированных возможностей ПО, но также оценивать качество входящего в его состав программных решений по защите информации и оснастить его российскими средствами криптографической защиты.

Создание совместными усилиями зарубежных и российских разработчиков защищенного ПО для стратегически важных объектов с его последующей сертификацией в ФСТЭК и ФСБ России — достаточно отлаженный процесс.

Все крупные зарубежные производители ПО, применяемого на стратегически важных объектах РФ, провели сертификацию своей продукции в ФСТЭК и ФСБ России.

Таким образом, созданная и функционирующая в РФ система информационной безопасности с достаточной надежностью обеспечивает защиту информации при использовании зарубежного ПО на стратегически важных объектах.

Обеспечение технологической независимости России в информационно-коммуникационной сфере. Состояние информационной безопасности в России характеризуется высоким уровнем технологической зависимости. Это касается как технических средств, так и программного обеспечения, в первую очередь, системного. Такая зависимость в некоторых секторах государственного управления может создать угрозу национальной безопасности. Проблема осознается многими странами мира, которые ищут альтернативу в разработке национальных программных продуктов на основе систем с открытым кодом. Подобные разработки начаты сегодня и в России, а их заказчиком выступило государство.

Особую тревогу вызывает состояние отечественной сферы программного обеспечения (ПО), и значимость разработки отечественного ПО для безопасности страны. Речь идет, прежде всего, о разработке отечественного ПО для государственных нужд.

Применяемое в России ПО для государственных нужд является преимущественно покупным зарубежным продуктом. Внедрение зарубежных ERP-систем в российских учреждениях требует проведения существенных предварительных работ по их реорганизации и реинжинирингу процессов управления. Отечественные решения — это, в основном, учетные системы. Возможности планирования и связывания между собой информационных объектов по определенным бизнес-логикам представлены в них слабо, что не позволяет относить российские разработки к классу полноценных ERP-систем. Отечественных интеграционных платформ в настоящее время не существует. Нет в России также опыта разработки и деятельного участия в формировании интегрированных архитектур для информационно-аналитического обеспечения задач управления.

Однако проблема создания собственного ПО государственного назначения — это не только и не столько задача специалистов в области программирования, сколько задача управленцев, консультантов стратегического уровня и специалистов по алгоритмизации процессов управления. Без разработки самостоятельных алгоритмов создание отечественного ПО для государственных нужд представляется невозможным.

Важное значение для обеспечения технологической независимости имеет национальный проект «Национальная программная платформа», одной из стратегических целей которой является формирование и развитие отечественной индустрии ИТ.

Роль экспертного сообщества в решении проблем информационной безопасности России. Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум» — одно из центральных ежегодных ИТ-мероприятий в Российской Федерации. Форум проводится с 2001 года, инициаторами его проведения выступили Аппарат Совета Безопасности Российской Федерации и Комитет Государственной Думы Российской Федерации по безопасности. Инфофорум стал первым отечественным

мероприятием в сфере информационной безопасности и за время своего существования превратился в знаковое событие отрасли. Появление Инфофорума предопределило время, ведь, как известно, XXI век — век информации. Россия нуждалась в новой дискуссионной площадке, способной консолидировать экспертное сообщество, бизнес и государство для определения направлений развития информационного общества и решения проблем информационной безопасности. Такой площадкой и стал Инфофорум.

Всего лишь десятилетие назад проблематика информационной безопасности представляла интерес преимущественно для узкого круга специалистов. С развитием информационно-коммуникационных технологий вопросы информационной безопасности приобрели значение для массовой аудитории. Инфофорум из узкоспециального мероприятия превратился в масштабный всероссийский форум, в рамках которого проходит обсуждение широкого спектра технологических и гуманитарных проблем обеспечения информационной безопасности, вырабатываются предложения по формированию государственной политики в этой сфере, анализируется практика правоприменения, демонстрируются новые российские и зарубежные решения.

Аудиторию Инфофорума составляют специалисты, работающие во всех отраслях экономики, представляющие органы федеральной и региональной власти, местного самоуправления, науку, образование, бизнес. Сегодня Инфофорум — это целый ряд мероприятий, посвященных различным аспектам информационной безопасности: Национальный форум информационной безопасности «Инфофорум», Евразийский форум информационного взаимодействия «Инфофорум-Евразия», международная конференция «Доверие и безопасность в информационном обществе», которая проводится за рубежом, всероссийские тематические конференции по электронному документообороту и электронному образованию, региональной

безопасности, безопасности в Интернете, а также круглые столы, профессиональные конкурсы и премии.

Важный аспект деятельности Инфофорума — привлечение внимания широкой общественности к проблематике информационной безопасности и защиты информации. Так, Инфофорум является инициатором и организатором ежегодной Всероссийской акции «Информационная безопасность для всех», которая проходит при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, Общественной Палаты РФ и при участии образовательных учреждений и других организаций из всех регионов России.

Отличительной чертой деятельности Инфофорума является то, что с момента основания с нами активно сотрудничают как коммерческие компании, так и органы государственной власти, правоохранительные органы, силовые ведомства.

Мероприятия Инфофорума проводятся при организационной поддержке Совета Безопасности РФ, Комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы РФ, МИД России, ФСБ России, ФСТЭК России, Правительства Москвы и многих других федеральных и региональных ведомств. Среди партнеров Инфофорума — крупные российские и международные ИТ-компании. Такое многостороннее сотрудничество, осуществляемое в рамках Инфофорума, предоставляет уникальную возможность для взаимодействия бизнеса и государства. Инфофорум дает представителям ИТ-сектора экономики возможность выйти со своими инициативами и предложениями на самый высокий уровень, а государству, в свою очередь, — быть в курсе последних ИТ-тенденций, понимать, чем живет ИТ-бизнес в России, какие существуют проблемы, достижения и перспективы.

По итогам мероприятий Инфофорума принимаются резолюции и другие итоговые документы, содержащие выводы и предложения по развитию отрасли информационной безопасности и ее законодательному регулированию. Рекомендации

Инфофорума направляются в Правительство РФ, становятся основанием для предложений по совершенствованию законодательства в сфере защиты информации, персональных данных, доступа к информации, внедрения электронных сервисов для граждан.

За время работы Инфофорум создал и сплотил вокруг себя сообщество авторитетных экспертов в области информационной безопасности, которые принимают конкретные решения, определяющие настоящее и будущее отрасли в нашей стране. По сути, Инфофорум сегодня, в отсутствие специализированного органа, отвечающего за информационную безопасность в Российской Федерации, выполняет функцию межведомственного и межинституционального координатора усилий различных структур по развитию отрасли информационной безопасности и укрепления информационных рубежей государства.

Представления экспертного сообщества о направлениях совершенствования работ по обеспечению информационной безопасности России. Экспертное сообщество указывает на целесообразность принятия следующих мер:

— Совершенствование законодательства о государственной тайне;
— Принятие ФЗ «О служебной тайне»;
— Разработка ФЗ «Об особенностях обеспечения информационной безопасности критически важных объектов информационной и телекоммуникационной инфраструктуры»;
— Решение вопроса о присоединении России к международному Соглашению по признанию сертификатов «Общих критериев оценки безопасности ИТ»;
— Завершение нормативного правового обеспечения защиты персональных данных в ведомственных ИС и деятельности операторов персональных данных;
— Координация законодательного обеспечения и технического регулирования обеспечения информационной безопасности;

— Нормативное правовое обеспечение технологической защиты информации
— Координация деятельности по законодательному и нормативному правовому обеспечению информационной безопасности.

Важным в контексте экспертных предложений выступает и проект создания специализированного центра. Российские специалисты полагают, что области и направления деятельности экспертного сообщества предполагают расширение возможностей координации их усилий, например, в формате создания специализированного центра информационных исследований и передовых информационных разработок. Этот центр должен выступить как площадка для интеллектуального общения специалистов в области прогнозирования научно-технического развития, размещения заказов и организации проведения перспективных НИОКР, а также взаимодействия с научным и технологическим сообществом по вопросам применения получаемых результатов в военных и гражданских целях.

При создании Центра целесообразно учитывать советский опыт организации НИОКР в интересах обороны страны, а также успешно работающих механизмов в других странах. Набольший интерес, по мнению многих экспертов, представляет организация НИОКР в интересах оборонного ведомства США.

Определение перспективных направлений исследований и разработок по информационно-технологической тематике

Организация управления процессами модернизации и инновационного развития оборонной сферы требует четкой постановки практических целей на инженерном уровне, определения направлений фундаментальных и прикладных исследований в интересах военного ведомства. Поэтому финансирование проектов должно иметь вполне определенные практические цели и ориентироваться на инженерную реализацию.

При определении тематики инновационной деятельности целесообразно учитывать мировые тенденции научно-технического развития, новые вызовы и угрозы национальной безопасности, а также научно-производственный и интеллектуально-кадровый потенциал для постановки и решения инновационных задач. Анализ работ, проводимых DARPA в интересах Минобороны США, позволяет выделить следующие темы и направления, которые целесообразно учитывать при определении тематики работ российских специалистов:

Разработка нового стандарта передачи данных через глобальную паутину. Military Network Protocol (военный сетевой протокол — MNP), будет отличаться от нынешнего фундамента сети — TCP/IP повышенной безопасностью, динамическим распределением пропускной способности и основанных на правилах уровнях приоритетов для отдельных участников и узлов сети.

Проект создания вычислительной системы с оптическими внутренними связями, умещающейся в корпус настольного ПК, способной в перспективе превратиться в портативный суперкомпьютер.

Проект создания «аморфных роботов» для решения военных задач реализуется на стыке микроэлектроники, информационных технологий и механики микроэлектромеханические системы (МЭМС), направлен на совмещение химических технологий с процессом создания электронных узлов нового поколения, способен обеспечить прорыв и в традиционных производствах (механическая обработка, литье, штамповка, технология пластмасс).

Реализация нового подхода к работе с «географической» информацией для интеграции различного вида «геоданных» для постановки и решения нового вида геопространственных и ситуационных задач для обеспечения нового качества военного, государственного и специального управления на основе межмасштабной топологии и принципа Situational Awareness.

Cyber Genome Program. Программа «Кибергеном» — это разработка революционной технологии киберзащиты и анализа, обеспечивающей сбор информации, идентификацию, снятие характеристик, представление свойств и взаимосвязей между цифровыми артефактами от ПО, данных и/или пользователей. Это дает возможность отследить историю любой информации любого типа. Поскольку одна из проблем в области кибербезопасности связана с определением источника информации или атаки, в программе предусмотрено создание виртуального эквивалента отпечатков пальцев или ДНК.

Проект «Когнитивная технология предупреждения об угрозе» реализует идею технологического совмещения в одном приборе оптического сенсора и электроэнцефалографа, сканирующего импульсы в коре головного мозга человек.

Проект создания системы ручного управление живыми организмами (жуками и т. п.) на расстоянии и использования «механизированных» насекомых для исследования труднодоступных районов и мест.

Проект SyNAPSE, направленный на широкомасштабное моделирование деятельности коры и подкорочных областей головного мозга, создание вычислительных систем, симулирующих и эмулирующих зрительное восприятие, анализ сенсорных ощущений, принятие решений, взаимодействие и познание, а также разработку нового алгоритма синтеза неврологических данных BlueMatter для суперкомпьютерных архитектур Blue Gene.

Создание компактного синаптронного чипа с низким потреблением энергии на базе новейших нанотехнологий, прогресса в создании памяти с изменяемой фазой и магнитных туннельных переходов. Тесно связан с проектом SyNAPSE и направлен на преодоление традиционной фон-Неймановской архитектуры вычислений и разработку нейронно-синаптического компьютера.

Разработка «телепатической секретной связи между военнослужащими и управление военной техникой силой мысли».

Определенное представление об инженерных разработках DARPA, которые необходимо учитывать отечественным специалистам, дают следующие специализированные проекты американской стороны:

The Auto Car. Автомашины, которые могут самостоятельно и безопасно передвигаться в условиях городского трафика, усложнённого последствиями боевых действий.

Thinking Computers. Серия проектов P.A.L. (персональный помощник, способный к обучению), направленных на создание «мыслящих компьютеров», предугадывающих потребности пользователей.

Trauma Pod. Автоматизированные устройства-гондолы для оказания медицинской помощи на поле боя.

Artificial Limbs. Крупномасштабный проект по разработке «искусственных конечностей» — компьютеризированных протезов, неотличимых от настоящих рук и ног. Это первые шаги к созданию людей-киборгов.

Advanced Solar Power. Проект существенного сокращения потребностей солдат в носимых на себе батареях питания за счет более эффективной переработки солнечной энергии.

Wakefulness. Впрыскиваемый через нос аэрозоль, на протяжении многих дней удерживающий людей в бодром состоянии без сна и без вредоносных последствий.

PCAS. Проект увеличения эффективности и точности воздушных ударов, наносимых для поддержки сухопутных войск.

Беспилотные летательные аппараты. Создание на основе PCAS проекта беспилотного летательного аппарата, который сможет заменить A-10, а также истребители F/A-18 Hornet и F-16 Fighting Falcon, а также беспилотных версий ряда пилотируемых самолетов.

Ubiquitous High Performance Computing (UHPC). Разработка прототипа вычислительной системы нового поколения экзауровня (миллион триллионов или 10^{18} операций в секунду),

которая сможет многократно производительность современных суперкомпьютеров.

Stochastic opponent modeling agents (SOMA) — вероятностное моделирование факторов противника. Представляет собой комплекс исследований по созданию виртуальной симуляции реального мира вместе для моделирования последствий гражданских конфликтов или военных действий в виртуальной среде, понимания сильных и слабых сторон рассматриваемых стратегий и разработку соответствующего программного обеспечения.

Augmented-reality (AR) — технология дополненной реальности. Обеспечивает с помощью специальных очков демонстрацию трёхмерных указателей на относящиеся к ремонту техники компоненты, текстовые инструкции, метки и предупреждения, а также анимированные модели подходящих инструментов.

Прорывные направления исследований и разработок DARPA с высокой степенью риска как ориентиры международной конкуренции за технологическое лидерство, в гражданской и оборонной сферах:

1. Синтетическая кровь;
2. Сенсоры, видящие под землей;
3. Экзоскелеты;
4. Кибернетические насекомые;
5. Дистанционно управляемые бомбардировщики;
6. Искусственные конечности, контролируемые мозгом;
7. Автомобили для слепых;
8. Летающая субмарина;
9. Программируемая материя, изменяющая форму;
10. Роботы, передвигающиеся и балансирующие, как животные;
11. Пули с лазерным наведением.

При разработке тематики ведения работ по модернизации информационного обеспечения оборонной сферы необходимо учитывать результаты собственных российских исследований основных направлений информационно-коммуникационных

технологий на период до 2030 года. Наибольшее влияние на уровень национальной безопасности и экономической конкурентоспособности будет оказывать прогресс в информационно-коммуникационных и суперкомпьютерных технологиях, нанотехнологиях, новых материалах и живых системах. При этом основной эффект будет достигаться на стыке указанных технологий в междисциплинарных областях, с выходом на производство продуктов для самых различных сфер деятельности.

С учетом отмеченных задач структурной диверсификации национальной экономики, приоритетными направлениями технологического развития, отраженными в перечне критических технологий и поддержанными действующими и перспективными федеральными целевыми программами, в том числе являются:

— развитие оптоэлектроники, микромеханики и новой архитектуры вычислительных средств;
— освоение современных информационных технологий;
— развитие биотехнологий, в особенности генной инженерии и других направлений приложения микробиологических исследований, поднимающих эффективность здравоохранения, АПК, фармакологической и других отраслей промышленности;
— развитие нанотехнологий для производства новых материалов и их использования в различных областях деятельности (прежде всего медицина, электроника);
— развитие лазерных технологий;

В области информатики к перспективным направлениям относятся:

— вычислительные, телекоммуникационные системы и элементная база;
— теоретические и прикладные проблемы создания научной распределённой GRID-системы;
— создание распределенных вычислительных комплексов нового поколения на основе фундаментальных методов

синтеза новых архитектур и алгоритмов их функционирования и управления;

— разработка новых эффективных программных и аппаратных средств обеспечения информационной безопасности;
— разработка фундаментальных проблем искусственного интеллекта, распознавания образов, оптимизации, проблемно-ориентированных систем и экспертных систем, основанных на знаниях;
— разработка методов и программных комплексов многопроцессорных супер-ЭВМ. Развитие систем распознавания рукописного текста и речи, перевода с одного языка на другой и внедрение их в глобальные информационные сети;
— разработка теории и технологий элементной базы компьютеров, в том числе квантовых.

Развитие информационных технологий в российском исследовательском и производственном пространстве целесообразно сконцентрировать на следующих направлениях:

— развитие технологии открытых систем как метатехнологии для создания информационных систем всех классов — от «систем на кристалле» до «GRID-систем»;
— разработка новых технологий, архитектур, методов и алгоритмов для систем обработки, передачи и хранения видео-, аудио- и иной мультимедийной информации;
— создание технологий естественного симбиоза деятельности ученых и информационной среды;
— разработка фундаментальных проблем сверхскоростной передачи оптической информации и теоретических основ сверхвысокоскоростных широкополосных беспроводных сетей с элементами искусственного интеллекта и систем связи высокого уровня интеллектуальности;
— разработка методов и алгоритмов определения и визуализации глобальных и локальных электрофизиологических характеристик сердца и мозга;

— построение вычислительных микросистем на кристалле на основе сенсоров различной физической природы.

Приоритетные направления мирового научно-технического развития сформулированы как синтез молекулярной биологии, нанотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук и определены как NBIC-конвергенция (по первым буквам интегрируемых технологий). Конвергентные технологии, по мнению экспертов, создают ядро нового технологического уклада. Это уклад пока только формируется, что открывает для России возможность опережающего развития за счет быстрого освоения конвергентных технологий. Так, участники проектов в сфере информационных технологий полагают, что компьютеры нового поколения должны быть фактически «изобретены заново». А разработки отечественных ученых лидируют по ряду важных направлений исследования, намечаемых военным ведомством США и программами DARPA.

В рамках NBIC-инициативы особое место занимают нанотехнологии, однако их практическое использование ограничивается возможностями биологических, информационных и когнитивных технологий. Для применения достижений нанотехнологий в создании топологий микросхем и биороботов требуется построение теоретических моделей мышления и биологических объектов, а также развитие работ по системам искусственного интеллекта, что также усиливает значение когнитивных технологий.

Исследования и разработки в данной сфере не требуют значительных финансовых затрат и дорогостоящего технологического обеспечения. Они могут быть осуществлены учеными и специалистами, владеющими, прежде всего, универсальным знанием, математической культурой и системным мышлением, что является отличительной чертой и конкурентным преимуществом российской науки. Интеллектуальные усилия целесообразно сконцентрировать с первую очередь на разработке системной логики стратегического анализа и алгоритмов решения

управленческих задач. Успех на данном направлении позволит преодолеть технологическую зависимость страны в программном обеспечении государственного управления, сформировать интеллектуальную основу отечественной ИТ-индустрии и ее выхода на мировой рынок с собственными оригинальными продуктами. Первоначальными шагами в данном направлении могли бы стать:

— «инвентаризация» возможностей России в сфере конвергентных технологий, включая ученых и специалистов, работающих за рубежом;
— создание центра компетенции по конвергентным технологиям и определение технологического облика России в данной сфере;
— организация разработки нового класса продуктов и механизмов коммерциализации конвергентных технологий;
— разработка новых учебных программ и внедрение образовательных практик в сфере конвергентных технологий.

В этой связи деятельность Минобороны по вопросам модернизации и инноваций должна быть скоординирована с проектами и программами других институтов развития, соответствовать своей тематикой основным направлениям его исследований и разработок.

Создание центра по вопросам разработки, производства, логистики, послепродажного обслуживания и утилизации промышленной продукции в цифровом формате.

Важное место в решении задач модернизации сферы занимают информационные технологии, обеспечивающие разработку, производство, логистику, послепродажное обслуживание и утилизацию промышленной продукции в цифровом формате (PLM-решения). Однако в настоящее время нет целостной программы «цифровизации» оборонно-промышленной сферы по всему циклу: от разработки техники до ее утилизации.

Использование PLM-решений, как показывает мировой опыт, позволяет сократить время создания электронной мо-

дели сложной технической продукции на 35–40%, существенно уменьшить продолжительность подготовки производства, повысить качество работ в процессе производства за счет отработки проекта на этапе электронного моделирования. Так, внедрение PLM-решений компанией BOEING позволило в 5 раз сократить сроки разработки, перейти от шестидесятимесячного к двенадцатимесячному циклу создания изделий и снизить стоимость разработок с $7 до $1,5 миллиардов.

Решение практических задач по переводу в цифровой формат процессов разработки, производства, логистики и послепродажного обслуживания сложной техники — компетенция самих предприятий. Однако для успешной деятельности предприятий в данной области необходимо создание на отраслевом и общегосударственном уровне комплекса нормативно-правовых и организационно-технических условий. В этой связи Планом реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации до 2011 года предусмотрено создание отраслевого центра компетенции по обеспечению перевода в цифровой формат промышленных изделий. Однако решение не реализуется и требует активной позиции заказчика в лице Минобороны РФ и ряда других ведомств.

Создание центра трансфера технологий двойного назначения.

Высокая концентрация в России научных кадров при низком показателе участия в объёме мирового инновационного рынка свидетельствует не об интеллектуальной слабости российских специалистов, а об отсутствии в России механизмов преобразования идей и технических решений в рыночные продукты, сравнимые по эффективности аналогичным механизмам развитых стран. Решение этой проблемы требует включения в инфраструктуру инновационной сферы национальных сбытовых сетей и механизмов их включения в глобальные стоимостные цепочки разработки и реализации сложной

наукоемкой продукции. Таким механизмом является Центр трансфера технологий, создание которых предусмотрено планом реализации Стратегии развития информационного общества на 2009–2012 гг.

Необходимо подчеркнуть, что создание «тела новшества» всегда было сильной стороной российской науки, а коммерческая реализация инноваций либо отсутствовала вовсе, либо была крайне несовершенной. Россия имеет хороший интеллектуальный потенциал, но не научилась создавать на его основе капитализируемые активы. Формула капитализации интеллекта в рыночной экономике означает превращение квалификации кадров — в набор лицензий и сертификатов, ценных знаний и технологических достижений — в права интеллектуальной собственности, а научной репутации творческих коллективов — в бренды, стимулирующие инвестиции в инновации.

Поэтому важнейшей задачей инфраструктурного обеспечения технологической модернизации является скоординированное управление функционированием всей цепочкой интеллектуального производства: от получения заказов на новые разработки до продвижения результатов интеллектуальной деятельности на внутренний и мировой рынок.

Усилия государства должны быть сконцентрированы на создании совместно с бизнес-структурами и влиятельными консалтинговыми компаниями инновационной сферы крупного центра с функциями технологического брокера и генерального подрядчика на исполнение внешних заказов. Задача такого центра — выстроить необходимые связи с потенциальными заказчиками на продукты и услуги, подобрать соответствующих исполнителей из числа российских компаний и специалистов, организовать получение ими соответствующих лицензий и сертификатов, предоставить необходимые финансовые гарантии, обеспечить юридическое обеспечение и контроль качества исполнения работ.

Кадровое обеспечение модернизации информационного обеспечения военной сферы — ключевой вопрос государственной политики.

Отечественный и мировой опыт модернизации свидетельствует о том, что ключевым фактором проведения любых проектов модернизации являются кадры. Эта проблема приобретает особую остроту в наши дни. Примечательно, что представители DARPA заявляют сегодня о катастрофическом недостатке в учёных новой формации и видят в этом угрозу национальной безопасности. По этой причине агентство рассчитывает на инициативы и мероприятия по привлечению молодёжи к карьере, связанной с науками, технологиями, инженерией и математикой (STEM — science, technology, engineering, math), карьере с акцентом на вычислительных системах. Руководители агентства полагают, что возможность Америки конкурировать в условиях растущего информационного взаимодействия международного уровня будет затруднена, если количество способных понимать передовые технологии и творить инновации выпускников в ближайшие десятилетия будет недостаточным. Поиск «правильных людей» с «нужными» талантами и способностями становится всё более сложным, приобретает глобальный характер, способствующий активизации «охоты за головами» по всему миру.

В этой связи кадровое обеспечение модернизации информационного обеспечения военной сферы становится отправной точкой государственной политики. Сложившиеся реалии выводят работу по подготовке, подбору и применению кадров на уровень глобальной конкуренции российского государства с государствами и высокотехнологичными компаниями других стран. Данное обстоятельство придает особое значение успешной реализации проекта создания инновационного центра «Сколково» и налаживанию межведомственного взаимодействия по вопросам подготовки квалифицированных кадров и их эффективного включения в процессы модернизации.

В. А. Салтыковский
Военно-политическая обстановка в АТР: разноплановость актуальных вызовов и их последствий

В настоящее время военно-политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) вызывает большую озабоченность. Анализируя развитие в этом регионе, следует обратить внимание на сложную и слабо предсказуемую ситуацию, которая складывается на Корейском полуострове.

КНДР и международное пространство. В настоящее время руководство КНДР во главе с молодым лидером Ким Чен Ыном намерено воздерживаться от эскалации напряженности в отношениях с Южной Кореей и США. Так политическое руководство КНДР обратилось с письмом к руководству Ю. Кореи, где говорилось о необходимости воздерживаться от провокаций и эскалации напряженности в непосредственной близости от границы с КНДР. В личном послании Ким Чен Ын южнокорейскому руководству говорится о необходимости развивать экономические и торгово-экономические связи с Ю. Кореей. В частности, руководство КНДР намерен возобновить с Ю. Кореей диалог по поводу возобновление встреч разлученных семей и родственников, возобновить реализацию совместного туристического проекта в горах Кымгаг и активизировать многострунное сотрудничество и обмены между Севером и Югом.

В настоящее время политическое руководство в КНДР намерено активизировать реализацию ограниченных экономических реформ, связанные, первую очередь, с созданием свободных экономических зон на территории КНДР с целью подъема уровня жизни населения КНДР и экономики страны в целом. Одной из важных проблем, мешавших успешности проведения таких ограниченных экономических реформ в КНДР, является наличие в руководстве КНДР представителей «старой гвардии» средней воздаст которых, варьируют в пределах 80–82 лет. Однако, следует ожидать, что после марта 2014 года, когда состояться парламентские выборы, в С. Корее, скорее всего, произойдет омоложение правящей элиты КНДР. По оценкам ряда экспертов и наблюдателей, события в КНДР, связанные с казнью дяди Ким Чен Ына Ким Гон Хкека, свидетельствуют об усилении политических позиций Ким Чен Ына как лидера КНДР. Это также означает, что в ближайшее время в КНДР нет никаких предпосылок для изменений в высшем политическом руководстве страны, связанных, в частности, с возможным отстранением от власти Ким Чен Ына и замены его на представителя «старой гвардии». Несмотря на желание политического руководства КНДР нормализации отношений с Ю. Кореи, в КНДР продолжается активная работа по разработке своей ядерной программы и развитие ракетных программ.

Ракетная программа КНДР. Говоря о ракетной программе, следует отметить, что в настоящее время КНДР располагает устаревшими ракетными комплексами Точка и Точка 1, которые северокорейские специалисты стараются модифицировать под свои цели и задачи. Одной из основных задач для северокорейского руководства является разработка ракетных программ для целей ракетного сдерживание военной активности Ю. Кореи и США.

Также, на вооружение северокорейской армии находятся комплексы С-300, по предварительным оценкам, КНДР располагает 10-ти ракетами данного класса. Несмотря на наличие таких

ракет на вооружении северокорейской армии, КНДР испытывает большие технические проблемы, связанные с реализацией своей ракетной программы. Следует отметить, что северокорейские военные пока не смогли создать систему контроля для запуска таких ракет, также северокорейские специалисты пока не обладают достаточной технологией в области создания карт полета ракет. Одной из проблем для дальнейшего успешного развития северокорейской ракетной программы является наличие ряда технических проблем, в том числе, связанных с системой вытекания жидкости из ракет класса С-300.

Также северокорейские специалисты сталкиваются с проблемами наличия высокопрофессиональных кадров, способных реализовать ракетную программу КНДР. В этой связи политическое руководство КНДР проявляет интерес к возможности приглашения российских специалистов, работающих в этой области. Следует также обратить внимание и на то, что гражданская война в Сирии создала для успешной реализации северокорейской ракетной программы определенные проблемы. Так, например, северокорейское правительство располагало до начала военных событий в Сирии заводом по производству баллистических ракет средней дальности в г. Хомсе, который они создали совместно с сирийскими властями. В настоящее время этот завод разрушен и это создает определенные проблемы для успешной реализации северокорейской ракетной программы.

Ядерная программа КНДР. В настоящее время С. Корея располагает по разным оценкам от трех до четырех ядерных зарядов малой мощности, которые еще нуждаются в дальнейшем усовершенствование. В настоящее время северокорейское руководство планирует создание новых полигонов для проведения ядерных испытаний в непосредственной близости от границы с КНР. Согласно закрытой военной доктрины, принятой ГКО КНДР (12.10.2013 г), развитие ядерной программы КНДР должно носить, прежде всего, оборонительный характер

и должно быть нацелено на формирование политики ядерного сдерживания в этом регионе. Тем не менее, политическое руководство КНДР было бы готово отказаться от своей ядерной программы, но только в обмен на подписание мирного договора с США о ненападении. Политическое руководство КНДР надеется на то, что им все же удастся подписать такой договор с американской администрацией в будущем. В этой связи следует обратить внимание на то, что северокорейская ядерная и ракетная программы тесно связаны друг с другом. Цель развития своего ядерного потенциала северокорейское руководство видит не только в реализации политики ядерного сдерживания, как важного элемента политического торга как с Ю. Кореей, США и другими странами, участвующими в шестисторонних переговорах, но и как средство для модернизации своей ракетной программы. Реализуя эту задачу, летом 2013 года Государственный комитет обороны КНДР принял решение о разработке специальной программы, направленной на создание ядерных боеголовок, которое руководство КНДР планирует в последствие установить на своих ракетах. В настоящее время такая программа реализуется ГКО КНДР и Министерством обороны КНДР.

Угрозы интересов Российской Федерации. В настоящее время развитие ядерной и ракетной программы КНДР представляет угрозу Российской Федерации только в той части, которая может касаться вопросов региональной безопасности и военной угрозы, связанной с возможностью возникновению «малой войны» на территории Корейского полуострова. Однако сама возможность такой войны представляется маловероятной, так как в настоящее время ни руководство КНДР, ни руководство Ю. Кореи не предполагают начинать такую войну. Проблемой может являться возможность возникновения локального конфликта между двумя корейскими государствами, который в свою очередь может привести к участию в этом конфликте третьих стран, однако, в настоящее время и такое развитие

событий также представляется маловероятными. В том случае, если все же такой сценарий будет реализован, развитие событий может привести к дальнейшей политической нестабильности в этом регионе и возможности увеличения числа беженцев с территории КНДР. Часть таких беженцев может направиться на территорию российского Дальнего Востока и Китая соответственно.

Территориальные проблемы АТР. Среди угроз, которые в настоящее время вызывает обеспокоенность у стран, расположенных в Азиатско-Тихоокеанском регионе на первое место выходят территориальные проблемы, связанные с неурегулированностью вопросов принадлежности отдельных территорий, которые располагаются в этом регионе. В ближайшее время, видимо, будет осложняться ситуация вокруг суверенитета и территориальной принадлежности ряда островов, находящихся в Южно-Китайском море. На первое место в этом территориальном споре приходится конфликт между Японией, Ю. Кореей и Китаем по поводу принадлежности о. Сенкаку. В настоящее время политическая и военная-политическая обстановка вокруг принадлежности этого острова будет только усиливаться, но вряд ли приведет к вооруженному конфликту между Японией, Китаем и Ю. Корей соответственно. Усиление данного противостояния между тремя ведущими государствами этого региона уже привело к тому, что правительство японского премьер-министра С. Абэ приняло новый план военной обороны, который был принят еще 17 декабря 2013 года и утвержден на закрытом заседании японского парламента 15 января 2014 года. Согласно этому плану в период с 2014 по 2019 год Токио планирует закупить три беспилотника, 28 истребителей типа F-35A, 17 самолетов Osprey с вертикальным взлетом и посадкой, также японское правительство приняло решение о необходимости строительства пяти дополнительных эсминцев для ВМС, включая две системы Atgis для борьбы с баллистическими ракетами шесть подводных лодок. Когда эти боевые единицы

будут приняты на вооружение, ВС Японии будут располагать 54 эсминцами и 22 подводными лодками, а ВВС Японии будут оснащены 280 боевыми самолетами.

Также предусматривается и увеличение военного бюджета Японии. Так на период с 2014 года по 2017 год предусмотрено увеличение военных расходов в размере 24 триллиона иен(180 млрд евро), расходы военного бюджета Японии планируется увеличить с 2.6 до 5 %. Принимая новую военную стратегию, Премьер-министр Японии С. Абэ заявил о том, что новая стратегия не отход от японского пацифизма и строгооборонительной концепции национальных вооруженных сил. Как заявил Премьер-министр Японии С. Абэ: «Мы всего лишь хотим, чтобы наша внешняя политика и безопасность были ясными и прозрачными как для страны, так и для внешнего мира»

Однако следует отметить, что согласно оценке независимых аналитиков и экспертов характер закупаемого вооружения и, в частности, подводных лодок и самолетов Osperay, будут способны доставлять десантников к месту проведение операций. Также японское правительство планирует создать отдельные бригады морской пехоты по американскому образцу. Для координации деятельности государственных органов в области осуществление политики национальной безопасности японское правительство планирует в ближайшее время создать Совет национальной безопасности, который будет состоять из 50 человек.

Не отстает от Японии и КНР. На 2014 год планируется увеличение военного бюджета Народно-освободительной армии КНР на 10,6%. Такое увеличение должно коснуться расходов на модернизацию военно-морских и военно-воздушных сил страны. Также как и в Японии для более тесной координации в области проблем национальной безопасности в КНР планируется создать Совет Безопасности страны, который также должен стать координирующим органом в области обеспечение национальной безопасности.

Создание новых координирующих органов в области национальной безопасности, как в Китае, так и Японии свидетельствует о стремлении правительств этих стран создать институционально-государственные структуры, обеспечивающих национальную безопасность в своих странах. Следует также ожидать, что вновь создаваемые Советы Безопасности в этих странах в ближайшее время разработают свои национальные стратегии в области национальной безопасности. Так, в частности, политическое руководство КНР в начале января 2014 года уже начало разработку такой стратегии и соответствующей программы.

Территориальные конфликты в АТР в российской внешней политике.

Угрозы интересам Российской Федерации. Территориальные конфликты В АТР для российского политического руководства считаются периферийными конфликтами и не представляют непосредственной опасности российским интересам. Российское политическое руководство исходит из того, что сами эти страны должны решать эти проблемы на двухсторонней основе. Так, в частности, все попытки Японии активно вовлечь Российскую Федерацию в обсуждение данного конфликта, наталкиваются на нежелание российской стороны обсуждать эти вопросы, так как Российская Федерация не хотела бы осложнять свои отношение с КНР и должна, в связи с этим, тесно координировать свою политику в этом регионе с руководством КНР. В связи с этим, для стратегических интересов Российской Федерации актуальна реализация идеи создания системы коллективной региональной безопасности в АТР в целях предотвращения будущих конфликтов как латентного, так и открытого характера.

Я. А. Чижевский
Центральноазиатские вызовы и угрозы для Российской Федерации

Сегодня одним из наиболее проблемных регионов признается регион Центральной Азии с сопредельными с ним афганским пространством. Исламизация и радикализация — основные тренды, которые фиксируются в регионе на данный момент и которые выступают источником повышенной внешней угрозы для РФ.

1. Военно-политическая ситуация в Афганистане в свете опыта военной кампании МССБ при Б. Обаме

Современная система международных отношений характеризуется значительным динамизмом. Следствием подобного состояния международной среды является высокая вероятность возникновения вооруженных конфликтов в различных частях мира. Довольно часто конфликт в рамках отдельно взятой страны вызван внутренними противоречиями, например, экономическими трудностями, политическим кризисом или деградацией социальных институтов. Одна из основных форм реализации конфликта — гражданская война, которая впоследствии может привести к кризису государственности и несостоятельности государства как такового. Последствия кризиса в стране могут выйти за ее пределы и начать оказывать негативное воздействие

на систему международных отношений. При самом худшем варианте развития ситуации кризис может вызвать непропорционально сильные изменения на региональном и глобальном уровнях.

Сегодня Афганистан является одним из наиболее очевидных примеров «кризисных государств». Положение дел в этой стране и дальнейшие перспективы ее развития активно обсуждаются в экспертном сообществе. В частности, большое внимание уделено намеченному на 2014 г. выводу значительной части контингента коалиционных войск с территории страны. Негативные сценарии будущего Исламской Республики Афганистан (далее — ИРА) вытекают из опасения резкого ухудшения военно-политической ситуации внутри государства, которое может привести к окончательной потери Афганистаном своей государственности в случае прихода движения «Талибан» к власти. Дальнейшее развитие подобного сценария повлечет за собой дестабилизацию всего центрально-азиатского региона. Основаниями для выдвижения подобных гипотез служат противоречивые результаты, которых в стране за все время военной кампании достигли войска международной коалиции во главе с США. Факты доказывают, что эффективность стратегии международной коалиции во главе с Соединенными Штатами в Афганистане можно подвергнуть сомнению.

Так, военная кампания в Афганистане уже стала самой продолжительной в истории Соединенных Штатов (более 13 лет, если отсчитывать с октября 2001 г.). Несмотря на то, что было предпринято много усилий и затрачено огромное количество средств (кампания обошлась США в трлн. долларов) в деле разрешения сложившейся ситуации в стране, урегулировать конфликт не удается. Более того, существуют факты, свидетельствующие об ухудшении ситуации. На текущий момент количество убитых солдат коалиции в стране за 12 лет военных действий составляет более 3300 человек. В 2013 г., т. е. за девять месяцев, от пуль и мин погибло уже около 150 солдат (при такой

динамике число потерь к концу 2013 г. может составить более 200 человек, что выше показателей, например, за 2005–2006 гг.). Количество жертв среди мирного населения по сравнению с 2012 г. выросло на 16%. Коалиционные войска по-прежнему не имеют полного контроля над всеми уездами и провинциями Афганистана, а на восточных и юго-восточных территориях их влияние постепенно нивелируется вооруженной оппозицией. Более того, за последние несколько месяцев влияние талибов распространилось и на северные районы страны. Правительственные силы тоже несут значительные потери (за 2012 г. было убито около 3000 полицейских и солдат), и, несмотря на достигнутую к зиме 2013 г. численность в 350 тыс. человек, их боеготовность, по мнению ряда экспертов, до сих пор является низкой и сильно завышенной руководством НАТО. Действительно, можно говорить о тактических успехах афганских сил, которые стали более эффективно бороться с вооруженной оппозицией, о чем свидетельствует рост числа операций, которые Афганской национальной армией (далее — АНА) осуществляет самостоятельно. Однако тот факт, что более 70% афганских полицейских и военных не умеют читать и писать заставляет усомниться в возможности АНА достичь стратегических успехов в борьбе против Талибана после вывода коалиционных сил. Подобные негативные результаты вызывают еще больше опасений на фоне скорого вывода практически всех Международных сил содействия безопасности (далее — МССБ) из ИРА, а также постепенной передачи ответственности за обеспечение порядка местным властям, которая продолжается с 2011 г. Учитывая непростые отношения между президентом США Бараком Обамой и президентом Афганистана Хамидом Карзаем, подвергающим жесткой критике действия эффективность сил НАТО, а также отсутствие подписанного двустороннего соглашения о безопасности с США, есть вероятность, что Вашингтон поддержит вариант о полном вывода войск. Это заявление дает экспертам основания говорить о неизбежности обрушения ситуации

в Афганистане и, как следствие, дестабилизации обстановки в соседних центрально-азиатских странах.

Подобных результатов США достигли под руководством демократа Обамы, который планировал кардинально переосмыслить подходы к решению проблемы борьбы с терроризмом на территории ИРА. В 2009 г. президент США предложил многообещающий и совершенно отличный от Буша-мл. подход к афганской проблеме (получивший название «АфПак»), который, по его словам, должен был способствовать нормализации ситуации в Афганском государстве и снижению потерь среди американских солдат. Хотя подход президента США к афганскому конфликту носит комплексный характер, военная составляющая его плана по-прежнему оставалась и остается крайне существенной. Ввиду предстоящего вывода коалиционных сил из Афганистана в 2014 г., неизбежно будут вставать вопросы об оценке эффективности выбранного администрацией Обамы подхода к ведению боевых действий на территории этой страны.

Вооруженный конфликт на территории ИРА в настоящей работе исследуется с использованием двух количественных методик: ивента-анализа и регрессионного анализа.

В основе ***источниковой базы*** лежат труды отечественных и зарубежных экспертов по ситуации в Афганистане, таких как В. Коргун, О. Нессар, А. И. Никитин, И. Н. Тимофеев, Ш. Махмуд, А. А. Сушенцов, Н. А. Мендкович, А. А. Казанцев. В работе также использовались статьи, экспертные заключения и исследования аналитиков и ведущих специалистов веб-сайта «Афганистан.ру», посвященные самым последним новостями, связанными с военно-политическим конфликтом в стране. Помимо этого, использовались ресурсы зарубежного сайта www.globalsecurity.org, посвященного международным конфликтам и многим аспектам военной сферы. Были изучены ежегодные аналитические доклады и послания к Конгрессу США, повествующие о процессе в деле обеспечения стабильности в ИРА.

Также использовались и другие веб-сайты, связанные с военной тематикой, такие как http://warsonline.info/ («Военный Обозреватель») и сайт Североатлантического Альянса (http://www.nato.int/cps/en/natolive/index.htm), на котором публикуются последние заявления представителей стран по блоку и текущие новости касательно военной кампании в Афганистане. Для уточнения показателей, связанных как с потерями среди иностранного контингента, так и мирных жителей авторы прибегали к даннымнезависимого интернет-сайта,"iCasualties.org" или "IraqCoalitionCasualtyCount", который был создан для отслеживания потерь, понесённых многонациональной коалицией во главе с США в ходе боевых действий в Ираке и Афганистане. Источники информации включают в себя научно-аналитические журналы, такие как «Международные процессы», «Международная жизнь», «Вестник МГИМО» и «Россия в глобальной политике». Важность этих материалов заключается в том, что публикуемые в названных журналах статьи рассматривают Афганистан сквозь призму военно-политических, экономических и международно-политических процессов. Кроме того, авторы статей в перечисленных журналах не только занимаются анализом конфликта в Афганистане, но и высказывают свою позицию по отношению к происходящему, обсуждают заявления видных политических деятелей по данной проблеме и приводят самые последние данные касательно текущей ситуации в стране, что также очень важно для работы.

1.1. Количественный ивент-анализ боевых действий на территории Афганистана

Для описания боевых действий на территории Афганистана зафиксировано несколько блоков характеристик для следующих показателей: 1) атаки против сил коалиции; 2) атаки повстанцев против мирного населения; 3) атаки повстанцев против должностных лиц; 4) операции коалиционных и афганских сил. Таким образом, была сформирована база данных

в виде матрицы размерностью 2600 на 26, где первое число — количество наблюдений по дням, второе — суммарное число ежедневно фиксируемых характеристик.

Результаты количественного ивент-анализа (графики составлены автором)

Количественный анализ боевых действий в Афганистане может служить хорошим способом понимания реально происходящих в этой стране событий, что особенно важно с учетом перспективы вывода войск международной коалиции в 2014 г. Ниже приведены количественные показатели и графики, характеризующие ключевые измерения боевых действий в Афганистане в период с 2009 г. по 2013 г. (по конец октября).

Военные акции талибов/боевые операции коалиционных и афганских сил.

На протяжении периода с января 2009 г. по октябрь-ноябрь 2013 г. наблюдалась следующая динамика боевых действий с обеих сторон:

Рис. 1. Атаки против сил коалиции.
Составлено автором.

Из графика видно, что на протяжении всего рассматриваемого периода было зафиксировано несколько сезонов, когда

активность оппозиционных сил достигала своего максимума (более 30 атак за месяц):

1 — Июль–ноябрь 2010 г.;

2 — Июнь–июль 2013 г.;

3 — Сентябрь 2013 г.

В 2013 г. с разницей в месяц были отмечены резкие всплески активности талибов (30 акций и более). Зарубежные источники также подтверждают активизацию действий талибов летом 2013 г. Это объясняется, как минимум, двумя причинами. Во-первых, продолжается постепенное сокращение войск коалиции. Солдаты оставляют базы, провинции и уезды. Это является определенным стимулом для талибов, намеренных за счет определенной неясности, вызванной процессами вывода войск и передачи ответственности войскам Афганистана, максимально быстро усилить свои позиции и продемонстрировать боеспособность. Во-вторых, уменьшение численности МССБ означает все большее вовлечение многочисленных национальных войск Афганистана в борьбу против Талибана. Следовательно, активность талибов здесь может быть прямо пропорциональна увеличению числа потенциальных целей.

Рис. 2. Операции коалиционных и афганских сил

Согласно графику, число сухопутных операций достигло наибольшего значения в октябре–ноябре 2012 г., потом произошел определенный спад, но с января 2013 г. на протяжении нескольких месяцев можно было наблюдать интенсификацию военных действий со стороны сил ИСАФ/МССБ. Тем не менее, активность постепенно уменьшается по настоящий момент и достигает того же значения, что и количество атак оппозиционных сил (30 операций в месяц). Это позволяет сделать несколько выводов:

На данный момент, количество акций талибов приблизительно равно количеству боевых операций со стороны войск международной коалиции и правительственных сил. Однако, по графику видно, что одни и те же значения достигаются *при увеличении* атак со стороны инсургентов, но при *уменьшении количества операций* со стороны коалиционных сил. С одной стороны это может быть обусловлено сокращением численности войск МССБ. Однако, значительное количество афганских войск, действующих на территории страны на данный момент, теоретически могло компенсировать недостаточную активность войск коалиции. Но этого не происходит. Вероятно, одной из причин является неэффективная стратегия действий афганских национальная сил.

Потери коалиционных и правительственных сил

Согласно собранным данным потери коалиционных сил за исследуемый период военной кампанию в Афганистане выглядят следующим образом: рис. 3.

График показывает, что за период январь 2009 г. — октябрь–ноября 2013 г. наблюдалось несколько случаев, когда потери коалиционных достигали 30 и более человек в месяц. Применительно к 2013 г. можно выделить значительный рост потерь в период май-июль (34 и 29 убитых). Собранными авторами данные практически полностью совпадают с зарубежной статистикой (26 убитых в мае и 27 в июне соответственно).

Рис. 3. Потери коалиционных сил (убитыми)

Совокупные потери ИСАФ/МССБ за исследуемый период составили более 2300 человек. Напомним, что с октября 2001 г. по декабрь 2008 г. в ИРА было убито 1049 солдат НАТО. Получается, что за 4 года в этой стране погибло в 2 раза больше военнослужащих, чем за 8 предшествующих лет. Потери США также возросли: 630 за 8 лет против 1590 за время президентства Обамы. Таким образом, при новом президенте США военные потери в Афганистане возросли более чем в 2 раза. С одной стороны, рост числа убитых можно объяснить за счет увеличения численности военного контингента НАТО и, в частности, США. С другой стороны, эти цифры являются доказательством того, что в ИРА Соединенные Штаты и их союзников постигает определенная неудача, выраженная в потерях среди солдат. В результате, демократ Обама, критиковавший в свое время курс Бушав отношении военной стратегии на территории Афганистана, на деле сильно ему проигрывает. Его новый подход к кризису в ИРА не смог обеспечить сокращения числа потерь среди военнослужащих, за что голосовали многие американские граждане. В результате, сегодня около 70% американцев не поддерживают текущую военную кампанию в ИРА, а 50% считает, что она не поспособствовала укреплению национальной безопасности США.

На данный момент число иностранных военных в Афганистане составляет 87 тыс. человек, из которых 60 тыс. являются американцами. К весне следующего года планируется сократить это число до 34 тыс. человек. Количество же афганских национальных сил (армия и полиция) к лету 2013 г. составило около 350 тыс. человек. Следовательно, теоретически афганские силы уже достигли того количества, при котором они способны обеспечивать безопасность в стране и эффективно противостоять движению Талибан. Однако необходимо учитывать не только количественный, но и качественный аспект. К осени2013 г. под афганским руководством проходило до 93% всех боевых операций. Согласно данным, самостоятельность в проведении операций привела к тому, что с 2013 г. уровень потерь среди афганских национальных сил начал стремительно возрастать, достигнув максимума в сентябре (103 погибших, см. рис. 4 Потери афганских сил безопасности, включая охранников). Эта динамика также подтверждается информацией портала http://www.foxnews.com, согласно которому в августе — начале сентября уровень потерь среди правительственных сил достиг рекордных отметок на фоне вывода коалиционных сил. Сре-

Рис. 4. Потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми).

ди причин также называются: неэффективное командование, низкий уровень подготовки войск, сложные погодные условия и низкую оплату военнослужащих.

Обеспечение порядка на территории страны

Вопросы государственной состоятельности в последнее время были широко освещены в научной литературе Е. Ю. Мелешкиной, О. И. Каринцем, М. В. Ильиным, И. В. Кудряшовой. Классическими западными работами по вопросам состоятельности признаны работы С. Роккана, Дж. П. Неттла.

Большинство авторов согласны с тезисом о том, что государственность имеет, как минимум два аспекта, которыми являются «статусность» (statusness) и «состоятельность» (stateness). Понятия статусности и состоятельности неразрывно связаны с понятием суверенитета государства, которое в свою очередь также подвержено трансформациям. Суверенитет как одна из ключевых категорий политической науки и международного права переживает период переосмысления, уточнения своего значения. Тем не менее, по-прежнему, остается одним из основных понятий современных международных отношений. Стэпан Д. Краснер в одной из работ предлагает рассматривать суверенитет в четырех ипостасях: 1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества; 2) суверенитет взаимозависимости, позволяющий контролировать трансграничные передвижения; 3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене; 4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства. Вмешательство со стороны международного сообщества лишает современные государства политической самостоятельности, и как следствие, состоятельности. В качестве основного критерия функциональности государства был рассмотрен показатель: обеспечение безопасности на территории страны.

2009 год

За период с января 2009 г. по декабрь 2009 г. было совершено порядка 90 акций военного характера со стороны повстанцев в отношении военных (МССБ и афганских сил, включая полицию). Наибольшую активность против военных талибы проявили в провинциях: Гильменд (16), Кандагар (11), Хост (9), Кундуз (7). Нередко открытые источники информации не сообщают точного места, где произошло какое-либо событие военного характера, и ограничиваются лишь указанием части страны (юг, восток). Из расположения указанных выше провинций можно заключить, что большое количество акций талибов приходится на юго-восточную (Гильменд, Хост, Нангархар, Кунар, Кандагар) и северную (Кундуз, Балх) части Афганистана. Таким образом, оплотами сопротивления в 2009 г. стали юго-восточные провинции — всего около 62 акций и отчасти северные — 10 (см. приложение 1).

В 2009 г. на госслужащих были совершены покушения в самых разных провинциях от Гильменда на востоке (4) и Кандагара на юге (3) до Кундуза на севере (4) и Герата на западе (2). Это дает возможность сделать вывод, что жизнь должностных лиц в Афганистане на момент 2009 г. практически в равной мере находилась под угрозой на всей территории страны.

В 2009 г. были совершены покушения на бывшего президента страны Б. Раббани, который в последующем выдвигал свою кандидатуру на выборах, и стремился получить пост министра обороны. Оба покушения имели место в северной провинции Кундуз.

2010 год

За период с января по декабрь 2010 г. в ИРА было совершено 284 акции военного характера, что практически в 3 раза больше, чем было зафиксировано в 2009 г. (90 акций). В среднем за месяц талибы осуществляли до 24-х атак против сил МССБ и правительства.

Провинциями, в которых талибы проявили наибольшую активность, стали: Кандагар (26), Гильменд (25), Кундуз (23). Таким образом, в 2010 г. лидерство за собой сохранили, в основном, те же провинции на севере и востоке страны — на них в общей сложности пришлись 101 и 40 акций военного характера (см. приложение 2).

Основными провинциями, в которых наблюдалась наиболее высокая смертность среди гражданского населения, являются: Кандагар (21), Гильменд (14) и Пактия (10). Указанные провинции практически идентичны тем, в которых было зафиксировано наибольшее количество атак, совершенных талибами против сил МССБ, АНА и АНП (Афганская национальная полиция). Однако в отличие от нестабильных в военном отношении провинций юга и востока, в северной провинции Кундуз наблюдается довольной низкий показатель смертности среди мирного населения — 23 человека в результате 5 атак. Другой пример: провинция Балх — всего 1 акция и 4 погибших. Исходя из этих данных, есть основания полагать, что в северных провинциях Афганистана силам международной коалиции в 2010 г. успешнее удавалось обеспечивать безопасность граждан.

Более половины всех покушений было совершено в северных и восточных провинциях (Кундуз, Балх, Баглан, Бадахшан, Кабул, Логар, Кунар, Пакия, Хост, Нангархар — всего 45 случаев). На южные и юго-восточные провинции в 2010 г. (Гильменд, Кандагар, Фарах, Забуль) пришлось значительно меньше инцидентов, всего 17.

2011 год

Согласно данным ивент-анализа, наиболее опасными провинциями в 2011 г. стали Гильменд — 16 атак (10%), Кандагар — 10 (6%), Нангархар — 10 (6%), Урузган — 7 (4%). Это южные и восточные провинции. В 2011 г. большинство своих атак повстанцы осуществляли именно в этих двух районах Афганистана. Зачастую в информационных источниках не указывается

точного места, где была совершена акция. В 2011 г. наибольшее число неопознанных атак пришлось на восточные — 23 (14%) и южные — 26 (16%) территории ИРА (см. приложение 3). Следовательно, провинции в этих частях страны на момент 2011 г. являлись наиболее нестабильными, что подтверждает высказанные выше мнения о зависимости потерь среди населения и сил коалиции от уровня безопасности в той или иной провинции.

2012 год

Всего за период с января по декабрь участники непримиримой вооруженной оппозиции совершили около 164 атак против МССБ. География атак талибов выглядит следующим образом: подавляющее количество атак вновь пришлось на неспокойные районы востока (19%) и юга (18%) страны без указания точного места совершения военных действий. 11% всех акций было совершено непосредственно в южной провинции Гильменд, 6% — в юго-восточной провинции Кандагар, 6% — в восточном Нангархаре, по 4% — в Урузгане на юго-востоке и Герате на западе Афганистана. Таким образом, в 2012 г. большинство военных акций повстанцы осуществили в южных и восточных частях республики, всего несколько вылазок было сделано в западных провинциях. На севере страны в 2012 г. активность талибов была очень незначительной (см. приложение 4).

Что касается потерь среди мирного населения, то за 2012 г. в стране погибло около 2300 граждан, что является очень высоким показателем, подтверждающим тот факт, что надлежащий уровень безопасности в ИРА на момент 2012 г. не был обеспечен. Летом 2012 г. пуштунское население, проживающее в афганских провинциях, начало оказывать активное сопротивление представителям вооруженной оппозиции. В мае и июне 2012 г. в двух афганских провинциях, Газни и Гор (центрально-западная и восточная провинции), а также в округе Хайбер пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва обычные граждане восстали против полевых командиров Талибана и рядовых боевиков. Причем

если в первом случае эти восстания можно охарактеризовать как стихийные столкновения (в ходе которых, однако, несколько вооруженных боевиков были убиты), то в пакистанском округе они приняли гораздо более ожесточенный и масштабный характер (с поддержкой пакистанских сил безопасности, которые, помогая пуштунскому населению, нанесли авиаудары по укрытиям талибов и уничтожили несколько из них). Подобные события имеют важное значение, так как позволяют выявить сразу несколько неочевидных процессов:

1. Поддержка талибов со стороны местного населения Афганистана является важным ресурсом, который позволяет талибским боевикам во многом оправдывать ведение боевых действий против врагов-оккупантов и является каналом пополнения своих рядов за счет добровольцев. Следовательно, снижение ее уровня (что, вероятно, произошло по причине усталости большей части населения и неодобрения методов ведения талибами войны, в ходе которой гибнут невинные люди) больно ударяет по позициям непримиримой оппозиции.
2. Весенне-летние вооруженные акции против талибов могут служить показателем того, что часть населения Афганистана более не верит в способность международной коалиции победить инсургентов и потому решило взять инициативу в свои руки. С учетом того, что первые столкновения между антиталибски настроенным населением и участниками вооруженной оппозиции закончилось не в пользу последних, вероятно, можно считать, что в ИРА постепенно складывается «широкая национальная антиталибская коалиция», целью которой является сопротивление Талибану.
3. Вышесказанное означает, что данная коалиция: будет состоять из пуштунских племен и афганского населения; будет иметь своих лидеров, способных выдвигать какие-либо политические проекты-попытки послевоенного (т. е. после вывода иностранных войск) устройства страны; носить

организованный характер; расценивать талибов в качестве главных виновников многолетней войны.

Что касается локализации военных операций коалиционных сил, то она носит более определенный характер, чем у талибов. Так, за исследуемый год наиболее активными с точки зрения частоты проведения операций провинциями стали: Нангархар (13%), Кабул (11%), Гильменд (9%), Кандагар (7%), Каписа (7%), Логар (6%). В итоге, снова преобладают провинции, расположенные на юге и востоке. Единственным исключением, пожалуй, является резкое увеличение количества операций в северной провинции Кундуз (12%). Данную активизацию действий сил коалиции можно объяснить скорее с точки зрения сосредоточения сил в данном районе. Дело в том, что «Талибан», теряя свои позиции в некоторых южных и восточных провинциях, в 2013 г. может осуществить рывок в провинции, расположенные на севере страны, чтобы создать там плацдарм для ведения боевых действий против постепенно сокращающихся сил коалиции. Действительно, два фактора могут способствовать достижению успехов талибами на северном направлении: 1) на севере страны повстанцы могли бы заручиться поддержкой «Исламского движения Узбекистана», которое придерживается схожих с Талибаном религиозных воззрений и контакты с которым движение наладило еще в 2009 г. 2) вооруженная оппозиция может воспользоваться тем, что силы МССБ, численность которых постепенно сокращается, не смогут обеспечивать тот уровень безопасности северных территорий, который они поддерживают сейчас.

2013 год

Одной из основных задач коалиционных и правительственных сил было вытеснить талибов с территории Афганистана. В виду этого, за время исследования путем подсчета количества атак и операций в той или иной части страны были выявлены наиболее конфликтные зоны ИРА. В большинстве случаев таки-

ми зонами нестабильности стали провинции, расположенные на юге и востоке Афганистана. Следовательно, подавление вооруженной оппозиции именно в этих провинциях представляло собой одну из главных задач ИСАФ/МССБ и АНА.

С учетом того, что Афганистан состоит из большого числа провинций, в заключительный анализ были взяты лишь те, процент интенсивности военных действий в которых был 5% и выше. В результате получилась выборка, в которую попали 9 наиболее нестабильных провинций: Газни, Герат, Гильменд, Нангархар, Кабул, Кандагар, Кундуз, Хост и Бадахшан (однако активность талибов в этой северной провинции возросла только с 2013 года). Из 9 провинций две расположены на севере (Кундуз и Бадахшан) и одна (Герат) на западе, все остальные расположены на юге и востоке страны и образуют своеобразную «полосу нестабильности», граничащую с Пакистаном и служащую убежищем для талибов (см. приложение 5).

Таблица № 1.
Наиболее нестабильные провинции Афганистана к октябрю 2013 г.

Год	Бадахшан (север)	Герат (запад)	Газни (восток)	Гильменд (юг)	Кабул (восток)	Кандагар (юго-восток)	Хост (восток)	Кундуз (север)	Нангархар (восток)
2009	—	5%	5%	10%	5%	12%	5%	6%	6%
2010	—	5%	6%	9%	5%	10%	5%	8%	5%
2011	—	5%	6%	10%	5%	7%	4%	3%	6%
2012	—	6%	5%	11%	3%	9%	5%	3%	6%
2013	9%	5%	5%	5%	5%	6%	5%	3%	5%

Составлено автором.

Из таблицы видно, что к октябрю 2013 г. только в одной провинции удалось снизить уровень нестабильности до отметки

ниже 5% (в Кундузе). Одновременно в 2013 г. участники вооруженной оппозиции активизировали действия еще в одной северной провинции, Бадахшан, в которой раньше такой активности не наблюдалось. На основе этих данных автор делает заключение, что с задачей по обеспечению безопасности не только на всей территории афганского государства, но, хотя бы, даже в ключевых районах ни коалиционные, ни правительственные силы не справились.

Динамика потерь среди мирного населения

Заняв пост президента в 2009 г., Барак Обама в своем подходе к афганскому кризису отметил важность обеспечения безопасности мирных афганцев, поскольку до этого ей уделялось мало внимания. Ключевой задачей США и их союзников при Буше были поиск и уничтожение террористов «Аль-Каиды» и участников движения «Талибан», а не защита мирных жителей от их атак. Следовательно, большое количество жертв среди граждан НАТО трактовала или как неизбежные потери в ходе конфликта, или как случайные вследствие неточных авиаударов, военных операций или ночных рейдов. Логичным представляется, что чем больше войска НАТО допускают людских потерь,

Рис. 5. Потери среди мирного населения

тем негативнее к ним отношение со стороны всего населения. Поэтому взятие курса на борьбу за обеспечение безопасности жизней мирных жителей могло бы быть рациональным дополнением к продуманной и носящей дипломатический характер стратегии по Афганистану, что выгодно отличало бы ее от стратегии предшественника Обамы. Несмотря на это, ситуация с потерями среди мирных жителей за практически 5 лет выглядит следующим образом: рис. 5.

Согласно приведенному графику, за исследуемый период наблюдалось несколько случаев роста числа погибших граждан, однако в 2013 г. этот показатель достиг своего максимального значения. Согласно собранным данным, в период с января по конец ноября 2013 г. в Афганистане погибло более 1100мирных жителей. Подобная статистика отчасти совпадает с отчетами комиссии ООН в Афганистане, которая отметила 16%-ое возрастание уровня потерь среди населения. Таким образом, нельзя говорить об улучшении ситуации с обеспечением безопасности в стране, поскольку число смертей среди мирного населения Афганистана стабильно превышает тысячу человек в год, начиная с 2009 г. Принято считать, что в 80% всех смертей всегда виновна вооруженная оппозиция. Войска НАТО и правительственные вооруженные силы ответственны за 15% смертей, в 5% случаев мирные жители гибнут по иным причинам. Подобное соотношение является определенным успехом, тем более, если учитывать долю погибших по причине действий антиталибских сил за предыдущие годы, когда она порой достигала 50%. В 2013 г. доля таких потерь составила 14% от общего числа погибших мирных жителей. Следовательно, если анализировать, какая часть мирных афганцев погибает от рук не талибов, то это число сокращается. Однако общее количество убитых мирных граждан по-прежнему остается крайне высоким.

Таким образом, за 2013 г. коалиционные и афганские силы, как и во времена администрации Буша, оказались неспособны эффективно решить вопрос об обеспечении безопасности

граждан Афганистана. Учитывая тот факт, что большинство иностранных военных покинет страну к концу 2014 г., нельзя исключать, что проблема защиты мирного населения Афганистана станет еще более острой.

При анализе подхода администрации Обамы на предмет эффективности необходимо остановиться на такой важной характеристике, как количество убитых, арестованных и перешедших на сторону правительства талибов.

Потери талибов (убитыми)

За рассматриваемый период были получены следующие результаты относительно потерь среди повстанцев:

Рис. 6. Повстанцев убито

Начиная с 2009 г. уровень потерь среди боевиков постепенно возрастал, достигнув максимальных значений весной-летом 2013 г. Согласно проведенным оценкам, за период с января по конец ноября 2013 г. число убитых талибов составило около 4300 человек. Наиболее высокие потери движение «Талибан» понесло в период с апреля по июль 2013 г. Военная составляющая по-прежнему является доминирующим аспектом в стратегии западных стран в ИРА. Поэтому достижение высокого показателя убитых со стороны инсургентов на данном направ-

лении деятельности антиталибских сил вполне очевидны. Это позволяет говорить о том, что одна из задач Обамы касательно нормализации ситуации в ИРА, связанная с ослаблением деятельности вооруженной оппозиции (а также ее ликвидации), выполняется, т. е. талибов в стране с годами становится меньше. К сожалению, разрешение афганского кризиса не зависит исключительно от физического уничтожения враждебно настроенных боевиков, что наглядно показывает по-прежнему высокий уровень гражданских потерь.

Потери талибов (арестованными)

Помимо этого, положительное впечатление производят и данные относительно числа арестованных инсургентов:

Рис. 7 Повстанцев взято в плен

Число арестованных резко возросло к осени 2012 г. и стабильно оставалось высоким до августа 2013 г., после чего произошел некоторый спад. Но с октября показатель вновь увеличивается. По нашим данным, на конец ноября 2013 г. было захвачено 1512 талибов, что несколько уступило показателю за прошлый год. И хотя высокое количество зафиксированных арестов может характеризовать данный способ борьбы с движением «Талибан» как эффективный инструмент вывода

из войны членов вооруженной оппозиции, он не способствует уменьшению потерь как среди афганских национальных войск, так и среди мирных граждан.

Потери талибов (вступившие в программу примирения)

С годами еще одним фактором, ослабляющим позиции ДТ, стала так называемая «Программа примирения и реинтеграции в Афганистане», нацеленная на привлечение умеренно настроенных боевиков на сторону правительства данной страны. Напомним, что неофициально она начала действовать еще в 2009 г., однако была официально утверждена и начала функционировать в 2010 г. Именно с этого года авторами отслеживается данный показатель. На рис. 8 отражены конечные результаты.

Рис. 8. Повстанцев перешло на сторону правительства

Согласно графику, ситуация с Программой выглядит неоднозначно. На протяжении рассматриваемого периода она действовала с переменным успехом. Зимой 2012 г. был достигнут поистине знаменательный показатель в более чем 800 человек, решивших сложить оружие. Однако после этого, число талибов, желающих принять участие в Программе, постепенно сокращалось. В 2013 г. число участников программы составило 677 человек, что значительно меньше показателей

за 2011–2012 гг. Многие эксперты считают, что данный способ борьбы с Движением наносит скорее деморализующий эффект не только на рядовых боевиков, но и на командиров Талибана. Видя, как целые группы и крупные отряды товарищей прекращают оказываь сопротивление, многие другие командиры должны задумываться о целесообразности мирной сдачи оружия. Тем не менее, как показывают данные, за последние месяцы ППРА не приводит к существенным результатам, что объясняется рядом причин:

1. Вывод коалиционных сил из Афганистана. Нескончаемая война, длившаяся на территории страны с 2001 г., могла действительно оказывать деморализующий эффект на «умеренных талибов», уставших от постоянных сражений и уже отчаявшихся дождаться конца войны. В таком случае, денежное вознаграждение и возможность получить работу и начать иную жизнь после сдачи оружия вполне могла служить для них эффективным стимулом. Однако теперь, когда главный враг для большинства талибов, представленный солдатами МССБ, уходит из страны, появилась возможность закончить войну в ближайшие годы, причем на условиях победителей, что означает получение иных и более весомых преимуществ. Судя по всему, опытные участники Движения не рассматривают афганскую армию и полицию как действительно опасную военную силу, что неизбежно воодушевляет их и подталкивает к продолжению ведения боевых действий.
2. Снижению эффективности Программы могло оказать также открытие в июне (пусть и не на продолжительное время) официального представительства движения «Талибан» в Катаре. Сам факт того, что Запад пошел на подобный шаг мог иметь очень сильный психологический эффект на боевиков, расценивших это как появление возможности договориться с враждебными странами на выгодных для себя условиях.

3. Нерешенность проблемы наркотиков. Согласно последним данным, производство опиумного мака в Афганистане по-прежнему бьет рекорды. Производство наркотиков является наиболее прибыльной деятельностью на территории страны, начать заниматься которой, в теории, может любой желающий. Размер денежных выплат, которые предоставляются вступившим в Программу, гораздо меньше выручки от продажи боевиками наркотиков или торговли оружием (по некоторым данным, зарплаты боевиков от таких видов деятельности колеблются от 200 до 600 долларов). Это перевешивает любые материальные стимулы, которые предлагает ППРА.

«Программа примирения и реинтеграции в Афганистане» потенциально является действительно сильным и, что немаловажно, гуманным источником снижения нестабильности в Афганистане, но в настоящее время она отягощена рядом слабых сторон, снижающих ее эффективность.

1.2. Регрессионный анализ динамики конфликта на территории ИРА

В основе ***методологии*** второго этапа исследования лежит многомерный статистический (регрессионный) анализ. Регрессионный анализ дополняет другие классические методы ситуационного анализа международной проблематики, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Весьма часто в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов. Именно эконометрические методы позволяют решить подобные исследовательские задачи.

Многомерный статистический анализ — это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных, который позволяет ответить на вопрос о наличии тренда (траектории развития). Цель данного исследования

предполагает решения ряда задач, включающих обнаружение трендов в описанных статистических данных. Для работы с описанной базой данных количественные характеристики были кодифицированы следующим образом:

— TerAct(NATO) — атаки против НАТО;
— NATO_killed — потери коалиционных сил (убитыми);
— ANA_killed — потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми);
— TerAct(Civ) — атаки повстанцев против мирного населения;
— Civ_killed — потери среди мирного населения (убитыми);
— NATO — операции коалиционных и афганских сил;
— Reb_killed — число ликвидированных повстанцев;
— Reb_arrested — число арестованных повстанцев;
— Reb_surrended — число повстанцев, перешедших на сторону правительства

Сезонность боевых действий

Для того, чтобы приблизится к ответу на заявленный исследовательский вопрос необходимо выявить основные тенденции. Как было отмечено выше, распространено мнение, согласно которому активность Талибов во многом обусловлена сезонностью, другими словами, погодно-климатическими условиями. Подобный тезис изначально отрицает какую-либо результативность боевых действий сил коалиций во главе с США, так как характер боевых действий, боевая обстановка отодвигаются на второй план по сравнению с климатическими условиями. Собранные данные позволяют усомниться в закономерности такого тезиса. Зависимость между двумя векторами (числовыми рядами) эконометрически можно оценить, построив модель по методу наименьших квадратов (далее — МНК).

Оценим методом наименьших квадратов (далее — МНК) зависимость количества терактов, совершаемых талибами, от введенных фиктивных переменных, характеризующих конкретные месяцы:

Модель 1: МНК, использованы наблюдения 2009:01–2013:10 (T = 58)
Зависимая переменная: Teract_NATO_
Стандартные ошибки HAC, ширина окна 2 (Ядро Бартлетта (Bartlett))

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	12,75	4,15895	3,0657	0,00363	***
Jan	1,85	3,3309	0,5554	0,58131	
Feb	–1,15	4,50998	–0,2550	0,79987	
Mar	0,25	4,66657	0,0536	0,95751	
Apr	1,25	4,90886	0,2546	0,80013	
May	0,05	4,70413	0,0106	0,99157	
Jun	1,65	6,16319	0,2677	0,79011	
Jul	6,05	6,15539	0,9829	0,33081	
Aug	3,85	5,57717	0,6903	0,49347	
Sep	8,05	7,86695	1,0233	0,31153	
Oct	7,25	6,75181	1,0738	0,28852	
Nov	4,5	5,95032	0,7563	0,45335	

R-квадрат	0,080491		Испр. R-квадрат	–0,139392

Как видно в данной модели переменные, характеризирующие конкретные месяцы не являются значимыми. Значимость

в стандартных эконометрических пакетах обозначается звездочками в последнем столбце: *** — если переменная значима на 99% доверительном интервале, ** — на 95% доверительном интервале, * — на 90% интервале, если звездочек — нет, переменная незначима. Для ответа на вопрос о справедливости констатации сезонной активности талибов проведем тест на линейное ограничение:

Ограничения:
b[const] = 0
Тестовая статистика:
Робастный F(1, 46) = 9,39837, P-значение = 0,00362882

В данном тесте нулевая (изначальная гипотеза) H0 формулируется следующим образом: все переменные незначимы в построенной модели, иными словами, месяц (сезон) никак не влияет на количество терактов, осуществляемых талибами против сил НАТО. Мнемоническое правило в том, что, если P-значение меньше 0,05, то нулевая гипотеза принимается. Проведенный тест свидетельствует о том, что в соответствии с собранными и обработанными данными ***сезонность в действиях талибов не наблюдается***.

Тренды войны

Статистическое понятие тренда вытекает из понятия стационарности временного ряда. Если результаты наблюдений конкретной величины колеблются около какого-либо значения, временной ряд называют стационарным. Наличие стационарности проверяется путем осуществления теста Дики-Фулера. Для выявления тенденций в боевых действиях на территории Афганистана необходимо посредством этого статистического теста исследовать все описанные выше переменные. Нулевая гипотеза для данного теста H0:тренда нет, временной ряд стационарен.

Пример проведенного теста Дики-Фуллера для переменной TerAct(NATO).

```
Расширенный тест Дики-Фуллера для Teract_NATO_
включая 3 лага(-ов) для (1-L)Teract_NATO_ (максимальное значение равно 3)
объем выборки 54
нулевая гипотеза единичного корня: a = 1

   тест с константой
   модель: (1-L)y = b0 + (a-1)*y(-1) + ... + e
   коэф. автокорреляции 1-го порядка для e: -0,038
   лаг для разностей: F(3, 49) = 4,954 [0,0044]
   оценка для (a - 1): -0,276447
   тестовая статистика: tau_c(1) = -2,95906
   асимпт. p-значение 0,0389

Регрессия расширенного теста Дики-Фуллера
МНК, использованы наблюдения 2009:05-2013:10 (T = 54)
Зависимая переменная: d_Teract_NATO_

                    Коэффициент  Ст. ошибка  t-статистика  P-значение
  ---------------------------------------------------------------------
  const               4,47406    1,68930       2,648       0,0108    **
  Teract_NATO__1     -0,276447   0,0934238    -2,959       0,0389    **
  d_Teract_NATO__1   -0,189107   0,139729     -1,353       0,1821
  d_Teract_NATO__2    0,265332   0,143422      1,850       0,0703    *
  d_Teract_NATO__3    0,422676   0,136801      3,090       0,0033    ***

  Крит. Акаике: 358,247   Крит. Шварца: 368,192   Крит. Хеннана-Куинна: 362,082

   с константой и трендом
   модель: (1-L)y = b0 + b1*t + (a-1)*y(-1) + ... + e
   коэф. автокорреляции 1-го порядка для e: -0,038
   лаг для разностей: F(3, 48) = 4,944 [0,0045]
   оценка для (a - 1): -0,289462
   тестовая статистика: tau_ct(1) = -3,0013
   асимпт. p-значение 0,1317

Регрессия расширенного теста Дики-Фуллера
МНК, использованы наблюдения 2009:05-2013:10 (T = 54)
Зависимая переменная: d_Teract_NATO_

                    Коэффициент  Ст. ошибка  t-статистика  P-значение
  ---------------------------------------------------------------------
  const               3,57446    2,25560       1,585       0,1196
  Teract_NATO__1     -0,289462   0,0964458    -3,001       0,1317
  d_Teract_NATO__1   -0,182406   0,141071     -1,293       0,2022
  d_Teract_NATO__2    0,273777   0,145024      1,888       0,0651    *
  d_Teract_NATO__3    0,427452   0,137916      3,099       0,0032    ***
  time                0,0349683  0,0576120     0,6070      0,5467

  Крит. Акаике: 359,834   Крит. Шварца: 371,768   Крит. Хеннана-Куинна: 364,436
```

Рис. 9. Пример теста Дики-Фуллера для переменной Teract(NATO)
Составлено автором.

Для осуществления такого теста необходимо:

1. Выбрать количество лагов, т. е. определить, сколько периодов исследователь включает в модель. Выбор зависит от критерия Шварца (см. рис. 9). Чем ниже критерий Шварца, тем точнее модель описывает данные. В конкретном случае наименьшее значение этого критерия равное

368,192 (см. рис. 9) было получено в модели с тремя временными лагами.

2. Необходимо оценить значимость переменных, взятых с лагом.
3. Сравнить P-значение с 0,05, в зависимости от этого принять или отклонить нулевую гипотезу. В данном конкретном случае P-значение равно 0,0385, что меньше 0,05, следовательно, нулевая гипотеза о стационарности принимается.

Результаты теста свидетельствуют о том, что тренда для данной переменной нет, другими словами, войскам коалиции не удалось добиться устойчивой тенденции снижения количества терактов, осуществляемых талибскими боевиками, что негативно характеризует эффективность военного аспекта стратегии, предложенной Обамой в 2009 г. в отношении войны в Афганистане.

После проведения аналогичных тестов для других исследуемых переменных, было обнаружено, что справедливо утверждать о наличии трендов лишь для следующего ряда показателей: ANA_killed, TerAct(Civ), NATO, Reb_killed.

Число потерь среди афганских сил безопасности растет (см. рисунок 10).

Рис. 10. Потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми) с отображенной линией тренда

Террористическая активность боевиков против мирных граждан также демонстрирует рост (см. рисунок 11).

Рис. 11. Атаки боевиков против мирного населения с отображенной линией тренда
Составлено автором.

Растет число операций коалиционных и афганский сил, а вместе с тем и количество ликвидированных ими боевиков (см. рисунок 12).

Рис. 11. Военные операции коалиционных сил и сил безопасности Афганистана с отображенной линией тренда
Составлено автором.

Рис. 12. Количество ликвидированных боевиков с отображенной линией тренда
Составлено автором.

Ситуация в Афганистане была исследована с помощью двух методик: количественного ивента-анализа и регрессионного анализа. На первом этапе исследования были собраны данные по следующим аспектам афганского конфликта: (1) атаки талибов, (2) операции коалиционных и правительственных сил, (3) потери войск коалиции и правительственных сил, (4) потери среди мирных граждан, (5) потери талибов. На основе собранной информации были построены графики, характеризующие развитие ситуации в ИРА на протяжении исследуемого периода. На завершающем этапе исследования был использован регрессионный анализ, целью которого были попытка ответить на исследовательский вопрос и выявление основных трендов, наблюдаемых в ходе конфликта. Все выводы, к которым авторы пришли в процессе применения регрессионного анализа, полностью совпали с результатами, полученными в первой части исследования.

В ходе исследования была доказана ошибочность гипотезы о влиянии сезонности на действия талибов. Это означает, что природно-климатические условия не являются фактором,

оказывающим решающее влияние на изменение талибами своей тактики ведения войны против коалиционных сил. Следовательно, его учет при анализе эффективности стратегии коалиционных сил не является необходимым условием.

Исследование также позволило выделить следующие тренды: (1) рост потерь в рядах служащих афганской армии и полиции, (2) увеличение количества терактов, осуществляемых движением Талибан против мирных граждан, (3) увеличение числа операций МССБ/ИСАФ, (4) увеличение потерь среди талибов (имеется в виду только физическая ликвидация боевиков). По мнению авторов, несмотря на большое количество военных акций со стороны коалиционных сил, ведущих к увеличению потерь среди вооруженной оппозиции, достичь других немаловажных целей, таких как создание боеспособной афганской армии и полиции, а также сокращение числа жертв среди мирных граждан, не удалось. Главным же провалом стратегии международной коалиции является неспособность сократить количество терактов, предпринимаемых движением «Талибан». Подобные результаты позволяют сделать вывод о низкой эффективности военного компонента стратегии Обамы по ведению войны в Афганистане. В свою очередь этот тезис позволяет прогнозировать тот самый негативный сценарий развития событий после вывода сил МССБ с территории Афганистана в 2014 г.

2. Угрозы для России и ее центрально-азиатских партнеров в свете приближающегося 2014 г.

2.1. Центрально-азиатский регион в преддверии 2014 г.

К 2013 г. для Соединенных Штатов военная кампания в Афганистане уже стала самой продолжительной в истории. Несмотря на то, что было предпринято много усилий и затрачено огромное количество средств (кампания обошлась США в трлн долл.) в деле разрешения сложившейся ситуации в стране,

стабилизировать обстановку не удается. Это дает основания прогнозировать неизбежное «обрушение ситуации» в Афганистане и, как следствие, дестабилизацию обстановки в соседних центрально-азиатских странах.

Негативные сценарии, связанные с возможным экспортом радикальных идей и экстремизма в соседние с Афганистаном государства также имеют под собой веские доказательства. Положение дел на границе с Пакистаном, государством с нестабильной внутренней политической ситуацией и ядерным оружием, вызывает у многих государств, как членов НАТО, так и стран региона серьезные опасения. На протяжении длительного времени пограничье Пакистана служило прибежищем для талибов, а также террористов «Аль-Каиды». Когда пуштунские группы основали исламское государство Вазиристан, являющийся оплотом талибов, изгнанных с территории Афганистана в ходе операции «Несокрушимая свобода», обстановка обострилась настолько, что пакистанская армия была вынуждена несколько раз вмешаться, проведя крупномасштабные контртеррористические операции. Однако ситуация на сегодняшний день далека от стабильной. С учетом текущих напряженных отношений между Исламабадом и США, не позволяющих Соединенным Штатам проводить крупных операций и заниматься разведкой местности, есть вероятность дальнейшего усугубления ситуации. Не вызывает оптимизма и вероятность распространения экстремизма в случае распада афганского государства, в такие страны, как Туркмения, Узбекистан и Таджикистан. По мнению аналитика Центра современного изучения Афганистана Н. А. Мендковича, есть основания полагать, что в период после вывода МССБ, может произойти резкое усиление активности экстремистских группировок, ориентированных на захват постсоветского пространства. По приблизительным подсчетам, существует не менее 10 различных террористических организаций, пытающихся проникнуть на территорию постсоветской Центральной Азии (ЦА). Вероятность успешного перехода

границы данными организациями сегодня оценивается как довольно высокая в виду следующих причин:

— Слабо охраняемая таджикско-афганская граница. Подтверждением этого служит заявление генерального секретаря Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ) Николая Бордюжа о подготовке предложения по укреплению охраны таджикско-афганской границы в августе текущего года. Генсек подчеркнул, что «пограничным войскам Таджикистана, которые самостоятельно охраняют границу с Афганистаном на протяжении восьми лет, не хватает современного технического оснащения, оборудования и обмундирования». Кроме того, еще в декабре 2012 г. Россия выражала обеспокоенность вопросом охраны границы между двумя государствами, и не исключала возможности участия своих пограничников в охране таджикско-афганской границы.

— В феврале–марте 2013 г. Талибан предпринял первую попытку создания военно-политического плацдарма на севере Афганистана. Речь идет об организации группировкой талибов, в состав которой входят узбеки, чеченцы, таджики, туркмены, пакистанцы, двух военных акций, что позволило охарактеризовать группировку как крайне опасную. По имеющимся данным, эта группировка установила контроль над уездом Вардудж (северная провинция Бадахшан) и постепенно расширяла свое влияние в ряде соседних с ним уездов, создавая локальную боевую инфраструктуру, а также привлекая местных жителей на свою сторону. О степени серьезности ситуации говорит тот факт, что после неудавшихся операций по зачистке провинции от талибов, кабульскому правительству пришлось задействовать силы Афганской национальной армии и МВД. На текущий момент ситуация в провинции остается неспокойной. Однако, учитывая потенциальную угрозу, которую бадахшанские талибы несут Таджикистану и Узбекистану,

нельзя исключать возможного обращения афганских властей за помощью к политическому руководству Организации Договора о коллективной безопасности.

— В последние годы одним из источников тревоги Узбекистана стала организация Исламское Движение Узбекистана (ИДУ), действующая в районе северных границ Афганистана. Эта исламистская группировка, проявившая себя в Афганистане во времена правления Талибан, в прошлом уже несколько раз смогла поставить узбекское правительство перед серьезными вызовами. В период правления Талибан активисты ИДУ нашли для себя надежное убежище в Афганистане. В последние годы, после падения власти талибов причастные к этой группировке лица продолжают свою деятельность, скрываясь в районе афгано-пакистанского приграничья. Сегодня ряд экспертов полагает, что внешняя политика узбекского правительства в отношении Афганистана строится на принципах недоверия и страха перед возможной дестабилизацией ситуации после 2014 г. и потому имеет оборонительный характер.

Нынешняя власть в Афганистане неустойчива и малоэффективна. По мнению большинства граждан, и вовсе нелегитимна. Учитывая эти аспекты, США намерены и дальше пытаться вести переговоры с противоборствующей стороной — движением «Талибан». Основания для этого имеются: 18 июня 2013 г. в Дохе официально открылось представительство «Талибана», в котором должны были начаться прямые переговоры Афганистана, США и руководства этого движения. Следует отметить, что представительство не проработало и месяца, однако попытка была реализована. В случае дальнейшего успеха это может означать, что официальный режим рассматривается США как более неспособный оказать надлежащее сопротивление талибам после вывода войск. Следовательно, Х. Карзай рискует оказаться исключенным из переговорного процесса между США и Движением. Идея открытия представительства «Талибана»

в Катаре — это попытка решить довольно простую задачу — договориться с талибами по поводу вывода иностранных войск из Афганистана, чтобы боевики не разворачивали свою боевую активность против уходящих войск, их баз и конвоев. Но для достижения этой цели США придется пойти на ряд уступок в пользу талибов. Одной из них могло бы стать признание их государственности на части территории Афганистана. В таком случае можно будет смело говорить о реализации плана «Б», предложенного Р. Блэквиллом, предполагающего разделение Афганистана по причине невозможности установления контроля над южными и восточными провинциями ИРА. Но существует большая вероятность того, что подобные действия также неизбежно приведут к ухудшению обстановки как в афганском государстве, так и за его пределами, поскольку образуют огромный неподконтрольный район, включающий территории Афганистана и Пакистана.

2.2. Российская Федерация в Центральной Азии

Таким образом, ввиду отсутствия прогресса со стороны НАТО в деле по обеспечению безопасности и контроля на территории ИРА, наличия серьезной опасности будущей активизации деятельности радикальных экстремистов на постсоветском пространстве и неэффективности центральной власти, неизбежно встает вопрос об участии других акторов в содействии обеспечения безопасности в регионе. Таких акторов несколько, ключевым среди них является — Российская Федерация. По мнению эксперта по центрально-азиатскому региону А. А. Казанцева, интерес Москвы к противодействию угрозам из Афганистана выразится в более активной политике РФ на центрально-азиатском и афганском направлениях.

Для Российской Федерации Афганистан, и, в особенности, его северные территории, находятся в зоне традиционных геополитических интересов. В двадцатом веке СССР был союзной страной для ИРА, а отношения между Москвой и Кабулом мож-

но было охарактеризовать как дружественные. В целом, роль СССР в обеспечении безопасности в центрально-азиатском регионе была значительной. Российская Федерация, как правопреемница СССР, также несет ответственность за стабильность региона, обусловленную:

— членством в Организации договора коллективной безопасности (борьба с международным терроризмом и экстремизмом);
— членством в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) (обязанность противодействовать трем источникам угроз: терроризму, экстремизму и сепаратизму);
— историко-географическими и геополитическими причинами (помощь «Северному Альянсу» и странам НАТО в борьбе против Талибана и «Аль-Каиды» в 2001 г., предоставление транзитного маршрута для транспортировки грузов войскам коалиции и т. д.)

После событий 11 сентября Россия и США начали активно сотрудничать по вопросу борьбы с террористами, укрывающимися на территории Афганистана. Роль Российской Федерации в ЦА объективно возросла. Одновременно Россия интенсифицировала свою политику в отношении правительства Афганистана в целях выстраивания союзнических отношений.

Ввиду вышесказанного, РФ не заинтересована в укреплении позиций талибов, так как их приход к власти создает для нее ряд угроз. Эти угрозы в определенной степени известны и могут быть сведены к следующим:

— накроугроза (в настоящее время на Исламскую Республику Афганистан приходится до 90% всего мирового производства героина. Россию отделяет от Центральной Азии слабо охраняемая граница, проницаемая для наркотиков, поступающих из Афганистана по маршруту ЦА — Россия — Европа);
— экспорт экстремизма в страны СНГ (по мнению Н. А. Мендковича, страны СНГ, в особенности, Узбекистан,

Таджикистан и Туркменистан уже сейчас являются объектами угроз со стороны радикальных экстремистов);

Таким образом, Российская Федерация может выделить два значимых направления дальнейших действий по борьбе с возникшими угрозами: (1) сотрудничество с Афганским правительством, (2) сотрудничество со странами Центральной Азии в рамках ОДКБ.

Россия и Афганистан

На сегодняшний момент состояние отношений между Москвой и Кабулом в целом можно оценивать как позитивное. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в сентябре этого года Х. Карзая посетил саммит ШОС в Бишкеке. В первый день саммита президент Афганистана встретился с президентом России Владимиром Путиным. Главы государств обсудили вопросы борьбы с терроризмом и наркоугрозой, а также планы по расширению торгово-экономических связей. В частности, Владимир Путин заявил о готовности продолжать поддержку афганских сил, в частности, посредством поставок вооружения и боеприпасов, отчасти на безвозмездной основе, а также путём подготовки специалистов из ИРА в российских военных вузах.

Итак, руководство страны выделяет два основных вектора взаимодействия с Афганистаном с целью поддержания стабильности в регионе: военно-политическое и военно-экономическое сотрудничество.

Россия может оказать помощь кабульскому правительству и антиталибским силам по линии снабжения вооружением и военной техникой, поскольку для этого имеется необходимый исторический опыт. В 80-х гг. прошлого века Советский Союз для официального Кабула был «старшим братом». За 10 лет присутствия на земле Афганистана Москва потратила более 40 млрд долл. на экономическую и военную помощь этой стране и создала самую современную и боеспособную армию для действующего на тот момент режима. Причем, аналогов такой

армии не было в регионе. Во многом это было достигнуто за счет поставок вооружения. До сих пор, по мнению ряда экспертов, афганские войска и полиция рассматривают советское оружие и технику как более эффективное и простое в эксплуатации, нежели западное.

По последним данным, российско-афганское торгово-экономическое сотрудничество набирает обороты. В мае 2012 г. в Москве состоялось первое заседание российско-афганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Согласно министру энергетики РФ Сергею Шматко «в 2011 г. прирост товарооборота с Россией по сравнению с 2010 годом составил 7,2% и составил 984,96 млн долларов». В 2012 и 2013 гг. афганская сторона прогнозирует увеличение этого показателя. По мнению министра финансов Афганистана, большую роль в этом сыграли предпринимательские круги. В сентябре 2013 г. состоялось второе заседание Российско-афганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Говоря о политическом аспекте сотрудничества, необходимо отметить, что непуштунские политические лидеры Северного альянса в Афганистане, опасаясь усиления позиций пуштунской группы, большинство представителей которой входят в движение Талибан, рассматривают Россию в качестве стратегического внешнеполитического партнера, который мог бы стать не только финансовым, но и военно-политическим союзником. Этому способствует и тот факт, что Москва имеет тесные связи с целым рядом лидеров бывшего Северного альянса. Кроме того, РФ выступает против усиления позиций талибов, не зависит, как ЕС, от стратегии США в регионе и имеет значительные финансовые и политические ресурсы.

Этнические непуштунские кланы на севере пытаются постепенно «приватизировать» отдельные уезды и провинции в преддверии вывода коалиционных войск. По их мнению, такими мерами они смогут эффективнее обеспечить безопасность

«своих» территорий. Более того, открытие официального представительства Талибана и стремление США сесть за стол переговоров с вооруженной оппозицией лишь способствует ускоренному демонтажу ненадежной системы внутреннего афганского суверенитета. Важной же чертой является то, что сегодня «разгосударствление» региональной системы будет происходить не просто силовыми, но военно-экономическими методами.

Россия и ОДКБ

В 2012 г. появилась информация о том, что коалиционные войска, по причине закрытия транзитного пути из Пакистана, в целях экономии на вывозе вооружения и техники, будут осуществлять передачу части своего военного оборудования странам СНГ (Узбекистану, Таджикистану и Киргизии) на безвозмездной основе. По мнению российской стороны, это могло бы негативно сказаться на региональной безопасности и поставить данные страны в зависимость от иностранных государств. Однако, согласно последним новостям, США покидают военную базу в Манасе и передадут ее местным властям. Это может свидетельствовать о постепенном, но уверенном снижении активности западных стран в регионе одновременно с выводом коалиционных сил из Афганистана. Следовательно, возрастают возможности РФ усилить свою роль, в частности, в обеспечении безопасности, чего можно достичь, в том числе интенсификацией военно-экономического сотрудничества со странами ОДКБ.

По мнению Л. Михайлова, политика России в Центральной Азии и ее двусторонние контакты со странами региона подвергалась корректировкам не раз, но неизменным оставался курс на добрососедские отношения. С 1992 г. Россия является членом Организации Договора о коллективной безопасности и занимает в определенной степени уникальное положение в данной организации. Это положение обусловлено тем, что, если рассматривать российское членство в контексте афганской

проблемы с географической точки зрения, то остальные члены ОДКБ «прикрывают» российские границы от непосредственного соприкосновения с угрозами, исходящими от ИРА. С другой стороны, тем выше ответственность РФ за обеспечение стабильности в дружественных странах-членах Организации, которые находятся в непосредственной близости от афганской границы. В первую очередь, речь идет о Таджикистане и граничащей с ним Киргизии. Кроме того, немаловажной также является и обстановка в Узбекистане. Следует отметить, что роль России именно в военно-политическом отношении в данных странах будет возрастать по мере приближения 2014 г. Этому способствует несколько факторов:

1. Сегодня Таджикистан фактически является заслоном для государств СНГ против традиционных и нетрадиционных угроз современного мира. Он ограждает их от опасностей эскалации афганского конфликта, распространения международного терроризма и наркобизнеса. Страна находится на стыке нескольких крупных регионов, поэтому Таджикистан привлекает повышенное внимание со стороны стран региона и России в частности. Так, первого октября 2013 г. нижняя палата парламента Таджикистана ратифицировала соглашение, согласно которому 201-ая российская военная база останется на территории этой страны до 2042 г. По мнению министра обороны Таджикистана» нахождение крупного сухопутного соединения РФ послужит ликвидации возможных внешних угроз». Соглашение также затрагивает вопрос об укреплении таджикско-афганской границы. На заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в Сочи 23 сентября именно этому вопросу было уделено много внимания. Президент России Владимир Путин заявил о необходимости учитывать негативные тенденции в развитии региональной обстановки и принимать меры для противодействия данным угрозам, в частности, оказывать помощь Таджикистану в охране границы

с Республикой Афганистан. Соглашение о размещении российских сил на афгано-таджикской границе представляет собой программу помощи в два этапа. Первый этап — формирование специальной правительственной комиссии по границе, которая произведет осмотр и соберет необходимый материал касательно нужд пограничных войск Таджикистана. Вся информация будет затем направлена в секретариат ОДКБ, где будет принято решение о предоставлении Душанбе экстренной военно-технической помощи в трехмесячный срок. Второй предусматривает разработку и реализацию целевой программы по обустройству таджикско-афганской границы. Таким образом, по мере предоставления дружественному государству сил и средств, влияние России на военно-политическую ситуацию в Таджикистане будет объективно возрастать.

2. Схожим образом развивается сотрудничество России и Киргизии. Еще в марте 2013 г. премьер-министр России Дмитрий Медведев одобрил и передал президенту Владимиру Путину для ратификации соглашение между Россией и Киргизией о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики (КР). Согласно документу, российские военные будут пребывать на территории страны в течение 20 лет. Несмотря на существенные финансовые затраты на обустройство и содержание базы (по некоторым данным, это обойдется Кремлю в 68 млрд долл.) Владимир Путин отметил, что «наличие российской компоненты в регионе, как в Таджикистане, так и в Киргизии, будет существенным фактором стабильности». Местом расположения военного объекта выбрана самая «горячая точка» государства — город Ош на юге страны. Этот выбор не случаен: контроль правительства в Бишкеке над югом страны и, прежде всего, над городом Ош уже сейчас носит достаточно символический характер. Следовательно, если допустить гипо-

тетический распад государства на север и юг, то именно в южных районах можно будет ожидать активизации террористической деятельности экстремистских групп после 2014 г. Помимо этого, РФ является крупнейшим спонсором Киргизии. Согласно исследованию, проведенному РСМД и Аналитическим центром ИМИ МГИМО(У) МИД РФ, Россия оказывает наиболее существенную помощь КР по сравнению с другими странами. Содействие оказывается по военно-техническому и по другим направлениями.

3. Сложнее обстоят дела с другой центрально-азиатской страной, Узбекистаном, который в июне 2012 г. де-юре прекратил членство в ОДКБ, однако это не умаляет его значения в обеспечении безопасности в ЦА. Сегодня талибы и экстремистские группировки, в первую очередь ИДУ, представляют собой реальную угрозу безопасности для этой страны. Вероятность экспансии террористических групп существенно возрастает в контексте «фактора 2014 года». Определенную тревогу вызывает тот факт, что выход из Организации Узбекистан объяснил «расхождением со стратегическими планами ОДКБ на афганском направлении, а также с планами по усилению военного сотрудничества в рамках блока». Вдобавок, в мае текущего года Российская газета «Военно-промышленный курьер» проанализировала состояние армии Узбекистана. Были исследованы история создания армии, ее устройство, военная доктрина, численность и вооружение. Согласно сделанным выводам, в случае распада афганского государства и нападения талибов, в течение недели армия Узбекистана будет разгромлена. Причиной этому являются небольшая численность вооруженных сил, а также распространенная в армии коррупция и хищение военного имущества. Поскольку Узбекистан граничит с Афганистаном, существует вероятность того, что, в случае резкого ухудшения ситуации в ИРА, этому государству может

понадобиться дополнительные финансовые средства на укрепление армии, а также современное вооружение и боевая техника, которые могли бы быть предоставлены Узбекистану извне. Россия, которую с Узбекистаном связывают бывшее членство в ОДКБ и позитивные отношения в 2000-х гг., могла бы использовать данную возможность для возобновления сотрудничества.

Добавим также, что на текущий момент именно ОДКБ, а не другая региональная организация — ШОС, может оказать существенное влияние на развитие ситуации в ЦА. В Организации Договора о коллективной безопасности легче организовать продуктивный диалог и достичь компромисса между всеми членами организации. Более того, именно Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ до весны 2014 г. будут обязаны пройти проверку боеготовности в связи с новыми угрозами, сопряженными с выводом иностранного контингента из ИРА. В отличие от ОДКБ в Шанхайской Организации Сотрудничества представлены интересы Китая. Это означает, что для успешной деятельности этой организации ключевым условием будет являться согласование интересов двух стран, России и Китая, что авторам видится маловероятным в виду преследования КНР своих собственных интересов в центрально-азиатском регионе, которые зачастую прямо противоположны интересам РФ.

В итоге, уже сегодня, основываясь на результатах военной компании США в Афганистане, наличии серьезных вызовов со стороны ИРА и влиянию РФ в центрально-азиатском регионе, можно с уверенностью констатировать, что страны Центральной Азии («пояс безопасности» ОДКБ) будут вынуждены предъявлять высокий спрос на российское вооружение и технику для решения задач по обеспечению безопасности своих границ. Следовательно, перед Россией открывается значительная перспектива усиления своих военно-политических позиций в регионе, а также достижения экономических интересов.

2.3. Нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию интересов РФ в области военно-экономического сотрудничества

Руководство страны адекватно оценивает вышеописанные угрозы и необходимость международного сотрудничества в сфере укрепления безопасности в зоне особых интересов Российской Федерации. В соответствии с Федеральным Законом «О Безопасности», деятельность по обеспечению безопасности включает международное сотрудничество. К основным целям такого сотрудничества, в том числе относятся:

— укрепление отношений со стратегическими партнерами Российской Федерации;
— участие в деятельности международных организаций;
— развитие двусторонних и многосторонних отношений в целях выполнения задач по обеспечению безопасности.

В 2012 г. Государственной Думой был ратифицирован ряд Соглашений, подписанных Российской Федерацией совместно со странами-членами Организации Договора коллективной безопасности:

— Соглашение о сотрудничестве в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации, продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения;
— Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности;
— Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений по выпуску продукции военного назначения;
— Соглашение о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения.

Все эти соглашения — являются логическим развитием нормативно-правовой базы взаимодействия государств

в рамках ОДКБ: Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества, подписанного в 1992 г. Исходным положением соглашений является необходимость принятия практических мер по совершенствованию системы коллективной безопасности ОДКБ, а также военно-технического и военно-экономического сотрудничества государств-членов Организации. К задачам, которые ставят перед собой подписанты соглашений, относятся: (1) укрепление взаимовыгодного военно-экономического сотрудничества в условиях производственной и научно-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности, (2) повышение эффективности всего комплекса военно-технического взаимодействия, (3) совершенствование систем вооружения и оснащения вооруженных сил, (4) определение общих принципов создания и функционирования научно-производственных объединений, (5) обеспечение условий по сохранению специализации и организации, существующих предприятий военного назначения, (6) формирование сил коллективной безопасности.

Решение поставленных задач полностью соотносится с внутриполитическим курсом Российской Федерации и, более того, отвечает экономическим интересам страны. Именно «военно-экономическое сотрудничество» находится в фокусе ратифицированных соглашений. Согласно положениям подписанных странами-членами ОДКБ договоров, «военно-экономическое сотрудничество» — область межгосударственных отношений, связанная с взаимодействием национальных оборонно-промышленных комплексов при разработке, производстве, модернизации, ремонте, обеспечении эксплуатации и утилизации продукции военного назначения.

В соглашениях четко отражены интересы Российской Федерации в вопросах торговли оружием, которая де-факто и де-юре выступает в роли поставщика вооружений: стороны не вправе передавать (продавать) третьим лицам продукцию военного назначения (далее — ПВН) без уведомления постав-

ляющей продукцию стороны; поставляющая сторона вправе осуществлять контроль за целевым использованием ПВН; сторона, получившая ПВН, несет ответственность в случае ее несанкционированного использования.

Таким образом, благодаря подписанным соглашениям руководству страны удалось отрегулировать механизмы защиты интеллектуальной собственности, механизмы контроля за использованием продукции военного назначения, экспортируемого из России в страны ОДКБ.

В целях противодействия вызовам и угрозам безопасности стран-членов ОДКБ, включая борьбу с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, а также другими видами транснациональной организованной преступности, было принято решение о создании региональных группировок войск:

— региональной группировки войск (сил) Восточноевропейского региона коллективной безопасности (формируется в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации);
— объединенной группировки войск (сил) Кавказского региона коллективной безопасности (формируется на основе двусторонних соглашений между Республикой Армения и Российской Федерацией);
— группировки войск (сил) Центрально-азиатского региона коллективной безопасности (формируется на основе двусторонних и многосторонних (региональных) соглашений между государствами — членами ОДКБ);
— группировки объединенных (совместных) военных систем (ПВО, разведки, связи, управления и др.) в регионах (районах) коллективной безопасности.

В соглашениях формально закреплено положение о том, что техническое и тыловое обеспечение своих воинских контингентов, формирование сил специального назначения, создание

и пополнение запасов материальных средств до согласованных норм стороны осуществляют самостоятельно. Фактически Российская Федерация закрепляет за собой право на реализацию ПВН для нужд ОДКБ в преддверии 2014 г.

Однако в интересы РФ входит не только экспорт вооружения в соседние страны, но и сохранение и развитие совместных предприятий, участвующих в производстве продукции военного назначения, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности в рамках двусторонней производственной и научно-технической кооперации. Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ формирует перечни предприятий и организаций, специализацию которых целесообразно сохранить в интересах военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ.

С целью стимулирования экспорта ПВН и развития объединенных предприятий, в соответствии с положениями соглашений, было принято решении об освобождении продукции таких предприятий от таможенных пошлин.

В 2012 г. был принят Федеральный Закон «О государственном оборонном заказе», который регулирует вопросы, связанные с экспортными поставками российского вооружения. В соответствии с определением, государственный оборонный заказ (далее — ГОЗ) — это установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации. Основой для формирования, утверждения и размещения государственного оборонного заказа может являться программа и планы военно-технического сотрудничества с иностранными государствами. В состав ГОЗа могут входить: поставки воору-

жения, военной и специальной техники — продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами.

Итак, международные договоры, заключенные в рамках ОДКБ, тесно увязаны с Федеральным Законом «О государственном оборонном заказе». При этом весьма важно отметить, что исполнителем ГОЗа может выступать как государственная корпорация, так и частное физическое или юридическое лицо (ОАО). Государство, размещая государственный оборонный заказ, в соответствии с N 275-ФЗ берет обязательства по предоставлению (1) государственной гарантии по кредитам, привлекаемым исполнителями для осуществления деятельности в целях обеспечения выполнения ГОЗа; (2) субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, (3) субсидий в целях предупреждения несостоятельности (банкротства).

Именно в целях содействия осуществлению научных исследований и разработок в интересах обороны страны и безопасности государства, связанных с высокой степенью риска достижения качественно новых результатов в военно-технической, технологической и социально-экономической сферах, в том числе в интересах модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации, разработки и создания инновационных технологий и производства высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения, в 2012 г. был создан «Фонд перспективных исследований». Безусловно, подобная инициатива направлена на активизацию деятельности частных компаний, ОАО с государственным участием в ОПК. Фонд перспективных исследований финансируется из бюджета. В список основных задач фонда входят (1) аналитическое обеспечение, (2) определение основных направлений научных исследований и разработок, (3) организация поиска, заказа, апробации и сопровождения научно-технических идей, (4) осуществление финансирования соответствующих мероприятий и проектов.

Фактически можно говорить о реализации программы аутсорсинга в ОПК. Более того, в пользу этого тезиса свидетельствует положения Закона «О безопасности», предусматривающее формирование федеральных целевых программ в области обеспечения безопасности.

Президент страны В. В. Путин неоднократно заявлял о необходимости стимулировать реальную конкуренцию в оборонной промышленности, в том числе за счёт привлечения к участию в оборонных программах гражданских компаний и частного бизнеса.

Вместе с осознанием необходимости привлечения частных компаний к участию в проектах ОПК приходит и осознание необходимости отработки механизмов взаимодействия бизнеса и государства в этой конкретной области. Мировой опыт показывает, что одним из наиболее отлаженных механизмов взаимодействия бизнеса и государства в сфере оборонно-промышленного комплекса является государственно-частное партнерство (ГЧП). Открывая заседание совета ВПК при Правительстве РФ, заместитель Председателя Правительства России Дмитрий Рогозин подчеркнул, что до сих пор сотрудничество оборонно-промышленного комплекса страны и частного бизнеса имело только две формы взаимодействия — государственный контракт и приватизацию. Председатель совета по государственно-частному партнерству при ВПК при Правительстве РФ Михаил Абызов в ходе того же заседания заявил, что без реального сотрудничества бизнеса и государства в ОПК изменить лицо и эффективность этого сектора экономики невозможно.

В 2012 г. В. В. Путин подписал Указ «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса», который предусматривал упрощение процедуры создания новых производств продукции военного назначения, в том числе посредством реализации механизма государственно-час-

тного партнерства. Спустя год на совещании о ходе исполнения указов президента от 7 мая 2012 г. министр промышленности и торговли Российской Федерации Д. В. Мантуров доложил президенту: «В рамках развития механизмов государственно-частного партнёрства Минпромторгом разработана и утверждена Военно-промышленной комиссией концепция применения механизмов ГЧП в оборонно-промышленном комплексе. Эта инициатива позволит упросить сегодняшнюю процедуру создания новых производств военного назначения, а также привлечь частные инвестиции в нашу оборонку. Реализация концепции предполагает расширение информационного обмена частных инвесторов и оборонных организаций, в том числе постепенное снижение и смягчение режима секретности».

Сегодня Государственная Дума уже во втором чтении рассматривает законопроект «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации». Важно отметить, что положения потенциального ФЗ не распространяются на реализацию проектов за счет бюджетных ассигнований инвестиционных фондов. Таким образом, механизм ГЧП выступает альтернативой политики по созданию фондов государственной поддержки. Государственно-частное партнерство, согласно авторам законопроекта, — это взаимодействие публичного партнера (Российская Федерация, Субъекты Федерации, органы местного самоуправления), с одной стороны, и частного партнера (индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо, не являющееся государственной компанией), с другой, на основании заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о ГЧП.

Центром развития государственно-частного партнерства Российской Федерации был также подготовлен проект закона «О ГЧП в сфере военно-технического обеспечения обороны и безопасности страны».

Подобные законодательные инициативы представляются крайне актуальными в свете событий, происходящих на

территории Центрально-Азиатского региона. По всей видимости, именно механизм ГЧП способен обеспечить достаточное присутствие частных компаний в реализации проектов в ОПК в условиях острой необходимости повышения конкурентоспособности на мировом рынке вооружений, эффективного управления, снижения нагрузки на государственный бюджет, модернизации производств и т. д. с целью поставки современной ПВН странам-членам ОДКБ. В этом контексте представляется необходимым структурный анализ мирового рынка вооружений, а также опыта других стран по применению механизмов ГЧП в сфере военно-экономического сотрудничества.

Сегодня важность региона Центральной Азии для России, в виду «фактора 2014 года», возрастает многократно. Одновременно с этим увеличиваются и возможности РФ для проецирования и укрепления своих военно-политических позиций. Учитывая исторический контекст и традиционные интересы Российской Федерации относительно центрально-азиатского региона, можно с уверенностью констатировать, что политика этого государства в отношении стран региона будет активизироваться. В виду вызовов, с которыми страны ЦА могут столкнуться после вывода иностранного контингента из Афганистана, одним из потенциальных инструментов усиления влияния РФ видится военно-экономическое сотрудничество, для реализации которого уже сегодня существует цельная нормативно-правовая база. Согласно мнению А. А. Казанцева, если России удастся быстро сформировать эффективную и притягательную для соседей модель социально-экономического развития, то возможным становится сценарий, подразумевающий «Реинтеграцию постсоветского пространства» (например, на основе евразийской экономической интеграции). По мнению авторов статьи, данный вариант развития событий необязательно должен привести к этому итогу. Есть вероятность, что результатом такого сценария может оказаться новый тип кооперации стран, скрепленный не только торгово-экономическим

(в рамках экономической интеграции), военно-политическим (ОДКБ), но и мощным военно-экономическим сотрудничеством, стимулирование которого будет задавать общая для государств региона угроза со стороны Афганистана после 2014 г.

Приложения

Приложение № 1.
Локализация террористических актов в 2009 г.

Составлено автором.

Приложение № 2.
Локализация террористических актов в 2010 г.

Составлено автором.

Приложение № 3.
Локализация террористических актов в 2011 г.

Составлено автором.

Приложение № 4.
Локализация террористических актов в 2012 г.

Составлено автором

Приложение 5.
Политическая карта Афганистана (с провинциями)

Интернет-источник: http://mapoftheworld.ru/afghanistan/politicheskaya-karta-afganistana-s-provinciyami.shtml

Раздел 3.
Сценарии вероятностных изменений текущей и прогнозируемой военно-политической обстановки

К. П. Боришполец
Вводные комментарии

Построение сценариев развития обстановки является эффективным методическим средством снижения неопределенности представлений о будущем. Он интегрирует качественные и количественные оценки и служит моделью для изучения возможного хода событий с указанием вероятности их реализацию. Как правило, при разработке сценария формулируется краткое вводное описание ситуации с указанием основных участников, программ их деятельности, имеющихся ресурсов. Кроме того, определяются основные временные этапы, в рамках которых будут формулироваться прогнозные предположения, определяются основные факторы, которые необходимо учитывать в аналитических рассуждениях, указывается, каким образом они могут повлиять на предполагаемые события. Как правило, разрабатывается несколько альтернативных вариантов сценариев, наиболее вероятный из которых рассматривается в качестве базового для планирования и принятия решений. По своему содержанию сценарии обобщают описание событий и оценки событийных характеристик (показателей), меняющихся во времени. В целом, сценарное прогнозирование является эффективным средством планирования решений на основе получения согласованного мнения экспертов. В эпистемологическом плане оно связано с применением метода Делфи, предназначенного для обобщения коллективного мнения различных групп

экспертов относительно важнейших событий в той или иной области в заданный период обозреваемого будущего. Недостатком сценарного подхода, требующего мониторинга и экспертных корректив в ходе его применения, является отсутствие надежной процедуры формализации причинно-следственных связей событий и необходимость дополнительной опоры на традиционный логико-интуитивный анализ для верификации прогнозируемых тенденций.

Учитывая, что успех выполнения любой прикладной задачи более чем наполовину зависит от точности формулировки вводных установок, следует признать, что в методологии применения сценарного прогнозирования очень важную роль играет первый, описательный по содержанию, вступительный раздел каждой разработки, в котором излагаются базовые определения и понятия.

В контексте современной консолидации многополярной структуры международных отношений возрастает необходимость всестороннего определения взаимосвязи национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике современных государств (М. В. Александров), что позволит прагматично оценивать влияния национализма на внешнеполитические стратегии значительного числа членов мирового сообщества, тем более что к концу первого десятилетия XXI века проявилась неспособность западного либерализма эффективно управлять обществом не только во всемирном масштабе, но и в рамках западной цивилизации. В целом, сегодня «борьба ценностей уже вышла за рамки морали и не сводится к тому, кто будет лучше выглядеть в мировом общественном мнении. Эта борьба приобрела реальный военно-политический аспект и напрямую влияет на национальную безопасность государств» (М. В. Александров).

В контексте сценарной разработки необходимо учитывать, что национальные интересы формулируются правящей элитой страны с учетом многочисленных факторов внутреннего

и внешнего влияния. Однако помимо этих объективных обстоятельств, формулирование национальных интересов происходит в определенной мировоззренческой системе координат, то есть на базе, существующей в данном обществе системы ценностей. И национальные интересы, сформулированные на базе одной системы ценностей, при общих равных условиях, будут отличаться от национальных интересов, сформулированных на базе другой системы ценностей. При этом система национальных ценностей может более или менее динамично эволюционировать, исключать или изменять некоторые установки, а затем вновь обращаться к ним, хотя уже и в заметно обновленном формате. Примером такой эволюции может выступать российская ситуация. (М. В. Александров). «К настоящему моменту российская система ценностей оказалась в достаточно хаотичном состоянии. Она представляет некий конгломерат ценностей, происходящих из западного либерализма, православия, национализма и советизма. В этих условиях эффективное развитие страны просто невозможно. Более того, российское общество оказалось в весьма уязвимом положении, особенно для внешнего влияния. По существу, можно говорить о возникновении угрозы национальной безопасности. Это, похоже, почувствовало высшее руководство страны. Не случайно, вопрос о национальных ценностях все чаще фигурирует в программных выступлениях президента России В. В. Путина…». Таким образом, стихийная эволюция национальных ценностей является хотя и возможным эпизодом общественного развития, однако носит крайне негативные последствия для реализации системы национальных интересов, что, несомненно, будет отражаться на прогнозируемом поведении членов мирового сообщества в военно-политической сфере. Определение взаимосвязи национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике является важным методологическим элементом сценарного прогнозирования сценариев развития военно-политической обстановки.

Методический опыт обоснования структуры прикладного сценарного анализа является комплекс сценарных вариантов развития ситуации на Украине (Д. А. Дегтерев). В его вступительном разделе констатируется фактический раскол страны расколото на две части — Северо-Запад, ориентированный преимущественно на Запад, и пророссийский Юго-Восток, что соответствует «наложению» на географические координаты странового пространства, популяционных, социо-экономических, культурных и электоральных характеристик украинского общества (государственно-организованного социума). Далее исходная информация обобщается в табличную форму, где основными критериями выступают оценочное суждение о роли конкретных характеристик как о факторах, способствующих или препятствующих созданию управляемого конфликта на территории Украины. На втором этапе разработки предлагается формирование структуры сценарных вариантов, исходя из позиций основных участников взаимодействия в лице «Украины, РФ, ЕС, в т. ч., Польши» (Д. А. Дегтярев) и учета исторических и цивилизационных стереотипов, к которым в той или иной степени апеллируют каждые из участников. В качестве базовых выделяются четыре условные модели:» 1) Великое княжество Литовское; 2) План «Збруч»; 3) Киевская Русь; 4) Дикое поле». Описание моделей формируется с привлечением междисциплинарного знания и логико-интуитивного анализа при их обобщении. На третьем этапе разработки все сценарные модели рассматриваются через призму унифицированной системы критериев, которыми выступают условия реализации сценария, заинтересованная в сценарии сторона, угрозы национальной безопасности России.

Таким образом, сценарные варианты позволяют, в зависимости от целей и ресурсов конкретного проекта осуществлять углубленный анализ на основе применения формализации и квантификации, а также пойти по оперативном пути организации экспертного опроса, ситуационного анализа или

производственного совещания, участники которого могут конкретизировать качественные или качественно-количественные оценки привлекательность, допустимости или недопустимости каждого сценарного варианта для основных участников взаимодействия.

Интересный пример структуры сценариев текущей и прогнозируемой военно-политической и стратегической обстановки дается на материале Центральной Азии (А. А. Казанцев). Он обосновывается конкретными сценарными эпизодами в рамках следующих этапов аналитической разработки: 1) выделение краткосрочно и среднесрочно-долгосрочных сценариев; 2) построение военных сценариев на фоне анализа эволюции геополитической ситуации и региональной подсистемы глобальной системы международных отношений; 3) развитие военных сценариев на основе комплексного анализа внутрирегиональной и внутристрановой динамики, включая проблемы безопасности, экономические, социально-демографические, политические, идеологические и другие аспекты; 4) анализ не только возможных традиционных угроз безопасности России, требующих военного решения путем применения Российской армии, но и угроз нетрадиционного ряда (включая терроризм, наркоторговлю, проблему распада государственности и образования «несостоявшихся государств» и т. п.), которые требуют задействования для их нейтрализации всей военной организации Российского государства; 5) учет не только инерционных сценариев, но и возможных «альтернативных вариантов» будущего, основанных на потенциально возможных принципиальных разрывах с существующей ситуацией.

Прогностический анализ реализуется на двух уровнях сценарной модели, объединяемых логико-интуитивным путем: а) сценарий общих тенденций развития конфликтной ситуации в ЦА регионе, б) группа сценариев развития военно-политической ситуации в ЦА регионе с учетом факторов традиционных и нетрадиционных угроз безопасности РФ. Общей

характеристикой обоих сценарных трендов является учет альтернативных вариантов в контексте потенциально возможных или условно вероятных принципиальных разрывах с существующей ситуацией (фактора качественных скачков «катастроф» в контексте эволюционной динамики).

Обобщение и промежуточная систематизация региональных событий, включаемых в прогнозные тренды, осуществляется в рамках нескольких временных этапов: Краткосрочно-среднесрочные сценарии конфликтов в Центральной Азии; Среднесрочные и долгосрочные сценарии конфликтов в Центральной Азии (параметры: среднесрочные и долгосрочные тенденции регионального развития как движущие факторы сценариев, общие характеристики инерционного сценария региональных конфликтов и угроз безопасности до 2050 г); Прогноз развития геополитической ситуации в регионе на среднесрочную и долгосрочную перспективу; Прогноз конфликтов и степени включенности в них России до 2050 г.

В целом, сценарии представляют собой интерпретации возможных линий развития имеющихся в настоящее время тенденций. В частности рассматриваются такие варианты, как «успешное международное сотрудничество» (исходное положение — сотрудничество великих держав), «постепенный упадок» (исходное положение — международное соперничество), «интенсификация «новой Большой игры» (исходное положение — международное соперничество выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию региона), «центральноазиатский взрыв» (исходное положение — резкое ухудшение региональной обстановки и образование серии «несостоявшихся государств», не контролирующих свою территорию при достаточно низкой вероятности такого тренда). Чем исходные положения и проецируемые на их основе тенденции более противоречивы, тем больше могут расходиться между собой сценарии.

При оценке вероятности сценариев учитывались мнение большой группы центральноазиатских и зарубежных иссле-

дователей, а также результаты опроса представителей российских академических кругов. Полученные экспертные оценки позволили обобщить тенденции, обеспечивающие каждый из сценарных вариантов и прийти к итоговому заключению, которое было предложено для обсуждения специалистам по линии ОДКБ. Другими словами уровень профильной компетенции в рамках второго тура формирования согласованного коллективного мнения был более высоким, чем на первоначальном этапе разработки, что позволили внести коррективы при подготовке главных прогностических выводов. В частности, в качестве наиболее вероятного разворота центральноазиатских событий указывалось, что в период до 2050 года можно ожидать от одного до трех вооруженных локальных конфликтов (межнациональных и/или межгосударственных), связанных с борьбой за водные и энергетические ресурсы, а также с борьбой за контроль над наркопотоками.

Сценарное прогнозирование часто опосредуется не только описательным, игровым, но и интерактивным форматом аналитической деятельности. Одним из успешных примеров представляется находящийся в стадии разработки проект «Военно-политическая карта мира: интерактивный сценарный подход» (Д. О. Салюков). В рамках разработки органично соединены материалы авторитетных рейтингов для различных составляющих военно-политической обстановки и концептуальная установка на оперативный мониторинг фактологических данных в целях подготовки прикладных материалов, а также наглядной демонстрации глобальных, региональных и страновых тенденций, необходимой в образовательном процессе.

В целом, сценарное прогнозирование как последовательно осуществленная методическая процедура позволяет не только снизить неопределенность при анализе конкретных трендов военно-политического развития, но и формулировать обобщающие заключения, адекватные для универсальных обобщений в области стратегического планирования.

М. В. Александров
Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства

Роль национальных ценностей и интересов в формировании поведенческих сценариев членов мирового сообщества

Вопрос о роли национальных ценностей в политике государства, особенно в его внешней политике, приобретает в последнее время все большую актуальность. Связано это, прежде всего с тем, что в развитии человеческой цивилизации наступил новый этап. С легкой руки американского политолога Самюэла Хантингтона этот этап получил название «конфликта цивилизаций». А конфликт цивилизаций есть ни что иное, как конфликт между группами народов, каждая из которых имеет общие или близкие национальные ценности. И этот конфликт возник не случайно, а именно потому, что западная цивилизация в дополнение к экспансии своей идеологии приступила к внедрению во всем мире своей системы ценностей.

В истории конкуренция мировоззрений существовала, пожалуй, также долго, сколь долго существует сама человеческая

цивилизация. На заре цивилизации мировоззренческая конкуренция осуществлялась в виде конфликта культовых, языческих и псевдорелигиозных верований. Затем наступил этап мировых религий, их конфликта с язычеством, а затем и между собой. Этот второй этап растянулся почти на две тысячи лет. Впрочем, первый был еще длиннее.

Где-то с XVII века стали развиваться светские идеологические доктрины — национализм, либерализм, коммунизм, фашизм. Они также вступили в схватку между собой и с традиционными религиозными взглядами, оттеснив последние на второй план. В ходе жесточайших конфликтов XX века эти идеологии одна за другой терпели поражение. Фашизм был разгромлен объединенными силами двух космополитических идеологий — коммунизма и либерализма. Затем две эти идеологии начали борьбу за мировое лидерство, получившую название «холодная война». Эта война закончилась поражением коммунизма.

Что касается национализма, то он выполнил свои задачи по образованию национальных государств в Европе и последующей деколонизации и, как следствие, в мировом масштабе стал не актуален. Сейчас национализм продолжает играть определенную роль лишь на региональном уровне, там, где еще не решены значимые национальные проблемы. В то же время можно прогнозировать усиление роли национализма, как течения отстаивающего самобытность народов в условиях глобализации. В этом смысле национализм логически вписывается в разворачивающийся конфликт цивилизаций. Однако при этом происходит трансформация национализма из идеологической доктрины в ценностную. В новом качестве национализм будет стремиться не столько к осуществлению новых политических проектов, сколько к сохранению традиционной системы ценностей различных стран и народов.

В начале 90-х годов прошлого столетия казалось, что западный либерализм победил во всемирном масштабе и может праздновать победу. Появились торжествующие статьи о «конце

истории» и начале «золотого века» в развитии человечества. Действительно, тогда сложилась ситуация, когда мир в целом согласился с идеологией западного либерализма. Модель либеральной рыночной экономики была принята практически всеми странами за редким исключением, а модель политической демократии — в большинстве стран мира. Те же государства, которые еще не внедрили у себя модель политической демократии, согласились признать ее как идеал, к которому надо стремиться, и обозначили переход к ней как стратегическую цель своей политики.

Но очень скоро оказалось, что западная модель, пересаженная на почву других цивилизаций, не дает нужного результата. Как показала практика, эта модель создает в иных обществах экономическую и политическую систему, сильно отличающуюся от западной. И если в странах Восточной Европы западная модель в целом прижилась, то уже на постсоветском пространстве возникли общественные системы, несколько отличающиеся от западной. Схожая ситуация возникла и в странах Латинской Америки. Еще большие отличия имели место в исламских государствах, формально принявших западную модель. А в Африке продолжал господствовать традиционный трайбализм, облеченный в демократические одежды.

Таким образом, стало очевидно, что унифицировать человечество по западному образцу на основе одной лишь идеологии не возможно. А, следовательно и управлять человечеством из одного западного центра тоже не возможно. Ведь управлять системой, компоненты которой по-разному реагируют на одни и те же вводные, не реально. Это и подтолкнуло Запад к началу масштабной программы по унификации человечества, что потребовало изменения системы ценностей других стран.

Для этой цели была создана огромная мировая сеть неправительственных организаций (МНПО), призванных осуществлять продвижение «демократии» и «прав человека». На государственном уровне велась активная работа с наци-

ональными элитами, по их переориентации или подчинению, чтобы принудить их к сотрудничеству в насаждении западного мировоззрения в своих обществах. Данная политика вызвала естественную реакцию сопротивления во многих странах. Стремясь сломить это сопротивление, Запад стал переходить от информационно-пропагандистской работы к использованию инструментов «мягкой силы» в виде «цветных революций», а в ряде случаев даже к применению военной силы.

Между тем, к концу 2000-х годов проявилась неспособность западного либерализма эффективно управлять обществом не только во всемирном масштабе, но и в рамках самой западной цивилизации. Оказавшись без дисциплинирующего воздействия конкурирующего идеологического проекта, западная экономическая модель пошла в разнос и спровоцировала самый масштабный в истории мировой экономический кризис. До сих пор нет никаких симптомов того, что этот кризис удастся преодолеть в обозримом будущем. Одним словом, либерализм завел человечество в экономический тупик, выхода из которого не видно.

Как следствие, привлекательность западной модели общества понизилась, а сопротивление насаждению западных ценностей по всему миру возросло. При президенте США Обаме Западу пришлось несколько скорректировать свою политику. Тающие экономические ресурсы сильно ограничили возможность ведения многочисленных войн. По этой причине был выбран метод комбинированного использования мягкой и жесткой силы с опорой на местные повстанческие группировки и иностранных наемников. Концентрированным выражением этой политики стала диверсионно-террористическая война против Сирии. Так, Запад фактически вернулся к методам «холодной войны», только уже не против идеологического противника, а против стран, не желающих принять западную модель ценностей.

Таким образом, если в 90-х годах прошлого века, после «пирровой победы» в холодной войне, Запад пытался действовать в основном методом убеждения и демонстрации привлекательности

своей модели общества, то затем он перешел к навязыванию своих ценностей самыми различными способами, включая военные. И это вполне объяснимо. Ведь западная цивилизация оказалась в критической ситуации. Вследствие действия объективного закона неравномерности экономического и политического развития государств, роль западных стран в мировой экономике в последние десятилетия снижалась. Эта тенденция особенно рельефно обозначилась в условиях мирового экономического кризиса. Ну а вслед за падением экономического значения Запада неизбежно должно уменьшиться и его политическое влияние в мире. Если эту тенденцию остановить не удастся, то нельзя исключать и коллапса всего западного блока, точно так же, как это произошло с «социалистическим лагерем».

С другой стороны, если Западу удастся навязать свои ценности другим обществам, то они признают моральное лидерство западной цивилизации. Естественно, при этом суверенитет этих обществ будет утрачен, и они попадут под идеологический контроль западных центров влияния. Со временем это может привести к дезинтеграции соответствующих государств. Но при этом возрастет политическое влияние Запада, который со временем конвертирует это влияние в экономические преимущества и военное доминирование.

В современном мире борьба ценностей уже вышла за рамки морали и не сводится к тому, кто будет лучше выглядеть в мировом общественном мнении. Эта борьба приобрела реальный военно-политический аспект и напрямую влияет на национальную безопасность государств.

Национальные интересы**.** Национальные интересы — это интересы, возникающие у государства вследствие его положения в системе международных отношений. Национальные интересы являются категорией общественного сознания. Как таковые они не зависят от воли и сознания отдельных личностей. Однако формулируются они, как правило, представителями политической элиты страны и, прежде всего, ее высшими руководителями.

Все люди имеют некоторый набор интересов. Интересы возникают из потребностей людей. Разница между потребностью и интересом состоит в том, что интерес — это осознанная потребность. Этим человек отличается от животных, которые не имеют интересов, но имеют потребности. Действительно, и люди и животные являются биологическими организмами и для своего существования должны удовлетворять определенные потребности. Однако животные удовлетворяют ту или иную потребность тогда, когда она проявляет себя физиологически. Например, животное удовлетворяет потребность в пище, когда появляется чувство голода. Удовлетворив чувство голода, животное на время об этой потребности забывает.

Человек, как разумное существо, действует по-другому. Он осознает, что потребность в пище присуща ему постоянно, на всем протяжении жизни. Поэтому он стремится создать условия, обеспечивающие гарантированный доступ к пище при любых обстоятельствах. Таким образом, осознание потребности в пище приводит к появлению у человека интереса к обеспечению гарантированного доступа к пище. Поскольку люди жили не индивидуально, а общинами, то у них стали возникать общие интересы. По мере развития общин в племена и далее в государства возникали и общие для этих объединений людей интересы. Взаимодействие государств между собой привело к появлению у них интересов, связанных не только с внутренним развитием, но и со своим положением в системе международных отношений, то есть национальных интересов.

Национальные ценности**.** Национальные ценности, также как и национальные интересы, являются категорией общественного сознания. По мере приобретения новых знаний, у людей стала складываться определенная система взглядов на окружающий мир и на себя, возникло мировоззрение. У разных людей с учетом их индивидуального опыта оно могло быть разным и отличным от мировоззрения других людей. Но поскольку люди жили не индивидуально, а общинами такая разница в мировоззрении стала

играть негативную роль, создавать угрозу жизнеспособности общин. Наличие разнообразных мировоззрений внутри общины, неминуемо вело к появлению несовместимых поведенческих моделей людей, к возникновению разногласий, конфликтов, раздоров и в конечном итоге к гибели всей общины.

Поэтому у общин возникла потребность упорядочить мировоззрение своих членов, привести его к некоему общему знаменателю. Члены общины стали договариваться о некоторых фундаментальных мировоззренческих понятиях, которые должны были признаваться всеми членами общины. Так внутри общин стала формироваться общая система ценностей. Таким образом, **ценности —** это базовые мировоззренческие понятия общепринятые в данном обществе.

Необходимость общей системы ценностей осознавалась, прежде всего, людьми, наделенными управленческими функциями. Будучи более других заинтересованными в том, чтобы община функционировала как единый организм и замечая раньше других возникновение сбоев в системе управления, лидеры общин стали использовать свой авторитет и властные полномочия для принуждения других общинников к принятию системы ценностей, разделяемых большинством. Со временем в общинах были выработаны специальные механизмы сохранения общей системы ценностей и появились люди, осуществляющие эту деятельность. Так возникли религиозные культы и жрецы. На смену им пришли священники и монахи. Потом на короткое по историческим меркам время появились комиссары и фюреры. Все они были носителями и хранителями конкретной системы ценностей.

Сейчас аппарат поддержания системы ценностей в развитых странах значительно усложнился, приобрел полицентричный, можно даже сказать, сетевой характер. В него входят как традиционные религиозные и культовые учреждения, так и многочисленные общественные организации, государственные структуры, политические партии и движения. Таким образом, система поддержания национальных ценностей стала менее структури-

рованной и иерархичной, а это сделало ее более уязвимой для различных посторонних воздействий и размывания изнутри. В этих условиях поддержание национальной системы ценностей требует более гибкой, изобретательной и массовой работы.

Взаимосвязь национальных интересов и национальных ценностей как поведенческих детерминант

Национальные интересы формулируются правящей элитой страны с учетом многочисленных факторов внутреннего и внешнего влияния. Однако помимо этих объективных обстоятельств, формулирование национальных интересов происходит в определенной мировоззренческой системе координат, то есть на базе, существующей в данном обществе системы ценностей. И национальные интересы, сформулированные на базе одной системы ценностей, при общих равных условиях, будут отличаться от национальных интересов, сформулированных на базе другой системы ценностей.

Так, например, решение о продвижении России в Закавказье в начале XIX века обосновывалась необходимостью защиты христианских народов — грузин и армян. По прошествии 200 лет и с учетом опыта последних десятилетий, многие ставят под сомнение целесообразность данного решения. Были противники у этой политики и тогда. Они ссылались на экономические и геополитические факторы, настаивая на нецелесообразности расширения российских владений за пределы Кавказского хребта. Однако, победила точка зрения тех, кто рассматривал православную миссию России как высший приоритет. То есть господствовавшая тогда в России система ценностей сыграла главную роль при формулировании российских национальных интересов в отношении Закавказья.

В последние годы США под лозунгом продвижения демократии и прав человека развязали несколько войн на Ближнем и Среднем Востоке, бомбили Югославию, устраивали

многочисленные «цветные революции». Как следствие, были израсходованы триллионы долларов и погибло очень много людей. Причем политические и экономические выгоды для США, если рассматривать их с точки зрения внешнеполитического рационализма, совсем не очевидны. Так, свержение суннитского режима Саддама Хусейна в Ираке привело к усилению главного противника США на Ближнем Востоке — шиитского Ирана. Вторжение в Афганистан вообще не дало никаких положительных результатов и обернулось лишь пустой тратой материальных и человеческих ресурсов. Разгром Ливии не только не привел к увеличению поставок дешевой нефти на Запад, но, напротив, дестабилизировал эти поставки. Однако с точки зрения американской системы ценностей эти действия были оправданы, так как привели к «демократизации» указанных стран.

Таким образом, национальная система ценностей вполне реально влияет на национальные интересы государства. Но происходит и обратный процесс. Национальные интересы влияют на существующую в государстве систему ценностей и иногда ведут к ее видоизменению. В истории такие вещи встречались неоднократно. Так, провозгласившие курс на мировую революцию российские большевики, вскоре осознали, что интересы сохранения страны и их собственного выживания, требуют изменения политики. В итоге принцип пролетарского интернационализма в советской внешнеполитической доктрине был дополнен принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем. А в ходе второй мировой войны СССР вообще оказался в одной коалиции с ведущими капиталистическими странами — США и Англией. И это уже считалось нормальным и вполне приемлемым с точки зрения советской системы ценностей.

С другой стороны, изменение системы ценностей того или иного государства приводит к трансформации его национальных интересов. Это можно было наглядно наблюдать после краха советского строя в СССР. Отказ от коммунистических

ценностей сделал многие прежние интересы не актуальными. Например, поддержка Москвой стран социалистической ориентации в третьем мире сразу же канула в лету, точно также как и поддержка мирового коммунистического и рабочего движения. Утратили смысл экономические отношения в рамках СЭВ, построенные на принципах плановой экономики. Конечно, их можно было бы попытаться перевести на рыночные рельсы, но политическое руководство стран СЭВ не посчитало нужным этим заниматься. Россия стала сворачивать военное присутствие в отдаленных районах мира, так как отказалась от глобальной коммунистической миссии и сосредоточилась на проблемах в прилегающих регионах.

В то же время взаимовлияние национальных интересов и национальных ценностей не является однотипным. В этом взаимодействии национальные интересы выступают как активная сторона, а национальные ценности, как сила консервативная, сдерживающая. Национальные интересы — это довольно гибкая система взглядов и она быстро реагирует на изменения окружающей среды. Национальные ценности это, напротив, устоявшаяся система взглядов, которая не может быстро видоизменяться. Национальные ценности могут существовать столетиями, не претерпевая существенных изменений. Система национальных ценностей меняется только тогда, когда она входит в явное противоречие с реальностью и начинает создавать угрозу развитию общества. И то такая смена никогда не происходила безболезненно без активного сопротивления консервативных кругов.

Проекция изменений национальной системы ценностей в России на подходы к мирополитической практике

В истории России система ценностей менялась три раза. Первое такое изменение было связано с крещением Руси в конце X века н. э., что было необходимо для объединения славянских племен, имеющих отличные друг от друга верования, в единую

русскую нацию. Второе состояло в принятии Московским царством религиозно-политической доктрины «Москва — Третий Рим» в начале XVI века, что было призвано придать России статус Православной империи, наследника Византии. Третьим стала большевистская революция 1917 года.

Каждый раз внедрение новой системы ценностей занимало достаточно продолжительный период времени и встречало сильное сопротивление консервативных кругов российского общества. Крещение Руси осуществлялось более столетия и временами сопровождалось жестоким подавлением языческих культов. Внедрение концепции «Москва — Третий Рим» растянулось на две сотни лет, привело к церковному расколу середины XVII века и закончилось реформами Петра I. А процесс изменения системы ценностей, запущенный Октябрьской революцией 1917 года, не завершился до сих пор.

Попытка навязать российскому обществу новые коммунистические ценности лишь частично увенчалась успехом. Несмотря на кровопролитную гражданскую войну и установление режима пролетарской диктатуры народ не согласился принять большую часть ценностей, навязываемых большевиками. Приживались только те ценности, которые более или менее соответствовали традиционному мировоззрению народа. В итоге уже в первой половине 30-х годов власти вынуждены были начать восстановление многих прежних традиций и символов, которые адаптировались к новой идеологической среде.

В принципе в этом не было ничего необычного. Любая мировоззренческая реформа никогда не начинается с чистого листа и волей-неволей вынуждена считаться с менталитетом и традициями людей. Так, христианские храмы часто строились на месте прежних капищ, некоторые языческие обряды сохранялись и получали в христианстве новое звучание, а служители языческих культов, принимая христианство, становились священниками. Как следствие, новые мировоззренческие системы неизбежно впитывали в себя компоненты предыдущих эпох,

даже тогда, когда эта предыдущая эпоха формально отрицалась и предавалась анафеме. Советская система ценностей не явилась исключением. Не случайно в советское время ходила шутка, что моральный кодекс строителя коммунизма является копией десяти библейских заповедей.

Уникальность нынешнего периода российской истории состоит в том, что в стране отсутствует единая система ценностей, провозглашенная и отстаиваемая правящей элитой. Сейчас можно строить много версий по поводу причин коллапса СССР. Можно, например, считать, что советская система ценностей оказалась не реалистичной и поэтому не смогла обеспечить эффективного функционирования государства. Можно выдвинуть и другой тезис, что советская система ценностей была вполне адекватной, но ошибки руководителей государства привели к его распаду, а вместе с ним рухнула и присущая ему система ценностей. Но факт остается фактом — советская система ценностей была отброшена российским государством, а вот новой системы ценностей обществу предложено не было.

Пришедший к власти в России режим Б. Н. Ельцина попытался, было, перевести страну на рельсы западного либерализма и западных ценностей. Но этот план очень скоро показал свою несостоятельность. Дело было не только в том, что этот курс встретил сильное сопротивление значительной части российского общества, но и в том, что западные ценности на российской почве просто не прививались. Возможно, они смогли бы привиться через сто или более лет, но сделать это быстро было нереально. Да, и новая политическая элита рассматривала данный вопрос как второстепенный, сосредоточив основное внимание на собственном обогащении. Между тем, любая система ценностей, даже западно-либеральная, такому бесконтрольному обогащению явно препятствовала бы.

В итоге, к настоящему моменту российская система ценностей оказалась в достаточно хаотичном состоянии. Она представляет из себя некий конгломерат ценностей, происхо-

дящих из западного либерализма, православия, национализма и советизма. В этих условиях эффективное развитие страны просто невозможно. Более того, российское общество оказалось в весьма уязвимом положении, особенно для внешнего влияния. По существу, можно говорить о возникновении угрозы национальной безопасности. Это, похоже, почувствовало высшее руководство страны. Не случайно, вопрос о национальных ценностях все чаще фигурирует в программных выступлениях президента России В. В. Путина.

Однако, власти пока нащупывают лишь отдельные принципиальные моменты, которые могли бы составить основу новой национальной системы ценностей. Очень перспективным является, например, тезис о многообразии мира и человеческой цивилизации и необходимости борьбы за сохранение этого многообразия. В то же время развернутого взгляда на то, что должна представлять собой новая система ценностей обществу пока не предложено. Видимо, в элите пока отсутствует консенсус на этот счет, и еще сильно либеральное крыло, толкающее Россию в западном направлении. Но определяться все равно придется, и критический момент для принятия этого принципиального решения стремительно приближается.

Если российское руководство уже в ближайшее время не сможет дать ответ на вызов, связанный с отсутствием в стране единой системы ценностей, то кризис российской государственности неминуем. В отсутствие собственной системы ценностей, борьба с западной экспансией в этой области не будет эффективной. Как следствие Россия не только не сможет эффективно развиваться и усиливать свое влияние в мире, но и окажется перед угрозой потери суверенитета и в более отдаленной перспективе — своей государственности. Это — реальная угроза национальной безопасности, и ответ на нее не может быть дан чисто академическими методами. Для парирования этой угрозы необходимо использовать все подходящие инструменты, имеющиеся в распоряжении государственной власти.

Д. А. Дегтерев
Сценарии развития ситуации на Украине: нормативные модели в изучении актуальной политической проблематики

Украинское общество фактически расколото на две части — Северо-Запад, ориентированный преимущественно на Запад, и пророссийский Юго-Восток. Раскол общества обусловлен объективным фактором — наличием русского населения

Рис. 1. Процент этнических русских по регионам Украины (по данным переписи 2001 г.)

(не менее 10%) в 8 областях Украины, Автономной Республике Крым (АРК) и г. Севастополь (см. рис. 1). Напротив, на северо-западе процент русских ни в одной из областей не превышает 10% (кроме г. Киева).

Данные Всеукраинской переписи 2001 г. по количеству русских представляются несколько заниженными, ведь еще в 1989 г. их было на 3 млн человек больше (см. Табл. 1). Естественная убыль и миграция едва ли могли привести к такому существенному сокращению. В. В. Путин в своих выступлениях приводил цифру в 17 млн русских.

Таблица 1.
Национальный состав Украины в 1926–2001 гг.

Нац-ность	1939	%	1959	%	1979	%	1989	%	2001	%
украинцы	23 667,5	76,48	32 158,5	76,81	36 489,0	73,55	37 419,1	72,73	37 541,7	77,82
русские	4175,3	13,49	7090,8	16,94	10 471,6	21,11	11 355,6	22,07	8334,1	17,28

Еще более многочисленно русскоязычное население Украины, поскольку на русском языке как на родном говорят многие этнические украинцы. По данным переписи 2001 г. в качестве родного его назвали 29% жителей Украины. Во всех «русских» областях на нем говорят более 50% (кроме Херсонской — 46%), кроме того, выделяется Закарпатская область (русины), где 47% говорит на русском языке; Сумская область (40%) — граница с Россией; Житомирская (43%), Хмельницкая (39%) и Кировоградская области — 37% (см. рис. 2).

Объективные данные обуславливают разброс политических предпочтений населения (пророссийское-прозападное, за НАТО-против НАТО). Нами проведен корреляционный анализ между объективными факторами (процентом русских, русскоязычных и городских жителей) по регионам Украины и результатами трех выборных кампаний (выборы президента Украины в 1999 и 2004 гг., парламентские выборы 2007 гг.).

Рис. 2. Процент населения, желающего сделать русский вторым государственным языком.

Анализ показал, что наибольшая взаимосвязь наблюдается между результатами выборов и таким объективным фактором, как процент русскоязычного населения (см. Табл. 2). Если на выборах 1999 г. русскоязычные, как правило, голосовали против Л. Кучмы, но обратная связь была небольшая (–0,52), то в дальнейшем произошла резкая поляризация общества по национальному признаку.

Таблица 2.
Корреляционный анализ влияния объективных факторов на результаты украинских выборов по регионам Украины

Выборы\Факторы	Русские	Русскоязычн.	Городские
Кучма 1999	–0,34	–0,52	–0,38
Ющенко 2004	–0,84	–0,95	–0,69
ПР 2007	0,83	0,94	0,69

Выборы\Факторы	Русские	Русскоязычн.	Городские
БЮТ 2007	–0,82	–0,95	–0,64
НУ–НС 2007	–0,67	–0,79	–0,71

Примечание: Длина выборки равна 27 (кол-во регионов Украины), поэтому корреляция статистически значима при уровне доверия 95% при значениях коэффициента корреляции не менее 0,38 по модулю. Статистически незначимые показатели в таблице выделены курсивом

В 2004 г. отрицательная связь между русскоязычными и голосовавшими за В. Ющенко характеризовалась коэффициентом –0,95 (!), а в 2007. г. почти такая же сильная, но положительная связь наблюдалась между русскоязычными и электоратом Партии Регионов (0,94). Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) не пользовался симпатией русскоязычного населения (–0,95), в меньшей степени данная отрицательная связь наблюдалась у пропрезидентского блока Наша Украина — Национальная самооборона (НУ-НС) (–0,79). Примечательно, что электорат Кучмы, Ющенко, БЮТ и НУ-НС — преимущественно сельские жители с меньшим уровнем образования.

Обращает на себя внимание и факт устойчивости предпочтений избирателей. Коэффициент корреляции между числом голосов, отданных за Ющенко в 2004 г. и за Партию Регионов в 2007 году, составил –0,997(!). В то же время корреляция между голосами, отданными за Кучму в 1999 г. и за Ющенко в 2004 г., составила лишь 0,50. О поляризации говорит и тот факт, что коэффициент корреляции между проголосовавшими за ПР и за БЮТ в 2007 г. составил –0,98. Иными словами, с 2004 г. произошла резкая поляризация общества по национальному признаку, которая в настоящее время носит перманентный характер.

Фактически в настоящее время Украина находится на геополитическом разломе. *Как говорят в этой связи наиболее*

«прагматичные» украинские политики, «этим нужно пользоваться». Позиции внешних игроков имеют как общие, так и противоположные устремления по отношению к интересам Украины как независимого государства. Например, практически все внешние игроки заинтересованы в контроле над ГТС страны, что противоречит украинским интересам. ЕС заинтересована в сильной Украине, как части европейского (западно- и центральноевропейского) геоэкономического и геокультурного пространства. США — как в инструменте противодействия усилению российского влияния. Россия — как в части восточноевропейского геоэкономического и геокультурного пространства, обеспечивающей надежный диалог между Россией и ЕС.

Скорого выхода из ситуации геополитической неопределенности на Украине не предвидится. Это своего рода данность, которую принимают во внимание, в т. ч. и американские деловые круги. По мнению ряда украинских политологов, потеря 79,34% спорных территорий нефтегазоносного черноморского шельфа в результате решения Международного суда ООН в Гааге в феврале 2009 г. обусловлена желанием компании «Халлибертон», уже открывшей офисы в Бухаресте и Констанце (Румыния), вести разработку месторождений при наиболее удобном политическом режиме (румынском, а не украинском).

Второй фактор, препятствующий достижению целей Хартии, — сложное финансово-экономическое положение, как на Украине, так и в США. В частности, поставлены под вопрос возможности приобретения ВМС Украины американских боевых кораблей. Неприемлем даже вариант безвозмездной их передачи украинской стороне, так как их содержание связано с увеличением расходной части оборонного бюджета. Экономика Украины находится в тяжелейшем, преддефолтном положении. Надежда — исключительно на внешних кредиторов.

Соединенные Штаты не готовы в одностороннем порядке увеличивать помощь Украине. Согласно рекомендациям доклада «Предотвращение кризиса на Украине», возможное решение

проблемы состоит в более тесном сотрудничестве США с ЕС (программа «Восточное партнерства», сотрудничество по линии НАТО-Украина), в разделении финансового бремени по «консолидации демократии» на Украине.

Стоит отметить, что даже американские эксперты ставят под вопрос саму эффективность расходования средств на «демократизацию» страны. Например, на мероприятия по информированию населения о преимуществах НАТО было потрачено более 65 млн долларов, однако популярность военно-политического блока среди населения страны после событий 8 августа 2008 г. лишь уменьшилась (см. Табл.3).

Таблица 3.
Поддержка присоединения Украины к НАТО среди населения страны

	Ноябрь 2005	Октябрь 2006	Декабрь 2007	Сентябрь 2008
За присоединение	20,7%	23,9%	31,8%	24,8%
Против присоединения	58,6%	56,2%	52,8%	63,0%
Затрудняются ответить	20,7%	19,9%	15,4%	12,2%

Основой целью американской политики на Украине является противодействие укреплению военно-политического и экономического влияния Российской Федерации по периметру ее границ. Основным средством достижения данной цели является превращение Украины в локальный управляемый конфликт (см. Табл. 4)

Имея более чем 150-летний опыт колонизации, организации «бархатных революций» в развивающихся странах и создания системы контроля над общественной жизнью в развитых

Таблица 4.
Анализ факторов, способствующих и препятствующих созданию управляемого конфликта на территории Украины

«Управляемость» «+»	«Конфликтогенность» «+»
(«Длинный поводок» + прецеденты) — Внешнеэкономические потоки и кредитные ресурсы финансово-промышленных групп — Финансирование политических партий и СМИ со стороны ФПГ — Система «прецедентов» — Президентское подчинение силовых ведомств (Оборона, МВД, СБУ) — Формирование новых силовых подразделений под президентом (Национальная гвардия, Антикоррупционный комитет) — Принцип рекрутирования элит	(Антироссийской направленности) — Цивилизационный разлом (западноевропейская — восточноевропейская) — Экстремистские движения: • УНА-УНСО, Бендера, Петлюра • ВО «Свобода» — Решение вопроса крымских татар (самозахваты земель) — Украинизация в условиях наличия национальных меньшинств — русские, русины. Построение унитарного государства при наличии АР Крым — Поставки оружия и военной техники Грузии во время войны с Южной Осетией — Газовая война — Внесистемные действия российских официальных лиц и политологов (В. С. Черномырдин, Ю. М. Лужков и др.)
«Управляемость» «–» — Наличие русского и русскоязычного населения — «Феномен Тимошенко». Противостояние ФПГ (невозможность удовлетворить интересы всех ФПГ) — Наличие Черноморского флота (негатив — система	«Конфликтогенность» «–» — Наличие родственных связей. Безвизовое пересечение границы — Общее историческое и культурное прошлое • Великая Победа (негатив — новые факты о советских поражениях) • СССР (негатив — Голодомор)

— провокаций против объектов инфраструктуры и личного состава флота)
— Присутствие российского бизнеса (негатив — препятствия на пути российского бизнеса)
— наличие системы экономической кооперации с российскими компаниями, особенно в сфере ВПК (негатив — в случае перехода на стандарты вооружений НАТО)
— Постсоветская ментальность
— Геополитический разлом. Наличие гласности в обществе
• Русский язык и культура (Черноморский филиал МГУ)
• Православие (УПЦ МП)
— Прецедент 08.08.08 (Войны Грузии с Южной Осетией)
— Спортивные (футбол, хоккей, теннис и др.) и культурные (Евровидение) достижения России 2008 года
— Неудачные действия США и их союзников в Ираке и Афганистане

странах (в особенности после Второй мировой войны и реализации Плана Маршалла), США использовали его на Украине, в особенности после проведения в 2004 г. Оранжевой (Померанчевой) революции. В отличие от советской системы прямых политических запретов («короткий поводок»), данная система контроля над общественной жизнью основана преимущественно на экономических стимулах участников гражданского общества («длинный поводок»). Другими словами, при наличии контроля над финансовой системой (подавляющее большинство украинских банков принадлежат транснациональным группам), крупнейшим, системообразующим украинским ФПГ даются четкие экономические сигналы, стимулирующие поддержку антироссийских настроений в обществе. Основная работа велась с традиционными спонсорами «Партии Регионов» — корпорациями «РосУкрЭнерго» Дмитрия Фирташа и крупнейшей ФПГ Украины «Систем Кэпитал Менеджмент» Рината Ахметова. Поддержка пророссийских партий и движений для экономических операторов была экономически невыгодной.

Для тех акторов политической жизни, кто не смог сразу перестроится с системы «прямых запретов» на систему «длинного поводка», т. е. запретов через экономику, и занимал принципиальную позицию (пророссийскую) в 2004–2005 гг. были созданы прецеденты в виде показательных политических убийств. Наиболее яркими из них являются:

— Убийство Евгения Кушнарева, идеолога Партии регионов, основного инициатора провозглашения в Северодонецке в 2004 г. Союза регионов («Юго-Восточной Республики). Он был случайно (!) убит на охоте коллегой по партии (!).
— Убийство Юрия Кравченко, министра внутренних дел Украины в 1995–2001 гг. («самоубийство» двумя (!) выстрелами в голову).

В 2004–2005 гг. произошел передел рынка медиа-активов Украины, который также не обошелся без «случайностей»: в 2005 г. умер владелец телеканала «Интер» Игорь Плужников, а контроль над каналом перешел к В. Хорошковскому. Таким образом, СМИ были консолидированы в руках «правильных» ФПГ.

Установлению контроля над органами исполнительной власти, силовыми структурами во многом способствовал особый принцип рекрутирования элит (преимущественно из западных регионов страны), а также существенное улучшение социально-экономических условий для представителей силовых ведомств.

В качестве негативного фактора для «управляемости» стоит отметить наличие производственной кооперации украинских заводов с российскими, владение российских компаний производственными активами на Украине (например, 6 из 8 НПЗ — под российским контролем), пребывание Черноморского флота России. Украинские власти препятствовали проникновению российского бизнеса на Украину. Нередко украинские власти намеренно затрудняли покупку россиянами собственности на Украине. Например, в Крыму Киев старается отобрать десятки санаториев, принадлежащих российским собственникам, которые не всегда готовы предоставить украинской стороне необходимые документы.

«Управляемости» мешала царившая в украинском обществе гласность, обусловленная геополитическим разломом, и особенностями постсоветской ментальности, не желающей быстро перестраиваться с системы прямых запретов на принцип «длинного поводка».

Данные факторы сыграли свою роль — система «длинного поводка» дает все больше сбоев, и команда В. Ющенко все больше склоняется в сторону «короткого поводка», по сути — прямого вмешательства иностранных государств в деятельность украинского госаппарата. Наиболее яркие примеры этого:

— вручение дипломов выпускникам академии Службы безопасности Украины в июне 2008 г. послом США на Украине;
— назначение бывшей сотрудницы спецслужб Великобритании Бриджит Остин советником главы СБУ В. Наливайченко в апреле 2009 года.

Оппозиционные (пророссийские) партии говорят о том, что на Украине получает распространение практика управления, характерная для «банановых республик», то есть прямое иностранное вмешательство в деятельность властей. Недовольство практикой тесного и открытого сотрудничества с внешними силами выражают и украинские националистические партии. Примечательна в этой связи победа Всеукраинского объединения «Свобода» О. Тягнибока на выборах в Тернополе в марте 2009 г. (радикальное экстремистское движение выступает «против жидов, москалей и немцев», против иностранного вмешательства, за построение национального государства). Идеолог националистической УНА-УНСО в 1990-е гг. Дмитро Корчинский образовал новое движение под символичным названием «Геть усих!»

Заинтересованность России делами на Украине рассматривается как вмешательство во внутреннюю жизнь, а деятельность США — как содействие развитию демократии. Украинское общество объективно находится на линии цивилизационного разлома (западноевропейская и восточноевропейская цивилизации). В этой связи необходима особая осторожность по

чувствительным вопросам, связанным с национальной историей и традициями. Украинское общество расколото по монопризнаку — этническому, при этом начиная с 2005 г., официальная позиция основывалась на крайних националистических взглядах, восхвалялась деятельность УНА-УНСО, С. Бендеры, Петлюры и т. д. Данная позиция далека от умеренной, особенно далека от позиции Юго-Востока, имеющего пророссийскую ориентацию. Для реализации указанной позиции соответствующим образом рекрутируются элиты (в первую очередь, Львов, Черновцы, Ивано-Франковск, Тернополь). Традиционные элиты с советских времен (Днепропетровск, Донецк) были обвинены в «кучмизме», коррупции, дискредитированы и сошли с политической арены. В их числе признанные в обществе профессионалы, например, Н. Азаров, бывший премьер-министр страны. Все это неизбежно ведет к нагнетанию конфликтогенного потенциала в обществе.

В обратном направлении играют факторы наличия родственных связей, общее историческое и культурное прошлое, роль которого всячески принижается. В частности, развернута кампания по дискредитации Великой Победы. Из немецких архивов берутся материалы, при подаче которых особый акцент делается на наиболее неудачных сражениях СССР против Германии на территории Украины (Киевская операция, высадка десанта на Керченский полуостров и проч.). Общее историческое прошлое в рамках СССР всячески очерняется, в первую очередь путем раздувания мифа о «Голодоморе как геноциде украинского народа». Всевозможными административными способами принижается роль русского языка (на радио и телевидении передачи на украинском языке должны составлять более 75%). Под плотным давлением находится Черноморский филиал МГУ в г. Севастополе. Оказывается давление и на Украинскую православную церковь Московского патриархата.

Большую позитивную роль сыграли события 8 августа 2008 года. Общество более активно настроено против нагнетания конфликтогенного потенциала.

ЕС и США продолжают подчеркивать, что политический кризис на Украине — внутреннее дело, что усилия президентской команды превратить Украину в мононациональную, моноязычную в двуязычной среде и моноконфессиональную страну — это и есть проявление демократии.

Каково влияние проводимой политики? С одной стороны, активная антироссийская пропаганда не может не приносить плоды. Президентская команда пытается обеспечить на Украине рост антироссийских настроений, сделать Москву непривлекательной для украинских элит и интеллектуалов.

В то же время, в случае смены президентской команды в 2010 году, возможен существенный сдвиг официальной позиции в сторону более приемлемой для большинства населения страны и менее антироссийской (см. Рис. 3, пунктирная линия).

Процесс формирования по периметру российских границ антироссийского блока (из стран бывшего социалистического блока) практически завершен. Центром этого антироссийского блока по факту является Польша. В ней созданы все необходимые политические структуры такого центра. Они встроены в государственную «машину», обеспечены финансированием и «своими» СМИ. Осуществлена идеологизация польского общества на антироссийской основе, когда появление положительных публикаций о России считается дурным тоном. США и их европейские партнеры проводят политику фактической «приватизации» трех бывших республик СССР — Украины, Молдавии и Белоруссии, из которых Украина является самым важным направлением.

На Украине осуществлен захват властных (полностью) и силовых (в большей части) структур, создана сеть «общественных» организаций, прикрывающих данные структуры и обеспечивающих их фактическое выведение из-под контроля общества. Продолжается приобретение и захват СМИ, что, в частности, было продемонстрировано в ходе августовского кризиса на Кавказе, когда в украинских СМИ была представ-

лена только грузинская (западная) позиция, а информация из России, в основном, была недоступна.

Тем не менее, события августа, позволившие США и ЕС представить Россию в негативном плане, как в своих СМИ, так и в западном обществе в целом, не привели к усилению антироссийских настроений в украинском обществе, а скорее наоборот, существенно уменьшили число поддерживающих вступление в НАТО. Доказанное участие украинских властных и силовых структур в вооружении Грузии, а также в прямой поддержке грузинских военных вплоть до участия в боевых действиях на стороне Грузии, явилось серьезным отрезвляющим фактором для украинского общества. В целом, общество начало осознавать, как далеко зашли украинские власти в антироссийской политике, тогда как население Украины в подавляющем большинстве не просто не поддержит боевые действия против России, а будет бороться с их разжигателями. Таким образом, успешные действия России на Кавказе, в совокупности с ее другими достижениями существенно изменили имидж России в украинском обществе. Внешняя политика США за последние годы работала скорее на укрепление отрицательного имиджа Америки.

«Колонизация» Украины, требующая консолидации общества на антироссийской основе, остановилась, а сама схема колонизации требует внесения изменений в механизмы ее реализации, переход в «ручной» режим управления.

Для прогнозирования ситуации на Украине представляется целесообразным использование сценарного прогнозирования. Принимая во внимание допущение, что основные игроки (Украина, РФ, ЕС, в т. ч. Польша и др.) исходят из исторических реалий, существовавших на тот или иной момент времени («история развивается по спирали»), следует выделить четыре сценария развития ситуации

1. Великое княжество Литовское;
2. План «Збруч»;

3. Киевская Русь;
4. Дикое поле.

Сценарии 1 и 2 представляют значительные угрозы для национальной безопасности России.

Сценарий 1. «Великое княжество Литовское»

В XIV–XVI веках Великое княжество Литовское (дворянская республика) — реальный соперник Московской Руси (самодержавие) в борьбе за господство в Восточной Европе. Ливонс-

кая война (вторая половина XVI века) была, по мнению ряда историков, «гражданской войной» внутри восточнославянского общества. Она предшествовала приходу на Русь Великой Смуты, не последнюю роль в установлении которой сыграли беглые крестьяне и опальные дворяне, укрывавшиеся в Великом княжестве Литовском.

— Элитам южных и восточных регионов предоставляется больше возможностей для включения в общественно-политическую жизнь страны. Наиболее активные пророссийские деятели получают назначения в центральные органы власти и нейтрализуются. В экономику Крыма и Донбасса идут иностранные инвестиции, в основном из США. В обществе устанавливается определенный политический консенсус относительно развития Украины как самостоятельного демократического государства, проводящего многовекторную политику, но в то же время интегрированного в евроатлантическое сообщество. Отношение к России, даже среди русскоязычных и русских граждан Украины — умеренно-негативное. В их сознании культивируется мнение о том, что Россия для них — вчерашний день; это то, государство, которое в начале 1990-х гг. бросило их на произвол судьбы. Они не хотят быть заложниками его больших геополитических игр, «газовых войн», а хотят жить здесь и сейчас.

— Украинская православная церковь Киевского патриархата не без внешнего воздействия на Константинополь принимается в лоно Константинопольского Патриархата на правах митрополии. К ней переходит большая часть находящихся на Украине приходов Украинской православной церкви Московского патриархата. Налаживается каноническое общение между Украинской православной церковью Киевского патриархата и Украинской греко-католической церковью. Формируется единое духовное пространство Украины.

— Из Севастополя выводится Черноморский флот; Украина вступает в ЕС и НАТО. На территории страны (не в Севастополе, а в Донузлаве) размещаются подразделения 6 флота США, а также сухопутные части НАТО. Страна участвует в экономических программах ЕС, экономические связи все больше переориентируются на Западную Европу и страны ЦВЕ. Строятся нефте- и газопроводы в обход России, активно развивается атомная энергетика, в результате существенно укрепляется энергетическая безопасность Украины.
— Приезжающие в Украину россияне потрясены масштабом изменений в социально-экономической жизни страны. Успешное развитие демократической модели восточнославянского государства (в отличие от российской, «авторитарной») заставляет многих россиян задуматься об эффективности существующего строя.
— На Украине массово скрываются лица, совершившие политические и экономические преступления в России (выдавать их России Украина не намерена).
— На Украине постепенно формируется критическая масса политических беженцев, находящая широкую поддержку со стороны правительства и населения Украины, тесно связанного с населением России (у каждого третьего жителя Украины в России проживают близкие родственники, а на юго-востоке этот процент приближается к 100). Страна становится постоянным источником угроз для безопасности России.

Условия реализации сценария: 1) Россия продолжает политику «подчеркнутого невмешательства» в дела Украины; 2) США и их союзники (страны-члены ЕС) имеют достаточное количество финансовых ресурсов для реализации положений Хартии о стратегическом партнерстве с Украиной.

Заинтересованная в сценарии сторона: США, страны ЦВЕ (особенно, Польша и Швеция)

Угроза национальной безопасности России:

Возникновение альтернативной модели православного восточнославянского государства и попытки смены государственной власти в России с территории Украины с использованием групп русскоязычного населения, легко интегрирующихся в российское общество и кровно связанных с ним.

2.2. Сценарий 2. План «Збруч»

Збруч (альтернативные написания: Сбруч, Збручь) — приток Днестра на западе *Украины*.

В 1793–1809 и 1815–1918 годах Збруч являлся **пограничной рекой** между Российской империей и Австрийской империей (с 1867 — *Австро-Венгрией*). В 1921–1939 годах по нему проходила **советско-польская граница**.

— На президентских выборах 2015 г. оба кандидата (В. Янукович и О. Тягнибок) набирают примерно равное количество голосов, при этом, как и в 2004 г. страна снова становится расколотой на северо-запад и юго-восток. Во время и после выборов в стране усиливается напряженность, устраиваются провокации.

— Страна находится на грани распада, однако не по реке Сбруч, а намного восточнее (8 областей, республика Крым и г. Севастополь):

Рис. 3. Результаты президентских выборов 2004 г. на Украине

— В целом повторяется сценарий ноября 2004 г.:

28 ноября 2004 г. Всеукраинский съезд народных депутатов в Северодонецке постановил, что решение ЦИК о признании президентом Украины Виктора Януковича совершенно законно. Однако куда большее значение имеет другая резолюция съезда — «создание Союза регионов». Напрямую об автономии не говорят, но ясно дают понять, что в случае прихода к власти Ющенко участники съезда оставляют за собой право на «адекватные действия», под которыми подразумевается возможность «проведения референдума по вопросу изменения административно-территориального устройства Украины».

В этом случае конечная цель собравшихся — образование автономии в составе Донецкой, Днепропетровской, Запорожской, Луганской, Николаевской, Одесской, Харьковской, Херсонской областей, а также Республики Крым. Столицей «нового федеративного государства в форме Юго-Восточной республики»

предложено сделать Харьков. Выбор на него, очевидно, пал не случайно — именно Харьков с 1918–1934 гг. был столицей Украинской Советской республики.

— Ю. Тимошенко удалось в свое время привлечь на свою сторону элиты Юго-Востока, а также нескольких регионов Центральной Украины (Кировоградская, Черниговская, Сумская области), голосовавших за Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) на парламентских выборах 2007 г.

Рис. 4. Результаты парламентских выборов 2007 г. на Украине

— Раскол сопровождается столкновениями украинских сил правопорядка с жителями восточных областей, а также подразделениями Черноморского флота РФ.
— Киев обращается к мировому сообществу с просьбой не допустить раскола страны и ввести миротворческий контингент НАТО.

Условия реализации сценария: сценарий может возникнуть спонтанно.

Заинтересованная в сценарии сторона: ни США, ни Россия.

Угрозы национальной безопасности России:

— Угроза безопасности гражданам России, проживающим на Украине, и военнослужащим Черноморского флота России.

— Угроза появления миротворческого контингента из сил НАТО на непосредственной границе с Россией.

2.3. Сценарий 3. «Киевская Русь»

Киевская Русь объединила под своей властью обширные территории, населенные восточнославянскими, финно-угорскими и балтскими племенами, поставила их под свой контроль и вынудила платить их жителей дань Киеву. В официальных документах и летописных источниках того времени

государство называлось Русь, Руськая земля. В узком смысле под ней понималась территория Киевской (за исключением древлянской и дреговичской земель), Чернигово-Северской (за исключением радимичских и вятичских земель) и Переяславской земель.

— Отношения с Россией нормализуются, вместе с тем постепенная европейская интеграция декларируется как один из приоритетов внешней политики Украины.
— Россия и Украина объявляют о беспрецедентном решении — об объединение РПЦ и УПЦ с переносом духовного центра восточного православия из Москвы в Киев — мать городов русских. Значительная часть священников УПЦ как Московского, так и Киевского патриархата получают повышения, в т. ч. назначения в зарубежные приходы (РПЦЗ). Москва договаривается с Ватиканом относительно изменения статуса Греко-католической церкви, налаживается каноническое общение РПЦ и Греко-католической церкви — духовного оплота украинского национализма. Формируется единое духовное пространство России и Украины с центром в Киеве.
— Россия усиливает присутствие своего капитала в экономике Украины. Российские банки предоставляют льготные кредиты для реализации проектов российских компаний на Украине.
— Россия участвует в формировании национальных элит, в особенности из центральных и южных регионов. Многие получившие образование в России, возвращаются в Украину, занимая ведущие позиции в политической и деловой элите Украины.

Условия реализации сценария: 1) отказ от политики «подчеркнутого невмешательства» России в дела Украины; 2) выделение значительного финансирования со стороны России на украинское направление.

Заинтересованная в сценарии сторона: Россия.

Угрозы национальной безопасности России: в случае неудачной, «грубой» работы усилится международное давление на Москву, а также антироссийские настроения в странах ЦВЕ.

2.4. Сценарий 4. «Дикое поле»

Дикое Поле—название неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между средним и нижним течением Днестра на западе, нижним течением Дона и Северским Донцом на востоке, от левого притока Днепра — Самары до Чёрного и Азовского морей и Крыма на юге. Ряд историков включает в состав Дикого Поля также степи вплоть до верхней Оки

— Украина становится буферной зоной между РФ и Европой. Показатели социально-экономического развития Украины продолжают деградировать. Население страны уменьшается в 2 раза, часть (западные области) переезжают в ЕС, восточные области — в РФ.
— Усиливается влияние нетрадиционные игроков, в т. ч. Турции.

Условия реализации сценария: отсутствие договоренностей между РФ и ЕС по статусу Украины.

Заинтересованная в сценарии сторона: Турция.

Угрозы национальной безопасности России: угроза южным границам Российской Федерации. Уменьшение размеров «Русского мира».

В завершении необходимо подчеркнуть, что политическая практика редко «укладывается» в нормативные модели, однако этот важный научный инструментарий, опирающийся на генерализированные обобщения, неизменно способствует снижению неопределенности при оценочных суждениях при прогнозировании реальных событий.

А. А. Казанцев
Сценарии изменений военно-политической и стратегической обстановки в Центральной Азии

В методическом плане предлагается следующая структура сценарного анализа регионального развития в центральноазиатском регионе:

1. Определение краткосрочно-среднесрочных и среднесрочно-долгосрочных сценариев;
2. Построение военных сценариев на фоне анализа эволюции геополитической ситуации и региональной подсистемы глобальной системы международных отношений;
3. Развитие (расширение и углубление) военных сценариев на основе комплексного анализа внутрирегиональной и внутристрановой динамики, включая проблемы безопасности, экономические, социально-демографические, политические, идеологические и другие аспекты;
4. Анализ традиционных и нетрадиционных угроз для российской стороны
5. Учет не только инерционных сценариев, но и возможных «альтернативных вариантов» будущего, основанных на потенциально возможных принципиальных разрывах с существующей ситуацией.

Краткосрочно-среднесрочные сценарии конфликтов в Центральной Азии

Вывод войск Международных сил содействия безопасности из Афганистана (пусть даже и с сохранением ряда военных баз США), ожидающийся в 2014 г., вызывает повышенную озабоченность проблемами безопасности сопредельных с Афганистаном государств Центральной Азии, входящих в ОДКБ. Таджикистан непосредственно граничит с Афганистаном, а на Киргизии и Таджикистане соответствующие проблемы сказываются опосредованно. Одновременно с усилением угроз на афганском направлении внутри самих постсоветских государств Центральной Азии наблюдаются определенные тенденции к усилению внутренних угроз. Международная обстановка вокруг региона, связанная с соперничеством лидирующих мировых держав («Новая Большая игра»), также представляется не слишком благоприятной. Высокая степень неопределенности и большие риски безопасности в Центральной Азии и на сопредельных афганских территориях делают чрезвычайно актуальным анализ сценариев и тенденций возможной эволюции ситуации.

Общие характеристики сценариев

В качестве базовых автор предлагает 4 сценария, которые будут, в общих чертах, перечислены ниже.

Сценарий 1. «Успешное международное сотрудничество». Ключевые великие державы (прежде всего, Россия, КНР и Индия) успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами безопасности, США и союзные им государства НАТО поддерживают с ними диалог, перебазируя, в соответствии с «доктриной Обамы» (“rebalancing”) свои основные ресурсы и интересы в азиатско-тихоокеанскую зону. Соответственно, интерес США к региону Центральной Азии уменьшается, что приводит к угасанию предшествовавшего этапа «новой Боль-

шой игры», который характеризовался российско-американским геополитическим соперничеством, не возникает также нового этапа, в котором ключевой «осью» развития становится китайско-американское геополитическое соперничество. Данный сценарий предполагает также более эффективную работу госструктур в Центральной Азии. В результате удается держать под контролем коррупцию, а роль так называемых «новых негосударственных игроков» (коррупционных, криминальных и террористических сетей) уменьшается. Ключевыми игроками в рамках данного сценария являются государства, включая как региональные, так и внерегиональные. Данный сценарий предусматривает также ускорение модернизации на постсоветском пространстве и эффективное протекание интеграционных процессов в рамках многовекторных политик центральноазиатских государств. Для России наибольшую ценность представляет, естественно, сочетание двустороннего сотрудничества, военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ, процессов евразийской экономической интеграции и координация усилий государств региона в рамках ШОС. Согласно первоначальной оценке вероятности это — оптимальный, но имеющий среднюю вероятность сценарий (об оценке вероятности сценариев экспертами ОДКБ будет сказано в конце данной работы).

В случае, если реализуется данный сценарий, можно рекомендовать следующий вариант реагирования (набор приоритетов) для ОДКБ и руководства РФ: развивать международное сотрудничество по линии ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами, наладить селективное партнерство по ряду вопросов (наркотики, терроризм) с западными структурами как на двусторонней (Россия — США, Россия — государства ЕС), так и на многосторонней (в рамках отдельных программ ЕС, ОБСЕ и НАТО) основе. В этом случае ОДКБ должно стать инструментом многостороннего международного сотрудничества.

Сценарий 2. «Постепенный упадок». Международное соперничество в рамках «новой Большой игры» нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Причем, на старое геополитические противоречия по линии США — Россия накладываются новые по линии США — Китай, что уже сказывается в рамках «доктрины Обамы», в частности, в политике «ребалансирования» военно-политического присутствия США в разных регионах мира. Активность негосударственных игроков, включая террористические, криминальные и коррупционные сети в сфере разного рода новых угроз безопасности (особенно, распространения религиозного экстремизма, транспортировки наркотиков, неконтролируемой миграции) постепенно усиливается. Эти «новые игроки» в плане определения региональной динамики становятся, зачастую, куда более значимыми, чем формальные государственные структуры. Однако ситуация не выходит полностью из-под контроля ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств». Этот сценарий хуже, чем первый, но лучше, чем последующие. Согласно первоначальной оценке он обладает наибольшей вероятностью.

В случае реализации данного сценария приоритетное внимание руководству ОДКБ и РФ следует уделить укреплению государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками, исламским экстремизмом. В этом случае ОДКБ должно стать основным инструментом проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.

Сценарий 3. «Интенсификация «новой Большой игры». Согласно этому сценарию, международное соперничество выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. В результате этого террористическая и экстремистская деятельность, наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут. Тем не менее, основными

игроками в этом сценарии являются все-таки государства, которые, в том числе, в своих геополитических интересах, могут поощрять отдельные коррупционные, криминальные и экстремистские группы. Этот сценарий менее оптимальный, чем три предыдущих, но имеющий, согласно первоначальной оценке, среднюю вероятность.

В случае реализации этого сценария необходимо четко определиться с приоритетами политики РФ в Центральной Азии, сформулировать соответствующую стратегию, усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в напряженной геополитической борьбе с другими великими державами, причем, не только, как это было прежде, с США и их союзниками, но и с Китаем. ОДКБ станет в этом случае основным инструментом проведения военно-политического влияния России в регионе и главным «фокусом» координации межведомственной политики в России в сфере безопасности в Центральной Азии.

Сценарий 4. «Центральноазиатский взрыв» — катастрофический. Он предусматривает образование серии «несостоявшихся государств», не контролирующих свою территорию, простирающихся от северо-запада Пакистана, через Афганистан в постсоветскую Центральную Азию. В этом случае будет нарастать тенденция к росту числа наркогосударств, террористические и экстремистские группы установят прямой территориальный контроль над существенными территориями, а также резко вырастут миграционные потоки, в том числе, из Афганистана в Центральную Азию и из Центральной Азии в Россию. Роль государств в определении региональной динамики резко уменьшится, а роль негосударственных новых игроков станет определяющей.

Вывод войск МССБ из Афганистана в сочетании с бюджетными трудностями США, кризисом коррумпированной администрации Карзая и всех официальных госинститутов,

включая армию, полной неопределенностью с выборами нового руководства и межэтническими противоречиями в Афганистане может спровоцировать региональный «эффект домино». Историческим образцом здесь может служить то, что имело место после вывода войск США из Вьетнама, сопровождавшегося также официальной «передачей ответственности за ситуацию» южновьетнамским властям. Напомним, что в результате произошла полная смена режимов не только в Южном Вьетнаме, но и в соседних с Вьетнамом государствах, причем процесс был настолько хаотический, что в Камбодже пришел к власти Пол Пот, который был откровенно враждебен к просоветскому правительству Вьетнама и провел геноцид не только вьетнамцев, но и собственного коренного населения.

На случай реализации указанного сценария руководству ОДКБ необходимо подготовить и реализовать комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами, могущими возникнуть из-за кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах. ОБКБ в этом случае должно стать, преимущественно, инструментом кризисного реагирования.

Согласно первоначальной оценке предполагалась низкая вероятность этого сценария.

Характеристики сценариев представлены в Таблице 1.

Сценарии как способы понимания тенденций развития в регионе

Как уже упоминалось выше, сценарии представляют собой способы группировки и понимания тенденций современного развития. В связи с этим кратко и без детализации (в связи с ограниченностью объема данной работы) перечислим те тенденции, которые стоят за соответствующими сценариями.

— **Тенденции в пользу сценария «Успешное международное сотрудничество»**

Нынешний кризис в российско-американских отношениях и рост китайско-американского соперничества на Тихом океане не отменяет полностью возможность реализации сценария. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

1. Никто, особенно, азиатские, евразийские и европейские государства, не заинтересован в полной дестабилизации Центральной Азии, потери управляемости конфликтами. В противоположность мнению ряда российских экспертов, «стратегия Обамы» также предусматривает максимальное «сглаживание» существующих в регионе проблем и налаживание многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами.
2. Правительство Б. Обамы вообще мало интересуется постсоветским пространством и, в отличие от ряда радикальных республиканцев, с целью экономии бюджетных ресурсов и успешного выхода из Афганистана, хотело бы компромисса и сотрудничества с Россией по афганско-центральноазиатскому комплексу проблем (особенно, в связи с проблемой северного транзита грузов для Афганистана, в том числе, через Ульяновск).
3. Основные театры китайско-американского соперничества, включая борьбу за ресурсы, удалены от Центральной Азии (регион Тихого океана, Африка, и т. п.).
4. Существует достаточно много разнообразных международно-институциональных форм координации политики как центральноазиатских государств, так и вовлеченных в регион великих держав. Проблема лишь в том, что никто не хочет соблюдать соответствующие правила, существующие в рамках этих институтов и организаций, а также координировать между собой их работу. Поэтому пока в регионе доминирует realpolitik.

— **Тенденции в пользу сценария «Постепенный упадок»**

Данный сценарий возможен, благодаря хорошо известному соперничеству великих держав в Центральной Азии, «новой

Таблица 1.

Название/ характеристики сценария	Успешное международное взаимодействие	Постепенный упадок	Рост «новой Большой игры»	Центральноазиатский взрыв
Основные игроки	государственные	Негосударственные (терр. сети, криминальные группы)	государственные	негосударственные (терр. сети, криминальные группы)
Движущие силы сценариев	Ключевые великие державы успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами. Более эффективная работа госструктур в Центральной Азии. Ускорение модернизации и интеграционных процессов на постсоветском пространстве.	Международное соперничество нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Активность негосударственных игроков в сфере транспортировки наркотиков постепенно усиливается. Однако ситуация не выходит полностью из под контроля ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств».	Международное соперничество выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. Наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут.	Образование несостоявшихся государств, тенденция к росту числа наркогосударств после вывода войск МССБ из Афганистана, который может спровоцировать «эффект домино» в зоне ответственности ОДКБ. Резкий рост наркоторговли и других новых угроз, спецслужбы не имеют возможности эффективно этому противостоять из-за потери контроля над территорией рядом государств ЦА.
Позитивный/ негативный	Позитивный	Средний, с негативной тенденцией	негативный	катастрофичный

Название/ характеристики сценария	Успешное международное взаимодействие	Постепенный упадок	Рост «новой Большой игры»	Центральноазиатский взрыв
Рекомендуемые варианты реагирования (приоритеты) для ОДКБ и руководства РФ	Развивать международное сотрудничество с ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами, селективное партнерство по ряду вопросов (наркотики, терроризм) с западными структурами	Приоритетное внимание уделить укреплению государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками, исламским экстремизмом.	Четко определиться с приоритетами политики РФ в Центральной Азии, сформулировать соответствующую стратегию, усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в борьбе с другими великими державами	Подготовить и реализовать комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами на случай кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах
Ключевая функция ОДКБ в случае реализации сценария	Ключевой компонент многостороннего международного сотрудничества в сфере региональной безопасности	Основной инструмент проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.	Основной инструмент проведения военно-политического влияния России в регионе и главный «фокус» координации межведомственной политики в России в сфере безопасности в Центральной Азии	Инструмент кризисного реагирования

Таблица 1. Окончание.

Название/ характеристики сценария	Успешное международное взаимодействие	Постепенный упадок	Рост «новой Большой игры»	Центральноазиатский взрыв
Террористическая и экстремистская активность	Остается под относительным контролем	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост
Транспортировка наркотиков (Афганистан — ЦА — РФ — ЕС)	Уменьшение	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост
Ситуация с миграцией в Россию из ЦА	Относительная стабилизация благодаря более эффективной интеграции мигрантов.	Усиление проблем	Усиление проблем	Крупномасштабная дестабилизация за счет конфликтов между россиянами и мигрантами
Первоначальная оценка вероятности	Средняя, но меньшая, чем сценарий 3	Наибольшая	Средняя	Наименьшая

Большой игре». Причем, эксперты с разных сторон упорно продолжают обвинять разные государств, включенные в эту «игру», в поддержке определенных террористических, коррупционных и криминальных групп в своих интересах.

Другой важной тенденцией является очень высокий уровень коррупции в постсоветской Центральной Азии и Афганистане. Одним из традиционно используемых в мире инструментов анализа коррупции является Индекс восприятия коррупции «Транспэренси интернешнл». Ниже в таблице приведены данные из этого индекса за 2006–2012 для постсоветских государств Центральной Азии (в 2012 г. методика немного изменилась, шкала стала из дробночисловой цельночисловой).

Страна/ показатель	2006, место в мире; балл	2007, место в мире; балл	2008, место в мире; балл	2009, место в мире; балл	2010, место в мире; балл	2011, место в мире; балл	2012, место в мире; балл
Казахстан	111; 2.6	150; 2.1	145; 2.2	120; 2.7	105; 2.9	120; 2.7	133; 28
Кыргызстан	142; 2.2	150; 2.1	166; 1.8	162; 1.9	164; 2.0	164; 2.1	154; 24
Узбекистан	142; 2.2	175; 1.7	166; 1.8	174; 1.7	172; 1.6	177; 1.6	170; 17
Таджикистан	151; 2.1	150; 2.1	151; 2.0	158; 2.0	154; 2.1	152; 2.3	157; 22
Туркменистан	142; 2.2	162; 2.0	166; 1.8	168; 1.7	172; 1.6	177; 1.6	170; 17

Рейтинг, в целом, показывает очень высокий уровень коррупции в Центральной Азии, что, буквально, парализует государственные структуры, в том числе, в противостоянии новым вызовам и угрозам безопасности. Страны региона находятся в той части списка «Транспэренси интернешнл», где расположены наиболее коррумпированные государства мира (в целом,

около 150 места). Причем, динамика негативная, коррупция, в целом, растет. Правда, следует отметить, что государства, входящие в ОДКБ, имеют более низкие показатели коррупции, чем государства региона (Узбекистан и Туркменистан), в настоящее время в ОДКБ не входящие (Туркменистан)/приостановившие членство (Узбекистан). Если же взять такого влиятельного члена ОДКБ, как Казахстан, то он является достаточно «чистым» от коррупции государством по сравнению не только со своими среднеазиатскими соседями, но и вообще с государствами СНГ из других регионов. Это показывает серьезный антикоррупционный потенциал ОДКБ в противостоянии новым вызовам и угрозам.

— **Тенденции в пользу сценария «Интенсификация Новой Большой игры»**
  — Последнее время характеризуется усилением российско-американского противостояния («Закон Магницкого» в США, реакция РФ и все последующие взаимные действия).
  — Постсоветского пространства (и в интерпретации ряда российских экспертов, особенно, Центральной Азии, хотя некоторые американские эксперты говорят о том, что оно относилось преимущественно к Украине) касается заявление бывшего государственного секретаря Хиллари Клинтон в декабре 2012, в котором чрезвычайно негативно оценивается политика евразийской интеграции, объявленная основным региональным внешнеполитическим приоритетом нового президентского срока В. В. Путина.
  — Многие российские эксперты оценивают американский проект «новый Шелковый путь» как продолжение политики США по отрыву Центральной Азии от России.
  — В мире наблюдается тенденция к новой биполяризации и рост соперничества США и КНР, что может добавить

еще одно измерение к «новой Большой игре». Кроме того, растет индо-пакистанское стратегическое соперничество, в том числе, в Центральной Азии, в которое (на стороне Пакистана) вовлечен Китай. Не исключено, что России придется, при определенных обстоятельствах, сделать выбор между дружбой с Китаем и дружбой с Индией.

— **Тенденции в пользу сценария «Центральноазиатский взрыв».**

Указанные тенденции достаточно многочисленны, что, по мнению автора, не ведет напрямую к наибольшей вероятности реализации соответствующего сценария. Перечислим их кратко по страновому и региональному принципу.

— **Текущие тенденции в Афганистане.**
  — Слабость центрального правительства Афганистана и афганской армии, полная неопределенность с выборами после вывода войск МССБ и неполная определенность с иностранным военным присутствием после 2014 г.
  — Появление сил Талибана и центральноазиатских экстремистов на севере Афганистана.

— **Текущие тенденции в Таджикистане.**
  — Экономически страна до сих пор чрезвычайно ослаблена последствиями гражданской войны. В стране имеет место энергетический кризис и демографический взрыв. Трудовая миграция в Россию является одним из основных источников внешних доходов (до 50% ВВП по ряду оценок).
  — Страна бедна углеводородными ресурсами. Существует серьезный водно-энергетический конфликт с соседним Узбекистаном, накладывающийся на проблемы определения границ и элементы транспортной блокады. Он не позволяет эффективно использовать основной природный ресурс страны — воду.

  - Существует связь между таджикской исламской оппозицией и таджиками в Афганистане, что может в случае нового распада Афганистана по этническим линиям привести к усложнению ситуации.
  - Нестабильность в стране и слабость территориально контроля над рядом регионов продемонстрировали боевые действия в Горном Бадахшане летом 2012 г.
- **Текущие тенденции в Киргизии**
  - Силовые структуры страны ослаблены двумя революциями (2005 и 2010), а также постоянными политическими кризисами и коррупцией. Согласно индексу несостоявшихся государств (Fund for Peace, Washington, USA) Кыргызстан с 91.8 баллами является самым «хрупким» из постсоветских государств. Тот же результат дает индекс «Атласа МГИМО», основанный на объективных параметрах, а не экспертных мнениях.
  - Страна геополитически расколота. Центральное правительство слабо контролирует Юг, особенно, г. Ош.
  - Правящая коалиция достаточно неустойчивая, у президента А. Атамбаева мало ресурсов. Общую нестабильность продемонстрировал имевший место недавно кризис вокруг золотоносного месторождения Кумтор.
  - Имеет место общая бедность страны природными ресурсами. Важную роль в экономике играют трудовая миграция в Россию и Казахстан, контрабанда китайских товаров на постсоветском пространстве и наркопотоки.
- **Текущие тенденции в Ферганской долине**
  - Узбекистан, Таджикистан и Киргизия делят между собой перенаселенную и подверженную влиянию исламских экстремистов Ферганскую долину. Именно там наиболее остры водно-энергетические противоречия.

Проблемы в одном государстве легко могут отразиться в двух других.

  - Нестабильность в Афганистане может особенно повлиять на этот «стык государств», так как на него всегда была нацелена деятельность Исламского движения Узбекистана, Исламского движения Туркестана и других базирующихся в Афганистане экстремистских групп.
  - Кроме указанных выше проблем Киргизии и Таджикистана на регионе могут отразиться проблемы в Узбекистане, в частности, противоречия между региональными кланами, связанные с неопределенностью в плане передачи власти преемнику со стороны президента Ислама Каримова.

- **Текущие тенденции в Казахстане**
  - В Казахстане, долго считавшимся «островком стабильности» имел место неожиданный рост экстремизма (включая террористическую деятельность) и насилия (волнения в Жанаозене, 2011).
  - Казахстан, как и Россия, подвержен влиянию трансграничных проблем, приходящих с юга, вроде распространения экстремизма, наркоторговли и неконтролируемой миграции.
  - Казахстан за весь период независимости пока не прошел передачи верховной власти. В этой связи чрезвычайно высокую роль в сохранении стабильности внутри и вокруг страны играет фактор личности президента Н. А. Назарбаева, а возможность его ухода от власти когда-либо в будущем вызывает серьезную неопределенность.
- **Текущие тенденции в России**
  - Наряду с традиционным набором проблем с растущим исламским экстремизмом на Северном Кавказе и в Поволжье все более острой становится проблема роста числа экстремистских групп, связанных

с «Аль-Каедой», в чисто русских регионах, в том числе, в Москве и Подмосковье. В частности, важную роль среди них играют организации центральноазиатского происхождения, в которые вступают и россияне не центральноазиатского происхождения (пример — недавние аресты представителей Исламского движения Туркестана в Подмосковье). Растет также проблема использования территории России, в частности, Москвы для вербовки наемников и террористов, особенно, из числа центральноазиатских трудовых мигрантов, в том, числе, даже для боевых действий в Афганистане, Пакистане, Сирии. В этом плане ощущается влияние глобализации, так как такие же тенденции радикализации части мигрантов и их выезда обратно в исламский мир для «джихада» наблюдаются в США и Европе.

— Россия стала второй после США страной в мире по числу иностранных мигрантов, существенная часть их происходит из «проблемных» государств Центральной Азии. Дополнительный миграционный потенциал региона по отношению к РФ в ближайшие пару десятилетий оценивается примерно в 10 млн человек. По оценкам некоторых экспертов из компетентных органов, фигурирующим в прессе, до 5% мигрантов могут быть связаны с радикальным исламизмом.

— РФ, по оценкам ФСКН и Управления по наркотикам и преступности ООН, лидирует в мире по потреблению афганского героина, поступающего через Центральную Азию. Как показывает анализ дискуссий в российских социальных сетях, многие исламские экстремисты воспринимают наркотики как своеобразное «оружие против русских», таким образом, имеет место распространение идеологии, впервые возникшей в Афганистане и позволяющей использовать наркотики (вообще запрещенные исламом) против «неверных».

Обсуждение сценариев регионального развития в ЦА экспертами ОДКБ

Для обсуждения сценариев в Институт международных исследований МГИМО 4 июня 2013 г. были приглашены ведущие российские политологи, эксперты-международники и востоковеды, представители структур Аналитической Ассоциации ОДКБ, МИД России, других заинтересованных министерств и ведомств, журналисты. Модераторами дискуссии были Панарин Игорь Николаевич, координатор Аналитической ассоциации ОДКБ и Казанцев Андрей Анатольевич, директор Аналитического Центра Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. В ситуационном анализе приняли участие: Бобров Александр Петрович — Советник Секретариата ОДКБ, Зайнетдинов Владимир Фаридович — пресс-секретарь ОДКБ, Замараева Наталья Алексеевна — с.н.с. ИВ РАН, Воронин Евгений Ростиславович, Чрезвычайный и Полномочный посол, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО, Звягельская Ирина Доновна — Зав. сектором международных вопросов Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, Конаровский Михаил Алексеевич — Чрезвычайный и Полномочный посол, бывший посол РФ в Афганистане и бывший представитель России в ШОС, Орлов Александр Арсеньевич — Чрезвычайный и Полномочный Посланник, директор Института международных исследований МГИМО (У), Оганесян Сергей Эдуардович, начальник группы Антитеррористического центра СНГ, Омар Нессар, главный редактор «Афганистан.ру», Радчук Александр Васильевич — советник начальника Ген.штаба ВС РФ, Сергеев Виктор Михайлович — директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО (У), Сабиридина Майя, советник, посольство Кыргызстана, Тимофеев Иван Николаевич — программный директор Российского

совета по международным делам, Никишин Владимир Иванович, старший помощник Генерального секретаря ОДКБ, Ханалиев Нурадин Умарпашаевич, второй секретарь третьего департамента стран СНГ МИД России, Штоюнда Виктор Алексеевич, 1 секретарь Отдела Афганистана 2 департамента Азии МИД России и другие известные исследователи и практические специалисты.

В ходе обсуждения участники ситуационного анализа оценили вероятность предложенных им на обсуждение 4 вышеописанных сценариев. Всего было заполнено 17 анонимных анкет. При этом все сценарии получили примерно равное количество баллов (большее число баллов в соответствии с предложенной в ходе опроса методикой означало большую вероятность сценария). Наибольшее число баллов получил катастрофический сценарий 4 (42 балла). Однако отрыв его от наиболее позитивного сценария 1 и второго по степени позитивности сценария 2 был минимальный (они получили по 41 баллу, поделив 2 и 3 место). Сценарий 3 получил 38 баллов.

Ряд выступивших специалистов предложил дополнить предложенные А. А. Казанцевым 4 сценария. В частности, представитель Центра военно-политических исследований МГИМО В. А. Салтыковский и советник начальника Генерального штаба ВС РФ А. В. Радчук предложили дополнительный сценарий, который надстраивается над сценарием «Интенсификация «Новой большой игры»». Он связан с расширением конфликта, связанного с «арабской весной» с территории т. н. «Большого Ближнего Востока» на территорию Центральной Азии в связи с политикой США, которую авторы соответствующего сценария оценили как создание серии управляемых конфликтов. Представитель кафедры философии МГИМО, арабист Н. В. Литвак поддержал этот сценарий как одно из проявлений борьбы США за установление господства над источниками сырья. Однако ряд участников семинара выступил с аргументами «против» возможности этого сценария.

В частности, известный востоковед И. Д. Звягельская указала, что в Центральной Азии есть своя специфика, и прямое расширение «арабской весны» на этот регион невозможно (однако и она и ряд других выступавших указали на возможное косвенное влияние через общую радикализацию ислама в современном мире и через миграцию боевиков, в том числе, из Сирии, в новые «горячие точки»). М. А. Конаровский, бывший посол РФ в Афганистане и бывший представитель РФ в ШОС, ссылаясь на свой богатый экспертный опыт, указал, что роль США в организации серии выступлений «арабской весны», некоторые российские эксперты, зачастую, преувеличивают, недооценивая внутренние факторы. В частности, он отметил, что США точно было бы невыгодно подрывать связанные с ними режимы, в частности, турецкий.

М. А. Коноровский предложил соединить 2 и 3 сценарий и оценил соответствующий комплексный сценарий как наиболее вероятный. В этом случае доминирующими в динамике региона окажется соединение противоречий великих держав и рост нетрадиционных угроз безопасности в центральноазиатских государствах.

В. А. Штоюнда, 1 секретарь Отдела Афганистана 2 Департамента Азии МИД России указал на возможность расширения 4 сценария. В этом случае ключевым движущим фактором станут волны беженцев из Афганистана в Центральную Азию. Этот сценарий в кулуарной беседе с А. А. Казанцевым поддержал С. Э. Оганесян, начальник группы Антитеррористического центра СНГ. Он указал, что, под давлением «Талибана», в постсоветскую Центральную Азию могут побежать представители национальных меньшинств Афганистана (таджики, узбеки). Это может добавить новое измерение в хаос, который подразумевается 4 сценарием.

В. А. Штоюнда также указал, что в данном сценарном анализе недоучтены некоторые внутренние факторы эволюции ситуации, связанные, прежде всего, с самим Афганистаном.

И. Д. Звягельская отметила, что необходимо тщательно проанализировать, прежде всего, внутренние процессы, происходящие в постсоветской Центральной Азии, особенно, исламизацию. Внешние факторы, по ее мнению, «накладываются» на внутренние. Выступавшие, поддержавшие введение сценария, связанного с расширением ближневосточного конфликта на Центральную Азию, напротив, предположили, что в предложенном сценарном анализе недоучтены некоторые внешние геополитические факторы, особенно, связанные с политикой США. Третья группа выступавших отметила, что в предложенных сценариях адекватно учтены все ключевые факторы.

Ряд выступивших специалистов также предложил определенные меры по борьбе с угрозами безопасности в Центральной Азии и Афганистане. В целом, все предложения условно можно поделить на «внутренние», относящиеся к региону, и «международные», относящиеся к комплексу международно-дипломатических отношений. Среди предложений первой группы можно выделить выступления А. П. Боброва (о противостоянии в рамках деятельности ОДКБ террористической и экстремистской угрозе), И. Д. Звягельской (посвящено борьбе с социально-экономическими корнями радикальной идеологии), В. М. Сергеева (относится к проблеме развития эффективных государственных структур в регионе). Среди предложений второй группы можно отметить выступления А. А. Орлова (посвящено участию в решении афганской проблемы соседей Афганистана и умеренных исламистских режимов, в частности, египетского), а также Е. Р. Воронина (касается перспектив взаимодействия России и ОДКБ с западными структурами).

Второй раздел. Среднесрочные и долгосрочные сценарии конфликтов в Центральной Азии

1. Среднесрочные и долгосрочные тенденции регионального развития как движущие факторы сценариев

Постсоветская Центральная Азия — один из ключевых регионов с точки зрения национальных интересов России в сфере безопасности и в экономике. Фактор предстоящего в 2014 г. вывода войск Международных сил содействия безопасности из соседнего Афганистана делает ситуацию в этом регионе критически важной и с точки зрения глобальной политики. Очевидно, что прогноз развития региональной ситуации на долгосрочную перспективу имеет достаточно большую практическую значимость. Вместе с тем в работах, посвященных сценарному анализу, как в глобальном, так и в региональном разрезе, уделяется недостаточно внимания долгосрочным тенденциям развития ситуации в Центральной Азии. Для формулировки сценариев регионального развития необходимо, прежде всего, проанализировать среднесрочные и долгосрочные тенденции до 2050 г.

Демографический взрыв и рост экстремизма в регионе

В настоящее время для всех стран Центральной Азии характерен быстрый прирост населения (см. табл. 1). Государства региона отличаются также относительно большим количеством рождений, существенным превышением числа рождений над числом смертей и низким медианным возрастом. Как показывает исторический опыт, такая ситуация за счет перенаселенности и более низкой оценки человеческой жизни, чем в обществах, прошедших через демографический переход (это характерно

для модернизированных позднеиндустриальных и постиндустриальных обществ) провоцирует высокую конфликтность. Особенно, как показывает опыт перенаселенной Ферганской долины в Узбекистане, такая ситуация чревата распространением исламского экстремизма.

Таблица 2. Демографические характеристики государств Центральной Азии *

Страна	Медианный возраст	Число рождений на 1000 чел. (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 чел. (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 чел. (2012 г., оценка)
Казахстан	29,3	20,44	8,52	1,23
Узбекистан	26,2	17,33	5,29	0,94
Кыргызстан	25,2	23,9	6,9	0,89
Таджикистан	22,9	25,93	6,49	1,82
Туркменистан	25,8	19,55	6,21	1,14

*** Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.**

Частичным исключением является Казахстан, для которого характерен самый высокий медианный возраст — более 29 лет. Кстати, в этом плане можно обратить внимание и на очень миролюбивую и избегающую конфликтов политику этого государства. К исключениям можно отнести и Узбекистан, где самая низкая рождаемость в регионе и, соответственно, естественный прирост населения (более низкий прирост населения в Кыргызстане во многом объясняется более высокой эмиграцией). Однако в Казахстане имеет место серьезный региональный дисбаланс: демографический взрыв наблюдается в отдельных регионах на юге, где проживает наиболее исламизированное и наименее русифицированное население. Кстати, именно с юж-

ными, перенаселенными регионами обычно ассоциируется рост экстремизма в стране.

Указанные выше тенденции в наибольшей степени характерны для Таджикистана, который отличается самым низким медианным возрастом, самым большим числом рождений и самым высоким приростом населения. По мнению многих экспертов именно эти демографические характеристики способствовали (в числе многих других факторов) гражданской войне в этой стране после распада СССР.

Учитывая эти тенденции, особенно низкий медианный возраст, можно прогнозировать, что рост населения в регионе продолжится еще как минимум 20–40 лет, т. е. он, видимо, сохранится до 2050 г., хотя и будет постепенно замедляться. Дело в том, что молодая возрастная структура населения будет автоматически воспроизводить относительно высокую рождаемость. Даже после прекращения демографического взрыва регион (особенно Таджикистан и Ферганская долина) будет по-прежнему перенаселен, ресурсы, прежде всего водные, останутся в дефиците, а уровень жизни по мировым стандартам не будет высоким.

На объективный фактор роста аграрного перенаселения и маргинализации (вытесняемые из аграрного сектора молодые люди не находят работу в городах и становятся как социальные маргиналы легким объектом для исламистской пропаганды) неизбежно накладывается объективный процесс «исламского возрождения» после десятилетий государственного атеизма. Последний, к сожалению, привел к уничтожению именно высококультурных форм традиционного ислама, в частности, суфийского, тогда как непросвещенные и экстремистские его формы легче выживали «в подполье». Их развитию в позднесоветский период способствовало влияние конфликта в соседнем Афганистане и «исламской революции» в Иране, а в постсоветский период — деятельность исламских фондов нефтедобывающих арабских стран и глобальных экстремистских сетей, вроде «Аль-Каеды».

Все это говорит о высоком потенциале конфликтности, не обязательно принимающим форму войн между государствами, но, скорее, форму распространения экстремизмов или внутренних конфликтов по образцу гражданской войны в Таджикистане. Можно спрогнозировать от 2 до 6 случаев возникновения локальных вооруженных конфликтов на почве исламского экстремизма (по образцу вторжения войск Исламского движения Узбекистана в Кыргызстан, так называемой «Баткенской войны», в которую была втянута Россия и другие члены Договора о коллективной безопасности). Россия в той или иной форме (прямое вооруженное вмешательство или оказание военной помощи той или иной стороне) неизбежно будет вовлечена в любой будущий конфликт на данной территории.

Миграция и миграционные угрозы безопасности России

Сохранение высокого прироста населения и перенаселенности при относительно низком уровне жизни (см. табл. 2) будет означать, что в обозримой перспективе продолжится тенденция к активной внешней миграции по всем направлениям (трудовой или учебной с перспективой остаться в стране обучения). Эта проблематика также напрямую затрагивает Россию и связана с конфликтами, так как миграция провоцирует распространение угроз безопасности (типа религиозного экстремизма или наркоторговли). Кроме того, она будет провоцировать рост межнациональных столкновений в России, что может оцениваться как одна из основных внутренних угроз безопасности нашему государству.

Приведенные данные показывают четкое деление постсоветских стран на две группы. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан характеризуются низким ВВП на душу населения, высокой безработицей и значительным числом бедных. Если учесть еще и то, что там много молодых мужчин, очевидным

становится высокий отток трудовых мигрантов, готовых на любую, самую тяжелую работу. Россия и Казахстан, напротив, принимают этих мигрантов. Причем, если поток центральноазиатских трудовых мигрантов в Россию велик по абсолютным цифрам (у нас очень большое население по сравнению с населением Казахстана), то приток мигрантов в Казахстан выше по относительному показателю (на 1000 человек населения). Россия и Казахстан стали странами, принимающими мигрантов, благодаря тому, что у них относительно высокий в региональном масштабе ВВП на душу населения, более низкий уровень безработицы и бедности. К этому надо добавить более высокий средний возраст населения в России (38,8 лет) и Казахстане (29,3 года), а также большую долю женского населения в России за счет более высокой мужской смертности. Все эти факторы, естественно, создают огромный спрос в нашей стране на мужчин, готовых на тяжелый и низкооплачиваемый физический труд.

Очевидно, что перечисленные выше характеристики создают постоянную угрозу, связанную с миграционной проблематикой как для России, так и для Казахстана, выступающего основным союзником нашей страны по ОДКБ.

Особый случай представляет собой Туркменистан. Благодаря богатым запасам углеводородов он имеет относительно высокий в региональном масштабе ВВП на душу населения. Однако большая структурная безработица и бедность влияют на интенсивность миграционного оттока. Возможно, это связано со специфической структурой управления, созданной при Туркменбаши, с которой пока не удалось справиться в ходе реформ новому руководителю республики Гурбангулы Бердымухамедову. (Напомним, что в период правления Туркменбаши при огромных затратах государства на престижные проекты были закрыты все больницы за пределами столицы, а система образования по ряду показателей была фактически демонтирована.)

Таблица 3. Взаимосвязь миграционных потоков и экономических факторов в регионе и в России *

Страна	Миграционный прирост/убыль населения на 1000 чел. (2012 г., оценка)	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США)	Безработица, в % (оценка, официальная или неофициальная)	Численность населения ниже черты бедности, в % (оценка)
Россия	0,29	17,700	6,2 (2012)	13,1 (2010)
Казахстан	1,23	13,900	5,3 (2012)	8,2 (2009)
Узбекистан	–2,65	3,500	1 (2011, по неофициальной оценке — более 20)	26 (2008)
Кыргызстан	–8,1	2,400	8,6 (2011)	33,7 (2011)
Таджикистан	–1,21 (недостаточно учтена циклическая трудовая миграция в Россию)	2,200	2,2 (2009, официальная оценка; по неофициальным оценкам — до 50–60)	46,7 (2009)
Туркменистан	–1,9	8,500 (2012, оценка)	60 (2004, неофициальная оценка)	30 (2004)

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.

Указанные выше тенденции обладают высокой инертностью и поэтому сохранятся еще в течение 10–20 лет, а, возможно, и до 2050 г. В ближайшие десятилетия основным направлением трудовой миграции из Центральной Азии (кроме Казахстана, расположенного в том же регионе), видимо, будет оставаться Россия. Однако постепенно намечаются и другие векторы миграции, например, в нефтедобывающие арабские страны, Турцию, Восточную Азию.

В целом, можно спрогнозировать рост для России такой нетрадиционной угрозы безопасности, как миграционная. Это потребует усилий всей государственной машины, включая ее военную организацию, по борьбе с нелегальной и неконтролируемой миграцией из Центральной Азии и с купированием последствий негативных миграционных процессов (в частности, межнациональных столкновений). При негативном развитии событий можно спрогнозировать, что к 2050 г. в России последние станут происходить в достаточно крупных масштабах почти ежегодно.

К нетрадиционным угрозам, которые могут потребовать консолидации усилий всех элементов государственной машины, включая ее военную организацию можно отнести и наркотическую. Уже в настоящее время Россия является самым крупным потребителем афганского героина, а ежегодные людские потери от этого, по оценке руководителя ФСКН РФ В. Иванова превышают потери во время присутствия советских войск в Афганистане. Рост нестабильности в Афганистане и постсоветской Центральной Азии может только подхлестнуть рост этой угрозы. Открытие границ в связи с евразийской интеграцией может усилить значимость как миграционных, так и наркотических проблем.

Сокращение доли русскоязычного населения и русской культуры в Центральной Азии и в регионах России: снижение необходимости в защите соотечественников

Описанные выше демографические тенденции в плане роста неславянского населения и отъезда русскоязычных

фактически уже привели к тому, что большое количество русских, русскоязычных и православных осталось только в двух государствах «евразийского» номадического пояса Центральной Азии — Казахстане (особенно в его северной части) и Киргизстане (также преимущественно на севере). Это несколько уменьшает вовлеченность России в центральноазиатские проблемы безопасности, так как стимул защиты соотечественников постепенно исчезает. Однако большая интенсивность миграционных потоков и неготовность других великих держав взять на себя ответственность за состояние дел в регионе (даже США выводят свои силы из Афганистана и в рамках «доктрины Обамы» сосредотачиваются на регионе АТР) все равно будут заставлять Россию принимать активное участие в обеспечении безопасности даже тех государств региона, которые не входят в ОДКБ. Иначе дестабилизация «мягкого подбрюшья» нашей страны автоматически перейдет и на нашу территорию.

В таблице 4 приведены данные по числу русских, русскоязычных и православных в пяти государствах Центральной Азии. (Следует учитывать относительность и условность приведенных в таблице цифровых данных, поскольку они базируются на экспертных оценках, экстраполировании данных старых переписей или собственной оценке автора.)

Нет никаких оснований предполагать, что *описанные тенденции по тем же миграционно-демографическим причинам не продолжатся в будущем*. Причем по мере ухода от власти поколений элиты, воспитанных в СССР, они примут еще большие масштабы. Нужно приучать себя к мысли, что лет через 20–40 мы, вероятно, уже не сможем общаться с представителями центральноазиатских элит на русском языке. Поскольку эта тенденция представляет собой серьезный вызов потенциалу «мягкой силы» России в регионе, она должна учитываться Москвой. Более того, она ослабит возможности российского руководства позитивно влиять на ситуацию в регионе, возможно, увеличивая потребность в силовом компоненте поли-

Таблица 4. Численность русских, русскоязычных и праавославных в государствах Центральной Азии *

Страна	Число русских (без учета представителей других славянских народов), в %	Число русскоязычных или двуязычных, в % (оценка автора или других экспертов)	Число православных (РПЦ), в %
Казахстан	23,7 (1999, перепись)	95 (2001, экспертная оценка)	44 (оценка де-факто включает почти всех, идентифицирующих себя как немусульман)
Узбекистан	55 (1996, перепись)	14,2	9
Кыргызстан	12,5 (1999, перепись)	более 40–50 (собственная оценка)	20
Таджикистан	1,1 (2000, перепись)	2–10 (собственная оценка)	не более 1
Туркменистан	4 (2003)	12	9

* **Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США,** собственным оценкам автора.

тики. При всей объективной детерминированности данной тенденции Кремль может существенно смягчить ее, проводя соответствующую политику, направленную на развитие своей «мягкой силы» в регионе.

Вместе с тем тенденция к эрозии «русского мира» будет заметна не только в бывшей советской Средней Азии и Казахстане, но и в самой России — вплоть до образования больших анклавов, заселенных выходцами из Центральной Азии.

В 2012–13 гг. наблюдались определенная стабилизация и даже небольшой прирост численности населения России за счет мигрантов. Однако большинство экспертов считают, что тенденция к сокращению численности российского населения, особенно коренного, необратима. *В настоящее время Россия занимает второе место в мире после США по числу иностранных мигрантов. Причем Центральная Азия вносит в эту миграцию все более значимый вклад*.

Теоретически эта ситуация даже может привести к тому, что после 2050 г. мигранты из мусульманских стран и выходцы из мусульманских регионов России составят большинство в европейской части нашей страны. И такую ситуацию нельзя считать уникальной: совсем недавно в США представители национально-расовых меньшинств составили большинство среди рожденных детей. Проблема же заключается в способности государства адаптироваться к новым условиям за счет эффективной интеграции мигрантов или представителей национальных меньшинств либо путем частичного «купирования» демографических проблем принимающего мигрантов общества. В противном случае неизбежны открытые межнациональные конфликты, где государству придется применять исключительно силовые ресурсы.

У России есть серьезный потенциал для снижения остроты демографических проблем, причем отнюдь не за счет увеличения рождаемости, как это принято считать. Ведь меры типа «материнского капитала» поощряют рождаемость среди получивших гражданство мигрантов и представителей ряда национальных меньшинств (например, мусульманских народов Северного Кавказа), возможно, даже в большей степени, чем среди коренных жителей. Еще более существенно то, что они поощряют рождаемость преимущественно среди маргинальных слоев коренного населения Центральной России (например, хронических алкоголиков), что чревато не меньшими социальными проблемами, чем неконтролируемая миграция. Очень

важный ресурс демографической стабилизации — снижение все еще высокой смертности, особенно мужской. (Заметим, что Россия имеет беспрецедентный в мире разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин, причем мужчины часто умирают в самом продуктивном возрасте.) В целом демографическая стабилизация и эффективная интеграция мигрантов и представителей национальных меньшинств, особенно мусульманских, в принимающее общество являются частью проблемы выработки более продуктивной модели социально-экономического развития России.

Сырьевой характер экономик стран региона, тенденция к «демодернизации», водные и межнациональные конфликты

Для центральноазиатских экономик — в гораздо большей степени, чем для российской — характерна «сырьевая зависимость». Это газ в случае Туркменистана, нефть и цветные металлы — в случае Казахстана, газ и хлопок — в случае Узбекистана. В наиболее сложном положении сегодня находятся Таджикистан и Кыргызстан, которые не могут полностью использовать имеющиеся у них богатые водно-энергетические ресурсы. *В целом нет никаких оснований предполагать, что в ближайшие десятилетия ситуация серьезно изменится. Более того, наблюдается тенденция к «демодернизации».* Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26% от общей численности населения, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан.

В будущем все это приведет к тому, что *низкий уровень жизни в регионе сохранится. Определенные перспективы в плане обеспечения более высокого по региональным меркам уровня жизни есть у Казахстана*. Эта республика имеет богатые природные ресурсы и относительно (в масштабах постсоветского пространства) либеральную и эффективную экономическую модель. *Намного меньше шансов на повышение уровня жизни у Туркменистана*, обладающего богатыми природными ресурсами при недостаточно эффективной системе управления.

Зависимость государств региона от природных ресурсов и аграрный характер экономики большинства из них (кроме богатых углеводородами Казахстана и Туркменистана) неизбежно приводит к активизации проблемы водных конфликтов. В настоящее время в регионе сложилась тяжелая ситуация, связанная с противостоянием ниже- и вышележащих по течению рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья государств. Первые заинтересованы в использовании воды с целью полива, вторые — с целью выработки гидроэнергии. Поэтому первые требуют сброса воды в водохранилищах в весеннее-летний период (когда она нужна для полива), а вторым необходимо сбрасывать воду в осенне-зимний период (когда нужна гидроэнергия для обогрева). Таким образом, интересы первой группы государств в сфере обеспечения продовольственной безопасности объективно противоречат интересам второй группы государств в сфере обеспечения энергетической безопасности. В условиях бедности и аграрного перенаселения это провоцирует межнациональные и межгосударственные конфликты. К первой группе можно отнести Узбекистан, где данная проблема особенно остра, а также — Южный Казахстан и Туркменистан, ко второй — Таджикистан и, в несколько меньшей степени, Кыргызстан.

В советский период проблема решалась за счет централизованного управления водными ресурсами региона (из Москвы, в рамках работы общесоюзных структур, и Ташкента, где располагались региональные структуры). После распада СССР

сложилась напряженная ситуация в отношениях между Кыргызстаном и Узбекистаном (особенно острая в 1990-е гг.), а, начиная с 2000-х гг. особую остроту приобрело противостояние между Узбекистаном и Таджикистаном. Наиболее серьезным является конфликт вокруг строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, которая может «перехватить» большой объем стока Сыр-Дарьи и превратиться в стратегическую «удавку» для сельского хозяйства Узбекистана (последнее будет полностью зависеть от режима сброса воды в плотине, находящейся на территории Таджикистана). Узбекистан оказывает очень серьезное давление (вплоть до транспортной блокады и угрозы вторжения) на соседнюю страну с целью недопущения окончания строительства плотины (она начата еще в советский период). Участие узбекских подразделений в гражданской войне в Таджикистане на стороне «Народного фронта», вторжение отряда Махмуда Худойбердыева с узбекской на таджикскую территорию (в связи с внутриклановым конфликтом между «пророссийскими» «кулябцами» и «проузбекскими» «ленинабадцами» в Таджикистане) и военная оккупация расположенного на территории Туркмении Каршинского канала (в период туркменско-узбекского конфликта после покушения на президента Туркменистана С. Туркменбаши и обыска в узбекском посольстве) показывают, что Ташкент «не стесняется» в применении военных средств против соседей. Аналитики и представители политических кругов (даже президент Узбекистана Каримов) периодически говорят о возможности «водных войн» в регионе. В этой связи можно прогнозировать от одного до трех вооруженных локальных конфликтов (межнациональных и/или межгосударственных) в период до 2050 г. (другие факторы, например, роль исламского экстремизма, апеллирующего к широким массам маргиналов и требования демократизации со стороны небольших групп прозападной интеллигенции, могут быть дополнительными факторами). Россия может быть напрямую втянута в них, например, в качестве миротворца.

На почве борьбы за ресурсы (в том числе, за перевозкой наркотиков) возможны и другие межнациональные столкновения. Образцом здесь может служить антиузбекский погром в Оше в Кыргызстане после свержения президента Бакиева, а в позднесоветский период — киргизско-узбекские столкновения в Ферганской долине и изгнание турок-месхетинцев из Узбекистана.

Султанистские и неопатримониальные режимы. Клановый характер обществ. Проблема нестабильности режимов

Для всех государств региона (исключением отчасти можно считать политически нестабильный Кыргызстан, где вообще не сложилось устойчивой центральной власти) характерны режимы персонализированной авторитарной власти, которые в литературе часто называют «султанистскими» (термин Х. Линца). Их социально-политические системы в целом называются «неопатримониальными». Последние характеризуются нераздельностью власти и собственности, а также архаизацией политических систем, в частности, за счет инкорпорации кланово-племенных структур.

Кланово-племенные структуры показали свою жизнеспособность за 70 лет советской власти, пережили периоды активного подавления (например, андроповско-горбачевскую «хлопковую кампанию» в Узбекистане) и переживают ренессанс в последние 20 лет. Учитывая это, можно прогнозировать их сохранение в том или ином виде, как минимум, в ближайшие полвека.

Проблема с клановыми режимами заключается в постоянной возможности межкланового конфликта, провоцирующего гражданскую войну и политическую нестабильность. Примеры такого конфликта показал Таджикистан в 1990-е гг., две революции в Кыргызстане, спровоцированные конфликтом северных и южных кланов, а также недавно — ряд арабских государств

(прежде всего, Ливия). В период до 2050 г. в регионе возможно возникновение до 4–5 внутригосударственных конфликтов

«Хрупкость» государств, нестабильность, высокие риски безопасности. Все государства региона характеризуются достаточно высокими рисками, прежде всего, с точки зрения новых угроз безопасности, особенно терроризма и исламского экстремизма. Усиление этих угроз связано с расположенным по соседству Афганистаном. Под угрозой оказывается и государственность ряда центральноазиатских стран. Согласно индексу несостоявшихся государств Фонда мира за 2011 г., Кыргызстан (91,8 баллов) является наиболее «хрупким» из всех постсоветских государств. Можно прогнозировать сохранение высокой степени угроз такого рода в ближайшие 30 лет.

В целом, можно сделать предположение, что к 2050 г. в регионе будут иметь место до 2–3 случаев ситуаций, когда великим державам, включая Россию, придется предпринимать серьезные усилия (включая военные) для недопущения распада государственности стран Центральной Азии. Образцом таких усилий могут служить планы России и ОДКБ по предотвращению «расползания нестабильности» из Афганистана в Центральную Азию после вывода войск Международных сил содействия безопасности в 2014 г. Если соответствующие усилия не будут предприняты, то последствия могут оказаться совершенно катастрофическими.

Внешнее вмешательство и преобладание центробежных тенденций. Слабость центральноазиатских государств и важная геополитическая роль региона обусловливают высокую степень вовлеченности в региональные дела великих держав, что и составляет суть «Новой большой игры». В то же время сами государства Центральной Азии не проявляют особого стремления к консолидации, о чем свидетельствует, в частности, провал проектов региональной интеграции. Ни Казахстан (самая большая по территории и по размерам экономики страна региона), ни Узбекистан (самая большая по населению

и по военной силе страна) пока не смогли сыграть роль эффективных интеграционных центров и успешно противостоять центробежным тенденциям, которые являются довольно устойчивыми.

В рамках данного геополитического соперничества России будет необходимо поддерживать свои военные базы и объекты (в частности, в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане) и оказывать серьезную военную помощь соответствующим государствам, в частности, в рамках ОДКБ.

2. Общие характеристики инерционного сценария региональных конфликтов и угроз безопасности до 2050 г.

Описанные тенденции позволяют с достаточно высокой степенью достоверности представить ситуацию в регионе в ближайшие 30 лет. Такая проекция существующих тенденций обычно называется «инерционным сценарием». При этом мы на первом этапе сконцентрируемся на «общем фоне», на котором будут развиваться события, затем перейдем к анализу геополитических аспектов и, наконец, завершим описанием чисто военных сценариев.

Согласно инерционному сценарию развития, в Центральной Азии демографический рост продолжится, хотя и будет постепенно замедляться. Из-за перенаселенности плодородных частей региона и дефицита ресурсов сохранится достаточно низкий (по мировым стандартам) уровень жизни. Будет продолжаться миграция, прежде всего, в Россию. Произойдет сокращение численности русскоязычной диаспоры и снижение роли русского языка в самой Центральной Азии и в некоторых прилегающих областях Российской Федерации в случае, если не будут реализованы системные меры по противодействию данному тренду. Экономики стран региона будут по-прежнему носить сырьевой характер с тенденцией к «демодернизации», обусловленной консервацией традиционных клановых структур

и сохранением персоналистских неопатримониальных режимов. Все это будет способствовать политической нестабильности и росту нетрадиционных угроз, как в самой Центральной Азии, так и в сопредельных странах (прежде всего, в России и КНР). Внерегиональные игроки будут по-прежнему вмешиваться в дела региона, а уровень взаимодействия стран Центральной Азии между собой останется низким. В целом ситуация в регионе в ближайшие 30 лет, в случае реализации «инерционного сценария», представляется не очень оптимистичной, но и не катастрофичной.

Большое количество разных факторов, описанных выше, может породить и многочисленные альтернативные варианты будущего в случае отклонения от «инерционного сценария». Региональная ситуация в этом плане характеризуется высокой степенью неопределенности, т. е. в реальности отклонения от инерционного сценария достаточно легко могут возникнуть. Следует отметить, что для каждой из перечисленных ниже «развилок» вероятного будущего можно составить соответствующие сценарии (т. е., в принципе, возможно целое «дерево» сценариев).

Демографическая и миграционная ситуация может меняться в достаточно широком диапазоне. Возможен катастрофический сценарий продолжения безудержного демографического роста в наиболее бедных государствах региона, что чревато не только ускорением неконтролируемой миграции, но и социальным взрывом, например, в Таджикистане. В то же время нельзя исключать и возможности относительной стабилизации демографической ситуации с более быстрым снижением темпов прироста населения, особенно в случае проведения странами региона, в том числе при внешней финансовой поддержке, активной демографической политики.

Судьба «русского мира» в значительной мере будет зависеть от усилий Москвы по развитию русского языка и культуры за рубежом (здесь есть определенные положительные тенденции,

связанные, прежде всего, с деятельностью Россотрудничества и структур, типа «Русский мир», продвигающих «мягкую силу» России), а также от политики правительства России в сфере интеграции мигрантов.

Социально-экономическое развитие региона во многом будет определяться динамикой цен на сырье на внешних рынках. Нельзя сбрасывать со счетов и наличие у правительств центральноазиатских государств определенной степени свободы в деле формирования «правил игры», которой они могут воспользоваться в своих интересах. Сравнение двух стран региона, богатых высоколиквидными на мировых рынках углеводородными ресурсами, — Казахстана и Туркменистана — показывает, что распорядиться этими ресурсами можно по-разному.

На графике (см. рис. 1) отражена динамика изменения степени экономической свободы в Казахстане и Туркменистане в 2002–2012 гг. в сравнении со среднемировыми показателями согласно рейтингу, ежегодно составляемому «Heritage

Рисунок 1. Свобода бизнеса в Казахстане и Туркменистане в сравнении со среднемировыми показателями

Белая линия — мир в целом
Черная линия — Казахстан
Серая линия — Туркменистан
Вертикальная шкала — степень свободы
Горизонтальная шкала — годы
Источник: Heritage Foundation.

Foundation» и «The Wall Street Journal». В 2005 г., когда ситуация в двух странах была примерно одинаковой, Казахстан сумел сделать рывок и вышел на уровень обеспечения экономической свободы выше среднемирового. Туркменистан же, напротив, начиная с 2005 г. опустился на очень низкий уровень.

Социально-политические системы государств региона, с учетом их укорененности в клановых социальных структурах, скорее всего, сохранят свой нынешний характер. Однако и здесь возможна определенная вариативность. Так, политические системы Казахстана и Кыргызстана могут стать более авторитарными, а узбекская и туркменская — более либеральными (ограниченная либерализация уже наблюдалась в Туркменистане после смерти Туркменбаши).

Стабильность государств и риски безопасности — один из наиболее проблемных вариативных моментов. Признание одного–двух государств «несостоявшимися» (очевидные кандидаты — Кыргызстан и Таджикистан) приведет к резкому осложнению ситуации в регионе. Развитие событий в Афганистане после 2014 г. может пойти по непредсказуемому сценарию, что, безусловно, скажется и на его соседях.

Внешнее вмешательство создает наиболее сложные и разветвленные вариации возможного развития ситуации в регионе в перспективе до 2030 г. Отметим наиболее важные из них с точки зрения потенциального влияния. Существует вероятность усиления как сотрудничества великих держав, вовлеченных в дела региона, по вопросам сохранения региональной стабильности, так и соперничества, в том числе идеологического (особенно между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой). Весьма вероятно дальнейшее усиление влияния КНР, возможно, даже с выходом на качественно новые политические уровни (пока оно идет преимущественно по линии экономической и «мягкой» силы). Весомый вклад в изменение региональной ситуации может также внести евразийская интеграция, усиливающая позиции Москвы

и дающая возможность использовать не только военные, но и иные инструменты влияния.

В целом проведенный анализ альтернативных вариантов будущего показывает чрезвычайно высокую уязвимость центральноазиатского региона и высокую степень ответственности политиков, в том числе в России, за дальнейшее развитие событий. Положение в Центральной Азии сложное, но не безнадежное. Сама ситуация высокой неопределенности говорит о том, что целенаправленные действия политиков, как в государствах региона, так и в ряде великих держав, прежде всего, нас самих, могут сделать будущее у южных границ России либо катастрофическим, либо почти приемлемым.

3. Прогноз развития геополитической ситуации в регионе на среднесрочную и долгосрочную перспективу

В настоящее время Центральная Азия является одним из важных объектов мировой политики. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне показали, что распад государств этого региона, перестающих контролировать свои границы, может отозваться серьезными последствиями в других концах мира. Это усиливает вовлеченность в дела региона великих держав (Китая, России, США, стран ЕС, Индии, Пакистана) в рамках «Новой Большой игры» (т. е. борьбы за геополитический контроль над регионом).

Кто же будет контролировать регион геополитически в перспективе до 2050 г.?

Рассуждать о геополитическом контроле над Центральной Азии непросто, хотя бы потому, что границы самого международного региона «вовне», по отношению к другим регионам мира, четко не определены. С точки зрения классической географии XIX в. Центральной Азией называется район внутреннего (неокеанического) стока рек, простирающийся от Китая и Индии до Ближнего Востока. В советс-

кое время понятие «Центральная Азия» относилось к району вокруг Монголии, и от него отделялось понятие «советская Средняя Азия» (последняя не включала Казахстан). С точки зрения терминологии современных международных отношений «Центральная Азия» — это самоназвание, возникшее после распада СССР, которое объединяет пять постсоветских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Однако есть и альтернативные определения, например, американское — «Большая Центральная Азия», которое может включать в себя Афганистан и даже часть Пакистана. Существует много других культурно-исторически, геоэкономически и геополитически обусловленных названий региона. Их борьба представляет собой символико-идеологическое измерение «новой Большой игры», участники которой — великие державы — борются за региональное влияние. В зависимости от того, как определить границы региона, те или иные великие державы получают определенные преимущества. Так российское понимание евразийской интеграции постсоветского пространства дает преимущества нам, американское понимание «Большой Центральной Азии» дает преимущества Вашингтону, китайское понимание «региона Шелкового пути» предоставляет преимущества Пекину, европейское понимание пространства «соседства Евросферы» дает преимущества Брюсселю, и т. п.

Определяющее значение в геополитического контроля над государствами региона на перспективу до 2050 г. будут иметь два фактора: внешний (роль мировой политики, особенно политики великих держав) и внутренний (структурные изменения в самих странах Центральной Азии). Наконец, важный вклад в процесс развития геополитической ситуации может сделать сложная «многовекторная» внешняя политика центральноазиатскоих государств. См. ниже инфографику, созданную на основе представленного автором доклада в Российском совете по международным делам.

На описанной выше основе можно представить несколько сценариев развития геополитической ситуации.

Начнем **с внешнего фактора**. Геополитическая «центральность» Центральной Азии и потребность государств региона во внешней помощи вызывают активное вмешательство в его дела великих держав (КНР, Россия, США, государства ЕС, Индия и др.). Эта тенденция продолжится и в будущем, хотя она

необязательно должна принимать формы исключительно соперничества великих держав. Речь может идти и о периодическом их сотрудничестве в решении важных региональных проблем (например, терроризма, «несостоявшихся государств» или наркоторговли). Будет также сохраняться интерес к региону как к источнику энергоносителей и потенциальному маршруту новых торговых путей по осям Восток–Запад и Север–Юг Евразии.

Можно предположить несколько возможных вариантов исхода вмешательства в дела Центральной Азии внерегиональных сил. В случае сотрудничества, направленного на развитие региона, нынешние границы государств сохранятся. Усиление соперничества великих держав, которое будет сопровождаться равновесием сил, например, между Китаем (или «блоком» КНР и России) и Западом, тоже не приведет к изменению границ, поскольку руководство этих государств в рамках ставшей традиционной «многовекторной политики» будет балансировать между полюсами силы.

Однако в случае совпадения ряда факторов контроль над Центральной Азией может полностью перейти в руки Китая (*сценарий 1* — «**Синоцентричный мир**»). В числе этих факторов — полный уход американцев из Афганистана и Центральной Азии в 2014–2020 гг., длительный экономический кризис в Европе и экономико-демографически обусловленный «застой» в России, который может обречь на неудачу процессы евразийской интеграции. Переход контроля к Китаю будет происходить постепенно: сначала с помощью экономических инструментов и ненавязчивого политического влияния, затем к ним прибавится «мягкая сила» в виде распространения языка и культуры среди элитных слоев общества. Китай найдет общий язык как с секулярными элитами региона, так и (с помощью своего союзника Пакистана) с исламскими экстремистами, направляя их энергию против западного, а, возможно, и российского влияния. Уже с 2015 г. на базе созданного, несмотря на скрытое сопротивление России, «общего рынка» ШОС или нового

проекта «Шелкового пути» (он распространится на Центральную Азию, а также объединит ряд ассоциированных членов на постсоветском пространстве, например, европейскую часть России, Армению и Белоруссию) начнется процесс углубленной экономической и политической интеграции. В итоге уже к 2050 году образуется «расширенный Китай». В связи с этим стоит напомнить, что границы Танской империи Китая проходили значительно западнее современных, а знаменитый китайский поэт Ли Бо родился на территории нынешней Киргизии, бывшей тогда китайской провинцией. Кроме того, существующие сейчас границы государств Центральной Азии с КНР уже отличаются от советских, так как процесс делимитации границ в рамках «Шанхайского процесса» сопровождался их сдвигом в пользу Китая.

Однако еще десять–двадцать лет назад такой исход «новой Большой игры» казался маловероятным. Куда более вероятным представлялось воссоздание Советского Союза или Российской империи. Эта вероятность не является нулевой и сейчас, хотя она стремительно уменьшается с каждым годом. Если России удастся быстро сформировать эффективную и притягательную для соседей модель социально-экономического развития, то возможным становится *сценарий 2* — «**Реинтеграция постсоветского пространства**» (прежде всего, на основе евразийской экономической интеграции). Тогда в будущем можно предположить возврат к геополитической ситуации второй половины XIX–XX вв.

Еще один вариант изменения геополитической ситуации обсуждался в 1990-е годы. Он основывался на идее центральноазиатской интеграции по образцу европейской. К настоящему времени все попытки государств Центральной Азии наладить эффективное внутрирегиональное сотрудничество (например, через такие региональные структуры, как Центральноазиатское экономическое сообщество и Организацию Центральноазиатского сотрудничества) не привели к положительным результатам.

Некоторые из проблем в отношениях между этими государствами (прежде всего, водно-энергетико-экологические) представляются трудноразрешимыми в перспективе ближайших десятилетий. Вызванное объективными причинами напряжение в отношениях, например, между Узбекистаном и Таджикистаном будет сохраняться.

Вместе с тем в качестве чисто интеллектуального упражнения можно себе представить, что лет через тридцать на основе эффективной модели управления водами трансграничных рек стартует успешная центральноазиатская интеграция, в результате которой через сто лет возникнет «Центральноазиатский союз» со структурой наподобие ЕС. Можно также себе представить его расширение по лоббируемой США модели «Большой Центральной Азии» с включением Афганистана или даже Пакистана и проведшего либеральные реформы Ирана (*сценарий 3* — «**Центральноазиатская интеграция**»). Есть вероятность реализации интеграционного сценария и в меньших масштабах, например, путем образования экономического союза Казахстана и Кыргызстана или путем создания военно-политического блока вокруг усилившегося Узбекистана. В этом случае влияние великих внерегиональных держав, в том числе, и России, уменьшится.

Возможен и еще один исход «новой Большой игры». Влияние ситуации в Афганистане, рост исламского экстремизма при огромных социально-экономических, демографических проблемах в сочетании с межклановыми конфликтами в политике могут привести к реализации *сценария 4* — «**Халифат**» (вероятнее всего не во всей Центральной Азии, а в некоторых ее частях, особенно в Ферганской долине).

Кроме проанализированных выше внешних факторов эволюция геополитической ситуации в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов — состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней

противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур, с другой.

Перейдем к обсуждению внутренних факторов. Государства региона, возникшие в 1991 г. на основе бывших советских республик, характеризуются высокими нетрадиционными вызовами безопасности (терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик). Некоторые из них (особенно Кыргызстан и Таджикистан) отличаются «хрупкостью», т. е. балансируют на грани образования «несостоявшегося государства». Огромную роль в усилении новых угроз играет соседство Афганистана — классического «несостоявшегося государства» конца XX — начала XXI вв. Все эти тенденции говорят о том, что в определенной временной перспективе возможно изменение системы границ государств региона, которое окажет серьезное влияние на геополитическую ситуацию.

Внутри Центральной Азии современные границы определены в результате становления новых независимых государств при сохранении сложной и противоречивой этнической и субэтнической структуры. Как известно, границы существующих государств и их идентичность были во многом искусственно сформированы большевиками в ходе национально-территориального размежевания 1920–1930-х годов. При этом игнорировались жузово-племенные (у казахов, туркмен), региональные (у киргизов, узбеков, таджиков) и надплеменные («сарты», «тюрки», «мусульмане») определения, старые политико-административные (Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства) и лингвистические (таджикоязычные узбеки Самарканда и узбекоязычные жители Таджикистана) границы, а также естественные границы оазисов (Ферганская долина, бывшая частью Кокандского ханства, долина нижней Амударьи, входившая в Хивинское ханство, и т. д.). Все это вызвало к жизни серьезные кланово-племенные и кланово-региональные разногласия в новых независимых государствах. Нет никаких оснований считать, что их удастся окончательно преодолеть даже в течение

десятилетий. Можно сослаться на сопоставимый опыт Африки, где схожие проблемы искусственно проведенных границ и связанного с этим напряжения внутри государств зачастую имеют тенденцию к обострению, а не к разрешению. Так, на основе старых племенных делений здесь недавно образовалось новое государство под названием «Южный Судан».

Тем не менее, успешное становление новых национальных идентичностей пока тоже является фактом. Во всех республиках бывшей советской Средней Азии возникли этнонациональные идентичности, а в Казахстане — даже гражданская (казахстанская) идентичность. Казахи (или казахстанцы), киргизы, узбеки, туркмены и таджики с их идентичностью, независимостью, государственностью и соответствующей территорией — это уже состоявшиеся факты, гарантированные не только постсоветской, но и советской и досоветской историей. Маловероятно, что в близком будущем кто-то сможет полностью «взять назад» эти факты жизни созданием халифата, воссозданием Советского Союза или какой-то другой имперской наднациональной структуры. Эти попытки встретят единодушное неприятие подавляющего большинства населения.

Итак, развитие событий в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов — состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур, с другой.

В целом все вышесказанное говорит о вероятности реализации *сценария 5* — «Полный распад». В наиболее экстремальном случае этом регион, особенно южная его часть, может даже начать развиваться по долгосрочному сценарию, по которому уже прошел Афганистан.

Оценим вероятность описанных выше пяти сценариев. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции

Китая выглядят наиболее сильными по сравнению с другими великими державами, имеющими свои интересы в Центральной Азии. Не исключен и «частичный» распад государств, особенно «хрупких». Это наиболее вероятная модификация *сценария 5*. В 1990-х годах велось много разговоров о распаде государственности в Центральной Азии. Гражданская война в Таджикистане провоцировала спекуляции на тему полного распада этого государства. Столкновения в Горном Бадахшане летом 2012 г. лишь «подлили масло» в подобные обсуждения. Глубочайший геополитический раскол между севером и югом все еще делает актуальным обсуждение вопроса о расколе Киргызстана (контроль правительства в Бишкеке над югом страны и, прежде всего, над городом Ош уже сейчас носит достаточно символический характер).

Узбекистан, Туркменистан и Казахстан обычно считаются более стабильными государствами. Тем не менее исламский экстремизм в Ферганской долине, межклановое напряжение на всей территории страны и наличие территориальных претензий на таджикоязычный Самарканд (кстати, родину ныне правящего в Узбекистане клана во главе с президентом И. Каримовым) со стороны элит Таджикистана нередко порождали разговоры о распаде Узбекистана. Среди туркменской оппозиции также ходят слухи о возможности в будущем откола богатыми углеводородами территорий, населенных племенем йомудов, с образованием государства «Йомудистан». Наконец, даже Казахстан, который сейчас демонстрирует очень высокую (по региональным меркам) степень стабильности, в российском политическом дискурсе 1990-х годов иногда рассматривался как кандидат на распад. Основанием для таких прогнозов служил тот факт, что в северной части страны доминировало русскоязычное население, часть которого (особенно казачество) придерживалась сепаратистских настроений.

Пока все эти опасения и прогнозы, несмотря на очевидные проблемы государств региона, не оправдались.

В заключение можно отметить, что с учетом реальных сложностей анализа тенденций, простирающихся на глубину порядка века, и наблюдаемых сейчас процессов, сценарии 1 и 5 представляются более вероятными, чем все остальные. К тому же они вполне могут реализоваться одновременно, так как не противоречат друг другу. Наоборот, тенденция к распаду некоторых государств региона может усилить интерес КНР к вмешательству в центральноазиатские дела. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее сильными по сравнению с другими великими державами, имеющими свои интересы в Центральной Азии. Сценарий «Полный распад» можно рассматривать как достаточно реалистичный для некоторых наиболее нестабильных стран региона, исходя из тех социально-экономических и политических проблем, с которыми они сталкиваются.

В целом описанные выше геополитические тенденции и приведенные сценарии, учитывая важность региона Центральной Азии для России, должны восприниматься как определенный повод для беспокойства российских политических элит, в том числе, в рамках чисто военного планирования.

4. Прогноз конфликтов и степени вовлеченности в них России в период до 2050 г.

Проведенный выше анализ показывает, что в Центральной Азии могут быть выделены три типа угроз, требующих в той или иной мере военного вмешательства России: геополитические, локальные внутригосударственные и межгосударственные конфликты и нетрадиционные угрозы безопасности. Эти угрозы в рамках рассмотренных выше сценариев могут потребовать задействования как Российской армии, так и всей структуры военной организации Российского государства.

Геополитические угрозы. В рамках геополитического соперничества с другими великими державами («Новой Большой

игры») России будет необходимо поддерживать свои военные базы и объекты (в частности, в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане) и оказывать серьезную военную помощь соответствующим государствам, в частности, в рамках ОДКБ.

Локальные внутригосударственные и межгосударственные конфликты. Россия может быть напрямую втянута в них, например, в качестве миротворца или в качестве стороны, поддерживающей (в том числе, военным путем) того или иного участника конфликта. Эта поддержка может быть как прямой (таковую фактически просило в связи с волнениями на юге страны Временное правительство Кыргызстана после свержения президента Бакиева), так и косвенной (так российские пограничники, части 201 дивизии и миротворцы фактически, хотя и неофициально поддерживали Народный фронт в период гражданской войны в Таджикистане).

В связи с конфликтом за ресурсы (особенно, водные, но также и углеводородные, и даже в связи с борьбой за контроль над наркопотоками) можно прогнозировать от одного до трех вооруженных локальных конфликтов (межнациональных и/или межгосударственных) в период до 2050 г. Особенно чревато вооруженным конфликтом противостояние Узбекистана и Таджикистана по поводу строительства Рогунской ГЭС.

Можно спрогнозировать от 2 до 6 случаев возникновения локальных вооруженных конфликтов на почве исламского экстремизма. Образцами могут служить подавленное Узбекской армией Андижанское восстание, организованное религиозной организацией «Акрамия», и вторжение из Афганистана отряда Исламского движения Узбекистана в Кыргызстан, так называемой «Баткенской войны», в которую была втянута Россия и другие члены Договора о коллективной безопасности.

В период до 2050 г. в регионе возможно возникновение до 4–5 внутригосударственных конфликтов на основе межкланового противостояния. Образцом может служить гражданская война в Таджикистане в 1990-е гг., две революции в Кыр-

гызстане, спровоцированные конфликтом северных и южных кланов, а также недавние события в ряде арабских государств (прежде всего, в Ливии и Сирии). Последние могут послужить толчком и образцом для дестабилизации ситуации. Другие факторы, например, роль исламского экстремизма, апеллирующего к широким массам социальных маргиналов и требования демократизации со стороны небольших групп прозападной интеллигенции могут быть дополнительными факторами.

В связи со слабой государственностью ряда стран региона (особенно, Кыргызстана) можно сделать предположение, что к 2050 г. в регионе будут иметь место до 2–3 случаев ситуаций, когда великим державам, включая Россию, придется предпринимать серьезные усилия (включая военные) для недопущения распада государственности стран Центральной Азии.

Указанные выше конфликты могут накладываться друг на друга.

Противодействие нетрадиционным угрозам безопасности. К числу наиболее важных угроз такого типа необходимо отнести неконтрлируемые миграционные потоки, распространение исламского экстремизма и наркоторговлю. Это потребует усилий всей государственной машины, включая ее военную организацию, в плане борьбы с указанными угрозами в самой Центральной Азии, а также в плане купирования последствий негативных последствий в самой России.

Д. О. Салюков
Проект: «Военно-политическая карта мира: интерактивный сценарный подход»

В настоящее время в мире существует большое количество различных рейтингов, индексов и политических обзоров (справочников) стран и регионов. Они являются очень удобным и эффективным инструментом при оперативном и среднесрочном планировании развития военно-политической обстановки. Основными исполнителями таких работ являются научные исследовательские и аналитические центры, университеты, СМИ, государственные организации.

Приведем примеры некоторые из подобных работ:

1. Политический атлас современности (mgimo.ru/politatlas) — совместный проект МГИМО (У) МИД России, журнала «Эксперт» и Института общественного проектирования. Результатом работы экспертов над данным проектом стало издание нескольких одноименных книг, освещающих политическую ситуацию в различных регионах мира.
2. GlobalFirepower (www.GlobalFirepower.com) — интернет-рейтинг, оценивающий существующий в настоящее время комплексный военно-экономический потенциал страны.

В основном показателе рейтинга — национальном индексе военной мощи (Global Power Index) рассматриваются 68 стран по более чем 40 критериям, которые сгруппированы по следующим категориям:

— Человеческие ресурсы
— Сухопутная наземная техника и вооружения
— Авиация
— Флот
— Ресурсы (нефтяная отрасль, а также запасы нефти)
— Инфраструктура
— Финансы и военные расходы
— Географические характеристики

3. Стокгольмский институт исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, www.sipri.org) — один из ведущих мировых исследовательских центров, занимающийся изучением вопросов безопасности, конфликтов, военных расходов, торговли вооружениями и военной техникой. Ежегодно SIPRI выпускает итоговый справочник SIPRI Yearbook, в котором детально отражает ситуацию за предыдущий период.
4. Международный Институт Стратегических Исследований (International Institute for Strategic Studies, www.iiss.org) — один из ведущих мировых центров, занимающийся изучением военно-политических конфликтов. Ежегодно IISS выпускают журнал военных потенциалов 170 стран — The military Balance, журнал с обзором международных отношений — Global Strategic Review, а также другие издания по военно-политической тематике.
5. ПИР-Центр (www.pircenter.org) — неправительственная российская организация занимающаяся исследованиями в области международной безопасности. Совместно с издательским домом Коммерсант ведет рейтинг индекс международной безопасности и издает одноименный журнал.

Можно детально рассматривать, анализировать методологию вычисления и критерии оценок вышеуказанных справочников, рейтингов и индексов, однако, это представляется нецелесообразным, т. к. практически у всех из них существуют особенности, которые делают их использование для отечественного заказчика затруднительным и недостаточно эффективным.

К основным недостаткам существующих рейтингов можно отнести:

— Значительный объем сопутствующей информации — характерен для справочников и политических атласов. Дает внушительный по охвату объем данных, что затрудняет оперативное ознакомление с ним и выделение действительно необходимой информации.
— Длительный период подготовки оценок — многие рейтинги и оценки строятся на данных, задержка в поступлении которых иногда исчисляется годами. Это, безусловно, делает их более точными, однако, в итоге и ситуацию показывает «прошлогоднюю».
— Недостаток основной (предметной) информации — в то же время в некоторых исследованиях не рассматриваются действительно необходимые данные для общего понимания военно-политической ситуации.
— Отсутствие наглядности предлагаемых схем и рейтингов. Инфографика значительно улучшает качество восприятия информации у лиц, принимающих на ее основании решение.
— Политическая ангажированность приведенных данных — необъективные оценки качественных характеристик.

Исходя из вышеприведенных данных, предполагается целесообразным разработка отечественных «информационных карт», которые были бы организованы по следующим принципам:

1. Информативность и низкий уровень информационного шума

2. Принцип достаточности информации
3. Наглядность
4. Прозрачность методологии
5. Интуитивная понятность
6. Оперативность подготовки и постоянная обновляемость.

Для того чтобы учесть все обозначенные принципы построения военно-политической карты предполагается создание интерактивной карты, связанной с обновляемой базой данных. Система модулей может быть настраиваема, что позволить в нужный момент использовать только необходимые для анализа данные.

Рисунок 1. Схема построения примерных модулей военно-политической карты

В данную систему могут войти следующие группы показателей (модули):

Модуль общей характеристики страны:

Модуль силовые ресурсы страны:

Другие модули:

Модуль конфликтного потенциала:

— Наличие внутренних конфликтов (этнических, религиозных, сепаратизм, политический экстремизм)
— Конфликты с соседними странами

Модуль государство в системе международных отношений:

(Рис. из материалов НИР А. И. Подберезкина)

— Потенциальные внешние угрозы безопасности
— Потенциальные внутренние угрозы безопасности
— Наличие долгосрочных планов в сфере безопасности

Модуль ядерного оружия

Модуль ВПК

Модуль регионального окружения:

Модуль отношений с другими

Модуль история отношений с Россий

— Войны
— Договоры (действующие)
— Спорные территории
— Торговые отношения

Модуль военных блоков.

Предлагаемый проект находится в стадии разработки и предполагается для введения в учебный процесс для слушателей магистратуры по направлениям международные отношения, политология и регионоведение.

Раздел 4.
Войны XXI века: стратегические гипотезы и прогнозы

К. П. Боришполец
Вводные комментарии.

Определение перспективных значений показателей, характеризующих реальные ситуации, является одной из наиболее сложных задач прикладного прогнозирования. С одной стороны, их применение позволяет четко представлять сложные структуры, формирующие процессы взаимодействия, а с другой оно затруднено тем, что большинство концепций, которыми предваряются любые прогнозы, плохо поддаются формализации. Кроме того, должно учитываться наличие достаточно большого числа субъективных моментов, большая степень неопределенности тенденций развития обстановки, динамика происходящих изменений. Необходимо также иметь в виду, что в ряде случаев препятствием может стать недостаток профильной информации. В этой связи уточнения представлений о характеристиках войн и вооруженных конфликтов в долгосрочной перспективе обычно осуществляется поэтапно на основе междисциплинарных подходов, сочетающих описательные и количественные моменты.

Особую роль в контексте исследований будущих конфликтов играют проблемы информации и информационной безопасности. Характеризуя роль информации в современном мире необходимо указать и на то, что в последние десятилетия она все более активно используется как средство манипулирования человеческим сознанием, и стала в этом качестве неотъемлемой

частью различных конфликтов, в том числе международного уровня. В этой связи типичным для научно-практических публикаций является заключение, что «традиционная война сменяется принципиально новыми формами противоборства, в которых победа будет достигаться не с помощью классического или даже ядерного оружия и привычных способов ведения войны, а путем массированного использования новых средств информационного оружия». В постбиполярную эпоху мы наблюдаем информационную гонку вооружений, когда с одной стороны такая держава как США ежегодно увеличивает расходы на разработку и приобретение новых средств информационного оружия, а с другой, особенно после Балканских войн и агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года намечается тенденция по более активному противодействию — разрабатываются способы обороны в информационной войне, появляются сторонники идеи ограничения распространения информационного оружия на международном уровне. Параллельно разворачиваются и широкие теоретические исследования, выпускаются учебники, а в США на базе престижных университетов даже организует факультеты по этой специальности.

Термин, «информационная война», прочно вошедший в мирополитический лексикон, впервые оказался в фокусе внимания в связи с войной в Персидском заливе в 1991. После нее, по мере распространения глобальных сетей, у информационной войны стали появляться свои теоретики. Однако пока не существует единого, всеми признанного определения этого явления. В одних исследованиях определение информационной войны дается слишком широко, связывая те или иные действия участников конфликта с пропагандистской деятельностью, проводимой с опорой на современные сетевые ресурсы. В других случаях информационные войны фактически сводятся к киберпреступлениям. Наиболее часто цитируемое определение принадлежит американским военным, которые исходят из того, что «Информационная война состоит из действий, предпринимаемых для

достижения информационного превосходства в обеспечении национальной военной стратегии путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой нашей собственной информации и информационных систем».

Но в целом можно говорить о двух основных направлениях осмысления военно-информационной проблематики. Во-первых, о тенденции секьюризации всей сферы информационной деятельности в современном обществе, а, во-вторых, о стремлении к выделению комплекса специальных действий, «встроенных» в конкретный стратегический план конкретной силовой (военной) операции. Помимо концептуальных различий эти тенденции имеют и важную прагматическую проекцию. Сторонники каждой из них по-разному отвечают на вопрос об организации системы информационной безопасности в эпоху распространения информационных войн и соответственно о распределении общественных ресурсов. Образно говоря, часть экспертов и практиков выступает за ведение регулярных войсковых операций, а другие за специальные операции диверсионного типа.

При этом дискуссионным остается и вопрос о соотношении реактивных и инициативных моментов в деятельности участников информационных войн. Информационное поле вооруженных конфликтов сегодня прорабатывается не менее тщательно, чем другие аспекты военных операций, причем, главный поражающий фактор информационного «оружия», — это манипуляция человеческим сознанием. В условиях кардинальных изменений мировой политики необходимы принципиально новые подходы и методы разрешения кризисов, в рамках которых достигалось бы обеспечение информационной безопасности граждан, противодействие информационно-психологическому давлению и шантажу. Необходимо создание новых инструментов обеспечения международной безопасности, в частности разработка Международной Конвенции о нормах

информационного взаимодействия в ситуациях острых международных конфликтов, дающей правовую квалификацию информационной агрессии, а также определяющей систему запретов и ограничений на применение информационного оружия.

Однако, перспективы создания международного режима информационной безопасности не должны внушать излишний оптимизм, тем более, что как показывает практика, правовые нормы неизменно отражают не абстрактные общественные интересы, а консенсус ведущих акторов взаимодействия, другими словами, фиксируют реальные преимущества, достигнутые на предшествующих искомому согласию этапах «нерегулируемой» и «дикой» конкуренции.

В этой связи, в целях оптимизации сроков снижения конфронтационной составляющей информационного взаимодействия на международной арене российской стороне целесообразно активизировать шаги, блокирующие попытки распространения односторонних мифических интерпретаций прошлых, текущих и ожидаемых событий, а с и одновременно более активно заниматься программами подготовки специалистов в области информационной безопасности активного типа.

Разумеется, отдельного внимания заслуживают и еще несколько моментов, например, определения стиля подачи информационного продукта: предпочтение аналогий с крупнейшими сетевыми СМИ или акцент на разработку оригинального лица, укрепления профессиональных связей с представителями зарубежной журналистики, организация подготовки молодых специалистов, способных значительно повысить конкурентоспособность отечественных информационных служб, уточнения состава потенциальной аудитории.

Разрабатывая эту линию, мы должны учитывать переходное состояние современного мира, и те противоречия, с которыми сталкивается мировое сообщество. Сегодня оказались разрушены многие традиционные перегородки между странами,

народами и конфессиями. Информационная составляющая российских институтов управления во многих случаях была расшатана, однако ее универсальное глобальное замещение не состоялось. Экстенсивный рост глобализации в ее однополярном формате сейчас исчерпан. Демонстрация этой реальности и включение соответствующих сюжетов в состав модельных информационных блоков могли бы стать эффективным инструментом противодействия эскалации информационной войны, откуда бы они ни исходили.

Важную роль в изучении современных информационных войн, разработки реактивных и инициативных действий играет технологическое обеспечение «черновой» работы по сбору фактов, данных, сведения и т. д., а также их систематизации. Не идеализируя зарубежный опыт, необходимо учитывать большие, и не всегда должным образом оцененные возможности, которыми располагают американские в области стратегической аналитики.

Комплексный подход к решению методических задач определения прогнозных характеристик войн и вооруженных конфликтов представлен на основе аналитического обобщения концептуальных материалов в области современной военной теории и практики. (И. М. Попов). Основной материал предваряется кратким списком ключевых понятий, в частности таких, как война, военный конфликт и др. В контексте разработки учитываются взгляды зарубежных академических и военных экспертов относительно сущности и особенностей военных конфликтов XXI века, развитие концепции асимметричного военного конфликта, специфика ведения «традиционных» войн, влияние урбанизации на содержание и характер военных конфликтов будущего. Методическим ядром прикладного анализа выступают две матричные схемы (матрицы). Первая из них, отражает взаимосвязь содержания и особенностей современных войн и вооруженных конфликтов в зависимости от типа стратегических действий участников, например «прямая атака против

прямой обороны», «прямая атака против партизанской войны» и т. д., а вторая в самом общем виде — весь спектр участвующих в противоборстве сил. Операционализация фактологической информации, проводимая на основе двух матриц, позволяет использовать, во-первых, четкие качественные критерии для определения конфликтов и прогнозировать «пороговые» значения их количественных показателей в долгосрочной перспективе.

Близким в методическом плане, но отличающимся от предыдущего примера, является анализ основных тенденций изменения содержания и характера вооруженной борьбы в условиях динамичного роста ее информационной составляющей. (М. М. Хамзатов). Основное внимание в рамках этого подхода уделено таким прогностически ориентированным модулям, как роль «облачного противника в качестве нового актора международной политики, влияние концепта сетецентрической войны на характер современных военных действий, новые направления совершенствования вооруженных сил экономически развитых государств. В числе основных типологических показателей конфликтного взаимодействия, усиливающихся в долгосрочной перспективе, указываются, в частности, расширение пространственных характеристик вооруженной борьбы, сокращение («сжатие») ее временных параметров, рост информационной составляющей, повышение мобильности действий войск с использованием всех сфер для проведения операций, повышение боевых возможностей и стоимости отдельных высокотехнологичных систем вооружения, приводящих к уменьшению количественного состава вооруженных сил.

В целом на основе изменения характера современных военных операций: происходит «переход от широкомасштабных «линейных» действий многомиллионных армий к маневренной войне нового поколения: происходит принципиальный сдвиг от «платформо-центрических» военных действий к так называемым «сетецентрическим» военным действиям. Основным фактором, определяющим характер будущей войн, становится

не соотношение пространства и численности вооруженных сил, а наличие новых межвидовых (межведомственных) группировок войск (сил), реализующих свои потенциальные возможности на основе сетецентрических методов разведки, управления и обеспечения». В соответствии с этим определением, при характеристике прогнозных показателей войн и вооруженных конфликтов, главный акцент переносится на группы критериев, отражающих способность участников военных действий осуществлять непрерывное оперативное планирование последующих шагов на всех этапах военной кампании, постоянно получать и интегрировать в стратегические решения свежие разведданные, вступать в бой, с уверенностью, что тыловое снабжение будет четко синхронизировано с решения боевых задач.

На формулировании главным образом качественных определений прогнозных характеристик войн и вооруженных конфликтов строится сравнительный анализ традиционных и новых парадигмальных оценок поведения государств в сфере безопасности (М. В. Харкевич). Он подразумевает обращение к нормативно заданным категориальным классификаторам матричного типа, ориентированным на систематизацию фактологии, во-первых, в соответствии с тремя аналитическими уровнями (уровень индивида, внутриполитический уровень, межгосударственный уровень) а также основными и дополнительными причинами возникновения войн, а во-вторых, эволюционный принцип, которому подчиняются все живые существа, включая человеческих индивидов и государственно объединенные сообщества. В целом, «аналитическая матрица военных угроз национальной и военной включает в себя четыре категории угроз: борьба за ресурсы, борьба за институты, борьба за укрепление коллективных ценностей и интересов, борьба за власть и статус. Основным источником конфликтов является борьба за ресурсы, затем институциональные конфликты и третий уровень занимают конфликты идентичности

и борьба за власть и статус». Кроме того, качественным показателем, который определяет характер войн и вооруженных конфликтов выступает фактор отношения государства (государственных институтов) и насилия, который варьируется не только в страновом, но и временном измерении. Другими словами, традиционные стереотипы политического поведения в рамках различных культурно-цивилизационных кластеров или их фрагментов выступают необходимым элементом при определении значений критериев для характеристики войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период

В целом, эффективность военных операций уже сегодня зависит от комбинирования чисто военной стратегии со стратегией постконфликтного восстановления, учитывающей культурные особенности и традиционные структуры в среде местного гражданского населения. Поэтому в системе стратегического планирования необходимо расширять подготовку военных специалистов, обладающих гуманитарными и страноведческими знаниями.

Таким образом, разработка методов прогноза значений качественных и количественных показателей и критериев, определяющих характер войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период опирается на создание профильных концепций, которые позволяют формализовать имеющийся информационный массив до количественно измеряемых показателей. Основными компонентами формализации являются выработка системы категорий и логика преобразований теоретический знаний в практические следствия. Итогом формализации выступает модель, определяемая двумя множествами: множеством переменных (показателей и критериев) и множеством отношений, связывающих значение переменных. В этом качестве модель может служить базисом для решения традиционных аналитических задач либо для продолжения исследования, путем применения методик, основанных на математических средствах обработки и анализа информации.

И. М. Попов
О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов

Обзор взглядов зарубежных экспертов на военные конфликты XXI века

Проблемы сущности и содержания современных войн начали широко обсуждаться на страницах западной военной печати и специализированных изданий с 90-х гг. XX века. Многие политологи и военные специалисты США и других стран Запада пришли к выводу, что традиционные взгляды на сущность войны, основанные на положениях теории Клаузевица, уже «не работают». Классические взгляды на войну как на продолжение политики, предполагающее использование насилия, или военной силы, по мнению некоторых теоретиков, уже перестали отражать политические реалии современности. Так, доктор Грант Хэммонд из Военного колледжа ВВС США в статье, озаглавленной «Парадоксы войны»[1], еще в 1994 году предупреждал: «Представление о войне как о противоборстве, характеризуемом применением силы, — прискорбно неполная, трагически упрощенная и фундаментально порочная точка зрения… Будущая война между индустриальными государствами, даже если она эффективна и результативна, может быть практически невидимой».

---

[1] Paradoxes of War// Joint Forces Quarterly, Spring 1994.

Одним из наиболее авторитетных современных «критиков» теории Клаузевица стал профессор Мартин ван Кревельд, автор широко известной книги «Трансформация войны»[2]. Ван Кревельд — профессиональный израильский историк, но в 1991–1992 гг. он преподавал в Командно-штабном колледже морской пехоты США в Квантико под Вашингтоном, активно пропагандируя свои взгляды среди элиты вооруженных сил США.

В книге «Трансформация войны» ван Кревельд прямо писал: «Бессмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью». Ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим «продолжением политики» в духе идей К. Клаузевица, а своеобразной формой существования человеческого общества.

В результате сегодня военная мысль не может дать однозначный и адекватный ответ на самый главный вопрос военной науки и практики — что такое война.

Со времен Клаузевица изменилось многое: технологии, силы и средства, возможности оружия, наши восприятия пространства и времени, да и само человеческое общество. Однако все новые попытки дать определение понятию «война» в той или иной степени оказываются ущербными. Сложность при попытке адекватно определить понятие «война» заключается в том, что оно должно «работать» не только сегодня, но и завтра. В противном случае военно-научная мысль может уйти в область абстрактных теоретических построений, не имеющих реальной ценности для практиков военного дела.

В этом смысле, по мнению ряда экспертов, теория Карла Клаузевица воспринимается слишком упрощенно, а критики просто не смогли постичь всю глубину его теории о войне. Признанный классик военной мысли определил войну как «про-

---

[2] Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991.

должение государственной политики иными средствами», но это не единственная дефиниция войны на страницах его труда. Более важной является другая формула: «Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Кажущаяся на первый взгляд слишком абстрактной, эта формула как раз ближе всего к современной трактовке понятия «война», существующего на Западе.

Определение понятия войны через категорию воли — содержится во всех официальных концептуальных документах Пентагона. В частности, Наставление Объединенного комитета начальников штабов ВС США JP 3–24 «Контрповстанческие операции» (2009 г.) прямо трактует: «Война является насильственным соревнованием воли между социально-политическими группами… И хотя природа войны неизменна, существуют различия в способах ведения войны, что мы называем способом ведения военных действий»[3].

Официальный документ Пентагона «Основополагающая концепция ведения объединенных операций — 2020» (сентябрь 2012 г.) прямо трактует: «Война остается столкновением между враждующими, независимыми и непримиримыми волями, каждая из которых стремится достичь доминирования над другой посредством насилия. Противники будут продолжать свои стремления найти и использовать уязвимости США. Даже если конфликт будет вестись с использованием самых современных технологий, ведение военных операций остается, по большому счету, делом человека»[4].

Интересным представляется историко-философский подход, который применен авторами Наставления КНШ ВС США JP 1 «Доктрина Вооруженных сил США», изданного в марте 2013 г. В нем, со ссылкой на учение К. Клаузевица, содержится

[3] Joint Publication 3–24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. I-6.

[4] Capstone Concept For Joint Operations: Joint Force 2020. 10 September 2012. P. 1.

четкий вывод: «Клаузевиц считал, что война является понятием более широкой теории о конфликте. Он определял войну как «дуэль на более высоком уровне», «акт насилия для принуждения нашего противника», «продолжение политики другими средствами». Но если заглянуть до самой сути, война является ожесточенной борьбой между двумя (или более) враждебными и независимыми волями, каждая из которых стремится навязать себя другой стороне. Как утверждал Клаузевич, «война есть ожесточенное столкновение воли»[5].

Классиком военно-теоретической мысли Карлом Клаузевицем были сформулированы основные практические подходы к изучению войны, как общественно-политического феномена. В своем труде «О войне» он говорил о «тринитарной войне», в которой основными «действующими лицами» выступают народ, армия, правительство. Этот подход разделяется многими экспертами, в том числе и на официальном уровне. Вместе с тем, эта формула уже не отражает современную реальность.

По мнению Мартина ван Кревельда, сущность войны изменяется по мере «отмирания» института государства («нации-государства») и по мере того, как негосударственные структуры все активнее проявляют себя в качестве важных «игроков» на мировой арене. В конце XX века в «игру» вступили новые акторы — политические, общественные и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. Определенную группу негосударственных организаций составляют частные охранные структуры. Военные конфликты начала представлять собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия.

---

[5] Joint Publication 1. Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. P. I-3.

В одной из своих статей ван Кревельд отмечал, что новые «игроки»-негосударственные организации имеют одно общее — они или подменяют собой государственные структуры, или пытаются уйти из-под контроля государства. По мере ослабления института государства, негосударственные структуры набирают все больше и больше сил и авторитета.

Авторитетный западный военный исследователь М. Карвер в своей книге «Война после 1945 г.»[6] подсчитал, что в период 1945–1980 гг. из 16 военных конфликтов, которые затронули Великобританию, 12 были нетрадиционными. Они велись «не по правилам», а их участники не носили военной формы. Более того, из 12 конфликтов последней категории 11 закончились победой иррегулярных формирований[7].

Западные авторы единодушны в своих оценках: вооруженные конфликты современности отличаются крайней жестокостью и непримиримостью сторон. Они ведутся долго и безрезультативно, втягивая в свою орбиту многих участников, не только вооруженные силы и силы по поддержанию порядка, но и гражданское население. Как правило, корни этих конфликтов глубоко скрыты в истории и культуре воюющих сторон, что часто делает невозможным решение этих конфликтов традиционными путями.

М. ван Кревельд и другие военные специалисты считают, что регулярные вооруженные силы часто просто «бессильны» в современных вооруженных конфликтах. В книге «Трансформация войны» Кревельд прямо пишет: «… борьба со слабым противником унижает того, кто ее ведет, и, таким образом, лишает оснований саму цель этой борьбы. Тот, кто уступает слабому сопернику, — проигрывает;

6 Carver, Michael. War Since, 1945. New York, 1981.

7 French, K. M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

и тот, кто одерживает победу над ним, — тоже проигрывает. В таком предприятии не может быть ни выгоды, ни чести. Если действия по подавлению явно слабого противника повторяются достаточно регулярно, то с неизбежностью смены дня и ночи настает момент, когда все это военное предприятие терпит крах»[8].

Таким образом, в асимметричном конфликте сильная сторона всегда находится в морально уязвимой позиции, в том числе даже в глазах этой сильной стороны. Любые решительные действия со стороны сильного всегда будут казаться чрезмерными и жестокими. В связи с этим ван Кревельд делает жесткий вывод: «Для сильного единственным выходом будет одержать быструю победу, дабы избежать худших последствий собственной жестокости; единичный акт беспощадной жестокости в итоге может оказаться более милосердным, чем продолжительное ее сдерживание. Ужасный конец лучше, чем бесконечный ужас, и вдобавок такая тактика намного эффективнее»[9]. В подтверждение своих слов израильский автор приводит аналогию с кошкой и мышью: кот, поймав мышь, убивает ее — и это более «гуманно», чем «играть» с ней в когтистых лапах перед неминуемой смертью.

В любом случае регулярные войска, т. е. заведомо сильная сторона, не способны вести длительную и эффективную борьбу с иррегулярными формированиями. Майор американской морской пехоты К. Френч, анализируя взгляды Мартина ван Кревельда, пишет: «Мы должны признать возможность того, что наши вооруженные силы и стратегические концепции адекватно не обеспечивают нашу безопасность в свете новой сущности войны. Только отказавшись от ведения войны по старым правилам, мы можем обеспечить

[8] Мартин ван Кревельд. Трансформация войны. Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

[9] Там же.

оборону нашей страны в будущих войнах, которые скорее всего будут представлять собой нечто такое, чего Клаузевиц даже не представлял»[10].

Идеи, высказанные Мартином ван Кревельдом в книге «Трансформация войны» еще в конце 90-х гг. XX в., многократно подтвердились в событиях начала XXI в. «К октябрю 2003 г. даже такой выдающийся апологет современных военных технологий, как министр обороны США Дональд Рамсфелд, начал прозревать, — пишет М. ван Кревельд в предисловии к русскому изданию своего труда в августе 2005 г. — В меморандуме, адресованном своим ближайшим помощникам, он ставит вопрос о том, готовы ли американские вооруженные силы, созданные для борьбы с себе подобными, противостоять новому «мировому беспорядку». В самом деле, на каждый миллион долларов из казны «Аль-Каиды» США тратят миллиард. Тем не менее, Усама бен Ладен, Абу Мусаб аз-Заркави и большинство их главных помощников остаются на свободе. США, со всей своей военной мощью, не способны обеспечить безопасность даже на 15-мильном участке шоссе, ведущем из багдадского аэропорта в город»[11].

В этом же предисловии к русскому изданию ван Кревельд, задаваясь вопросом о причинах поражений регулярных вооруженных сил в войнах низкой интенсивности (в столкновениях с иррегулярными формированиями), делает неутешительный для государства вывод: эти поражения не случайны. «В большей части нашей так называемой „передовой“ цивилизации и, зачастую, на самом верху, где принимаются ключевые решения, существовало и существует неправильное понимание самой природы войны. Если это непонимание (а вместе с ним поражения) будет сохраняться, сама жизнеспособность этой

---

[10] French, K. M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

[11] Мартин ванн Кревельд. Трансформация войны. Пер. с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

цивилизации окажется под вопросом»[12]. Абстрагируясь от идеологических и политических аспектов проблемы, можно констатировать, что вывод Мартина ван Кревельда вполне применим к оценке нынешнего состояния отечественной военной мысли.

Одним из авторитетных специалистов в области изучения современных войн и вооруженных конфликтов в Западной Европе считается Мэри Калдор — профессор Лондонской школы экономики[13]. Будучи социологом и политологом, а не «чистым» военным специалистом, Мэри Калдор подходит к анализу сущности и содержания современных войн с позиций обществоведа. Война, пользуясь формулой Клаузевица, есть продолжение политики, и, по ее мнению, эта формула сохраняет свою значимость и сегодня. Концептуальные подходы М. Калдор к сущности и особенностям современных войн основываются на конкретном практическом материале, лично собранном ею, в частности, в Боснии и Герцеговине.

Вопреки распространенному мнению, что все войны 90-х годов XX века являлись по своей сути «гражданскими войнами», вызванными «этническими конфликтами», а мы просто являемся свидетелями «приватизации насилия», М. Калдор настаивает на политической сущности всех конфликтов той эпохи. В Боснии и других конфликтогенных регионах в войне принимали участие государство и разнообразные «частные» силы, а так называемая «политика идентификации» (национальной, политической или иной) являлась только «средством, которое использовалось политическими элитами для утверждения своей власти»[14].

По мнению М. Калдор, в конце XX века появился целый ряд новых «военных субъектов»: разлагающиеся остатки госу-

---

12 Там же.

13 Mary Kaldor, New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era, Cambridge: Polity, 1999.

14 Martin Shaw. The contemporary mode of warfare? Mary Kaldor's theory of new wars// Review of International Political Economy, January 2000.

дарственных вооруженных сил, полувоенные формирования (обычно финансируемые правительством), части самообороны, наемники и международные контингенты войск. В одной из своих работ автор утверждает: «Типичным новым феноменом сегодня являются вооруженные сети негосударственных и государственных игроков. К ним относятся: полувоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера; военные бароны, контролирующие определенные районы; террористические ячейки, фанатики-добровольцы подобные моджахетдинам; организованные криминальные группы, части регулярных вооруженных сил и других силовых ведомств, а также наемники и частные военные (охранные) компании»[15].

Военные действия приобретают новые формы насилия — такие как систематические убийства «других» («не своих»), насильственные выселения населения в места, непригодные для проживания. Все эти формы насилия являются по своей сути геноцидом. Сама война все более явственно становится геноцидом — массовым уничтожением населения. По оценкам экспертов, 80% жертв современных войн — гражданское население, в то время как 80% жертв войн начала XX века были военнослужащими.

Однако новые формы ведения войны — это, прежде всего, политическая, а не военная угроза. Рушится легитимность региона, что требует вмешательства «космополитических политических сил» в зону конфликта. Как отмечает автор, космополитизм в этом смысле предполагает «совокупность принципов и концепций, увязанных с торжеством закона». «Космополитическими политическими силами» являются как представители национальной политической элиты, отстаивающие принципы гуманизма и гражданской свободы вопреки политике идентификации, так и представители Запада. Целью

[15] Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

этих «космополитов» будет не посредническая миссия между воюющими этно-националистическими силами, а создание системы демократического плюрализма.

По утверждению М. Калдор, в современную эпоху требуется переосмысление той роли, которую Запад играет в зонах конфликтов. Вопрос не стоит в рамках «вмешательство — невмешательство» (гуманитарного или какого-либо иного). В эпоху глобализации бессмысленно рассуждать в категориях «внутри» и «снаружи». Другими словами, понятие «вмешательство во внутренние дела» уже «не работает», требуется переосмысление традиционных общепринятых норм и правил поведения государств на международной арене. В связи с этим, по мнению автора, встает вопрос не о миротворчестве, а о проведении «космополитической полицейской операции», о восстановлении политической легитимности и экономическом восстановлении, а не о гуманитарной помощи, какой бы необходимой она бы ни была.

Мэри Калдор формулирует три характерных черты феномена «новых войн».

Первой и главной их характеристикой является то, что все они имеют политический характер, даже те из них, которые ведутся структурами организованной преступности или которые представляют собой массовое нарушение прав человека (насилие против гражданского населения). Внутренние связи в современном обществе и его структурах достаточно слабы, поэтому «важнейшим связующим механизмом», по словам М. Калдор, является единство исторического прошлого, основанного на этнической или религиозной идентичности.

В условиях современного глобализованного общества важную роль в деле мобилизации населения на активные действия принадлежит электронным средствам массовой информации — прежде всего телевидению и радио. Мэри Калдор предупреждает, что эффект их воздействия на население, особенно в сельской местности, нельзя недооценивать. В отличие

от «опосредованного воздействия» печатных средств информации и пропаганды, радио и телевидение воздействуют на сознание напрямую. Радио и телевидение находятся обычно под государственным контролем, однако негосударственные силы и структуры могут прибегать к аналогичным средствам в форме спутникового теле- и радиовещания, распространения видеокассет, радиовещания из районов страны, находящихся под контролем оппозиции.

Второй важнейшей характеристикой «новых войн» является то, что сама война является формой политической мобилизации населения. Целью «старых войн» между государствами было, говоря словами Клаузевица, «подчинить противника своей воле». Это достигалось военными средствами, мобилизацией экономики и населения на ведение войны. В «новых войнах» целью является мобилизация населения, главные усилия направляются не столько на насилие, сколько на «расширение сети экстремизма». Общая стратегия состоит в «установлении контроля над территорией политическими средствами, а военные средства используются для того, чтобы уничтожить, выслать или заставить замолкнуть тех, кто может помешать этому»[16]. Не случайно, поэтому, воюющие стороны применяют террор, этнические чистки или геноцид в качестве своей преднамеренной военной стратегии.

В «новых войнах» сражения и бои являются редкостью, а насилие направлено против гражданского населения. Нарушения норм гуманности и прав человека являются не побочными эффектами войны, а ее центральным стержнем. Более 90% жертв «новых войн» — это гражданское население, а количество беженцев и перемещенных лиц из года в год растет.

Политическая стратегия участвующих в «новых войнах» сторон, как пишет М. Калдор, состоит в том, чтобы добиться

---

[16] Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

политической власти, сея страх и ненависть, создавая атмосферу террора, устраняя голоса умеренных и уничтожая терпимость. Насилие в самой грубой форме становится вседовлеющим. Мэри Калдор приводит слова анонимного боснийца: «Война должна была стать такой кровавой, потому что раньше мы не испытывали ненависти друг к другу, и мы должны были научиться ненавидеть друг друга».

Третья характеристика «новых войн» в системе взглядов М. Калдор лежит в типе экономики, формируемой этими войнами. Новые формы насилия становятся универсальными для всего мира благодаря «крайним формам глобализации» — мировым процессам, сопровождающимся крахом национальных экономик и неспособностью правительств поддерживать национальные вооруженные силы. Новая «политическая экономия войны», по терминологии Мэри Калдор, в корне отличается от старой, классической модели, когда государство в условиях тотальной войны мобилизовывало свою экономику на увеличение производства. Нынешняя «глобализованная» военная экономика является «демобилизирующей и паразитической». В государствах рушится система налогообложения, новое богатство фактически не создается, разрушена инфраструктура и торговля. Все это создает атмосферу обеспокоенности, препятствует инвестициям, способствует развитию «альтернативных» форм капиталовложения и финансирования. Деньги «добываются» грабежами и разграблениями, незаконной торговлей наркотиками, сигаретами или алкоголем, нелегальной иммиграцией, обложением «налогами» гуманитарной помощи или благодаря поддержке из-за рубежа. Все эти виды экономической деятельности, по словам автора, является «хищническими».

С оценками британской исследовательницы соглашаются многие эксперты. Так, американский футуролог Брюс Стерлинг в своей книге «Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке» так описывает криминально-насильственную реальность современных войн:

«Во время войны НАТО против Сербии начался страшный хаос. Но не среди военных. Вооруженные силы НАТО не понесли потерь, а сербские военные укрылись от бомбардировок и тоже не слишком пострадали. И хотя НАТО щедро бомбардировало вражескую столицу, Белград, вызвав перебои с электричеством, транспортные пробки, проблемы с водоснабжением, хаоса там не было. Во время войны люди, придерживавшиеся самых разных взглядов на национальные вопросы, бежали в Белград, готовые подвергаться бомбардировкам. Потому что бомбардировки НАТО были не так страшны и опасны, как мародеры. Эти люди не были солдатами в форме ни одной государственной армии. Они принадлежат к неформальным подразделениям — полувоенным, легко вооруженным партизанам-бандитам. Эти люди олицетворяют будущее вооруженных конфликтов. Они начинают войну, они захватывают инициативу, они определяют развитие событий. Это они осуществляли этнические чистки, лишившие Косово большей части населения.

Бородатые, потные, появляющиеся внезапно и скорые на расправу, они идут от дома к дому, от улицы к улице, сея повсюду панику и хаос с помощью избиений, поджогов, взрывов и целенаправленных, заранее спланированных грабежей. Под надзором американских космических спутников и высотных бомбардировщиков НАТО эти заросшие щетиной, насквозь проспиртованные и выкрикивающие проклятия головорезы обращают цивилизацию в руины…

Это грабители, уничтожающие свою же нацию и превращающие свои страны в рынки наркотиков и оружия. „Традиционные войны“ стали в наши дни редкими и непродолжительными. А нетрадиционные боевые действия — постоянными и носящими локальный характер. Невообразимые пиршества террора возможны в любом месте, а треск автоматных очередей и периодическое срабатывание взрывных устройств стали уже привычными во всем мире. На этих

войнах погибает гораздо больше людей, чем от тонких технологий Пентагона»[17].

Таким образом, «новые войны» являются важнейшим источником глобализованной неформальной экономики — транснациональной криминальной и полукриминальной экономики, представляющей собой обратную сторону глобализации. Страдает экономика не только непосредственно района военных действий, но и соседних регионов: растут потоки беженцев, торжествует политика национальной идентификации, процветает незаконная торговля. Создается феномен «плохого соседства», когда целые регионы мира становятся неприемлемыми для нормального функционирования экономики и социальной стабильности (Балканы, Кавказ, Африканский Рог, Центральная Африка, Западная Африка, Центральная Азия, Ближний Восток).

В результате, «новые войны» очень трудно вести и крайне трудно завершить. Они распространяются посредством беженцев и перемещенных лиц, посредством криминальных сетей и посредством «вируса экстремизма», который они же распространяют. В «новых войнах» нет четких побед или поражений, так как стороны существуют политически и экономически благодаря постоянному насилию. Войны подтачивают механизм государства, подрывают остатки производственной базы, разрушают систему внутригосударственной безопасности и поощряют разгул преступности.

В целом ряде регионов планеты, где насилие глубоко укоренилось в обществе и сознании людей, создана целая «культура насилия». Ее примерами стали культура джихада в религиозных школах Пакистана и Афганистана. Детей приучают к мысли о самопожертвовании, а убийство возводится в ранг жертвоприношения.

---

[17] Брюс Стерлинг. Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке. Екатеринбург, 2005. С. 46.

Будучи представителем западноевропейской школы политологии, Мэри Калдор настроена достаточно критически к военной политике Вашингтона. В условиях войн новой эпохи, по ее мнению, американская приверженность развитию воздушной мощи не может не вызывать вопросов. Любого эксперта, как говорит М. Калдор, поражает неуместность проведения ковровых бомбардировок в качестве ответа на такие угрозы, как этнические чистки или терроризм, равно как и игнорирование со стороны США роли инспекторов ООН. Претензии Вашингтона на мировое лидерство слишком очевидны, чтобы не быть замеченными даже на Западе.

В своих работах М. Калдор вводит термин «новый американский милитаризм». «Если бы теракт 11 сентября не имел места, — пишет она, — то американский военно-промышленный комплекс должен был бы его выдумать»[18]. С крахом Советского Союза перед Вашингтоном встала задача найти приемлемые доводы и обоснования своим военным программам, и международный терроризм «помог» в этом. «Асимметричные угрозы» были объявлены главными угрозами безопасности США.

Наряду с «новым американским милитаризмом» Мэри Калдор формулирует понятие «нео-современного милитаризма», под которым она понимает эволюцию классических вооруженных сил крупных переходных государств — России, Индии и Китая. В какой-то степени к этой категории, по мнению автора, можно отнести Израиль. Эти страны проходят трансформацию от централизованной экономики к более открытой рыночно-ориентированной системе. «Они не так сильны, чтобы создавать угрозу США, — отмечает М. Калдор, — однако тяготеют к принятию экстремальных идеологий, напоминающих идеологию „новых войн“ — в частности русский или индуистский шовинизм»[19].

---

[18] Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

[19] Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

С «нео-современным милитаризмом» ассоциируются ограниченные внутригосударственные или противоповстанческие войны. Эти государства придерживаются классической модели войны по Клаузевицу и прибегают к противоповстанческой борьбе для разгрома экстремистских сетей в Чечне или Кашмире. Эти государства, в отличие от США, готовы к риску больших потерь, а в случае с Чечней — даже к чрезвычайно большим потерям.

«Государства, находящиеся в состоянии нео-современного милитаризма, — делает вывод М. Калдор, — находятся по-прежнему в иллюзии, что они могут достичь военной победы. Последствия этого состоят или в самоограничениях, как это имеет место во внутригосударственных конфликтах, или в обострении „новых войн“, как это имеет место в Кашмире, Чечне или Палестине, где противоповстанческие действия приводят лишь к политической поляризации состояния страха и ненависти. Другими словами, использование военной силы, возможность „подчинить противника своей воле“ — вопросы, остающиеся до сих пор открытыми»[20].

Исследование феномена так называемых «новых войн» М. Калдор продолжает и сегодня. Прошедшие годы, по ее утверждению, полностью подтвердили правильность сделанных ею ровно 15 лет назад выводов и обобщений, хотя не все западные эксперты разделяют ее взгляды. В марте 2013 г. М. Калдор в очередной раз выступила с изложением своей концепции в авторитетном английском издании «Stability», не случаен и выбранный ею заголовок: «В защиту (концепции) новых войн»[21].

М. Калдор в своем исследовании выделяет четыре сферы отличий между традиционными (классическими) войнами (по-Клаузевицу) и «новыми войнами».

---

[20] Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

[21] Kaldor M. In Defence of New Wars// Stability: International Journal of Security and Development, March 2013. P. 1–16.

Первая сфера — участники военного конфликта. «Старые войны велись регулярными вооруженными силами государств, — пишет британская исследовательница. — Новые войны ведутся разнообразными комбинациями сетей, включающих государственных и негосударственных акторов — регулярные вооруженные силы, частные охранные компании, наемники, джихадисты, «военные бароны», полувоенные формирования и т. д.»

Вторая сфера — цели ведения военных конфликтов. М. Калдор отмечает: «Старые войны велись за геополитические интересы или за идеологию (демократия или социализм). Новые войны ведутся во имя идентичности (этнической, религиозной или племенной)». В рамках этой парадигмы «новые войны» ведутся за обеспечение доступа к государственной власти определенных групп населения или элит (как местных, так и транснациональных), в отличие от старых войн, которые велись за некие политические идеи. В результате, по утверждению автора, «политическая мобилизация вокруг идентичности становится целью войны, а не инструментом войны, как то, что было в эпоху старых войн».

Третья сфера названа М. Калдор методами ведения конфликта: «В старых войнах битвы выигрывались в ходе решающего сражения. Метод ведения войны заключался в захвате территории военными средствами. В новых войнах битвы вообще редкое явление, а территории захватываются посредством политических средств, через установление контроля над населением». В связи с этим, как отмечает автор, стандартным методом ведения «новых войн» становится насильственное выселение из мест постоянного проживания «жителей другой идентичности или с другими взглядами». В этих условиях насилие применяется не столько против реального военного противника, т. е. группировок войск противника, сколько против местного гражданского населения страны для установления контроля над определенным районом или регионом.

И, наконец, четвертая сфера отличий войн старого и нового типов — формы финансирования. В прошлом войны финансировались государствами. В современных войнах, которые ведутся «слабыми» («несостоявшимися», «ущербными») государствами, в которых принимает участие большое количество негосударственных акторов, источниками финансирования военных конфликтов и внутренних беспорядков становятся грабежи и мародерство, разворовывание гуманитарной помощи, поддержка со стороны диаспор, наркотрафик, контрабанда нефтепродуктов, алмазов, похищение людей и т. д. По словам М. Калдор, «новые войны являются частью открытой, глобализированной, децентрализованной экономики, степень (государственного) участия в которой низкая, а доходы зависят от степени насилия».

Рассматривая более детально суть различий между старыми и «новыми» войнами, М. Калдор указывает, что в прошлом стороны шли на максимальное напряжение своих сил и возможностей во имя победы в войне. Теперь же «новые войны» отличаются «размытым» характером, большей длительностью и постоянными рецидивами насилия, при этом стороны стремятся не к победе, а к получению политических и экономических выгод от самого насилия. «В то время, как стары войны ассоциировались с государственным строительством, — пишет М. Калдор, — новые войны тяготеют к разрушению государства». Кстати, в этом ключе не случайным является то внимание, которое уделяется в передовых армиях мира миротворческим операциям, операциям по государственному строительству или операциям по стабилизации, которые как раз и предусматривают подготовку и проведение мероприятий по комплексным проблемам государственного строительства. Регулярные вооруженные силы неизбежно тяготеют к «правильным» (по терминологии М. Калдор — «старым») войнам.

Среди тех причин, которые вызвали появление так называемых «новых войн», британская исследовательница выделяет

глобализацию и развитие технологий. По ее мнению, огромная разрушительная мощь современных военных технологий сделала войну — симметричную войну — чрезвычайно кровопролитной, лишила ее перспектив победы, а потому сделала бесперспективной.

Кроме того, новые технологии коммуникации (информационные технологии, телевидение и радио, дешевое воздушное сообщение) серьезно меняют контекст и характер военных конфликтов. Даже в ограниченных локальных конфликтах активную роль играют трансграничные криминальные сети, сети диаспоры, международные и неправительственные организации, средства массовой информации. Эти технологии позволяют более эффективно сеять страх и панику, что особенно важно для террористов.

В целом, в передовых в экономическом отношении государствах Запада самое серьезное внимание уделяется проблемам определения сущности, содержания и характера войны. Исследования и разработки в этой области ведутся с учетом мирового исторического опыта и осмысления военных реальностей войн последних десятилетий. Характерной особенностью этой деятельности является широкое привлечение научного и творческого потенциала независимого экспертного сообщества. Взгляды и концепции отдельных исследователей, общепризнанных «гуру» в сфере военной истории и теории органично включаются в действующие в вооруженных силах США и других западных государств уставы, наставления, рекомендации, указания.

В частности, в одном из основополагающих документов Комитета начальников штабов ВС США JP 1 «Доктрина Вооруженных сил США» от 2013 года указывается: «Война является социально санкционированным актом насилия для достижения политической цели.

Война может явиться результатом краха попыток государств разрешить свои противоречия дипломатическим путем.

Метод ведения военных действий продолжает изменяться и трансформироваться под воздействием общества, дипломатии, политики и технологий. Вооруженные силы США признают две основных формы ведения военных действий — традиционную войну и иррегулярную войну. Эти две формы ведения военных действий применимы не в смысле «или — или», а в различных комбинациях, удовлетворяющих типу стратегии и возможностям.

Полезной дихотомией для размышления о войне является разделение ее на традиционную и иррегулярную.

Традиционная война характеризуется как ожесточенная борьба за доминирование между нациями-государствами или союзами и коалициями наций-государств…

Иррегулярная война характеризуется как ожесточенная борьба между государством и негосударственными акторами за свою легитимность и влияние на определенную часть населения…»[22].

Такой подход, на наш взгляд, является достаточно продуктивным при изучении теоретических и практических аспектов сущности и характера военного конфликта. В нашей работе мы придерживаемся этого подхода, подразделяя военные конфликты на два больших типа: «традиционные» и «нетрадиционные» (иррегулярные) войны и вооруженные конфликты.

Взгляды профессионального военного экспертного сообщества США на «нетрадиционные» войны

В октябре 1989 года в специализированном печатном органе «Газета морской пехоты» была опубликована статья «Изменяющееся лицо войны: на пути к новому поколению войны»[23].

---

[22] Joint Publication 1. Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. P. I-3.

[23] William S. Lind, Colonel Keith Nightengale (USA), Captain John F. Schmitt (USMC), Colonel Joseph W. Sutton (USA), and Lieutenant Colonel Gary I. Wilson (USMCR). The Changing Face of War: Into the Fourth Generation// Marine Corps Gazette. October 1989. P. 22–26.

Авторами статьи были У. Линд, полковник армии США К. Найтингэйл, капитан морской пехоты Дж. Шмитт, полковник армии США Дж. Саттон и подполковник морской пехоты (в резерве) Г. Уилсон. Эта статья знаменовала собой появление нового термина — «война четвертого поколения» — «4GW»[24].

Авторы пишут, что главной задачей вооруженных сил в мирное время является наиболее эффективная подготовка к новой войне. Однако для того, чтобы добиться этого, необходимо понимать, какова будет следующая война. В этом то и состоит самая большая сложность.

Авторы схематично проанализировали военную историю мировой цивилизации с 1648 года, когда Договор в Вестфалии положил конец религиозным войнам и на арену мировой политики вышли государства-актеры. По их мнению, первое поколение войн составили классические войны между государствами, достигшие своей кульминации в эпоху наполеоновских войн. Ко второму поколению войн они отнесли войны на истощение индустриальной эпохи (от гражданской войны в США до первой мировой войны). Третьим поколением войн стала маневренная война, основанная на тактике просачивания, блицкриге и других принципах, появившихся после первой мировой войны.

В результате, как считают авторы из «Газеты морской пехоты», предыдущие 70 лет представляют собой эпоху, которая характеризуется ведением войн третьего поколения.

А если это так, то тогда в полный рост встает «центральный вопрос» — не пришло ли уже время для появления новой войны — войны четвертого поколения. «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, — считают американские военные специалисты, — получит решающее преимущество. И наоборот, та

[24] Аббревиатура «4GW» расшифровывается как «The 4th Generation Warfare», что в переводе на русский язык и означает «Война четвертого поколения».

нация, которая будет медлительна к адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение».

Авторы в своей статье не дали целостную систематизированную концепцию войны четвертого поколения, однако некоторые наиболее важные черты ее они сформулировали достаточно четко.

Военная составляющая войны четвертого поколения. Поле боя для войны четвертого поколения — все общество противника целиком.

Понятие стратегического тыла как такового перестает существовать.

Новую войну будут вести небольшие подразделения и даже группы комбатантов.

Зависимость боевых подразделений от тылового обеспечения будет крайне незначительной. Комбатантам придется вести военные действия, полагаясь, в основном, на свои силы и подручные ресурсы.

Резко возрастет значимость маневренности.

Массирование живой силы и огня утратит свое значение и даже, более того, может стать недостатком. Концентрация живой силы в одном месте создаст отличную цель для поражения противником.

Целью войны станет «сокрушение противника внутренне», а не физическое уничтожение его. Военные усилия будут направлены на такие цели, как подрыв морального духа населения противника и разрушение его культурной среды обитания. При этом чрезвычайно важным станет правильное определение «стратегических центров тяжести» противника.

По сути дела, приходят к выводу американские авторы, различие между войной и миром будет расплывчатым, если вообще будет. Исчезнут различия между понятиями «военные» и «гражданские». Важные военные объекты, как то аэродромы, узлы связи, штабы, равно как и их «граждан-

ские» аналоги — правительственные сооружения, заводы, промышленные объекты — станут редкими явлениями ввиду их уязвимости.

Технологическая составляющая войны четвертого поколения. Важным аспектом войны четвертого поколения явится развитие новых технологий. По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», «технологически возможно, чтобы несколько солдат обладали той же боевой эффективностью, что и современная бригада».

Робототехника, аппараты дистанционного управления, новые средства связи и искусственный интеллект могут коренным образом изменить тактику ведения военных действий. В то же время, новая технология несет с собой и недостатки — появляются новые уязвимые места, которые ранее отсутствовали.

Военные действия будущего будут представлять собой действия небольших групп высокопрофессиональных солдат, оснащенных самыми современными техническими средствами. Продвигаясь в поисках ключевых по важности целей, они могут покрывать огромные расстояния. Целями для таких групп будут скорее объекты гражданского сектора, чем военного.

Понятия фронта и тыла в войне будущего будут отсутствовать. Им на смену придут понятия «объект — цель» и «объект — не цель». Естественно, что эти изменения затронут всю организационно-штатную структуру видов и родов войск вооруженных сил. Боевые части будут обладать разведывательными и ударными функциями. Понятие тактики и стратегии смешается по мере того, как боевыми целями станут объекты политической инфраструктуры и всего общества противника в целом. Понятие наступления и обороны также станут рудиментными. Обороной будет являться наиболее эффективное сохранение частью своих боевых возможностей.

Одной из самых сложных задач для командиров всех степеней станет выбор целей на условном поле боя, при этом основ-

ными критериями будет политическая и культурная значимость целей, а не их сугубо военное значение.

Огромной трудностью для действий командиров станут информационные перегрузки, которые будут затруднять оперативное и стратегическое целеполагание.

В условиях войны четвертого поколения психологические операции приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. Главной целью этих операций будет гражданское население, поддерживающее свое правительство в войне. «Телевизионные новости, — подчеркивают авторы статьи, — могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии».

Война четвертого поколения в эпоху высоких технологий несет с собой семена ядерного разрушения. Сторона, оснащенная ядерным оружием, может оказаться в ситуации, когда она будет неспособна вести обычные военные действия. Более того, разрушение или нарушение промышленного потенциала, политической инфраструктуры и социальной структуры общества на каком-то этапе могут привести к эскалации конфликта и перерастанию его в ядерный.

Идеологическая составляющая войны четвертого поколения. По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», при анализе войн четвертого поколения необходимо четко понимать ее возможные идеологические и политические корни. В прошлые эпохи сила Запада заключалась в более современных технологиях, что на протяжении многих веков обеспечивало доминирование Запада в мире. Теперь же, как пишут американские авторы, «Запад более не доминирует в мире». Война четвертого поколения может родиться в рамках не-Западной культурной традиции, в частности — в исламе или азиатских традициях. Тот факт, что некоторые не-Западные регионы, такие как исламский мир, не столь сильны в технологиях, может подвигнуть их развить сущность войн четвертого поколения через посредство идеологии, а не технологии.

Формой такой войны четвертого поколения, возникшей на основе идеологии, является терроризм. Сам по себе терроризм, как отмечают американские специалисты, не является войной четвертого поколения, однако некоторые его элементы и проявления сегодня несут черты будущих войн. К числу таких черт относятся широкое определение «поле боя» — всего общества в целом; маневренность; действия в малых группах; удары по критическим объектам-целям и т. д. «Сейчас, — пишут авторы статьи, — США тратят по 500 млн долларов за каждый бомбардировщик „Стэлс“. „Стэлсом“ для террористов является автомобиль с бомбой в багажнике — обычный автомобиль, как и все остальные».

Октябрьская 1989 года статья в специализированном военном издании вооруженных сил США была с восторгом воспринята военно-научной общественностью США. Взгляды авторов впоследствии были развиты и дополнены их коллегами. По сути дела, октябрьская 1989 года статья в «Газете морской пехоты» стала своеобразным манифестом целого направления американской военно-теоретической школы, сосредоточившей свое внимание на сущности войн новой эпохи. По прогнозам военных ученых, война четвертого поколения, являющаяся по своей сути «асимметричным» конфликтом, доведенным до крайности, будет именно тем, с чем американским военным придется столкнуться в будущем.

Свои определения понятию «война четвертого поколения» дают многие военные специалисты. Полковник ВВС США в отставке Честер Ричардс образно сформулировал понятие войны четвертого поколения: «Грубо говоря, война четвертого поколения включает в себя все формы конфликтов, когда оппонент отказывается вставать и сражаться честно. Она отличается от войн предыдущих поколений тем, что, по крайней мере, одна из сторон является чем-то иным, нежели военной силой, организованной и действующей под контролем национального правительства». Ч. Ричардс охарактеризовал войну четвертого

поколения как «любые способы борьбы с вооруженными силами США, кроме противостояния им непосредственно в боевых столкновениях»[25].

Другим апологетом теории 4GW стал подполковник корпуса морской пехоты Томас Хэймс. В сентябре 1994 года в «Газете морской пехоты» США была опубликована его статья «Эволюция войны: четвертое поколение»[26].

Явной заслугой автора можно считать его утверждение, что война четвертого поколения формируется в результате воздействия многих факторов, прежде всего политических, экономических и социальных изменений в обществе. Изменения в сфере технологии, безусловно, важны, однако играют в этом смысле далеко не ведущую роль.

По утверждению Т. Хэймса, «война четвертого поколения уже пришла». «В стратегическом смысле, она направлена на изменение сознания политического руководства противника, — утверждает автор. — Это изменение не может быть достигнуто в результате традиционного метода обеспечения превосходства на поле боя. Скорее оно достигается в результате превосходства в использовании всех сетей (взаимосвязей), присущих обществу в информационную эпоху.

В тактическом отношении, война четвертого поколения будет характеризоваться следующими положениями:

— сложная ситуация конфликта низкой интенсивности;
— использование тактики войн предыдущих поколений;
— будет вестись во всем спектре политических, социальных, экономических и военных сетей (взаимосвязей);
— будет вестись во всемирном масштабе через границы всех сетей (взаимосвязей);
— будет иметь национальных, международных, транснациональных и субнациональных акторов.

---

25 Defense and National Interest site: http://www.d-n-i.net

26 Marine Corps Gazette, September 1994.

Особую роль в войне четвертого поколения будет играть совершенная система разведки, призванная обеспечить военно-политическое руководство и вооруженные силы всей необходимой информацией.

Вместе с тем, как пишет Т. Хэймс, в будущем вовсе не все конфликты будут принимать форму войны четвертого поколения. Возможные конфликты будут принимать различные формы, которые будут, скорее, комбинацией характеристик войн всех четырех поколений.

В октябре 2001 года, буквально через месяц после трагических событий в США, два авторитетных военных специалиста министерства обороны США Хэролд Гоулд и Франклин Спинни опубликовали статью под броским заголовком «Война четвертого поколения уже здесь»[27]. Авторы начали свое изложение с яркой метафоры: «Изменяющая природа войны уже вошла в вашу жилую комнату. Террористические акты в отношении башен-близнецов и Пентагона свидетельствуют, что если террористы являются истинными верующими, стремящимися совершить акт самоубийства во имя своего дела, то скрыться от них уже негде. Объявив войну террористической сети Аль Кайеда — наднациональным глобальным феноменом — Америка и вся система наций-государств формально признали, что они вступили в новую эпоху».

Развивая эту мысль далее, Х. Гоулд и Ф. Спинни отмечают: «4GW является оружием слабых, угнетенных, криминальных сил и фанатиков. Ее корни лежат в теории партизанской войны, ленинской теории восстания и обычном терроризме… Она позволяет политически слабым обойти возможности государства защитить себя, используя обычные военные средства».

По утверждению авторов статьи, никакие традиционные меры по противодействию террористам не способны предотвратить акты террора со стороны тех, кто своей целью поставил

[27] Defense Week, October 15, 2001.

их свершить: выделить террориста в толпе людей просто невозможно. Именно в этом смысле понятия войны и мира сливаются, грань между ними размывается, и уже невозможно уверенно сказать, живем ли мы в состоянии мира или новой формы войны — войны четвертого поколения.

В октябре 2003 года подполковник американской армии в отставке Грег Вилкокс выступил со статьей «Война четвертого поколения и моральный императив»[28], в которой он сделал вывод, что обстановка в мире коренным образом изменилась после теракта против США 11 сентября 2001 года. Американское население, отмечает автор, наконец-то поняло, что «оно находится в состоянии войны, причем той войны, которую оно менее всего понимает».

Подполковник Вилкокс считает, что современная революция в военном деле, о которой так много говорится в американских военно-теоретических публикациях, отражает лишь технологические аспекты войны будущего, но не позволяет США реагировать на те угрозы, с которыми им приходится сталкиваться в условиях объявленной глобальной войны с терроризмом. «Нынешняя война ведется автоматами АК-47 и гранатометами РПГ на коротких дистанциях, причем противник не носит военной униформы. Дистанционно управляемые мины и смертники со взрывчаткой так же, если не более, опасны для мирного населения, как и солдаты», — утверждает автор.

Анализируя сущность войны четвертого поколения, Вилкокс приводит ее некоторые характерные черты:

— глобальный, а не региональный характер угрозы;
— аморфные ячеистые структуры, состоящие из самогенерирующихся групп действия;
— сильные религиозные, моральные и/или этнические убеждения групп действия;

[28] Wilcox, Greg. Fourth Generation Warfare and the Moral Imperative. 2 October 2003.

— легко уязвимые открытые общества с еще более уязвимыми экономическими целями-объектами;
— государственная поддержка или поддержка со стороны террористических сил (финансирование, инфраструктура, убежища);
— широкое использование группами действия возможностей СМИ для воздействия на общественное мнение и привлечение новых сторонников;
— террор в арсенале средств;
— доступ к самым современным системам вооружений, имеющимся на мировом рынке.

В целом, как считает подполковник Вилкокс, война четвертого поколения имеет много общего с амебой: «Она аморфна, легко приспосабливается и так же легко трансформируется. Сегодня это может быть террористическая группа, а завтра — партизанский отряд. Аль-Каеда, например, стремится добавить к своим возможностям химические, биологические и ядерные возможности. Кое-кто из нас может быть доживет до того момента, когда это станет реальностью. И тогда воины войны четвертого поколения будут способны действовать в комфортных для западных армий рамках обычной войны, но их целями будут вовсе не эти армии. Целями будут гражданское население, инфраструктура, политические и социальные системы и вообще все слабые места».

Целью действий воина войны четвертого поколения, как подчеркивает американский эксперт, является нанесение противнику как можно более ощутимого ущерба в живой силе и материальных средствах, чтобы деморализовать его, лишить его уверенности в победе.

Ответ США на войну четвертого поколения, как утверждает Вилкокс, должен быть адекватным. Американские вооруженные силы, по словам эксперта, слишком много надежд возлагают на технику и технологию. Самое

современное вооружение дает американским солдатам ощущение своей непобедимости. Однако в борьбе с «аморфным» противником истребитель или атомная подводная лодка неадекватны, они просто не нужны.

Роль и место сухопутных войск, которые в прошлом часто принижались в США, в условиях войны нового типа неизмеримо возрастают. Как считает автор, принципиально важным становится дислоцирование во всех уголках земного шара для быстрого реагирования на возможные акции войны четвертого поколения непосредственно там, где живут лица, их осуществляющие. Это неизбежно требует коренного пересмотра приоритетов военно-политического планирования США.

По мнению отставного армейского подполковника, структура и подготовка сухопутных войск США не соответствуют реальным угрозам и вызовам. В частности, операция 2003 года в Ираке показала, что танкисты и артиллеристы вынуждены часто вести бои в спешенном порядке как простые пехотинцы, хотя для этого они не имели ни соответствующей подготовки, ни практики. Вилкокс сравнил сложившееся положение с Гулливером, которого связали лилипуты.

Наиболее подготовленными к ведению войны с противником в условиях войны четвертого поколения являются силы специальных операций. Именно спецназ способен вести эффективные действия против асимметричного противника, в том числе против террористов.

Война четвертого поколения требует от командиров и начальников отхода от традиционного военного мышления. Военные действия в войнах прошлых эпох ведутся в устоявшейся системе координат — есть противник, линия фронта и тыл. «Поле боя для современного воина войны четвертого поколения, — отмечает Г. Вилкокс, — аморфно и изменчиво; он легко переходит от убийства к примене-

нию оружия массового поражения, действиям по принципу «ударил-беги», использованию автомобилей, начиненных взрывчаткой. 4GW является войной высокой интенсивности, потому что она затрагивает всех и каждого».

В итоге американский эксперт делает вывод: «4GW уже наступила, так как наши противники научились бороться с регулярными вооруженными силами, предназначенными для ведения войн второго и третьего поколений, но совершенно не приспособленными к борьбе с противником войны четвертого поколения. Мы можем рассчитывать на то, что этот тип войны нам придется вести еще многие годы. Все наши новые боевые машины «Страйкер» и истребители F-22 мало помогут в достижении победы в этой войне. Мы должны достичь победы в самом «сердце» войны четвертого поколения — в моральной войне, а это потребует много большего, чем только солдат».

Война против терроризма является прежде всего войной идей. Именно поэтому необходимо обладать наиболее полной и адекватной информацией о противнике — о его культуре и традициях, образовании и воспитании, взаимоотношениях и намерениях. «В нынешней войне фактор ориентации является ключевым к достижению успеха. Оппонент, который понимает своего врага лучше, имеет преимущества в войне идей. Хо Ши Мин понимал Америку лучше, чем мы понимали его, — признает Вилкокс. — Если верить тому, что нам рассказывают, Осама бен Ладен понимает нас намного лучше, чем мы понимаем его».

Аль-Каеда в своей деятельности делает упор не на физические аспекты борьбы, а на ментальные, прежде всего на психологические операции и дезинформацию. Но еще более серьезное внимание, по мнению автора, террористическая сеть Аль-Каеда уделяет моральным аспектам борьбы. В войне четвертого поколения, которую ведет Аль-Каеда, асимметрия очевидна. Многое, что является моральным

для Аль-Каеды, для США — аморально, и наоборот. Как пишет Вилкокс, для террористов, действующих в соответствии с нормами исламских фанатиков, было нормальным перерезать горло журналисту Дэниэлу Перлу перед камерой и послать эту видеопленку в телекомпанию «Аль Джазира». Однако для американцев является ненормальным использовать пытки в качестве средства получения информации от пленных террористов Аль-Каеды. Для них важным является быть выше противника в моральном отношении.

Подполковник Вилкокс, анализируя эти проблемы, приходит к выводу: «В то же время, многие американские свободы, которые являются естественными и очевидными, затрагивают религиозные чувства многих мусульман. Их оскорбляет даже стиль западной одежды. Но разве является это достаточным основанием для убийства американцев? Многим американцам трудно поверить, но это разрешается и даже требуется сделать в соответствии с жесткой интерпретацией ваххабизма, который рассматривает такой акт в качестве легитимной защиты ислама, находящегося под моральным ударом Запада. Возможно, именно эта нетерпимость лежит в основании их стремления убивать американцев».

В борьбе с терроризмом абсолютно важным, по мнению Г. Вилкокса, является моральное превосходство над противником. Он пишет: «Если мы хотим разгромить противника в нынешней войне против терроризма, мы должны сосредоточиться на ее моральной сущности — на правоте нашего дела. Мы должны убедить несколько «аудиторий» в нашей моральной правоте и добиться их сочувствия нашему курсу». Под «аудиториями», которые прямо или косвенно участвуют в войне четвертого поколения, автор понимает: свои силы, свое население, силы союзников, мировое общественное мнение, силы противника, руководство противника, население противника. В борьбе с терроризмом крайне важна поддержка первых четырех «аудиторий».

Пока свои войска не убеждены в полной правоте своего дела, вряд ли можно достичь победы в моральной войне, особенно в моральной войне четвертого поколения. В моральной правоте американского курса должно быть убеждено и население страны. Любые «проколы» в этом смысле чреваты потерей морального превосходства над противником.

В заключение своего анализа объявленной в США войны против терроризма как формы войны четвертого поколения Г. Вилкокс приходит к выводу о необходимости принятия соответствующих ответных мер. Прежде всего, по его словам, эта война не может вестись только регулярными войсками. Необходимы усилия экспертов разных специальностей, всех уровней и ведомств. Необходима «полная мобилизация Америки для ведения этой войны». В борьбе с террористами войска специального назначения должны как можно скорее полностью сменить регулярные сухопутные войска: в условиях постконфликтного урегулирования обычные войска могут не столько помочь, сколько навредить.

В борьбе с терроризмом необходимо особое внимание уделить разведке, прежде всего агентурной. Необходимо проникать в террористические сети противника, знать его планы и намерения, анализировать и предвидеть его возможные действия и акции.

Параллельно с этим в противодействии терроризму следует больше внимания уделять контрразведке. Распространение радикального ислама в самих США, по мнению Вилкокса, чревато проникновением террористов внутрь страны, где уже выросло свое поколение воинов войны четвертого поколения. В результате, как считает американский эксперт, нельзя сбрасывать со счетов угрозу разрушения американского государства изнутри.

Вариантами концепции войны четвертого поколения, разработанной специалистами морской пехоты США, являются теории так называемых «нетрадиционных» войн, под которыми в сухопутных войсках США понимаются столкновения регулярных

вооруженных сил государства с иррегулярными формированиями, организациями, бандами, отрядами, не признающими никакие нормы и правила ведения военных действий.

Самая большая сложность при анализе этого типа войн заключается в том, что понятие противника «размывается», исчезает и без того тонкая грань между комбатантом и некомбатантом. Основными формами борьбы противника будут террористические акты, диверсии, провокации и т. д. Бороться с таким «неоформленным» противником в соответствии с классическими принципами военного искусства просто невозможно. Традиционные тяжелые средства поражения (артиллерия, танки, авиация и т. д.) зачастую просто бесполезны и не могут быть использованы в «нетрадиционных» войнах.

Одним из авторитетных идеологов «нетрадиционных» войн является подполковник военной разведки в отставке Ральф Питерс, который в своих многочисленных публикациях на протяжении последних 20 лет затрагивает различные стороны и аспекты «нетрадиционных» войн будущего. В частности, он считает, что «будущие войны будут вестись в основном в городских условиях. Тенденция урбанизации населения Земли ведет к тому, что военные столкновения будут происходить именно в урбанизированной местности, на территории промышленных районов и объектов, в городских парках и на узких улицах городов, в небоскребах и жилых домах, в метро и подземных коммуникациях»[29].

По мнению американских специалистов, навязывание боя в городских условиях будет использоваться противником как фактор нейтрализации военно-технического превосходства США. Принципы и приемы ведения боевых действий в городских условиях отличаются от «нормальных». Противник будет ставить под угрозу жизнь мирного населения, провоцировать американские войска применить оружие против мирных

[29] Peters, Ralph. Our Soldiers, Their Cities// Parameters. Spring 1996.

граждан, деморализуя «цивилизованных» американских солдат. В связи с этим Р. Гленн из корпорации РЭНД задается вопросом: «Как реагировать, если противник стреляет из-за спины ребенка, укрываясь им как живым щитом?»

Развитием теории военных конфликтов занимаются в США множество организаций и учреждений. Среди них — Институт стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск США. Весной 2000 года сотрудник Института профессор Стивен Мец опубликовал серьезное исследование «Вооруженный конфликт в XXI столетии: информационная революция и пост-современная война»[30].

Анализируя существующие в США взгляды и концепции на будущие войны, С. Мец делает вывод, что военный конфликт «в начале XXI века, скорее всего, будет представлять собой комбинацию трех моделей войны: формальной, неформальной и войны серой зоны»[31].

Формальной войной считается столкновение вооруженных сил одного государства против вооруженных сил другого государства. Такого рода войны, по крайней мере еще несколько десятилетий XXI века, будут главной стратегически важной формой вооруженного конфликта в мире. По официальным взглядам военно-политического руководства США, как утверждает С. Мец, «война XXI столетия будет зеркальным отражением войн XX века с применением новых технологий, которые позволят будущим генералам и солдатам совершать то, о чем в прошлом военные могли только мечтать». Вооруженные силы США наиболее подготовлены к ведению формальных войн, именно для этого вооруженные силы и создавались.

---

30 Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000.

31 Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 27.

В мире в настоящее время нет противника, который мог бы противостоять на равных военной мощи США. Возможные формальные вооруженные столкновения будущего, в связи с этим, будут асимметричными. Противник, не обладая технологическими возможностями военной машины США, будет искать ее наиболее уязвимые места, создавать невыгодные для американских войск условия, в надежде нейтрализовать американские преимущества. Примером такого асимметричного ответа противника, как считает С. Мец, может явиться бой в городской местности.

Неформальные войны представляют собой вооруженные конфликты. В которых по крайней одна из сторон является негосударственным образованием, подобным повстанческой армии или этнической милиции. По своей сути, это — развитие концепции конфликтов низкой интенсивности, популярной в 80-е годы XX века. Стивен Мец характеризует это явление следующим образом: «Сегодня, как и в будущем, неформальная война будет подвержена влиянию целого ряда факторов: этничности, расы, регионализма, экономики, личности лидеров, идеологии. Амбициозные и бессовестные лидеры могут использовать этнические, расовые и религиозные факторы для того, чтобы добиться поддержки своего стремления к личной власти. Целями в неформальной войне могут выступать стремление к автономии, сепаратизм, стремление к полному контролю над государством, изменение политики, установление контроля над ресурсами или стремление к „справедливости“ в том смысле, который вкладывается в это понятие использующей силу стороной»[32].

Природа неформальных войн, по мнению профессора С. Меца, заключена в тех социально-экономических и политических изменениях, которые происходят сегодня в мире. Устойчивой тенденцией мирового развития стало распространение культа

[32] Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 48.

силы и жестокости. Целые страны и регионы находятся под контролем «абсолютно жестокой власти повстанцев и партизан». Более того, жестокость для целых поколений молодых людей стала нормой поведения и нормой жизни. По словам эксперта по проблемам беженцев Дэбби Стотхард, «это — люди, которые не имели доступа к хорошему образованию и для которых жестокость является стилем жизни… Им никогда и в голову не приходило, что осаждать госпиталь — неправильно. Они никогда не жили в мире, где задержание кого бы то ни было силой является неприемлемым. Они будто прибыли с другой планеты…».

В условиях, когда роль и эффективность государства ослабляются, неформальные войны становятся широко распространенным явлением. В государствах третьего мира, где очень часто государственный механизм крайне слаб и неэффективен, существуют целые районы, которые просто не контролируются национальными правительствами. Легкий доступ к оружию на мировом рынке вооружений, особенно к легким и дешевым его видам (стрелковому оружию, минам и взрывным устройствам) «подпитывает» внутригосударственные и межгосударственные вооруженные конфликты, делая их все более кровавыми и непримиримыми.

Источники финансирования повстанцев и внутригосударственных оппозиционных сил могут быть различными — легальными и нелегальными. Среди них: грабежи, ограбления, воровство, контрабанда, торговля «живым товаром», торговля наркотиками, кибер-преступления. Финансирование обеспечивает повстанцам не только возможность закупки вооружений, но и позволяет им организовывать эффективную разведывательную службу и добиваться информационного превосходства. Это делает борьбу с повстанцами нового поколения достаточно сложной.

Неформальные войны становятся не только более распространенным явлением, но и все более значимым в стратегическом смысле. В условиях глобализации и информационной

революции повстанцы и партизаны имеют возможность общаться друг с другом, учиться друг у друга и оказывать взаимную поддержку. Интернет предоставляет им для этого уникальные возможности. Специалисты корпорации РЭНД, в связи с этим, употребляют даже термин «социальная сете-война».

Боевые действия в ходе неформальной войны, как считает С. Мец, будут, скорее всего, вестись в городах или густо населенных сельских районах. Воины-боевики будут рассредоточены среди мирного населения, прикрываясь им как живым щитом. В некоторых случаях следует ожидать искусственного «замораживания» ситуаций, связанных с беженцами, для привлечения внимания международной общественности.

В целой гамме отличий между формальной и неформальной войнами Стивен Мец особо выделяет одну черту — «страсть», то есть морально-психологический фактор. По словам американского эксперта, «неформальная война останется грязной и кровопролитной, движимой более ненавистью, чем разумом».

Неформальные войны могут быть симметричными и асимметричными. К симметричным Стивен Мец относит вооруженные столкновения между негосударственными субъектами — повстанцами, бандитскими формированиями, «армиями» так называемых «военных баронов». Асимметричные войны будут вестись национальными вооруженными силами (иногда с зарубежной военной помощью) против вооруженных формирований повстанцев внутри страны.

Для вооруженных сил США именно асимметричная война в форме помощи национальным вооруженным силам других государств будет наиболее вероятной. Военная помощь Вашингтона в форме прямого военного вмешательства может оказываться дружественным режимам, а также осуществляться в рамках международной миротворческой и/или гуманитарной операции, или в форме прямой военной интервенции.

Борьба с повстанцами в асимметричной неформальной войне, как утверждается в работе профессора С. Меца, сложная

проблема — как на концептуально-теоретическом, так и на практическом уровнях. От военных требуется переосмысление и переоценка вызовов и угроз, равно как и способов их сдерживания и нейтрализации. Перспективными направлениями деятельности по подготовке вооруженных сил к такого рода конфликтам являются создание несмертельного оружия, разработки новых нетрадиционных подходов к ведению боевых действий, совершенствование разведки и информационных технологий.

Неформальные войны ближайшего будущего будут иметь много общего со своими аналогами прошлого. По-прежнему главными их жертвами будут мирные жители. Обе стороны в такого рода конфликте будут предпринимать все меры для борьбы друг с другом, воздействуя на слабые места оппонента.

Формальные и неформальные войны не исчерпывают всего спектра военных конфликтов современности. С окончанием холодной войны военные аналитики столкнулись с появлением новых угроз и вызовов безопасности как на региональных, так и на глобальном уровнях. Одной из таких угроз стал, по терминологии Макса Мэнуоринга, «феномен серой зоны»[33], т. е. комбинация войны и военных действий с организованной преступностью. Профессор Стивен Мец подробно проанализировал этот феномен и пришел к выводу, что «война серой зоны» не является чем-то новым для вооруженных сил. Вооруженные силы разных стран имеют богатый опыт ведения операций против пиратов, шаек бандитов и разбойников. Защищая государство от внешних врагов, вооруженные силы в мирные периоды привлекались к решению задач по поддержанию внутренней безопасности.

В настоящее время стратегическое значение «войн серой зоны» значительно возросло. Информационная эпоха

[33] Manwaring, Max ed. Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder. Westview, 1993.

объективно содействует деятельности «врагов из серой зоны»: финансовые потоки проходят через Интернет, минуя какие-либо таможенные, фискальные и иные преграды, барьеры, ограничения.

«Война серой зоны» ведется противником или сетью противников, которые с одной стороны — стремятся к достижению прибыли, доходов, а с другой стороны — в отличие от обычных криминальных групп имеют определенные политические цели и значительно больше возможностей для стратегического планирования и осуществления вооруженного конфликта. Действующий в сети «противник из серой зоны» может иметь в своей структуре чисто политические компоненты, военизированные структуры для действий в форме неформальной войны и чисто уголовные криминальные компоненты.

Все это сильно затрудняет деятельность сил безопасности, которые должны противостоять этому противнику, действующему в сфере между национальной безопасностью и борьбой с преступностью. Как считает С. Мец, силы безопасности для противодействия такому противнику должны быть «серыми», представлять собой комбинацию вооруженных сил и полиции.

Подобно вооруженным силам, «серые» силы безопасности должны обладать достаточной поражающей мощью (как огневой, так и информационной) и способностью решать проблемы стратегически (планирование, предвидение, упреждение и т. д.). У обычной полиции «серые» силы безопасности должны позаимствовать отношение к уважению закона и правам человека.

Профессор Стивен Мец в своем анализе «войн серой зоны» утверждает, что в ближайшие десятилетия XXI века они могут принимать формы стратегической и нестратегической войны.

К стратегической форме такой войны будут прибегать взаимосвязанные организации или, скорее всего, сети таких организаций, стремящиеся к достижению конкретной цели. И хотя эта цель будет скорее финансово-экономической, а не чисто политической, проявления жестокости неизбежны. Нестра-

тегическая «война серой зоны» будет проявляться в форме вооруженных столкновений между вооруженными бандами и отрядами милиции. Это может иметь место при решении проблем беженцев, в ходе этнического конфликта, экологических катастроф или прямой борьбы за власть, когда политические силы прибегнут к мобилизации уличных банд для достижения своих целей. В тех случаях, когда нестратегическая «война серой зоны» будет связана с политической борьбой за власть внутри страны, вооруженные силы окажутся в состоянии наемников, лишь частично контролируемых руководством страны.

Одна частная «война серой зоны» сама по себе не представляет серьезной угрозы для сильного государства. Однако, когда целая сеть организаций из «серой зоны» взаимосвязаны, или когда угроза войны из «серой зоны» сочетается с другими угрозами, опасность становится реальной. По мнению С. Меца, в эпоху глобализации существует реальная угроза выхода «войн серой зоны» из узких рамок внутригосударственного конфликта и превращения этого явления в международный феномен.

«Война серой зоны», будучи феноменом малоизученным и малопонятным, неизбежно создает множество трудностей для анализа. Как относиться к противнику: если они уголовные преступники, то их права должны гарантироваться законом; если они военные комбатанты, то они должны быть под защитой законов ведения вооруженной войны.

В заключение профессор С. Мец пишет: «Угроза из серой зоны не должна недооцениваться. Если не сдерживать ее, то конфликт серой зоны может мутировать в неформальную или даже формальную войну, когда одно государство прибегнет к давлению или даже использованию силы против другого государства, предоставляющего убежище и пристанище уголовным преступникам».

Тенденция привнесения в военный конфликт криминального измерения проявляется сегодня во многих «неблагополучных» регионах мира. Это отмечается в Ежегоднике

Стокгольмского международного института исследований мира (СИПРИ): «По существу граница между конфликтом и преступностью, а также граница между хищнической эксплуатацией ресурсов мятежниками и государством в ряде стран, охваченных конфликтами и имеющих богатые природные ресурсы, все больше размывается. Криминализация государства, т. е. ситуация, когда функции государства и государственные учреждения используются главным образом в личных преступных целях, стала одной из неотъемлемых черт политической и, как следствие, экономической ситуации в некоторых африканских странах. По этому же пути движутся и некоторые азиатские страны, в особенности Афганистан, Кыргызстан и Мьянма»[34].

Опасность феномена «нетрадиционных» или иррегулярных войн для регулярных вооруженных сил современных государств, по мнению американских экспертов, заключается в самом асимметричном характере военного конфликта. Генерал-лейтенант Роберт Скэйлз, в прошлом отвечавший в Пентагоне за определение приоритетов трансформации вооруженных сил США, солидаризируется с независимыми экспертами по вопросу сущности современной иррегулярной войны: «Последние события в Ираке только подтверждают тот очевидный факт, что природа войны изменяется. Фанатики и фундаменталисты Ближнего Востока выработали и приняли на вооружение метод ведения войны, который направлен на преодоление технологического превосходства США и представляет собой вероломство, ухищрения и террор смешанные с упорством и готовностью умереть. Этот подход позволяет слабому противостоять сильному и доказал свою эффективность против армий западного стиля»[35].

---

[34] Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Институт мировой экономики и международных отношений РАН. — М.: ИМЭМО РАН, 2012. P. 49.

[35] Army Transformation: Implications for the Future. Statement of Major General Robert Scales, USA (ret.) before the House Armed Services Committee on July 15, 2004. P. 2.

При этом, как отмечается в американском наставлении JP 3–06 «Объединенные операции в городе», «стратегия и тактика действий, обычно называемые „асимметричными“, могут принимать разнообразные формы: от примитивного и низкотехнологичного подхода до высокотехнологичного похода. Противник может вообще не иметь какой-либо доктрины»[36].

В этих условиях перед регулярными вооруженными силами государства стоит задача быть готовыми адекватно и эффективно реагировать на угрозу «нетрадиционного» конфликта. Председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США генерал Мартин Демпси указывал на эту задачу, в частности, в январе 2014 года в своем выступлении в Университете национальной обороны США: «Мы успешно действовали в военном отношении, и наш разведывательный аппарат работал превосходно. Однако обиженные личности остаются, и их число продолжает расти. Появляются новые, еще более сложные угрозы… Война сегодня ведется не за идеологию. Это — стремление противников изменить сложившийся статус-кво. Подымающиеся державы, криминальные группы и религиозные структуры выстаиваются в одну линию в краткосрочной и долгосрочной перспективе с целью изменить сами подходы к тому, как устроен мир. У них нет четкого видения того, чего они хотят, но все они точно знают, чего не хотят»[37]. Осознание этой ситуации заставляет военно-политическое руководство США настойчиво искать соответствующие неординарные меры противодействия угрозе «нетрадиционных» войн и вооруженных конфликтов.

В этом отношении важное значение имеет комплекс требований к специальной подготовке личного состава регулярных сил, задействованных в «иррегулярной» войне. В Наставлении Комитета начальников штабов ВС США JP 3–24 (2009 г.)

---

[36] Joint Publication JP 3–06. Joint Urban Operations. 8 November 2009. P. A-13.

[37] Dempsey: Leaders Can Make A Difference In Challenging World. 2014. January 16. http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=121493

«Контрповстанческие операции» определяется: «Проведение успешных контрповстанческих операций требует адаптивного и гибкого типа мышления. Прежде всего, и это самое главное, население является критически важным аспектом успешной контрповстанческой операции. Понимание населения в такого рода операциях является тем же, чем понимание характера физической местности является в успешных наземных операциях обычного типа… Второй аспект контрповстанческого типа мышления — умение думать, как повстанцы, чтобы опережать настоящих повстанцев в принимаемых решениях и действиях. Третье, необходимо обеспечить свое полномасштабное присутствие среди населения… И, наконец, необходимо понимать, что военные инструменты являются только частью общего межведомственного подхода к успешным контрповстанческим операциям»[38].

Развитие концепции асимметричного военного конфликта зарубежным экспертным сообществом

Впервые термин «асимметричный конфликт» появился в 1974 году в работе британского исследователя Эндрю Мака «Концепция власти и ее использование для объяснения асимметричного конфликта»[39]. С тех пор, как признают многие американские исследователи, смысл, который вкладывался в понятие «асимметрии», неоднократно изменялся и корректировался.

Асимметричная война в классическом понимании этого термина представляет собой вооруженное столкновение между двумя неравнозначными противниками. Такими противниками могут быть регулярные вооруженные силы большой державы и иррегулярные формирования небольшого государства или даже негосударственная структура. Обе стороны находятся в за-

[38] Joint Publication 3–24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. III-1.

[39] Mack, A. The Concept of Power and Its Uses in Explaining Asymmetric Conflict. London: Richardson Institute for Conflict and Peace Research, 1974.

ведомо неравных положениях, что придает конфликту между ними своеобразный характер. Суть этого своеобразия заключается в полном игнорировании каких бы то ни было правил и норм ведения военных действий слабой стороной, если она хочет достичь успеха.

В настоящее время наиболее распространенным определением «асимметричной войны» является военный конфликт, в котором превосходящие вооруженные силы крупного государства или коалиции государств вторгаются в пределы территории более слабого государства или на территории, контролируемые негосударственными акторами. Повстанческие войны и малые войны как раз и лежат в пределах этого определения. «Малые войны, — пишет американский военный эксперт Роберт Кассиди, — представляют собой противоповстанческие действия и конфликты низкой интенсивности, в которых царит неясность и в которых превосходящая огневая мощь не обязательно гарантирует успех»[40].

Генри Киссинджер в свое время глубокомысленно заявил: «Партизаны выигрывают, когда они не проигрывают. Регулярная армия проигрывает, если она не выигрывает»[41]. Осознание этой мысли принципиально важно для понимания не только сути, но и перспектив многих вооруженных конфликтов, актуальных, в том числе, и для сегодняшнего мира.

Асимметричный конфликт воспринимается по-разному обеими ведущими его сторонами. Для слабой стороны это — тотальная война, а для большой державы — лишь ограниченная. Повстанцы не представляют никакой прямой и серьезной угрозы для существования большой державы. Более того, для великой державы в условиях асимметричного конфликта политически неблагоразумно и в военном отношении не нужно

---

[40] Cassidy, R. M. Why Great Powers Fight Small Wars Badly// Military Review. 2002. September–October.

[41] Kissinger, H. The Vietnam Negotiations// Foreign Affairs. 1969, January. P. 214.

даже проводить мобилизацию. Неравенство военных возможностей столь велико, а убеждение в превосходстве своей военной мощи столь глубоко, что большая держава ожидает только победы. А вот для слабой стороны, обладающей ограниченными ресурсами, цель состоит, тем не менее, в изгнании большой державы. Для слабого участника конфликта выбор ограничен: победа или смерть.

В Соединенных Штатах есть свои традиции ведения асимметричной войны. Военные специалисты и историки вспоминают события гражданской войны в США, когда слабые, иррегулярные формирования колонистов в борьбе с британскими регулярными войсками нередко прибегали к партизанской тактике «ударил — беги».

Мировой опыт борьбы с партизанами привел Р. Кассиди к принципиально важному заключению: «Партизанская война является скорее испытанием воли и выносливости нации, чем военным соревнованием». С этим утверждением солидаризуются практически все военные специалисты. Сэмюэль Гриффит утверждает: «Успех партизанской войны не зависит от эффективности действия сложных механических устройств, образцово организованной системы тылового обеспечения или даже точности работы компьютеров. Ее главным элементом является человек, а человек значительно сложнее любого из находящихся в его распоряжении устройств. Он наделен интеллектом, эмоциями и силой воли»[42].

В реальной действительности асимметричная война находит свое проявление в безрассудном (в представлении западного обывателя) противостоянии партизан, вооруженных луками и стрелами, боевым вертолетам современных армий. В этом противостоянии партизаны имеют одно существенное преимущество: для них не принципиальны свои потери,

---

[42] Griffith, S. B. II. Introduction// Mao Tse-Tung. On Guerilla Warfare. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2000. P. 7.

главное — чтобы противник понес хоть какие-то потери. Другими словами, масштабы своих потерь не приводят партизан к осознанию бесперспективности своей борьбы. Напротив, чем выше потери, тем ожесточеннее партизаны сопротивляются, не помышляя о мире.

Свидетельством в пользу этого утверждения американские авторы приводят пример войны во Вьетнаме. Несмотря на то, что США сбросил на Индокитайский полуостров более 7 млн тонн бомб — в 300 раз больше по мощности атомных бомб, сброшенных на Японию в конце второй мировой войны, — воля к сопротивлению вьетнамских патриотов не была сломлена, то время как воля США «дрогнула».

Для слабой стороны в конфликте подрыв воли и морального духа населения большой страны является наиболее эффективным «асимметричным ответом» на военные акции армии противника. Чем дольше длится конфликт, чем более безысходным он становится, чем выше потери в живой силе — тем больше шансов у слабой стороны (партизан, повстанцев) не проиграть, а это — по словам Г. Киссинджера — означает для них победу. Опыт Вьетнама показал, что вызванные войной процессы брожения внутри американского общества сыграли решающую роль в исходе той войны, несмотря на абсолютное техническое, огневое и материальное превосходство американских войск.

Свой трагический опыт войны с партизанами имел и Советский Союз в годы войны в Афганистане. Советская Армия готовилась к военным операциям на Европейской равнине в ходе обычной войны высокой интенсивности, но не имела абсолютно никакого опыта и знаний в области ведения контрпартизанской войны. Советские войска столкнулись с ситуацией, к которой они были полностью не готовы. Отсутствие фронта и тыла, непонятный противник, сложный рельеф местности и неблагоприятные климатические условия — все это сыграло свою роль. В результате достижение быстрой и решительной победы оказалось нереальной целью.

Оливер Рой, оценивая советский опыт действий в Афганистане, писал: «Советы вторглись в Афганистан в соответствии с той же тактикой, что была применена в 1968 году в Чехословакию»[43]. Вплоть до 1982 года советские войска тяготели к проведению «классических» крупномасштабных операций с применением танков и артиллерии. Примерно два раза в год командование советских войск организовывало и проводило крупные армейские операции, в которых принимали участие мотострелковые дивизии полного штата, предназначенные изначально для решительных действий на Центрально-Европейском ТВД против равнозначного противника — войск НАТО. Войска шли вперед, уничтожая все на своем пути, а их тактика «выжженной земли», по оценкам американских военных экспертов, приводила только к усилению и ожесточению сопротивления.

Во многом сходные ошибки совершала американская армия во Вьетнаме. Комплекс великой и мощной державы оказал свое негативное влияние на ход и исход той войны. Б. Дженкинс в связи с этим отмечал: «Американская победа над немцами и японцами во второй мировой войне была столь безусловной, столь яркой американской, что даже сама мысль о поражении была невозможной»[44]. Представления о том, что решающими факторами в достижении победы в войне являются «превосходящая огневая мощь, превосходящая численность войск и превосходящая технология», стали «формулой военного успеха». Абсолютное убеждение американских генералов в этом привело к тому, что они «слишком недооценивали своего противника и слишком переоценивали свое мастерство»[45]. Продолжая эту

---

[43] Roy, O. The Lessons of the Soviet-Afghan War. Adelphi paper 259. London: International Institute for Strategic Studies, 1991. P. 16.

[44] Jenkins, B.M. The Unchangeable War. RM-6278-ARPA. Santa-Monica, CA: RAND, 1970.

[45] Atkinson, R. The Long Gray Line. Boston, MA: Houghton Mifflin Co., 1989. P. 82.

мысль, Р. Кассиди заключает: «Армия США оказалась неспособной приспособиться к той войне, которую вели северные вьетнамцы и вьетконговцы (партизаны Южного Вьетнама)». Точно так же не смогли приспособиться к новой войне в новой реальности французы, которые были изгнаны из Вьетнама незадолго до американской интервенции.

Таким образом, опыт истории свидетельствует, что вероятность победы в военном конфликте не всегда линейна, а великие державы часто проигрывают малые войны. По мнению американских военных экспертов, причина этого заключается в самой природе больших армий больших государств: они неизбежно придерживаются парадигмы большой войны и не способны на быстрые и резкие изменения ввиду своего размера и иерархичного устройства. То есть, большие державы не могут победить в малых войнах именно потому, что они большие[46]. Вооруженные силы этих держав создавались для ведения войны с подобными же армиями вероятного противника, т. е. с советскими войсками, и были предназначены для ведения широкомасштабной маневренной войны, в том числе с применением ядерного оружия. Однако к противопартизанской войне армии больших держав не готовы.

Когда современное государство так называемой индустриальной или постиндустриальной эпохи сталкивается со слабым противником полуколониальной, полуфеодальной или доиндустриальной эпохи, оно привносит в конфликт свои огромные ресурсы и новейшие технологии. Более слабый противник, как правило, демонстрирует превосходящую силу воли, стремление к победе, готовность выдержать все трудности и победить, несмотря ни на какие жертвы.

История знает много примеров того, как великие державы и империи терпели поражение в асимметричных конфликтах:

---

[46] Cassidy, R. M. Why Great Powers Fight Small Wars Badly// Military Review. 2002. September–October.

римляне в тевтонских лесах, британцы в годы американской революции, Франция — в Индокитае и Алжире, США — во Вьетнаме. И хотя причины, корни и сам ход военных действий везде были разными, главное — в другом: самая мощная держава может оказаться не в состоянии противостоять иррегулярным формированиям слабого противника.

Справедливости ради следует заметить, что большие державы вовсе не обязательно проигрывают такого рода войны. На поле боя они, напротив, побеждают своего противника в навязанных последнему тактических боях и операциях. Большие державы просто не выигрывают в такой войне. Затянувшаяся военная акция, потери и бесперспективность войны приводят к тому, что население большой державы отказывается поддерживать эту войну. Возникает опасность внутреннего социально-политического конфликта.

Стратегия и тактика действий слабого противника заключается лишь в одном — всемерном избегании симметричных военных действий с большой державой в форме «правильной», обычной войны. Военная история знает немалое количество фактов того, как армии больших держав в пух и прах громили армии слабых противников именно благодаря своему количественному и качественному превосходству, прежде всего техническому. Однако во всех тех войнах стороны действовали «по-честному», сходясь для битвы в чистом поле и действуя по законам военного искусства. Последним таким конфликтом, как отмечает американский исследователь майор Р. Кассиди, стала война в Персидском заливе 1991 года, когда иракцы действовали в соответствии с ожиданиями и представлениями командования объединенной антисаддамовской коалиции. Статья была написана Р. Кассиди еще до войны в Персидском заливе 2003 года, которая также развивалась по заведомо проигрышному для иракцев сценарию симметричной войны: сила против силы. Вместе с тем, ситуация в Ираке после окончания военной фазы операции оказалась достаточно напряженной, а войска

антисаддамовской коалиции столкнулись с реальностью асимметричной войны.

Асимметричный конфликт, по мнению большинства американских военных экспертов, является наиболее вероятной формой конфликта, с которым США могут столкнуться в будущем. Эту вероятность обусловливают четыре фактора:

— Западные державы имеют самые совершенные вооруженные силы в смысле их технического оснащения и вооружения.
— Экономическая и политическая близость западных государств исключает между ними войну.
— Наиболее разумные противники в не-западном мире осознают, что им не следует идти на конфликт с Западом на его условиях.
— И, как результат, США и их европейские союзники вынуждены будут применить свою огневую мощь и техническое превосходство в менее развитом мире против якобы слабого противника, прибегшего к асимметричному ответу.

Именно поэтому асимметричный конфликт, по оценкам американских экспертов, «будет нормой, а не исключением».

Концепция асимметричной войны, отстаиваемая многими военными специалистами США и официально вошедшая в американское военное планирование, разделяется также многими военно-научными центрами и экспертами за рубежом. Одним из таких центров является Институт стратегических и боевых исследований Великобритании. В 2002 году в этом институте было опубликовано исследование, посвященное различным аспектам будущей войны информационной эпохи[47], одна из глав которого называлась «Асимметричная война». Ее автором выступил подполковник британской армии Джон Расселл, опытный офицер, служивший в Северной Ирландии, прошедший Косово (2000 г.).

[47] The Big Issue: Command and Combat in the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002.

Асимметрия в военном деле, как подчеркивает Расселл, является общепризнанным фактом и не является чем-то новым. Сухопутные войска разных стран традиционно имеют длительный опыт ведения боевых действий с иррегулярными формированиями.

В то же время, некоторые эксперты считают, что асимметричная угроза представляет собой качественное изменение сущности войны. Поэтому, например, война в Персидском заливе 1990–1991 гг. видится одним как прототип новой войны будущего, а сторонникам школы асимметричности — лишь как «последняя маневренная война, как анахронический откат в эпоху второй мировой войны, в которой применялись новые современные системы вооружения». Западные страны, по мнению сторонников теории асимметричности, ведут подготовку своих армий к вчерашним войнам, к тем войнам, которые они хотели бы вести, а не к тем войнам, которые они скорее всего будут вести в будущем. Эти государства, как говорит Дж. Рассел, «абсолютно не понимают природы асимметричной угрозы».

Основным тезисом апологетов теории асимметричной войны является положение о том, что война как явление претерпевает качественное изменение — прежде всего под воздействием политических, социальных и экономических факторов, а вовсе не технологических. Ссылаясь на взгляды американских экспертов из корпуса морской пехоты, британский офицер называет войну будущего войной четвертого поколения или «сетевой войной». Войну «антагонисты будут вести на политической, экономической, социальной и военной аренах, а общаться друг с другом посредством комбинации сетей и СМИ».

Критическим моментом в понимании сущности войны нового поколения является то, что она будет основываться скорее на идеях, а не на военной технологии. Вслед за американскими специалистами, Дж. Расселл видит войну будущего как сложное, неоформленное, расплывчатое явление. Трудно будет провести

разграничительную линию между состоянием войны и мира, между военными операциями и преступными акциями, между тылом и линией фронта, между комбатантами и некомбатантами. Сами понятия победы или поражения в войне будущего, вполне возможно, просто перестанут существовать.

Нынешние официальные представления о войне, как отмечает Дж. Расселл, к сожалению, во многом основываются на технологическом превосходстве, на процессах, связанных с революцией в военном деле. Будущее видится таким же, как и день нынешний, только с абсолютным технологическим превосходством над противником. Однако это — опасное заблуждение. Как показывает история, роль техники и технологии, как бы высока она не была, никогда не бывает решающей.

В связи с этим подполковник Расселл делит войну на две категории: симметричную и асимметричную. Граница между этими двумя категориями очень расплывчата. Война, начавшаяся как симметричная, может легко перейти в асимметричную и наоборот. Более того, нет никаких ограничительных факторов, почему бы средства и способы ведения асимметричной войны не могли бы использоваться в симметричной войне, что еще более сближает эти две категории.

С мнением британского военного эксперта солидаризируются французские военные специалисты, которые к этим двум категориям войны добавляют еще и третью — диссимметричную. Главные отличия между этими категориями заключаются в следующем:

— Симметричная война ведется комбатантами со схожими целями, силами и средствами, доктринами и моральным духом. Когда симметрия в чистом виде приводит в тупик, противники стремятся ее нарушить, усиливая или развивая свои возможности, меняя форму ведения операций или уменьшая возможности противника. Именно это стремление нарушить симметричность означает, что асимметрия почти всегда в той или иной степени

присутствует в войне. Однако «асимметрия в войне» абсолютно ничего не имеет общего с «асимметричной войной».

— Асимметричная война характеризуется абсолютным или очень сильным различием между противниками в целях, возможностях, способах действий, в моральном состоянии. Асимметричная угроза означает, что одна из сторон неспособна в силу своей собственной невозможности или превосходства противника в силах противостоять ему обычным способом, используя те же средства и вооружение. Вместо этого эта сторона использует вооружение и тактику незапланированно, неожиданно для противника, чтобы нарушить, нейтрализовать или обойти его технологическое превосходство. Асимметричные атаки обычно нацеливаются на слабые места противника и оказывают очень сильное психологическое и физическое воздействие. Они могут также проводиться с тем, чтобы вызвать неадекватный ответ противника, что подорвало бы легитимность его действий в глазах своего же населения.

— Французская концепция диссимметричности основывается на огромном дисбалансе между комбатантами или в целях, или в использовании средств (но не в наличии этих средств), или в формах ведения военных действий. Вместе с тем, между противниками имеет место очень сильное сходство[48]. Таким образом, диссимметричность в большей степени характеризует качественные аспекты соотношения сторон, а не количественные. Это — скорее, ущербность военной теории, слабость руководства, непрофессионализм командного корпуса, неподготовленность войск.

---

[48] The Big Issue: Command and Combat in the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002. P. 119.

— Асимметричность применительно к войне проявляется во многих формах, важнейшими из которых, по мнению британского исследователя Дж. Расселла, являются следующие:
— Асимметричность интересов — считается многими американскими специалистами и экспертами других стран Запада главной формой асимметричности. Это проявляется, когда одна из сторон, обычно более слабая в экономическом и военном отношениях, видит угрозу своему существованию или жизненным интересам, в то время как другая сторона всего-навсего защищает или продвигает свои несущественные интересы. Более слабая сторона стремится найти пути сдержать оппонента от вмешательства в ситуацию, дав ему понять, что потенциальная цена его вмешательства будет слишком высока, а потенциальные выгоды — слишком низкими.
— Асимметричность воли — проявляется тогда, когда одна из сторон, настроенная решительно, готова пойти на риск, заплатить большую цену или предпринять такие действия, которые противная сторона не может себе позволить по моральным или юридическим основаниям. Примерами ослабленной воли, как считает Расселл, являются чувствительность Запада к потерям в живой силе, чувствительность к общественному мнению в стране и мире.
— Асимметричность ценностей — возникает между противниками, исповедующими сильно разнящиеся ценности и убеждения — как на общественном, так и индивидуальном уровнях. Оппонент в этом случае может полностью отрицать или игнорировать международные нормы поведения, пренебрегать общественным мнением как таковым. Асимметричность ценностей в наибольшей степени характерна для противника, прибегающего к этническим чисткам, терроризму, использованию «живых

щитов», мобилизации «детей-солдат», угрозе применения оружия массового поражения.

— Асимметричность в стратегии и тактике — проявляется в стремлении противника нейтрализовать преимущества в маневре, развертывании, информационном превосходстве и использовать наши слабые места. При этом к слабым местам западных стран, как отмечает Расселл, относятся чрезмерное внимание обеспечению безопасности своих войск, законодательные ограничения, слабость коалиционной стратегии и др. Противник в качестве асимметричного ответа может пренебречь концепцией победы и поражения, применимой только в межгосударственном конфликте. В качестве своего поля боя он может выбрать заведомо невыгодные для Запада условия, например, городскую местность, где преимущества в тактике и техническом оснащении могут быть легко нейтрализованы.

— Асимметрия в технологиях — само по себе не новое явление. Различия в техническом оснащении всегда имели место в конфликтах и столкновениях. Наличие на современном рынке вооружений самых современных образцов оружия всевозможных типов позволяет противникам приобрести некоторые из них, дающие им определенное преимущество в конкретной области, например, ПТУР. Противнику нет нужды разрабатывать, производить и оснащать свои вооруженные силы разнообразными системами оружия и военной техники. Он может легко приобрести то, что ему нужно, и оснастить этим оружием свои ударные отряды. Кроме того, противник в своем асимметричном ответе западным армиям может применить тактику людской волны. В таком случае сверхточное «умное» оружие, предназначенное для поражения точечных целей, окажется неэффективным.

— Асимметрия организационная — проявляется в том, что организационная структура вооруженных сил Запада,

создававшаяся для противодействия аналогично организованному противнику, в будущей войне неэффективна. В будущем противник, скорее всего, будет представлять собой негосударственные группы, организованные в сети или вообще организационно не оформленные. Эти группы могут вообще быть лишены какой-либо организованной структуры, единой системы управления или централизованной системы координации действий. Потенциальный противник может представлять собой также случайное объединение разнообразных групп с различными ценностями, убеждениями и целями.

— Асимметрия времени — имеет место в том смысле, что Запад не любит длительные и затяжные военные действия. Поэтому для предупреждения интервенции со стороны Запада противнику иногда может оказаться вполне достаточным просто продемонстрировать свое желание вести войну долго.

Итак, асимметричный военный конфликт, по единому мнению большинства военных экспертов, является наиболее перспективной формой военного конфликта, который будет всемерно навязываться слабой стороной своему более сильному агрессору. Американские ученые уделяют повышенное внимание изучению именно этого феномена.

Летом 2001 года увидело свет серьезное исследование «Как слабая сторона достигает победы. Теория асимметричного конфликта», принадлежащее перу профессора Школы изучения правительства им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета Ивана Аррегуин-Тофта[49].

Проведя ретроспективный анализ асимметричных конфликтов за последние два столетия, автор приходит к выводу, что на протяжении исторически длительного

[49] Arreguin-Toft, I. How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict// International Security. Vol. 26. No. 1. 2001, Summer. P. 93–128.

времени сильная сторона имела более высокие шансы победить слабую сторону. Обстановка начала меняться с середины XX века, когда у слабой стороны появилось больше шансов победить сильного противника. По данным ученого, в первую половину века в 65% конфликтов победу одерживал сильнейший участник, а в послевоенный период лишь в 45% конфликтах асимметричного типа победила сильнейшая сторона, в то время как в 55% — более слабый участник.

И. Аррегуин-Тофт, тщательно изучив типы и варианты действий (стратегий действий) двух неравнозначных сторон (сильной и слабой), разработал типологию асимметричных конфликтов современности, что, в свою очередь, позволило ему обоснованно подойти к прогнозированию хода и исхода этих конфликтов. По мнению американского эксперта, каждая из сторон в асимметричном конфликте может прибегнуть или к прямой, или к непрямой стратегии.

Сильная или атакующая сторона имеет выбор: прямая стратегия — стратегия «прямой атаки», непрямая стратегия — «варварские методы».

Слабая или обороняющаяся сторона в ответ прибегает к прямой стратегии — «прямой обороне» или к непрямой стратегии — партизанской войне.

Ключевое различие между прямой и непрямой стратегиями, по сути, заключается в том, что первая направлена на уничтожение живой силы, а вторая — на подрыв морального духа.

Стратегия «прямой атаки» означает использование сильной стороной военной силы для пленения или уничтожения вооруженных сил противника и тем самым установление «контроля над ценностями противника». Основная цель заключается именно в лишении вооруженных сил противника возможности сопротивляться. Война на изнурение и блицкриг являются проявлениями стратегии «прямой атаки». Классическими образцами стратегии «прямой атаки» в истории войн являются операции по овладению «ценностями противника» (столицей государства, промышленным центром или транспортным узлом или даже мостом) или стратегически важными объектами (выгодная для организации обороны местность, форт) в условиях ожесточенных попыток противника не допустить этого. Военные действия приобретают форму сражения или серии сражений, которые могут длиться достаточно долго, чередуясь периодами относительного затишья, пока одна из сторон не признает своего поражения.

«Варварские действия» представляют собой систематическое нарушение сильной стороной законов войны в целях достижения определенных военных или политических целей[50]. Нарушение законов войны означает не только применение запрещенных видов оружия, таких как химическое или бактериологическое, но и, что самое главное, любые методы насилия по отношению к некомбатантам (изнасилования, убийство, пытки и т. д.). Как и любая другая стратегия, «варварские действия» используются для подрыва морального духа (воли) противника и его способности вести борьбу. Когда воля противника становится, например, целью стратегической бомбардировочной кампании, сильная сторона стремится принудить слабого

[50] Законами войны в общепринятом на Западе смысле называются нормы, принципы и правила ведения военных действий, установленные Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., Конвенцией о геноциде 1948 года, четырьмя Женевскими конвенциями 1949 года и двумя дополнительными протоколами к Женевской конвенции 1977 года.

противника к изменению поведения путем «причинения боли», то есть «разрушения его ценностей». Когда воля противника является целью контр-повстанческой кампании, сильная сторона стремится предотвратить рост числа потенциальных повстанцев путем, например, жестких мер наказаний против некомбатантов. Это предусматривает карательные меры и казни мирного населения в ответ за убийство своих солдат. В качестве эффективных мер в борьбе с повстанцами зарекомендовали себя концлагеря.

Исторически самыми распространенными формами «варварских действий» считаются убийство некомбатантов (военнопленных или мирного населения); создание концлагерей; бомбардировки целей, не имеющих военного значения. Бомбардировки войск противника и его военных объектов являются применением стратегии «прямой атаки», в то время как авиационные удары, подобные бомбардировкам Дрездена союзной авиацией в конце второй мировой войны, являются, по оценкам И. Аррегуин-Тофта, типичными «варварскими действиями».

Стратегия «прямой обороны» означает использование слабой стороной вооруженных сил для срыва попыток сильного противника овладеть такими «ценностями», как территория, население, стратегические ресурсы. Обе стратегии — «прямой атаки» и «прямой обороны» — нацелены на вооруженные силы противника. Слабая сторона стремится сорвать наступательный дух и возможности противника, прибегая к статической или мобильной обороне, обороне передовых рубежей или обороне в глубине своей территории. Слабая сторона может попытаться нанести упреждающий удар по сильному противнику с целью подорвать его боевые возможности, как то имело место в ходе японской атаки на Перл-Харбор в декабре 1941 года. Однако в целом, стратегия слабой стороны все равно остается оборонительной.

Стратегия партизанской войны, в определении Ивана Аррегуин-Тофта, состоит в «организации части общества для

причинения ущерба противнику, используя вооруженные формирования, подготовленные для действий методами непрямой конфронтации». Много общего со стратегией партизанской войны имеет и стратегия терроризма. Под ущербом противнику подразумеваются уничтожение его живой силы, нарушение тылового обеспечения, уничтожение инфраструктуры, подрыв его морально-психологического состояния и, что самое важное, выигрыш времени. Несмотря на то, что главными объектами поражения партизан являются вооруженные силы противника, однако главной целью действий партизан считается моральный дух (воля) противника, а не его боевые возможности.

Для ведения партизанской войны как минимум необходимы два главных элемента:

— Физическая среда (наличие болот, гор, труднопроходимых лесов или джунглей) и политическая среда (плохо охраняемые границы или наличие симпатизирующих режимов на границах).
— Поддержка населения (рекрутирование новых партизан, тыловая поддержка, восполнение потерь в боях).

По оценкам западных исследователей, самым выдающимся теоретиком и практиком партизанской войны являлся Мао Цзэдун, который сформулировал основные принципы и методы ведения таких действий.

Безусловно, партизанская война не является стратегией достижения быстрого и решительного поражения вторгшегося противника. Наоборот, борьба приобретает затяжной характер. В руках сильной стороны — оккупационных войск противника — находятся все важнейшие «ценности» партизан: поля, семьи, религиозные и культурные центры, города. Все это придает борьбе особо ожесточенный характер.

По классификации Ивана Аррегуин-Тофта, каждая из стратегий действий в асимметричном конфликте одной стороны имеет соответствующую эффективную контр-стратегию другой стороны. В каждой из рассмотренных выше четырех основных

типах стратегий действий есть свои сильные и слабые стороны. В зависимости от того, какую стратегию изберет каждая из сторон в асимметричном конфликте, во многом будет зависеть его исход.

Прямая стратегия, так или иначе, нацелена на уничтожение живой силы противника, непрямая стратегия — на подрыв его морального духа. Именно для подрыва воли противника к ведению военных действий в стратегии «варварских действий» удар наносится по некомбатантам, а в партизанской войне — по солдатам противника.

В результате, стратегия одного типа (прямая против прямой; непрямая против непрямой) ведет, как правило, к успеху сильной стороны. В случае столкновения стратегий разного типа (прямая против непрямой; непрямая против прямой) слабая сторона получает преимущества, которые могут обеспечить

Схема: Ожидаемые результаты асимметричного конфликта в зависимости от типа стратегических действий сторон.

ей победу. На руку слабой стороне здесь может играть время: затяжная война грозит сильной стороне крахом. По мнению американских исследователей, чем дольше длится конфликт, тем больше шансов, что сильная сторона под давлением своего внутреннего общественного мнения, потерь и других факторов, в конце концов, откажется от его ведения, несмотря даже на возможные военные успехи проводимых операций.

Сильная сторона может в этих условиях прибегнуть к стратегии «варварских методов», однако это не всегда и не везде «сходит с рук»: правда о применении этих методов ведения войны может «взорвать» саму эту страну изнутри.

В рамках предложенной И. Аррегуин-Тофтом типологии стратегических действий сильной и слабой сторон, возникают четыре основные модели асимметричного конфликта с точки зрения сильной стороны.

«Прямая атака против прямой обороны». Обе стороны одинаково подходят к оценке приоритетов и ценностей в войне. Война идет «по правилам», стороны признают важность потерь, ведут военные действия за взятие и удержание городов как своеобразных «центров тяжести». Сильный игрок в такой ситуации достигает победы, действуя быстро и решительно.

«Прямая атака против партизанской войны». В этих условиях сильная сторона сталкивается с ситуацией, когда на поле боя отсутствует конкретный противник. Партизанские, иррегулярные формирования аморфны, мобильны, гибки и непредсказуемы в избираемой ими тактике действий. Поддержка населения обеспечивает социальную опору их борьбе. Сильная сторона, борясь с партизанами и повстанцами, вынуждена принимать жесткие меры против местного населения (некомбатантов), что еще более обостряет обстановку. Военные действия затягиваются, что играет на руку партизанам. В конечном счете, слабая сторона выигрывает.

«Варварские действия против прямой обороны». Сильная сторона имеет полное превосходство над слабым противником

в силах и средствах, но в определенных ситуациях она может принять решение подорвать моральный дух и волю противника к сопротивлению, то есть прибегнуть к стратегии «варварских методов». Наиболее эффективной непрямой стратегией сильной стороны, как свидетельствует военная история, являются стратегические бомбардировки мирного населения, а в прошлом — блокады и осады. Однако чем интенсивнее и дольше сильной стороной проводится стратегия непрямых действий, чем более варварскими становятся последствия, тем сильнее нарастает сопротивление и недовольство населения атакуемой страны. Получается обратный эффект: вместо морального краха противник мобилизуется на более решительное сопротивление. В этой ситуации слабая сторона имеет реальные шансы победить.

«Варварские действия против партизанской войны». Непрямая стратегия сильной стороны («варварские действия») имеет определенные моральные ограничения. Если сильная сторона полностью откажется от каких бы то ни было моральных ограничений, у слабой стороны нет шансов на победу. Жесточайшие меры по наведению порядка, в том числе и карательного характера, приведут к тому, что партизан просто некому будет физически поддерживать. Варварские меры, как пишет И. Аррегуин-Тофт, работают как самая лучшая контр-партизанская стратегия, потому что они нацелены на один или оба элемента партизанской войны: среду и население.

Мао Цзэдун в свое время сравнивал партизан с рыбой, а народ — с морем. По мнению американских экспертов, в такой ситуации сильной стороне остается только два пути: или изменить условия среды («сделать воду прозрачной»), или осуществлять массовые «зачистки», проводить казни и аресты («осушать море»). В результате, если сильная сторона прибегает к «варварским методам» действий, а слабая сторона — к партизанской войне, сильная сторона побеждает.

Таким образом, из четырех описанных универсальных моделей две выгодны сильной, а две слабой стороне. Сильной

стороне выгодны конфликты с применением однотипных стратегий, слабой — конфликты с применением противоположных стратегий. Однако эта закономерность проявляется не всегда в «чистом виде».

Рассмотрев четыре возможные модели асимметричного конфликта в теоретическом плане, И. Аррегуин-Тофт наложил их на большой объем военно-исторического материала. Ученый оговорился, что не все рассмотренные им войны и конфликты XIX–XX вв. полностью подходили под описанные им модели, вместе с тем, полученные результаты позволили сделать некоторые выводы. Материалы исследования показали, что сильная сторона выигрывала в 76% конфликтах с применением однотипных стратегий, а слабая сторона победила в 63% конфликтах с применением противоположных стратегий.

Конфликты с применением однотипных стратегий для своего успеха должны быть скоротечными, а конфликты с применением противоположных стратегий — наоборот, затяжными. В XX столетии конфликты первого типа длились в среднем 2,69 года, а второго — 4,86 года.

На протяжении XIX–XX вв. наблюдается устойчивая тенденция возрастания количества асимметричных конфликтов с применением противоположных стратегий действий. За период 1900–1949 гг. из 31 асимметричного конфликта 16,1% были с применением противоположный стратегий действий, а с 1950 по 1998 гг. из 36 асимметричных конфликтов — уже 22,2%. Эта тенденция говорит и о другом: постепенно растут шансы

слабых стран и «игроков» достичь победы в асимметричном конфликте. И наоборот, как свидетельствует статистика войн XX века, для сильной стороны становится все труднее одержать победу в асимметричном конфликте.

Для наглядности И. Аррегуин-Тофт свел воедино все асимметричные конфликты XIX–XX вв. Каждый из конфликтов оценивался им по двум характеристикам:

— Итогам (результатам) конфликта. При этом 1 означает победу сильной стороны, 0 — победу слабой стороны, тупиковую ситуацию или продолжающийся конфликт.
— Типу применяемой сторонами стратегии. При этом 0 означает асимметричный конфликт с применением однотипных стратегий действий (прямая против прямой; непрямая против непрямой), а 1 означает конфликт с применением разнотипных стратегий действий (непрямая против прямой; прямая против непрямой). Знак «–» означает отсутствие данных.

Наиболее актуальны полученные автором результаты по асимметричным конфликтам второй половины XX века[51].

Асимметричный конфликт	Начало	Окончание	Итог	Тип стратегии
Независимость Индонезии	1945	1946	0	0
Индокитай	1945	1954	0	0
Мадагаскар	1947	1948	1	—
Первый Кашмирский конфликт	1947	1949	1	0
Палестина	1948	1949	0	0
Малайское восстание	1948	1957	1	0
Хайдерабад	1948	1948	1	—
Корея	1950	1953	0	0

[51] Наименования конфликтов приведены именно в том виде, как они используются автором.

Асимметричный конфликт	Начало	Окончание	Итог	Тип стратегии
Китай-Тибет	1950	1951	1	0
Филиппины	1950	1952	1	0
Кения	1952	1956	1	0
Независимость Туниса	1952	1954	0	—
Независимость Марокко	1953	1956	0	—
Алжир	1954	1962	0	0
Британско-киприотский	1954	1959	0	0
Камерун	1955	1960	0	—
Русско-венгерский	1956	1956	1	0
Синайский	1956	1956	1	0
Тибет	1956	1959	1	1
Куба	1958	1959	0	1
Южный Вьетнам	1960	1965	0	1
Конго	1960	1965	1	0
Курдский	1961	1963	1	—
Ангольско-португальский	1961	1975	0	—
Китайско-индийский	1962	1962	1	0
Португалия — Гвинея (Бисау)	1962	1974	0	1
Мозамбик	1964	1975	0	1
Вьетнам	1965	1975	0	0
Второй Кашмирский конфликт	1965	1965	0	0
Шестидневная война	1967	1967	0	0
Израильско-египетский конфликт	1969	1970	0	0
Бангладеш	1971	1971	1	0
Филиппины-Моро	1972	1980	1	0
Война Иом-Киппур	1973	1973	0	0

Асимметричный конфликт	Начало	Окончание	Итог	Тип стратегии
Турецко-киприотский	1974	1974	1	0
Эритрейский	1974	1991	0	0
Конфликт за автономию Курдистана	1974	1975	1	0
Восточный Тимор	1974	1975	0	1
Вьетнамско-камбоджийский	1975	1979	1	0
Западная Сахара	1975	1983	1	—
Гражданская война в Чаде	1975	1988	1	0
Эфиопско-сомалийский	1977	1978	1	0
Афганистан	1978	1989	0	0
Китайско-вьетнамский	1979	1979	1	0
Гражданская война в Перу	1982	1992	1	0
Восстание на Тамиле	1983	1990	0	1
Китайско-вьетнамский	1985	1987	0	0
Война в Персидском заливе	1990	1991	1	0
Ирако-кувейтская война	1990	1990	1	0
Курдское восстание	1991	-	-	0
Сербское восстание	1991	1996	0	1
Чеченский конфликт	1994	1996	0	0

В заключение своего анализа Иван Аррегуин-Тофт формулирует основные положения, которые должны составить основу американского ответа на вызовы асимметричного конфликта.

Во-первых, необходимо готовить общественное мнение к тому, что конфликт будет длительным, несмотря на все технические и материальные преимущества США.

Во-вторых, необходимо создавать и разворачивать вооруженные силы, специально вооруженные, оснащенные и подго-

товленные для контр-партизанской борьбы.

Таким образом, как указывает американский эксперт, в будущем США неизбежно должны иметь в составе своих вооруженных сил два компонента: обычные силы для ведения симметричной войны и специальные силы для ведения асимметричного конфликта.

Возможный вариант сил для ведения асимметричного военного конфликта был предложен в 90-х годах XX века корпорацией РЭНД, где в рамках проекта «Принцип стаи и информационные операции» были проведены специальные исследования, посвященные поиску новых, эвристических форм вооруженной борьбы. Сотрудники корпорации РЭНД Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт в результате своих теоретических изысканий выдвинули концепцию «боевой стаи»[52]. В 2000 году результаты своего исследования американские ученые опубликовали в работе «Принцип стаи и будущее конфликта»[53].

В своих теоретических построениях авторы исходили из того, что, во-первых, информация в широком смысле этого слова является важнейшей составляющей войн будущего, и, во-вторых, что вооруженные столкновения будущего будут абсолютно непохожими на «традиционные войны» прошлого.

По мнению Аркуилла и Ронфельдта, на протяжении столетий своей эволюции вооруженная борьба принимала четыре важнейшие формы: рукопашную схватку, массирование, маневренность и действия стаей.

Рукопашная схватка имела форму хаотического столкновения на близкой дистанции, при этом каждый воин сражался по своему усмотрению, полагаясь на свои силы и конкретные возможности. На том этапе требования к организации

---

[52] Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт вводят свой новый термин: Battle Swarm — «боевая стая». Словарное значение термина Swarm: рой, стая, толпа; куча, масса.

[53] John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000.

и информационному обеспечению схватки были минимальными.

Массирование появилось тогда, когда успех военного столкновения стал обеспечиваться организованным, скоординированным применением сил и средств. В результате неорганизованное и трудно управляемое войско в форме толпы приобрело структурированность и организацию: появилось боевое построение в форме фаланги, каре, колонны, строя, возникло понятие фронта и тыла. С принципами массирования тесно связана иерархическая структуризация военной сферы: в отличие от хаотической рукопашной схватки массирование предполагает субординацию, дисциплину, подчинение. Необходимость управления сражением неизмеримо повысила требования к его информационному обеспечению. Возникла необходимость максимально быстро доставлять сообщения (приказы) сверху вниз, обмениваться информацией с соседями, что стало возможным только с соответствующим прогрессом в развитии средств связи и управления.

Маневренность возникла тогда, когда многочисленные, неповоротливые, тяжелые военные формирования стали терять свою боевую эффективность. С развитием огнестрельного оружия массированные боевые построения уступили место рассыпному строю, а вооруженная борьба на поле боя из «классического лобового столкновения» превратилась в поиск слабых мест противника с последующим ударом именно в него. Суть маневренности как раз и заключалась в поиске и атаке своими превосходящими силами слабых мест противника, прикрываемых незначительными силами на отдельном направлении, т. е. в уничтожении противника по частям. Для достижения успеха на поле боя войска вынуждены были прибегать к охвату и обходу, ударам по флангам, тактике просачивания. В военной теории появились понятия «центров тяжести» боевого построения, главного и второстепенного направления ударов, сосредоточения сил и огня на решающих направлениях. Стра-

тегия и тактика маневренной войны изменялась и совершенствовалась вслед за развитием науки и техники. Маневренность привела к усложнению информационных потоков на поле боя. Теперь уже один главнокомандующий, подобно Наполеону, не мог контролировать весь ход и исход битвы или сражения. Основными планирующими, организующими и руководящими органами на поле боя становятся штабы. Неизмеримо возросли роль и значение информации и средств обмена информацией, особенно радио.

Действия стаей, по терминологии Аркуилла и Ронфельдта, пришли в настоящее время на смену маневренности. Под действиями в стае подразумевается «систематическое пульсирующее использование силы и/или огня разнообразными, но взаимно связанными подразделениями (частями), действующими против противника одновременно со всех направлений»[54].

Главными отличительными признаками действий стаей, таким образом, являются: централизованная (единая) стратегия, но децентрализованная (нешаблонная, разнообразная) тактика действий; автономные или полуавтономные подразделения (части); действиях всех подразделений (частей) против единой цели; «аморфное», но скоординированное действие (атака) со всех направлений; отсутствие понятия «фронта»; совершенная система управления, разведки, информации, компьютерного обеспечения; воздействие как дистанционное, так и в непосредственном контакте с противником; сосредоточение главных усилий на подрыве сплоченности противника[55].

«Важнейшей целью действий стаей, — пишут американские исследователи, — является не столько физическое уничтожение противника, хотя это и не сбрасывается со счетов, сколько подрыв его сплоченности. Когда эта цель достигнута, противник

---

[54] John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. VII.

[55] John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 45.

потеряет способность эффективно маневрировать или вести огонь, и тогда военные цели действий стаей могут быть легко обеспечены»[56].

Американские авторы отмечают, что тактика действий стаей не является абсолютно новой формой ведения вооруженной борьбы. В древние века именно так воевали племена кочевников, так действовали монголо-татары, расширяя свои завоевания. Даже в XX веке действия стаей нашли свое проявление в борьбе немецких подводных лодок против англо-американских конвоев в годы второй мировой войны; в тактике действий английской истребительной авиации против бомбардировочных рейдов фашистов; в тактике самопожертвования японских камикадзе. Тактика действий стаей характеризовала войска китайских народных добровольцев в войне в Корее 1950–1953 гг.[57]

Одним из первых военных теоретиков Запада, подошедших к идее действий стаей с научной точки зрения, стал Отто Хейлбрунн (ФРГ). Работая над проблемой обеспечения выживания и поддержания боеспособности обычных вооруженных сил на поле боя атомной войны, он предложил создавать небольшие маневренные части, которые будут способны действовать по принципу «концентрического рассредоточения». Его идея заключалась в том, что эти небольшие подразделения и части будут находиться в постоянной связи друг с другом и соединяться в одном пункте только в момент проведения атаки объекта противника. После атаки эти подразделения и части вновь рассредоточиваются и маневрируют индивидуально, хотя и в тесной координации друг с другом, вплоть до новой совместной атаки. В отдельных случаях эти части и подразделения могут концентрироваться в одном месте для проведения оборонительных операций против атакующего противника.

---

[56] John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 23.

[57] John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 32.

Действия стаей, в отличие от предыдущих форм вооруженной борьбы, предполагают способность структурировать и обрабатывать огромное количество информации различного характера. Тот, кто будет способен достичь этого, получит огромные преимущества на поле боя.

Классическим образцом действий стаей, как отмечают Аркуилл и Ронфельдт, можно считать действия немецких подводных лодок против английского и американского флотов в годы второй мировой войны. Находясь на «свободной охоте» на океанских просторах, немецкие подлодки при обнаружении конвоя противника нападали на него со всех направлений, подобно стае акул или волков. Такая тактика требовала недюжинных усилий по координации и четкому согласованию взаимных действий. Ошибка в действиях одной подводной лодки могла не просто сорвать всю операцию, но и привести к своим тяжелым потерям.

Бой или операция будущего как на суше, так и на море будут строиться по тем же принципам: войска (силы) в «нормальном состоянии» будут пребывать в рассредоточенном состоянии но в постоянной готовности мгновенно соединиться, нанести удар по выбранной цели со всех направлений и немедленно рассредоточиться. Тем самым войска (силы) обеспечивают свою безопасность, избегая ответных ударов со стороны противника.

Дж. Аркуилл и Д. Ронфельдт в своем исследовании в качестве субъектов действий стаей выделяют силы (войска) и средства (огонь). Применение принципа действий стаей в отношении средств поражения (огня) представляется в маневре огнем на поле боя и сосредоточении всех видов огня на определенной «критической» цели. К этому прибегали американские войска в войне во Вьетнаме (в ответ на действия стаей вьетнамских партизан) и советские войска в Афганистане.

Что лучше — применение принципа действий стаей по отношению к силам (войскам) или средствам (огню) — вопрос достаточно сложный. Авторы концепции считают, что первое все же имеет более важное значение, чем второе. Другими словами,

несмотря на достижения в развитии средств поражения, успех вооруженной борьбы в будущем при ведении боя по принципам действий стаей будет в большей степени определяться возможностями и подготовкой войск.

Действия «стаей» или в составе «стаи» (роя) проявляются в природе и социуме в различных формах.

Первой является, безусловно, форма «социализации» муравьев. Добывая пищу, преследуя жертву, эти насекомые прибегают к «ковровой» тактике, наступая на объект «атаки» сплошной массой. Они легко ломают свои ряды, нападая на жертву со всех направлений. К такой же тактике муравьи прибегают в периоды «территориальных войн» с соседними муравьиными семьями.

Аналогом «муравьиной формы» действий стаей в некотором смысле выступает тактика партизан. Именно так воевали против американских войск южновьетнамские партизаны. Организованную форму они принимали при передвижениях, а атаку противника проводили «волнами», сосредоточивая на объекте атаки все силы и доступные средства.

Второй естественно-природной формой действий «стаей» является поведение животных, живущих и охотящихся стаями — в частности, волков. Их стаи по численности не идут в сравнение с муравьиными или осиными роями. Кроме того, в процессе охоты волчья стая делится на небольшие группы, которые нападают на жертву с разных направлений. Суть волчьей охоты состоит в выборе наиболее подходящей (слабой) жертвы с последующей изоляцией ее от стада, дающего ощущение «безопасности в массе». Успех волчьей охоты достигается способностью длительного бега (гон жертвы) и четкой организацией финального броска.

Тактика волчьей стаи, по мнению Аркуилла и Ронфельдта, издавна традиционно используется партизанами в разных районах мира. Точно так же действовали немецкие подводные лодки в годы второй мировой войны. Аналогичным этому является поведение «футбольных хулиганов», доставляющих немало хлопот полиции во многих странах мира.

Третьей формой действий стаей, проявляющейся в природе и социуме, выступают «беспорядочные атаки», подобные укусам москитов и комаров или постоянная борьба вирусов и бактерий с антителами в организме человека. Эта форма подразделяется на два варианта. Во-первых, «оппортунистический», когда каждый из атакующих преследует свою собственную цель (выгоду), примером чего могут быть комары, акулы или папарацци, «охотящиеся» на знаменитость. Во-вторых, все «беспорядочно атакуют» одну цель, каковой для бактерий, например, служит иммунная система человека.

Применительно к ведению боевых действий в военных конфликтах будущего переход к действиям стаей предполагает соответствующие организационно-штатные изменения в структуре вооруженных сил. По мнению авторов концепции Дж. Аркуилла и Д. Ронфельдта, «боевая стая» будущего будет включать в себя «кластеры»[58] и «поды»[59].

Низшим организационным звеном выступает «под», который может быть однородным (аналог подразделения только одного рода войск) или комбинированным (включать в себя компоненты различных родов войск). В будущем возможно существование обеих форм в зависимости от решаемых задач, специфики противника и других факторов. Некоторые «поды» будут предназначены для нанесения удара по объекту противника, другие — по прикрытию атакующих «подов».

Численность «подов» и «кластеров» также будет зависеть от множества факторов. Американские исследователи считают, что «под» будет примерно равен современному взводу и насчитывать 40–45 военнослужащих и 10 боевых машин. Три «пода» составят «кластер», численность которого будет соответствовать примерно половине пехотной роты современных вооруженных сил США.

---

58 Cluster — пучок, куст, группа, рой.

59 Pod — небольшое стадо, стайка; стручок, кокон.

Более высокие организационно-штатные структуры, подобные современным батальонам, полкам, бригадам, дивизиям и корпусам сухопутных войск, при действиях в стае будут просто не нужны.

Расчеты американских специалистов показывают, что один «кластер» сможет вести успешные боевые действия по принципу стаи против батальона регулярных вооруженных сил противника. Десять «кластеров» будут способны эффективно действовать против «традиционной» дивизии противника.

Действуя по принципу стаи, вооруженные силы будут способны эффективно действовать не только и не столько против регулярных формирований вооруженных сил противника, сколько против разнообразных вооруженных и полувоенных организаций и структур самого разнообразного типа.

По сути дела, Джон Аркуилла и Дэвид Ронфельдт предлагают новую форму адекватного ответа вызову современной эпохи: как регулярным вооруженным силам бороться с иррегулярными вооруженными формированиями и новыми «нетрадиционными» угрозами национальной безопасности. Привычные организационные формы, принципы управления и ведения боевых действий «не работают» в реальной «неправильной» обстановке. Опыт боевых действий во Вьетнаме, Афганистане, Чечне свидетельствует о том, что организационно-штатная структура войск не соответствует решаемым войсками задачам. В борьбе с партизанами, повстанцами, террористами регулярные батальон, полк или дивизия «выглядят так же неуклюже, как динозавры на улицах городов».

Регулярные вооруженные силы должны найти такие организационно-штатные формы, которые позволили бы им мгновенно реагировать на угрозы, в зависимости от особенностей противника «перетекать» из одной формы в другую. Регулярные войска должны быть способны находить противника, нейтрализовать и уничтожать его, действуя гибко и непредсказуемо, со всех направлений, разными способами и средствами.

С этими взглядами солидаризуются многие американские эксперты. Генерал-лейтенант морской пехоты США (в отставке) Поль К. Ван Райпер сравнивает вооруженные силы будущего с сообществами муравьев или термитов. При сборе пищи или строительстве жилья они действуют вне рамок строгой иерархии. Ключевым моментом, определяющим эффективность вооруженных сил будущего, будет способность военнослужащих понять замысел операции и организовать себя для выполнения боевых задач. В идеале, как утверждает американский генерал, морские пехотинцы должны четко понимать суть и задачи боевой операции и «подстроиться» под них. Задача же командира будет заключаться не в контролировании каждого шага и этапа операции, а в оценке действий своих подчиненных[60].

Всего этого можно достичь только при абсолютном информационном превосходстве над противником, кем бы он ни был.

Взгляды зарубежных военных экспертов на характер и особенности ведения «традиционных» войн

Вооруженные силы США, как считают американские военные специалисты, в будущем могут столкнуться не только с асимметричными военными конфликтами, действуя против иррегулярных формирований противника, но и принять участие в «традиционных» войнах.

Важнейшим отличительным признаком «традиционных» войн является применение обеими конфликтующими сторонами группировок войск (сил) регулярных вооруженных сил с применением обычных средств вооруженной борьбы или даже с использованием оружия массового поражения. Такая война ведется всем государством, с полным или частичным напряжением всех его сил и возможностей. Военные действия в военном

---

[60] Daintry Duffy. Information Is a Weapon. What Will Happen When Every Soldier Is Armed With It?// Darvin Magazine. November, 2001.

конфликте такого типа ведутся в соответствии с выработанными веками принципами классического военного искусства.

Именно к такому виду войн готовились вооруженные силы США в годы «холодной войны», имея перед собой в качестве главного вероятного противника Советский Союз. С развалом СССР угроза этого типа войн, по мнению американских военных специалистов, значительно снизилась и в настоящее время не считается главной.

«Традиционные» войны, по мнению военных специалистов, могут вестись против «стран-изгоев», к которым в Вашингтоне относят некоторые государства и политические режимы явно антиамериканского характера (прежде всего, КНДР и Ирак). Примером войны такого типа считается война в Персидском заливе 1990–1991 гг.

Для ведения «традиционных» войн, как отмечают американские авторы, вооруженные силы США должны и в будущем располагать значительными контингентами сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Победа в войнах этого типа, по мнению военных специалистов, может быть обеспечена только за счет абсолютного военно-технического превосходства США. Упор делается на техническое оснащение войск современнейшими системами разведки, управления, и поражения, которые должны на несколько порядков превосходить вооружения и военную технику потенциальных противников. Ставка на обеспечение военно-технического превосходства США обусловила появление новых теорий и принципов ведения военных действий в ходе «традиционных» войн.

«Размышляя о малых войнах» — так называлась статья полковника ВВС США Ричарда Сафрански, опубликованная в журнале «Parameters» в сентябре 1990 года[61]. По мнению этого авторитетного военного специалиста, «малые войны, независимо от их генезиса, представляют собой войны, которые ведутся

[61] R. Szafranski. Thinking About Small Wars// Parameters, September 1990.

против вооруженных сил более слабой страны или в интересах более мощной державы. Эти войны ведутся и будут вестись в тех регионах, где мы ощущаем угрозу нашей безопасности или нашим интересам».

Другими словами, под «малыми войнами» автор понимает ограниченные в пространственно-временном отношении военные конфликты с ограниченными политическими и военными целями[62]. Такие конфликты могут и будут вестись только за пределами США, но с использованием вооруженных сил США. Полковник Р. Сафрански в своем анализе упоминает три региона, где, по его мнению, возможно возникновение «малой войны»: Карибский бассейн, Ближний и Средний Восток и тихоокеанское побережье.

Многие страны «третьего мира» сегодня «вооружены до зубов». Они имеют самые современные системы вооружений, а некоторые из них даже обладают оружием массового поражения и системами его доставки. Более того, вооруженные силы стран «третьего мира» имеют хорошо подготовленные командные кадры, прошедшие обучение и подготовку в лучших военно-учебных заведениях Запада, Азии, США или бывшего Советского Союза. И хотя уровень боевой и специальной подготовки офицерского корпуса развивающихся государств, безусловно, не может сравниться с уровнем подготовки американских военных профессионалов, они могут иметь более высокий моральный дух, лучше знают условия местности, имеют поддержку местного населения, обладают знаниями и опытом ведения партизанской войны.

В ходе интервенций в регионы «третьего мира» вооруженные силы США могут встретиться со множеством трудностей, которые, в частности, будут обусловлены крайне слабым

[62] В отличие от интерпретации Р. Сафрански, другие американские военные эксперты вкладывают в термин «малая война» принятый и в России смысл — военные действия регулярных войск с иррегулярными формированиями.

развитием инфраструктуры, особенно отсутствием приемлемых взлетно-посадочных полос для авиации.

> Для ведения «малых войн», по мнению Р. Сафрански, необходимо соответствующим образом готовить вооруженные силы США. С одной стороны, они должны быть всесторонне готовы к ведению боевых действий. С другой стороны, наиболее боеготовые части и подразделения могут быть наименее подготовленными к ведению полицейских операций и других специфических действий. Именно поэтому для ведения «малых войн» необходимы высокомобильные, многофункциональные вооруженные силы, способные действовать решительно и быстро, днем и ночью, против регулярных и иррегулярных сил противника в отрыве от своих главных сил и баз снабжения.

В заключение своего анализа Р. Сафрански дает серию рекомендаций политическому руководству государства, ответственному за принятие решений по использованию вооруженных сил за пределами США:

— Необходимо четко представлять желаемые политические результаты;
— Предвидеть возможные последствия еще до интервенции;
— Не совершать интервенции, не будучи физически и психологически подготовленным к ней;
— Необходимо стремиться к четкой структуре управления;
— Прежде всего, необходимо использовать «элитные силы» (силы специальных операций);
— Важно сразу планировать и осуществлять мощные, высокоточные удары;
— Помогать противнику выйти из игры достойно;
— Вести диалог с противником;
— Восстанавливать мир как можно быстрее.

В целом, по мнению американского военного специалиста, «малые войны» — это та угроза, с которой Соединенные Штаты наверняка встретятся в будущем, продвигая свои интересы

в сложных, взрывоопасных регионах мира. Военная интервенция США может иметь различный масштаб и интенсивность, которые будут специфическими в каждом конкретном случае.

Однако, применительно к США, спектр возможных конфликтов «традиционного» типа не ограничивается только «малыми войнами» по терминологии Р. Сафранского. Возможны и «большие» войны.

Одной из концепций «традиционных» войн, появившихся и получивших свое развитие в 90-е годы XX века, стала концепция «стратегического паралича». Автором ее считается полковник ВВС США Дж. Уоррен, который явился одним из «идеологов» воздушной кампании США против Ирака в 1990–1991 гг.

Дж. Уорден был не первым, кто пришел к выводу о стратегической важности воздушной мощи в современной войне. Подобные теории появились и имели своих горячих сторонников, в частности в лице британского военного теоретика Дж. Фуллера, еще в 30–40-е годы XX века. Однако Дж. Уорден стал одним из первых, кто сделал акцент на политических, а не экономических аспектах воздушной войны. В качестве основных стратегических целей поражения авиацией, по мнению Уордена, должны выступать не объекты экономики противника, а его политические структуры и объекты.

Результатом исследования американского офицера стала работа «Воздушная кампания: планирование боевых действий»[63], в которой он в систематизированном виде изложил свои представления о роли авиации в будущей войне.

Основная мысль Дж. Уордена заключалась в том, что «воздушная мощь обладает уникальной способностью достигать стратегических целей войны с максимальной эффективностью и минимальными затратами»[64]. В основу своих теоретических

---

[63] Warden, John A. III. The Air Campaign: Planning for Combat. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1988.

[64] D.S. Fadok. John Boyd and John Warden: Air Power Quest for Strategic Paralysis. A Thesis presented to the faculty of the School of Advanced Air-

построений Дж. Уорден положил известный принцип Клаузевица о «центрах тяжести» противника. Американский полковник охарактеризовал «центры тяжести» как «пункт, в котором противник наиболее уязвим, а атака против него будет наиболее эффективна». При планировании и ведении военных операций выявление «центров тяжести» противника является чрезвычайно важным. Воздушная мощь, по мнению полковника Дж. Уордена, позволяет поражать даже те «центры тяжести» противника, которые сухопутными силами просто не могут быть достигнуты.

Весной 1995 года в журнале «Airpower Journal» Дж. Уорден опубликовал статью «Противник как система»[65], в которой сосредоточился на изложении сути своей концепции — системном подходе к достижению победы в войне (военной кампании).

«Как стратеги и «операторы», мы должны избавиться от представления, что сутью войны является столкновение вооруженных сил, — утверждает Дж. Уорден. — В стратегической войне такое вооруженное столкновение может иметь место, но не всегда оно будет обязательным и, более того, оно, как правило, должно избегаться. Оно почти всегда является средством достижения цели, но не самой целью»[66]. По мнению автора, этот момент является принципиальным для понимания сущности войны и самым трудным для восприятия в рамках стандартного военного мышления.

Теоретические построения Дж. Уордена строились вокруг знаменитой формулы Наполеона о соотношении физической силы и морального духа на войне как 1 : 3. Американский летчик, проанализировав изменения в технической оснащенности войск и их боевых возможностях за последние почти два сто-

---

power Studies. Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama, June 1994.

[65] Warden, John A. III. The Enemy As A System// Airpower Journal. 1995. Spring.

[66] Warden, John A. III. The Enemy As A System// Airpower Journal. 1995. Spring.

летия, сделал вывод: соотношение физической (материальной) силы и морального духа в настоящее время будет примерно 1 : 1. При этом, моральный дух противника невозможно спрогнозировать, невозможно заранее предвидеть результат его воздействия, в отличие от материального фактора. Поэтому, осуществляя стратегическое военное планирование, можно делать определенные расчеты, полагаясь только на материальные факторы. А отсюда следовал и соответствующий вывод: «На стратегическом уровне мы достигаем результатов путем нанесения такого ущерба одному или нескольким элементам физической системы противника, что противник приходит к решению принять наши условия, или мы делаем так, что для противника становится физически невозможным противостоять нам. Второй вариант мы называем стратегическим параличом»[67]. По мнению Дж. Уордена, в каждой отдельной войне или военной операции необходимо конкретно определяться с объектами и целями воздействия, учитывать потенциал и намерения противника, а также свои возможности.

В связи с этим Дж. Уорден предложил простую и наглядную модель оценки противника, которую он оформил в виде пяти концентрических колец, очень напоминающих стандартную мишень в тире. Он подошел к анализу противника через призму системного подхода, в результате «центры тяжести» противника были помещены им в пяти элементах (сферах), которые виделись автору в форме пяти концентрических колец.

Наиболее уязвимое место противника — «центральное кольцо» — политическое и военное руководство страны. Следующим по важности «кольцом» является система жизненно важных для функционирования государства элементов — водообеспечение, энергетическая база страны, система электроснабжения. В качестве третьего «кольца» выступает транспортная

[67] Warden, John A. III. The Enemy As A System// Airpower Journal. 1995. Spring.

Пояснения:
Leadership — руководство
Organic Essentials — система жизнеобеспечения
Infrastructure — инфраструктура
Population — население
Fielded forces — группировка развернутых вооруженных сил

сеть и инфраструктура государства. Население государства представляется четвертым по важности элементом-«кольцом», при этом воздействие на него вовсе не предполагает его физического уничтожения, а скорее — деморализацию, разложение населения, лишение его воли к ведению войны. Внешним, периферийным «кольцом» выступают вооруженные силы государства.

В случае нейтрализации любого «кольца», эффективное функционирование всей системы, именуемой противником, нарушается. При этом, в зависимости от того, какое именно «кольцо» выведено из строя, нарушение функционирования всей системы может быть серьезным или критическим. Естественно, самым главным «кольцом» выступает центральное — руководство государства или командование противостоящей группировки сил противника.

В свою очередь, каждое «кольцо» рассматриваемой системы также представляет собой аналогичную пяти-структурную подсистему: в каждом из «колец» есть свое «подкольцо» руководства, комплекса жизнеобеспечения, инфраструктуры и т. д.

«Центрами тяжести» в системе противника выступают связи и взаимоотношения между «кольцами», равно как и отдельные элементы каждого «кольца».

Суть «модели пяти колец» заключается в том, что стратегический план кампании или войны должен быть нацелен, прежде всего, на уничтожение главных «центров тяжести» — руководящих структур государства. Если же, например, внутреннее кольцо (руководство страны) не выступает по тем или иным причинам в качестве объекта-цели поражения, то в качестве первоочередных «центров тяжести» выбираются соответствующие руководящие структуры в других «кольцах» (экономика, инфраструктура, вооруженные силы и т. д.). С нейтрализацией или уничтожением центрального «кольца» наступает «полный паралич» всей системы, уничтожение или нейтрализация

Таблица 1

	Тело человека	Государство	Наркокартель	Электросеть
Руководство	Мозг	Правительство	Главарь	Центральный пульт
Система жизнеобеспечения	Пища и кислород	Энергия (электричество, нефть, продукты питания) и деньги	Сырье коки	Вход (тепло- и гидростанции); выход (электричество)
Инфраструктура	Сосуды, кости, мышцы	Дороги, аэродромы, фабрики	Дороги, воздушные пути, морские линии коммуникации	Линии электропередач
Население	Клетки тела	Население	Обработчики сырья и изготовители наркопродукции	Рабочие
Военный механизм	Лейкоциты	Армия, полиция	«Уличные бойцы»	Ремонтники

«центров тяжести» других «колец» приведет к «частичному параличу» системы.

Для наглядности, Джон Уорден применил принципы «пяти колец» к рассмотрению и других сложных биологических, социальных и технологических систем, сведя эти примеры в таблицу 1.

Приведенные аналогии при всей их абстрактности позволяют уяснить главное:

«Стратегическая война — это война, целью которой является принуждение государства или некой организации противника совершить то, что Вы хотите», — так сформулировал суть войны Дж. Уорден. Другими словами — задача состоит в том, чтобы заставить противника выполнить Вашу волю. При этом речь идет об уничтожении государства или некой организации противника, т. е. противника как системы, а не его вооруженных сил. По мнению Дж. Уордена, в идеале вооруженные силы вообще могут оказаться в роли «ненужного придатка», потерявшего связь с руководством, системой жизнеобеспечения, инфраструктурой и населением.

Внешнее пятое «кольцо» системного взгляда на противника, представляющего собой его развернутые группировки войск (сил), традиционным военным мышлением рассматриваются в качестве самого главного объекта воздействия на войне. Но в действительности, они — лишь средство достижения целей. Их единственной функцией является «защита своих внутренних колец или угроза таковым кольцам противника». Дж. Уорден в своем анализе утверждает, что важное значение, которое традиционно отводилось военными теоретиками прошлого необходимости разгрома армии противника, было обусловлено геополитическими факторами. Авторы этих военных теорий были «континентальными военачальниками, у которых просто не было другого выбора, кроме как сражаться с армиями противника». Современные технологии войны, как считает полковник Дж. Уорден, позволяют формировать новые политические

варианты достижения целей войны. «Бессмысленно бороться с вооруженными силами противника, — сделал вывод американский военный эксперт, — если они могут быть нейтрализованы стратегией или технологиями — в обороне или наступлении»[68].

После того, как взгляд на противника как на систему осознан и понят, встает другой вопрос: а что же делать? Дж. Уорден дает свой ответ: необходим новый подход с позиций концепции «параллельной атаки».

Объясняя суть предлагаемого подхода, американский эксперт выделяет в системе противника «жизненно важные цели», число которых на стратегическом уровне очень незначительно — не более нескольких сотен. Каждая «жизненно важная цель» имеет не более 10 «точек прицеливания». Сами по себе эти «жизненно важные цели» имеют небольшие размеры, являются очень дорогими, а их восстановление представляется очень сложной задачей. Поэтому, как считает Дж. Уорден, «если значительный процент таких целей будет поражен, то ущерб становится непереносимым». Идея Дж. Уордена о «параллельных атаках» легла в основу военного планирования США в современных условиях. «Параллельные (одновременные) атаки лишают противника возможности эффективного ответа, — объясняет полковник Уорден. — Чем выше процент целей, пораженных в одном ударе, тем ниже вероятность ответа со стороны противника… Этот параллельный способ ведения войны, в отличие от старого способа последовательных серийных ударов, делает реальностью идею Клаузевица об идеальной форме войны, когда имеет место нанесение ударов по всем целям в один момент времени»[69].

Таким образом, Дж. Уорден, придавая первостепенное значение политическим аспектам войны, признавая правильность идеи Клаузевица о том, что «войны ведутся с политическими

---

68 Warden, John A. III. The Enemy As A System// Airpower Journal. 1995. Spring.

69 Warden, John A. III. The Enemy As A System// Airpower Journal. 1995. Spring.

целями», пошел глубже. В его представлении война представляет собой поединок между политическими руководствами двух сторон. А тогда и целью военной акции является не уничтожение военной силы противника, а «манипуляция волей его политического руководства». И даже уничтожение военной силы противника должно рассматриваться как акция, направленная на морально-психологическое разоружение его политического руководства.

Сформулировав свое видение сути войны, Дж. Уорден выделяет три стратегии достижения целей в войне:

— стратегия накладных расходов (принуждения);
— стратегия паралича (выведения из строя);
— стратегия разрушения (уничтожения).

Суть стратегии накладных расходов заключается в том, чтобы создать условия, в которых продолжение сопротивления противником становится слишком дорогим. Для этого необходимо оценить «болевой порог» противника, основанный на его системе ценностей, а затем массированными, безжалостными ударами бить через этот «порог» по намеченным целям («центрам тяжести») посредством серии «параллельных» операций. Такая стратегия должна принудить политическое руководство противника принять американские условия окончания войны, привести к частичному или даже полному параличу всей государственно-политической и военной системы противника.

Стратегия паралича направлена на создание таких условий, когда продолжение сопротивления для командования противника является невозможным. Это достигается посредством одновременных и мощных ударов по всей государственной и военной системе от «центрального» кольца к «периферии», что должно привести к его полному параличу. В итоге, возможно будет влиять на политику руководства противника в нужном направлении.

Стратегия разрушения нацелена на уничтожение всей государственной и военной системы противника до того предела, когда возможные изменения политики руководством про-

тивника уже не имеют никакого значения. По мнению самого Дж. Уордена, эта стратегия наименее эффективна в XXI веке, несет с собой массу ограничений, в том числе морального плана, и будет редкостью.

Теории ведения современных и будущих военных конфликтов «традиционного» типа разрабатывались с 90-х годов прошлого века и другими авторитетными американскими исследователями. В декабре 1996 года в Университете национальной обороны США была издана книга «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования», написанная Харланом Уллманом и Джеймсом Уэйдом[70]. Работа стала результатом исследования, в котором помимо авторов приняли участие Л. Эдни, Ф. Фрэнкс, Ч. Хорнер, Дж. Хоуи и К. Брэндли. Принципиальные положения изданного военными экспертами труда легли в основу планирования и проведения военной операции США против Ирака в 2003 году. Не случайно сама операция тоже получила название «Шок и трепет».

Главная идея авторов заключается в том, что с окончанием холодной войны создалась уникальная для США ситуация, когда на планете фактически нет противника, который мог бы сравниться по военной мощи с вооруженными силами Соединенных Штатов. Такое положение, названное авторами «периодом стратегического преимущества», может продлиться, по оценкам Х. Уллмана и Дж. Уэйда, достаточно долго, может быть даже несколько десятилетий. Однако именно такая ситуация представляет для США новые опасности. Потенциальные противники, прекрасно понимая технологические преимущества США, попытаются изменить условия проведения будущего конфликта и нейтрализовать американские преимущества.

Авторы исследования отмечают: «Хотя общая угроза для США с крахом СССР резко уменьшилась, было бы верхом

[70] Harlan K. Ullman and James P. Wade. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. NDU: Washington, D.C., December 1996.

глупости предполагать, что для нашей нации больше нет никаких рисков или что не стало больше злодеев, которые бы не хотели зла нашей стране. Было бы также весьма близоруко ожидать, что наши потенциальные противники невежественны и не попытаются преодолеть наше нынешнее военное и техническое превосходство своими преимуществами в лучшем знании обстановки и простоте, подобно тому, как то, что сделали северные вьетнамцы».

Анализируя создавшуюся ситуацию и признавая ее выгодной для США, американские эксперты в своей книге, ссылаясь на авторитет В. И. Ленина, отмечают: «Ленин задавался вопросом: „Что делать?“ Прежде всего, США должны использовать те несколько преимуществ, которыми они располагают. Первое — у нас есть время… Второе — сочетание американских технологических „ноу-хау“ со статусом самого образованного и подготовленного общества в мире и предпринимательским духом нашей системы создает мощный потенциал, если мы будем достаточно умны воспользоваться этим уникальным ресурсом. И третье — министерство обороны уделяет большое внимание развитию новых концепций и идей».

Воспользовавшись создавшимися для Соединенных Штатов преимуществами, необходимо, по мнению Х. Уллмана и Дж. Уйэда, сосредоточить силы на постижении сути угроз и вызовов безопасности США и на этой основе разработать концептуальные подходы к их нейтрализации.

Харлан Уллман и Джеймс Уэйд выдвигают свою концепцию обеспечения победы в будущих войнах. Великие полководцы древности еще задолго до китайского стратега Сунь-Цзы ломали головы над заманчивой идеей разгрома противника путем подрыва его воли еще перед началом сражения. Как победить не воюя, как заставить противника капитулировать еще до начала военных действий — об этом мечтали многие тираны и монархи прошлого. И только сегодня, как считают американские

эксперты, появилась возможность попытаться претворить эту мечту в жизнь.

Суть новой стратегической концепции, которую Х. Уллман и Дж. Уэйд назвали стратегией «стремительного доминирования», заключается в «сломе или подчинении воли противника к сопротивлению, в результате чего он будет вынужден подчиниться нашим стратегическим и военным целям». Для достижения этого результата необходимо, по словам авторов исследования, «полностью контролировать оперативную обстановку и благодаря этому доминированию контролировать все, что противник воспринимает, понимает и знает, равно как и контролировать и регулировать то, что он не воспринимает, не понимает и не знает».

Стратегия «стремительного доминирования» должна полностью ввергнуть противника в состояние ужаса, хаоса и паники или, говоря словами авторов концепции — «шока и трепета». Они пишут: «Цель стратегии „стремительного доминирования“ заключается в воздействии на волю, процессы восприятия и понимания противника посредством введения режима „шока и трепета“ таким образом, чтобы заставить его принять наши стратегические политические цели. Очевидно, что традиционные военные цели уничтожения, разгрома или нейтрализации военных возможностей противника являются основополагающим и необходимым компонентом стратегии „стремительного доминирования“. Нашим намерением, однако, является использование множества возможностей для инициации состояния шока и трепета, делающего противника бессильным. Это означает, что должны быть достигнуты физические и психологические результаты».

Авторы проекта следующим образом трактуют суть словосочетания «стремительное доминирование»: «„Стремительность“ означает способность двигаться быстро, еще до того, как противник сможет отреагировать… „Доминирование“ означает способность воздействовать и доминировать над волей противника как физически, так и психологически».

Под понятием «физического доминирования» американские специалисты подразумевают «способность уничтожить, разоружить, расстроить, нейтрализовать и обессилить» противника.

«Психологическое доминирование», в свою очередь, означает «способность уничтожить, разоружить или нейтрализовать волю противника к сопротивлению или убедить его принять наши условия и цели без применения силы». Объектом воздействия психологического доминирования считается «воля, система восприятия и процессы понимания противника», а механизм воздействия состоит в создании обстановки «шока и трепета». При этом очень важно, чтобы обстановка «шока и трепета» имела всеобъемлющий характер и была создана мгновенно, чтобы полностью парализовать волю противника. Для достижения этого необходимо сосредоточить усилия на подавлении или уничтожении продовольственной базы противника, запасов воды, инфраструктуры, линий коммуникаций. Все это должно сопровождаться массированным проведением операций по введению в заблуждение, дезинформации, приведению в замешательство и т. п.

Другими словами, суть стратегии «стремительного доминирования» заключается в установлении контроля над обстановкой и парализации способности противника воспринимать и понимать события, что сделает его неспособным оказывать сопротивление на тактическом и стратегическом уровнях. Противник окажется совершенно бессильным и уязвимым для наших действий.

Сила и стремительность действий должны быть столь высокими, что у противника не должно оставаться ни тени сомнения в неизбежном крахе. И дело даже не в уровне возможных потерь в живой силе и технике. Противник должен быть психологически сокрушен.

Вооруженные силы, осуществляющие операции в рамках стратегии «стремительного доминирования», должны обладать четырьмя важнейшими характеристиками. Им должны быть

присущи:

1. Максимально полное или абсолютное знание и понимание себя, противника и обстановки.
2. Стремительность и своевременность в действиях.
3. Операционная безупречность в действиях.
4. Максимально полный контроль над оперативной обстановкой.

Максимальное знание обстановки, противника и своих собственных сил должно обеспечиваться на всех уровнях: политическом, стратегическом, экономическом и военном/операционном. Как говорят авторы, необходимо «проникнуть глубоко в сознание противника», намного глубже, чем в прошлом. Под этим «проникновением» они понимают не только эффективную разведку противника, но и «культурное понимание» противника, то есть знание и понимание его национального менталитета, особенностей национального характера, специфики процессов принятия решений. Все это влияет на планирование и результаты военных операций на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях.

«Стремительное доминирование» должно обеспечивать стремительность действий, так как фактор времени является ключевым. Эта концепция предусматривает использование всех своих возможностей быстрее и эффективнее противника.

Войска и силы, задействованные в операциях в рамках стратегии «стремительного доминирования», должны находиться в высшей степени готовности, обладать высочайшим уровнем подготовки и оснащенности.

И, наконец, «стремительное доминирование» предполагает достижение абсолютного контроля над обстановкой — над информационными потоками своими и противника, а также предусматривает целый комплекс мер по дезинформации и введению противника в заблуждение.

В своей работе Х. Уллман и Дж. Уэйд пытаются экстраполировать принципы стратегии «стремительного доминирования»

на возможный конфликт будущего, взяв в качестве потенциального театра военных действий Персидский залив. Они пишут: «Предположим, операция типа „Буря в пустыне“ проводится через 20 лет в соответствии с планом, основанным на концепции „стремительного доминирования“. Предположим, далее, что Ирак улучшил и восстановил свою военную мощь, а нашей основной задачей будет в ходе серии последовательных, скоротечных акций вывести Ирак из строя, уничтожить его правительство, изолировать и уничтожить его вооруженные силы, как то, что имело место в 1991 году. Однако через 20 лет концепция „стремительного доминирования“ позволит достичь этой цели за несколько дней, а возможно даже часов, а не через шесть месяцев, да еще с привлечением 500 тысяч солдат, как это было в 1990–1991 гг. Более того, стратегия „стремительного доминирования“ даже обеспечит условия предотвращения вторжения на начальной стадии».

Продолжая свою мысль, американские эксперты отмечают необходимость сосредоточения усилий на двух аспектах: физическом уничтожении соответствующей инфраструктуры противника и лишении его доступа к потокам информации и торговли. Действия американской стороны должны быть решительны и быстры, чтобы вызвать «национальный шок», сравнимый по психологическим результатам с эффектом атомной бомбардировки Хиросимы или Нагасаки.

Одновременно с этим вооруженные силы Ирака окажутся парализованными в результате мер по нейтрализации и уничтожению их боевых возможностей. В широчайших масштабах будут применены меры введения в заблуждение и дезинформации. Очень важно уже в ходе первых военных акций ввергнуть противника в состояние шока, причем не только и не столько его вооруженные силы, сколько политическое руководство страны и его население в целом. Противнику ни в ком случае нельзя давать передышки, чтобы он смог оправиться от шока, собраться с силами и оказать сопротивление. Если же сопротивление

все-таки не будет сломлено в ходе первых ошеломительных ударов, обычные силы должны вступить в бой для физической оккупации территории противника.

Если учесть, что работа «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» была написана в 1996 году, более чем за шесть лет до операции американских и британских войск 2003 года в Ираке, то предвидения авторов можно считать провидческими.

Исследование Х. Уллмана и Дж. Уэйда «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» дает не только общие теоретические подходы к военным операциям будущего, но и формулируют некоторые конкретные соображения о характере будущих операций и составе сил и средств для их проведения.

Военные операции «стремительного доминирования» будут характеризоваться целым рядом характеристик, среди которых очевидными являются:

— Время и место конфликта выбирает противник (застигая нас врасплох).
— Мы затем перехватываем инициативу, благодаря превосходящим возможностям в скорости, знании и способности действовать и реагировать.
— Наши силы должны восприниматься как непобедимые; боевые действия должны убедить противника в безнадежности его положения.
— Боевые действия должны быть неумолимыми и всесокрушающими в смысле выбора времени, места, и темпа действий.
— Союзные операции должны быть тщательно разработаны и скоординированы во всем спектре от политических целей до боевых действий, включая и психологическую войну.
— Противник должен подвергаться ударам в тех районах, которые имеют для него особую важность, и уничтожаться в ходе яростных стремительных атак.

Операция «стремительного доминирования», по мнению американских исследователей, будет проводиться в три этапа.

Первый этап: реагирование в течение 1–3 дней. В ходе этого этапа наносятся авиационные удары и удары крылатыми ракетами, проводятся операции сил специального назначения.

Второй этап: реагирование в течение 5–10 дней. Американские войска наращивают свою мощь, в действие вводится объединенная группировка войск силой от усиленной дивизии до корпуса общей численностью 75–200 тысяч человек.

Третий этап: реагирование в течение 10–30 дней. Предполагается введение в действие второго корпуса.

В состав объединенной группировки войск (сил) для ведения операций «стремительного доминирования» войдут компоненты (части и подразделения) ВВС, сухопутных войск, ВМС и космических сил. Главным условием эффективности действий этой группировки будет совершенная система разведки, за счет чего объединенная группировка войск должна превосходить противника в четырех сферах: знании себя, противника и обстановки; стремительности; безупречности действий; контроле над обстановкой.

Знание в данном случае, как отмечают Х. Уллман и Дж. Уэйд, выходит далеко за рамки всеобъемлющего знания обстановки на поле боя. Оно подразумевает понимание менталитета противника и предвидение его реакций. Оно подразумевает сосредоточение на тех целях, уничтожение которых может вызвать у противника наивысшую степень «шока и трепета». Оно также означает реальную «обратную связь» и адекватную своевременную оценку боевой обстановки, что обеспечивает динамическое использование этого знания, а также дает возможность избрать правильный алгоритм нашего собственного реагирования на обстановку.

Американские авторы пишут: «Разведка включает в себя пять категорий знания и понимания: политическое руководство противника; культура и ценности; стратегическая, поли-

тическая, экономическая и физическая обстановка; военные возможности и боевой порядок противника; всеобъемлющее владение информацией на поле боя».

Стремительность подразумевает быстроту в действиях и маневре, в любом случае нужно быть быстрее противника, причем обязательно на основе своевременности. Стремительность может быть постоянной или достигаться по требованию командования.

Безупречность действий характеризует высшую степень боевой готовности и боевой способности группировки войск, что позволяет приводить противника в состояние «шока и трепета». Это достигается проведением неожиданных для противника акций и психологическим и физическим подрывом воли противника к сопротивлению. Применение новых технических средств, в частности сенсоров и датчиков поля боя, призвано содействовать достижению этой цели. Высочайшие требования предъявляются к индивидуальной подготовке личного состава, действиям децентрализованно, в составе мелких групп (подразделений).

Контроль над обстановкой предполагает абсолютное доминирование на поле боя, что достигается применением новых систем поражения (включая несмертельное оружие, высокоточное и «умное» оружие); боевых платформ (воздушных, наземных, морских), созданных на основе технологии «невидимости»; широким использованием систем робототехники. Контроль над обстановкой предполагает также и активные меры по дезинформации и введению противника в заблуждение, морально-психологическому разоружению его и, соответственно, введению в состояние «шока и трепета».

Таким образом, военные специалисты Университета национальной обороны США считают, что концепция «стремительного доминирования» является наиболее адекватной формой ведения военных действий вооруженными силами США в рамках крупного регионального конфликта будущего. По их

мнению, абсолютное превосходство американских войск во всех сферах (техническом оснащении, технологических инновациях, боевой подготовке личного состава и т. д.) гарантирует им успех действий против враждебного американским интересам государства путем введения его в состояние «шока и трепета». По крайней мере, как подчеркивают авторы проекта, концепция «стремительного доминирования» дает явные преимущества перед концепциями войны на истощение, маневренной войны, концепцией «превосходящей силы». Эта модель реально отрабатывалась в ходе операции вооруженных сил США и Великобритании в Ираке весной 2003 года и на этапе военных действий показала свою действенность.

Военная кампания США в Ираке в 2003 году, по оценкам военных специалистов, явилась новым шагом в развитии теории военного искусства для военных конфликтов будущего.

«США и Великобритания будут вести в Ираке воздушную войну нового типа, — утверждал профессор американского Центра стратегических и международных исследований А. Кордесман в марте 2003 года, за считанные дни до начала военной операции в Ираке. — Она будет нацелена на то, чтобы не поражать или избегать поражения всех тех целей, которые не являются важными военными целями для режима, обреченного на уничтожение в течение нескольких дней или недель»[71].

Систематизируя характеристики и отличительные черты «операций ВВС по достижению эффективности», А. Кордесман фактически описал сценарий ожидавшейся военной кампании. Последовавшие затем события только подтвердили расчеты американского военного эксперта.

В основе «операций по достижению эффективности» лежат несколько важнейших принципов:

---

[71] Cordesman, A. Understanding the New “Effect-Based” Air War in Iraq. Center for Strategic and International Studies. 2003, March 15.

— Военный успех конфликта (войны) может быть предопределен или даже решен на начальной стадии его развития.
— В быстром и решительном уничтожении противника важнейшая роль отводится авиации и крылатым ракетам, формирующим основу первого удара.
— Важную роль выполняет разведка и система выбора и классификации целей, сводящая на нет возможный побочный эффект от применения авиации по гражданским объектам и позволяющая наиболее рационально выбирать тип и мощность боеприпаса, время поражения конкретных целей противника.
— Главная роль в поражении объектов и целей противника отводится высокоточным системам поражения, которые позволяют «адресно» вывести из строя ключевые и наиболее значимые для противника объекты, после чего его военная система рушится.

Война в Ираке весной 2003 года позволила «обкатать» в практических условиях основные положения концепции «операций по достижению эффективности». Инфраструктура, промышленность, линии коммуникаций, энергетическая база страны и даже воинские части и соединения противника, не оказывавшие сопротивления, не включались в число важнейших целей для поражения американской авиацией. Только политическое руководство Ирака — лично Саддам Хусейн — оставались главной целью. Суть «операции по достижению эффективности» в Ираке, как отмечает А. Кордесман, состояла в «парализации и уничтожении политического режима, а не в уничтожении страны противника», поэтому цели за редким исключением выбирались вне пределов проживания или концентрации гражданского населения.

Использование высокоточных средств поражения является характерной чертой современных военных операций в целом и «операций по достижению эффективности» в частности. Так, в последней войне в Ираке 70% использованных вооруженными

силами США боеприпасов были высокоточными, причем в густонаселенных и особо «чувствительных» районах количество высокоточных боеприпасов достигало 90%.

Основу арсенала высокоточного оружия первого удара в вооруженных силах США составляют крылатые ракеты воздушного и морского базирования. В войне против Ирака в 2003 году всего было использовано 153 крылатые ракеты воздушного базирования AGM-86 C/D и 802 ракеты BGM-109 «Томагавк» морского базирования. Количество ракет «Томагавк», не поразивших намеченные цели, составило всего 2%, что было в 5 раз лучше показателя 1991 года[72].

Достижение полного технического превосходства над противником и, в частности, полного авиационного превосходства над ним — важнейшее предварительное условие успеха «операций по достижению эффективности». В последней войне в Ираке ВВС Ирака не совершили ни одного боевого вылета. Группировка сил авиации США и их союзников накануне войны составляла 1000 самолетов, а в наиболее напряженные дни конфликта эта группировка возросла до 1663 самолетов. Всего авиация США и их союзников совершила 41 404 самолето-вылета, из которых 93% составили вылеты американской авиации. Только авиация США совершила 505 самолето-вылетов бомбардировочной авиации и 18 190 — истребительной авиации. Всего силами союзной авиации было применено 19 948 высокоточных боеприпасов и 9251 — неуправляемых боеприпасов.

Таким образом, по мнению профессора А. Кордесмана, именно технологический фактор сыграл решающую роль в успешном осуществлении «операций по достижению эффективности» и в достижении военного успеха всей военной кампании США и их союзников в Ираке весной 2003 года.

---

[72] Cordesman, A. The “Instant Lessons” of the Iraq War: Executive Summary. Center for Strategic and International Studies. 2003, May 14.

Влияние урбанизации на содержание и характер военных конфликтов будущего

Бурные и неоднозначные социально-демографические процессы в современном мире обусловливают высокую вероятность того, что военные действия в будущих войнах и вооруженных конфликтах будут происходить преимущественно на урбанизированной местности.

Общий рост численности населения Земли сопровождается поло-возрастными диспропорциями, миграцией жителей из развивающихся стран в развитые государства и высокими темпами урбанизации. Ежегодно население земного шара увеличивается на 77 млн человек, причем из этого числа 60 млн составляют городские жители. К 2015 г. на Земле будет 23 города с населением более 10 млн человек в каждом и 564 города с населением более одного млн человек. По прогнозам ООН, к 2025 г. в городской местности будет проживать около 60% населения Земли.

Наиболее интенсивно процессы урбанизации протекают в Западной Европе, где уже сейчас под города и поселки занято 50% площади всех земель. Идет процесс создания единого урбанизированного региона Европы.

Многие современные города потеряли прежние границы, вобрали в себя пригороды и сельские районы, соединив их разнообразными транспортными коммуникациями. В разных регионах мира возникают обширные урбанизированные районы, в которых сосредоточены наиболее активная часть населения, органы политической власти и объекты экономики.

Города имеют огромное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Они выступают, фактически, в качестве «центров тяжести» общества и государства, а их захват становится принципиально важным для достижения успеха в войне. Контроль над городом дает огромные политические

и психологические преимущества, которые могут решающим образом сказаться на всем ходе кризиса или конфликта. Во многих случаях, например, контроль над несколькими важнейшими городами означает контроль над всеми национальными ресурсами государства. В конечном счете, без овладения городами невозможно достичь политических целей войны.

Бурный рост городов сопровождается обострением многочисленных социально-экономических проблем, особенно в бедных странах мира. Процессы урбанизации приводят зачастую к неконтролируемому развитию городов, перенаселению, возникновению обширных районов трущоб, свалок, промышленных зон, экологически опасных объектов. Не случайно, поэтому, эксперты склонны рассматривать города будущего в качестве «каменных джунглей», «оплота нищих и непримиримых».

«Каменные джунгли» городов создают идеальную среду для ведения партизанских (повстанческих) действий иррегулярными вооруженными формированиями, так как превосходство регулярных вооруженных сил, прежде всего техническое, при действии в городах в значительной степени нейтрализуется.

Слабая в военном отношении сторона неизбежно будет стремиться всемерно нейтрализовать преимущества и превосходство сильной стороны. Урбанизированная местность в этом смысле предоставляет слабой стороне уникальные возможности.

В отличие от городов-крепостей прошлого, современные города не создаются для ведения в них боевых действий. Город — это среда деятельности и обитания современного человека, и он стремится сделать ее удобной, комфортной, эффективной и полезной для повседневной жизни, а не для ведения боевых действий. Именно поэтому в военное время город превращается в специфическое «поле боя», создающее огромное количество проблем и сложностей для регулярных вооруженных сил.

Главным фактором, который необходимо учитывать при ведении военных действий в городских районах противника,

является наличие местного населения и степень его враждебности. Необходимо учитывать культурные (цивилизационные) и демографические особенности каждого конкретного региона, населенного пункта, местности.

Зарубежные военные специалисты считают, что боевые действия в городе будут характеризоваться повышенными психологическими стрессами и моральными нагрузками. На их глазах будут гибнуть невинные люди — в основном женщины и дети — из числа местного населения, которое может выступать в качестве «живого щита» или исполнителей терактов. Постоянная опасность будет поджидать солдат постоянно днем и ночью отовсюду, в том числе сверху и снизу.

Процессы урбанизации и глобализации, как считают военные специалисты, неизбежно отразятся на условиях и характере ведения военных действий в будущих войнах и вооруженных конфликтах. Войны прошлого, когда противники избегали прямого столкновения и стремились «выйти в чистое поле», чтобы помериться силой, ушли в прошлое.

В наставлениях американской армии декларируется, что «урбанизированная местность будет для вооруженных сил США наиболее вероятным районом проведения военных операций по всему миру».

Со второй половины 90-х годов XX века в вооруженных силах США и других государств-членов НАТО уделяется самое серьезное внимание подготовке войск (сил) к ведению боевых действий на урбанизированной местности. Лидерство в этом принадлежит частям и соединениям морской пехоты США, где не только внимательно изучают мировой опыт, в том числе российский опыт боевых действий в Чечне, но и выработали собственные подходы, принципы и традиции.

В частности, бывший командующий корпусом морской пехоты США генерал Ч. Крулак сформулировал концепцию «войны трех кварталов». Ее суть сводится к тому, что в ходе боевых действий в населенном пункте морской пехоте придется

одновременно вести три типа операций: напряженные боевые действия против регулярных войск противника, специфические боевые действия против иррегулярных формирований партизан (повстанцев) и операции по стабилизации обстановки (миротворческие функции).

С точки зрения зарубежных военных специалистов, город представляет собой систему, включающую три взаимосвязанных элемента: местность, население и инфраструктуру, соединяющую эти два элемента в единое «городское пространство боя»[73].

В отличие от плоскостного представления о классическом «поле боя» (фронт, тыл, фланги), бой в городе ведется в пространственных измерениях. К характеристикам длины и ширины добавляется высота и глубина. Формируемое таким образом «городское пространство боя» будет включать в себя воздушное пространство над городом; крыши зданий и сооружений; внутренние помещения зданий и сооружений; поверхность земли, улицы, площади и поверхность водоемов; подземные и подводные сооружения и объекты.

Figure II-1. Urban Terrain

[73] FM 3–06 (FM 90–101) Urban Operations. 2003 June. P. 2–2.

Бои и боестолкновения на урбанизированной местности приобретают самый ожесточенный характер и могут вестись в одном здании одновременно на разных уровнях (этажах, крышах, подвалах) и лестничных пролетах. Не случайно боевые действия в городе именуются американскими военными специалистами «боем в аду».

Военные действия на урбанизированной местности в будущих войнах и вооруженных конфликтах потребуют от вооруженных сил готовности и способности вести боевые действия в специфических условиях — в сложной системе городских архитектурно-инженерных сооружений различного типа, многие из которых могут быть разрушены, и среди больших масс местного населения.

В зависимости от характера и типа войны или вооруженного конфликта военные действия на урбанизированной местности могут отличаться друг от друга, облегчая или затрудняя их ведение группировками войск (сил).

Присутствие в зоне военных действий гражданского населения делает операции в городской местности непохожими на «нормальные» боевые действия. Застигнутые военными действиями в городах, жители оказываются в чрезвычайно тяжелых и опасных условиях. Массовые разрушения, жертвы среди мирного населения сопровождаются крахом систем медицинского обеспечения, снабжения продовольствием и питьевой водой, выводом из строя городской инфраструктуры, появлением потоков беженцев, разгулом насилия и преступности, опасностью возникновения эпидемий.

Специфика боя в населенном пункте требует от частей и подразделений вооруженных сил способности действовать самостоятельно и изолированно от главных сил. В этих условиях неизмеримо возрастают роль и значение младших командиров, способных правильно оценить обстановку и мгновенно принять важное решение, успех выполнения которого может иметь стратегическое значение.

Личный состав штурмовых групп и отрядов должен иметь высокий уровень профессиональной подготовки и навыки решительных индивидуальных действий в ближнем бою или рукопашной схватке. Так как при «зачистке» жилых помещений из каждых десяти военнослужащих только трое имеют возможность применять оружие, в городском бою требуется тщательное распределение ролей в бою, четкое взаимодействие и взаимопомощь.

Боевая подготовка личного состава для действий в условиях урбанизированной местности должна ориентироваться на стандарты и требования, принятые в частях специального назначения с упором на минно-взрывную подготовку, диверсионные действия, антиснайперскую борьбу.

Боевые действия на урбанизированной местности требуют самого тесного взаимодействия пехоты и танков. Действие танков на улицах современных городов без поддержки пехоты в условиях напряженных уличных боев чревато потерей боевых машин. В то же время, самостоятельные действия пехоты без непосредственной огневой поддержки и бронезащиты со стороны танков могут оказаться неэффективными.

Особенно важную роль в условиях боя в городе играет постоянная и многоярусная разведка сил и намерений противника, характера разрушений и местности в целом.

По опыту боевых действий в городах, проблемой может стать идентификация своего личного состава и противника. При «зачистке» внутренних помещений в зданиях и в связи со спецификой ближнего боя в городских условиях, требующей мгновенной реакции на любую потенциальную угрозу, неизбежны случайные «дружественные потери» от огня своих средств. Требуются ясно различимые опознавательные знаки или индивидуальные электронные устройства опознавания «свой — чужой».

Боевые действия в крупных городах сопровождаются высокими потерями в живой силе и боевой технике. Эти потери

будут вызваны не только огнем противника, но и широким применением всеми сторонами минно-взрывных заграждений, минных полей, «мин-ловушек», а также вторичными факторами — осколками разрушающихся зданий, пожарами, завалами и т. д. Потребуются дополнительные силы и средства для эвакуации и извлечения из-под развалин раненых и убитых, причем не только военнослужащих, но и мирного населения.

Тыловое обеспечение войск при действии в крупном городе должно планироваться по повышенным потребностям.

Специфические условия ведения боевых действий на урбанизированной местности и сам характер этих действий обусловливают следующие общие требования к вооружению и боевой технике:

— стрелковое оружие и гранатометы играют важнейшую роль в боевых действиях в городе;
— артиллерия при бое в самом городе применяется главным образом для стрельбы прямой наводкой;
— бой в городе вызывает повышенный расход боеприпасов для всех систем стрелкового и артиллерийского оружия, а также требует наличия боеприпасов различного типа;
— высокоточное оружие не имеет существенного значения при ведении боевых действий в городе, однако роль и значение снайперов резко повышается;
— танки, выступая в качестве главной ударной силы войск на открытой местности, в условиях современных городов становятся легко уязвимыми целями и не могут действовать самостоятельно без поддержки спешенной пехоты;
— бронезащита существующих боевых и специальных машин в условиях боя в городе не может обеспечить 100-процентную круговую защиту и защиту сверху и снизу, что делает самые современные боевые машины легкими целями даже для РПГ-7 и самодельных взрывных устройств;
— колесная боевая и специальная техника при действии в условиях населенных пунктов имеет преимущества перед

гусеничными боевыми машинами, однако при наличии обширных зон разрушений гусеничные машины предпочтительнее;

— надежная и защищенная связь является важнейшим требованием к системе управления войсками, действующими на изолированных направлениях в составе разрозненных подразделений.

Рис. 1. Особенности боевого применения танков в городских условиях.

Бронетанковая техника. При действии в условиях урбанизированной местности, как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, танки имеют определенные ограничения. В частности, танковые орудия не всегда способны вести огонь по целям, расположенным не на поверхности земли, а в зданиях.

Танк «Абрамс» имеет угол подъема пушки равный 20 градусам и угол склонения — 9 градусам. Практически, это означает, что по целям на первом этаже здания американский танк может вести огонь с минимальной дистанции 2,5 м, по цели на 3-м этаже — с 23 м, а вот по цели на 18-м этаже — уже только со 132 м. При средней ширине улицы типичного западноевропейского города, равной 16 м, такие дистанции трудно обеспечить. Таким образом, есть необходимость создания мощной гусеничной боевой машины поддержки пехоты, обладающей достоинствами

и лишенной недостатков современного танка.

Применение в городских боях оружия и боевой техники имеет свои определенные ограничения, обусловленные наличием в зоне боевых действий гражданского населения, памятников культуры, религиозных сооружений и экологически опасных объектов. В городских условиях наиболее целесообразным становится применение оружия несмертельного (нелетального) действия, предназначенное для временного выводы из строя живой силы, вооружения, военной и специальной техники и объектов инфраструктуры. Такие системы оружия основаны на кинетических, биологических, акустических, физико-химических, лучевых, электрошоковых воздействиях и являются продуктами высоких технологий.

Вооруженные силы экономических развитых стран мира уже сегодня оснащаются оружием несмертельного действия. Не исключено, что в будущем именно несмертельное оружие займет приоритетное место в общем комплексе вооружений вооруженных сил передовых государств.

Угроза применения противником оружия несмертельного действия уже сегодня требует разработки эффективных средств и способов защиты от него — как для личного состава, так и для вооружения и техники.

В боевых действиях на урбанизированной местности в будущем всеми сторонами будут широко использоваться робототехнические комплексы военного назначения — как наземные, так и воздушные. Они будут способны эффективно выполнять задачи сбора разведывательных данных на поле боя, целеуказания и поражения обнаруженных целей противника, разминирования и РХБ разведки. Самое главное — робототехнические комплексы смогут максимально обезопасить личный состав в условиях боя в населенном пункте и при минимальных потерях обеспечить выполнение боевой задачи.

Тактические беспилотные летательные аппараты отличаются небольшими размерами, малой скоростью и низкой

высотой полета. Они способны лететь вдоль улицы между домами, «заглядывая» в окна домов. Легкие наземные гусеничные робототехнические комплексы отличаются небольшими размерами, высокой подвижностью и проходимостью, надежной физической защитой. Они способны преодолевать различные препятствия, проникать внутрь зданий и сооружений, действовать в абсолютной темноте, передавая всю текущую информацию на компьютер оператора. В будущем, по мере внедрения на робототехнических комплексах достижений нанотехнологии, они могут стать практически невидимыми для глаза человека.

Важным элементом будущей системы вооружения для боевых действий на урбанизированной местности должны стать специальные тепловые и звуковые и биохимические детекторы и сенсоры для определения местонахождения противника в трехмерном пространстве городского боя. Такие датчики в перспективе будут способны определить пол и возраст, а также даже намерения находящегося вблизи человека и выявить степень исходящей от него угрозы.

Вырисовывается следующая опасная тенденция: широкомасштабное применение робототехнических комплексов и разведывательных сенсоров различного типа, функционирующих на сетецентрических принципах в едином информационно-коммуникационном пространстве, позволит в будущем преобразовать кровопролитный бой в городе в «компьютерную игру». В этой «игре» находящийся вне зоны физического поражения оператор противника будет «охотиться» не за виртуальными целями, а за реальными солдатами и офицерами противной стороны.

Именно поэтому широкое внедрение робототехнических комплексов в войска экономически развитых стран мира уже сегодня ставит задачу поиска эффективных средств и способов борьбы с ними, особенно при действии в условиях урбанизированной местности.

Рост масштабов оснащения вооруженных сил экономически развитых государств нетрадиционными и перспектив-

ными видами оружия может привести к постепенному изменению сущности и характера вооруженной борьбы, когда на смену физическому уничтожению противника придет понятие физического, психологического, интеллектуального выведения противника из строя. Опасность заключается в том, что вооруженные силы любого государства, полагающиеся на традиционные представления о вооруженной борьбе, могут оказаться полностью неготовыми действовать в новых условиях.

Матрица военных конфликтов начала XXI века

Проведенный краткий анализ современных взглядов зарубежных военных экспертов на сущность, содержание и характер военных конфликтов будущего позволяет сделать некоторые выводы и обобщения практического плана.

Вместе с развитием человечества, научно-техническим прогрессом, формированием современной политической и экономической карты мира шел процесс эволюции войны, изменялось содержание, характер и особенности войн и вооруженных конфликтов.

Изменения происходили и в менталитете — как непосредственных участников войн, так и населения воюющих государств. Если в эпоху наполеоновских войн солдаты шли в атаку под ружейный огонь в полный рост, то через сто лет, в первую мировую войну, войска закапывались в землю, а яркую разноцветную форму сменили на унылую грязно-зеленую униформу. Армии стали во всех отношениях качественно другими и военные действия стали принципиально иными — и по применяемым средствам, и по формам и способам, и по масштабам и темпам действий.

Общей тенденцией развития вооруженных сил государств на протяжении многих веков было стремление к увеличению их количественных и качественных характеристик. Апогеем

этого стал период второй мировой войны — эпоха массовых многомиллионных армий и тотальной войны.

Но уже к концу XX в. ситуация начала меняться: научно-технический прогресс, революция в военном деле, тектонические геополитические изменения в мире обусловили серьезные изменения в содержании, характере и особенностях войн новой эпохи. Стало очевидным, что классическая аксиома военного строительства о линейной зависимости между численностью вооруженных сил и военной мощью государства уже «не работает».

С появлением ядерного оружия классическая военная наука оказалась в глубоком кризисе: гипотетическая война с применением оружия массового поражения уже не могла быть «продолжением политики», как для «побежденных», так и для «победителей», — ни по результатам, ни по последствиям.

Возможность преодоления кризиса военной науки появилась только тогда, когда ключевые члены «ядерного клуба» на уровне принятия стратегических решений осознали и установили новые правила игры: сделать все, чтобы не перевести возможные военные конфликты в русло ядерного столкновения.

С окончанием «холодной войны», устранением с политической арены сверхдержавы Советского Союза и формированием однополярного мира военно-теоретическая мысль вновь оказалась в кризисе. На рубеже XX–XXI вв. стал очевиден разрыв между традиционной военной теорией и реальной геополитической действительностью. Угроза мировой войны, крупномасштабных войн значительно ослабла как на глобальном, так и на региональных уровнях. Однако мир от этого не стал более стабильным, предсказуемым и прочным. Новые опасности, угрозы и вызовы обусловили новое содержание войн и вооруженных конфликтов, изменили характер и особенности современных военных конфликтов.

Только за последние несколько лет десятки тысяч человек погибли в некогда благополучных странах Северной Африки и Ближнего Востока, сотни тысяч мирных жителей пострадали

от войны, миллионы людей стали беженцами. По количеству жертв и разрушений, по степени воздействия на экономику, инфраструктуру и социальные институты государств вооруженные конфликты в этих странах сравнимы с самыми жестокими войнами прошлого.

Возникшая в последние годы форма военного конфликта, начинающегося с «мирных» антиправительственных акций и завершающаяся жестокой гражданской войной и внешней интервенцией, вполне может быть названа новым типом войны современной эпохи. Такая война выходит за рамки традиционных представлений о ней, приобретая комбинированный характер, превращаясь в запутанный клубок политических интриг, ожесточенной борьбы за ресурсы и финансовые потоки, непримиримых цивилизационных столкновений. В ход пускаются все возможные средства, стороны прибегают к любым, самым бесчестным способам и приемам действий — как силовым, так и несиловым.

Жертвами конфликта нового типа становятся мирные жители, прежде всего самые беззащитные категории населения — старики, женщины и дети. В условиях гражданской войны становится невозможным отличить правых от виноватых, врагов от союзников, скотоводов и хлебопашцев от боевиков и террористов-смертников. Скрытая или явная внешняя военная интервенция, проводимая бандами боевиков соседних стран при поддержке высокотехнологичных средств разведки и поражения некоторых развитых государств мира, придает такому военному конфликту еще более запутанный и неоднозначный характер.

Содержанием военных действий в войне нового типа становится не физическое уничтожение вооруженных сил противника, а деморализация и навязывание своей воли всему населению государства. Фактически, реализуется классическая идея древнекитайского стратега Сунь-Цзы: «Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить войско противника, не сражаясь».

На поле боя современного военного конфликта наряду с регулярными войсками появляется множество новых действующих лиц — иррегулярные формирования повстанцев и боевиков, уголовные банды, международные террористические сети, частные военные кампании и легионы иностранных наемников, подразделения спецслужб разных стран мира, воинские контингенты международных организаций. Современное поле боя уже сегодня невозможно представить без представителей различных негосударственных гуманитарных организаций и журналистов мировых информационных служб, в прямом эфире во всех подробностях рассказывающих о ходе боев. Социальные сети мгновенно разносят текстовую и видео информацию от очевидцев событий. Все это не только коренным образом меняет само содержание военного конфликта, но и создает новую, беспрецедентную в прошлом обстановку, в которой он развивается.

В результате, на современном поле боя сталкиваются два принципиально разных типа противников — регулярные вооруженные силы государства и иррегулярные формирования различного типа. Это соотношение — не формальное. Оно свидетельствует о фундаментальных изменениях в военной науке и практике подготовки и ведения войн и вооруженных конфликтов в обозримой перспективе. Меняются доктрины и стратегии, меняется характер военного конфликта, изменяются морально-психологические и ментальные аспекты военного конфликта.

С учетом вышесказанного, как нам представляется, именно разделение противоборствующих сторон на регулярные и иррегулярные силы может быть успешно положено в основу практических подходов к типологии современных и перспективных военных конфликтов.

В наиболее общем виде весь спектр противоборствующих сил в войне или вооруженном конфликте может быть условно представлен в виде матрицы современных и перспективных военных конфликтов.

Рис. 2. Матрица военных конфликтов современности

Как следует из представленной схемы, весь спектр возможных вариантов военных конфликтов сводится к четырем основным моделям:

Регулярные вооруженные силы стороны А против регулярных вооруженных сил противника — стороны В. Это — классическая модель военного конфликта, хорошо изученная военная специалистами и «самая простая» в силу своей традиционности. Такой тип конфликтов наиболее широко представлен в военной истории, однако сегодня его значимость, как свидетельствует реальность, значительно уменьшилась. Мы называем этот тип военного конфликта «традиционной» (регулярной) войной.

Регулярные вооруженные силы стороны А против иррегулярных формирований противника — стороны В. Это — типичная ситуация, когда вооруженные силы современного государства А воюют против слабой во всех отношениях страны В, а последняя, не имея соответствующих сил и средств (т. е. своих регулярных вооруженных сил) прибегает к асимметричному

конфликту — партизанской войне, повстанческим действиям. Мы называем этот тип конфликта «карательной» войной.

Иррегулярные формирования стороны А против регулярных вооруженных сил противника — стороны В. Это — диаметрально противоположная ситуация по сравнению с предыдущим типом. В данном случае государство А перед лицом широкомасштабной агрессии противной стороны В вынуждено ориентироваться в своей стратегии и тактике на ведение асимметричного конфликта, вести партизанскую войну. Именно поэтому этот тип военного конфликта мы называем «партизанской» войной.

Иррегулярные формирования стороны А против иррегулярных формирований противника — стороны В. Этот тип конфликта — самый сложный для понимания в парадигме классической военной теории. Его можно условно назвать «бандитской» войной.

Каждый из этих вариантов может иметь место в «чистом виде», например, в традиционной форме межгосударственного военного конфликта, когда с обеих враждующих сторон будут действовать группировки войск (сил) регулярных вооруженных сил. Широкое применение иррегулярных вооруженных формирований в большей степени будет характеризовать внутригосударственные вооруженные конфликты. Однако, как свидетельствует опыт событий последних лет в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в будущих военных конфликтах все противоборствующие стороны будут делать все более явную ставку на применение иррегулярных вооруженных формирований различного типа и назначения. Именно поэтому с высокой долей уверенности можно прогнозировать, что наиболее вероятной формой реального военного конфликта будущего будет сложная комбинация из действий регулярных и иррегулярных сил противоборствующих сторон.

В представленной матрице войн XXI в. эти конфликты лежат в «пограничной зоне» между четырьмя типами военных конфликтов. В западной военной теории тип конфликта,

в котором с разных сторон участвуют компоненты регулярных и иррегулярных сил, получил название «гибридной» войны.

Для вооруженных сил государства, как следует из представленной матрицы, по определению интерес представляют только два типа конфликта (в которых они непосредственно участвуют):

— симметричная классическая традиционная война или вооруженный конфликт между регулярными вооруженными силами двух государств и
— асимметричная война или вооруженный конфликт между вооруженными силами государства, с одной стороны, и иррегулярными формированиями государства-противника или оппозицией внутри государства в случае внутригосударственного конфликта, с другой стороны.

«Регулярная» война

В полной мере классическим типом военного конфликта является такой конфликт, в котором противоборствующие стороны для достижения своих политических целей применяют регулярные вооруженные силы. Понятие «регулярные вооруженные силы» достаточно объемно сформулировано в «Военной энциклопедии»: «Регулярная армия — постоянная армия, имеющая установленные в узаконенном порядке штатную организацию, типовое вооружение, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучения и воспитания личного состава, форму одежды, а также централизованную систему управления и снабжения».

В целом, вооруженные силы всех современных государств являются регулярными: они являются важным элементом политической организации государства и главным силовым инструментом «продолжения политики другими средствами». Регулярные вооруженные силы являются мощным, надежным и эффективным инструментом обеспечения безопасности или завоевательских устремлений государства.

В понятие «традиционного» или регулярного военного конфликта вписываются все войны в традиционном понимании этого термина, будь то войны Наполеоновской эпохи, самые кровопролитные в истории человечества Первая и Вторая мировые войны, война в Корее (1950–1953 гг.) или война в Персидском заливе 1991 г. Все эти военные конфликты разительно отличаются по своим масштабам, целям, характеру и особенностям, по применяемым средствам поражения и защиты, по тактике и стратегии действий, по итогам и последствиям. Однако у них есть нечто общее — они велись группировками регулярных войск (сил), по определенным принципам и правилам.

Справедливости ради следует отметить, что в военных конфликтах «традиционного» (регулярного) типа наряду с регулярными войсками часто применялись и иррегулярные формирования (партизаны, герильерос, повстанцы). Однако их участие в таких конфликтах было второстепенным и только дополняло действия регулярных войск.

Военный конфликт «традиционного» (регулярного) типа, прошедший в своем развитии длительный путь эволюции, с самого начала основывался на идее создания специально сформированного, хорошо вооруженного и оснащенного, профессионально подготовленного инструмента силы. Таким инструментом для государства являлись регулярные вооруженные силы. Количественные и качественные характеристики вооруженных сил во многом определяли геополитический статус государства, являлись гарантией его безопасности и влияли на его поведение на международной арене.

В процессе своей эволюции регулярные вооруженные силы становились все более сложным и специфическим инструментом политической организации государства. Количественные факторы (численность личного состава, ружей, коней, пушек) по своей значимости постепенно уступали место качественным факторам и аспектам (появление новых средств борьбы, развитие тактико-технических характеристик систем

вооружения, военная наука и военное искусство, уровень боевой подготовки, моральный дух и др.). Как свидетельствует история войн и военного искусства, победу в столкновении примерно равных по силе группировок войск часто обеспечивал талант полководца или гений военачальника. Это в полной мере показал опыт Первой мировой войны — многомесячные «сидения в траншеях» позиционной войны, трагедия «Верденской мясорубки». Становилось ясно: одни только количественные показатели не способны принести победу. Нужны были качественные факторы, которые нашли самое широкое применение в годы той великой войны: военно-технические достижения (авиация, танки, химическое оружие, огнеметы, легкие пулеметы), передовые военные доктрины и теории, политическая воля властей, моральный дух войск и населения страны в целом.

Развитие теории и практики ведения «традиционной» войны шло на протяжении всей первой половины XX в. вплоть до эпохи «холодной войны», глобального противостояния двух военно-политических блоков — НАТО и Варшавского Договора. Будущая война виделась тогда военным специалистам как крупномасштабное, ожесточенное и непримиримое военное столкновение. Театром военных действий рассматривалась вся территория Европы, при этом стороны ориентировались на применение ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. Вооруженные силы государств готовились вести активные и решительные действия в высоком темпе на широком фронте («от моря — до моря») — на земле, в воздухе и на морских просторах. Строились планы военного освоения космоса и создания военных баз на Луне.

Появление в арсенале противоборствующих мировых держав ядерного оружия коренным образом изменило представления о сущности и содержании возможного военного конфликта. Создалась ситуация, когда выработанные за многие десятилетия и даже столетия основы и принципы ведения

«традиционной» или обычной войны в одно мгновенье вдруг оказались как бы устаревшими.

Однако первоначальные взгляды на ядерное оружие как на «абсолютное чудо-оружие» за достаточно короткий в историческом понимании период времени сменились пониманием того, что военный конфликт в ядерную эпоху означает конец существованию человечества. Утвердилось представление, что ядерное оружие представляет собой «дубину», которая безусловно стирает с лица земли государство противника, но другим концом уничтожает и того, кто его применил.

К концу XX в. теория ведения «традиционной» (регулярной) войны оказалась в своеобразном логическом тупике. Сценарии любых военных конфликтов между двумя сверхдержавами неизбежно приводили к тому, что или та, или другая сторона, в конечном счете, применяют ядерное оружие. Крупномасштабная обычная война просто не могла привести ни к какому иному политическому итогу, кроме уничтожения цивилизации. И выйти за пределы этой логики становилось уже невозможным.

Угроза ядерной войны и доминировавшие в эпоху «холодной» войны концепции крупномасштабных войн, к счастью, не реализовались в военном конфликте двух сверхдержав и возглавляемых ими военных блоков. Глобальной и последней в истории земной цивилизации войны — третьей мировой — человечеству удалось избежать.

Глубокие теоретические и практические выводы и соображения, связанные с сущностью и характером ядерной войны, даны в книгах выдающегося отечественного военного специалиста В. И. Слипченко. Он назвал такой тип военного конфликта «войной пятого поколения» и еще более 10 лет назад прямо заявил: «Ядерным оружием воевать нельзя, им можно только пугать, что и предоставлено делать России…». Логическое следствие из ядерного тупика В. И. Слипченко видел в том, что «в недрах войн четвертого и пятого поколений (*по терминологии*

В. Слипченко — это обычная контактная война и ядерная война) уже зарождается и набирает силу новое, шестое поколение войн (обычная бесконтактная война)».

В основу концепции войн шестого поколения или «бесконтактных» войн были положены соображения о том, что задачи крупномасштабной войны могут быть решены не массовыми армиями, как то имело место в прошлом, а в ходе точечного поражения ключевых целей и объектов противника высокоточными «умными» средствами поражения нового поколения.

Вместе с тем, и в войнах нового шестого поколения не исключалась ситуация, когда проигрывающей стороной (коалицией) по территории, важным объектам и группировкам войск противника будет применено оружие массового поражения. Эта угроза существует и будет существовать до тех пор, пока будут сохраняться ядерные арсеналы. По умолчанию это понимают все игроки на геополитической арене, однако не все политические режимы и государства делают из этого одинаковые выводы и заключения.

Ведущие промышленно развитые государства мира стоят на позициях, что ядерная война недопустима, поэтому между ними, особенно между государствами «ядерного клуба», опасным является даже вооруженный конфликт самого незначительного масштаба.

С другой стороны, некоторые развивающиеся государства упорно стремятся получить доступ к оружию массового поражения и средствам его доставки. Они исходят из того, что членство в «ядерном клубе» является лучшей гарантией национальной безопасности. В современную эпоху ядерное оружие становится козырем бедных, обездоленных, обманутых, игнорируемых государств и политических режимов. При этом не исключена ситуация, когда некоторые государства «ядерного клуба» при разрешении даже незначительных двусторонних разногласий могут прибегнуть к применению ядерного оружия, что приведет к трагическим последствиям для всего человечества.

С развитием информационных технологий и появлением новых, более совершенных средств ведения обычной войны, концептуальные представления о современном и будущем военном конфликте «традиционного» (регулярного) типа подвергаются серьезным, качественным изменениям. На современном поле боя уже невозможно представить штыковую атаку развернутыми цепями пехоты. Изменилось буквально все: армии и вооружение, тактика и стратегия, цели и задачи, возможности и условия, мировоззрение и менталитет. Современные военные конфликты приобрели новое содержание, характер и особенности.

Сегодня война может вестись во всех физических средах — на суше, в воздухе, на воде и под водой, в космическом пространстве. Однако уже сейчас, а тем более в будущем, добавляются другие сферы: киберпространство, информационный и когнитивный домены. В результате, если в прошлом достижение политических целей в войне достигалось исключительно в ходе вооруженной борьбы, то сейчас эти цели могут быть достигнуты без единого выстрела. Когнитивная составляющая современного военного конфликта играет все более важную роль и охватывает сферу выработки и принятия решений с учетом национальной психологии и ментальности, разнообразных цивилизационных факторов и аспектов. «Война, — по образному определению американского генерала Р. Скэйлса, — игра человека думающего. …Войны ведутся с помощью интеллекта. Огромное преимущество над противником может быть достигнуто за счет превосходства мышления, а не превосходства вооружения».

Современные информационные технологии гипотетически позволяют группе военных хакеров «удалить» с карты мира целое государство, выведя из строя его систему энергообеспечения, финансовую систему, систему органов государственного управления. Несанкционированное вторжение в компьютерную сеть управления дамбами и плотинами может привести к затоп-

лению целого региона. Широкомасштабная военная операция в киберпространстве может привести к тому, что страна-жертва погрузится в мрак и хаос, а голод и эпидемии свергнут любое правительство.

Военные действия в современной «традиционной» (регулярной) войне будут иметь пространственно-неограниченный характер, охватывая при необходимости весь земной шар и околоземное пространство. Даже в рамках региональной или локальный войны военные действия будут вестись одновременно на всю глубину территории государства противника, на сотни и тысячи километров от линии границы. Как следствие этого — в военном конфликте будущего такие понятия как фронт и тыл, линия боевого соприкосновения, фланги, район сосредоточения, рубеж перехода в атаку и т. д. и т. п. становятся рудиментными. Война перестает «вписываться» в отшлифованные формулировки боевых уставов и наставлений.

Важной особенностью современных военных конфликтов является то, что они преимущественно ведутся на урбанизированной местности, в городских агломерациях и городах-миллионниках, а не на открытой местности, которая на протяжении веков являлась идеальным полем боя для эффективного применения войск и боевой техники.

Группировки войск (сил), создаваемые для достижения определенных целей на поле боя, уже сейчас носят межвидовой характер, включая в свой состав не только сухопутный, но и авиационный, космический, морской компоненты, а также подразделения сил специальных операций, других «элитных» сил.

В будущих военных конфликтах группировки войск (сил) будут иметь уже межведомственный характер, так как наряду с военнослужащими на поле боя будут действовать представители других силовых ведомств, структуры внешнеполитического ведомства, сотрудники министерств финансово-экономического блока государства, а также международные и негосударственные структуры и организации. В перспективе, будет иметь

место устойчивая тенденция к изменению соотношения боевой и небоевой деятельности войск в пользу небоевых аспектов, а объем задач, решаемых на поле боя другими ведомствами, будет неуклонно возрастать.

Серьезные изменения происходят сегодня в организационной структуре подразделений, частей, соединений и объединений регулярных вооруженных сил. Мировой тенденцией становится постепенный отход от жесткой организационной структуры, ориентация на гибкость и модульность воинских формирований.

Принцип модульности позволяет создавать в каждом конкретном случае на каждом конкретном направлении необходимые группировки войск (сил) тактического, оперативно-тактического или даже стратегического уровня. В представлении военных специалистов, эта деятельность становится подобной детскому конструктору «Лего», позволяя командованию в зависимости от конкретной задачи и условий обстановки «подключать» или «отключать» разнообразные боевые или вспомогательные модули-подразделения (части). Например, в каких-то условиях в состав такой группировки войск есть смысл включить боевые вертолеты, а в другой ситуации — дополнительные органы информационных операций. Сама по себе эта идея очень проста, но практическое ее выполнение связано с огромным количеством практических проблем и трудностей. Но движение по этому пути уже идет.

Для непосредственного ведения боевых действий в военных конфликтах будущего могут найти свое применение разведывательно-ударные воинские формирования («боевые стаи»), представляющие собой высокомобильные тактические подразделения, оснащенные разведывательными и навигационными комплексами, разнообразными системами оружия и боевой техникой, действующие в едином информационно-коммуникационном пространстве. Включенные в единую сеть, эти формирования будут способны оперативно перемещаться

в пространстве, концентрироваться в нужном месте, наносить «точечные» удары по «центрам тяжести» противника и «растворяться» после выполнения боевой задачи.

В качестве предварительных шагов на пути формирования в регулярных вооруженных силах «боевых стай» можно рассматривать мероприятия, проводимые в передовых армиях мира, по «превращению отделения в центр приложения стратегических усилий». Военные специалисты считают, что в условиях современного высокотехнологичного военного конфликта роль и значение каждого отдельного солдата на поле боя неизмеримо возрастают, а результат деятельности даже одного солдата может иметь стратегические последствия.

«Традиционный» (регулярный) военный конфликт, как показывает опыт войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, может вспыхнуть практически мгновенно или, наоборот, начаться после угрожаемого периода, когда одна из сторон будет достаточно долго наращивать свою группировку сил вторжения, а вторая будет иметь возможность подготовиться к отражению агрессии.

Западная военная мысль выработала в настоящее время типовую модель «традиционной» (регулярной) войны активного (агрессивного) типа, которая уже неоднократно реализовывалась на практическом уровне. В наиболее общем виде она включает в себя три периода:

1. Подготовительный период, который может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев.
2. Активный период военного конфликта, включающий в себя три этапа:
   — этап скоординированного и масштабного применения бомбардировочной, истребительно-бомбардировочной и штурмовой авиации и крылатых ракет с целью максимального ослабления военного и экономического потенциала, морального духа войск и населения противника;

— этап наземной операции вторжения;
— этап проведения военных операций по уничтожению противостоящих группировок войск противника, оккупации ключевых объектов на его территории и установлению контроля над его населением.

3. Период постконфликтного урегулирования (проведения операций по стабилизации).

В рамках этой модели военного конфликта военные действия будут иметь скоротечный характер (часы, дни, недели), а период постконфликтного урегулирования может продолжаться годами.

Модель «традиционного» (регулярного) военного конфликта оборонительного типа должна зеркально отражать модель конфликта агрессивного типа. Однако, как нам представляется, военная мысль в этом направлении продвинулась пока недостаточно.

Содержанием военных действий в конфликтах будущего станет точечное воздействие на выявленные «центры тяжести» противника, под которыми понимаются ключевые, критически важные объекты боевого порядка или оперативного построения войск противника, ключевые элементы инфраструктуры, объекты энергетики и жизнеобеспечения населения. Принципиально то, что во главу угла ставится не уничтожение целей, а воздействие на объекты, не физическое уничтожение людей или материальных средств, а выведение их из строя, полное подчинение противника своей воле.

Для достижения этих целей в конфликтах будущего будет делаться ставка на «бесконтактную» войну, широкое применение различных систем высокоточного «умного» оружия различного назначения. При этом «бесконтактный» характер военных действий предполагает уничтожение или выведение противника из строя на дальних дистанциях задолго до боевого соприкосновения. В идеальном варианте, войска противника вообще не должны выйти из мест постоянной дислокации или, в крайнем случае, они должны быть уничтожены на маршрутах

выдвижения. Такое, естественно, возможно только при условии абсолютной информационной осведомленности, прежде всего о противнике, его замыслах и намерениях.

Огромное влияние на характер войн и вооруженных конфликтов «традиционного» (регулярного) типа оказывает комплекс применяемых систем вооружения, военной и специальной техники.

Специалисты говорят сегодня о кинетическом и некинетическом оружии, информационном, психотропном, консциентальном, геофизическом, климатическом и других видах оружия, имеющих революционное значение. Безусловно важной чертой военных конфликтов будущего будет широкое применение в войсках робототехнических комплексов военного и специального назначения.

В результате, регулярные вооруженные силы государства в будущем могут вообще не иметь ничего общего с их современным обликом. Соответственно, формы и способы применения группировок войск (сил), да и сам характер военного конфликта будущего могут просто не соответствовать нашим сегодняшним представлениям.

Уже сегодня трудно представить ситуацию, когда в чистом поле в честном бою сойдутся две бригады противостоящих сторон. Война — это не дуэль благородных рыцарей и не спортивная игра. Военные действия немыслимы без обмана, хитрости, маскировки, дезинформации, угроз и неизбежного риска. Победит не тот военачальник, который будет отчаянно сражаться, не жалея жизней своих подчиненных, а тот, кто переиграет противника в интеллектуальном плане.

Безусловно, отдельные бои, операции и сражения, ведущиеся «по уставу» между группировками войск (сил) регулярных вооруженных сил противоборствующих государств, сохраняют свое значение и в войнах современной эпохи. Такие столкновения имели место в период войны в Ираке в 2003 г. Подобные столкновения могут иметь место, например, в случае

развязывания войны США с Ираном или Северной Кореей. Ограниченное по пространственно-временным характеристикам применение группировок регулярных вооруженных сил возможно в межгосударственных вооруженных конфликтах, при выполнении миротворческих задач в разных регионах мира и в будущем — в Африке и Азии, Латинской Америке и Европе, в том числе и по периметру границ Российской Федерации.

Крупномасштабная война в том смысле, который вкладывает в это понятие отечественная военная наука, применительно к Российской Федерации представляется маловероятной. Такая война, как мы уже отмечали, в процессе своего развития неизбежно подойдет к опасной фазе перерастания в ядерный конфликт с глобальными последствиями.

«Карательная» война

Второй тип военных конфликтов, с которыми вооруженным силам государства приходится сталкиваться сегодня и неизбежно придется столкнуться в долгосрочной перспективе, является, как мы уже указывали, асимметричный конфликт с иррегулярными формированиями противника.

В исторической ретроспективе, военная организация практически всех государств мира основывалась на «постулате регулярности»: для ведения войны формируются регулярные вооруженные силы. И каждый раз, когда этот постулат давал сбой, когда на поле боя регулярные войска проигрывали в военных столкновениях с местным ополчением, повстанцами или партизанами, традиционная военная наука предпочитала отмалчиваться. Проигравшие полководцы возмущались «нечестным» поведением противника и гордо удалялись в свои поместья или замки писать мемуары.

По мере совершенствования средств и способов ведения «традиционных» (регулярных) войн и вооруженных конфликтов формировался устойчивый стереотип: побеждает сильнейший. Такова линейная логика войны. Вместе с тем, стремление более

слабых в техническом и иных отношениях государств противостоять агрессии более сильных стран способствовало появлению концепции асимметричного конфликта, т. е. применения иррегулярных формирований.

Парадигма классического военного мышления традиционно основана на аксиоме: сила противостоит силе, угроза парируется силой. Этот подход эффективно «работал» на протяжении многих столетий. Больше шансов победить имел всегда тот, кто был сильнее. Исключения из этого правила, обусловленные талантом полководца или беспримерной стойкостью солдат, только подтверждали правильность традиционных взглядов на войну. В результате, выбор приоритетов строительства вооруженных сил, развитие военной организации государства в целом во всех странах мира шли по стандартным, проверенным временем направлениям.

Однако в современных военных конфликтах регулярные вооруженные силы самостоятельно уже не способны решать многие новые задачи, с которыми приходится сталкиваться в реальной действительности. Как свидетельствует опыт нескольких последних десятилетий, «классический» военный конфликт с участием с обеих сторон только группировок регулярных вооруженных сил все более явственно уступает место асимметричному конфликту. Регулярным вооруженным силам сегодня противостоят иррегулярные вооруженные формирования боевиков, повстанцев и партизан, бандитские группировки организованной преступности, формирования иностранных наемников, частные военные кампании, международные террористические сети и другие негосударственные акторы. Как результат, многие проверенные временем подходы к военному строительству, принципы применения вооруженных сил оказываются неэффективными. Так, ударная мощь сухопутных войск, традиционно ассоциирующаяся с танковыми (бронетанковыми) войсками, уже не столь критически важна в борьбе с боевиками, действующими в горах, лесах и на урбанизированной местности.

Тактика действий иррегулярных вооруженных формирований разнообразна и непредсказуема. Их главари, как правило, не заканчивали престижных военных академий и не знают прописных военных истин. Залогом успеха действий главарей боевиков и повстанцев как раз и является их менталитет, который не имеет ничего общего с «правильным» менталитетом военачальников регулярных группировок войск (сил).

Победу в современной асимметричной войне приносит не буквальное следование положениям уставов и наставлений, а гибкость и образность мысли, смелые и инновационные идеи, отход от догм и стереотипов традиционного военного мышления.

Таким образом, эволюция военной теории и практики идет в сегодняшнем мире по пути превращения их в разновидность интеллектуальной деятельности, успех в которой уже зависит не столько от воли, решительности и авторитета военачальника, сколько от его интеллекта, знаний и глубины понимания обстановки.

В более конкретном виде, асимметричный конфликт предполагает столкновение между физически, материально сильной стороной «F», олицетворяемой регулярными вооруженными силами, и физически, материально слабой стороной «f», которая формирует партизанские или повстанческие отряды, банды боевиков, отряды террористов-смертников и незаконные вооруженные формирования внутри государства или на международной арене.

Не каждый конфликт между сильной и слабой сторонами будет асимметричным: асимметричность предполагает имманентно присущее и принципиально неустранимое неравенство сторон в физической, материальной силе. Повстанцы никогда не смогут сравниться в вооружениях с регулярными вооруженными силами. Аборигены всегда были слабее белых колонизаторов. Но вооруженный конфликт, например, между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова в 1982 г. не был асим-

метричным, это был симметричный конфликт между сильной и слабой стороной, так как в нем с обеих сторон участвовали группировки национальных вооруженных сил.

Асимметричный конфликт изначально неравен и неравноправен, сильная сторона, т. е. регулярные войска, обладает безусловным преимуществом, которое создает объективные условия для достижения победы. Однако это — только на первый взгляд. В действительности, в абсолютной физической силе кроется и слабость позиции сильной стороны, которая обусловлена политическими, моральными, психологическими и иными нематериальными, субъективными факторами. Сторона «F» оказывается как бы «ослепленной» своей силой, теряет способность адекватно оценивать обстановку, прогнозировать и отражать возможные угрозы, полностью расслабляется и утрачивает бдительность. Отсюда — нередкий политический крах стороны «F» даже на фоне ее очевидных военных побед.

Примеров тому история знает немало: Вьетнам, Афганистан, Ирак… Однако, как свидетельствует реальность наших дней, универсальной и эффективной модели асимметричного конфликта так и нет. Вместе с тем, некоторые закономерности асимметричных конфликтов позволяют сформулировать определенные выводы.

Слабая сторона «f» (иррегулярные формирования противника) всегда будет прибегать к ««нечестным» и недопустимым с точки зрения сильной стороны «F» приемам и методам, не соблюдая никакие правила, нормы и принципы. С точки зрения слабой стороны, для самозащиты допустимы и морально оправданы любые акции. Осознание этого дает ключ к пониманию (но не оправданию!) действий террористов.

Следует заметить, что чем более сложной является ситуация для стороны «f», тем более отчаянно-неадекватным и жестоким становится ее ответ. В безвыходной ситуации (например, блокада партизанского отряда в болоте) слабая сторона может пойти на акт отчаяния — массовые убийства заложников и самоубийства.

Иррегулярные формирования в меньшей степени тяготеют к ведению активных, решительных и инициативных военных действий, предпочитая «пользоваться», а не «распоряжаться» инициативой, наносить удары там и тогда, где и когда их не ожидает сильная сторона. При этом форма и способ действий также оказываются полностью неожиданными для стороны «F».

Временные и географические масштабы действий регулярных сил имеют определенные ограничения, обусловленные, в частности, возможностями системы тылового обеспечения. У партизан, повстанцев, незаконных вооруженных формирований таких ограничений, как правило, нет. Они могут долго выжидать, скрываться в труднопроходимых районах местности, надолго «растворяться» в среде местного населения. Ситуация, в которой оказались американские военнослужащие в Ираке после «маленькой победоносной войны» 2003 г., — пример того, что в затяжном конфликте сторона «F» катастрофически «выдыхается», в то время как слабая сторона «f» (полная гамма оппозиционных сил современного Ирака) приобретает «второе дыхание».

Успех действий иррегулярных формирований достигается нетрадиционностью и неожиданностью предпринимаемых шагов, во многом основанных на интуиции вожаков. Именно поэтому в действиях партизан и повстанцев, как правило, отсутствует шаблонность, а сами их акции трудно предсказуемы. Интуиция, основанная на комплексном анализе множества деталей, помогает иррегулярным формированиям избегать ловушек и засад, подготовленных регулярными силами. Вынужденная всегда учитывать фактор превосходства противника, сторона «f» в критической ситуации может полагаться только на свою интуицию.

Действующие скрытно силы повстанцев, партизаны и иные иррегулярные формирования, особенно опирающиеся на поддержку местного населения, приобретают своеобразное «пе-

риферическое зрение» — информационное и психологическое преимущество над регулярными вооруженными силами противника. «Сенсорами периферийного зрения» выступают «пятые колонны», оппозиционные партии и местные оппозиционные СМИ, разнообразные социальные группы недовольных, инакомыслящих, обиженных, причем не только на конкретной территории, где действуют иррегулярные формирования, но даже и в стане противника. Они значительно расширяют поле взаимодействия стороны «f» с окружающей социально-политической средой, помогают выявлять слабые звенья сильной стороны для последующего удара по ним.

Сторона «F» плохо приспособлена к ведению длительных, бессистемных, изматывающих боевых действий, особенно против «невидимого» врага — повстанцев, партизан, террористов. В этом смысле очевидной стратегической (и психологической) ошибкой Вашингтона стала длительная оккупация Ирака после военной компании 2003 г. Иррегулярные силы «расплывчаты» и «пространственны». Они свободно перетекают из одного состояния в другое в географической и социальной среде, легче приспосабливаются к изменениям обстановки, способны вести длительные, изнуряющие противника действия «ударами из-за угла».

В асимметричном конфликте регулярные вооруженные силы по традиции тяготеют к проведению «классических» войсковых операций против иррегулярных формирований. Задача — одним «ударом кулака» уничтожить противника. Такой подход был положен в основу подготовки операции российских войск в Грозном в декабре 1994 г. Но, как свидетельствует опыт, удар «удар кулаком» пришелся в кирпичную стенку. Слабая сторона тяготеет к асимметричным действиям — введению в заблуждение, скрытному маневрированию, точечным ударам в уязвимые места, уклонению от прямого столкновения, всемерному «выматыванию» сил сильной стороны «F», лишению ее энергетического преимущества.

Регулярные вооруженные силы, действующие в рамках уставов и наставлений, не приспособлены к мгновенным изменениям обстановки на поле боя. В классическом виде, можно одновременно или наступать, или обороняться. Существует понятие планирования боевых действий, необходимость координировать свои действия по задачам, времени и месту с соседями. Все это предполагает централизованную систему управления. Регулярные вооруженные силы неизбежно тяготеют к последовательному методу руководства. Но иррегулярные силы, как правило, свободны в своих действиях и способны на неожиданные, нетрадиционные действия параллельного характера.

Партизаны, повстанцы, иные иррегулярные формирования, ощущающие себя в каждодневной опасности, находятся в состоянии постоянной бдительности и подозрительности. Сторона «F», осознавая свою силу, может дать себе передышку, чтобы перегруппировать силы, выдвинуть свежие резервы. Сторона «f» ничего подобного себе позволить не может. Малейшая потеря бдительности — разговор главаря банды по сотовому телефону, например, — может стать роковой. Так уже неоднократно было и в Чечне, и в регионе Персидского залива.

Специфика асимметричного военного конфликта заключается в том, что победа в нем для сильной стороны практически исключена. Несмотря даже на полный военный разгром иррегулярных сил в конкретном бою или операции, победа никогда не будет признана за сильной стороной. Сторона «f» может даже сдаться на милость победителя, покориться его силе, отказавшись (на словах) от продолжения борьбы, даже перейти на сторону сильного в борьбе с другими иррегулярными формированиями. Но это будет только актом покорности и не означает политической и моральной победы над покорным, но непокоренным слабым.

Американские войска, судя по всему, как раз и столкнулись с такой ситуацией в сегодняшнем раздираемом внутренними противоречиями Ираке.

Потерпевшая военное поражение сторона «f» может на какое-то время уйти с военно-политической арены (типичный уход латиноамериканских партизан в горы), сосредоточиться на пополнении своих рядов, но потом опять вернуться к активной деятельности.

Политическое урегулирование асимметричного военного конфликта является очень сложным делом. Сторона «f» всегда будет стремиться обеспечить себе психологически и морально более выгодные условия. Независимо от согласованных конечных решений, моральная победа, по ощущению слабой стороны, всегда будет у нее, ибо сам факт политического диалога уже является победой для слабой стороны. Именно поэтому, в частности, принципиально опасными являются какие-либо «торги» и политические переговоры с террористами. Согласие на такие переговоры уже само по себе является моральным поражением сильной стороны «F».

«Бандитская» война

Это крайняя ситуация, в которой обе стороны отказались от применения регулярных вооруженных сил (или просто не имеют регулярных вооруженных сил) и ведут борьбу за достижение своих политических целей всеми доступными силами и средствами. Между этим типом военного конфликта и разгулом бандитизма — тонкая грань, так как обе стороны, ориентируясь на применение иррегулярных формирований, заведомо снимают с себя все моральные и нравственные ограничения, игнорируют нормы права, закона и международные договоренности.

Особое место в рамках «бандитской» войны занимает такой конфликт, в котором как минимум с одной стороны тайно или опосредованно участвует государство — путем применения сил специальных операций, нанятых государством частных военных компаний. Внешне создается видимость того, что конфликт с обеих сторон носит иррегулярных характер, что и позволяет отнести его к четвертой категории военного конфликта.

Вооруженные силы современных государств должны быть готовы к ведению любого военного конфликта, в том числе и этого специфического типа. Именно поэтому в рамках реформирования вооруженных сил экономически развитых государств особое внимание уделяется наращиванию и совершенствованию деятельности сил специальных операций. «Военные действия с применением нетрадиционных методов — задача сил специальных операций. Под этим подразумевается широкий спектр военных и полувоенных боевых действий и специальных операций, как правило, длительных по времени, осуществляемых местными (туземными) или военизированными силами. Такие военизированные силы организованы, обучены, вооружены и находятся в той или иной степени под руководством внешних источников.

Военные действия с применением нетрадиционных методов включают (но не ограничиваются только этим): повстанчество, партизанскую войну, подрывную деятельность, саботаж, разведку, психологические операции, спасательные операции с использованием нетрадиционных методов»[74].

Наставление ВС США подчеркивает, что военные действия с применение нетрадиционных методов организуются и ведутся военными и полувоенными отрядами повстанческих сил с целью ведения сопротивления, свержения неугодных для Вашингтона политических режимов и правительств, завоевания политической автономии. Силы специальных операций подготовлены для ведения такого рода действий и осуществляют эту деятельность, как правило, через местные национальные повстанческие (оппозиционные) группы, движения, отряды или в тесном взаимодействии с ними. Такие операции ведутся тайно, как правило, без официального афиширования участия в них сил специальных операций США.

---

[74] Joint Publication 3–24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. I-11.

М. М. Хамзатов
Новый характер войн XXI века: «Облачный противник»

Основные тенденции изменения содержания и характера вооруженной борьбы

В современных условиях, революционный прорыв ведущих государств в технологической и информационной сферах, с одной стороны, ускорил процесс глобализации, а с другой — значительно обострил негативные явления, сопровождающие этот процесс. Неизмеримо возросшие возможности вооруженных сил современных государств по сбору, обработке и распределению информации стали важнейшими факторами в современной войне. Широкомасштабное использование информационных и других инновационных технологий послужило основой для создания качественно нового поколения средств вооруженной борьбы и существенно расширило сферы их применения. Подтверждается проверенная временем закономерность: новые средства ведения войны неизбежно приводят к появлению новых форм применения войск (сил), объединяющими в себе все лучшие черты традиционных способов ведения военных действий.

Предусматриваемый интегрированный процесс применения военных и других возможностей страны на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях все чаще направляется на достижение целей операции без осуществления дорогостоящих действий «сила-на-силу», а за счет «каскадной»

последовательности результатов. Победа, в соответствии с данной стратегией, достигается не только поражением вооруженных сил и разрушением инфраструктуры противника, но, в первую очередь, парализацией его воли к ведению боевых действий.

В целом, анализ опыта войн и вооруженных конфликтов последнего десятилетия позволяет выделить следующие основные тенденции изменения содержания и характера вооруженной борьбы на перспективу.

Первая тенденция — увеличиваются пространственные характеристики вооруженной борьбы, поскольку рост досягаемости современного и перспективного оружия позволяет одновременно воздействовать на всей территории воюющих государств. Все бои и сражения, приобретают рассредоточенный, объемный характер, охватывая все сферы военных действий по фронту, глубине и высоте.

Вторая тенденция. «Сжимаются» временные параметры вооруженной борьбы, возрастает быстротечность боевых действий. Сбор, обработка и использование информации о противнике и своих войсках происходят в реальном или близком к реальному масштабе времени. Эффективность воздействия на противника стала определяться концентрацией воздействий во времени, а не в пространстве, стремлением завершить войну или вооруженный конфликт в течение непродолжительного времени.

Соответственно сегодняшние понятия маневра, удара, всестороннего обеспечения и защиты трансформируются применительно к армиям ведущих стран в господствующий маневр, высокоточное сражение (бой), целенаправленное всестороннее обеспечение и всеобъемлющую защиту.

Третья тенденция. Все большее значение придается информационной составляющей вооруженной борьбы, подготовке и проведению оборонительных и наступательных операций в киберпространстве.

Это связано с оснащением войск системами вооружения, основанными на широком использовании информационных технологий, а также быстродействующими системами разведки, связи, автоматизированного управления, радиоэлектронной борьбы и др.

Четвертая тенденция. Ведение войсками мобильных действий с использованием всех сфер вооруженной борьбы и необходимость упреждения противника в бою (операции) обусловили переход от строго вертикальных связей управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками и оружием.

Такой переход предполагает создание единой информационно-коммутационной сети, связывающей командиров (начальников) и исполнителей, что обеспечивает быстрое доведение до участников боевых действий необходимой информации об обстановке, имеющейся в распоряжении как вышестоящих, так и подчиненных органов управления и соседей по принципу «от многих к многим». Именно такой подход обеспечивает ускорение процессов управления силами и средствами, и, соответственно, повышение темпов операций, эффективности поражения противника и живучести своих войск.

Пятая тенденция. Повышение боевых возможностей и стоимости отдельных высокотехнологичных систем вооружения приводит к уменьшению количественного состава вооруженных сил.

Данные тенденции непосредственно повлияли на характер современных операций: происходит переход от широкомасштабных «линейных» действий многомиллионных армий к маневренной войне нового поколения: происходит принципиальный сдвиг от «платформо-центрических» военных действий к так называемым «сете-центрическим» военным действиям. В чем же их принципиальная разница?

В условиях «платформо-центрических» военных действий информация о противнике поступает от «боевых платформ»

(боевых машин, разведывательных машин, разведывательных групп, наблюдательных постов и т. д.), а командиры разных степеней имея свои пространственные пределы доступа к информации (у командира взвода, например, нет данных космической разведки) принимают решение по принципу «здесь и сейчас».

В условиях «сете-центрических» военных действий пределы информационной среды командиров (начальников) всех степеней значительно расширяются, позволяя перейти от войны на истощение к более скоротечным и более эффективным («центрально-сетевым») формам военных действий, для которых характерны две основные характеристики: быстрота управления и принцип самосинхронизации (приложение 1).

Военные действия получают новое содержание, изначально предполагающее проведение быстрых и решительных маневров не только на флангах, но и на всей территории противника. *Основным фактором, определяющим характер будущей войн, становится не соотношение пространства и численности вооруженных сил, а наличие новых межвидовых (межведомственных) группировок войск (сил), реализующих свои потенциальные возможности на основе сетецентрических методов разведки, управления и обеспечения.*

Основное преимущество центрально-сетевых военных действий проявляется именно в способности участников военных действий практически непрерывно и оперативно планировать свои последующие действия, постоянно получая свежие данные разведки, вступать в бой, не заботясь о тыловом снабжении, которое придет в нужное время и точно по назначению.

Поэтому сторона конфликта, имеющая технологическое превосходство, стремиться повысить оперативность своих действий уже на этапе выработки и принятия решения с целью упредить обороняющихся в действиях, дезорганизовать управление, нарушить систему связи и, в конечном счете, деморализовать его войска.

Наряду технологическим превосходством важнейшее влияние на характер войны, ее пространственный размах, количество и качество привлекаемого личного состава, избираемые средства, формы и способы борьбы все большее влияние оказывает содержание политических целей, которые необходимо достигнуть в результате войны.

По мнению многих специалистов, цель войны состоит в том, чтобы добиться лучшего, для конкретной стороны конфликта, состояния мира после войны. Следовательно, военно-политическое руководство государства, как при подготовке, так и в ходе войны, должно постоянно понимать, к какому миру оно стремятся.

Определяя цель войны, руководители государства должны четко представлять себе различие между политической и военной целями, которые, хотя и тесно связаны между собой (страны ведут войну не ради самой войны, а ради достижения политической цели), но имеют принципиальное отличие. Военная цель является следствием достижения политической цели и может только вытекать из нее, соответствуя условиям обстановки и выделяемым на ее решение силам и средствам. В то же время, достижение военной победы само по себе не равносильно достижению цели политики. Но так как вопросами войны занимаются в основном военные, часто цели войны отождествляются с военной целью, которую начинают считать конечной целью, а не просто средством достижения политической цели. По нашему мнению, в последние годы среди отечественных военных исследователей наметилась тенденция непонимания правильного соотношения между политической и военной целями, между политикой и стратегией. Военная цель извращается и упрощается или наоборот, подменяется политической целью.

Для правильного понимания этой сложной проблемы рассмотрим, как развивалась военная мысль в этом вопросе.

На протяжении веков политические цели войны достигались решением одной стратегической задачи — разгрома военной силы неприятеля. Как отмечал в своем фундаментальном

труде «Стратегия непрямых действий» известный военный теоретик Лиддел Гарт: «В течение более ста лет полагали, что настоящей целью войны является уничтожение главных сил противника на поле боя. Это было всеми признано, записано во всех военных уставах, изучалось во всех штабных школах и считалось основным каноном военной доктрины. Если какой-либо государственный деятель позволял себе усомниться в том, соответствует ли такая цель при всех обстоятельствах цели государства, то на него смотрели как на человека, нарушающего священное писание»[75].

Наиболее ярко эта тенденция в отечественной истории проявилась в войне с Наполеоном 1812 г., когда французская армия делала все возможное, чтобы догнать и уничтожить русскую армию как можно ближе к границе. То, что Кутузов, пожертвовав Москвой, спас армию, позволило ему, в свою очередь, разгромить французов, и, в последующем, обрушить всю империю Наполеона.

Однако уже в XX веке с переходом к массовым армиям политические цели войны стали достигаться решением одной из двух стратегических задач:

— разгрома военной силы неприятеля;
— лишение его средств ведения войны путем уничтожения предприятий военно-промышленного комплекса и/или населения.

С каждым десятилетием акцент стал смещаться в сторону достижения целей войны решением второй из приведенных задач. Такой подход позволил технологически развитым странам Запада практически полностью отказаться от ведения массовых войн классического типа и добиваться своих политических целей ведением «ограниченной войны».

Одной из причин такого «крена» в подготовке и ведения военных конфликтов явилась невозможность применения ору-

[75] Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957.

жия массового поражения (в первую очередь, ядерного), без нанесения непоправимого ущерба всей планете Земля.

Ведение же крупномасштабной войны между экономически развитыми государствами мирами без применения ядерного оружия, как показали многочисленные исследования, оказалось экономически необоснованным и психологически недопустимым. Любое государство, имея ОМП и уступая противной стороне в войне, готово его применить, чтобы остановить или разгромить противника.

Кроме того, значительно возросшие оперативные и боевые возможности как группировок войск, так и отдельных подразделений, появление новых нетрадиционных средств ведения вооруженной борьбы обеспечивают возможность нанесения огромных потерь населению и экономическому потенциалу противника даже без применения ОМП.

Отсюда возникла и развивается идея победы над противником ведением «малых» или «ассиметричных» войн. Цель нового подхода — добиться победы в войне без существенных своих потерь, как материальных, так и людских. Эта цель непосредственно влияет на размах военных действий, ограничивая:

— пространство военных действий — границами государства-жертвы агрессии;
— состав привлекаемых войск (сил) — маневренными группировками войск (сил);
— размах военных действий — неделями (месяцами) применения высокотехнологичных сил и средств.

В целом основной замысел ведения современных военных действий сводится к древнему принципу навязывания противнику таких форм и способов противоборства и использованию таких сил и средств, к противодействию которым противник не готов или в которых агрессор имеет явное преимущество.

Под влиянием вышеизложенных факторов стратегические цели и задачи войны, формы и способы ее ведения, т. е. основные черты характера войны, стали изменяться:

— во-первых, идея первоочередного разгрома военной силы противника трансформировалась в стремление к уничтожению ключевых объектов его инфраструктуры и экономики и дезорганизации государства лишением способности организованного функционирования его основных институтов;
— во-вторых, повысился удельный вес дальнего высокоточного поражения. «Пехота» используется, в основном, для контроля территории и «зачистки» отдельных объектов (районов);
— в-третьих, возрастает роль автоматизированных систем и робототехнических комплексов, привлекаемых к ведению активных боевых действий;
— в-четвертых, наблюдается устойчивая тенденция формирования межведомственных группировок войск (сил), способных не только разгромить врага, но и организовать контроль за захваченной территорией и устойчивое функционирование местных органов власти переходного периода;
— в-пятых, значительно возрастает роль информационного воздействия: информационно-технического (кибернетического) — направленного против систем государственного управления, объектов экономики и систем управления войсками и оружием, и информационно-психологического, направленного против личного состава вооруженных сил и населения;
— в-шестых, общая цель войны — увеличивается удельный вес небоевых действий (мероприятий) в принуждении политического руководства страны-жертвы агрессии принять навязываемые условия. Все активнее стала использоваться стратегия непрямых действий с присущими ей политико-дипломатическим и финансово-экономическим давлением, международно-правовыми и экономическими санкциями, информационным воздействием, подрывными акциями

сил специальных операций, подкрепленными демонстрацией военной силы и готовности к ее применению[76].

— в-седьмых, воля к сопротивлению государства-жертвы агрессии подавляется за счет подрыва жизненных сил страны путем уничтожения ключевых объектов управления, энергетики и промышленности при одновременном информационно-психологическом внушении цивилизованному населению «мирового сообщества», мысли о «кровожадности режима», не легитимности законного правительства и его неспособности эффективно управлять государством. И только когда этот комплекс действий не приводит к требуемым результатам, экономически развитые государства переходят к непосредственному применению военной силы.

Первым следствием нового содержания войны стал отказ экономически развитых государств Запада от массовых армий, оснащенных десятками тысяч танков, тысячами самолетов и другой тяжелой техники. В этих странах наблюдается устойчивая тенденция перехода к компактным высокотехнологичным армиям, в которых приоритетное развитие получают войска (силы), оснащенные автоматизированными и автоматическими средствами дальнего огневого и радиоэлектронного поражения и интегрированные с информационно-управляющими системами. Такие системы способны поражать объекты противника с высокой точностью в реальном масштабе времени.

Следствием интеллектуализации средств ведения войны стало изменение требований к уровню подготовки обслуживающего персонала. В связи с тем, что солдаты, призываемые на службу в 18–20 лет, освоить и эффективно эксплуатировать сложную технику в отведенные сроки службы и в последующем эксплуатировать ее, прибыв из запаса, не способны, происходит постепенный перевод вооруженных сил на контрактную систему. Однако в связи с тем, что отрыв большого числа

[76] Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957.

высокообразованных специалистов из экономики негативно сказывается на развитии государства, более эффективным является принятие на вооружение автономных боевых систем

Третьим следствием новых тенденций в эволюции характера войн является то, что главные усилия в вооруженном противоборстве объективно смещаются в киберпространство и воздушно-космическую сферу, т. к. именно в этих сферах обеспечивается возможность дальнего огневого, радиоэлектронного и информационного поражения объектов противника на всей его территории. Соответственно ход и исход войны стал предопределяться степенью решения стратегической задачи по завоеванию господства в киберпространстве, в космосе и в воздухе или, по крайней мере, от срыва попыток противника не допустить решения этой задачи.

С политической точки зрения, вероятность крупномасштабной войны против России незначительна. Однако в период ее слабости и наличия сепаратистских тенденций существуют апробированные и более приемлемые сценарии военного разрешения противоречий.

По мнению многих экспертов, количество проблемных для России регионов (районов) как внутри нее (Северный Кавказ, Поволжье), так и по ее периметру (Прибалтика, Украина, Центральная Азия, Закавказье) неуклонно увеличивается. «Инспирирование затрагивающих интересы нашей страны вооруженных конфликтов в этих точках и вынужденное втягивание в них России может измотать ее в экономическом и военном отношении. В результате могут быть созданы благоприятные условия для отсечения от России по частям целых регионов. Это в полной мере соответствует принципу постановки в войне ограниченных целей, что, по мнению западных аналитиков, позволит избежать чреватой массовыми материальными и людскими потерями крупномасштабной, и тем более ядерной, войны.

Если этого окажется недостаточно, усилия будут наращиваться по линии информационного воздействия, экономичес-

кой блокады и других уже упоминавшихся выше мер, к которым наша страна в настоящее время чрезвычайно чувствительна. Завершиться же они могут, при необходимости, операцией по принуждению к миру.

Именно эти обстоятельства и дают основание делать вывод о большей вероятности возникновения в среднесрочной перспективе вооруженных конфликтов и войн локального масштаба при сохраняющейся возможности их эскалации»[77].

В целях объективного прогноза характер войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период необходимо отметить изменение роли оружия массового поражения в предотвращении крупномасштабной, и тем более ядерной, войны. Несмотря на то, что всю вторую половину XX века ядерное оружие обеспечило мирное сосуществование крупных мировых держав, анализ локальных конфликтов последних лет свидетельствует о том, что ОМП не всегда может быть эффективным для противодействия внешней угрозе.

Новый актор международной политики: «Облачный противник»

В контексте анализа изменения роли оружия массового поражения в предотвращении крупномасштабной, и тем более ядерной, войны значительный интерес представляет содержание «гражданской войны» в Сирии, в которой регулярная армия более трех лет не может подавить сопротивление иррегулярных вооруженных формирований.

Изначально у любого специалиста военного дела возникают вопросы: почему сирийская армия, еще недавно представлявшая угрозу одной из самых профессиональных армий региона — Армии обороны Израиля, оказалась неэффективной против разношерстных банд наемников и каким образом повстанцам удается вести боевые действия на равных с регулярной армией

[77] http://www.modernarmy.ru/article/175

при несопоставимом боевом потенциале? Чтобы ответить на эти вопросы, оценим противоборствующие силы.

С одной стороны, действует сирийская армия, организационно состоящая из армий, дивизий, полков, батальонов, подготовленных для ведения традиционной войны. Вся ее структура, теория и практика применения были направлены на отражение внешней агрессии в ходе эшелонированной обороны с четким позиционированием понятий «фронт — тыл». Подразумевалось, что на территории Сирии будет стратегический тыл, в котором в относительной безопасности смогут находиться семьи военнослужащих, готовиться резервы всех типов, лечиться и восстанавливаться раненые.

С другой стороны — вроде как вооруженное крыло оппозиции. Однако даже поверхностный анализ говорит о неоднозначности его состава, о наличии внутри него массы разнонаправленных по своим целям и задачам вооруженных групп: от профессионалов до обездоленных, в том числе идейных повстанцев, уголовников, бандитов, боевиков (сражаются за деньги и возможность мародерствовать), варваров (сражаются за право творить беспредел под прикрытием идеи, иногда вообще не представляют, с кем именно и где воюют). Все они объединяются в различные группы, банды, отряды, «фронты», часто не подчиняющиеся ни политическому крылу оппозиции, ни кому-либо вообще.

Теоретически силовые структуры Сирии должны были легко справиться с таким разрозненным противником. Однако этого не происходит. Боевикам каким-то образом удается эффективно противостоять государству. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что заинтересованные акторы международной политики отрабатывают в Сирии новые технологии войны, как это происходило в 30-х годах прошлого века в Испании. Мощная зарубежная финансовая и материальная помощь, информационная и внешнеполитическая поддержка позволяют боевикам эффективно противостоять армии и специальным службам.

Одним из новых достижений военного искусства, реализованного в ходе агрессии против Сирии, является найденный выход из «интеллектуального тупика» военной науки, когда наличие на вооружении какой-либо страны оружия массового поражения и средств его доставки делало практически самоубийственной агрессию против него. Военная мысль всех развитых государств на протяжении последних 50 лет искала выход из ситуации, когда любое, даже самое мощное государство мира не могло напасть на свою жертву, обладающую ядерным, химическим или биологическим оружием без потенциальной опасности подвергнуть смертельной угрозе свое население. Проблема заключалась в том, что нужно было как-то создать условия, чтобы потенциальная жертва агрессии типа Сирии или любого другого государства лишилась своего ОМП или возможности его применения еще до начала открытых военных действий.

Как свидетельствуют косвенные признаки, выход из тупиковой ситуации был найден в создании «облачного противника», то есть противника, который как бы есть, и даже признан на мировой политической арене, но которого как бы и нет, так как он не является ни государством, ни конкретным социальным институтом какого-либо государства. Все основные структурные элементы, характеризующие «облачного противника», находятся в ближнем или дальнем зарубежье. На передний край обычно выставляются «одноразовые боевики», характерной чертой которых является дешевизна и низкий уровень подготовки. Их часто не надо ни лечить, ни обеспечивать, ни эвакуировать из опасного района. «Кукловод», он же «провайдер», при необходимости имеет возможность практически до бесконечности усиливать давление на избранном направлении или на решении поставленной боевой задачи, подключая все новые ресурсы из любых (часто отдаленных) регионов мира. Так, если оценивать поверхностно, то соотношение сил боевиков и регулярной армии, например в Сирии, составляет 1 к 10 в пользу регулярной армии. Однако подсчет с учетом

реальных возможностей «облачного противника» дает другое соотношение — до 1 : 50 и более в пользу боевиков. В таких условиях у любого государства-жертвы подобной агрессии должны быть очень сильные союзники, иначе ее просто задавят.

Рассмотрим специфику действий «облачного противника» на примере «гражданской войны» в Сирии.

Уже изначально основная масса сирийских оппозиционеров отказалась от полномасштабной политической борьбы за провозглашенные ими идеи и стала целенаправленно уничтожать военный, интеллектуальный, производственный потенциалы собственного государства. Основной задачей «облачного противника» стал террор против населения с целью развязать межконфессиональную войну или войну по любому другому признаку, что привело к массовой миграции населения и появлению лагерей беженцев. Более того, так как своих семей на территории, где идут боевые действия, у большинства бандитов, как правило, нет, то они легко идут на организацию гуманитарной катастрофы в регионе, целенаправленно уничтожая запасы продовольствия, энергетику и промышленность, создавая угрозу захвата арсеналов оружия массового поражения неконтролируемыми бандами. В целом их действия, как правило, направлены на то, чтобы создать предлог для вмешательства иностранных государств под видом предотвращения гуманитарной катастрофы.

В этих условиях военно-политическое руководство оказывается в тупике — в стране, исходя из ущерба экономике и населению, идет полномасштабная война, но кто враг — непонятно. И ответить на этот вопрос практически невозможно. Например, по данным правительства Сирии, на стороне оппозиции воюют граждане более 30 стран, и порой их доля в рядах некоторых группировок боевиков превышает 80%. Обучение боевики проходит в лагерях на территории Турции, Ливии, Иордании, Афганистана, Пакистана, Ирака и других стран Африки и Ближнего Востока. Экономические объекты, используемые

в интересах ведения войны, мобилизационная база, тыл, лагеря подготовки пополнения также находятся на территории различных государств мира, формально не являющихся участниками военного конфликта. Вопрос: кого «бомбить»?

В отличие от боевиков положение регулярной армии незавидное: дислокация группировок войск, мобилизационная база, тыл, лагеря подготовки пополнения, экономические объекты, используемые в интересах ведения войны, известны «облачному противнику», что позволяет ему выбирать место и время для проведения своих операций.

Положение законного правительства и народа усугубляется возрастанием угрозы открытого вмешательства в конфликт под любым предлогом других государств, заинтересованных в свержении законного правительства.

В создании таких поводов одну из ведущих ролей играет «облачный противник», одной из основных целей действий которого и является достижение внутреннего коллапса государства-жертвы. Огромную важность для «кукловодов» имеет существенное снижение оборонного потенциала государства-жертвы, за счет лишения ее оружия массового поражения.

Для этих целей создается угроза попадания ОМП в руки бандитов. Такая потенциальная угроза миру невольно должна привести ООН к требованию от жертвы агрессии ликвидировать свое ОМП. После достижения этой цели ослабленная затяжным внутренним конфликтом страна вынуждена будет идти на любые уступки требованиям со стороны очередного «центра силы».

Наиболее ярко такая тактика проявилась в 2013 году в Сирии. Наличие у правительства больших запасов химического оружия представляло потенциальную угрозу для любого противника. Ни одна держава даже мирового уровня не могла быть уверенной в безнаказанности своих действий в случае интервенции Сирии. Нужно было заставить правительство Сирии добровольно отказаться от ОМП. Задача была решена достаточно быстро и изящно.

18 августа 2013 года в Сирию прибыла комиссия при ООН во главе с Оке Селстромом по расследованию инцидента, созданная по просьбе правительства Сирии, для расследования инцидента по факту применения боевиками 19 марта 2013 года химического боезаряда в районе Алеппо.

Глубокой ночью (по разным источникам от 01:30 до 4 часов по местному времени) 21 августа2013 года в 8 точках в пригородах Дамаска, на востоке и юго-западе, контролируемых оппозицией, были зафиксированы похожие отравления людей без видимых механических повреждений.

Пострадавшие доставлялись в медицинские учреждения, где им оказывалась первая помощь. Также сообщалось о проявлении симптомов у некоторых медицинских сотрудников, оказывавших первую помощь пострадавшим.

С утра 21 августа 2013 г. саудовский канал «Аль Арабия» со ссылкой на на представителей оппозиции через Twitter сообщил о непроверенную информацию о применении правительством в пригороде Дамаска Восточной Гуте химического оружия и массовых жертвах (от 100 до 500 человек). Новость была немедленно подхвачена мировыми СМИ. Никого не смутило, что сообщения официально не подтверждены. Попытки представителей России, Китая и Ирана указать на этот факт во внимание не принимались.

В частности, российское информационное агентство «РИА Новости» 21 августа 2013 г. сообщало: «Арабский телеканал «Аль-Арабия» со ссылкой на «сирийских активистов» сообщает о «по меньшей мере 500 погибших» от применения химического оружия в восточном пригороде Дамаска, никакого официального подтверждения данной информации нет.

… Агентство Рейтер сообщает, что информацию «Аль-Арабии» проверить пока не удается»[78].

---

[78] http://ria.ru/arab_riot/20130821/957615395.html#13907113196274&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration

В тот же день, журналисты телеканалов «Аль-Арабия» и «Скай Ньюс» также подтвердили «РИА Новости», что доказательств о применении химоружия в среду в восточных пригородах Дамаска им получить не удалось. «Вся эта информация получена со страниц Facebook и Youtube, других доказательств нет», — сказал РИА Новости представитель «Скай Ньюс»[79].

Сирийское правительство тут же опровергло информацию, назвав ее ложью. «В сообщениях об использовании химоружия в Гуте (пригород Дамаска) нет ни капли правды. Это попытка отвлечь внимание международных экспертов ООН от выполнения своих задач»[80].

Тем не менее, информационная операция развивалась по плану. После неудачных попыток провести через СБ ООН решение о силовом вмешательстве во внутренний конфликт в Сирии на стороне оппозиции, США в одностороннем порядке заявили о своей готовности к таким действиям даже при отсутствии мандата СБ ООН. По итогам саммита «Большой двадцатки» в Санкт-Петербурге в начале сентября 2013 г. данное решение было поддержано еще десятью странами-участниками саммита: Австралией, Канадой, Францией, Италией, Японией, Южной Кореей, Саудовской Аравией, Испанией, Турцией, Великобританией, подписавшими совместно с США текст заявления. В опубликованном совместном заявлении относительно применения химоружия 21 августа 2013 г. в пригороде Дамаска необоснованно, еще до публикации отчета о расследовании экспертов ООН, утверждалось:

«Улики ясно указывают на то, что сирийское правительство ответственно за нападение… Мы призываем к жёсткому международному ответу… который бы послал ясный сигнал, что подобные зверства никогда не могут быть повторены.

---

79 http://ria.ru/arab_riot/20130821/957634346.html#13907116557824&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz2rTcwDblq

80 Там же.

Те, кто совершили эти преступления, должны быть привлечены к ответственности»[81].

На следующей неделе число стран, подписавших заявление в поддержку односторонних действий США по Сирии в обход СБ ООН, увеличилось до тридцати трех. К заявлению присоединились Албания, Хорватия, Дания, Эстония, Германия, Гондурас, Венгрия, Латвия, Литва, Марокко, Катар, Румыния, ОАЭ, Грузия, Гватемала, Кувейт, Мальта, Черногория, Панама, Польша и Португалия.

Российские дипломаты предлагали более детально разобраться в ситуации, т. к. по их данным ОМП было применено оппозицией. По сообщению официального представителя МИД России Александра Лукашевича, опубликованному 5 сентября 2013 г. «Основные выводы специалистов состоят в следующем. Во-первых, примененный боеприпас не являлся штатным боеприпасом сирийской армии, а был изготовлен кустарным способом по типу и параметрам реактивных неуправляемых снарядов, производимых на севере Сирии так называемой «Бригадой «Башаир Ан-Наср». Во-вторых, для подрыва боеприпаса в качестве разрывного заряда был использован гексоген, который штатно в химических боеприпасах не применяется. В-третьих, в пробах с боеприпаса и в образцах грунта обнаружено синтезированное не в промышленных условиях вещество нервнопаралитического действия «зарин». Подчеркну, что российский доклад предельно конкретен, он представляет собой научно-технический документ объемом порядка 100 страниц с многочисленными таблицами и диаграммами спектрального анализа проб. Рассчитываем, что он существенно поможет расследованию данного инцидента по линии ООН»[82].

Однако, подобные заявления МИД России о наличии доказательств непричастности режима Башара Асада к применению

[81] http://novostink.ru/mir/51826-odinnadcat-stran-g20-podderzhivayut-udar-ssha-po-sirii.html

[82] http://www.vesti.ru/doc.html?id=1125881&cid=5

химического оружия под Дамаском руководством США в расчет практически не принимались.

Например, 9 сентября 2013 г. представители МИД РФ, в ходе 24-й сессии Совета ООН по правам человека брифинга «Права человека и вооруженные конфликты: угрозы США применить силу против Сирии и международное право», продемонстрировали убедительные доказательства фальсификации фотографий и видеосъемок с жертвами этой химатаки.

«Были приведены убедительные доказательства того, что видео и фото жертв химатаки в пригороде Дамаска 21 августа были сфабрикованы заранее. Аудитории продемонстрировали показания многочисленных свидетелей, единогласно утверждавших, что химоружие в районе Восточной Гуты было применено именно боевиками. Результаты проведенных активистами расследований инцидента и показания очевидцев были переданы Независимой комиссии по расследованию в Сирии», — отметили на Смоленской площади[83].

Тем не менее США продолжили подготовку к односторонним военным действиям против законного правительства Сирии, в обход решений СБ ООН, нагнетая истерию в СМИ. Все их действия, как стало понятно позднее, укладывались в теорию, описанную классиком военного искусства Клаузевицем в фундаментальном труде «О войне» еще в первой половине XIX века: «цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений»[84].

В соответствии с этим положением, американские дипломаты, после убеждения мировой общественности и, в первую очередь, руководства России и Сирии в неизбежности силового

---

83 http://www.interfax.by/news/world/137286

84 Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934.

вмешательства в гражданскую войну в Сирии, организовали «многоходовку».

Пока в Москве шли переговоры между главой МИД России Сергеем Лавровым и вице-премьером правительства Сирии, министром иностранных дел Валидом Муаллем, в Лондоне началась пресс-конференция госсекретаря США Джона Керри, которая не могла пройти мимо внимания российского и сирийского коллег.

Американский дипломат был краток, но предельно конкретен: «Режим Асада может предотвратить вооруженное вмешательство, если передаст все химическое оружие международному сообществу в течение следующей недели». Однако, Керри сразу, словно случайно, сделал оговорку: по его оценке, Асад «не собирается» сдавать его и предоставлять «полный и тотальный отчет» в этом отношении[85]. Этим, маловероятным на его взгляд, предложением Керри как бы предлагал вариант «мирного» выхода из ситуации, когда США должны стать инициатором действий по разрушению существующей системы международной безопасности. Момент был безусловно подобран очень грамотно: Лавров и Муаллем имели возможность оперативно обсудить варианты развития обстановки и в виду недостатка времени для полноценного анализа последствий, согласиться с предложением.

Расчет американцев оправдался полностью. Ближе к вечеру, Сергей Лавров собрал журналистов и заявил: «Призываем сирийское руководство не только договориться о постановке мест хранения химического оружия под международный контроль, но и о его последующем уничтожении, а также о полноценном присоединении к Организации по запрещению химического оружия. Мы уже передали это предложение главе МИД Сирии и рассчитываем на быстрый и, надеюсь, позитивный ответ».

---

[85] В. Воробьев. Прощание с химоружием. // Российская газета. № 6177 от 10 сентября 2013 г.

Иными словами, Лавров и Керри, находясь в разных столицах, фактически озвучили совместную инициативу. Спустя час после заявления главы МИД России свою пресс-конференцию созвал и Генсек ООН Пан Ги Мун: «Я принял к сведению высказывания господина Лаврова и господина Керри, и я приветствую их идеи… Я рассматриваю возможность призвать Совет Безопасности потребовать немедленной транспортировки сирийского химического оружия в места в Сирии для безопасного хранения и ликвидации. Сирия должна дать на это свое согласие».

В таких динамично меняющихся условиях С. Лаврову оставалось только одно — оперативно убедить сирийскую сторону реализовать предложение Керри. И это ему удалось: информагентства распространили заявление Муаллема: «Во время наших переговоров с министром иностранных дел Сергеем Лавровым он выдвинул инициативу, связанную с химоружием. Я внимательно его слушал. В связи с этим заявляю, что Сирийская Арабская Республика приветствует российскую инициативу, исходя из заботы сирийского руководства о жизнях наших граждан и безопасности в нашей стране. Мы также уверены в мудрости российского руководства, которое старается предотвратить американскую агрессию против нашего народа».

На основании всех этих решений, Организация Объединённых наций приняла решение о ликвидации химического оружия в Сирии. Решение было принято единогласно утром 28 сентября:

«Совет Безопасности одобряет решение Исполнительного совета ОЗХО от 27 сентября 2013 года, содержащее специальные процедуры по быстрой полной ликвидации военной химической программы Сирийской Арабской Республики и соответствующей строгой проверке этого, и призывает к ее скорейшей и как можно более безопасной полной ликвидации», — говорится в принятой резолюции.

Совет постановил, что Сирия не должна применять, разрабатывать, производить, иным образом приобретать, накапливать или хранить химическое оружие или передавать прямо или косвенно химическое оружие другим государствам или негосударственным субъектам.

Совет обратил особое внимание на то, что ни одна из сторон в Сирии не должна применять, разрабатывать, производить, приобретать, накапливать, хранить или передавать химическое оружие.

Члены Совета призвали Сирию соблюдать все аспекты решения Исполнительного совета ОЗХО от 27 сентября 2013 года. Это решение содержится в приложении к резолюции.

Совет постановил, что «в случае несоблюдения настоящей резолюции, включая несанкционированную передачу химического оружия или любое применение химического оружия кем бы то ни было в Сирии, вводятся меры согласно Главе VII Устава ООН»[86].

Таким образом, цели, которые США и другие заинтересованные страны не смогли бы достичь в открытой конфронтации — уничтожение ОМП Сирии и запрет на его разработку, производство и хранение в будущем, были относительно легко достигнуты с привлечением России и реализации технологии «облачного противника».

В определенной степени, американцы выиграли, использовав психологическую сторону стратегии. Как утверждал известный военный теоретик Лиддел Гарт в своем фундаментальном труде «Стратегия непрямых действий»: «Элементарный принцип стратегии заключается в том, что если противник занимает сильную позицию, преодоление которой потребует больших жертв, то вы должны оставить ему свободным путь для отступления, так как это вернейший способ ослабить его сопротивление. Это требование в одинаковой степени относит-

[86] http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20327

ся и к политике, особенно в войне. Чтобы добиться успеха, вы должны снабдить вашего противника лестницей, с помощью которой он мог бы спуститься вниз»[87].

Применительно к России созданный прецедент со взятием ОМП под международный контроль в случае псевдо-гражданской войны может иметь самые негативные последствия, т. к. у «мирового сообщества» теперь есть все основания требовать и от самой России сдачи своих арсеналов, если кому-то удастся дестабилизировать обстановку в стране.

Все получилось по Клаузевицу: «цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений».

Выводов для России напрашивается много. Один из главных — необходимо активно разрабатывать меры противодействия «облачному противнику», против которого ядерное оружие является бессмысленной «игрушкой».

Последствия действий «облачного противника» для государства-жертвы крайне негативны. Ему грозит внешняя агрессия под предлогом защиты местного населения или кабальные договоры с «друзьями», ранее неофициально финансировавшими боевиков и, как следствие, экономическая деградация и рабство.

К сожалению, в настоящее время мы не имеем целостной теории, которую могли бы противопоставить теории и практике действий «облачного противника». Как правило, вопросы применения войск, по-прежнему рассматриваются применительно к действиям больших армий регулярных войск против подобных же армий противника. Вопросам противодействия регулярной армии «облачному противнику» или псевдо-иррегулярной армии практически не рассматриваются.

---

[87] Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. — М.: ИЛ, 1957.

Выход видится в сочетании боеспособности ядерных сил и сил общего назначения, основанного на глубоких теоретических проработках вопросов эффективного применения военной организации государства не только в крупномасштабной войне, но и в «конфликтах низкой интенсивности» или «малых войнах».

Влияние концепции сетецентрической войны на характер современных военных действий

В настоящее время особую актуальность приобрел вопрос о возможном характере будущих боевых действий. Необходимость адаптации форм и способов применения Вооруженных Сил к современным условиям предопределяют как экономическая целесообразность оптимизации структуры и состава Вооруженных Сил Российской Федерации, так и новые вызовы и угрозы безопасности России.

В контексте решения данной проблемы многие военные специалисты прогнозируют содержание будущих военных действий на основе концепции так называемой сетецентрической войны — СЦВ (сетевой войны, сетецентрических действий). Отмечая глубокую проработку авторами рассматриваемых вопросов, остановимся на некоторых спорных теоретических положениях, встречающихся во многих публикациях.

Так, некоторые авторы рассматривают концепцию сетецентрической войны как основное содержание новых форм военных действий. По нашему мнению, употребление понятия «сетецентрическая война» применительно к содержанию военных действий не совсем корректно, так как данное понятие характеризует не специфические черты войны, а методы обработки данных и используется среди специалистов информационных технологий в контексте «сетецентрическая модель вычислений».

В соответствии с этой моделью пользователю не нужно приобретать все программное обеспечение для решения прикладных задач, а достаточно иметь лишь дешевое оборудование

(сетевой компьютер) для обращения к удаленной центральной базе, которая производит все необходимые вычисления и обеспечивает потребителя требуемой информацией. Смысл сетевого принципа в том, что главным элементом всей модели является обмен информацией.

Наряду с вышеизложенным вызывает сомнение обоснованность утверждения некоторых авторов, что ведение сетевой войны предполагает отказ от классической иерархической системы управления войсками, поскольку общим принципом построения военной сетевой организации является неформальный характер взаимоотношений в организации, когда горизонтальным связям между элементами группы придается гораздо большее значение, чем вертикальным. Если допустить существование такого принципа, то возникает закономерный вопрос: кто и как будет обеспечивать боевые действия войск, имеющих сильные горизонтальные связи и слабые вертикальные? Сосед справа или сосед слева? Или все же непосредственный начальник (командир), определивший в соответствии со своим замыслом пространство, время и цели действий каждого «звена» своей «сетевой» организации?

Некорректным, на наш взгляд, представляется и утверждение о том, что организационная структура частей (подразделений), формы и методы выполнения ими боевых задач в сетецентрической войне, будут видоизменяться в соответствии с принципом самосинхронизации снизу вверх по усмотрению непосредственных исполнителей и в соответствии с потребностями вышестоящего командования. В данном случае необходимо рассматривать не новый специфический принцип из теории сложных систем, а реализацию старого принципа «централизованное управление — децентрализованное исполнение» боевых задач.

В целом, принципиальные изменения в содержании военных действий, происходящие в последние десятилетия, заключаются в следующем.

В условиях, когда на содержание боевых действий стали влиять две противоречивые тенденции: уменьшение количественного состава вооруженных сил и повышение боевых возможностей отдельных высокотехнологичных систем вооружения, стала меняться концепция ведения войны. Суть изменений заключается в переходе от широкомасштабных «линейных» действий против многомиллионных армий противника к маневренной войне нового поколения. Акцент стал делаться на мобильность и максимальную реализацию боевых возможностей небольших группировок войск за счет новых возможностей систем разведки, управления и обеспечения.

Если ранее существовали определенные пространственные границы, вне которых не обеспечивалось взаимодействие раздельно наступающих войск, то новые информационные технологии значительно расширили эти границы — вся информация о положении дел, в том числе и наглядная, стала доступна практически всем активным участникам вооруженной борьбы. Взаимодействие стали организовывать не путем объединения в решающих пунктах раздельных групп войск, а путем объединения их огневых и информационных возможностей. Это позволило впервые в истории военного искусства преодолеть пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления. Новые информационные технологии обеспечивают твердое руководство и постоянное взаимодействие пространственно разделенных тактических группировок войск, поддерживающих между собой связь и координирующих свои действия в интересах проведения совместных операций. Данное обстоятельство изменяет характер современных боевых действий: все процессы управления и сами боевые действия становятся более динамичными, активными и результативными, исчезают тактические и оперативные паузы, которыми противник мог бы воспользоваться.

Боевые действия получают новое содержание, изначально предполагающее проведение быстрых и решительных манев-

ров не только на флангах, но и в глубоком тылу противника. При этом, как свидетельствуют результаты исследований, такие действия могут вестись в форме центрально-сетевых операций разновидовых тактических группировок, управляемых из единого стратегического центра и одновременно действующих по отдельным ключевым элементам системы государственного и военного управления, частям и подразделениям «сил ответного улара (возмездия)» на всей территории противоборствующей стороны.

Основным фактором, определяющим характер современных боевых действий, является уже не соотношение пространства и численности вооруженных сил, а наличие новых межвидовых мобильных соединений и частей, реализующих свои потенциальные возможности на основе сетецентрических методов разведки, управления и обеспечения.

Существующий с давних времен принцип сосредоточения сил и средств на решающем направлении трансформируется в принцип сосредоточения усилий, реализуемый не методом сосредоточения войск (сил) на избранном направлении, а главным образом путем массированного согласованного применения средств дальнего огневого, радиоэлектронного и информационного поражения.

Командиру каждой из относительно автономных группировок (групп) нет необходимости иметь в непосредственном подчинении какие-то конкретные специфические дорогостоящие системы вооружения — ему лишь необходимо сделать через сеть заявку на их применение в заданном районе в заданное время для решения конкретной задачи или довести текущую обстановку до вышестоящего командира, который, владея большей информацией, может принять более корректное решение с привлечением более разнообразных и наиболее соответствующих складывающейся обстановке средств вооруженной борьбы.

Основная цель в центрально-сетевых операциях — с первых минут войны захватить стратегическую инициативу переносом

боевых действий в стратегическую глубину обороняющихся войск и не дать возможности обороняющейся стороне осуществить не только стратегическое, но и оперативное развертывание своих группировок вооруженных сил.

По существу, речь идет об операциях «молниеносной» войны нового поколения.

Особенностью центрально-сетевых операций является то, что сетецентрические методы разведки, управления и обеспечения позволяют применять силы и средства вооруженной борьбы не в одной линии приложения боевых усилий, а сразу во всей глубине театра военных действий соответственно своим боевым и маневренным возможностям. При этом совместное применение разновидовых группировок войск значительно повышает результативность операций. Например, в Афганистане (2001) и Ираке (2003) высокую эффективность применения высокоточных бомб обеспечивали команды американского спецназа. Они обнаруживали цели, координировали время и объекты нанесения ударов авиации по противнику, не задумываясь, с пилотами какого вида или рода вооруженных сил они взаимодействуют: ВВС, ВМС или корпуса морской пехоты.

Иными словами, применение в войне вооруженных сил агрессора по плану центрально-сетевых операций позволит ему наносить подавляющий удар за счет максимальной реализации боевых возможностей каждого подразделения. Основную роль играет способность различных разновидовых тактических войсковых формирований тесно взаимодействовать и поддерживать бесперебойную связь на поле боя.

В целом центрально-сетевые операции могут иметь преимущественно региональный масштаб, носить ярко выраженный наземно-морской-воздушно-космический характер, отличаться скоротечностью, избирательностью и значительной степенью поражения высокоточными средствами, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных

десантов, а также сил специальных операций и диверсионных групп. Огневые и электронные удары по объектам будут наноситься по всей глубине территории противника. Массированное применение высокоточных крылатых ракет в центрально-сетевых войнах будет осуществляться одновременно с нескольких стратегических воздушно-космических направлений, т. е. без сосредоточения основных усилий на одном направлении, что создаст исключительно сложную воздушно-космическую обстановку в зоне ответственности ПВО обороняющейся стороны. Здесь стоит отметить, что понятия «воздушное направление», «стратегическое воздушно-космическое направление» вследствие значительного повышения оперативных и боевых возможностей авиационно-ракетных группировок войск (сил) теряют свой смысл, так как разрывается существовавшая до 90-х годов XX столетия жесткая связь между районами базирования авиации и направлениями (районами) их применения.

В тоже время роль военно-воздушных сил в реализации концепции центрально-сетевых операций значительно возрастает, так как боевая авиация благодаря своей мобильности и универсальности боевых возможностей нередко является единственным средством, способным своевременно отреагировать на критичную по времени угрозу и ликвидировать ее. Кроме того, решающее превосходство в области информационного противоборства можно обеспечить только на основе широкого применения средств разведки, систем наблюдения, управления и РЭБ воздушного и космического базирования.

Стремительно возрастает роль кибервойск и робототехнических систем. И это влияние настолько велико, что уже сказывается на организационной структуре вооруженных сил всех развитых государств мира.

Таким образом, основным содержанием будущей войны могут стать совместные наземно-морские-воздушно-космические центрально-сетевые операции, представляющие собой зону многочисленных сражений, боев и ударов, проводимых

взаимосвязанными и взаимозависимыми тактическими группировками войск (сил) как рассредоточенных по всему пространству ТВД, так и действующих из-за его пределов. При этом наличие единой информационно-управляющей среды позволяет рассматривать совокупность таких группировок как группировку оперативно-стратегического или стратегического масштаба.

Количество сил, развернутых (базирующихся, дислоцирующихся) в конкретном объеме пространства, не столь существенно, как возможность по своевременному наращиванию ими усилий в любом районе боевых действий. Кроме того, «разбросанность» группировок войск в пространстве, наряду с быстротой действий аэромобильных сил, позволит противнику в реальном масштабе времени осуществлять изменение направления и вводить командование противостоящей стороны в заблуждение, как о своих текущих намерениях, так и об общей оперативной обстановке. Поэтому основной проблемой, особенно в начале войны, могут стать сложности в определении общего характера действий противника.

Действия коалиционных сил в Ираке (2003) были первым осуществлением новых форм вооруженной борьбы на практике. Войска коалиции непрерывно и оперативно планировали свои последующие действия, постоянно получая свежие данные разведки. Командиры вступали в бой, практически не заботясь о тыловом снабжении, которое приходило в нужное время и точно по назначению.

Чтобы успешно вести боевые действия в современных условиях, необходимо в ходе подготовки к будущей войне учитывать не только направления развития мировой теоретической военной мысли, но и брать на вооружение все передовое, что можно выявить в практике действий войск других армий в вооруженных конфликтах.

В частности, анализ опыта войн и вооруженных конфликтов, направленности оперативной и боевой подготовки ВС ве-

дущих стран мира подтверждает вывод о том, что применение группировок войск (сил) противника может проводиться как «традиционным» способом (с четко определенными границами района ведения боевых действий, линий соприкосновения, соседями слева и справа), так и иметь маневренный характер при отсутствии четко выраженной линии фронта и тылового района.

Например, в «традиционных» условиях соединение (объединение) имеет типовой боевой порядок (оперативное построение), включающий первый и второй эшелоны, резервы, другие элементы боевого порядка.

Так, в практике подготовки войск стран — участниц НАТО до сих пор сохранился способ последовательного поражения противника, который может применяться в случае ведения боевых действий против сильной, глубоко эшелонированной группировки, а также при нехватке огневых средств. Его суть заключается в поэтапном разгроме соединений и частей сначала первого, а затем последующих эшелонов противника.

Однако все большее внимание в последние годы уделяется ведению маневренных боевых действий с целью захвата важных районов местности, объектов инфраструктуры, блокирование административных центров. Для решения этих задач предполагается широко использовать рейдовые действия, воздушные и аэромобильные десанты, обходы и охваты противника.

Таким образом, общий алгоритм действий агрессора (речь, прежде всего, идет об экономически развитых государствах Запада) в современной войне, можно считать следующим:

1. Создание единого разведывательно-информационного поля в регионе предстоящих военных действий;
2. Формирование «облачного противника»;
3. Активный демонтаж государства-жертвы агрессии силами «облачного противника»;
4. В случае падения государства в борьбе с «облачным противником» — проведение операций по стабилизации и экономическое закабаление жертвы;

5. В случае успешного противостояния государства «облачному противнику»:
   — Активизация информационных и кибероперацией;
   — Нанесение ударов всеми имеющимися видами высокоточного оружия с одновременным поражением наиболее важных объектов военного и государственного управления, экономики и жизнеобеспечения, группировок войск (сил) в районе (регионе) конфликта;
   — Последовательное завоевание превосходства в космосе, воздухе и на море с последующим привлечением наземных группировок войск;
   — Стремительное продвижение войск (сил) в глубину намеченного к захвату района (региона);
   — Изоляция района боевых действий и взятие под контроль жизненно важных объектов инфраструктуры, коммуникаций, административно-политических центров.
   — проведение операций по стабилизации и экономическое закабаление жертвы.

Новые направления совершенствования вооруженных сил экономически развитых государств

Коренные изменения в технике и социальных системах, связанные с широким распространением компьютерных и коммуникационных технологий, не могли не повлиять на теорию и практику подготовки и ведения военных действий. Это хорошо известная закономерность. И ее проявление наблюдается практически каждый день, в любом современном военном конфликте.

В частности, в последние годы особую значимость приобретает развитие кибервойск, совершенствование методов и способов кибератаки и киберзащиты, а также проведение наступательных операций в киберпространстве, о чем доста-

точно полно пишет в своей статье «США разрабатывают наступательные кибероперации» Григорий Юрченко[88].

Особый интерес, по мнению автора, представляют выводы некоторых экспертов США в области кибербезопасности о том, что для дезорганизации систем управления даже самых развитых стран и союзов достаточно двух лет при относительно небольших затратах, а на подготовку кибератаки странами, имеющими киберподразделения, может понадобиться еще меньше времени.

В своей статье Г. Юрченко приводит выводы бывшего ведущего специалиста по киберзащите Агентства национальной безопасности Чарльза Миллера, о том, что для дезорганизации кибернетических систем США необходимо 98 миллионов долларов и 592 специалиста. Чтобы нанести поражение Евросоюзу может оказаться 112 миллионов долларов и 750 хакеров, а для дезорганизации Российской Федерации может оказаться 86 миллионов долларов и 517 киберсолдат.

Возможный сценарий проведения кибероперации с привлечением данных сил и средств, по мнению автора, может включать три основных этапа.

На первом — скрытом этапе подготовки к проведению кибероперации — усилия специалистов должны быть направлены на выявление объектов критически важных элементов киберсети государства-жертвы агрессии, внедрение своих специалистов в учреждения с закрытыми системами управления (администрация президента или аппарат правительства, ключевые министерства, крупнейшие банки, нефтегазовые корпорации, транспортные компании и т. п.), выявление уязвимостей в их системах безопасности и эксплуатируемом на объектах программном обеспечении, а также разработку вредоносного специального программного обеспечения (эксплойтов, программ удаленного управления и др.).

---

[88] http://www.belvpo.com/18385.htm

Активный этап подготовки к проведению кибероперации, как правило, включает создание ботнетов (заражение компьютеров), вторжение в закрытые информационные системы, а также актуализацию доступа к уже взломанным системам.

В ходе непосредственного проведения кибератаки осуществляется дезорганизация и вывод из строя систем государственного и военного управления, систем контроля движения транспорта, нарушение работы банков и бирж, отключение Интернета, сотовой связи и т. д.

Кроме того, по утверждению автора, рассматривая подобный сценарий в отношении Российской Федерации, эксперты выделяют следующие возможности США, которые заранее ставят Москву в проигрышное положение[89]:

— доступ и контроль (напрямую или через блок НАТО, Японию и др.) большей части внешних коммуникаций России, использующих сети общего пользования;
— доступ к содержимому широко применяемых в мире «защищенных» систем передачи информации общего доступа;
— контроль многих компьютерных сервисов и приложений, а также зарубежных компьютерных площадок, используемых для размещения служб и приложений российскими компаниями;
— контроль (напрямую или через союзников, например, Израиль) большинства разрабатываемого программного обеспечения (включая и мобильные устройства) и практически неограниченные возможности по добавлению в него специальных не декларируемых возможностей;
— мощный исследовательский и промышленный потенциал в части обнаружения и использования уязвимостей в компьютерных системах;
— контроль большей части рынка средств защиты компью-

[89] Цитируется по: Г. Юрченко «США разрабатывают наступательные кибероперации» / http://www.belvpo.com/18385.htm

теров и информации, что может использоваться для разработки и преднамеренного игнорирования определенных видов кибератак.

В данном контексте особый интерес представляет приведенный Г. Юрченко перечень основных специалистов и средств, необходимых для проведения разрушительных кибероперацией (по взглядам американских экспертов) против государства — жертвы агрессии (таблица 1).

Однако, не смотря на возможную эффективность кибероружия, необходимо помнить, что увлечение каким-либо одним средством (системой) вооруженной борьбы или, даже, видом вооруженных сил на каком-то исторически коротком отрезке времени, может иметь тяжелые последствия для всего государства. Поэтому, в условиях, когда многие специалисты говорят о всемогуществе кибероружия и необходимости активно развивать новые специальные войска — кибервойска, необходимо помнить и об обычных силах и средствах ведения вооруженной борьбы. Признание важности противодействия противнику в новой сфере военных действий — киберпространстве, никоим образом не отменяет важность сохранения традиционных на сегодня видов и родов вооруженных сил. Чтобы обосновать этот тезис, рассмотрим две граничные ситуации противодействия в киберпространстве: одна крайность — в ходе войны борьба в киберпространстве вообще не ведется, другая крайность — все цели войны достигаются только такой борьбой.

Допустим, что какое-то правительство проигнорировало необходимость ведения «кибероперацией» в ходе возможной войны и не предприняло никаких упреждающих мер. В этом случае, как показывает практика последних лет, оборонный потенциал такого государства может быть значительно снижен противником через киберпространство еще до начала боевых действий. Это необязательно может быть воздействие по боевым системам. У любого состоявшегося государства, даже если его граждане ходят за ишаками, есть банковские системы

Таблица 1

Специализация	Основные функции	Требования к уровню знаний специалиста в информационных технологиях	Примерное количество человек	Ориентировочная заработная плата, (долларов США в год)
Специалист по выявлению уязвимое сетей	Поиск известных дефектов безопасности и ранее неизвестных уязвимых мест в операционных системах, программах, браузерах, серверах, соцсетям, смартфонах	Мирового класса	10	250 000
		Студент факультета информатики	10	40 000
Разработчик эксплойтов	Создание вредоносных кодов (эксплойтов), эксплуатирующих уязвимости компьютеров при их заражении	Мирового класса	10	250 000
		С опытом использования спец. программ	40	100 000
		Студент факультета информатики	20	45 000
Коллектор ботов	Заражение чужого компьютера (например, с помощью спама, рекламных байкеров и др.) для превращения его в ботнеты (комп.-зомби)	Дипломир. специалист	40	75 000
		Студент факультета информатики	10	40 000
Специалист по поддержке ботнетов	Поддержка и управление сети ботов как внутри, так и вне атакуемой страны, мониторинг рынка антивирусного ПО	Дипломир. специалист	150	60 000
		Студент факультета информатики	20	45 000

Специализация	Основные функции	Требования к уровню знаний специалиста в информационных технологиях	Примерное количество человек	Ориентировочная заработная плата, (долларов США в год)
Оперативн. сотрудники	Поступление на работу в ключевые гражданские и военные учреждения и коммерческие организации, подготовка условии для атаки изнутри посредством получения доступа к закрытым системам и подключения их к Интернету с помощью беспроводного оборудования	Опытные завербованные сотрудники	10	По договоренности
		Студент факультета информатики	10	40 000
Операторы	Проникновение через установленное оперативными сотрудниками оборудование в закрыть» системы, их изучение и взлом	Специалист по взлому систем	40	100 000
		Студент факультета информатики	10	40 000
Разработчики	Разработка средств дистанционного контроля зараженных компьютеров, подготовка DDoS атак	Опытный специалист	10	125 000
		Дипломированный специалист	20	60 000
		Студент факультета информатики	10	40 000

Таблица 1. Окончание

Специализация	Основные функции	Требования к уровню знаний специалиста в информационных технологиях	Примерное количество человек	Ориентировочная заработная плата, (долларов США в год)
Тестеры	Проверка надежности и эффективности всех разработанных программ и средств дистанционного контроля	Дипломированный специалист	10	60 000
		Студент факультета информатики	5	40 000
Технич. консультант	Спец. компьютерному иному оборудованию и программному обес печению		20	100 000
Системный администр.	Поддержка работоспособности систем		10	50 000
Старший менеджер	Управление персоналом		5	200 000
Менеджер	Управление «кибербойцами»		47	100 000

и структуры государственного управления, встроенные в глобальный мир. Нарушение устойчивого функционирования этих систем или киберсистем их контрагентов может значительно снизить обороноспособность и способствовать достижению агрессором политических целей войны. Вывод: любое государство в современном мире должно быть готово к обеспечению своей безопасности в киберпространстве. А для этого нужны соответствующие структуры.

Рассмотрим второй граничный случай: допустим, какое-либо государство надеется выиграть войну только в/через киберпространство и откажется от традиционных войск. Также допустим, что его противник имеет только обычные вооруженные силы с заявленной оборонительной стратегией. Вопрос: будет ли руководство такой страны спокойно ждать поражения, наблюдая, как через киберпространство наносится непоправимый ущерб его народу и экономике? Вряд ли. Скорее применит все доступные силы для прекращения агрессии. Например, США уже законодательно утвердили свое право применения вооруженной силы в ответ на кибервоздействие.

Таким образом, ставка только на кибервойска не разумна. Действиям противника в «привычных» сферах вооруженной борьбы надо будет что-нибудь противопоставить. Ведь сами по себе новые информационные технологии не защитят самого умного безоружного программиста или оператора от самого тупого солдата с автоматом. Следовательно, наряду с различными организационными структурами, предназначенными для действий в киберпространстве, государство должно иметь и традиционные виды и рода войск (сил).

Подтверждением данного вывода служит и тот факт, что государства — члены блока НАТО, активно развивая силы и средства для ведения операций в киберпространстве, не забывают и о традиционных вооруженных силах, затрачивая миллиарды долларов на закупку новейшего вооружения. Если бы цели войны можно было достигнуть только проведением кибервойны, стало бы их руководство расходовать эти огромные деньги?

Немаловажен и другой аспект подготовки обороны государства к защите своих интересов в киберпространстве. Традиционно тяжесть решения военных задач лежала на Вооруженных силах. Однако вряд ли своим современным составом они смогут самостоятельно противостоять агрессору в войне, ведущейся как в привычных сферах, так и в кибер-

пространстве. Поэтому, сегодня основная задача заключается в том, чтобы четко понять общий характер возможной войны, роль и место в такой войне всех вероятных ее участников и на основе этого понимания обосновать необходимую организацию и потребную численность как кибервойск, так и «традиционных» видов Вооруженных сил, родов войск и специальных войск.

Следующим шагом придется решать достаточно острую проблему современности — откуда брать дополнительную численность и ресурсы для создания кибервойск? Ведь невозможно «раздувать» государственные структуры до бесконечности. Кибервойска придется создавать или за счет собственной численности Министерства обороны, или за счет численности других государственных структур. Второй путь будет очень тяжелым, так как наверняка все руководители станут активно доказывать обратное — необходимость увеличения в новых условиях именно их штатной численности. И в чем-то они будут правы. Ведь необязательно все структуры кибервойск должны быть военизированными и входить в состав силовых ведомств. Могут быть различные варианты.

Еще одна важная проблема — киберпространство не статично. Постоянно возникают новые локальные сети, а еще чаще меняется конфигурация действующих сетей: добавляются новые сегменты, совершенствуется или заменяется программное обеспечение, изменяется в ту или иную сторону количество оконечных устройств. Поэтому распространенное мнение о том, что достаточно один раз взломать сеть и она сразу станет подконтрольной на долгое время, представляется недостаточно обоснованным. Любую сеть необходимо систематически мониторить и вносить при необходимости поправки в свои закладки. Например, по данным СМИ, Агентство национальной безопасности США по всему миру взломало уже более 50 тыс. компьютерных сетей. Можно допустить, что работа по мониторингу данных сетей продолжается.

Некоторые эксперты высказывают в СМИ идею о необходимости мониторинга вооруженными силами и социальных сетей. Такой подход на сегодняшний день представляется нецелесообразным. Министерство обороны должно сосредоточить свои силы на создании карты компьютерных сетей потенциального противника, их иерархии, структуры, основных функций и особенностей функционирования. Эта работа сама по себе огромна и требует концентрации всех возможностей. Иначе будет распыление сил.

Немалую проблему могут вызвать и несогласованные попытки представителей различных ведомств внести свои изменения в одно и то же программное обеспечение противника или внедрение в такое ПО различными правительственными или частными организациями нескольких закладок-вирусов независимо друг от друга. Эффект может быть отрицательным. Должен быть мегарегулятор в данной области в масштабе всего государства не только на мирное время, но и на военное время.

Понимание данной проблемы у нашего военно-политического руководства есть. Указом президента России от 15 января 2013 года задача по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации возложена на ФСБ России. Однако исходя из поставленной задачи видно, что речь идет о системе кибербезопасности, направленной на обеспечение внутренней стабильности государства. Координация действий государственных структур в киберпространстве при подготовке и в ходе ведения войны, вероятно, будет возложена на создаваемый Национальный центр управления обороной государства.

М. В. Харкевич
Качественные показатели, определяющие характер войн и вооруженных конфликтов на долгосрочный период

Ответ на вопрос о характере войн и вооруженных конфликтов зависит от выбранного исследовательского подхода к определению причин войн и вооруженных конфликтов.

Традиционно к данному вопросу исследователи в науке о международных отношениях подходят с точки зрения уровней анализа. Так, на первом уровне, который находится на уровне индивида, источник войны коренится в природе человека. С точки зрения реалистов, человеческая природа зла. Она и порождает войну, которая является также неизбежным злом. На втором уровне — общественном уровне — источником войны является внутренняя политика государства. Война является результатом коалиционного взаимодействия между внутригосударственными группами интересов. Неизбежность войны с точки зрения, например, марксистов на этом уровне корениться в капитализме. Экспансионисткая политика капитала заставляет государства бороться за новые рынки сбыта. На третьем — системном — война неизбежна из-за отсутствия глобального государства, способного принуждать все остальные государства к сотрудничеству и соблюдению норм и принципов

договоров и международного права. Дилемма безопасности приводит к гонке вооружений, которая еще больше снижает безопасность каждого государства.

Уровень анализа	Основная причина возникновения войны	Дополнительная причина
Индивидуальный уровень (первый уровень)	Дурная природа человека	Отсутствуют ограничители дурной природы человека (внутренние ограничители в виде моральных норм и внешние ограничители в виде общественных норм и правил)
Внутриполитический уровень (второй уровень)	Особенности внутриполитического режима или внутриполитических коалиций интересов, который выражаются в агрессивной внешней политике	Капиталистическая национальная экономика (империализм), авторитарная политическая система (теория демократического мира), экстремистская идеология
Межгосударственный уровень (третий)	Анархичная среда международных отношений, дилемма безопасности, экономическое неравенство	Однополярность(Monteiro 2011), многополярность, внеполярность, появление растущей великой державы, которая борется за свое место в существующей системе, либо старается сформировать новые правила и новую систему.

Однако данный традиционный подход к определению причин войны лишен основания, так как он не отвечает, почему человеческая природа стремится к войне, почему внутригосударственные группы интересов обязательно через войну будут решать свои внешнеполитические задачи, почему при

отсутствии верховной власти в международных отношениях государства обязательно будут усиливать свою безопасность за счет других государств, почему появление новой великой державы обязательно должно сопровождаться войной.

Существует иной подход к определению причин войны, который основан не аналитическом инструменте анализа — уровни анализа — а на эволюционном принципе, которому подчиняются все живые существа, включая человека и группы людей, объединенные в общества и государства (Gat 2009).

Фундаментальные причины войны, согласно эволюционной теории, заключаются в стремлении организма выжить в условиях ограниченности ресурсов и воспроизвести себя в условиях ограниченного предложения. За этими двумя фундаментальными причинами следует производные от них — стремление обрести высокий социальный статус и стремление к власти. С помощью власти и статуса организм может обеспечить постоянный доступ к ресурсам и возможностям для размножения.

Эволюционное давление (общее для всех организмов)	
Причины конфликта	**Содержание конфликта**
Выжить в условиях ограниченности ресурсов	Борьба за ресурсы
Размножиться в условиях ограниченности предложения	Борьба за доступ к возможности размножения
Стать частью группы	Конфликты идентичности, за групповые ценности и интересы
Укрепить свой статус и власть	Борьба за власть и статус, месть за попытки подорвать статус или власть

В сфере международных отношений перечисленные причины — выживание и воспроизведение — также находятся в основе конфликтов между государствами. Государства борются

за ограниченные ресурсы, за легитимность за монополию на легитимное насилие с другими институциональными образованиями мировой политики.

Статус и власть в международных отношениях обеспечивают государствам постоянный доступ к ресурсам, а также приток населения и легитимность.

Если применить вышеприведенную схему для анализа причин конфликтов в международных отношениях, то данная схема приобретет следующее содержание.

Эволюционное давление (общее для всех институтов)	
Причины конфликта	**Содержание конфликта**
Выжить в условиях ограниченности ресурсов	Борьба за ресурсы с другими государствами и негосударственными акторами
Размножиться в условиях существования альтернативных институтов	Борьба или конкуренцияс негосударственнымиакторами за функциональную эффективность, легитимность, монополию на легитимное насилие, монополию на средства насилия, развитие человеческого капитала
Стать частью группы	Конфликты идентичности, религиозный и этнический экстремизм и сепаратизм, социальное-экономическое неравенство между государствами
Укрепить свой статус и власть в группе	Дилемма безопасности, гонка вооружений

Таким образом, аналитическая матрица военных угроз национальной и военной включает в себя 4 категории угроз, которые связаны друг с другом иерархически. Борьба за ресурсы, борьба за институты, борьба за укрепление коллективных ценностей и интересов, борьба за власть и статус. Основным источником конфликтов является борьба за ресурсы, затем

институциональные конфликты и третий уровень занимают конфликты идентичности и борьба за власть и статус.

Еще одним качественным показателем, который определяет характер войн и вооруженных конфликтов являются социальные роли государств относительно насилия (Wendt 1999). Можно выделить, по крайней мере, три таких роли: врагов, соперников и друзей. Насилие возможно между врагами и соперниками, но полностью исключено из отношений между друзьями. При этом между врагами насилие ничем не ограничено и одно государство стремится к полному уничтожению другого, тогда как между соперниками насилие всегда ограничено политическими целями, которые, как правило, не включают в себя полного уничтожения соперника, а лишь изменение его поведения.

Таким образом, анализ вопросов международной безопасности с помощью социологии международных отношений позволяет очертить зону мира, зону ограниченных конфликтов и зону, в которой конфликты являются тотальными плохо контролируемыми. С помощью такой карты можно прогнозировать динамику конфликтов в международных отношениях на длительную перспективу.

Характер вооруженных конфликтов также определяется осознанным относительно недавно противоречием между стратегиями, в которых солдат фактически изолирован от социально-гумманитарного контекста ТВД с помощью массового использования новых информационных технологий и стратегии, в которой социально-гумманитрная среда ТВД является основной ресурсной и информационной базой ведения боевых действий. Практика показывает, что стратегия, основанная исключительно на использовании новейших технологий позволяет выиграть войну, но не завоевать мир. Война США во Вьетнаме, Афганистане, Ираке красноречиво доказывает этот тезис (Lyall and Wilson 2009).

Поэтому эффективность военных операций уже сегодня зависит от комбинирования двух стратегий, насколько это

возможно. Работа с местным населением, сохранение местных структур управления, почтение к местным традициям и ценностям, программы инфраструктурного, социального и экономического восстановления становятся ключевыми на этапе постконфликтного миростроительства. Данные задачи требует подготовленных соответствующим образом солдат и специалистов, требует развития хороших баз изучения регионоведения, лингвострановедения, международных, межкультурных переговоров и т. д. Войну могут выиграть машины, но мир завоевывают люди. Солдат и гражданский персонал необходимо специально готовить к решению данной задачи.

Список литературы:

1. Gat, A. 2009. "So Why Do People Fight? Evolutionary Theory and the Causes of War." *European Journal of International Relations* 15(4): 571–99. http://ejt.sagepub.com/cgi/doi/10.1177/1354066109344661 (January 26, 2014).
2. Lyall, Jason, and Isaiah Wilson. 2009. "Rage Against the Machines: Explaining Outcomes in Counterinsurgency Wars." *International Organization* 63(01): 67. http://www.journals.cambridge.org/abstract_S0020818309090031 (January 23, 2014).
3. Monteiro, Nuno. 2011. "Why Unipolarity Is Not Peaceful." *International Security* 36(3): 9–40.
4. Wendt, Alexander. 1999. "Social Theory of International Politics." http://ebooks.cambridge.org/ref/id/CBO9780511612183.

Я. А. Чижевский
Будущее войны: асимметричный конфликт

Определение «асимметричного конфликта» в контексте проблем безопасности

Многие авторитетные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты останутся и будут оставаться ключевым аспектом политики государств[90]. Конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Факторы, такие как религия и технологии все сильнее влияют на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, вследствие чего большинство вооруженных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа. Ряд исследователей считают, что вплоть до 2040 г. число вооруженных конфликтов будет возрастать под влиянием этих двух факторов[91].

На сегодняшний день сформировалось несколько групп теоретиков международных отношений (далее — МО), конф-

---

[90] Strategic Trends Programme. Future Character of Conflict. Ministry of Defense [Electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33685/FCOCReadactedFinalWeb.pdf (accessed 04.02.2014)

[91] Hewitt, Wilkenfeld and Gurr, 'Peace and Conflict', Executive Summary, 2008.

ликтологии, стратегического и геополитического планирования, которые по-разному представляют будущее вооруженных конфликтов. Приверженцы одного из таких направлений полагают, что процессы милитаризации и перевооружения стран Азии, религиозные и политические потрясения на Ближнем Востоке, распад и несостоятельность ряда Африканских государств приведут к новым конвенциональным конфликтам между государствами. Таким образом, будущее войны воплотится в «международных вооруженных конфликтах». Современная история знает множество примеров вооруженных противостояний между двумя суверенными государствами, схожими по своим боевым потенциалам (в небе, на суше и на море)[92]. Стороны в международном «симметричном» конфликте стремятся ослабить вооруженные силы противника, «выводя из строя» наибольшее число вражеских солдат на поле боя[93]. Другими словами, целью является создание дисбаланса сил, посредством использования вооруженных методов борьбы для того, чтобы принудить противника капитулировать[94].

Несмотря на то, что такая модель конфликтов неизбежно будет встречаться в будущем, потенциальные ужасающие последствия любой формы международного вооруженного конфликта, делают его маловероятным[95]. Великие державы не захотят участвовать в межгосударственном конфликте, поскольку в этом случае слишком много будет поставлено на карту[96].

---

[92] Brian Steed, Piercing the Fog of War: Recognizing Change on the Battlefield, Zenith Press, Minneapolis, 2009.

[93] Declaration Renouncing the Use, in Time of War, of Explosive Projectiles Under 400 Grammes Weight, St Petersburg, 29 November/11 December 1868.

[94] Michael John-Hopkins, 'Regulating the conduct of urban warfare: lessons from contemporary asymmetric armed conflicts', The International Review of the Red Cross, Vol. 92, No. 878, June, 2010, pp. 469–493.

[95] Там же. С. 470.

[96] Global Trends 2030: Alternative Worlds // a publication of the National Intelligence Council. — URL:http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/12/global-trends-2030-november2012.pdf

Другая группа исследователей придерживается противоположных взглядов: будущее войны — это асимметричные боевые действия, которые в целом понимаются как конфликт между неравными противниками, в течение которого более слабый противник прибегает к использованию неконвенциональных методов ведения войны. Часто такие конфликты возникают между государственным актором (например, США) — с одной стороны, и либо идеологически заряженной вооруженной группировкой (Аль-Каида), либо вооруженной группировкой сопротивления (движение «Талибан» в Афганистане) — с другой. Именно ассиметричный конфликт сегодня вызывает повышенное внимание со стороны военных и аналитиков. Российские и зарубежные эксперты убеждены, что данный тип конфликта станет доминирующим в XXI в. С. Веселовский в статье «Войны будущего» высказывает мнение, что, поскольку число межгосударственных вооруженных конфликтов в последние десятилетия неуклонно сокращается[97], основным модельным конфликтом XXI в. станет асимметричное противостояние национального государства и различных негосударственных участников международного взаимодействия[98]. В экспертной среде распространенно мнение о том, что внимание к исследованию этой темы будет возрастать, поскольку в 1990-е — 2000-е гг. асимметричные конфликты стали преобладающим типом конфликта в мире, в который вовлекается все большее количество стран[99].

Обычно такой вид конфликта называют «внутригосударственным военным конфликтом», «диверсионно-террористической войной» или «герильей». Асимметричные конфликты могут быть как внутригосударственными (например, между официальными властями и оппозиционными вооруженными

---

[97] Themner L, Wallensteen P. Armed Conflicts, 1946–2011 // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 49. P. 4.

[98] С. Веселовский. Войны будущего. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1314#top

[99] Индекс безопасности. — номер 2 (97). — Том 17.

группировками), так и международными, когда боевые действия ведутся напрямую между государствами, или с привлечением наемников[100]. Разрыв в технологическом и военном потенциале государств, свойственный современной системе международных отношений (далее — СМО) делает «асимметричные конфликты» наиболее вероятными в обозримой перспективе.

Согласно стратегическому прогнозу, сделанному министерством обороны Великобритании, в будущем возрастет количество, так называемых, «опосредованных войн» (в оригинальном тексте — «proxywars»)между государствами, в которых страны будут все чаще использовать возможности и методы ведения борьбы, характерные для асимметричных конфликтов[101]. Более того, асимметричные конфликты наиболее распространенным способом «вооруженной борьбы» между суверенными государствами. Поскольку вероятность прямой конфронтации между государствами оценивается в данном прогнозе как невысокая, непрямые столкновения за счет опосредованных войн будут учащаться. Так, согласно докладу, стратегия КНР по ослаблению влияния США в азиатско-тихоокеанском регионе будет основываться на использовании асимметричных возможностей.

Опосредованная война[102] — разновидность асимметричного конфликта, при котором две державы не вступают в боеконтакт, а используют для достижения своих интересов третьи страны или своих союзников (сателлитов), оказывая при этом решительную помощь финансами, техникой, военными специалистами и т. п.

---

[100] Там же.

[101] Strategic Trends Programme. Future Character of Conflict. Ministry of Defense [Electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33685/FCOCReadactedFinalWeb.pdf (accessed 04.02.2014)

[102] Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/proxy-war

Технология опосредованной войны имела широкое распространение в XX в. в период биполярного антагонистического противостояния, холодной войны. СССР и США — избегали непосредственного столкновения, так как это могло привести к эскалации и возможной ядерной войне. К опосредованным войнам часто относят Корейскую, Вьетнамскую, Ангольскую, Афганскую войны. К этому типу войн многие специалисты относят текущий сирийский конфликт, подразумевая то, что на территории этой ближневосточной страны сталкиваются интересы двух лагерей: Саудовская Аравия, Турция, Катар, США и ЕС с одной стороны и Иран, Россия, «Хизбалла» и режим Асада — с другой. В данном конфликте страны первого лагеря поставляли вооружение повстанческой (нерегулярной) армии с целью свержения режима Асада. Под понятие опосредованной войны попадает и военная операция в Ливии в 2011 г.

Для проведения опосредованной войны стране необязательно прибегать к помощи именно третьих стран в качестве инструмента борьбы. Часто государства используют в опосредованных войн нерегулярные правительства и армии, а разного рода незаконные вооружённые формирования, банды, революционные и террористические группы, деятельность и методы ведения боевых действий которых не регулируются международным гуманитарным правом. Так, во второй конголезской войне правительства Демократической республики Конго, Уганды и Руанды использовали в своих целях нерегулярные вооружённые отряды, между которыми собственно и шёл конфликт. Пакистан в конфликте с Индией по вопросу принадлежности Кашмира также использует группы боевиков (в частности, повстанцев из движения «Талибан»), а не свою регулярную армию, обходясь без непосредственного участия в войне.

Под самое общее определение «асимметричных конфликтов» подпадают все боевые действия от террористических атак и до гуманитарных интервенций. Именно асимметричные кон-

фликты представляют и будут представлять в будущем особую угрозу безопасности и национальным интересам государств, и только анализ подобных конфликтов может позволить лицам, принимающим стратегические решения, сформировать вооруженные и другие силы, необходимые для того, чтобы дать на них эффективный стратегический ответ[103].

Теория асимметричных конфликтов пережила второй исторический подъем после трагедии 11 сентября 2001 г., когда к списку постмодернистских акторов геополитического действия стали также относить террористические направительные организации (ТНПО)[104]. В сентябре 2001 г. президент США Дж. Буш-мл. в своей речи перед «Цитаделью» (корпусом кадетов) заявил, что вооруженные силы (далее — ВС) США должны стать достаточно гибкими в интеллектуальном плане для того, чтобы эффективно противостоять враждебным силам и быть готовыми ответить на новые вызовы. От также отметил, что «военная культура США должна поощрять новое мышление, инновации и эксперименты»[105]. Спустя два года этот призыв был зафиксирован юридически. В опубликованном в апреле 2003 г. «Руководстве по планированию изменений» министр обороны США Дональд Рамсфельд писал: «Мы должны мыслить иначе и делать упор на силы и средства, способные быстро адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам. Мы должны изменить не только арсенал наших средств, мы должны изменить образ мысли, ход боевой подготовки, технику ведения боя»[106]. Согласно положениям основного документа, описывающего

[103] Ivan Arreguin-Toft, 'How the Weak Win Wars', International Security, Vol. 26, No.1 (Summer 2001). P. 93–128.

[104] Асимметричные войны как геополитическая технология современного терроризма Международные процессы.

[105] PresidentGeorgeW. Bush, 'Address to the corps of cadets', The Citadel, 11 Dec. 2001, URL: http: //externalaffairs.citadel.edu/presbush01

[106] Donald H. Rumsfeld, Transformation planning guidance (Washington DC: Department of Defense, April 2003). См. также: 'Transforming the military', Foreign Affairs 81: 3, 2002, pp. 20–32.

требования, предъявляемые к ВС США «Ключевой концепции операционной адаптивности ВС — выполнение операций в условиях неполноты информации и сложности обстановки в эпоху непрерывного конфликта», американские вооруженные силы должны быть готовы нанести поражение противникам смешанного типа (в оригинальном тексте — «hybridenemies»): и враждебным государствам, и негосударственным образованиям, которые применяют различные виды вооружений, регулярные (конвенциональные) и нерегулярными (неконвенционные) методы ведения боевых действий, террористические атаки, постоянно стремятся избежать прямого столкновения с силами США»[107].Эксперты до сих пор спорят о степени влияния событий 11 сентября на «новую революцию в военном деле» (далее — НРВД)[108]. Очевидно лишь то, что НРВД — стала результатом изменения характера современных конфликтов и требований, предъявляемых к вооруженным силам современных государств.

«Асимметричные боевые действия» — это очень многогранное определение. На данный момент не существует единого, общепринятого определения «асимметричного конфликта»[109]. Некоторые эксперты даже считают, что концепт асимметрии в МО «раскручен более, чем того требует здравый смысл»[110]. Термин «асимметричные боевые действия» используется для описания неравенства и диспропорции между сторонами вооруженного конфликта и для характеристики проблемного поля, которое

[107] Major Shane R. Reeves, Major Robert E. Barnsby, The New Griffin of War, Harvard International Review, 2013.

[108] Асимметричные войны как геополитическая технология современного терроризма Международные процессы.

[109] Robin Geiß, Michael Siegrist, 'Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities?' The International Review of the Red Cross, Vol. 93, No. 881, March, 2011, pp. 11–46.

[110] Stephen J. Blank, Rethinking Asymmetric Threats, U.S. Army War College, Strategic Studies Institutes, September 2003, URL: http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=103

конфликты такого рода составляют в процессе оценки боевых действий с точки зрения международного гуманитарного права (далее — МГП)[111]. Наиболее часто, этот термин употребляется в контексте несоразмерности военного и технологического потенциала противников[112]. Известный отечественный исследователь концепции асимметрии в вооруженном конфликте Л. Дериглазова также отмечает, что понятие асимметричного конфликта часто применяют для характеристики отношений между несопоставимыми по силе и статусу противникам[113]. Л. Дериглазова отмечает парадоксальный характер отношений противоборствующих сторон, когда более слабый противник способен нанести серьезный ущерб и навязать свою волю более сильному[114]. Вместе с тем, слабому в военном отношении противнику редко когда удается одержать победу над сильной стороной (уничтожить или максимально ослабить). В военных кампаниях США в Ираке и Афганистане повстанцам не удалось одержать военную победу над регулярными формированиями. Однако в обоих случаях слабому противнику удалось навязать другой стороне выгодный ему (слабому) тип протекания конфликта и характер боевых действий и, тем самым, добиться политической победы над противником (в обеих кампаниях США приняли решение о выводе своих войск с территории государств). В своих работах Дериглазова подробно анализирует содержание понятия асимметричного конфликта в зарубежной

---

111 Robin Geiß, Michael Siegrist, 'Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities?' The International Review of the Red Cross, Vol. 93, No. 881, March, 2011, pp. 11–46.

112 Robin Geiß, 'Asymmetric conflict structures', The International Review of the Red Cross, Vol. 88, No. 864, 2006, pp. 757–777; Toni Pfanner, 'Asymmetrical warfare from the perspective of humanitarian law and humanitarian action', in International Review of the Red Cross, Vol. 87, No. 857, 2005, pp. 149–174.

113 Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. — Том 3. — Номер 3(9). — Сентябрь–декабрь. — 2005.

114 Там же.

(в частности, в американской) литературе, однако в своей монографии «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными» Дериглазовой не удалось избежать путаницы в понятийном аппарате, а также сужения и приглушения собственных концептуальных выводов относительно сути изучаемого явления[115].

В виду этого полезным с концептуальной точки зрения оказывается исследование Стокгольмского международного института исследования проблем мира «СИПРИ», опубликованного в рамках монографии «Терроризм в асимметричном конфликте. Идеологические и структурные аспекты» в 2008 году[116]. Автор монографии Е. Степанова высказывает сомнения в отношении успешной контртеррористической деятельности, поскольку комбинация из таких факторов, как религиозный экстремизм и сетевая структура террористических групп, делает террористов практически невосприимчивыми к традиционным способам ведения войны, которых придерживаются государства. Именно поэтому «крестовый поход против терроризма», возглавляемый США, можно считать неудавшимся. Далее автор отмечает, что понятие современного терроризма носит размытый характер в виду наличия различных его типов и форм реализации, поэтому невозможно выбрать правильную стратегию борьбы с ним. Несмотря на то, что существует его деление на внутренний и международный терроризм, единого и признанного определения пока нет. Терроризм, по мнению Степановой, можно определить как разновидности тактики, используемой в локальных или региональных асимметричных вооруженных конфликтах[117]. Данная тактика обязательно предполагает использование или угрозу использования одностороннего насилия в отношении

---

[115] Степанова Е. Асимметричный конфликт как нематематическая категория. Индекс безопасности. — Номер 2 (97). — Том 17.

[116] Stepanova E, 'Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects'. SIPRI Research Report, No. 23.

[117] Там же.

некомбатантов в рамках асимметричной (непропорциональной) конфронтации. Согласно положениям доклада «СИПРИ», конфликт является асимметричным, если присутствуют три критерия: преследование террористами политических целей; мирные граждане являются объектами терактов; собственно асимметричный характер конфликта. Последний критерий является ключевым, поскольку, как заключает автор, асимметричное насилие (террористические атаки) не является оружием слабых государств в войне против других слабых акторов; не является оружием сильных в отношении слабых. Более того, даже как разновидность тактики терроризм не может быть использован во всех вооруженных конфликтах. Он используется только в тех конфликтах, которые имеют асимметричные черты[118]. Асимметрия в вооруженных конфликтах, по мнению автора, выражается не только в диспропорциях в военном, технологическом и экономическом отношениях между сторонами, но и также в потенциалах, статусе и сопутствующих ресурсах противоборствующих сторон.

Подробный анализ отличий современных конфликтов от конвенциональных войн осуществил М. Гросс[119]. В своем повествовании Гросс опирается на работы М. Кальдори М. Крэвелда, которые полагают, что отличительной чертой последних двух десятилетий является рост числа асимметричных конфликтов, так называемых «новых войн»[120].

По мнению Гросса, современные вооруженные конфликты отличаются от войн прошлого по трем аспектам. Во-первых,

---

[118] Stepanova E. 'Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects'. SIPRI Research Report, No. 23.

[119] Michael L. Gross, 'Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict'(New York: Cambridge University Press, 2010), 321 pages.

[120] Mary Kaldor, 'Old and New Wars: Organized Violence in a Global Era' (Cambridge: Polity, 2006); Martin van Creveld, The Transformation of War (New York: Free, 1991).

в современных конфликтах стирается различие между вооруженными силами и гражданским населением. Ранее представителей вооруженных сил было легко отличить от гражданских лиц «по военной форме». Этим активно пользуются террористические группы. В 2010 г. был опубликован неофициальный перевод свода правил для моджахедов, согласно которому бойцам джихада рекомендуется одеваться в соответствии с требованиями законов шариата и тем, как одеваются местные жители. С одной стороны, это позволит и моджахедам, и местным жителям обеспечить свою безопасность. С другой, это позволит бойцам сопротивления легче передвигаться в различных направлениях[121]. Во-вторых, в современных конфликтах отсутствует моральное равенство воюющих сторон. Ранее противники придерживались правил ведения войны, что делало их равными в моральном и юридическом смысле. В-третьих, современные конфликты отличает использования запрещенных мер. Некоторые тактики ведения боевых действий, а также ряд видов оружия были признаны международным гуманитарным правом запрещенными, к таким, например, относится химическое и биологическое оружие, пытки, издевательства. Гросс делает вывод, что изменилась сама этика войны и на это есть две причины: в условиях современных асимметричных конфликтов противники не могут придерживаться «старых принципов ведения боевых действий», т. к. у них вскоре не останется целей[122], тем самым, они не могут превзойти и уничтожить противника; более слабый противник не может использовать методы ведения борьбы, боевые системы аналогичные тем, которые использует сильный оппонент, последний не имеет стимулов для отказа от своего превосходства, слабый же в условиях асимметричности

---

121 'The Islamic Emirate of Afghanistan: the laiha [code of conduct] for mujahids', Art. 81.

122 Michael L. Gross, Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict (New York: Cambridge University Press, 2010), 321 pages, p. 160.

не видит смысла придерживаться конвенциональных методов вооруженной борьбы и норм международного гуманитарного права.

Определение «асимметричности», по Гроссу, фактически сводится к конфликту между сильным и слабым. Д. Статман, критикуя Гросса, пишет: «В некотором смысле такой подход верен, но он может и вводить в заблуждение»[123]. По мнению Д. Статмана, для констатации преимущества в силе необходим четкий критерий. Аль-Каида не имеет собственной армии, и потенциал этой организации формально нельзя сравнивать с армией США. Если же критерием силы является возможность нанесения противнику урона без значимых потерь для своих сил, тогда, как полагает Статман, можно констатировать превосходство Аль-Каиды над Соединенными Штатами. Аналогично террористическая группировка Хизболла обладает сотнями ракет, что ей позволяет полностью покрыть ракетным ударом всю территорию Израиля, не оставляя последнему ни единого шанса сбить все ракеты в случае войны.

С. Шейперс критикует основной тезис Гросса об изменении характера вооруженных конфликтов[124]. По мнению исследователя, МГП начинает формироваться, как раз в период протекания «асимметричных боевых действий»: в 1863 г. в ходе Гражданской войны в США подписан декрет об освобождении негров, в 1874 г. Брюссельская декларация стала прямой реакцией на события Франко-Прусской войны 1870 г., в частности на действия французских террористов, осуществляющих атаки в тылу противника. Однако данная критика не противоречит тезису о том, что «асимметричный конфликт» — является основным

---

[123] Statman, Daniel, Michael L. Gross, 'Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict', Journal of Moral Philosophy. 2012. Vol. 9 Issue 3. PP. 467–469. P.3

[124] Sibylle Scheipers, 'Levelling the Battlefield in 'Asymmetric' Conflict? Some Comments on Michael L. Gross's Moral Dilemmas of Modern War', War in History, 2011, Vol. 18. No 4. PP. 547–550.

типом современной войны, а скорее даже подкрепляет его, находя примеры асимметричных войн в XIX в.

Одним из основных исследовательских вопросов, которые ставят перед собой теоретики «войн четвертого поколения» является вопрос о том, почему в условиях асимметричных конфликтов более сильный соперник зачастую несет несоизмеримо большие потери или даже проигрывает. Классическими работами, посвященными этому вопросу, стали работы А. Мака, Г. Снайдера, П. Дейсинга. Мак утверждает, что в условиях асимметричной войны относительная заинтересованность в положительном исходе конфликта во многом объясняет успех или неудачу военной кампании[125]. Аргументация исследователя может быть сведена к трем основным тезисам: относительная мощь объясняет степень заинтересованности в исходе, относительная заинтересованность объясняет относительную политическую слабость (отсутствие консолидированной жесткой позиции по вопросу ведения военной кампании), относительная политическая слабость — причина поражения сильных государств. С другой стороны, слабые государства крайне заинтересованы в положительном исходе противостояния, т. к. от этого напрямую зависит их выживание[126]. Так, в случае с войной во Вьетнаме США официально победили, однако понесли существенные людские и материальные потери, а достигнутые цели не в полной мере соответствовали изначально поставленным. Тактика ведения войны, которой придерживались повстанцы, и характер их боевых действий опровергли опыт ведения войны американской армии и показали ограниченность силового фактора как решающего компонента военной победы.

---

[125] Andrew J. R. Mack , Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict, World Politics, 1975, Vol. 27, No. 2, pp. 175–200.

[126] Glenn H. Snyder, Paul Diesing, Conflict among Nations: Bargaining, Decision Making, and System Structure in International Crises, Princeton University Press, 1977.

Что может повлиять на желание превосходящего по силе противника прекратить ведение боевых действий, когда он изначально уверен в возможности победить? Мак пишет о способности стран добиться мобилизации и поддержки общества в интересах ее ведения[127]. Демократические страны проигрывают «малые войны», поскольку не способны на протяжении долгого времени склонять общественное мнение к ведению войны, приводя убедительные аргументы. Увеличение военных расходов, что приводит к повышению налогов, человеческие жертвы и материальные затраты постепенно приводят к тому, что война утрачивает свою легитимность и рациональную обоснованность в глазах народа. Война во Вьетнаме привела к подъему общественных движений и крупнейшим демонстрациям в США, что ускорило ее прекращение. Аналогичным образом затяжной афганский конфликт негативно отразился на общественной поддержки в странах антитеррористической коалиции. В США неспособность Обамы урегулировать ситуацию в афганском государстве привела к тому, что в 2013 году менее половины американских граждан поддерживало участие США в конфликте. Затяжная война не выгодна для крупного и сильного государства, поскольку истощает его ресурсы. Действительно, военное лобби может ратовать за продолжение войны, поскольку это увеличивает прибыль компаний, производящих вооружение. Тем не менее, можно отметить определенную закономерность: чем продолжительнее военная кампания, тем меньше общество поддерживает правительственного курса.

Определенного прорыва в изучении асимметричных конфликтов добился И. Арреган-Тофт. В своей статье «Почему слабые государства выигрывают войны» Аррегану-Тофту удалось поставить ряд серьезных вопросов, касательно выводов, сделанных

[127] A. Mack. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. No 2.

А. Маком, и не выявить некоторые заблуждения, к которым теоретики приходили до него. По мнению Аррегана-Тофта в тезисах Мака есть, как минимум, три методологические проблемы[128]. Во-первых, сам показатель «относительной мощи» плохо объясняет относительный интерес в исходе конфликта, приверженность войне или миру. Во-вторых, «политическая слабость», термин, которым оперирует Мак для объяснения победы слабого противника, характеризуется временем. Однако ни один из выдвинутых тезисов не объясняет почему одни асимметричные конфликты весьма скоротечны, а другие длятся десятки лет. В-третьих, если тезис о заинтересованности в исходе операции верен, то при «равном настрое» сильные страны всегда должны выигрывать, что опровергается историческим процессом.

И. Арреган-Тофт выдвигает и доказывает иную гипотезу о причине побед или поражений сильных и слабых противников в асимметричных конфликтах. Исследователь классифицирует «стратегии» участников асимметричного конфликта по единственному основанию: конвенционности. Таким образом, у каждой стороны есть две альтернативные стратегии[129]. Атакующая сторона (сильный противник) выбирает между прямым наступлением, что подразумевает использование конвенционных средств и методов ведения боевых действий, таких как пехота, бронетехника, ВВС для захвата и разрушения военных объектов противника и лишения его физической возможности к сопротивлению и, так называемым, «варварством»[130], что

---

128 Ivan Arreguin-Toft, 'How the Weak Win Wars', International Security, Vol. 26, No.1 (Summer 2001). P. 98.

129 Andre Corvisier and John Childs, Indirect Warfare, A Dictionary of Military History and the Art of War. P. 378.

130 Термин «варварство» весьма часто используется в западной литературе для описания систематического нарушения МГП более сильным противником в условиях асимметричного конфликта (Гаагские конвенции 1899 г. и 1907 г., Конвенцию о геноциде 1948 г., Четыре Женевских конвенции 1949 г., два Дополнительных Протокола к Женевским конвенциям 1977 г. и т. д.)

включает намеренное и систематическое нанесение вреда гражданскому населению для того, чтобы сломить волю противника. Обороняющаяся сторона (слабый противник) выбирает между прямой обороной и диверсионно-террористической войной (далее — ДТВ). Арреган-Тофт исходит из той же предпосылки, что и К. Вальц, который писал, что судьба каждой страны зависит от того, как эта страна реагирует на действия других[131]. Результат боевых действий, по Аррегану-Тофту, определяется стратегический выбором противников: при выборе «симметричных» стратегий побеждает сильный противник, в случае «асимметричного выбора» победу одерживает слабый.

Таблица 1.
Ожидаемые эффекты влияния стратегического взаимодействия на исход конфликтов
(ожидаемые победители отражены в клетках матрицы)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенциональная стратегия (прямая оборона)	Неконвенционная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенциональная стратегия (прямое наступление)	Сильный актор	Слабый актор
	Неконвенционная стратегия («варварство»)	Слабый актор	Сильный актор

Источник: Иван Арреган-Тофт «Почему слабые государства выигрывают войны». — С. 108.

[131] Kenneth N. Waltz, Theory of International Politics (New-York: McGraw-Hill, 1979), p. 127.

Эмпирическое исследование проведенное Арреганом-Тофтом, доказывает справедливость его тезиса. Стратегическое взаимодействия при наличие двух альтернатив изучается в рамках теории игр и теории ходов. Формально модель Аррегана-Тофта можно представить следующим образом:

Таблица 2. Стратегическое взаимодействие в условиях асимметричного конфликта (аппарат теории игр)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенционная стратегия (прямая оборона)	Неконвенционная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенционная стратегия (прямое наступление)	$(x_1 ; -x_1)$	$(-x_2 ; x_2)$
	Неконвенционная стратегия («варварство»)	$(-x_3 ; x_3)$	$(x_1-a ; -x_1-\beta)$

При выборе обеими сторонами конвенционной стратегии выигрыш сильной стороны будет наибольшим: $(x_1 ; -x_1)$. Если обе стороны изберут неконвенционную стратегию, выигрыш сильной стороны снизится, но также ухудшится и положение слабого противника: $(x_1-\alpha ; -x_1-\beta)$. При выборе различных стратегий побеждает слабый противник, однако нельзя однозначно сказать, какая из ячеек более предпочтительна для слабого игрока: $(-x_2 ; x_2)$ или $(-x_3 ; x_3)$. Выбор стратегии в соответствии с предпосылками теории игр делается единовременно за «вуалью неведения». В реальной же ситуации противники могут осознать, какой именно стратегии придерживается противник, что фактически позволяет им выбирать из большего числа стратегий. Такая ситуация может быть описана с помощью аппарата теории ходов.

Таблица 3. Стратегическое взаимодействие в условиях асимметричного конфликта
(аппарат теории ходов: первый ход делает слабый противник)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия сильного противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(x_1 ; -x_1)$	$(-x_2 ; x_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(-x_3 ; x_3)$	$(x_1-a ; -x_1-\beta)$
	Выбирать стратегию противника	$(x_1 ; -x_1)$	$(x_1-a ; -x_1-\beta)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(-x_3 ; x_3)$	$(-x_2 ; x_2)$

Рациональным выбором сильного игрока будет выбор стратегии противника, что по мнению Аррегана-Тофта, обеспечит ему победу в войне: $(x_1 ; -x_1)$ или $(x_1-\alpha ; -x_1-\beta)$.

Рациональный выбором слабого игрока станет выбор стратегии отличной от стратегии противника, что как считает И. Арреган-Тофт, должно принести ему гарантированную победу в войне: $(x_3 ; -x_3)$ или $(x_2 ; -x_2)$. Эмпирическое исследование проведенное Арреганом-Тофтом доказывает справедливость выдвинутых тезисов. Подобный подход для характеристики стратегий участников асимметричного конфликта использовал М. А. Хрусталев.

По мнению М. А. Хрусталева, асимметричным является конфликт, стороны которого ведут разные по своему типу вой-

Таблица 4. Стратегическое взаимодействие в условиях асимметричного конфликта
(аппарат теории ходов: первый ход делает сильный противник)

		Стратегия сильного противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия слабого противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(-x_1; x_1)$	$(x_2; -x_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(x_3; -x_3)$	$(-x_1-\beta; x_1-a)$
	Выбирать стратегию противника	$(-x_1; x_1)$	$(-x_1-\beta; x_1-a)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(x_3; -x_3)$	$(x_2; -x_2)$

ны. В соответствии с классификацией М. А. Хрусталева[132] войны классифицируются по характеру и по цели. Типы войн по характеру делятся на три вида: 1) регулярная (боевые действия осуществляют регулярные военные формирования); 2) партизанская (боевые действия осуществляют партизанские отряды); 3) диверсионно-террористические (боевые действия осуществляются террористическими группами). По цели также выделяется три вида: 1) конвенционная (целью является уничтожение военной силы противника); 2) неконвенционная (целью не является уничтожение мирного населения, однако допускается использование ОМУ); 3) тотальная (целью является полное уничтожение противника, включая мирное население).

[132] Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. — М.: НОФМО, 2008. — С. 22–28.

Таблица 5. Классификация войн (по М. А. Хрусталеву)

Цель / Характер	**Конвенционная**	**Неконвенционная**	**Тотальная**
Регулярная	Войны XVIII–XIX веков	Первая мировая война (ПМВ)	Вторая Мировая Война (ВМВ)
Партизанская	Действия французских «маки» во время фашистской оккупации	Действия югославских партизан во время ПМВ	Действия чеченских сепаратистов в 90-е гг. XX в.
Диверсионно-террористическая	Действия сепаратистов на Корсике	Действия эсеров против царизма в 1905–1907 гг.	Действия ООН против Израиля

Источник: М. А. Хрусталев. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. С. 25.

Основываясь на проведенном анализе экспертных мнений и документов, автор считает возможным предложить свое определение понятия «асимметричного конфликта».

Асимметричный конфликт — разновидность (частный случай) вооруженного конфликта, предполагающего непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный сегодняшней военно-политической ситуации, в условиях которого

1. слабая сторона стремится прибегать к стратегии отличной от стратегии сильного противника, чаще всего использует нетрадиционные методы ведения войны (диверсионно-террористическую тактику, перемещение боевых действий в города, использование гражданских лиц и объектов инфраструктуры в качестве щита и т. д.) — целями которой является нанесение материального и психологического ущерба и достижение политической победы, что

предполагает навязывание более сильному противнику невыгодной модели протекания конфликта, растягивая его временные рамки,

2. сильная сторона в условиях ассиметричного противостояния сталкивается с рядом проблем (невозможность соблюдения принципов и норм МГП, давление со стороны мировой сообщества, внутриполитического сообщества и СМИ, невозможность в короткие сроки решить стратегические задачи и т. д.).

Международное гуманитарное право в условиях «ассиметричного конфликта»

Возможность выбора участниками конфликта неконвенционных стратегий (стратегий, идущих в разрез с МГП) позволяет поставить вопрос о стабильности всей современной системы МГП. По мнению отдельных исследователей, теоретические дебаты о симметричных и асимметричных конфликтах привели к возникновению ложной дихотомии, что значительным образом отдаляет теоритические модели будущего войны от реальности[133]. Гуго Гроций, известный теоретик права XVII в. предупреждал воюющие стороны от веры в то, «что им все запрещено, и все разрешено». Современные конфликты, как обсуждалось выше, весьма сложно отнести к определенному типу, что создает проблемы и все новые прецеденты для МГП.

Опыт последних асимметричных конфликтов доказывает эффективность применения неконвенционных методов ведения боевых действий более слабым противником. Этот факт значительно усугубляется процессом урбанизации. В XXI в. население городов выросло многократно. Согласно рабочей записке программы ООН по населенным пунктам, опубликованной в 2003 г. в большинстве стран, на территории которых

[133] Major Shane R. Reeves, Major Robert E. Barnsby, The New Griffin of War, Harvard International Review, 2013.

протекают вооруженные конфликты, городское население проживает в трущобах, без доступа к чистом воде, в условиях небезопасных для жизни[134].

Сочетание двух тенденций: роста числа асимметричных конфликтов и процесса урбанизации — приводит к «асимметричным боевым действиям в городской черте». В таких условиях диверсионно-теоретическим группам гораздо легче избегать прямого столкновения с превосходящими силами противника, сохраняя собственные силы и средства. Современные конфликты во Вьетнаме, в Чечне, в Секторе Газа, на Западном Берегу реки Иордан, в Афганистане и Ираке являются примерами именно таких асимметричных боевых действий[135]. В докладе Конгрессу «Ведение войны в Персидском заливе» от имени министерство бороны США было заявлено, что «ведение боевых действий в городской местности» — это «вид боевых действий, который дорого обходится наступающей стороне, обороняющейся стороне, гражданскому населению, крайне негативно сказывается на объектах гражданской инфраструктуры»[136]. Таким образом, в условиях ведения боевых действий в городской местности в военном плане более сильный противник становится политически уязвимым. С одной стороны, следование нормам МГП снижает возможность быстро и решительно выполнить стратегические задачи, такие как прекращение огня, капитуляция противника, смена режима, восстановление мира, безопасности и верховенства закона. С другой стороны, может оказаться, что поставленная задача просто невыполнима в городской

---

[134] UN Department for Economic and Social Affairs, Population Division, World Urbanization Prospects, 2001 Revision, New York, 2002; Mike Davies, Planet of the Slums, Verso, London, 2007. PP. 1–3.

[135] Michael John-Hopkins, 'Regulating the conduct of urban warfare: lessons from contemporary asymmetric armed conflicts', The International Review of the Red Cross, Vol. 92, No. 878, June, 2010. PP. 469–493.

[136] US Department of Defense, 'Report to Congress on the conduct of the Persian Gulf War', IL M, 1992 (3). P. 721.

местности в рамках МГП, так как любые потери среди мирного населения будут освещены слабой стороной посредством СМИ, что подвергнет сильного противника давлению со стороны внутриполитических сил и международного сообщества. Согласно положениям Женевской декларации о «Глобальном бремени вооруженного насилия», в период 2005–2007 гг. количество погибших гражданских лиц в условиях вооруженного противостояния значительно превысило количество потерь среди комбатантов[137], приблизительно три четверти из всех этих потерь происходили всего в десяти странах, включая Ирак, Афганистан, Шри-Ланку, Индию, Сомали и Пакистан[138].

Другим проблемным полем, связанным с протеканием асимметричных конфликтов в городской местности является уничтожение объектов гражданской инфраструктуры. В ходе последних конфликтов в Секторе Газа, Чечне, Ираке и Афганистане державы применяли конвенциональные средства и методы колоссальной разрушительной мощи, что естественным образом вело в разрушению гражданских объектов инфраструктуры. Расположение военных объектов в урбанистических районах делает принцип, заложенный в МГП, о различении гражданских и военных объектов[139] нежизнеспособным. С правовой точки зрения «военные объекты — это те объекты, которые по своей природе, расположению, цели или функциям качественно повышают военный потенциал одной из сторон, полное, частичное уничтожение, захват или нейтрализация которых, в условиях

---

[137] The Geneva Declaration on Armed Violence and Development, Global Burden of Armed Violence, Geneva Declaration Secretariat, September 2008. P. 11, URL: http://www.unhcr.org/refworld/docid/494a455d2.html

[138] Там же. С. 22.

[139] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977, Art. 48; Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck, Customary International Humanitarian Law, Vol. I, ICRC and Cambridge University Press, Cambridge, 2005.

военного времени, дает противнику преимущество»[140]. В подобных условиях моментальный ответный удар по противнику, который находится в городской черте, становится крайне опасным для мирного населения. По заявлению НПО «Наблюдателей по правам человека», прямые ответные удары ВС США по «немедленным целям» в Ираке приводили к крайне высоким потерям среди мирного населения[141].

Асимметричные боевые действия, которые ведутся в городской местности становятся основной формой боевых действий. Эйали Зив в работе «Тыловое обеспечение в асимметричных конфликтах» выделяют ряд особых характеристик такого типа боевых действий[142]. По мнению исследователей, большинство подобных конфликтов имели нелинейный характер, что не позволяло точно обозначить линию фронта. В отличии от конвенциональных войн, большинство асимметричных конфликтов растягивались на длительное время. Так, ВС США потребовалось три недели для того, чтобы нанести поражение армии Ирака в 2003 г., а дальнейшая операция продлилась вплоть до 2011 года[143]. В ходе продолжительных асимметричных конфликтов часто применяются новые тактики ведения боя, выработанные за годы противостояния.

Фактически, анализ опыта военных операций в условиях последних асимметричных конфликтов дает колоссальные возможности для разработки новых более совершенных методов ведения войны. Одной из опробованных технологий «бесконтактной

---

140 Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977, Art. 52(2); Customary IHL Study, above note 57, Rule 8.

141 Human Rights Watch, Off Target: The Conduct of the War and Civilian Casualties in Iraq, New York, 2003, pp. 20, 23, and 38; R. Geiss, above note 54. PP. 798–799.

142 Ziv, Eyal, Logistics in Asymmetric Conflicts, Army Sustainment. 2012, Vol. 44. Issue 1. PP. 46–48.

143 Режим доступа: http://lenta.ru/news/2011/12/18/last/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter

войны» в последнее десятилетие стали беспилотные летательные аппараты (далее — БПЛА). Вопросы применения данной технологии ВВС США в Афганистане привлекли значительное внимание со стороны мирового сообщества и широко освещались СМИ[144]. Использование БПЛА сводит риски потерь среди войск к минимуму, при этом заметно повышаются риски «ошибочных авиаударов», что, в свою очередь, спровоцировало дискуссии о законности применения БПЛА[145]. Изначально разработанные для целей наблюдения «МК-1 Предетор» и «МК-9 Рипер», в данный момент находящиеся на вооружении ВВС США, могут быть оснащены ракетами «Хэлфаер» и даже бомбами весом до 220 кг[146]. Еще в 2000 г. комитет, созданный для оценки военно-воздушной кампании НАТО, осуществленной против Федеральной Республики Югославия, поставил следующие вопросы: 1) какова относительная значимость достижения конкретного военного преимущества, потерь среди мирного населения, урона, нанесенного объектам гражданской инфраструктуры; 2) какие из этих показателей необходимо включать в анализ эффективности кампании[147]. Комитет пришел к выводу, что в отличие от шахматных фигур, каждой из которых приписывается определенная ценность, в действительности перечисленные показатели абстрактно, без привязки к конкретной боевой ситуации оценивать нельзя.

---

[144] Jane Mayer, 'The predator war: what are the risks of the C.I.A.'s covert drone program?', The New Yorker, 26 October 2009, URL: http://www.newyorker.com/reporting/2009/10/26/091026fa_fact_mayer

[145] Chatham House, International Law and the Use of Drones: Summary of the International Law Discussion Group Meeting Held at Chatham House on Thursday, 21 October 2010

[146] Jane Mayer, 'The predator war: what are the risks of the C.I.A.'s covert drone program?', The New Yorker, 26 October 2009, URL: http://www.newyorker.com/reporting/2009/10/26/091026fa_fact_mayer (last visited 22 March 2011).

[147] ICTY, Final report to the prosecutor by the committee established to review the NATO bombing campaign against the Federal Republic of Yugoslavia, June 2000, 29 ILM 1257.

Очевидно, что современные военные кампании в условиях длительных асимметричных конфликтов сложно оценивать с точки зрения классической военной тактики и стратегии. Задачи, которые ставятся перед военными подразделениями, частями и соединениями в условиях асимметричной войны, отличаются от задач в конвенционной войне.

Эффективность военной кампании: операционализация понятия

При оценке эффективности введения боевых действий в условиях асимметричного конфликта необходимо учитывать не только ущерб, нанесенный противнику, и потери своих и союзнических сил, но также и потери среди мирного населения. Потери могут возникать как в случае прямого боеконтакта с противником, так и при осуществлении повстанцами террористических актов, целью которых может быть уничтожение как военных, так и гражданских лиц.

Частный случай модели эффективной военной антитеррористической операции представлен во многих американских кинокартинах: один «суперсолдат» в течение дня или ночи расправляется с армией повстанцев и, что немаловажно, остается жив. Такая концепция применима и к реальной боевой обстановке в условиях ДТВ: войска должны минимизировать потери и максимизировать причиняемый противнику ущерб. Значение индекса эффективности ведения боевых действий в условиях асимметричного конфликта должно расти с ростом потерь противника, и снижаться с ростом потерь в рядах союзнических войск. Индекс эффективности военной кампании должен быть отрицательно связан с количеством террористических атак, независимо от количества жертв. При этом о повышении эффективности также может свидетельствовать низкое число боев и сражений. Повышение числа боев и сражений в рамках военной кампании приводит к росту потерь и росту издержек осуществления военной кампании в целом.

При оценке эффективности ведения боевых действий в условиях асимметричного конфликта необходимо также учитывать и фактор времени. Чем больше времени необходимо для проведения военной кампании, тем ниже ее эффективность.

Таким образом, при оценке эффективности военной кампании в условиях асимметричного конфликта необходимо учитывать следующие показатели: 1) общее число боев и сражений; 2) общее число терактов; 3) потери своих и союзнических войск; 4) потери среди мирного населения; 5) фактор времени.

Эффективность военной кампании: операционализация понятия

При оценке эффективности введения боевых действий в условиях асимметричного конфликта необходимо учитывать не только ущерб, нанесенный противнику, и потери своих и союзнических сил, но также и потери среди мирного населения. Потери могут возникать как в случае прямого боеконтакта с противником, так и при осуществлении повстанцами террористических актов, целью которых может быть уничтожение как военных, так и гражданских лиц.

Частный случай модели эффективной военной антитеррористической операции представлен во многих американских кинокартинах: один «суперсолдат» в течение дня или ночи расправляется с армией повстанцев и, что немаловажно, остается жив. Такая концепция применима и к реальной боевой обстановке в условиях ДТВ: войска должны минимизировать потери и максимизировать причиняемый противнику ущерб. Значение индекса эффективности ведения боевых действий в условиях асимметричного конфликта должно расти с ростом потерь противника, и снижаться с ростом потерь в рядах союзнических войск. Индекс эффективности военной кампании должен быть отрицательно связан с количеством террористических атак, независимо от количества жертв. При этом о повышении эффективности также может сви-

детельствовать низкое число боев и сражений. Повышение числа боев и сражений в рамках военной кампании приводит к росту потерь и росту издержек осуществления военной кампании в целом.

При оценке эффективности ведения боевых действий в условиях асимметричного конфликта необходимо также учитывать и фактор времени. Чем больше времени необходимо для проведения военной кампании, тем ниже ее эффективность.

Таким образом, при оценке эффективности военной кампании в условиях асимметричного конфликта необходимо учитывать следующие показатели: 1) общее число боев и сражений; 2) общее число терактов; 3) потери своих и союзнических войск; 4) потери среди мирного населения; 5) фактор времени.

Приведенному выше анализу соответствует следующая формула:

$$K = \frac{\alpha_1 * Reb_{killed} - (\alpha_2 * Civ_{killed} + \alpha_3 * Mil_{killed})}{\alpha_4 * Fights + \alpha_5 * TerAct(Mil) + \alpha_6 * TerAct(Civ)} * \alpha_7 * \frac{1}{t},$$

где:

K — коэффициентэффективности военной операции в условиях асимметричного конфликта;

Reb_{killed} — число уничтоженных повстанцев;

Civ_{killed} — потери среди мирного населения;

Mil_{killed} — потери среди своих войск;

$Fights$ — количество боев и сражений;

$TerAct(Mil)$ — количество терактов, направленных против вооруженных сил;

$TerAct(Civ)$ — количество терактов, направленных против мирных жителей;

$\frac{1}{t}$ — величина обратно-пропорциональная времени, затраченному на проведения военной операции;

$\alpha_1, \alpha_2, \ldots \alpha_7$ — веса соответствующих показателей. Как уже отмечалось выше, значение весов входящих переменных должно определяться для каждой конкретной операции.

Данный подход позволяет значительно упростить оценку эффективности антитеррористической военной кампании после ее завершения. Для дальнейшего построения индекса на основе коэффициента можно использовать стандартную логистическую модель:

$$I_{MCE} = \frac{1}{1 + e^{-K}},$$

где:

I_{MCE} — индекс эффективности военной кампании;

K — коэффициент эффективности военной операции в условиях асимметричного конфликта.

Значение данного показателя изменяется в интервале (0,1), что позволяет весьма просто осуществлять сравнение значений данного показателя для различных военных кампаний. Так, например, опираясь на данные открытых источников представляется возможным сравнить показатели эффективности антитеррористической кампании, осуществляемой МССБ под предводительством США на территории Афганистана и антитеррористической кампании, осуществленной Российской Федерацией на территории Чечни. Это позволило бы не только выявить сильные и слабые стороны конкретных кампаний, но также и косвенно сравнить потенциал конкретных стран и коалиций по борьбе с угрозами «войны нового поколения».

Значение опыта ведения «асимметричных конфликтов» для Российской Федерации

Исламистский терроризм на Северном Кавказе, представляет сегодня значительную угрозу безопасности Российской Федерации. С 00:00 часов 16 апреля 2009 г. на территории Чечни режим контртеррористической операции (далее — КТО) отменён, что можно считать официальным завершением Второй чеченской кампании, продолжавшейся с 1999 г., когда вооруженные силы РФ были введены в Чечню. Тем не менее конфликт

не прекратился, более того — имеются признаки его эскалации и распространения на близлежащие регионы. Некоторые эксперты высказывают мнение, что, с 1991 г. на территории Северного Кавказа Россия постепенно утрачивает свой суверенитет[148].

Несмотря на официальную отмену контртеррористической операции, обстановка в регионе спокойнее не стала. Боевики, ведущие партизанскую войну, активизировались, участились случаи террористических актов. Начиная с осени 2009 г. был проведён ряд крупных спецопераций по ликвидации бандформирований и лидеров боевиков. В ответ была совершена серия терактов, в том числе, впервые за долгое время, в Москве (два взрыва, произведённых29 марта2010 г. на станциях «Лубянка» и «Парк культуры»). Боевые столкновения, теракты и полицейские операции происходят не только на территории Чечни, но и на территории Ингушетии, Дагестана, и Кабардино-Балкарии. На отдельных территориях неоднократно временно вводился режим КТО.

В статье «Северный Кавказ: борьба с терроризмом по-прежнему актуальна» ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, С. Иванов высказал мнение, что Северный Кавказ еще долгое время будет оставаться неспокойной территорией[149]. В качестве главной причины эксперт указал на то обстоятельство, что боевики и их лидеры смогли приспособиться к новым для себя условиям, перешли в глубокое подполье, сменили тактику действий, распространили организационную и террористическую активность практически на все республики Северного Кавказа. По сути, боевики перешли к асимметричным военным действиям.

---

[148] Дегоев В. В. О кавказском вопросе и будущем России / В. В. Дегоев // Вестник МГИМО–Университета. — 2012. № 4. С. 65–74.

[149] Иванов С. Северный Кавказ: борьба с терроризмом по-прежнему актуальна. Режим доступа: http://www.arms-expo.ru/049057054049124050054054055056.html

Анализ общей ситуации на Северном Кавказе показывает, что традиционными силовыми методами с бандитизмом и терроризмом покончить не удается. Террористы с каждым годом расширяют зону своих активных действий уже не только в республиках Северного Кавказа, но и в центральных районах России.

В январе 2014 г. в РИА Новости состоялся круглый стол «Россия на Кавказе: история и современность», в ходе которого, главный редактор сайта Научного общества кавказоведов А. Арешев, заявил, что 2013 г. характеризовался снижением жертв вооруженных конфликтов и террористических актов в регионе. По его мнению, «Ситуация в плане терроризма и в плане безопасности на Северном Кавказе вовсе не так безнадежна и не так провальна, как ее подчас рисуют некоторые ангажированные СМИ»[150].

Согласно данным информационного портала «Кавказский узел», жертвами вооруженного конфликта на Северном Кавказе в четвертом квартале 2013 г. стали 267 человек. Из них 152 человека были убиты, еще как минимум 115 человек получили ранения[151]. В общей сложности, жертвами боевиков на Северном Кавказе за 2013 г. стали 986 человек[152]. Это несколько меньше, чем за 2012 г., когда в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе жертвами стали не менее 1225 человек. В том числе 700 человек убиты, еще как минимум 525 получили ранения[153].

В 2013 г. количество жертв среди гражданского населения выросло по сравнению с 2012 годом на 17,5% и составило 249 че-

---

150 Электронный ресурс. Режим доступа: http://scienceport.ru/news/Eksperty-Situatsiya-v-plane-terrorizma-na-Severnom-Kavkaze-vovse-ne-tak-beznadezhna-i-ne-tak-provalna-kak-ee-risuyut-angazhirovannye-SMI-8970.html

151 Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.voinenet.ru/novosti/operativnaya-informatsiya/117579.html

152 Там же.

153 Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/218940

ловек (здесь и далее под числом жертв конфликта понимается суммарное число убитых и раненых). При этом 104 человека погибли, что по сравнению с 2012 г. больше на 19,5%[154].

Подобные результаты демонстрируют, что обстановка на территории Северного Кавказа остается достаточно напряженной, несмотря на заверения правоохранительных органов. Более того, теракты в Волгограде и Пятигорске в ноябре и декабре 2013 г. показали, насколько уязвимой остается безопасность РФ от асимметричной угрозы со стороны террористических групп. Некоторые эксперты заявляют, что, поскольку количество жертв террористических атак значительно ниже количества погибших в результате различных катастроф и происшествий, то реальная угроза, исходящая от террористов, не столь велика. Тем не менее, необходимо учитывать социальный и психологический резонанс, который имеют террористические атаки.

Авторские тематические публикации

1. **Козин В. П.** Missile Defense Arms Race 25 November 2013 // The Moscow Times By V. Kozin.
2. **Козин В. П.** «Обновлённая» ядерная стратегия США// Красная звезда, 13 августа 2013 года.
3. **Козин В. П.** Washington and Moscow Must Revive the Arms Contriol Process //The Washington Times, 11 June, 2013.
4. **Козин В. П.** ПРО тормозит движение вперёд. Красная звезда, 29 октября 2013 года.
5. **Козин В. П.** С больной головы на здоровую// Красная звезда, 5 декабря 2013 года.
6. **Рубанов В. А.** От производства знаний — к управлению будущим. «Новая индустриализация» и реформирование оборонно-промышленного комплекса России//Военный парад, № 2 (116), март–апрель 2013 г.

[154] Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kavkaz-uzel.ru/rubric/1103

7. **Боришполец К., Чернявский С.** Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Центральной Азии//Вестник МГИМО, №3, 2010 г.
8. **Орлов А. А.** Отношения России с НАТО в контексте Стратегической концепции–2010 Североатлантического альянса//Международная жизнь, № 3, 2011 г.

Научное издание

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки

Коллективная монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 01.08.2014
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Минион
Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 54,6
Тираж 100. Заказ № 723

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76